

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

А. Н. Алексеев

**Драматическая социология и
социологическая ауторефлексия**

Том 1

НОРМА

Санкт-Петербург

2003

ББК 60.5

А 49

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского Фонда фундаментальных исследований
(издательский проект ¹ 02-06-87008)**

Алексеев А. Н.

А 49 **Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Том 1. —**
СПб.: Норма, 2003. — 592 с.

ISBN 5-87857-068-8

В этой книге отражены профессиональные и жизненные поиски автора-социолога, относящиеся к исследованию взаимодействия личности и социальной среды, человека и социальных институтов, индивидуального и социального сознания.

В отличие от известных канонов научной монографии, настоящая работа являет собой сюжетно выстроенное произведение, где результаты исследования предстают не как готовые, а как развивающиеся в процессе их получения. Сквозным сюжетом книги является социально-личностный эксперимент, предпринятый в 80-х гг. Эксперимент начался с инициативного перехода социолога из научного института на завод, в качестве рабочего. В этой социальной роли автор пребывал с 1980 по 1988 г.

В книге представлены материалы исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», а также исследования характерных черт социокультурной среды и общественно-политической жизни периода, предшествовавшего радикальным общественным переменам рубежа 80–90-х гг. Существенными моментами содержания являются как синхронный с событиями эксперимента самоанализ, так и современная интерпретация поведения социолога-испытателя и его непосредственного окружения.

Первый том («В поисках жанра») посвящен начальному этапу «эксперимента социолога-рабочего». На этом этапе был разработан и опробован социологический метод «наблюдающего участия», предполагающий активное вмешательство исследователя в изучаемые социальные процессы, синтез практической деятельности, рефлексии и игры.

Во втором томе («Контрапункты») рассматривается продолжение эксперимента при «вновь возникших» обстоятельствах: состоявшейся в середине 80-х гг. эскалации идеологических и политических обвинений в адрес социолога-испытателя. Социологически осмыслиется личный опыт самообороны от этих обвинений, при товарищеской поддержке коллег (ученых, рабочих, журналистов).

Для специалистов гуманитарных наук и широкого круга читателей, стремящихся понять общество, в котором они живут, и самих себя в этом обществе.

© Алексеев А. Н., 2003 © Базникин © Ронкин В. Е., 2003 ©
А. К., 2003 © Гефтер М. Я., 2003 © Сокирко В. В., 2003 ©
Дудченко В. П., 2003 © Кетегат А. Солипастров А. Г., 2003 ©
А., 2003 © Ленчовский Р. И., 2003 © Соснин А. С., 2003 ©
© Очаковский В. Я., 2003 © Шейнис В. Л., 2003 ©
Поршняков С. Н., 2003 © Розет С. Шустрова Н. Я., 2003 ©
М., 2003 Щеголев Ю. А., 2003

© Норма, 2003

Содержание тома 1

Предисловие

От автора — сегодня. 2002	11
Благодарю!	46
Биографическая справка	47
Действующие лица	48

Часть 1. В поисках жанра

Глава 1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»)

- 1.1. Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития) (авт. — А. Алексеев, М. Гефтер, А. Соснин, В. Шейнис, Н. Шустрова) 58
- 1.2. Как вчера изучали сегодня (теоретико-методологическое обоснование) (авт. — колл.) 62
- 1.3. История и социология
(Об одной неизвестной работе М. Я. Гефтера со товарищи) 71
- 1.4. Индивидуальная жизненная перемена. Социолог-рабочий
(Первые впечатления и «фоновые» наблюдения) 78

Ремарки:

Кто участвовал в исследовании «Ожидаете ли Вы перемен?» (раздел 1.2); Рукописи не горят (1.3); Разрешаю использовать! (1.3); Социологи, ставшие рабочими (1.4); «Душу свою живую спасал...» (1.4); Социология театра (1.4); Пересекающиеся субкультуры (1.4); «Социолог милостью Божьей...» (1.4); «Накануне перемен...» (1.4).

Приложения к главе 1

- П. 1.1. «Маршрут движения к этой цели
может быть отнюдь не прямым...» (авт. — А. Соснин)
102
- П. 1.2. Прогноз-предостережение (авт. — В. Сокирко)
109
- П. 1.3. Социологический случай на реке Ануй в 1979 году.
Обстоятельства и попытка толкования (авт. — В. Дудченко)
116

Ремарки:

«К сожалению, прогноз осуществился...» (раздел П. 1. 2); «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (уникальный проразвешивательный опыт) (П. 1. 2); «День открытых убийств»... (П. 1. 3).

Глава 2. Театр жизни на заводских подмостках (начало)

2.1. Театр жизни и эпистолярное хулиганство	120
2.2. «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)	122
2.3. «Чем дальше, тем страшнее...» (Мастер и подмастерье)	137
2.4. Производственные драмы и «ужасное дитя» цеха ¹ 3	149
2.5. Загадка «сжимающейся вселенной»	164
2.6. Стрекоза и муравей	171
2.7. В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи пустынь...	172
2.8. Притча о Генеральной линейке	179
2.9. Пляшущие на угольях	192
2.10. Оживший памятник (Летопись ПКР)	197

Ремарки:

Нестандартный протокол (раздел 2.1); Упрощенная схема! (2.2); Без ложной скромности (2.2); Бахвальство (2.2); «Как тебе удобно...» (2.2); Письма с приложениями (2.2); Хорошее настроение! (2.2); Это был — манифест! (2.2); Социально-психологический механизм производственной рутин (2.3); М.Полани — о неявном знании (2.4); Ничего удивительного! (2.4); Распространение пародии (2.4); «Ненависть» и «презрение»... (2.8); Задал работы адресату! (2.9); «Театр жизни на заводских подмостках...» (2.10); Какие задачи решал автор; а также некоторые замечания в порядке самокритики (2.10).

Глава 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)

3.1. Научный отчет как побочный продукт эпистолярной деятельности	210
3.2. Может ли Генеральная линейка ударить по голове? (Интервью социолога-наладчика)	211
3.3. Как переплыть реку	215
3.4. Мистифицированная наука. (Размышление о судьбах советской социологии)	219
3.5. Научно-институциональные будни (ИСЭП-1981)	226
3.6. Наладчик и бригада («Партизанщина»)	229
3.7. Итак, я ловлю рыбу... (Перевернутый шаблон и вокруг него)	242
3.8. Научные страсти (Обсуждается программа социолога-наладчика) ...	254
3.9. ...И последнее: записки с ума не сошедшего	263
3.10. «Я вот уже два года здесь работаю...»	267
3.11. Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»	270
3.12. «Не горюй!». «Кошка, которая гуляет сама по себе...»	273

Ремарки:

От «Писем...» — к научному отчету (раздел 3.1); Прецедент А.А.Любищева (3.1); Кризис социологии (3.4); Если рабочим не мешать...» (3.6); От «Писем...» — к научной программе (3.8); Академические «несвободы» (3.8); Сценарный прогноз (3.9); Премьера «социолога-наладчика» (3.10); От «Писем...» — к «хронике» (3.11).

Глава 4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога)

4.1. Изъятое при обыске... пущено в обращение	276
4.2. Официальные отзывы	277
4.2.1. «Статьи политически вредного содержания...»	277
4.2.2. «Злоупотребляя доверием коллектива...»	277
4.2.3. «С клеветнических позиций...»	278
4.2.4. Горлит: «Данные материалы отличает цинизм...»	278
4.3. В поисках понимания и ясности (Политическая самозащита)	279
4.3.1. «Письма Любимым женщинам»: что-то вроде автоаннотации	279
4.3.2. По поводу так называемых
«статей политически вредного содержания»	283
4.4. «Я вспоминаю...»	291
4.4.1. Мой первый редактор (Нина Максимова)	291
4.4.2. Ты сам свой высший суд?	292
4.4.3. Перечитывая рукопись (современные авторские ремарки)	296
4.5. Дневник, письмо и статья
как соотносительные формы коммуникации	299

Ремарки:

«...и от Хлестакова не отрекусь!» (раздел 4.1); «...оскорбительно для меня как для рабочего!» (4.2); Как это называлось (4.3); «...что когда писал ты и к чему...» (4.3); С «героем» советоваться не надо! (4.4); Что сделано — то сделано... Не объясняй! (4.4); Скрещение жизненных путей (4.4); «Вторая жизнь» писем социолога-рабочего (4.4); Памяти Тамары Дридзе (4.4); Может ли письмо быть статьей? (4.5).

Глава 5. Человек и его работа: вид изнутри

5.1. «Материя» производственных отношений,
данная нам в ощущениях	304
5.2. Один день наладчика ПКР (Если хочешь, делай как я)	310
5.3. Человек и его работа: вопросы к самому себе	315
5.4. Выход из «мертвой зоны». Процессы и события	317
5.5. Как Серега был «штрейкбрехером»	351
5.6. «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные.
Но ржем по-разному...» (авт. — А. Кетегат)	364
5.7. Исключить «мертвую зону»...
на ПКР и вокруг него (авт. — В. Белаишев)	371

5.8. Как Серега был «штрейкбрехером» (окончание)	373
5.9. Так кто же нарушал трудовое законодательство?	380
5.10.Моя производственная карьера (1980–1984)	382
5.11.Бригада как социальный организм	384
5.12.«Бешеная халтура, красивая деталь...» (И другие эпизоды из жизни бригады 003 1984 года)	386
5.12.1. Бригадный хозрасчет?	386
5.12.2. Что положено, что — не положено... (Нелегальная технология)	387
5.12.3. Бешеная халтура, красивая деталь...	389

Ремарки:

Производственное бытописание (раздел 5.2); Сквозные сюжеты (5.4); Социолог-ремонтник (5.4); Лиха беда начало (5.5); Купюры в заводской газете (5.7); «...наблюдались случаи отказа от работы...» (5.9); Крыть нечем (5.9); Срок давности для трудового спора (5.9); И впрямь протокол! (5.10); Досуги социолога-рабочего (5.10); Образец моделирующей ситуации (5.12).

Приложения к главе 5

П. 5.1. Двадцатью годами ранее: как меня учили	398
П. 5.2. Откуда берется и что дает бригадная форма организации труда (авт. — А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов)	406
П. 5.3. Хоть рабочий и сдельщик, но весь завод — повременщик... (авт. — А. Солипатров)	415
П. 5.4. Десять лет спустя: кто выиграл и кто проиграл в шахтерской забастовке 1991 г.? (авт. — В. Дудченко)	420
П. 5.5. Десять лет спустя: разыгрывается действие. Пока без финала (авт. — Н. Поречная)	428
П. 5.6. Пятнадцать лет спустя: говорит Горбатый мост (авт. — А. Сергеев; Л. Корнилов; Б. Максимов)	434

Ремарки:

Включенные наблюдатели, наблюдающие участники (раздел П. 5.1); Массовый опрос и исследование «случая» (П. 5.2); Советская сдельщина — без изменений (П. 5.4).

Глава 6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь

6.1. Образ жизни и жизненный процесс (конспект доклада. 1981)	442
6.2. Жизненный путь как смена способов жизни (авт. — А. Алексеев, С. Минакова, Р. Ленчовский)	456
6.3. Мой «заслуженный собеседник» (Диалог с Романом)	459
6.3.1. Заметки о классике и неклассике, о познании и преобразовании мира (авт. — Р. Ленчовский)	459

6.3.2.	Эпистолярные дары (авт. — Р. Ленчовский; А. Алексеев)	462
6.3.3.	Продолжение следует (авт. — Р. Ленчовский; В. Хмелько)	478
6.4.	Что такое счастье	480
6.4.1.	Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) (авт. — А. Алексеев, С. Минакова)	480
6.4.2.	Преодолевать пределы (призыв к самому себе) (авт. — Г. Гессе)	489
6.4.3.	Из «Письма к дочери, когда она вырастет» (авт. — Р. Ленчовский)	491
6.4.4.	Счастье, или как я был хорошим (8 марта 1943 г.) (авт. — А. Кетезан)	492
6.5.	Человек, смотрящийся в часы (По стопам А. А. Любичева)	494
6.5.1.	Система «времяпользования» А. А. Любичева и возможности ее применения и развития	495
6.5.2.	Время жизни и триада свободной жизнедеятельности	507
6.5.3.	Будьте независимы! (Заветы Любичева)	510
6.6.	«Время жизни»: результаты самонаблюдения и их обсуждение ... 511	
6.6.1.	Самофотография жизненного времени как обоснование жизненной перемены	511
6.6.2.	Социолог-наладчик: структура жизнедеятельности	514
6.6.3.	Хронометраж жизни: как это делается (Одна неделя июля 1981 г.)	519
6.7.	«Человек — это прежде всего его собственная жизнь...» (Моление о даре)	523
6.8.	Эстафета жизни и смерти	526
6.9.	Зачем нужна депрессия (Заметка на полях книги Д. Хелла)	527
6.10.	Время собирать камни...	529
6.11.	Мысль — слово — дело (авт. — В. Дудченко)	

Ремарки:

Все идет в дело! (раздел 6.1); Новое время — новый социологический язык (6.1); Соотношение «приспособления» и «преобразования» (6.2); Диалог с Романом (6.3); Слесарь — студент философского факультета (6.3); Открываем Ухтомского (6.3); Открываем Маркса (6.3); Три вида демократии (6.3); Открываем Гете (6.3); Перепечатываю письма Друга и высылаю ему копии... (6.3); Открываем Швейцера (6.3); Собеседник и соавтор (6.3); Монолог и диалог (6.3); «Творению — предпочитаю творца!» (6.3); Расширение дружеского круга (6.3); Прочтения разных лет (6.4); Интегральное представление о счастье (6.4); Кем был Любичев (6.5); Учет, самоотчет и планирование (6.5); Отчет «для внутреннего пользования» (6.6); «Отхожий промысел» социолога-рабочего (6.6); «Не зная, что есть время, нельзя разгадать, что есть жизнь...» (6.6); Не выполненный замысел (6.7); Памяти Владимира Малушенко (6.8); «...собрания сочинений...» (6.10); Решать читателю! (6.11).

Приложения к главе 6

- П. 6.1. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью
(авт. — А. Швейцер) 534
- П. 6.2. А. А. Ухтомский — уникальное явление в русской культуре
(авт. — И. Кузьмичев, Г. Цурикова) 538
- П. 6.3. А. А. Любищев: масштаб личности и духовное наследие
(авт. — Р. Баранцев) 542
- П. 6.4. К вопросу о гуманитаризации научного знания
(авт. — О. Козина) 545

Ремарки:

Нравственные императивы науки (раздел П. 6.4).

Приложения к части 1 (главы 1–6)

- П. 1-6.1. Памяти друга (Воспоминание о Гурии Забелкине) 548
- П. 1-6.2. Памяти друга (Тексты Сергея Розета) 552
- П. 1-6.2.1. «В данной работе мне хотелось бы способствовать становлению
субъект-субъектного познания...» (авт. — С. Розет) 552
- П. 1-6.2.2. «Связи между терминами словаря могут быть построены
по циклической схеме...» (авт. — С. Розет, Ю. Щеголев) 556
- П. 1-6.2.3. Стихи Сергея Розета 559
- П. 1-6.2.4. Анкета для читателей (слушателей) (авт. — Ю. Щеголев) 569
- П. 1-6.3. Составляющие жизни (авт. — Ю. Щеголев) 571
- П. 1-6.3.1. Труба (зарисовки внутренних противоречий) 572
- П. 1-6.3.2. О празднике 9 Мая 575
- П. 1-6.3.3. Мольба 577
- П. 1-6.3.4. Противоречие между порядком и стихией 577
- П. 1-6.4. Ящик для грядущей Пандоры (авт. — А. Кетегат) 580

Ремарки:

Стихи Сергея Розета (раздел П. 1-6.2); От прадеда — к правнуку (П. 1-6.3); Экзистенции Щеголева (П. 1-6.3); Историческое воображение друга (П. 1-6.4).

- Сокращенное оглавление тома 2** 591

...Я понял то, что понятно было уже древним: **в действительности реальным значением и бытием обладает и общее, насколько нам удастся его открыть, и частно-индивидуальное, насколько оно дается нам в наглядности ежедневно и ежеминутно.** Реально и то, что ежедневно солнце освещает нам новый день, так же, как вчера и сто лет тому назад: реально и то, что 24 апреля 1927 г. было, чтобы никогда не повториться в мировой истории!.. Живую, неизгладимую реальностью обладает и общая категория, и род, и вид, и человеческое общество, но также и индивидуальное, частное, мгновенное. Но для того, чтобы признать это со всей отчетливостью, необходимо, чтобы индивидуальное перестало быть только соотносительным и уравнивающим понятием в отношении общего и родового, — необходимо заменить отвлеченное понятие «индивидуальности», как чего-то расплывчато-теряющегося в общем, живым понятием **лица.**

...Ни общее и социальное не может быть поставлено выше лица, ибо только из лиц и ради лиц существует; ни лицо не может быть противопоставлено общему и социальному, ибо лицом человек становится поистине постольку, поскольку отдается другим лицам и их обществу.

«Общее» и «частно-индивидуальное» старинной логики превращается в живые и переполненные конкретным содержанием «общество» и «лицо». И если там, у старых логиков, возможен бесконечный спор, кому приписать истинную реальность (общему или индивидуальному), то здесь ясно, что и вопроса такого быть не может: одинаково бьет жизнью и содержательностью и общество, и лицо...

А. А. Ухтомский (Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1927)

...Человеческое «я» все время борется за себя, желая утвердить свои prerogatives, найти себя и понять. Возможно, в этом и заключается смысл индивидуальности: неутолимое, неутолимое стремление найти себя и быть самим собой. Но собственное «я» растворено в людях, окружающих нас, во множественности наших связей с миром, в историческом периоде, совпадающем с нашей жизнью, в системе, с которой мы соотносим себя.

В число вечных проблем входит и эта проблема постоянной необходимости выбора, а вернее, способности совершать свободный выбор...

Ч. Айтматов (Из предисловия к публикации повести Ананта Мурти «Самсара». 1984)

...Наша жизнь есть вечная полемика нашей воли к жизни с миром, полемика, в которой мы постоянно отстаиваем тезис о том, что никогда не согласимся на принижение воли к жизни. Никогда не кончится в нас борьба между оптимизмом и пессимизмом. Мы все время идем по краю пропасти пессимизма. Если то, что мы переживаем в нашей собственной жизни или в истории человечества, угнетающе действует на нашу волю к жизни и лишает нас чувства бодрости, мы можем потерять опору и вместе с оторвавшимся камнем скатиться в пропасть. Но зная, что внизу нас ожидает смерть, мы вновь нащупываем надежную тропу.

...Сфере моего влияния принадлежит лишь бесконечно малая часть бесконечного бытия. Все остальное проходит мимо меня, как далекие корабли, которым я подаю непонятные для них сигналы. Ради же того, что принадлежит сфере моего влияния и что нуждается в моем участии, я осуществляю духовное, внутреннее самоотречение в бесконечном бытии и придаю тем самым моему бедному существованию смысл и богатство. Река нашла свое море...

Альберт Швейцер (Из «Культуры и этики». 1923)

...Итак, очертилась ситуация: безбрежное и сверхпредметное поле Истины, где предметы и слова — локальные ее блески. Читатель — тоже отдельность и на правах предмета. И недаром он требует, чтоб «держались предмета» мысли, а не «растекались мыслию по древу, хоть бы Древу Жизни или Познания. В уважении к предмету он видит (и справедливо) уважение к себе, ибо это есть уважение ко всему этому уровню человеческих твердых рассечений бытия на части, на субъекты и объекты. Меня ж постоянно упрекают за то, что я не предмет строго трактую, о котором вроде пишу, но беру его поводом для, как они говорят, «самовыражения» (тоже на том же уровне субъектно-объектном меня припиливая — как избыточного субъекта), а я чувствую: для проникновения чрез предмет за него: в порождающее его лоно Целого — и потому позволяю себе играть предметами, смешивать, разрывать их грани...

Г. Гачев (Из «Семейной комедии». 1994)

Предисловие (От автора — сегодня. 2002)

Несколько лет назад, в издании Института социологии Российской академии наук, вышла книга: А. Н. Алексеев. *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)*. М.: СПбФ ИС РАН, 1997, 658 с. Она включала в себя свыше ста разножанровых текстов, объединенных периодом создания (80-е гг.) и, отчасти, сквозным сюжетом. Этим сквозным сюжетом был так называемый **эксперимент социолога-рабочего**.

Автор-социолог по собственной инициативе поставил себя в положение рабочего одного из ленинградских заводов, что сделало возможным проведение исследования, предмет которого тогда формулировался как «человек в системе реальных производственных отношений». Рабочая карьера автора (наладчик-повременщик, потом — слесарь-сдельщик) и, соответственно, полевой этап исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего», продолжались 8,5 лет.

Работая тогда на заводе, автор не оставлял и своих прежних занятий в области социологии личности, социологии культуры, методологии социологических исследований. Некоторые сочинения на эти темы также были представлены в упомянутой книге.

Кроме того, в ходе эксперимента социолога-рабочего возникли «привходящие» жизненные обстоятельства, вовсе не предполагавшиеся вначале (политические обвинения и меры пресечения со стороны официальных органов в 1983–1984 гг.). Надо сказать, то был «счастливый случай», поскольку, будучи включены в круг социологического наблюдения, эти новые обстоятельства позволили автору расширить поле и углубить выводы.

В итоге сложился комплексный предмет исследования, который можно определить как «взаимодействие личности и общества; человек в системе реальных общественных отношений».

Понятна вся неисчерпаемость такой предметной области. Однако, в меру своих сил, автор постарался осветить эту область средствами «экспериментальной социологии» (наш термин 80-х гг., впоследствии смененный на «драматическую социологию»).

... Из «Предисловия» к книге «Драматическая социология»:

Читатель может рассматривать этот труд: и как своего рода **отчет** о проведенном в 1980–1988 гг. натурном эксперименте на одном из ленинградских заводов; и как «неклассическое» исследование **реалий** общественной жизни последних лет «застойного» и первых лет «перестроечного» периода; и как синхронный описываемым событиям **самоанализ**, рефлексии человека, выросшего и действовавшего в советскую эпоху (и несущего в себе разнообразные ее отпечатки).¹

¹ И далее:

«... У этой книги могут быть две категории читателей

Таков был авторский замысел книги 1997 г.

Что же касается той, которую читатель сейчас держит в руках, то она замышлялась поначалу просто как переиздание первой. Дело в том, что ничтожный тираж (250 экз. !) тогда разошелся стремительно и «Драматическая социология» оказалась практически недоступной читательской аудитории — не только массовой, но даже и профессиональной. Это обстоятельство дало повод озаботиться вторым изданием.

Однако, как это часто бывает, в процессе подготовки переиздания у автора возникла потребность в переделках. Он стал их осуществлять, и... в итоге получилась совершенно **другая** книга, лишь в относительно небольшой своей части дублирующая первую.

Здесь можно указать по крайней мере на три существенных отличия настоящей книги от предыдущей.

Это, во-первых, выдвигание исторического (социокультурного, профессионально-научного и общественно-политического) **контекста** эксперимента социолога-рабочего в качестве равноправного, а иногда и приоритетного предмета исследования.

Во-вторых, это существенное расширение корпуса **современных** комментариев к текстам прошлых лет, прямое выражение нынешнего авторского взгляда на описываемые события и обстоятельства (и на собственное поведение в них).

И, в-третьих, специализированная современная разработка **методологических** аспектов «драматической социологии» и «социологической ауторефлексии».

При этом в данной книге сохранен ранее опробованный автором, «эксцентричный» способ построения социологической монографии как тематически и хронологически организованной композиции личностных, деловых и научных документов.

...Таков тот минимум предварительных замечаний, который необходимо было сделать, чтобы перекинуть мост от книги 1997 г. к настоящей работе.² Теперь же — собственно предисловие к «Драматической социологии и социологической ауторефлексии».

Первая — **социологи-профессионалы** Для них авторский замысел объяснен в предисловии Другая категория читателей — **дилетанты, в лучшем, благороднейшем смысле этого слова** Тех автор адресует прежде всего к оглавлению, из которого нетрудно понять, о чем же тут идет речь

Второй категории читателей, пожалуй, неважно, к какому научному направлению относить этот труд Почему метод назван “наблюдающим участием”, а социология — “экспериментальной” или “драматической” Тут и саму книгу можно было бы озаглавить иначе Скажем: “Приключения социолога-наладчика, или Анекдоты недавнего времени”...

Ну, а жанры — хороши все, кроме скучного»

² Из монографии 1997 г. в настоящую «перешли» некоторые разделы глав 1–6, составляющих первую часть данной книги Кроме того, состоялась еще одна «промежуточная», малотиражная (250 экз.) публикация: *Алексеев А. Н.* Год Оруэлла (из опыта драматической социологии) СПб: Ступени, 2001, 500 с Эта работа, с некоторыми изменениями, воспроизводится во второй части настоящей книги (главы 7–10)

* * *

В конце 70-х гг. автор этих строк работал в исследовательском проекте проф. В. А. Ядова «Человек и его работа. 1976».

Если говорить о собственно профессиональной мотивации, то мой переход на завод претендовал обогатить коллективный труд взглядом на предмет исследования — **изнутри** (человек и его работа — «глазами рабочего»). Правда, со временем авторский замысел видоизменился, а полигон эксперимента существенно расширился и переструктурировался. Впрочем, это изначально было (а тем более стало потом!) не только научным изысканием, в строгом смысле.

Несколько лет спустя, выступая перед коллегами вовсе не с научным докладом (это было отчетно-выборное собрание Северо-Западного отделения Советской социологической ассоциации; март 1987), социолог-испытатель как будто нащупал формулу, резюмирующую его профессиональный (а отчасти и жизненный) поиск:

...Принято различать социологическую теорию и социологическую эмпирию... Представляется уместным достроить эту пару до триады. Третьим равноправным членом, по-видимому, должно выступать социологическое действие. Я имею в виду вовсе не набор «практических рекомендаций» (в которых как теоретики, так и эмпирики накопили изрядный опыт угадывания желаний начальства). А — сознающее действие, **познание через действие**, через эксперимент, живое соприкосновение с социальной практикой, погружение в нее...

Итак, познание через действие... Разумеется, эта формула — всего лишь одно из выражений фундаментальной эпистемологической идеи, восходящей еще к античности. Но особенно актуализировалась эта идея в последние десятилетия. Нашим собственным вкладом и частно-научным применением столь общего тезиса (в рамках социологической науки) является, по-видимому, то, что в книге названо **наблюдающим участием** (в отличие от традиционного метода включенного или участвующего наблюдения).

Как отмечалось в наших более ранних работах, наблюдающее участие предполагает исследование социальных ситуаций через целенаправленную активность субъекта, делающего собственное поведение своеобразным инструментом и контролируемым фактором исследования. Причем, в отличие от известных образцов социального эксперимента, в случае наблюдающего участия новые факторы вводятся не «извне», а «изнутри» ситуации. Само введение этих факторов оказывается иногда импровизационным и не претендует на строгую процедуру.

Особое место здесь занимает исследовательская практика, названная нами методом **моделирующих ситуаций**. Под таковыми понимаются ситуации, отчасти организованные самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях обнажения, заострения, в этом смысле — моделирования социального явления или процесса.³

³ См.: *Алексеев А. Н.* Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие) СПб: СПбФ ИС РАН, 1997; *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М: СПбФ ИС РАН, 1997

Разнообразные формы наблюдающего участия и способы построения моделирующих ситуаций в сфере производственной и - шире - общественной жизни (эксперимент социолога-рабочего и «вокруг него») представлены в настоящей книге.

...Но почему же все-таки «драматическая социология», а не социология действия, скажем, или не экспериментальная социология (термин, использовавшийся нами поначалу)?

Дело в том, что с известным исследовательским направлением - «социология действия» (А. Турен) - автор настоящей книги себя соотносит, однако не отождествляет (об этом еще пойдет речь ниже). Что же касается второго определения, то его можно адресовать к любой форме натурального эксперимента в социологии, лишь частным случаем которого является описанный здесь.

Термин **драматическая социология**, на наш взгляд, лучше отвечает заявленному выше исследовательскому кредо («познание через действие»), а также тому соединению **практической деятельности, рефлексии и «игры»** с социальным объектом, которое в данном случае пытается осуществить социолог (он же - своего рода драматург и постановщик «социологической драмы»).

Эксперимент социолога-рабочего в известном смысле был театральным действием с познавательной сверхзадачей. Говоря: «Театр жизни на заводских подмостках» (название одной из глав этой книги), - хотелось бы быть понятым не только в метафорическом смысле.

Здесь напрашивается сопоставление с «драматургической социологией» И. Гофмана: «Wir alle spielen Theater...». Однако самоотождествления с нею у автора «драматической социологии» нет, как нет его и с «социологией действия» А. Турена.

Конечно, в предлагаемом термине можно усмотреть прямой или косвенный намек на возможность «драматического» развития событий в ходе и/или вследствие эксперимента и драматизма судьбы самого социолога-испытателя. Не станем откровенничать от такого эмоционально-смыслового оттенка. Однако укажем на его вторичность и необязательность.

Сам термин «драматическая социология» использовался нами еще до того, как возникло (в середине 80-х) политическое «дело» социолога-рабочего. А «драматизм» личного экспериментального опыта автора этих строк не идет ни в какое сравнение, скажем, с драматизмом гражданственно мотивированных инициатив - жизненных экспериментов («экспериментов над собой») - некоторых моих друзей и множества современников.

...Из «Предисловия» к книге «Драматическая социология» (1997):

Жизненный эксперимент, вообще говоря, является довольно распространенной (пусть не массовой!) формой социальной активности. Поведение субъекта в таком случае заведомо нестандартно и отклоняется от социальных стереотипов. Мотивы тут могут быть различными. Скажем, гражданственная мотивация (богатую палитру примеров представляет право-

защитное движение). Или же мотивы психологические (поиск новизны, «испытание себя»), мотивы экзистенциальные (типа — «жить в ладу с собой»). Реже встречается собственно-исследовательская мотивация эксперимента «на самом себе».

Здесь заметим, что сам по себе уход автора в рабочие, на рубеже 70-80-х гг., вовсе не был явлением исключительным и среди социологов.

Только из ближнего круга коллег — трое профессиональных социологов: **Ю. А. Щеголев, А. А. Кетегат и С. М. Розет** (ныне покойный), — в ту же пору, вовсе не вынуждаемые кем или чем-либо, а из внутренних побуждений, круто повернули свою жизнь, став рабочими. (Юрий Щеголев сделал это двумя годами раньше автора).

Сложилось так, что именно у автора данной книги в этой жизненной перемене получил наиболее последовательное развитие профессионально-исследовательский мотив.

Остается добавить, что «драматическая социология», в нашем смысле, может включать в себя элементы и трагедии, и фарса. Ее жанр может быть даже водевильным, говоря языком театра. А социолог-испытатель может выступать в широчайшем диапазоне «сценических» ипостасей - от Дон Кихота до Швейка и от Воланда до князя Мышкина...⁴

Принципиальным для автора настоящей книги является вопрос о **соотношении субъекта и объекта исследования** в «драматической социологии». Доминирующая ныне стратегия социального исследования исходит из эпистемологической предпосылки разделения объекта и субъекта в исследовательском процессе. Вопреки этой традиции, мы полагаем возможным и перспективным определенное их (субъекта и объекта) сближение и даже отождествление.

А. А. Ухтомский еще в 20-х гг. замечал, что если «просвещенные философы наших дней поняли, что коренная проблема мысли в так называемой **«коррелятивности субъект-объекта», в соотносительности субъект-объекта»,** то «более мужественные из философов говорят даже о **«тождестве субъект-объекта»**. (А. А. Ухтомский. Письма / Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М., 1973, с. 414-415). И далее:

...Нет и не может быть «объективного» без «субъективного», а субъект не может сказать ничего содержательного, кроме того, как он представляет себе объекта и мир! Говорить только об объективном, полагая, что удалось освободить его от своего субъективного, это такая же фикция и самообман, как и полагать свой «субъект» независимым и обособленным от объекта и мира... (А. А. Ухтомский. Указ. соч., с. 415).

Ухтомский не поясняет, кого имеет в виду, говоря о «более мужественных философах наших дней». Не исключено, что он подразумевал Альберта Швейцера, чья «Культура и этика» вышла на немецком языке незадолго до этого (1923), а подвижничество «доктора из Ламбарене» в 20-е гг. было на устах всего цивилизованного мира.

Вот что писал тогда А. Швейцер, выступивший с этической концепцией «благоговения перед жизнью» (Ehrfurcht vor dem Leben):

⁴ Пожалуй, не последнюю роль в попытке «драматургической» интерпретации эксперимента социолога-рабочего сыграли также занятия автора социологией театра в 70-80-х гг.

...Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью... (А. Швейцер. *Культура и этика*. М.: Прогресс, 1973, с. 306).

Мы солидарны также с позднейшей постановкой этого ключевого гносеологического вопроса, которая содержится в книге М. Полани «Личностное знание» (1958). Исследуя процесс познания в его логических, структурных и исторических аспектах, М. Полани делает главный акцент на **личном участии** исследователя и его **«самоотдаче»** в ходе постижения реальности. Причем:

...Это не делает наше понимание **субъективным**. Постигание не является ни произвольным актом, ни пассивным опытом. Оно — ответственный акт, претендующий на всеобщность. Такого рода знание на самом деле объективно, поскольку позволяет установить контакт со скрытой реальностью; контакт, определяемый как условие предвидения неопределенной области неизвестных (и, возможно, до сей поры непредставимых) подлинных сущностей... (М. Полани. *Личностное знание. На пути к посткритической философии*. М.: Прогресс, 1985, с. 19).

Развивая свою концепцию «личностного знания», М. Полани пишет также о «взаимопревращении» объекта и инструмента исследования (последний рассматривается как своего рода продолжение субъекта в исследовательском процессе):

...В новой схеме... внешний объект осмысливается благодаря тому, что он становится нашим собственным продолжением и в результате убеждения преобразуются в более активные интенции, пронизывающие все наше существование. В этом смысле я бы сказал, что **объект превращается в инструмент** (*выделено мною*. — А. А.), попадая в операциональное поле, созданное нашим целенаправленным действием, и выступая в этом поле как продолжение нашего тела. (М. Полани. *Указ. соч.*, с. 96).

Будучи не только философом, но и естествоиспытателем (физическая химия), М. Полани строил свою теорию познания в основном на базе (опыте) естественных наук. Но для гуманитарных наук (где критерии «объективности» не столь жестки, а связь субъекта с объектом — «интимнее») такой подход имеет не меньшее, а большее значение. Вспомним методологические линии, идущие еще от М. Вебера и Г. Зиммеля к современным школам «интерпретативной социологии», а также радикальную постановку этого вопроса П. Сорокиным в его интегралистской концепции знания о психосоциальной реальности.

Все эти — далеко не общепризнанные! — соображения о потенциальном (актуальном?) «тождестве субъект-объекта» (А. Ухтомский), о «знании как переживании мира» и «внутренней связи» познающего субъекта с миром (А. Швейцер), о «страстном вкладе познающей личности» во всякий акт познания (М. Полани), наконец, о «действительной идентификации познающего и познаваемого» (П. Сорокин) являются для нас важнейшей эпистемологической предпосылкой.

* * *

К особенностям предлагаемой читательскому вниманию книги относится своего рода концептуальный и методический (методологический?) плюрализм, установка на представление, по крайней мере, основных событий эксперимента социолога-рабочего, а также некоторых социальных явлений и процессов — **с разных точек зрения и разными способами.**

Множественность приемов описания: об «одном и том же» — в личном письме, в деловом документе, в научном отчете... Множественность интерпретаций: будь субъектом интерпретации сам автор — в разное время! — или другие люди, которым предоставляется слово на страницах книги.

По нашему убеждению, не в каком-то одном («правильном»...) концептуальном или методическом подходе, не посредством какого-то одного («наилучшего»...) способа познания могут быть раскрыты сущность явления или смысл события, а на стыке или в столкновении — в «диалоге»! — разных подходов, в комбинировании и взаимодополнении («комп-лексировании») разных способов описания.⁵

У такой авторской установки есть, пожалуй, и свои издержки: в книге порой не удастся избежать фактографических или даже мелких текстуальных — но в разных контекстах! — повторов. При этом сама по себе множественность подступов к предмету не есть самоцель, а попытка обеспечения «прорыва к Сути» (последняя сама по себе далека от однозначности!). Это всего лишь способ «многоканального» продвижения к целостному познанию социальной реальности, которая сама по себе есть «целое».⁶

⁵ В современном методолого-методическом дискурсе социологов получил распространение термин **триангуляция**, в общем соответствующий нашей постановке вопроса:

«...В целом существуют четыре типа триангуляции, которые способны внести вклад в проверку и обоснованность качественного анализа. Это проверка устойчивости результатов, полученных с помощью разных методов сбора данных, т.е. методическая триангуляция, проверка устойчивости различных источников данных в пределах одного и того же метода данных (триангуляция источников), использование нескольких аналитиков для обработки данных (триангуляция аналитиков), использование нескольких теорий для интерпретации данных (теоретическая триангуляция).

Комбинируя наблюдателей, теории, методы и источники данных исследователи могут надеяться на то, что преодолеть смещение, неизбежное при подходе к исследованию с одним-единственным методом, одним наблюдателем, одной теорией...» (Ковалева Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М.: Логос, 1999, с. 308)

⁶ Ср. с постановкой вопроса у П. Сорокина:

«...Рассматривая... многообразную психосоциальную реальность, интегралистская концепция знания о ней охватывает адекватное знание не только о сенсорном аспекте этой реальности, но и о ее рассудочном и сверхчувственно-сверхрациональном аспектах.

В соответствии с этим интегральная наука утверждает, что такая многообразная реальность познаваема не только через канал сенсорного восприятия-наблюдения, но также через канал рассудочной логико-математической мысли и через канал сверхчувственно-сверхрациональной интуиции.

...В целом адекватное знание о психосоциальной реальности требует согласованного использования всех трех каналов... При интегрированном использовании всех трех каналов знание, получаемое через один из них, дополняется и проверяется знанием из других двух каналов. Такая взаимная проверка является дополнительной гарантией против ошибок одноканального знания и важным обеспечением более полной обоснованности нашего познания. История человеческого знания полна неверных наблюдений, ложных суждений и обманчивых интуиций. Взаимная проверка

С указанным плюрализмом подходов связано и жанровое многообразие. Как нам представляется, социологическое содержание может быть выражено — явно или не явно — во множестве форм: личное письмо и служебная записка, производственная хроника и газетная заметка, публичное выступление и даже... замечания на технологические процессы. Большинству из включенных в книгу текстов, еще при их создании, задавалась дополнительная целевая функция: «протокол наблюдающего участия».

В этом смысле используемые документы могут рассматриваться как **социологические свидетельства**. Соответствующая интерпретация таких свидетельств может осуществляться и «точно», автономно: «социологическое прочтение» отдельно взятого текста. Но более перспективной представляется **контекстуальная** интерпретация, т. е. рассмотрение всякого данного документа (свидетельства) в связи с остальными, а также — в определенном биографическом и историческом контексте. Заметим, что сами по себе отбор и композиция текстов в рамках книги выступают как форма авторской интерпретации.

Здесь не будем заниматься классификацией жанров, ограничившись их достаточно прозрачным (хотя и не однозначным!) подразделением на личные и публичные, а также — «жизненные», «деловые» и «научные» документы. Еще одно основание для классификации: доминирование в тексте элементов объективного (пожалуй, стоило бы поставить это слово в кавычки!) **описания** или же субъективного **отношения**.

Так, в жанре типа «хроники» или «записей для памяти» (это — протокол в чистом виде!) ярко выражена установка на факт: где, когда, что произошло, участники события, сопутствующие обстоятельства, всевозможные подробности, ценность которых часто возрастает со временем.⁷ В жанре же личного письма, дневника, заметки — сообщение о факте обычно совмещено с актуальной (немедленной) интерпретацией. Тем самым достигается также и фиксация состояний сознания — как индивидуального, так и социального. (Последнее пронизывает собой первое!)

Из сказанного уже понятно, однако подчеркнем, что эта книга, будучи насыщена личными наблюдениями и переживаниями, вовсе не является мемуарной. Здесь — **не воспоминания** (как же было дело?), а поиск в исследовательском досье документированных следов поведения и отпечатков сознания — как своего, так и других людей. (Благо, что создание таких свидетельств велось в период эксперимента социолога-рабочего довольно усердно и вполне сознательно).

Можно, пожалуй, поставить автору в упрек, что в этой книге он, как правило, все же избегает формулировать современные выводы, ограничиваясь знаниями, получаемыми по разным каналам, уменьшает подобную угрозу» (*Sorokin P. A. Fads and Foibles in Modern Sociology and Related Sciences, Chicago, 1956* Цит по: *Серов Н. Питирим Сорокин о трех основных каналах познания // Реальность и субъект, 1999, 1 1/2, с 73–74*)

⁷ Вспоминается известное замечание А С Пушкина, в записи А Н Вульфа: «Непреренно дужжно описывать современные происшествия, чтобы могли на нас ссылаться...»

живаясь лишь эпизодическими комментариями к своим действиям и умозаключениям прошлых лет. Почему так?

Признаться, на сегодняшний день слишком многое в предмете нашего исследования (социальные и социально-психологические механизмы взаимодействия личности и общества) все еще остается недоступным авторскому пониманию, а точнее сказать — предстает менее ясным, чем самонадеянно казалось 15–20 лет назад. Время и опыт, как известно, приумножают не только знание, но и осознание его ограниченности.

Кроме того, чрезмерное насыщение книги современной рефлексией, пожалуй, вошло бы в противоречие с ее замыслом и спецификой в качестве композиции текстов определенного исторического времени и жизненного периода.

* * *

Следует особо подчеркнуть, что, приступая к эксперименту, автор весьма слабо соотносил свой замысел и деятельность с мировой социологической практикой, ее традициями и новейшими тенденциями. (Если и испытывал на себе их влияние, то скорее неосознанно). Так, например, наше знакомство с феноменологической школой в социологии и теоретической дискуссией вокруг нее ограничивалось одной-единственной (вышедшей в 1978 г. в русском переводе) книгой английских социологов — сторонников и последователей А. Шюца и Г. Гарфинкеля: «Новые направления в социологической теории». О социологии действия А. Турена автору было известно еще меньше. А, скажем, о драматургической социологии И. Гофмана будущий постановщик «социологической драмы» не слыхивал вообще.

Были неведомы труды П. Сорокина, в частности, его (уже упоминавшаяся) интегралистская концепция психосоциального знания. (Об этом титане мировой социологии автор судил в основном по заметке В. И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина»...)

Разумеется, о чикагской школе 20–30-х гг. (У. Томас, Р. Парк и др.), с ее классическими образцами исследований «отдельных случаев» и т. д., знал. Но — почти исключительно из вторичных источников.

Замечу, что и знакомство с достижениями русской социологической мысли конца XIX — начала XX веков было минимальным. Опыт русской и мировой социальной публицистики (во многом предвосхитившей позднейшую «качественную социологию»!) автору как выпускнику филологического факультета ЛГУ был, разумеется, знаком. Однако как имеющее прямое отношение к его социологической профессии — это вовсе не воспринималось.

Итак, об идейно-научном фундаменте, на который социолог-испытатель мог бы опереться, он знал слишком мало. Конечно, налицо личный недостаток научного кругозора. Но и не только это. Были некоторые обстоятельства и объективного свойства.

Здесь, пожалуй, необходим небольшой историко-биографический экскурс.

Как известно, в рядах первого социологического «призыва» у нас (рубеж 50–60-х) были выходцы как из среды обществоведов (философы, экономисты, историки, психологи), так и из негуманитарной научной и инженерно-технической среды. Первых было большинство, но доминировала коллективная установка именно на «точное» (очищенное от «субъективности!»), оснащенное логико-математическим аппаратом, дискурсивное знание. Автор, филолог по образованию и журналист по прежнему роду занятий (до 1965 г.), с энтузиазмом воспринял тогда эту сайентистскую парадигму.

Кандидатская диссертация по социологии массовой коммуникации (защищенная в 1970 г.) писалась под руководством В. А. Ядова. К середине 70-х социолог «второго призыва» уже успел пройти профессиональную школу и у А. Г. Харчева, и у В. Э. Шляпентоха, и у О. И. Шкаратана (поработав в возглавляемых ими коллективах; конец 60-х — начало 70-х), не говоря уж о тесном сотрудничестве с эстонскими (Ю. Вооглайд, М. Лау-ристин, А. Муругар), сибирскими (Т. И. Заславская, Р. В. Рывкина), московскими (Л. А. Гордон, Т. М. Дридзе), уральскими (Л. Н. Коган) социологами.⁸ Автор овладел разнообразными «ноу-хау» эмпирической социологии, провел ряд самостоятельных исследований — по профессиональным стандартам того времени.

И вот тут возникли сомнения. Характерна следующая «эпистемологическая декларация» пишущего эти строки, относящаяся к середине 70-х гг. (из работы в соавторстве с Б. Д. Беликовым):

...Преобладание строгих исследований в определенной области знания безусловно является свидетельством зрелости научной дисциплины. Отсюда не следует, однако, что «строгость» является единственным эффективным средством развития науки... (А. Алексеев, Б. Беликов. *О понятии «строгое исследование» в гуманитарных науках (К постановке вопроса) /Методологические проблемы современного искусствознания. Вып. 1. Л., 1975, с. 47).*

Обосновав свои тезисы, что «строгость — отнюдь не синоним объективности, и тем более не синоним истинности, но лишь одна из предпосылок этих необходимых для науки качеств», и что «строгие исследования являются необходимым условием прогресса науки на определенном этапе ее развития», авторы вышеназванной работы цитируют Г. Цопфа: «Строгость, примененная слишком рано, может оказаться смертельной».

...Разделяя опасения Г. Цопфа, мы имеем в виду отказ от догматического навязывания строгости **любой** области исследования вне зависимости от уровня ее развития. Вместе с тем необходимо стимулировать собственное, имманентное движение к строгости всякой конкретной науки... (А. Алексеев, Б. Беликов. *Указ. соч., с. 48*).⁹

⁸ К сожалению, очень недолгим было непосредственное сотрудничество с В. Н. Шубкиным, пригласившим меня на работу в Новосибирский академгородок в конце 60-х гг. Однако «заочная» учеба у В. Ш. (особенно — после выхода в свет его новомировской статьи «Пределы» в 1978 г.) сыграла очень значительную роль.

⁹ В ту пору автор еще полагал «правильным» однонаправленное движение от «не строгой» науки к «строгой». Возможность также и обратного движения, равно как и потенциальное **равноправие** «гуманитарной» и «дискурсивной» социологии и перспектива их **синтеза** (при участии социальной философии), вовсе не усматривались. Мой современный взгляд на эти проблемы см. в Заключении (том 2): раздел «К вопросу о “парадигмах” в социологическом знании».

...Талькота Парсонса и Роберта Мертонса автор этих строк «уважал», а «любил» — молодого Маркса и Чарльза Райта Миллса (из работ которого тогда был знаком, к сожалению, лишь с переведенной у нас в конце 50-х «Властвующей элитой»). Впрочем, хоть Парсонса, хоть Миллса эффективно приложить к собственной повседневной социологической практике как-то не удавалось.

Вообще, недостаток социологической эрудиции (чтобы не сказать «невежество») был бедой большинства советских социологов. Профилирующих кафедр и факультетов в вузах тогда не было. Конечно, что-то запало из лекций В. А. Ядова, И. С. Кона, Ю. А. Левады второй половины 60-х, что-то осело из коллективных обсуждений научных программ, семинаров и конференций (в 70-х). Относительно немного было почерпнуто из первоисточников.

Автор может сейчас признаться, что его профессиональное обращение к западной социологической литературе было скорее «утилитарным»: если ты придумал (или кажется, что придумал!) что-то новое, опираясь на здравый смысл и, отчасти, на азбуку истмата (марксистской «общей социологической теории»), то интересно, что же там пишут на этот счет «они» — те, на кого тоже надо бы сослаться (и тут же «отмежеваться», идеологически)?

Когда занимался, к примеру, теорией массовой коммуникации или методологией контент-анализа, разумеется, обращался к западным источникам. (Хотя и в этом случае они оставались где-то на периферии индивидуального научного сознания). А уж в том, что касается текущей исследовательской практики, конкретных социологических изысканий, будь то изучение образа жизни, социология театра или производственная социология, обходился как-то без «мирового опыта»...

Пожалуй, об условиях «научной социализации» и профессиональной эволюции (60–70-е гг.) сказано достаточно.

В итоге эксперимент социолога-рабочего (когда автор до него дозрел) оказался, скажем откровенно, своего рода социологической «партизанщиной». И до, и во время самого эксперимента (1980–1988) нередко приходилось «открывать америки» и «изобретать велосипеды» (что, впрочем, иногда способствует оригинальности их, этих велосипедов, конструкции).

Все это сообщаю здесь **как факт** — не ставя себе ни в упрек, ни в заслугу и не рассчитывая ни на признание, ни на снисходительность новых поколений социологов, которые, в отличие от изобретателя «драматической социологии», теперь с освоения мирового опыта как раз начинают, а не «заканчивают» этим...¹⁰

¹⁰ Стоит заметить, что в этой своей «исповеди» автор настоящих строк вовсе не оригинален. Например, В. А. Ядов пишет:

«...Наша некоторая малограмотность в теории — большой грех и недостаток. Пока нам трудно ее целиком преодолеть... Вот это проблема моего поколения социологов. Мы все — самоучки в социологии»

В английском “Times” было опубликовано интервью с Ядовым под заголовком “Self-made sociologist”. Сначала я решил, что это обидно — “самоучка в социологии”. А потом вник в семантику английского и понял, что это скорее комплимент и речь идет о человеке, который сам себя

Так или иначе, 20 лет назад — от равнения на имевшиеся в мировой социологии теоретико-методические образцы и прецеденты социолог-рабочий был далек. Скорее, пытался в своей профессиональной практике как-то использовать, задействовать общекультурный и общенаучный, т. е. — в известном смысле — не профессиональный багаж. (Последнее представлялось более подходящим для решения тройственной — «исследовательской, авантюристической и экзистенциальной» — задачи, как социолог-испытатель объяснял свою мотивацию в начале 80-х).

...Всех этих оговорок можно было и не делать: просвещенный читатель заметит и сам! Но лучше все же их сделать здесь, чтобы не оставалось сомнений в том, что указанные обстоятельства видны не только читателю, но и автору.

Добавим к сказанному, что при слабой «вписанности» представленных в книге профессиональных поисков 80-х гг. (а также — более ранних, да и более поздних) в мировой научный контекст, они (эти поиски) находились под несомненным влиянием ближайшей научной среды, профессионального сообщества. Был круг коллег (иногда — близких друзей!), с которым я тесно сотрудничал, выступал в соавторстве или обменивался полученными результатами. Пожалуй, большинство включенных в книгу собственно научных работ являются результатом творческого содружества.

Интересно, что концептуальные взаимовлияния не всегда осознавались, будь то мною, будь то коллегами. Так что — в широкой панораме и ретроспективе — порой обнаруживаются совпадения с результатами других исследователей, вплоть до терминологических. Что, по-видимому, является свидетельством не «плагиата» (пусть даже нечаянного!), а **коллективного** движения в общем направлении.

Причем нередки случаи, когда похожие научные результаты получены разными людьми и впрямь **независимо** друг от друга. Что может рассматриваться как свидетельство не только «единого потока» научного движения, но и «истинности» этих результатов.¹¹

К сожалению, круг профессионального, идейного и эмоционального общения, круг как «заслуженных» — тобою самим! — **собеседников** (пользуясь выражением Ухтомского), так и соавторов, со временем не только пополнялся, но и редел: уже нет в живых не только некоторых учителей, но и ряда «соумышленников» и «соучастников», и даже некоторых из тех, кто считал себя учеником автора этих строк. Большинство из них читатель встретит среди «действующих лиц» нашей книги.

сделал таким, какой есть. Значит, наше поколение не должно стыдиться своей недообразованности. Нас не образовывали в своей профессии...» (Ядов В. А. Мы все — самоучки в социологии / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах СПб: Русский христианский гуманитарный институт, 1999, с. 60–61)

¹¹Вообще, если автору этих строк и приходилось когда-либо сталкиваться с «паранормальными» явлениями, то исключительно в сфере научной коммуникации...

* * * Следующий вопрос, который может возникнуть у читателя (возникал также и у автора!), — это мера сегодняшней актуальности представленных в книге картин общественной, в частности — производственной, научной, политической и т. д., жизни прошлого. Не представляют ли они, эти картины, сегодня скорее «исторический», чем социологический интерес?¹²

Здесь уместно высказаться по — как я считаю — узловому для понимания всего происходящего ныне в нашей стране вопросу о **соотношении «наследственности» и «изменчивости»** в общественном развитии.

Обсуждая характер и масштабы политических, экономических и социальных сдвигов в российском обществе за последнее десятилетие, многие аналитики самых разных идеологических и научных ориентаций, каждый по-своему, но, как нам кажется, в равной мере слабо идентифицируют предмет своего рассмотрения. Дело в том, что при сопоставлении сегодняшнего и вчерашнего важно четко различать саму социальную **реальность** и общественные **представления** об этой реальности.

Радикальное общественное изменение предполагает смену общественного состояния. Но состояния — **чего?** Одно дело — если речь идет о социальном организме или общественном укладе, как таковых, другое — если о социальном сознании, представлениях и идеях, превалирующих или господствующих в данном обществе.

Смена главенствующей идеологии и экономико-политической стратегии в нашей стране на рубеже 80–90-х имела характер революционного скачка, равновеликого произошедшему в России за 70 лет до этого. Государственная собственность — частная собственность; однопартийность — многопартийность; «выборы без выбора» — альтернативные выборы на всех уровнях; директивное планирование — рыночная экономика; государственная цензура — бесцензурная печать... Казалось бы, имеем дело с полной перверсией базовых принципов и ориентиров общественного развития.

Следует, однако, отдавать себе отчет в том, что как в прежнем (советском), так и в нынешнем (постсоветском) обществе чрезвычайно велик разрыв (доходящий до диаметральной противоположности!) — между **реальностью** социального, народного уклада жизни и ее **отражением**, в частности, в официальной идеологии и в документах управленческих институтов.

В книге эта проблема обсуждается, в частности, на материале производственной жизни, в терминах двуслойности социально-нормативных систем и разрыва между сохраняющими каждый свою внутреннюю целостность комплексами декларируемых норм-требований и фактически действующих норм-стереотипов социального поведения.

Обобщая, можно сказать: подобно тому, как реальность «развитого социализма» вовсе не соответствовала господствующим представлениям о

¹² В одной из рецензий на нашу книгу 1997 г находим именно такое предположение. См.: Прусс И. «Драматическая социология» — так назвал ленинградский социолог Андрей Алексеев свою книгу // Знание-сила, 1999, 1 5/6)

«развернутом строительстве коммунизма», так и — в не меньшей мере — современная российская действительность решительно противоречит ныне прокламируемым у нас общецивилизационным идеалам и нормам рыночной экономики, правового государства, социальной защищенности, демократии и т. д.

Но если диаметрально противоположные общественные проекты, программы и т. д. равно не адекватны (как тогда, так и теперь) реальному положению дел или, если угодно, социальная действительность опровергает и дискредитирует любую «программу» общественного развития, то не означает ли это, что глубинные общественные процессы совершаются и трансформируются во многом **независимо** от этих предначертаний, иначе говоря — безразличны к ним?

Так, например, можно достаточно уверенно утверждать, что реальные отношения на производстве, включающие в себя повседневное взаимодействие рабочих и низовой администрации, проблемы тарификации и нормирования труда, формы технологической и социально-экономической самостоятельности работников и т. д., изменились за эти годы куда меньше, чем юридические отношения собственности, механизмы управления «на верхних этажах» и другие экономические и административные обстоятельства, выходящие — сегодня, как и прежде! — за пределы непосредственного социально-трудового опыта рядовых работников.

Отважился предположить, что социологическое погружение в современную «низовую» производственную жизнь на акционированном предприятии (если только она не парализована полностью отсутствием работы и массовыми увольнениями) обнаружило бы не только естественные различия, но и многочисленные **черты сходства** нынешнего социального поведения рядовых субъектов производственного процесса с тем, какое, например, автору этих строк довелось наблюдать и самому осуществлять в ходе своего эксперимента на «Ленполиграфмаше» в 1980–1988 гг.

Ряд черт социального поведения и отношений на производстве, усмотренных нами тогда, ныне получили «заострение», выступают более явственно. Например: разнообразные формы зависимости рабочих от администрации; диспропорции в оплате труда, не связанные с уровнем квалификации и трудовым вкладом; дезинформированность участников трудового процесса относительно планов и решений высшего руководства, и т. д. За некоторыми исключениями, здесь имеют место скорее развитие и усугубление **прежних тенденций**, чем принципиально новые, небывалые явления (напомним, что речь идет о производственной жизни как таковой: на уровне рабочего места, бригады, цеха).

«Приватизация не привела к каким-либо значимым изменениям в трудовом поведении и мотивации», — к такому радикальному выводу приходят мои коллеги, специально исследовавшие эту проблему (см.: С. Ю. Барсукова, В. И. Герчиков. Приватизация и трудовые отношения: от единого и общего — к частному и разному. Новосибирск: ИЭиОПП, 1997).

То же (и, пожалуй, даже более уверенно!) можно сказать о социально-психологических механизмах взаимоотношений личности и институтов управления, человека и организации вообще.

Разумеется, общество в определенной степени адаптируется к новым идеологическим построениям и властным установлениям, однако в основном оно само их адаптирует, фактически подчиняет своим имманентным законам, социокультурным или каким-либо иным, достаточно инерционным и исключаящим радикальную трансформацию (даже умеренно отстающую от смены официальных ценностно-нормативных систем).

Отсюда, реальные общественные отношения и социальные механизмы, отнюдь не «социалистические» 10–20 лет назад и в равной мере не «капиталистические» сегодня, могут вовсе не так уж различаться между собой (если, конечно, не подменять их сравнение, как таковых, сопоставлением опережающих отображений-проектов или программ или же сопоставлением какого-либо из этих отображений с реальностью другого периода).

Попробуем обобщить: самовоспроизводство и наследование (преемственность!) социально-культурных моделей и стереотипов поведения в любой сфере (не исключая и управленческую) могут вполне совмещаться с радикальной трансформацией общественной «надстройки» и даже «базиса» (в марксистском смысле). Вообще, закономерности смены (замещения, трансформации) моделей индивидуального и коллективного социального **поведения** — принципиально иные, чем закономерности перехода от одних форм социетальной организации, «экономики и политики» к другим.

В этом, казалось бы, пессимистическом рассуждении содержится и залог оптимизма. Что постараемся показать.

Здесь укажем на одно изменение в российском обществе, которое можно назвать всеобъемлющим, относящимся как к системе общественных представлений, так и к социальному бытию, «материи» общественных отношений. Это — системное преобразование, совершившееся за относительно короткий исторический срок (менее десятилетия!) и, если и осуществленное в известной мере сверху, то под мощным давлением снизу, во избежание полного коллапса, самоуничтожения общественного организма.

Общество, прежде бывшее **закрытой** системой, ныне стало системой более или менее **открытой**, способной взаимодействовать с внешней средой, окружающим миром. (Не смешивать с «открытым обществом», в смысле Поппера!)

Предпосылкой такой, действительно радикальной общественной трансформации была принципиальная невозможность дальнейшего функционирования и развития социума, полностью изолированного (пытающегося изолировать себя!) от воздействий внешней среды (в частности, исключаящего информационный, идейный и т. д. обмен с окружающим миром). Этот глобализационный прорыв произошел в результате взаимоналожения внутренних и внешних причин (рассмотрение которых здесь опускаем).

Итог: крутая ломка всех общественных представлений, дискредитация проекта «коммунистического строительства» и попытка «перевести стрелки» на путях социально-экономического и политического развития.

За вышеуказанный скачок, системную трансформацию, при всей ее объективной необходимости, с одной стороны, и при изобилии субъективных ошибок и извращений в ее управленческом «обеспечении», с другой, гражданам страны приходится платить дорогую цену. Общество ныне вошло в состояние нового глубокого кризиса — экономического, политического, социального, по существу — тотального. Но при этом перед общественным организмом, продвинувшимся к состоянию **открытой** системы, приоткрылась действительная, а не мнимая перспектива самолечения и развития.

...Развития — **куда?** «Куда идет Россия?».

Попытки слишком уверенного ответа на этот тотальный вопрос не вызывают доверия. Но общий смысл нашего рассуждения сводится к тому, что российское общество при увеличившихся степенях свободы и расширении возможностей как институционального, так и личного выбора (что характерно именно для открытой системы!) по крайней мере обретает шанс более эффективной самоорганизации и перехода в новый режим функционирования и развития, с иным соотношением «порядка и хаоса» (если обратиться к одной из ключевых идей синергетики).

Наше общество приобрело новое качество **открытости к изменениям**. В таком социальном организме, как и во всякой неравновесной (а стало быть — способной развиваться!) системе, наиболее вероятны нелинейные изменения.

Однако резко обострившиеся застарелые общественные болезни и «девиации» (хотя есть и новые!): чрезвычайный диапазон социального неравенства, незащищенность граждан от чиновного произвола и физического насилия, повсеместная коррупция и злоупотребления властью, организованная преступность, экологические катастрофы, грубые нарушения прав человека, наконец, терроризм (индивидуальный и массовый, вплоть до государственного), — в обществе, вступившем в «эпоху перемен», вселяют естественное замешательство, у некоторых — отчаяние. Может создаться впечатление, что современная Россия не «идет» куда-то, а неудержимо катится в пропасть...

Здесь пора вернуться к нашему первоначальному рассуждению о соотношении социальной «изменчивости» и «наследственности».

Говоря в самом общем плане, можно предположить, что как раз те самые малоизученные, не получившие отражения ни в идеологических программах партий, ни в теоретических построениях обществоведов (нынешних, как и вчерашних!), глубинные закономерности и процессы народной жизни и обеспечивали — достаточно долго! — как относительную стабильность исторически обреченного общественного строя, так и способность людей к достижению пусть ограниченного и частичного индивидуального благополучия при этом строе.

А теперь?

Назовем способность индивидов и социальных групп не только адаптироваться ко всякой общественной системе, но и адаптировать ее к своим действительным (вовсе не обязательно декларируемым и даже не всегда осознаваемым) потребностям и интересам, — **адаптивно-адаптационным ресурсом**.

Тема соотношения пассивной и активной адаптации («адаптации себя» и «адаптации к себе») является одной из сквозных в настоящей книге. Эта тема рассматривается здесь на разных уровнях. Например: уровень производственной организации (разнообразие форм самоорганизации и самостоятельности работников, обеспечивающих функционирование производства не в соответствии, а вопреки тем или иным управленческим проектам и «мерам»); уровень личности (сохраняющей и воспроизводящей свою целостность за счет различных сочетаний пассивной и активной адаптации в повседневном социальном поведении).

Адаптивно-адаптационный ресурс социального субъекта (лица, сообщества, группы, общества в целом), «вынужденная инициатива» (инициатива, упреждающая неблагоприятные для субъекта последствия ее отсутствия), способность к спонтанной, внеформальной самоорганизации и к обходу всех неадекватных управленческих установлений и норм в интересах достижения стабилизационного оптимума, — не спасет ли все это и сегодня «Россию в обвале», или «Россию на изломе» (как мы предпочли бы сказать)?

И еще один «сакраментальный» вопрос: в какой мере эта адаптивно-адаптационная способность есть общесоциальная, общечеловеческая, а в какой — специфическая черта российского социума?

Дать достаточно определенные ответы на эти вопросы не беремся. Но уже само предположение о том, что такие скрытые закономерности и социальные механизмы действовали раньше и не могли безвозвратно исчезнуть теперь, вселяет надежду.

За эти десять лет российское общество, понятно, не стало ни демократическим, ни живущим по законам правового государства, ни рыночным (в классическом смысле), ни — тем более — преуспевающим. Оно в чем-то даже «откатилось» назад. Однако, обретя новое системное качество **открытости**, оно, по-видимому, имеет теперь все же больше шансов для мобилизации своих внутренних, адаптивно-адаптационных ресурсов.

Изложенное выше не противоречит взглядам коллег, мнение которых для меня существенно. Например, В. А. Ядов:

...Народ наш чрезвычайно адаптивен к трудностям и лишениям. Не то чтобы все способен стерпеть, но намного более, чем какой-нибудь иной из западных. И очень трезвомыслящий. Сегодня, при полном отчуждении от властных структур, люди находят способы как-то выжить, и, представьте себе, абсолютное большинство, судя по опросам, сохраняют надежду на будущее. (*Журнал социологии и социальной антропологии*. 1999, 1, с. 14)

Но это, так сказать, эмпирическое обобщение. А вот — теоретическое предположение (гипотеза) покойного М. Я. Гелфера (1994):

... «Вне истории» — не сырье. У него не только свое лицо, но и свое **время**, и свое **развитие**. И если это развитие не реализует себя в восхождении, если оно оппонирует пресловутому «ускорению истории», то не значит ли это, что рядом с мировой историей существует всеобщее **«вне-истории»** с собственным субъектом, и что теперь пришел его час выйти из-за кулис, заполнив собою всю сцену?

...В конечном счете, «человек исторический» — некая условность или безусловность одной из двух ипостасей человека, второй из которых является «человек повседневный». Им трудно ужиться друг с другом. Схватки между ними формируют лики эпохи. Допустимо ли считать историю неизменной победительницей? До поры до времени мы принимаем кажимость за действительность. Ныне много виднее, что история своими «концами», как и своими «началами», чертила собственный предел, неся в самой себе не только развязку, но и расплату.

В решающий момент **повседневность** предъявляет заявку на ту единственность смысла, который пыталась узурпировать история... (М. Гефтер. *История — позади? Историк — человек лишний / Аутсайдер — человек вопроса. М.: Век XX и мир, 1996, с. 18*).

Как обычно, М. Я. Гефтер здесь скорее спрашивает, чем отвечает. Но правильно поставленный вопрос стоит десятка «готовых ответов».

Р. В. Рывкина отмечает, что те перемены, которые идут в российском обществе, имеют «противоречивый, трагический характер»:

... По большому счету драма российских реформ — это итог реальной, естественной эволюции страны. Эта эволюция идет так, как она может идти в такой стране, какой является Россия...

На то, что в России назвали реформой, в Европе и Америке ушли столетия. У нас уже давно никакие не реформы, а эволюция общества из одной социально-экономической системы в другую: из советской системы с огосударственной экономикой в капиталистическую систему с гражданским обществом, работающей демократией и здоровой рыночной экономикой. К такой системе каждая страна идет своим путем и своим темпом. Россия только встала на этот путь, и он будет очень долгим. Но все другие варианты чреватые новыми драмами, о характере которых мы сегодня и не подозреваем...

Время работает на ту часть российского общества, которая сегодня уже не ждет милостей от государства... Историческое время всегда работает на тех, кто не стоит, а движется. Ибо именно эта часть общества ускоряет его эволюцию и придает ей смысл. Поэтому в России у истории есть союзники, ей есть на кого опираться... (Р. В. Рывкина. *Экономическая социология переходной России. Люди и реформы. М., 1998, с. 415-416*).

И еще одно высказывание на эту же тему, принадлежащее Ю. А. Леваде:

...Есть явления преходящие и явления необратимые. Суэта, истерика — проходят; реальные плоды перемен — остаются. Но сегодня эти реальные плоды кажутся только разрушительными: сломана и не возвратится — что бы ни происходило — старая монолитная система единомыслия и единодушия, изоляции от всего мира и собственной истории. Но еще был **глоток свободы и сближение с остальным миром** (выделено мною. — А. А.). Все это сегодня подвергается испытанию на прочность, и часто этого испытания не выдерживает. Что тонко — порвется, а кое-что важное останется. В общем, не так и мало для нескольких лет — есть что терять и что стоит защитить от старых и новых напастей... (Ю. Левада. *Время вынужденных поворотов // Знание-сила, 1999, 1 11/12, с. 33*).

Мне кажется, все эти замечания коллег резонируют с нашим собственным рассуждением — о соотношении «наследственности» и «изменчивости» в общественном развитии.¹³

¹³ И еще одно высказывание, с которым я вполне согласен:

«...Это такой балаган, когда начали выработать по указу президента национальную идею. Она сама должна родиться. Я уже говорил: по-моему, идею нужно взять у Петра Шувалова,

* * *

Обратимся теперь к **личностной** (в известном смысле также — нравственной) составляющей представленного в этой книге эксперимента социолога-рабочего (и — шире — опыта драматической социологии).

В узком смысле, личностная составляющая — это рефлексия, **самоанализ** социолога-испытателя. Это осмысление последствий собственных действий и сознательная коррекция своего поведения, в ходе эксперимента. В широком же смысле — это смысложизненный поиск, выбор (или выработка) жизненной стратегии и поведенческих тактик в предлагаемых человеку или же созданных им самим жизненных обстоятельствах (включая чрезвычайные).

Здесь пора попытаться соотнести нашу драматическую социологию с научными направлениями, относящимися к изучению личности, ее структуры и динамики, ее взаимодействия с социальной средой.

...Человеку отпущена одна жизнь, и отчасти он волен ею распоряжаться. В той мере, в какой справедливо последнее утверждение, именно сознание человека определяет его бытие, а не наоборот. Собственной активностью человек формирует условия своего существования. С другой стороны, в своем «делании» жизни субъект всегда ограничен средой — природной, социальной, культурной и т. д., в частности, активностью других людей.

Жизнь человека задана объективно, и вместе с тем это — продукт его жизнетворчества. В процессе жизни человек духовно и практически (духовно-практически!) реализует себя, осуществляет свое «самостояние» (выражение А. С. Пушкина). В известном смысле, всякая жизнь есть «эксперимент на себе» — в той мере, в какой человек сознательно строит ее, а не только «проживает», в какой он принимает ответственные и судьбоносные для себя решения.¹⁴

Нетрудно усмотреть множественность и разнообразие как внутри-, так и междисциплинарных связей (источников и стыков) вышеупомянутого персоналистского аспекта драматической социологии.

Так, в современной социологии все более интенсивное развитие получает научное направление, именуемое иногда «биографическим методом», иногда «анализом жизненного пути» (общепринятого названия пока нет!). В русле этого направления развиваются также социолого-генеалогические исследования. В рамках общей и социальной психологии давно разрабатываются подходы, имеющие своим предметом онтогенез и динамику развития личности (включая — в последнее время — анализ «стратегии жизни», акмео-который был при Елизавете, 250 лет назад Он высказал идею: **сбережение народа**, и прошло 250 лет и ничего पहले нет, чем сбережение народа... Сбережись — вот у нас первая идея А когда сбережемся, идея сама родится...» (*Солженицын А. Духовное падение гораздо страшнее физического // Литературная газета, 24–30 05 2000*)

¹⁴ «Жизнь, — писал С Л Рубинштейн, — это процесс, в котором объективно участвует сам человек Основной критерий его отношения к жизни — строительство в себе и в других новых, все более совершенных, внутренних, а не только внешних форм человеческой жизни и человеческих отношений» (*Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии М., 1976, с 379*)

логию и другие исследовательские подходы и направления). Многообразны тут стыки и с социальной антропологией, и с социальной философией.

(Здесь не претендуем на обозрение всего множества актуальных и потенциальных «мостов».)

По нашему мнению, наиболее точным и емким определением всей совокупности собственно социологических подходов, относящихся к исследованию жизненного процесса и «траекторий жизни», может быть: **социология жизненного пути**.¹⁵

Понятно, что и в рамках социологии жизненного пути, как таковой, возможен широкий спектр разнообразных подходов. Нам представляется, что в социологическом плане жизнь можно трактовать как поэтапный процесс самоосуществления человека в его взаимодействии с социальной средой. При этом в центр внимания анализа жизненного пути выдвигается вопрос о **соотношении индивидуальной свободы и зависимости от внешних обстоятельств**. Это соотношение различно у разных людей, не стабильно оно и на протяжении жизни одного человека, наконец, не одинаково — в один и тот же жизненный период — в различных сферах жизнедеятельности.

(Здесь заметим в скобках, что сам по себе эксперимент социолога-рабочего в свое время расширительно трактовался автором, как исследование границ свободы личностного выбора и индивидуального поведения, в определенном социально-нормативном контексте.)¹⁶

При предлагаемом подходе, «траектория жизни» человека подлежит рассмотрению как с точки зрения ее исторической, социокультурной обусловленности, или **объективной логики**, так и с точки зрения внутренней, имманентной, **субъективной логики**. Та и другая тесно переплетены между собой, и различение их, равно как и раскрытие механизма их взаимосвязи, представляет значительную методологическую трудность. (Надо сказать, что лишь

¹⁵ Автор этих строк колебался в выборе термина В одной из недавних работ (Алексеев А. Н. Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни СПб: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000) мною в том же смысле употреблялся термин **социология жизни**

Уже после этой публикации довелось ознакомиться с работами Ю М Резника: Резник Ю. М. Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез? // Вестник Московского университета Серия 18 Социология и политология, 1996, 1 4; Резник Ю. М. «Социология жизни» как новое направление междисциплинарных исследований // Социологические исследования, 2000, 1 9); и др

Названный автор трактует «социологию жизни» значительно шире: как «область синтеза различных научных дисциплин, изучающих жизнь людей в обществе», как «особое видение и восприятие социального мира, при котором последний рассматривается сквозь призму человеческой жизни» (Резник Ю. М. Социология жизни: новая парадигма или междисциплинарный синтез? ..., с 12–13)

Поскольку термин «социология жизни», как видно, успел войти в научный обиход именно в таком, расширительном смысле, остановимся на **социологии жизненного пути**, как обозначении обсуждаемой здесь области исследований (Автор благодарен Р И Ленчевскому за участие в принятии этого терминологического решения)

¹⁶ Ср Ж Гурвич: «Социология — это наука о человеческой свободе и обо всех препятствиях, с которыми эта свобода сталкивается и которые она частично преодолевает» (цит по: Новые направления в социологической теории М, 1978, с 212)

в редких случаях сам факт наличия именно двух логик развития личности, объективной и субъективной, сплав «социального» и «индивидуального» в этом развитии — осознается самим субъектом жизненного процесса.)

Ранние подступы к этой теме у автора этих строк содержатся в работах рубежа 70–80-х гг. Но то были именно подступы, лишь первые подходы к построению предмета «социологии жизненного пути». Аналогичные попытки в то время предпринимались и другими отечественными исследователями (иногда с учетом, а иногда и без учета изрядного опыта, накопленного к тому времени в зарубежной социальной науке).¹⁷

* * *

Ныне, пожалуй, уже никто не сомневается в том, что жизнь индивидуального субъекта, именно в динамике, — вполне правомерный объект для социологического (в сочетании с психологическим и историческим) анализа.¹⁸ Весьма широк и разнообразен круг эмпирических методов такого изыскания: анализ личных документов; «жизненные» и «семейные» истории; углубленные интервью о жизненной ретроспективе; «панельное» тестирование; максимально приближенное к объекту продолжительное наблюдение... (Здесь упомянуты как широко распространенные ныне, так и относительно редко используемые методы.)¹⁹

А нельзя ли попробовать сделать **собственную** жизнь (всю совокупность внутренних процессов и внешних жизнепроявлений) объектом своего рода включенного наблюдения? Назовем этот нестандартный случай — когда социальный исследователь ставит самого себя (или другого человека, согласившегося на такой способ самореализации) в положение «наблюдающего участника» собственной жизни — **социологической ауторефлексией**.

Первым шагом к осуществлению этого (поначалу смутного!) замысла для автора этих строк была попытка ведения «протоколов жизни». (Протокол жизни — вариант дневника, но с особой, социологической сверхзадачей.)

¹⁷ Наиболее полный и концептуализированный из известных мне обзоров развития биографического метода в мировой социологии и психологии, от пионерного исследования У Томаса и Ф Знанецкого («Польский крестьянин в Европе и Америке», 20-е гг) до «почти современных» работ (Ф Ферраротти, Д Берто и др; 80-е гг) см в: *Валевский А. Л.* Основания биографики Киев: Наукова думка, 1993

¹⁸ См постановку вопроса о необходимости соединения социологического, психологического и исторического анализа в исследовании жизненных путей в: *Кон И. С.* Жизненный путь как предмет междисциплинарного исследования / Человек в системе наук М, 1989

¹⁹ В качестве наиболее ярких примеров использования биографического метода в современных отечественных исследованиях укажем на работы (только монографические):

Судьбы людей: Россия XX век Биографии семей как объект социологического исследования М: Институт социологии РАН, 1996; Голоса крестьян: сельская Россия конца XX века в крестьянских мемуарах М: Московская высшая школа социальных и экономических наук, 1996; *Козлова Н. Н., Сандомирская И. И.* «Я так хочу назвать кино» «Наивное письмо»: опыт лингво-социологического чтения М: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996; На корме времени Интервью с ленинградцами 30-х годов СПб: журнал «Нева», 2000

См также материалы международного семинара, проходившего в Санкт-Петербурге в ноябре 1996 г: Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ СПб: Центр независимых социологических исследований, 1997

Логика эксперимента социолога-рабочего трансформировала этот почин в серию «писем» и «хроник» - протоколов наблюдающего участия, с чрезвычайным жанровым разнообразием (о чем говорилось выше).

При этом личная жизненная практика стала трактоваться как своего рода «полевой этап» нетрадиционного социологического исследования, где профессиональный эксперимент становится экспериментом женственным, и наоборот.

Способ исследования, обозначенный нами выше как социологическая ауторефлексия, в принципе, может использовать весь методический арсенал эмпирической социологии, включая эксперимент.²⁰ Возвращаясь к формуле «познание через действие», адресуем ее также и к социологической ауторефлексии (персоналистский вариант социологии жизненного пути).

«...Как можно самого себя познавать? Отнюдь не созерцанием, а только действием. Попробуй исполнить свой долг — и тотчас себя познаешь. Но что в сущности твой долг? Требование дня», — замечал Гете. (Цит. по: А. А. Аникст. *Художественный универсализм Гете / Гетевские чтения*. М.: Наука, 1986, с. 19).

Но допустим, в какой-то момент исследователь принял решение сделать самого себя объектом социологического наблюдения и анализа. Здесь возникает определенная методическая трудность. Ясно, что жизненный путь — чей-либо или свой собственный - нельзя репрезентировать лишь отдельным его отрезком (этапом), как бы детально тот ни был описан: в форме подневных записей, хронометража жизни, «системы времяполь-зования» (как у А. А. Любичева)²¹ или как-либо иначе.

Как же распространить эмпирическое исследование (здесь - исследование собственной жизни!) на **минувшие** жизненные периоды, когда такое самонаблюдение и самоанализ вовсе не велось систематически? Память? Увы, она - будь то собственная, будь то других людей - избирательна. А «воспоминания о себе» часто еще и комплиментарны...

Тем не менее решение есть! Ведь сохранились же и от своей «прежней» жизни некоторые «жизненные свидетельства», документы, например: личные письма, не нагруженные исследовательской сверхзадачей дневники, а также продукты профессиональной (в нашем случае - журналистика, социология) или общественной деятельности... Да и свидетельства других людей или официальные документы, имеющие «к тебе» отношение, не менее информативны.

Автор отдает себе отчет в рискованности задуманного (и отчасти осуществленного в настоящей книге) исследовательского шага. Здесь пред-

²⁰ Ср. у Георгия Гачева:

«...Ведь и жизнь свою я однажды уразумел как эксперимент!.. Не знаю чей: кто или что его надо мной ставит? Но важно тут, осознав себя неким подопытным существом, не юлить-прятаться-увилькивать от роли этой, но принять и исполнять ее честно, и добросовестно вести журнал наблюдений...» (Гачев Г. Семейная комедия. Лета в Щитово (исповести). М., 1994, с. 10).

²¹ «Системе времяпользования» ученого-энциклопедиста и мыслителя Александра Александровича Любичева посвящен специальный раздел этой книги (см. в главе 5: раздел «Человек, смотрящийся в часы...»).

принята попытка своего рода социологического моделирования, направленная на выявление исторической обусловленности и внутренней логики собственной жизни, взятой в целом.

Итак, не к постороннему объекту (жизни другого, других...) применены высказанные выше общие соображения, а **к самому себе** (тоже эксперимент?).

Вообще говоря, жанр «воспоминаний о жизни» приобрел ныне чрезвычайную популярность. Не надо далеко ходить. Люди моей профессии — не в последних рядах мемуаристов. Достаточно открыть почти любой из социологических журналов, чтобы найти там автобиографические (ауторефлексивные) тексты, принадлежащие ведущим отечественным социологам.²²

Специфика нашей собственной попытки — в избранном способе представления (построения) интеллектуальной автобиографии. Как нам кажется, такая попытка, хоть и имеет прецеденты, но не в сфере социологического творчества, как такового.

Социологическая ауторефлексия в принципе может быть осуществлена путем селекции и предъявления **аутентичных** авторских текстов разных лет, причем «всех мыслимых» (а точнее — доступных автору) жанров: дневник, хроника, личное письмо, официальное обращение, журналистская статья, научный труд. При этом отбираться для такой «антологии» должны вовсе не лучшие (с авторской точки зрения), а показательные (в плане задуманного анализа) фрагменты.

В этом виртуальном опыте (документированная идейно-духовная биография) ставится задача, как бы обратная той, какую автор пытался решить в опыте практическом (эксперимент социолога-рабочего). Вместо вопроса: **«что человек может сделать с обстоятельствами?»**, — на передний план выдвигается противоположный: **«что обстоятельства могут сделать с человеком?»**.

(Вообще говоря, эти две постановки вопроса далеко не равноправны: человек может не быть «винтиком» социальной машины, однако он не может быть полным «демиургом» собственной жизни!)

* * *

Так как же именно происходят в индивидуальном сознании (в процессе его биографической эволюции) взаимоналожение и интеграция разнообразных, противоречивых влияний, идущих: от условий ранней социализации (семья); от разных кругов общения (параллельных и сменяющих друг друга на жизненном пути); от (опять же — параллельного и последовательного) исполнения человеком различных социальных ролей; от его всевозможных взаимодействий (контактов) с социальными институтами на

²² Особый интерес в этом отношении представляет недавно вышедший сборник: Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах / Под ред. Г. С. Батыгина. СПб.: Институт социологии РАН, 1999. Характерно, однако, что воспоминания и документы в упомянутом сборнике представлены раздельно. Люди — «вспоминают», а документы — «свидетельствуют», иногда — противореча друг другу... Дело в том, что оба эти жанра имеют каждый свои, «имманентные» абстракции.

протяжении жизни; при... достаточно очевидном итоговом подчинении этого индивидуального сознания — «господствующим мыслям эпохи»?

Как это выражается в социальном поведении человека — реальном (поступки) и вербальном (тексты)?²³

Наконец, как (в частности, в нашем, персональном случае) могла возникнуть эта, по видимости парадоксальная, смесь идеологической ортодоксии, с одной стороны, и «вольномудства», с другой, — смесь, периодически выливающаяся в «инакодействие» (нестандартное поведение)?²⁴

Стоит лишний раз оговорить, что личный биографический опыт избран здесь для обозрения и анализа вовсе не потому, что автор полагает его более интересным или заслуживающим внимания, чем чей-либо другой. Просто этот предмет — «ближе лежит», лучше других (по крайней мере для самого автора!) обеспечен эмпирическими данными и — как будто! — доступнее для ретроспекции.

Надеемся, что, ознакомившись с отобранными для этой книги текстами прошлых лет, читатель не заподозрит составителя «антологии» в стремлении к ретуши. Еще в начале 90-х первые итоги самоанализа дали повод для горьких раздумий:

...Принято считать, что именно поколение шестидесятников подготовило «перестройку» 80-х гг. Однако очень разнообразны его типажи...

В поисках самоопределения, я колебался между названиями: «недоразвитый» или «запоздалый» шестидесятник. При том, что взгляды и позиция субъекта в течение десятилетий не могли не меняться, трудно, читая эти тексты, не обратить внимание на замедленность идейно-духовной эволюции. В конце концов, я остановился на названии: «дурной шестидесятник» (подсказано моим другом Андреем Черновым).

Критерии смещаются — и не только в общественном, но и в индивидуальном сознании. И уж если судить, то по гамбургскому счету!

Когда-то любимым изречением автора было: **«Все, что случается с человеком, похоже на него самого»** (О. Хаксли). Потом: **«Мир погибнет, если я остановлюсь!»** (Л. Толстой). Теперь воспользуюсь собственным: **«Суди себя сам!»** (Из предисловия к собранию документов «Дурной шестидесятник». Рукопись. 1991).²⁵

...И вот теперь, когда главный сюжет книги (эксперимент социолога-рабочего и т. п.) помещен в более широкий биографический и исторический контекст (панорама и ретроспектива!), оказывается, что сам этот сюжет дает повод для неожиданного социологического прочтения.

Там, где «социологу-наладчику» в его профессионально-жизненном эксперименте прежде мнились, по преимуществу: **жизнетворчество**, активная адаптация, подчинение себе обстоятельств, — теперь, как бы между строк, словно симпатические чернила, проступают также и... **характер**—²³ Понятно, что и текст может быть поступком, и поведенческие акты могут трактоваться как тексты (текст)

²³ См., особенно, историю политического «дела» социолога-рабочего в главах 4 и 7–10 настоящей книги

²⁴ Речь в цитированном отрывке идет не только о текстах 80-х гг., но и более ранних (50–70-е гг.) См также: Алексеев А. Слишком правоторный комсомолец, или дурной шестидесятник / Пчела, 1998, ¹ 11

ные черты приспособления, ситуационной зависимости, подчинения себя обстоятельствам! Сам же эксперимент социолога-рабочего (самодеятельная акция!) обретает новый смысл. А именно: он оказывается способом (или формой) самосохранения (внутриличностного и не только...), своего рода **выживания**, «вынужденной инициативы», предстающей уже не только тактикой социального поведения, но и жизненной стратегией!

Хочется думать, что читатель согласится с нижеследующим выношенным (взвешенным) выводом:

По большому счету, обсуждаемый опыт социолога-испытателя следует трактовать не в качестве акта профессионального или жизненного «подвижничества» (как это квалифицируется в некоторых «версиях» эксперимента социолога-рабочего, относящихся к рубежу 80–90-х гг., в частности, в цитируемых в книге газетно-журнальных публикациях «перестроечного» времени), а всего лишь... как **ограниченную условиями исторического места и времени попытку жизненного самоосуществления человека**.

Причем ключевые смысложизненные вопросы, к решению которых была устремлена эта попытка, в пределах данного эксперимента, как такового, оказались для автора не разрешимыми.

Ответы на эти вопросы тогда так и остались за чертой «социального горизонта» и, соответственно, они оказались неподъемными для аналитических, эмоциональных и интуитивистских способностей субъекта (постановщика «социологической драмы»).

Для такого «суда над самим собой» социологу-испытателю, как и многим его ровесникам, понадобилось, как видно, пережить («прожить дольше, чем...») **свое время**. То время, которое нас (мое поколение) сформировало. Что ж, врачу — исцелился сам, по крайней мере — умей поставить себе диагноз!²⁶

Этот автовердикт надежно подкрепляется разнообразными историко-биографическими параллелями и контрапунктами.

...Однако воздержимся и здесь от слишком категоричных выводов. Всякая ауторефлексия, в том числе и социологическая, таит в себе опасность субъективистских искажений. Как бы ни хотелось рефлексирующему субъекту достичь всесторонности рассмотрения, точности описания и глубины постижения...

* * * **Особый методологический**

интерес представляет вопрос о **соотношении** драматической социологии и социологической ауторефлексии. В той и другой имеет место своеобразное сближение субъекта и объекта исследования, с перспективой их «слияния» в «субъект-объект», иначе говоря, их отождествления (см. об этом выше). Вместе с тем, есть и немаловажные различия.

²⁶ В связи с представленной здесь современной авторской постановкой вопроса хочется обратить внимание читателя еще на одну ауторефлективную попытку: специально написанное для настоящей книги эссе моего многолетнего друга и коллеги, «со-умышленника, со-участника и со-автора», киевского социолога и философа Р И Ленчовского: «На что мы надеялись, или о нравственном смысле анализа превращенных форм» (см главу 9)

Первое. В отличие от драматической социологии, когда исследование разворачивается «здесь и сегодня», в случае социологической ауторефлексии изыскание может быть также и ретроспективным — за счет использования сохранившихся документов, «жизненных свидетельств», которые, в свое время, могли составляться и без социологического «умысла», однако в рамках исследования подлежат социологическому «прочтению».

Второе. Драматическая социология необходимо предполагает самого исследователя в качестве действующего лица (актера). В случае же социологической ауторефлексии совмещение двух ролей — исследовательской и «жизнедействующей» — не обязательно. Всякий человек может захотеть в какой-то момент «остановиться, оглянуться»... Разумеется, само по себе «воспоминание о жизни» и ее осмысление — еще не социология. Но если профессионал подключится к этой работе «ума и души» рефлексирующего субъекта в качестве помощника (консультанта, методиста-методолога и т. п.), то может возникнуть исследование «случая имярек» — в рамках указанного исследовательского подхода.²⁷

Третье. В социологической ауторефлексии, как и в драматической социологии существенным является выяснение границ **свободы** индивидуального социального поведения. Однако, как уже отмечалось, здесь вероятно определенная переакцентировка: не «что человек может сделать с обстоятельствами» (драматическая социология), а — «что обстоятельства могут сделать с человеком». Иначе говоря — приоритетное внимание к адаптивным («приспособление **себя** к...»), а не адаптационным («приспособление **к себе**...») возможностям и способностям человека.

Попробуем обобщить: если формулой драматической социологии является **познание действием** (по выражению А. Н. Ющенко), то социологическая ауторефлексия есть, в определенном смысле, **самопознание деятеля**.

Итак, драматическая социология и социологическая ауторефлексия предстают двумя ипостасями ориентированного на сближение (а в перспективе — и на тождество!) субъекта и объекта изучения взаимоотношений личности и общества: как на ментальном уровне (индивидуальное и социальное сознание), так и на уровне действия (индивидуальное и групповое или даже массовое поведение).

* * *

Следует специально оговорить, что в этой книге освещаются, как правило, только те общественные события, в которых автору довелось **лично** участвовать (а иногда — и быть «в центре события»...). Рассказывается преимущественно о тех людях, с которыми довелось лично (или хотя бы заочно) общаться...

Итак — **субъективная** социология? Здесь возникает коварный вопрос: а является ли эта книга вообще... **социологической**? От академического

²⁷ Здесь напрашивается сравнение с психоанализом. Но, понятно, и задачи, и арсенал средств, и результаты тут совсем другие; хотя, пожалуй, и не меньше трудозатрат — для исследователя

канона она, понятно, далека. Но, может быть, вообще здесь — не социология, и даже не наука, как таковая? Попробуем разобраться.

...Сначала о том, в какой мере, скажем, наша драматическая социология может квалифицироваться как исследовательская (именно) практика.

Надо сказать, что с не меньшими, а, может быть, даже с большими резонами этот вопрос можно задать в отношении некоторых других «альтернативных» социологических направлений. Например — социология действия А. Турена. Воспользуемся случаем, чтобы объяснить, что имелось в виду, когда говорилось (выше), что автор соотносит себя с этой научной школой, но не идентифицируется с нею.

В формуле «познание через действие» последнее выступает как средство, инструмент первого. Что же касается, скажем, метода социологической интервенции, разработанного А. Туреном, то здесь скорее имеет место соединение познания с действием, где то и другое **равноправны** и оба выступают и как средство, и как цель.

Вот как об этом пишет сам Ален Турен. С одной стороны, социологическая интервенция есть «действие социолога, преследующее цель обнажения социальных отношений и постановки их в центр анализа» (*Touraine A. La voix et le regard. Sociologie des mouvements sociaux. Paris, 1978, p. 184*). Тут, как будто, полное совпадение с нашим «наблюдающим участием»... С другой стороны, как отмечает А. Турен, «следует сказать со всей откровенностью, что эта работа претендует способствовать развертыванию социальных движений» (*Ibid., p. 194*).

Именно тут нам видится пункт расхождения, основное различие социологической интервенции и наблюдающего участия. (А вовсе не в том, принимает ли исследователь на себя новую социальную роль, как в нашем случае, или «сохраняет дистанцию» между собой и другими участниками движения, как постулируется в социологии действия...)

В итоге социологической интервенции, участники движения «...становятся менее неосведомленными о смысле своих действий, чем они были еще совсем недавно, — пишет А. Турен. — Почему бы социальным движениям не воспользоваться результатами социологического анализа, способного осветить их проблемы и их действия?» (*Ibid., p. 195*).

А. Туреном выдвинуто понятие **перманентной** социологии, где предполагается постоянный «обмен между действием и анализом», так что результаты анализа используются в очередных (коллективных) действиях, а затем «подкрепляются знанием эффектов их влияния на поведение акторов и их борьбу» (*Ibid., p. 194*).

Как видим, социология действия — это не просто (не только) исследовательская практика. Здесь присутствует также момент «социальной педагогики», своего рода «внесения сознательности в стихийность движения» (что подтверждается и опытом применения метода социологической интервенции в «студенческой революции» во Франции в конце 60-х гг.).

Заметим, что в эксперименте социолога-рабочего подобная педагогическая (организаторская) задача отсутствовала. Обмен между действием

и познанием здесь, разумеется, тоже происходил, но — только в сознании самого исследователя (или его «интимного» окружения). Цели субъекта наблюдающего участия во всяком случае иные, чем те, которые ставит перед собой субъект социологической интервенции.

Социолог-испытатель не претендует на «организацию коллективной борьбы». В случае наблюдающего участия исключено (запрещено!) всякое действие, которое не было бы продиктовано аналитической и/или деловой и/или смысложизненной задачей (соответственно — комбинацией этих задач и мотивов).²⁸

Разумеется, общим для драматической социологии и социологии действия (как и для ряда других исследовательских подходов и направлений) является принадлежность к неклассической — **качественной**, гуманистической (можно сказать также — «романтической»!) ветви социологии, с ее гибкими, или «мягкими» методами, установкой на «вживание» в объект или даже на «слияние» с ним. Однако в праве на научный статус «качественной социологии» сегодня отказывают разве что уж слишком ригористичные поборники «объективного» социального знания...

Другое дело, что, будучи расширен до исследования всего комплекса взаимоотношений личности («лица» — скажем вслед за А. Ухтомским) и общества и неизбежно упираясь в смысложизненные вопросы, обсуждаемый здесь эксперимент оказался уже **не только** социологическим, а и своего рода «эмпи-рико-философским» (казалось бы, невозможное сочетание!) изысканием.

Так, представленные в авторских текстах начала 80-х гг. попытки сформулировать некоторые универсальные жизненные принципы (принцип «социально-опережающего отражения», принцип «адаптационного нормотворчества», и др.); опыты «притчевой» интерпретации складывающихся в ходе эксперимента моделирующих ситуаций (например, «притча о Генеральной линейке»); постановка вопроса о меняющемся соотношении свободной (самоценной) и вынужденной (инструментальной) деятельности в жизни человека; обсуждение проблемы взаимоотношений Человека со временем; рассмотрение оппозиции «монолог-диалог» и рассуждения о «собеседнике как соавторе» и «соавторе как собеседнике»; своего рода апология Целостности (как идеала) и стремления к ней (как мотива деятельности), — все это так или иначе тяготеет к социально-философскому дискурсу.

То же можно сказать и о попытках применить к социальному познанию идеи тринитарной методологии, или триадного синтеза. (Здесь автор считает себя учеником Р. Г. Баранцева).²⁹

²⁸ Некоторые элементы «интервенции» как таковой (если быть совсем точным) появились у социолога-испытателя только на заключительной стадии эксперимента (1987–1988), когда ему довелось принять на себя отдельные (заведомо не планировавшиеся поначалу...) функции «лидера». Но то был уже не эксперимент, а выход за его пределы — своего рода растворение эксперимента социолога-рабочего в общественном движении (Этот сюжет выходит за хронологические рамки данной книги)

²⁹ О математике и философии, профессоре Санкт-Петербургского университета Рэме Георгиевиче Баранцеве см. в главе 8: «Дело Баранцева» Интермедия» и др. разделы

И тут же, наряду и попеременно с этим «любомудрствованием»... дотошные описания производственных и бюрократических «заморочек», сугубая проза жизни, «приключения социолога-наладчика» и т. п.

Так какая же книга предлагается вниманию профессионального (но и не только!) читателя?

Не вполне социологическая, но и не философская... Не мемуарная, но и не историческая... Отчасти — «летопись» (будь то собственной жизни, будь то запуска координатно-револьверного прессы); отчасти — «анекдоты» (давнего и недавнего времени); отчасти — «приключения духа» (своего и не только своего, имея в виду собеседников и соавторов, предшественников и современников).

Не история, не философия, не социология! Хотя, в известной мере, и то, и другое, и третье... Можно, конечно, усмотреть тут и журналистику, документальную публицистику. (Когда-то, давно, автор был журналистом.) Но для публицистики эта книга, пожалуй, слишком «тяжеловесна».

...Так или иначе, книга все же написана **социологом**. От своей профессиональной принадлежности не отрекаемся! В давних спорах о том, что же такое социология, было и такое остроумное определение: «Социология — это то, чем занимаются социологи».

И еще одно предупреждение: автор настоящей книги вовсе не претендует на междисциплинарную интеграцию, синтез. За исключением отдельных «сугубо социологических» текстов, здесь выступают скорее черты своего рода синкретизма, примитивной нерасчлененности. Синкретизм, заметим, запоздалый... Ибо дифференциация социального знания давно состоялась. А вот синтез — пока лишь ориентир, далекий «желаний край»! ...Хорошо, если бы к этой работе можно было бы отнести слова Грэма Грина: «Знание — великая вещь... Не то обстоятельное знание... по теории, которая соблазняет нас видимостью благородства и добродетели, а подробное, страстное, повседневное знание человеческой жизни».

Могут сказать: «На кого ссылается — на писателя! Ты ж — претендуешь быть ученым...». Хорошо, сошлюсь на А. А. Ухтомского: «...Я ужасно боюсь доктрин и теорий и так хотел бы уберечь моих любимых друзей от увлечения ими — чтобы прекрасные души не замыкали слуха и сердца к конкретной жизни и конкретным людям, как они есть!».

Уместно вспомнить и замечание В. И. Вернадского о том, что наука «...отнюдь не является логическим построением, ищущим истину аппаратом. Познать научную истину... можно лишь жизнью».

Короче: автор хотел бы быть абитуриентом школы Гете или Швейцера, но не Гегеля и не Конта.

* * * В известном смысле, есть у этой книги образец, которому автор, может, и следовал бы, кабы сам не «додумался», а точнее — нашел, нащупал (хоть и не столь совершенное, а свое...). Это «исповести» моего

современника (с которым судьба, к сожалению, пока не свела), философа и культуролога Георгия Гачева.

Его «Семейная комедия» (1994), как, впрочем, и почти все его произведения, построена как «перепечатка» записей одного периода жизни, комментируемых по ходу дела им же самим, «сегодняшним». И получается **диалог с самим собой**. Вот как Г. Гачев объясняет - «идею предпринимаемого труда, а с нею - и метода»:

...Конечно, совершавшиеся на ходу записи тех лет (1969-1971. — А. А.) имеют ценность неисправимой достоверности, я их ретушировать не буду, править слог и благообразить: в них именно и характер («персонаж — это стиль!» — так бы хотел, афоризм даже предложить, но вспомнил, что почти повторяю Бюффона: «Стиль — это человек» — что же! — и слава Богу, подтверждение... Хотя я имею в виду еще и то, что персонажами литературного произведения и текста могут быть его стилистические пласты), и дух места того и времени, и аромат жизни. Разумеется, придется выбирать, не все давать (место не позволяет и то, что я еще живой); но то, что дается, идет как было написано, честно. Если же я буду вступать в диалог с самим собой или комментировать, то новые мои слова будут обозначены своими датами. Двухголосие выйдет. Втора... (Г. Гачев. Семейная комедия. Лета в Шитоие (исповести). М.: Школа-пресс, 1994, с. 10; датировка цитируемого фрагмента — 1986).

Вообще, многое из того, что написано в настоящем предисловии, - **раньше** и во многом **лучше** (без моей - все же! - оглядки на каноны профессионального сообщества) сформулировано Г. Гачевым во вступлении к его «Семейной комедии».³⁰

Получается, что даже и в **жанре** этой книги автор далек от первооткрывательства. Все мы - «изобретатели велосипедов»...

И еще об одним прецеденте, произведем на меня пять лет назад сильное впечатление и отчасти стимулировавшем написание этой книги, хочется здесь сказать. Это - «записки социолога» В. Ф. Чесноковой, опубликованные в журнале «Знание-сила» (1995, 1 8-11).

Пожалуй, это образец интеллектуальной биографии, написанной социологом, - во всеоружии своего социологического знания и опыта, однако вовсе не о своем пути в социологию или в ней самой, а об истоках собственного мироощущения и жизнеотношения в целом. При том, что само по себе жизнеотношение автора «записок» может показаться диаметрально противоположным тому, которое являл собой автор настоящей книги в период «эксперимента социолога-рабочего» (как, впрочем и до, и - отчасти - после).

³⁰ Вот еще один, резонирующий с нашим собственным замыслом пассаж «... Но вот свершаются сроки жизни; писания мои в себя, в стол, помогли ее прожить в общем радостно и умно, - и вот отходить скоро, и глотать начинает - чувство вины: себе-то ты этими писаниями послужил, а людям? Эгоист!.. И действительно, сам вкушал радость вословенствования жизни - и вылечивался так. Ну а другие? Не может ли послужить этот опыт в пользу и моим ближним? И не стоит ли поусилиться: привести эти записи в порядок, чтобы они для восприятия и другим доступны стали? Тогда два дела сразу свершишь: и людям послужишь, и дело своей жизни от Леты хоть на время отодвинешь, продлишь, сохранишь... А и третье дело: и ныне текущее время радостно и вибрируя душой, и восхитаясь умом, препровождать станешь...» (Гачев Г. Указ. соч., с. 6-7). (Писано в 1986 г., издано - в 1994-м.)

Валентина Чеснокова так определяет своего рода оппозицию двух мироощущений (соответственно, ощущений «себя в мире»):

...Чисто интеллигентское мироощущение представляет собой правильную оппозицию крестьянскому: оно исходит из посылки о познаваемости мира и о необходимости внести в него смысл извне. Отсюда идея о переустройстве мира, сугубо интеллигентская идея. Крестьянское мироощущение может вместить в себя только идею о возвращении мира, отклонившегося от своего первоначального состояния, в правильную колею, однако ни в коем случае не идею о переустройстве его на основании каких-то принципов, порожденных человеческим разумом. Крестьянское мироощущение не признает за человеческим разумом таких верховных прерогатив, и для него первоначальный смысл в мире, а вовсе не во мне... (В. Чеснокова. *Наследство // Знание — сила*, 1995, ¹ 11, с. 114).

Проследив корни собственного мироощущения в обстоятельствах собственной жизни, в частности, на ранних этапах социализации («крестьянское» мироощущение — от матери; отец же, носитель «интеллигентского — размышляющего и критического — начала, фактически исчез из моей жизни очень рано...»), В. Чеснокова пишет:

...Напыщенные панегирики личности, героически борющейся с миром или гениально ее творщей, столь распространенные в нашем веке, благополучно прошли через меня, не привившись по-настоящему... Что бы там ни говорили апологеты героической личности и как бы ни высмеивали они теории «винтиков» и «кирпичиков», я теперь, умудренная жизнью, смотрю на это спокойно, в свою очередь посмеиваясь над их беззаветной верой в человеческий разум (различные мироощущения склонны потешаться друг над другом: что естественно для одного, другому кажется чудовищным), и выполняю в мире ту функцию, которая мне более всего свойственна, — охранительную по отношению к слишком рьяным творцам. По-моему, человек всегда должен стремиться выбирать себе в жизни место в соответствии со своим мироощущением, тогда он чувствует себя наиболее легко и естественно, в полном смысле слова **«на своем месте»** (*выделено мною*. — А. А.). А другие пусть выполняют другие функции... (Там же, с. 115).

Различая понятия «мироощущение» и «мировоззрение», моя коллега очень точно замечает:

...А мировоззрение нам давали школы, литература, средства массовой коммуникации. И оно несколько раз в моей жизни кардинально менялось. Переоценивались ценности. Только мироощущение оставалось неизменным. Что-то, значит, есть в нас такое устойчивое, на всю жизнь. И, оказывается, это устойчивое — не материя, не слово и не мысль, а чувство. Никогда бы не подумала!... (Там же, с. 115).

С этим выводом я полностью согласен, и не только умозрительно, а извлекая его из собственного опыта социологической ауторефлексии, пытаюсь понять, где же внутренняя (а не просто биографическая!) связь между столь различными состояниями структуры жизнедеятельности в различные периоды жизни.

...Интересно, что этот вывод может быть распространен и за пределы личности. Он существенно резонирует и с нашими рассуждениями о соотношении социальной «наследственности» и «изменчивости» (см. выше). Только там приходится говорить уже не об индивидуальном мироощущении, а о групповом, коллективном, социальном сознании, мента-

литете, а в конечном счете — **мироотношении**, которое если и меняется, то вне прямой связи с мировоззренческими или даже социоэкономическими трансформациями.

* * *

Укажу здесь еще на один яркий пример **интеллектуальной биографии**, с которым довелось ознакомиться недавно. Это небольшая, но очень емкая и значительная книжка старшего коллеги, петербургского философа М. С. Кагана — «О времени и о себе» (СПб.: Петрополис, 1998). М. Каган определяет жанр своего повествования как **синтетический**:

...Оно (это повествование. — А. А.) обладает чертами традиционных мемуаров, поскольку излагает воспоминания автора о прожитом и пережитом, но в событиях своей жизни он отбирал только то, что казалось ему **социально значимым**, раскрывающим те или иные стороны истории советского общества и культуры в эти десятилетия (30–80-е гг. — А. А.); повествование оказалось поэтому аналитическим самовыражением автора, его **исповедью** — «исповедью сына века», говоря словами А. Мюссе, и одновременно **социологическим исследованием** господствовавших в духовной жизни нашего общества нравов, осуществленным не сторонним наблюдателем, а включенным в данный процесс его участником; исследование это имеет **строго документальную основу**, опираясь, как правило, не на ненадежные свидетельства памяти мемуариста, а на цитируемые газетные и журнальные публикации и сохранившиеся в его архиве протокольные записи событий; при этом описание фактов перемежается с характеристикой теоретического содержания и методологических предпосылок тех дискуссий на философские, культурологические, эстетические темы, участником которых был автор, если их описание казалось необходимым для уяснения их научного мировоззренческого содержания; вместе с тем мне представлялось крайне важным выявление **нравственного аспекта** описываемых коллизий, потому что ответ на сакральный вопрос: «Что есть истина?» в данной, конкретной сфере знания может волновать только специалистов, тогда как различия между честным поиском истины и превращением научной полемики в попытку уничтожить оппонента как идейного классового врага **общественны**... (М. Каган. Указ соч., с. 8).

Элементы идейно-духовной биографии, социологической ауторефлексии, отвечающие вышеприведенной постановке вопроса, можно найти в современных трудах и некоторых других моих старших коллег.³¹

³¹ Добавлю: не только старших (еще один пример: прекрасная книга В. Н. Шубкина «Насилие и свобода. Социологические очерки» — М.: На Воробьевых, 1996), но и ровесников, и даже тех, кто моложе на 5–10 лет

...Вот только что в «Социологическом журнале» (2001, ¹ 1) появился блистательный образец интеллектуальной биографии: ауторефлексивное эссе математика и социолога, философа и музыканта С. В. Чеснокова «Интересен человек как человек...» Внутренняя свобода и глубина само- и времяпостижения — необыкновенные!

Я отправил Сергею Чеснокову (с которым давно не виделся) приветственное письмо, приложив оглавление собственной книги. Был обрадован его немедленным откликом (2 02 2002):

«...Твоя судьба и стиль жизни, когда личное бытие становится главным материалом научного действия, мне очень близки. Я вижу высшую основательность и серьезность в обращении к идее драмы, как первоначально социального действия и социальных процессов»

К своим текстам я отношусь как к глине, с которой можно делать все, что угодно: все язык, все сцена, где ткется жизнь. Бахтин определял гуманитарную культуру как «тексты, сказанные или написанные в ответ на другие тексты»

...Во всем есть смысл, если за этим прямое действие и сердечный ум, а не, говоря твоими словами, мироотношенческая фальшь...»

Прав Сергей! Но, пожалуй, слишком высока для меня поднятая им в упомянутом эссе (как, впрочем, и в самом жизненном самоосуществлении) планка...

* * * ...

В этой социологической драме около 500 «действующих лиц». (Их именной список дается ниже.) Некоторые из действующих лиц часто появляются на сцене, занимают в книге весьма значительное место. Однако ключевой фигурой, главным действующим лицом оказывается все же... сам автор! Отважусь утверждать, что такой относительный **эгоцентризм** здесь оправдан.

Дело в том, что речь в настоящей книге идет преимущественно не о времени и не о себе, а о «времени в себе» и о «себе во времени». В той мере, в какой главному герою удалось (случилось?) воплотить в своей жизненной и профессиональной практике конкретное историческое время, с одной стороны, а с другой — реализовать себя в этом времени, данное произведение оказывается и смыслонесущим и, может быть, даже поучительным.

Конечно же, это мог быть вовсе и не эксперимент социолога-рабочего... И не «коррида» социолога-тореадора с быком-системой... И не изобретение новых социологических методов и т. п. Вообще, это могла быть **любая «своя» жизнь** — с неизбежно сочетающимися в ней элементами жизнестроительства и выживания, активизма и созерцательности, «дума-ния» и «делания» (Гете).³²

Здесь перечислены далеко не все возможные, в рамках социологии жизненного пути, оппозиции. Соотношение указанных полюсов, как правило, подвижно в жизни всякого человека, в разные ее периоды, в различных жизненных (и исторических) обстоятельствах. И вовсе не следует отдавать безусловное предпочтение одному перед другим.

Важна и ценна — **мера**, задаваемая скорее всего неким третьим (относительно всякой данной пары), пока не вполне ясным автору, компонентом тернарной структуры. (Кстати, эта «мера» далеко не всегда достигалась самим социологом-испытателем в свое время.)

Через практику, рефлексию и игру человек познает — как мир, так и себя, как социальный мир в себе, так и себя в социальном мире. Это — вообще говоря... Как уже говорилось, автор попытался соединить три названных элемента в драматической социологии. Но тут без некоего интегратора (главного героя?) никак не обойтись.

«Все во мне и я во всем», если воспользоваться формулой Ф. Тютчева.

...Возможно, стоит поискать «интеграционный» момент все же не в персоне, а в качестве, свойстве, понятии, например, выдвинутом Ч. Р. Миллсом: «...Посредством **социологического воображения** человек сегодня надеется понять, что происходит в мире и что происходит с ним самим — в точке пересечения биографии и истории общества...» (Ч. Р. Миллс. Социологическое воображение. М.: Стратегия, 1998, с. 16).

³² Из Гете: «Думать и делать, делать и думать — вот итог всей мудрости... И то, и другое в течение всей нашей жизни должно вершиться попеременно, как вдох и выдох, и, как вопрос без ответа, одно не должно быть без другого...»

Именно такой подход автор пытался применить здесь в рассказе как о себе, так и о людях, с которыми его свела судьба.

И последнее замечание. «Истина должна быть пережита, а не преподана», — говорит Магистр музыки у Г. Гессе. Кажется, не очень осознанно социолог-испытатель следовал именно этому завету.

* * * Возвращаясь к объяснению

замысла этой книги, скажем: делай то и

только то, что никто другой за тебя и кроме тебя не сделает.

Август 1999 — апрель 2002

Справка

Об эксперименте социолога-рабочего 1980–1988 гг. см. также наши работы:

— *Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (из опыта «экспериментальной социологии») / Проблемы социального познания и управления. Томск: Изд-во ТГУ, 1982, с. 161–173.*

— *Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) / Новое политическое мышление и процесс демократизации. М.: Наука, 1989, с. 95–111.*

— *Наблюдающее участие и моделирующие ситуации (Познание через действие). СПб.: СПбФ Института социологии РАН, 1997, 75 с.*

— *Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего), кн. 1–2. М.: СПбФ Института социологии РАН, 1997. 657 с.*

— *Человек и его работа: вид изнутри (из записок социолога-рабочего. 1982–1986) // Мир России, 1998, ¹ 1/2, с. 221–255.*

— *Театр жизни в заводском интерьере (записки социолога-рабочего) // Звезда, 1998, ¹ 10, с. 203–226.*

— *Год Оруэлла (из опыта драматической социологии). СПб.: Ступени, 2001, 500 с.*

Рецензии на книгу «Драматическая социология» (1997) см.:

— *в газете «Поиск», 1998, 17–23.01.98 (авт. — А. Я. Соснов);*

— *в журнале «Социологические исследования». 1999, ¹ 1 (авт. — В. А. Ядов);*

— *в журнале «Знание-сила», 1999, ¹ 5/6 (авт. — И. В. Прусс)*

Основные положения предисловия к этой книге представлены также в наших работах:

— *Социологическое воображение, драматическая социология и социология жизни / Социальное воображение. Материалы научной конференции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского философского общества, 2000, с. 116–119.*

— *Драматическая социология и социологическая ауторефлексия // Телескоп. Наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев, 2000, ¹ 6, с. 51–53.*

— *Российское общество: «наследственность» и «изменчивость» / Социология науки. Статьи и рефераты. СПб.: Гидрометеиздат, 2000, с. 77–84.*

Р. С. Несколько слов о структуре книги, а также ряд сугубо практических пояснений и технических указаний.

Книга «**Драматическая социология и социологическая ауторефлексия**» состоит из двух частей (томов).

Том (часть) 1 — «**В поисках жанра**» — посвящен преимущественно начальному этапу эксперимента социолога-рабочего (1980–1982). Здесь же рассматривается опыт андерграундного исследования «Ожидаете ли Вы перемен?», предпринятого автором с коллегами на рубеже 70–80-х гг. В этот том включены также некоторые из прежних работ автора в области социологии труда, социологического изучения образа жизни, социологии личности и проч.

Основную тематическую линию тома (части) 2 — «**Контрапункты**» — составляет эскалация политических обвинений в адрес социолога-рабочего и опыт самообороны от этих обвинений (1983–1985). Сюда примыкает тема дружеской и товарищеской поддержки (а затем и гражданской защиты) со стороны социологов, рабочих, журналистов.³³

Нумерация глав для двух томов «Драматической социологии и социологической ауторекфлексии» является сквозной (всего их 10). Некоторые главы снабжены **приложениями**. Это либо мои собственные работы, либо работы друзей и коллег, так или иначе резонирующие с основным содержанием соответствующей главы.³⁴ Есть приложения и к совокупности глав (в конце каждой части).

Основной корпус книги, как уже отмечалось, составляют **документы разных лет**. В случае, если документ публикуется в сокращении, это оговорено, а купюры в тексте помечены угловыми скобками: <...>.

Все тексты, включенные в настоящую книгу, датированы. Как правило, датированы и комментарии к ним.

Современные комментарии к текстам прошлых лет (набранные *курсивом*) дифференцированы по видам: «от автора — сегодня»; «несколько вступительных слов»; «справка»; «вкратце» (краткое переложение содержания); «ремарка» (содержательный автокомментарий); «вместо заключения». В случае, когда вид комментария не обозначен, современный текст заключается в квадратные скобки: [... — А. А.].

Среди используемых в книге **эпиграфов** (располагающихся не обязательно в начале главы, иногда — как бы «прослаивающих» повествование), многие почерпнуты из личного архива (т. е. «синхронны» с публикуемыми текстами прежних лет). Такие эпиграфы, в отличие от остальных («современных»), помечены значком (@).

Апрель 2002

³³ Заключительный этап эксперимента социолога-рабочего (1986–1988) выходит за хронологические рамки событий, описанных в частях 1 и 2. Некоторые материалы, относящиеся к этому периоду, см в: *Алексеев А. Н.* Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М: СПбФ ИС РАН, 1997; а также в упомянутых выше публикациях в журналах «Звезда» и «Мир России».

³⁴ Хотя на титуле и стоит одна фамилия, в книге немало текстов, принадлежащих другим людям, что отражено и в оглавлении. В ряде случаев использование чужих текстов является перепечаткой или пространном цитированием из ранее опубликованных работ. Авторы таких текстов, которые написаны специально для этой книги, либо публикуются здесь впервые, либо публиковались ранее ничтожным тиражом, отмечены на форзаце «копиррайтом».

Благодарю!

Автор благодарит всех **со-участников** своих жизненных и исследовательских предприятий, своих давних и нынешних **со-беседников** и **со-авторов**, без которых этой книги не было бы.

Благодарю тех, кого считаю своими главными научными учителями: проф. **В. А. Ядова**, проф. **В. Н. Шубкина**, проф. **Р. Г. Баранцева**.

Благодарю моих коллег и друзей — участников своего рода «незримого колледжа» социологов-рабочих 80-х гг: **Анри Кетегата**, **Сергея Розета**, **Юрия Щеголева**.

Благодарю членов другого «незримого колледжа» — соавторов методики «Ожидаете ли Вы перемен?»: **Михаила Гефтера**, **Анатолия Соснина**, **Виктора Шейниса**, **Нину Шустрову**, а также всех участников андерграундного экспертного опроса по этой методике (рубеж 70–80-х гг.).³⁵

Благодарю участников еще одного «невидимого колледжа» — персональных адресатов «Писем-дневников...» социолога-рабочего: **Тамару Дридзе**, **Людмилу Дудчен-ко, Г. Ж.**, **Нину Катерли**, **Нелли Крюкову**, **Светлану Минакову**, **Алту Назимову**, **Ирину Прусс**, **Розалину Рывкину**, **Нину Шустрову**, а также **Людмилу Гурьеву**, **Виталия** и **Екатерину Дмитриевских**, **Анри Кетегата**, **Романа Ленчовского** и других моих постоянных корреспондентов 80-х гг.³⁶

Я благодарен за сотрудничество, товарищество и науку **Геннадию Богомолу**, **Игорю Виноградову**, **Владимиру Земскову**, **Николаю Лукашевичу**, **Борису Максимову**, **Станиславу Политову**, **Евгению Рыжову**, **Ивану Смирнову**, **Анатолию Сычевичу**, **Нине Харьковской** и другим работникам Ленинградского завода полиграфических машин (периода 80-х гг.).

Автор хорошо помнит и глубоко признателен **всем, кто в середине 80-х оказал социологу-испытателю личностную, идейную, гражданскую поддержку**, когда это было вовсе не безопасно.³⁷

Особая благодарность — моим нынешним ближайшим **со-трудникам** (они же — внутренние рецензенты рукописи этой книги): **Зинаиде Вахарловской**, **Виктору Дудченко**, **Леониду Кесельману**, **Анри Кетегату**, **Роману Ленчовскому**, **Юрию Щеголеву**.

Не говоря уж об их собственных текстах, вошедших в состав данной книги (иногда — написанных специально для нее), собеседнический вклад названных лиц является по существу **со-авторским** — и не только для отдельных разделов, а для книги в целом.

Благодарю **Ирину Баландину**, **Рэма Баранцева**, **Юрия Барбоя**, **Николая Беляка**, **Арлена Блома**, **Георгия Гачева**, **Александра Гельмана**, **Анатолия Головкова**, **Якова Гордина**, **Вадима Гороховского**, **Данила Гранина**, **Лидию Графову**, **Владимира Дьяченко**, **Анатолия Ежелева**, **Галину Жерновую**, **Бориса Иванова**, **Фа-зиля Искандера**, **Геннадия Климентова**, **Олесью Козину**, **Ирму Кудрову**, **Эдуарда Кудрявцева**, **Игоря Кузьмичева**, **Юрия Линника**, **Льва Лурье**, **Бориса Максимова**,

³⁵ Те участники андерграундного опроса, чьи имена мне на сегодня достоверно известны (около 30 чел.), перечислены, с указанием персонального авторства относительно ранее публиковавшихся анонимно экспертных листов, в главе 1: раздел «Как вчера изучали сегодня...»

³⁶ За несколькими вынужденными исключениями, личные письма публикуются с согласия их авторов либо адресатов

³⁷ Их перечисление здесь заняло бы слишком много места. Отсылаю читателя к главе 10: раздел «Со-умышленники, со-участники, со-авторы», а также к приложениям к части 2: раздел «Гражданская защита 1984–1987», где по крайней мере субъекты **гражданской защиты** (около 80 чел., т е все, о которых мне известно) перечислены поименно

Нину Максимова, Анатолия Марасова, Светлану Минакову, Аллу Назимову, Вилену Очаковского, Владимира Павленко, Владимира Паниотто, Сергея Рапопорта, Валерия Ронкина, Розалину Рывкину, Марину Седунову, Виктора Сокирко, Анатолия Солипатрова, Анатолия Соснина, Валерия Тимошенко, Александра Тихонова, Бориса Фирсова, Валерия Хмелько, Геннадия Хороших, Андрея Чернова, Виктора Шейниса, Бориса Шифрина, Александра Ющенко, Владимира Ядова

(список не исчерпывающий!), чьи тексты так или иначе использованы в этой книге.

Благодарю **Зинаиду Вахарловскую, Виктора Дудченко, Владимира Смирнова** за содействие и непосредственное участие в выпуске «пилотажного», автономного издания части 2 настоящей книги.³⁸

Наконец, светлая и благодарная память тем моим **со-беседникам и со-авторам**, кого сегодня уже нет в живых: **Валентину Алексееву, Елене Алексеевой, Анатолию Альтшуллеру, Цецилии Андреевой, Анатолию Базникину, Леониду Бар-денштейну, Борису Беликову, Владимиру Владыкину, Михаилу Гефтеру, Леониду Гордону, Тамаре Дридзе, Гурию Забелкину, Владимиру Малушенко, Борису Мовчану, Наталье Поречной, Сергею Розету, Виктору Секерину, Ларисе Солоницкой**. Отдельные тексты моих ныне покойных друзей и коллег также представлены в этой книге.

Биографическая справка

...Подходя к книге, читатель прежде всего соображает, на что ему настроиваться: развлечься (сюжетом) или вовлечься в сотруд души и ума? Так и здесь ожидается — второе. Но поскольку дом внутренней жизни строится с лесов внешних событий, чтоб облегчить читателю прохождение по внутренним помещениям, дабы не запутаться в их лабиринте, чувствую надобность дать фактическую справку в жанре «автобиографии» — как канву, по которой располагаются переживания и мысли разных лет. И это имеет свои прецеденты в истории культуры. Зритель античного театра приходил на трагедии Софокла или Эврипида, зная досконально миф, по которому разыгрывался сюжет: то есть он знал, что будет, что случится, в том смысле: кто на ком женится и кого убьет и т. п. — и его интересовало уже не это внешнее событийное, а внутренняя разработка ситуаций и характеров, глубина и красота мыслей и речений...

*Г. Гачев. Семейная комедия. Пета в Щитове (исповести).
М., 1994, с. 4–5.*

Автор о себе

Алексеев Андрей Николаевич. Родился в 1934 г., в г. Ленинграде. Родители — Варвара Петровна Пузанова и Николай Николаевич Алексеев — оба инженеры.

Окончив в 1956 г. Ленинградский университет (филологический факультет), работал журналистом (г. Куйбышев, Ленинград). В 1961 г. сменил социальное положение, стал рабочим (вальцовщик, электролизник). В 1964 г. вернулся к штатной журналистской работе (г. Ленинград). Год спустя ушел в аспирантуру.

Начиная с 1968 г. работал в научных учреждениях Академии наук СССР (гг. Новосибирск, Ленинград) социологом. Кандидат философских наук (1970). Специализировался в области социологии СМИ, социологии театра, социологии личности, социологии труда, социологического изучения образа жизни, методологии и методики социологических исследований.

³⁸ Алексеев А. Н. Год Оруэлла (из опыта драматической социологии) СПб : Ступени, 2001 (тираж — 250 экз.)

В 80-х гг. предпринял экспериментальное исследование производственной жизни изнутри, для чего поступил в качестве рабочего (наладчик, слесарь) на одно из ленинградских промышленных предприятий. Полевой этап этого исследования продолжался с 1980 по 1988 г.

С 1989 г. по настоящее время работаю в Санкт-Петербургском филиале Института социологии РАН (ныне — преобразован в Социологический институт РАН).

В 90-х гг. организовал Санкт-Петербургский архив-коллекцию нетрадиционных периодических изданий и документов общественных движений «Россия на изломе». С 2001 г. — председатель Научного некоммерческого партнерства «Алек-сеевский архив».

В 1997 г. издал книгу «Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего)». В 2001 г. вышла книга: «Год Орузлла (из опыта драматической социологии)».

Дочь — Ольга Андреевна Новиковская (1960 г. рожд.) — работает логопедом в детском саду.

Действующие лица

Ниже дается **именной список** действующих лиц книги «Драматическая социология и социологическая ауторефлексия» (тома 1 и 2). К действующим лицам нами относятся:

а) **авторы** публикуемых здесь текстов, кроме случаев внутритекстового цитирования и эпиграфов (в списке такие персоналии отмечены: #);

б) **адресаты** публикуемых текстов (писем, обращений), если они поименованы (в списке такие персоналии отмечены: *);

в) лица, чья деятельность находит **отображение** в публикуемых текстах.

Для случаев (а) и (б) список является исчерпывающе полным. В случае (в) список полным не является.

В случае использования в тексте псевдонимов или уменьшительных имен, они приведены в кавычках: «...». В круглых скобках (...) — параллельные псевдонимы, имена, инициалы, относящиеся к тому же лицу.

Как правило, сведения о действующих лицах ограничиваются профессиональной атрибуцией. Должностное положение указывается лишь тогда, когда оно является существенной для описываемых событий ролевой характеристикой. Не отражены ученые степени и звания работников науки.

В случае отсутствия указания на город, имеется в виду — Ленинград (Санкт-Петербург). В случае отсутствия указания на название предприятия (для рабочих и инженерно-технических работников), имеется в виду производственное объединение «Ленполиграфмаш».

Главы книги, в которых фигурируют указанные персоналии, обозначены соответствующими номерами (1...10); приложения — буквой «П», с указанием номера соответствующей главы; глава без номера («Интермедии») — буквой «И»; «От автора — сегодня. 2001 (предисловие)» — буквами «ОА»; «Вместо заключения» — буквами «ВЗ».

А. Г. (он же — «Алеша») — аспирант-социолог (г. Новосибирск): **З. Абрашкевич** Владимир Вас. — инженер-кораблестроитель (не «Ленполиграфмаш»); **И. Абрашкевич** Владимир Вл. (он же — «Младший брат») — инженер-изобретатель (не «Ленполиграфмаш»): 2, 8, П. 1–7.

- Аверьянов** Владимир — электролизник (г. Волхов): П. 5.
- Аганбегян** Абел Г. — экономист, академик АН СССР (г. Москва): 7, 10. #
- Алексеев** Андрей Н. (он же — Андр. Ал., А. А., «социолог-наладчик», «Балда» и проч.) — социолог, рабочий, журналист: ОА, 1, П. 1, 2, 3, 4, 5, П. 5, 6, П. 6, П. 1–6, И, 7, П. 7, 8, 9, 10, П. 7–10, ВЗ. # *
- Алексеев** Валентин М. — историк: 1.
- Алексеева** Елена И. — социолог: 2, И, 9.
- Альтшуллер** Анатолий Я. — театровед: 1, 9, П. 1–7.
- Андреева** Цецилия С. — референт ВТО: 1, 9.
- Андрианов** Игорь В. — математик (Германия): 8.
- Андрейчиков** Аркадий Б. (он же «Авдейчиков», «Анатолий Борисович») — инженер-технолог, начальник технического бюро цеха: 1, 2, 3.
- Аракелян** Антуан Г. — правозащитник: ВЗ. #
- Б-ва** Лидия — инженер-технолог: 5.
- Базникин** Анатолий К. — помощник лесничего (Кавказский гос. биосферный заповедник), природозащитник: 4, П. 1–7. # *
- Баладина** Ирина В. — учитель литературы (г. Волхов): П. 1–6, 10.
- Баранов** Альберт В. — социолог: 3, П. 7–10.
- Баранцев** Рэм Г. — математик, философ: ОА, 4, 6, П. 6, 7, 8, П. 8, 9, 10, ВЗ. # *
- Барбой** Юрий М. — театровед: 1, 5, 9.
- Безносов** Владимир Г. — философ: 1.
- Белашев** Валерий — журналист, корреспондент заводской газеты: 5. #
- Белецкая** В. — журналист (г. Москва): П. 7–10.
- Беликов** Борис Д. — социолог: ОА, 7, 9, 10, П. 7–10. #
- Беликова** Таисия П. — медицинская сестра, зав. операционной: 7.
- Белова** Нина И. — социолог: П. 7–10.
- Бельмак** — слесарь: П. 7–10.
- Беляк** Николай В. — театральный режиссер: ВЗ. #
- Блюм** Арлен В. — филолог, историк: 10. #
- Блюм** Рэм Н. — философ (г. Тарту): П. 7–10.
- Богомолов** Геннадий А. — фрезеровщик: П. 5, 8. П. 7–10.
- Божков** Олег Б. — социолог: 1, 9, 10, П. 7–10.
- Борщевский** Михаил В. — социолог: П. 7–10.
- Брикач** Александр — слесарь: 8, П. 7–10.
- Бурковский** Георгий В. (он же — «Жора Б.», «Инструктор») — психолог: 1, 2.
- Быков** В. — журналист (г. Новосибирск): П. 7–10.
- Быстрова** Алла С. — социолог, секретарь партбюро института: 9.
- Валентина Антоновна** — бригадир штамповщиков (з-д «Красногвардеец»): 1.
- Валентинова** Н. — социолог (г. Москва): П. 7–10.
- Валерий** — шлифовщик: 2.
- Варвашня** — сотрудник правоохранительных органов: 7.
- Варсочин** Андрей К. — редактор «Ленинградской правды», председатель правления ЛО СЖ СССР: 8, 9, 10. #
- Васильев** Игорь Г. — социолог, секретарь партбюро института: 9.
- Вахарловская** Зинаида Г. — инженер-кораблестроитель, фенонаблюдатель (Кавказский гос. биосферный заповедник): 4, 6, 9, П. 7–10. # *
- Вахарловский** Глеб А. — инженер-кораблестроитель (не «Ленполиграфмаш»): П. 7–10.
- Вейхер** Андрей А. (он же — «Лютеранин») — социолог, экономист: 1, П. 7–10.

Вера — токарь: 8.

Веремеев — сотрудник УКГБ ЛО: 7.

Виноградов Игорь В. (он же — И. В., И. В-в, «Лозовой») — бригадир слесарей: 3, 5, 8, 9, П. 7–10. **Виталий** — фрезеровщик: 3.

Вихалемм Пезтер — социолог (г. Тарту): 1, П. 7–10.

Вишаренко Владимир — социолог, эколог: П. 7–10.

Владимиров Виталий Л. — социолог: 1. **Владимиров** Э. В.

— сотрудник УКГБ ЛО: 7, 9, 10. **Вонсик** Елена В. — учитель

(г. Волхов): П. 1–6. **Вооглайд** Юло — социолог (г. Таллинн):

1, 10. # **Воронков** Виктор М. (он же — «гр-н В.») — социолог:

7, 9. **Воронцов** А. Ю. — член оргкомиссии ЛО СЖ СССР: 8.

Воронцов А. В. — член комиссии ЛО ССА: 4, 10. #

Воротников — зав. отделом райкома КПСС: 9. **Г. Ж.** — театровед (г. Кемерово): 2, 3, 10. *

Гаврилов Борис Н. — зам. председателя Госкомтруда (г. Москва): 7, П. 7. *

Гачев Георгий Д. — философ, культуролог (г. Москва): ОА, 6. # **Гельман**

Александр И. — писатель, кинодраматург (г. Москва): 9. # **Герасимова**

Лариса Л. — зам. секретаря парткома завода: 5, 8, 9, 10. **Герчиков**

Владимир И. — социолог (г. Новосибирск): ОА, 8. **Гефтер** Михаил Я. —

историк (г. Москва): ОА, 1, ВЗ. # **Глухов** Валерий Д. (он же — «Катя») —

социолог: 1, 4, 9, 10. **Голиков** Евгений А. — социолог (г. Таллинн): П. 7–10.

Головков Анатолий Э. — журналист (г. Москва): 4, 8, П. 7–10. #

Гололобов — начальник отделения милиции: 9. **Голофаст** Валерий Б. —

социолог: 1, 3, 9, П. 7–10. **Гончаров** Петр Т. — изобретатель, целитель: 1.

Горбачев Михаил С. — Генеральный секретарь ЦК КПСС (г. Москва): П. 5, 7, 10. *

Гордин Яков А. — историк, писатель: 7, П. 7, 8, 9, П. 7–10. # **Гордон** Леонид А.

— социолог (г. Москва): 3, П. 7–10. **Горяин** О. Н. — первый секретарь

Дзержинского райкома КПСС: 9. **Горячкин** Александр П. — зам. председателя

партийной комиссии обкома КПСС:

8, 9, 10. **Готовский** Ф. — зам. начальника управления городской

прокуратуры: 7. **Гранин** Даниил А. — писатель: 3, 6, П. 6, 7. **Графова**

Лидия И. — журналист (г. Москва): 1, 4, 6, 8, П. 7–10. **Грачева** Антонина

Я. — член партийной комиссии горкома КПСС: 8, 9, 10. **Гревцов** Ю. И. —

председатель комиссии ЛО ССА: 4, 10. # **Грибалева** Николай П. —

социолог: 3, 5. **Григорьев** — районный прокурор: 9. * **Гулыга** Арсений В.

— философ (г. Москва): П. 6, 10. # **Гуркин** Владимир А. — философ (г.

Ульяновск): 6. **Гурьева** Людмила С. — социолог (г. Томск): 7, 10, П. 7–10. *

Гусаков М. — экономист: 9.

Гусев — сотрудник правоохранительных органов: 7. **Гушин** Михаил (он же —

Михаил Г-н, «Миша», «Вася Купчин») — слесарь: 2, 5,

П. 7–10. **Давыдов** Анатолий В. — учитель, краевед (Тюменская

обл.): П. 7–10.

- Давыдова** Нина А. — бухгалтер: П. 7–10.
- Данилушкин** Анатолий И. (он же — А. Д-н) — начальник цеха: 5, 7, 8, 9, 10.
- Дегтярев** Сергей С. — тележурналист: 8, П. 7–10. #
- Дмитриев** В. А. — районный прокурор: 7.
- Дмитриев** Василий И. — сменный мастер (г. Волхов): П. 5.
- Дмитриевский** Виталий Н. (он же — «Алазанская») — театровед, социолог (г. Москва): 1, 8, 9, 10, П. 7–10. #
- Дмитриевская** Екатерина Р. — театровед (г. Москва): 8.
- Докторов** Борис З. — социолог: 1, 9, П. 7–10.
- Долбежкин** Александр Д. — директор завода: 2, 7.
- Дрегалю** Алексей А. — социолог (г. Архангельск): 10. #
- Дридзе** Тамара М. — социолог (г. Москва): 2, 3, 4, 9, 10. *
- Дудченко** Виктор П. — шрифтовик: П. 1, 4, П. 5, 6, 10, П. 7–10. #
- Дудченко** Вячеслав С. — социолог (г. Москва): 3.
- Дудченко** Людмила К. (она же Л. К. Межуева, «Бирюк») — социолог (г. Москва): 1, 3. *
- Думачев** А. П. — первый секретарь горкома КПСС: 10.
- Дурасова** Татьяна — журналист: П. 7–10.
- Дьяченко** Владимир Н. — социолог (г. Благовещенск): 1, 3. *
- Е-в** Виктор — электрик: 5.
- Е-в** Владимир — бригадир: 5.
- Егоренюк** — член партийной комиссии завода: 4, 8.
- Ежелев** Анатолий С. — журналист; 3, 8. #
- Елизарова** Майя Г. — социолог: 9.
- Ельмеев** Василий Я. — социолог: 10.
- Ефремов** В. Г. — председатель партийной комиссии завода: 4, 8, 10.
- Жидков** Владимир С. — экономист, культуролог (г. Москва): П. 7–10.
- Журавлева** А. А. — ответственный секретарь ЛЮ ВТО: 8. *
- З-в** Сергей (он же — «Сергея») — слесарь: 3, 5, 8, 9, 10.
- Забелкин** Гурий И. — электролизник, преподаватель философии, шофер (г. Волхов, г. Пушкин): 1, 3, 5, П. 1–6. #
- Зайков** Лев Н. — первый секретарь обкома КПСС: 9, 10. #
- Зайцев** — рабочий, член парткома завода: 8.
- Занин** А. Ф. — член оргкомиссии ЛЮ СЖ СССР: 8.
- Заславская** Татьяна И. — социолог (г. Москва): 3, 7, 8, 10, П. 7–10.
- Захаров** — токарь: 8.
- Захаров** Виктор П. (он же — «Гуманитарий») — филолог: 1.
- Здравомыслова** Елена А. — социолог: 9.
- Земсков** Владимир В. — заточник: 9, П. 7–10.
- Зуев** — зам. секретаря парткома завода: 9.
- Зяблова** Галина — журналист: П. 7–10.
- И.** Сергей — слесарь: 9.
- И. Я.** (Иван Яковлевич) — сотрудник партийной комиссии обкома КПСС: 10.
- Иванов** Борис И. — писатель: 7, П. 7–10. #
- Иванов** Олег И. — социолог, секретарь партбюро института: 3.
- Иванов** Слава — электролизник (г. Волхов): П. 5.
- Илларионов** Андрей Р. — журналист (г. Новосибирск): 6. *
- Илле** Михаил Е. — социолог: П. 1–7.
- Ильин** Виктор — слесарь: П. 1–7.

Илья — рабочий: 5.

Ира — токарь: 8.

Искандер Фазиль — писатель: 7, 8, 10. #

К. Валентин — слесарь: 9.

К. Владимир (он же — «Бубликов», «Мастер», «Левша») — слесарь-инструментальщик (з-д «Красногвардеец»): 1, 2.

К. Михаил — фрезеровщик: 8.

К. Федор Ф. (он же — Федор Филиппович, «Степан Филиппович») — слесарь-инструментальщик: 1, 2, 3, 5, 8.

К-ва Наталья В. (она же — «деловая женщина») — инженер-технолог, руководитель группы ОГТ завода: 5.

К-ва Татьяна (она же — «Таня») — гравер: 8.

Каверин В. К. — зам. начальника цеха: 1.

Каган Моисей С. — философ: ОА.

Казакотцев (он же — «Кабаковцев») — зам. начальника цеха: 1, 2.

Калинин М. Ф. — расточник, зам. секретаря партбюро цеха: 4, 8.

Каменев А. — журналист (г. Москва): 7. #

Каратаев Владимир И. — природозащитник (г. Майкоп): П. 7–10.

Катерли Нина С. — писатель: 3, 9. *

Катукова Инесса В. — старший помощник городского прокурора по надзору за следствием в органах госбезопасности: 7.

Кацнельсон Владимир Б. — экономист: 1.

Каюрова Вера Н. — социолог: 1.

Кесельман Леонид Е. — социолог: 1, 3, 5, 8, 9, 10, П. 7–10.

Кетегат Анри А. — социолог, рабочий (г. Вильнюс): ОА, 1, П. 1, 5, 6, П. 1–6, 7, 8, 10, П. 7–10. # *

Кириллов Юрий — электролизник (г. Волхов): П. 5.

Кирсанов А. И. — зав. отделом организационно-партийной работы обкома КПСС: 9.

Климентов Геннадий А. (он же — «Марианна») — экономист: 1, 3, 6, 7, П. 7, 10. #

Клопов Эдуард В. — социолог (г. Москва): П. 7–10.

Кожемяко В. — журналист (г. Москва): 9. #

Козина Олеся А. — социолог, философ, поэт (г. Ульяновск): П. 6. #

Колпаков Михаил (он же — Михаил К., «Колпак») — фрезеровщик: 7.

Комаров Владимир Г. — декан факультета журналистики ЛГУ: 4, 8, 9. #

Комышан А. И. — инспектор уголовного розыска: 7, 9, 10.

Кони Анатолий Ф. — юрист, общественный деятель: 7. #

Корнилов Леонид — шахтер: П. 5. #

«Косарев» — работник отдела главного механика: 2.

Косачев Альберт А. — начальник цеха: 9, 10.

Костюшев Владимир В. — социолог: П. 7–10.

Красавчикова Л. О. — юрист: 9. #

Кривоногов Александр Я. — сменный мастер (г. Волхов): П. 5.

Кроль (он же — «К-ль») — начальник лаборатории НОТ: 9.

Крылова Татьяна — гравер: 9.

Крюков Алексей Б. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 7.

Крюкова Нелли А. — биохимик: 2, 3, 7, 8, 9, 10.

Кугель Самуил А. — социолог: ВЗ.

Кудрова Ирма В. — филолог: 1, 10. #

Кудрявцев Борис Н. — экономист: 1, 9.

- Кудрявцев** Эдуард П. — филолог, рабочий: 1, 5.
Кузьмичев Игорь С. — литературовед: 6. #
Кунин Евгений Х. — социолог: 3.
Курсов Владимир — фрезеровщик, секретарь партбюро цеха: 10.
Кутуев Керим Х. — зам. старшего механика цеха, председатель цехкома: 2, 5, 8.
Кутырина Людмила В. (она же — Людмила К-на, «Люся», «Нюся Копырина») — инженер-технолог, начальник технического бюро цеха: 2, 3, 5, 10.
Лукашевич Николай — начальник ОТК цеха: 3, 5.
Лапин Николай И. — социолог (г. Москва): П. 1–6.
Лапухов Сергей (он же — «Сергей Л.») — рабочий, комсорг цеха: 7, 8.
Лауристин Марью — социолог (г. Тарту): 1, П. 7–10.
Лебедев Глеб С. — археолог, историк: ВЗ. #
Левада Юрий А. — социолог (г. Москва): ОА.
Левин Михаил Б. — журналист (г. Москва): 7, 10, П. 7–10. #
Ленчовская Анна Р. — студентка, психолог (г. Киев): 6.
Ленчовский Роман И. — научный работник, редактор (г. Киев): ОА, 6, 8, 9, 10, П. 7–10. # *
Лермонтов Михаил Ю. — поэт: 10. #
Линник Юрий В. — поэт, натуралист, философ (г. Петрозаводск): 5, 6, 7, П. 7–10. #
Лисовский Владимир Т. — социолог: 10.
Лобанов Николай А. (он же — Н. Л.) — экономист, зам. директора института: 3, 9, 10.
Лобов Е. В. — токарь, партгрупорг участка: 4, 8.
Логошников Яков — электролизник (г. Волхов): П. 5.
Лурье Лев Я. — историк: 7. #
Любищев Александр А. — биолог, ученый-энциклопедист, мыслитель (г. Ульяновск): ОА, 3, 4, 6, П. 6, П. 1–7, 8, П. 7–10, ВЗ. #
М-в Борис Г. — сотрудник УКГБ ЛО: 1, 4.
М-ва — зам. председателя цехкома: 9.
Мазуренко Юрий И. — инструктор отдела науки обкома КПСС: 7, 9.
Макаров — главный технолог завода: 9.
Максимов Борис Г. — токарь, член парткома завода: 4, 5.
Максимов Борис И. — социолог: П. 5, 8, 9, 10, П. 7–10. #
Максимов Владимир В. (он же — В. В. М-в) — социолог, секретарь партбюро института: 3, 5, 9.
Максимова Нина К. — журналист (г. Новосибирск): 2, 3, 4, 10, П. 7–10. #
Малушенко Владимир К. — математик (г. Киев): 6.
Мальков Д. И. — начальник отдела по надзору за следствием и дознанием в органах внутренних дел городской прокуратуры: 7.
Марасов Анатолий Н. — биолог, философ (г. Ульяновск): 6, П. 8. #
Марасова Лидия И. — учитель (г. Ульяновск): П. 6.
Марков Б. А. — начальник Ленинградского управления по охране государственных тайн в печати: 8, 9, 10.
Маркс Карл — экономист, философ, мыслитель: 6, П. 1–7, 8, 9, ВЗ. #
Мартиросян Р. — слесарь: П. 7–10.
Маршав Юрий С. — историк (г. Москва): П. 7–10.
Марченков Владимир К. — инструктор Ленинградского ОК КПСС: 1.
Марьяненко Александр П. — социолог: 3, 5.
Маслова Ольга М. — социолог (г. Москва): П. 7–10.
Межевауп Эльвира А. — сотрудник Высшей профсоюзной школы культуры: 1.

- «Мглистая»** — инженер-технолог: 2, 3.
Мигель — спасатель на море (Республика Куба): П. 7.
Миникова Светлана Ф. — социолог: 2, 3, 6, 7, 10. # *
Мирошниченко Николай С. — социолог: 4, 10.
Михайлов И. — рабочий: П. 1–7.
Мовчан Борис А. — рабочий (пос. Иноземцево, Ставропольского кр.): 1.
Мовчан Лукерья М. — садовод: 2, 7.
Момджян Хачик Н. — философ, президент Советской социологической ассоциации (г. Москва): 10. *
Морошкин — секретарь парткома завода: 1.
Муздыбаев Куаныш — социолог: 1, 3.
Муравых — член партийной комиссии завода: 4, 8.
Назимова Алла К. — социолог: 1, 2, 3, 5, 6, 8, 10, П. 7–10. *
Наумов Рэм В. — биолог (г. Ульяновск): 6.
Невзоров Александр Васильевич — сотрудник УКГБ ЛО: 7, 9, 10.
«Незабудкин Г. П.» — математик: 9.
Немченко В. А. — и. о. городского прокурора: 7.
Никитин Сергей Г. — рабочий: 1.
Никитин Алексей — рабочий, председатель товарищеского суда цеха: 5, 8.
Николаев Василий — слесарь: 9.
Новиков Владимир И. (он же — В. И. Н-в, «Голиков») — шлифовщик, секретарь партбюро цеха: 2, 5, 7, 8, 9, 10.
Новиковская Ольга А. — педагог-логопед: 6, И, 9.
Носов Виктор — слесарь: 5, 9, П. 7–10.
Носырев Даниил П. — начальник УКГБ ЛО: 7, 8, 9, 10. *
О. Иван — фрезеровщик: 8.
Овсянников Евгений К. — зав. сектором отдела науки обкома КПСС: 7. *
Огибин Юрий А. — экономист: 1.
Ожгихин — сотрудник УКГБ ЛО: 7.
Ольшанский Вадим Б. — социолог (г. Москва): П. 5.
Осипов Анатолий К. — председатель комиссии Госкомтруда (г. Москва): 7.
Очаковский Вилен Я. — шахтер, журналист, правозащитник (г. Александрия, Украина): П. 7–10. #
П-в Юрий — рабочий: 5.
П-на Алла (она же — «Алла») — инженер-технолог: 5.
П-ч Владимир — цеховой художник: 5.
Павленко Владимир Н. — социолог: 1, 4, 9, 10.
Паниотто Владимир И. — социолог (г. Киев): 6, 7, П. 7–10.
Панкевич Татьяна Д. — помощник районного прокурора: 9.
Парьгин Борис Д. — социальный психолог, председатель бюро Ленинградского отделения ССА; 3, 7, 9, 10.
Пашков А. С. — юрист, директор НИИКСИ при ЛГУ: 10.
Переведенцев Виктор И. — социолог (г. Москва): 3.
Писарев А. А. — начальник следственного отдела РУВД: 7.
Политов Станислав (он же — «Стас») — слесарь, наладчик: 1, 2, 3, 5, 8.
Полозюк В. И. — начальник подразделения УКГБ ЛО: 4, 8, 10. #
Пономарев Владимир Л. — зам. директора завода по кадрам и режиму: 1, 7.
Пономарев Н. В. — начальник Архивного управления Санкт-Петербурга: 10.
Понтюхов Е. — рабочий, член партбюро цеха: 8.

- Потемкин** — экономист: 9.
- Поречная** Наталья К. — журналист, корреспондент заводской газеты: П. 5, 9, 10. #
- Поршняков** Сергей Н. — естествоиспытатель, краевед: П. 7–10. #
- Пронина** Г. И. — ученый секретарь Сибирского отделения ССА: 7. #
- Протасенко** Татьяна З. — социолог: 1, 9, П. 7–10.
- Прохоров** — инструктор райкома КПСС: 9.
- Прусс** Ирина В. — журналист, социолог (г. Москва): 2, 3. *
- Пузанов** Петр М. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): 2, И.
- Пузанова** Варвара П. — инженер-технолог (не «Ленполиграфмаш»): 5, И.
- Р-в Лев** (он же — Р.) — цеховой диспетчер: 5.
- Радов** Александр Г. — социолог, журналист (г. Москва): 5.
- Ракитский** Борис В. — экономист (г. Москва): П. 7–10.
- Рапопорт** Сергей С. — социолог, культуролог (г. Вильнюс): 2, 6, 8, 9. #
- «Рафаил»** — инженер-конструктор: 2, 3.
- Реутов** Николай — слесарь: 9.
- Рибиков** Б. А. — член оргкомиссии ЛО СЖ СССР: 8.
- Рожко** Нина Е. — домохозяйка (пос. Иноземцево, Ставропольского кр.): 1.
- Розет** Сергей М. — социолог, рабочий: ОА, 1, 2, 4, 5, П. 1–6, 7, П. 7, 10, П. 7–10. #
- Розин** — зав. организационным отделом обкома КПСС: П. 7–10.
- Ронкин** Валерий Е. — инженер-химик (г. Луга): ВЗ. #
- Рубашкин** Валерий Ш. — философ: 1.
- Рудомаха** Андрей — природозащитник (г. Майкоп): П. 7–10.
- Румянцева** Галина А. — ученый секретарь ЛО Советской социологической ассоциации: 10.
- Русинов** Сергей — слесарь: 9, П. 7–10.
- Рыбаков** — фрезеровщик: П. 7–10.
- Рывкина** Розалина В. (она же — «Инна», «Близнец») — социолог (г. Москва): ОА, 1, 2, 3, 4, 8, 9, 10. П. 7–10. # *
- Рыжов** Евгений А. — слесарь: 9, П. 7–10.
- С. Геннадий** («Гена») — штамповщик (з-д «Красногвардеец»): 1.
- С. Фаина** (она же — «Ксения») — старшая кладовщица цеха по инструменту: 2, 3, 5.
- Саганенко** Галина И. — социолог: 3, 5, П. 7–10.
- Сазонов** Борис В. — социолог (г. Москва): 7. *
- Салтыков** Виктор Г. — лесничий (Кавказский биосферный гос. заповедник): П. 7–10.
- Самойлов** Сергей Б. (он же — Сергей С.) — слесарь, штамповщик: 9, П. 7–10.
- «Саня Кузькин»** (он же — «Амбал») — слесарь: 3.
- Сарно** Альфред А. — социолог: 3, 5, 10.
- Севастьянов** — председатель заводской партийной комиссии: 10.
- Седов** Александр В. — социолог (он же — «Жук»): 1, П. 5, П. 7–10.
- Седунова** Марина В. — историк: 10. #
- Секерин** Виктор П. — журналист, социолог (Бурятия): П. 5.
- Сергеев** А. — рабочий: П. 7. 10.
- Сергеев** Александр А. — председатель Независимого профсоюза горняков России (г. Москва): П. 5. #
- Серов** Никита К. — социолог: ОА, 3, П. 8.
- Сигов** Ивглаф И. (он же — «Щукин») — экономист, директор ИСЭП АН СССР: 1, 3, 9, 10.
- Смаглинец** Г. Д. — председатель партийной комиссии обкома КПСС: 8, 9, 10.

- Смирнов** Иван А. (он же — Иван Александрович, «Ваня», «Сидоров») — слесарь-инструментальщик: 2, 3.
- Смирнов** Игорь (он же — Игорь С.) — слесарь: 1.
- Смирнов** Л. П. (он же — Л. С-в) — главный технолог завода: 9.
- Сокирко** Виктор В. (он же — «Буржуадемов») — инженер-экономист (г. Москва): 1, П. 1. #
- Соколов** — сотрудник правоохранительных органов: 7.
- Соколов** Георгий — сменный мастер: 9.
- Соколов** Эльмар В. (он же — «Дикобраз») — социолог: 1,
- Солипатров** Анатолий Г. — слесарь-механик: 2, 4, 5, П. 5. #
- Соловейчик** Александр М. (он же — А. С-к) — начальник цеха: 1, 2, 8.
- Соловьев** Юрий М. — работник правоохранительных органов: 9, 10.
- Сорокина** Е. В. — следователь РУВД: 7, 9, 10.
- Соснин** Анатолий С. (он же — «Невельцев») — писатель, кинодраматург: 1, П. 1. #
- Старинский** В. И. — ученый секретарь института: 9.
- Старовойтова** Ольга В. — инженер (не «Ленполиграфмаш»): ВЗ. #
- Стрельцов** — слесарь: П. 7–10.
- Суматохин** — член партийной комиссии завода: 4, 8.
- Сыцевич** Анатолий В. (он же — А. С-ч, «Филин», «Толик», «Бугор») — бригадир слесарей: 3, 5, П. 5, 8, 9, П. 7–10.
- Т-в** (он же — «Ерофеев») — старший мастер: 5.
- Тимошенко** Валерий — кинорежиссер-документалист (г. Краснодар): П. 7–10. #
- Тихонов** Александр В. (он же — «Октябрь») — социолог: 1, 3, 5, П. 5, 10. #
- Тихонов** Константин — электролизник (г. Волхов): П. 5.
- Толоконцев** Николай А. — эколог, зам. директора института: 1, 9.
- Толстова** Нина (она же — Нина Т-ва) — инженер-технолог, член партбюро цеха: 8.
- Травеников** — инспектор ОБХСС: 7.
- Травин** Игорь И. — социолог: 9.
- Тукумцев** Будимир Г. — социолог (г. Самара): 7, П. 7–10. *
- У.** Татьяна — штамповщица (з-д «Красногвардеец»): 1.
- Ухов** Николай Н. — экономист, зам. директора института: 9.
- Ухтомский** Алексей А. — физиолог, мыслитель: ОА, 6, П. 6, 8, П. 7–10, ВЗ. #
- Фадеев** П. — рабочий, председатель группы НК цеха: 10.
- Файбушевич** Сергей И. — социолог: П. 7–10.
- Фатеев** Анатолий М. — секретарь обкома КПСС: П. 7–10.
- Федосеев** А. А. — политолог: 10.
- Фирсов** Борис М. — социолог: 1, 3, 9, 10.
- Фирсова** Софья М. — экономист: 1.
- Хазанов** — сотрудник УКГБ ЛО: 9.
- Харькова** Нина. Н. — журналист, редактор заводской газеты: 9, П. 7–10.
- «Херувим»** — инженер-технолог (з-д «Красногвардеец»): 1, 2.
- Хмара** Генрида И. — социолог: 10.
- Хмелько** Валерий Е. — социолог (г. Киев): 6, 8, 9, П. 7–10. #
- Холина** — работник аппарата СЖ СССР (г. Москва): 10.
- Хороших** Геннадий — журналист (г. Иркутск): П. 7–10. #
- Царев** — заведующий отделом оргинструкторской работы СЖ СССР (г. Москва): 10.
- Цветаева** Марина И. — поэт: 7, 8, 9, 10. #
- Цориева** А. — юрист: 7. #
- Цурикова** Г. М. — литературовед: П. 6. #

- Чебриков** В. М. — председатель КГБ СССР (г. Москва): 7, 10. #
- Червяков** Александр П. (он же — А. Ч-в) — токарь, зам. секретаря, потом — секретарь партбюро цеха: 8, 9, 10.
- Чернов** Андрей Ю. — поэт, журналист (г. Москва): П. 7–10. #
- Чесноков** Сергей В. — социолог, математик, музыкант (г. Москва): ОА, П. 7–10.
- Чеснокова** Валентина Ф. (она же — «Никита Боголобский») — социолог (г. Москва): ОА, 1.
- Ш-ва** (она же — «Шпанова») — инженер-технолог: 3, 5.
- Шадрин** — инструктор КПК при ЦК КПСС (г. Москва): 10.
- Шапкин** А. — рабочий: П. 7–10.
- Шаркова** Е. С. — ответственный секретарь ЛО Союза журналистов СССР: 8.
- Шахматов** Николай (он же — Ш-в, Н. Ш.) — старший механик цеха: 5.
- Швейцер** Альберт — музыкант, врач, философ, мыслитель: ОА, 1, 6, П. 6, П. 1–6, 7, 8, 9, П. 7–10. #
- Шейнис** Виктор Л. — экономист (г. Москва): 1, П. 1, 7, 8, 10. #
- Шелищ** Петр Б. — социолог: П. 7–10.
- Шифрин** Борис Ф. — математик, культуролог: 6. #
- Шкаратан** Овсей И. — социолог: ОА, 1, П. 1–6.
- Шрейдер** Юлий А. — математик, философ (г. Москва): 6. #
- Шубкин** Владимир Н. — социолог (г. Москва): ОА, 3, П. 1–6.
- Шумилова** — сотрудник городской прокуратуры: 7.
- Шустрова** Нина Я. — экономист, социолог: 1, 2, 3, 6. # *
- Щеголев** Юрий А. (он же — «Ландыш») — социолог, рабочий: ОА, 1, 4, 5, П. 1–6, 10, П. 7–10. #
- Щекин** В. Д. (он же — «Щ-н») — секретарь парткома завода: 5, 7, 8, 9.
- Щербakov** Николай Ю. — социолог: 3, 7, 10, П. 7–10.
- Ющенко** Александр Н. (он же — А. Ю., «Беломор») — социолог: ОА, 1, 3, 10, П. 7–10.
- Эйдельман** Натан Я. — писатель, историк (г. Москва): 9.
- Ядов** Владимир А. (он же — В. Я-в, В. А., «Ладов») — социолог: ОА, 1, 2, 3, 5, П. 5, 6, П. 1–6, 7, П. 7, 9, 10. #
- Яковлев** Игорь П. — социолог: 10. #
- Яковлева** Ирина М. — культпросветработник: П. 7–10.
- Ярош** Николай А. (он же — «мастер Коля», Н. Я., Николай Я-ш) — сменный мастер: 5.

В последнюю минуту

*13 августа 2002 г. скончался председатель оргкомитета Любичевских чтений, биолог, профессор Ульяновского гос. педагогического университета **Рэм Владимирович Наумов**. (См. о нем в главе 6.)*

*18 ноября 2002 г. скончался мой многолетний друг, писатель, кинодраматург, собеседник, со-автор и со-участник всех описанных здесь событий **Анатолий Семенович Соснин**. (См. его тексты в главе 1 и в приложениях к главе 1.)*

Книга уже сверстана, прошла все корректуры, и я успеваю лишь сообщить читателю эту скорбную информацию. (Ноябрь 2002).

Часть 1. В поисках жанра

Глава 1. Накануне («Ожидаете ли Вы перемен?»)

...Боже, дай мне силы изменить то, что я могу изменить, терпение принять то, чего я изменить не могу, и мудрость отличить одно от другого...

Молитва (@)

...Делать в жизни свое дело и вложить в него хоть маленький разумный смысл. Не сражаться с ветряными мельницами, не потакать улице с ее вечно сменяющимися требованиями... Нет, забыть об улице, не думать о ней. И по мере сил способствовать осуществлению бесспорных положений добра. Их немного. Беречь их как сокровище...

Гете (@)

...Что больше всего меня поражало в мире — это то, что никто никогда не достигал цели. Как-то, прежде чем вычитать у Гете ту же самую мысль, я произнес эту нелепость: «Нужно иметь невозможную цель»...

Поль Валери (цит. по: К. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 125-126) (@)

1.1. Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)

[Читательскому вниманию предлагается основной методический документ андерграундного экспертно-прогностического исследования «Ожидаете ли Вы перемен?», проведенного на рубеже 70–80-х гг.

Программа и методика этого исследования были разработаны в 1978 г. «невидимым колледжем» в составе: канд. филос. наук А. Н. Алексеев, докт. ист. наук М. Я. Гефтер (ныне покойный), писатель А. С. Соснин, канд. экон. наук (ныне — доктор) В. Л. Шейнис, экономист-социолог Н. Я. Шустрова. — А. А.]

Текст вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978)

Уважаемый друг, товарищ, коллега!

Перед Вами план беседы с вопросами, которые нам хотелось бы, с Вашего разрешения, задать Вам и которые, возможно, Вы не раз задавали себе и

сами. Мы постарались сформулировать их с той степенью определенности, которая оказалась нам доступна. Однако хорошо понимаем, что эти вопросы способны скорее подтолкнуть к дальнейшему раздумью, чем вызвать законченные, готовые ответы. К такому раздумью вслух Вас и приглашаем.

Недостаток возможностей откровенного и делового, коллективного обсуждения этих (и иных, не подающихся удовлетворительному формулированию) вопросов побуждает обратиться к, казалось бы, противоестественному приему заочной «мозговой атаки». Рассчитываем на понимание наших затруднений.

Рекомендуем Вам сначала внимательно ознакомиться с планом беседы, чтобы определить свое отношение к настоящей работе.

Если согласитесь, Ваши ответы — импровизированные или заранее обдуманые — будут записаны интервьюером. Можно изложить свои соображения и письменно (по возможности, придерживаясь логики, заданной планом беседы). В таком случае интервьюер перепишет Ваш текст, с тем чтобы оригинал остался у Вас.

Если захотите, мы тем же путем сообщим Вам о совокупных результатах этой «мозговой атаки». К сожалению, не сможем только назвать имен остальных ее участников, так же как и Ваше имя останется известным лишь интервьюеру.

Итак, объяснив мотивы, цели и процедуру, приглашаем Вас к беседе и раздумью над нижеследующими откровенными вопросами.

1. Общая тенденция развития и мера устойчивости

1. Исходя из Вашего опыта, с учетом Ваших жизненных наблюдений и размышлений, как бы Вы охарактеризовали общую тенденцию развития известного Вам общества за последние 10–15 лет:

—считаете ли Вы, что свойственные данному обществу (как и всякому другому) противоречия в конечном счете преодолеваются, встающие перед ним проблемы разрешаются или, напротив, происходит усугубление противоречий, накопление нерешенных проблем?

2. Пожалуйста, поделитесь своими наблюдениями, позволяющими Вам сделать соответствующий вывод.

3. Каким бы ни был Ваш ответ на первый вопрос, как Вы оцениваете нынешнее состояние данного общества с точки зрения его стабильности (устойчивости):

—считаете ли Вы это состояние устойчивым (равновесным, инерционным) или, напротив, неустойчивым (несущим в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений)?

4. Если Вы считаете нынешнее состояние устойчивым при разрешающихся проблемах либо, напротив, неустойчивым при накоплении нерешенных проблем, это не вызывает дополнительных вопросов. Но если Вы нашли, что данное положение сохраняет стабильность, вопреки усугубляющимся противоречиям, то чем в таком случае Вы это объясняете?

5. Усматриваете ли Вы какие-либо кризисные явления в современном общественном состоянии? Если да, то насколько широко они распространены? В случае широкого распространения, можно ли говорить о наступающем (наступившем) кризисе данного общества в целом?

II. Перспектива: взгляд «изнутри»

6. Можно ли, по Вашему мнению, ожидать существенных (может быть, коренных?) перемен, сдвигов в жизни известного Вам общества в обозримый период (скажем, не позднее конца XX века)? Если да, то насколько вероятными представляются Вам эти изменения?

7. В случае положительного ответа на предыдущий вопрос, полагаете ли Вы, что эти перемены будут скорее однонаправленными (тогда — к лучшему или к худшему?) или, напротив, разнонаправленными (например, сначала к одному, потом к другому)?

Если последнее, то считаете ли Вы возможным определить общее (результатирующее) направление ожидаемых Вами общественных изменений — в конечном итоге к лучшему или к худшему? Желательно при этом пояснить свое понимание «лучшего» и/или «худшего» в данном контексте.

8. Если Вы не исключаете возможности существенных перемен в жизни данного общества («к лучшему» или «к худшему», в Вашем понимании), то ожидаете ли Вы скорее резких, крутых общественных изменений или, напротив, медленных, постепенных?

9. Укажите, пожалуйста, те тенденции (обстоятельства, процессы) современной внутренней жизни, которые утверждают Вас в Вашем взгляде на перспективы развития данного общества в обозримый период (каков бы ни был этот взгляд).

10. По возможности, систематизируйте сферы, области общественной жизни (выделив их по своему усмотрению в широчайшем диапазоне явлений публичной и частной жизни), в которых протекают указанные Вами процессы.

Как бы Вы расставили эти сферы по их значимости, с точки зрения усматриваемых Вами перспектив развития данного общества?

11. Если есть такие обстоятельства и характерные особенности истории (предыстории) данного общества, которые укрепляют Вас во взгляде на его ближайшее будущее, то укажите их.

III. Мировой контекст

12. Какие внешние факторы (обстоятельства, тенденции, процессы) мировой жизни окажут, на Ваш взгляд, существенное влияние на развитие данного общества в обозримый период?

13. Как бы Вы определили направление и силу (возможно, также формы) влияния указанных Вами внешних факторов на дальнейшее развитие известного Вам общества?

14. Существуют различные точки зрения относительно перспектив движения данного общества в мировом «историческом пространстве». Например:

—в главном и коренном это общество идет (будет идти) по самостоятельному пути, отличному от всех известных;

—данное общество тяготеет (рано или поздно станет тяготеть) к какому-либо известному историческому образцу, варианту, типу развития (западному, восточному, иному);

—в исторической перспективе весь мир (или большая его часть) приобретет те же типологические черты, что и данное общество.

Возможны и другие взгляды. Какова Ваша собственная точка зрения на этот счет?

IV. «Человеческий фактор» перемен: за и против

15. Каков бы ни был Ваш взгляд на ближайшее будущее данного общества, пожалуйста, укажите те общественные силы, которые Вы полагаете заинтересованными: а) в переменах «к лучшему» (в Вашем понимании); б) в сохранении (воспроизведении) нынешнего общественного состояния; в) в переменах «к худшему» (в Вашем понимании).

Просим также дать свое толкование «лучшего» и «худшего», если Вы не сделали этого ранее.

16. Если Вы считаете вероятными существенные перемены в жизни данного общества в обозримый период, то какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, подтолкнут общество к этим переменам, какие — фактически их осуществят, какие — поддержат и закрепят? Каковы возможные конкретные формы их поведения?

(Этот и последующие вопросы уместны при любом указанном Вами общем направлении перемен, будь то к лучшему или к худшему.)

17. Какие общественные слои (группы) и типы людей, по Вашему мнению, станут активно противодействовать осуществлению ожидаемых Вами общественных изменений, какие — более или менее пассивно препятствовать этому? Вероятные конкретные формы их поведения?

18. Замечаете ли Вы в данном обществе какие-либо нарастающие признаки общественной кристаллизации (направления, течения, оттенки мысли, культурные феномены и т. п.)?

Если да, то какие из них наиболее симптоматичны и значимы в свете Вашего представления о возможных переменах?

19. Какую роль Вы отводите внешним факторам (зарубежным воздействиям, примерам) в формировании и укреплении тех общественных сил, которые, по Вашему мнению, могут стимулировать (или осуществить) соответствующие общественные изменения?

V. Время и ход перемен

20. Не могли бы Вы хотя бы приблизительно датировать начало предполагаемых Вами общественных изменений (пользуясь обозначениями типа: ближайшие год-два, середина 80-х годов, 90-е годы и т. п.)? Возможно, эти перемены уже начались?

21. Понимая, что этот вопрос может вызвать затруднение, все же спросим:

— какая очередность (временная последовательность) конкретных перемен представляется Вам наиболее вероятной?

22. Может быть, Вы попытаете набросать примерный «сценарий», с большим или меньшим приближением к которому будут, по Вашим ожиданиям, развиваться события, подготавливающие и несущие в себе те или иные существенные перемены в жизни известного Вам общества?

23. Какие еще вопросы, относящиеся к теме этой беседы, заслуживают, на Ваш взгляд, специального обсуждения?

* * *

Благодарим за внимание и добрую волю, даже если Вы сочтете эти вопросы слишком трудными или неприятными.

1978

1.2. Как вчера изучали сегодня (теоретико-методологическое обоснование)

[Ниже — текст «Методологического комментария» к вопроснику «Ожидаете ли Вы перемен?» (1978).

Авторство этого документа — коллективное: все составители методики. — А. А.]

Основной целью настоящей работы являются сбор и систематизация экспертных оценок и мнений для аккумуляции и углубления имеющихся представлений о возможных вариантах развития данного, конкретного общества. Таким образом, предлагаемая методика принадлежит к разряду экспертных, а исследование — к разряду прогностических.

Специфика предмета, а особенно — исследовательского подхода, предусматривающего бескомпромиссный взгляд на ход событий и положение вещей, обуславливает выдвижение ряда **методологических принципов** (соответственно — ограничений), которые, насколько возможно, последовательно проведены в методике.

Эти принципы сводятся к следующему:

1. Составители настоящей методики не преследуют цели получить репрезентативную картину мнений и взглядов различных общественных слоев (групп) и типов людей на современное состояние и перспективы развития данного общества. Сама по себе специфика экспертного опроса предполагает отбор вполне определенного круга лиц, которым предлагается высказаться по интересующему исследователя вопросу.

Итак, в альтернативе «опрос общественного мнения» или «сбор экспертных мнений» авторы методики четко определяют себя на последней позиции.

2. Круг экспертов поневоле ограничен: а) человеческой порядочностью лиц, экспертное мнение которых представляет интерес; б) социаль-

ной зрелостью лиц, приглашаемых к беседе; в) организационными возможностями исследователя.

Говоря о «человеческой порядочности», имеем в виду не только неспособность к низким, своекорыстным действиям, но и развитое чувство нравственной ответственности, оберегающее от поступков, способных причинить непреднамеренный вред конкретной личности. Говоря о «социальной зрелости», имеем в виду не только меру осведомленности (традиционное требование компетентности), а прежде всего — способность к аналитическому взгляду, трезвой оценке, независимости суждений, к тому, что можно назвать также «мужеством додумывать до конца».

Таким образом, принципом настоящей работы является: лучше небольшое количество содержательных бесед, чем необоснованное расширение круга экспертов.

3. Составители методики исходят из презумпции плюрализма действительно аналитических точек зрения по данному вопросу. Это нашло отражение в плане беседы, допускающем как широкий диапазон мнений (от признания нынешнего общественного состояния в целом благополучным до констатации кризисной ситуации), так и возможность выдвижения крайних (оптимистических и пессимистических) гипотез дальнейшего развития данного общества.

Представители самых разнообразных точек зрения должны чувствовать себя комфортно, свободно в рамках беседы (если, разумеется, их устраивает и ее предмет, и общий аналитический подход). В частности поэтому авторы стремились избежать таких вопросов, которые явно выдавали бы их самих в качестве приверженцев какой-либо одной определенной гипотезы. К неизбежным издержкам такой методологической установки относится известная абстрактность формулировок в вопросах, допускающих широкий спектр интерпретаций.

4. Вовсе не следует думать, однако, что принципиальное признание различных экспертных взглядов и оценок равноправными является следствием лишь терпимости и уважения авторов к разнообразным точкам зрения. Составители методики сами не имеют готовых решений и ответов на все поставленные вопросы. И даже склонны думать, что прогностическое исследование вообще исключает окончательные ответы (в конце концов их даст сама практика исторического развития).

В задачу авторов входит не просто сверить свою собственную точку зрения с мнением других, а получить новое знание. Поэтому интенция методики — принципиально эвристическая. Здесь главный интерес представляют именно неординарные, не спланированные заранее повороты мысли, аргументы, формулировки. Не случайно методика названа (в преамбуле) «мозговой атакой».

5. Во всякой аналитической позиции так или иначе присутствует ценностный подход. Система ценностей неизбежно инкорпорирована в экспертном взгляде. Отдавая себе в этом отчет, авторы методики постарались все же огра-

ничить свой интерес и сосредоточить внимание экспертов на объективной логике общественного развития. Вопросы, которые можно было бы интерпретировать в смысле «Кто виноват?» или «Что делать?», не представлены в плане данной беседы. Общий смысл беседы с экспертом сводится к вопросу: «Что будет дальше?» (или: «К чему идет дело?»). Строго говоря, именно этот вопрос отвечает задаче прогностического исследования, как такового.

Единственным случаем, когда методика прямо апеллирует к ценностной позиции эксперта, является вопрос о понимании «лучшего» и «худшего» в перспективах общественного развития. Отказ от этого вопроса был бы, пожалуй, чрезмерным догматизмом в проведении выдвинутого принципа. Кроме того, такая постановка вопроса имеет то безусловное преимущество, что она исключает навязывание каких бы то ни было авторских дефиниций или стереотипных представлений (о «лучшем» и «худшем» вариантах развития).

6. Из сказанного выше естественно вытекает установка на вполне определенный способ обобщения результатов экспертного опроса. Составители методики предполагают сделать главный упор не на количественной обработке, а на качественном анализе полученных ответов (количественные наблюдения здесь уместны лишь для оценки устойчивости вариантов логических структур и конкретных, выдвигаемых экспертами прогностических гипотез). Перспектива качественного анализа и обобщения результатов исследования, понятно, повышает роль и значение всякого индивидуального мнения, оценки, взгляда на обсуждаемый предмет.

* * *

Исходные **теоретические предпосылки** составителей методики ориентированы на то, чтобы удовлетворить даже самого оригинального, своеобразно мыслящего эксперта.

Эти предпосылки сводятся к следующему.

1. Жизнь данного, конкретного общества (его развитие) есть целостный процесс, который в конечном итоге можно представить как некоторую смену общественных состояний, совершающуюся в определенном контексте мировой жизни.

2. Прогноз развития данного общества на определенный срок принципиально возможен на базе адекватного знания его современного и предшествующего состояний, а также общих тенденций мирового развития.

3. Следует различать актуально действующие внутренние и внешние факторы развития всякого данного общества.

4. Особого рода, опосредованно действующим фактором современного общественного развития (актуализирующимся в традициях, историческом опыте поколений, в общественном сознании и т. п.) выступает предшествующая история данного общества.

5. Самыми общими альтернативами развития общества на любом этапе являются: воспроизведение имеющегося общественного состояния либо переход от одного состояния к другому.

6. Переход от одного общественного состояния к другому осуществляется через более или менее резкие или постепенные изменения в жизни общества, предстающие в общественном сознании в качестве «перемен».

7. В зависимости от системы ценностей человека всякая конкретная перемена может квалифицироваться как «приближающая» общественное состояние к желаемому либо как «отдаляющая» от него (в этом смысле можно говорить о направленности перемен).

8. Совокупность одномоментно или последовательно совершающихся перемен, даже если они разнонаправлены, все же возможно оценить в смысле их общей (результатирующей) тенденции (в конечном счете «к лучшему» или «к худшему», с позиций определенной системы ценностей).

9. Общественные изменения являются объективным следствием естественно-исторического процесса и, вместе с тем, результатом сознательной деятельности людей. Активность определенных общественных слоев (групп) и типов людей выступает в качестве «человеческого» (субъективного) фактора соответствующих изменений.

10. К важнейшим формам активности людей, направленной на переход к новому общественному состоянию, относится так называемая общественная кристаллизация (возникновение и развитие разнообразных течений, направлений, движений и т. п.).

Авторы методики отказались в плане беседы от какой-либо компоновки факторов, аспектов и сторон общественной жизни, исходя из того, что эксперт может произвести собственную концептуальную группировку их.

* * *

В основу плана беседы положен следующий **концептуальный замысел**.

Первый раздел **«Общая тенденция развития и мера устойчивости»** — направлен на выяснение экспертной оценки современного состояния данного общества, с учетом общей тенденции его развития за последние 10–15 лет. Причем это состояние «улавливается» на пересечении двух оппозиций:

а) противоречия преодолеваются (проблемы разрешаются) — противоречия усугубляются (накапливаются нерешенные проблемы) — вопр. 1;

б) общественное состояние является устойчивым (стабильным) — общественное состояние является неустойчивым (несет в себе потенциальную возможность серьезных общественных изменений) — вопр. 3.

Эти две оппозиции, согласно гипотезе, достаточно тесно взаимосвязаны (разрешение проблем обеспечивает устойчивость; накопление нерешенных проблем — неустойчивость). Однако не исключается возможность и иных сочетаний (например, противоречия усугубляются, но загоняются вовнутрь, при сохранении стабильности за счет каких-то иных факторов).

На уточнение и раскрытие смысла экспертной оценки в этом последнем случае направлен вопр. 4.

Аргументация в пользу вывода о преодолении либо усугублении противоречий запрашивается вопр. 2. Соответствующая аргументация в пользу

вывода об устойчивости — неустойчивости здесь не запрашивается, поскольку тот же смысл имеют последующие вопр. 9–12.

Вопр. 5 (о «кризисных явлениях») дает возможность эксплицитного соединения двух названных оппозиций. В случае, если эксперт усматривает усугубление противоречий и неустойчивость общественного состояния, то уместно определить ситуацию в качестве кризисной.

Однако недостаточная определенность (неоднозначность) понятия кризиса в общественно-научном контексте побуждает отказаться от прямой привязки этого вопроса к предыдущим. Не исключается возможность, что эксперт не захочет воспользоваться этим понятием, даже при соответствующих ответах на вопр. 1 и 3.

Наконец, он может усмотреть «кризисные явления» даже в случае констатации устойчивости общественного состояния, поскольку бытует представление о кризисах «частных» (не затрагивающих основ общественной системы и систему в целом), а также «общих» и «затяжных» (в которых система может сохранять относительную стабильность).

Итак, при внешней взаимозависимости узловых вопросов первого блока (1, 3, 5) все вместе они образуют целостную, внутренне связанную структуру. Вместе с тем каждый предыдущий выполняет функцию не слишком жесткого фильтра по отношению к последующему; вся же последовательность вопросов открывает возможность эксперту перейти от менее сильного (и очевидного для него) утверждения к более сильному — если, конечно, он к этому расположен.

Второй раздел — **«Перспективы: взгляд «изнутри»** — берет старт от логического вывода, полученного в итоге первой части.

Если вопр. 3 (раздел I) допускает констатацию неустойчивости общественного состояния как потенциальной возможности серьезных общественных изменений; если вопр. 5 (тот же раздел) косвенно выясняет мнение эксперта о наличии «предвестий» возможных перемен — то вопр. 6 (раздел II) непосредственно направлен на оценку вероятности существенных общественных изменений **в обозримый период** (условным ограничением которого взят 2000 г.).

Можно предположить, что эксперт, усмотревший «усугубление противоречий», «неустойчивость общественного состояния» и даже «кризисные явления», даст положительный ответ на вопр. 6. Но и это необязательно. Во всяком случае утверждение о переменах в этих границах является более сильным, чем констатация «кризиса».

Вопросы 7 и 8 адресуются только тем экспертам, которые считают вероятными существенные перемены в жизни данного общества не позднее конца XX века. Первый из них (вопр. 7) направлен на выяснение предполагаемой экспертом общей (результатирующей) направленности общественных изменений (не исключая возможности параллельного или последовательного осуществления противоречивых по своему содержанию, разнонаправленных перемен). Второй (вопр. 8) выясняет экспертное мне-

ние о «мере резкости» ожидаемых общественных изменений (оппозиция: резко, круто — медленно, постепенно).

Понятие направленности интерпретируется через экспертное представление о желательном — нежелательном общественном состоянии или варианте развития, что уточняется в рамках вопр. 7 (оппозиция: «к лучшему» — «к худшему»).

В рамках экспертного опроса, не претендующего на репрезентацию общественного сознания, исключены гипотезы о количественном соотношении оптимизма и пессимизма. Но, во всяком случае, можно ожидать, что все эксперты разобьются на три основные группы: 1) не ожидающие существенных перемен до конца XX века; 2) ожидающие перемен к лучшему (в конечном итоге); 3) ожидающие перемен к худшему. Поскольку доля первых может быть значительна, вопросы, специализированные для экспертов второй и третьей группы, ограничиваются в данном и последующих разделах вопросами 7 и 8. Все остальные, вплоть до вопр. 15, сформулированы так, что на них может отвечать эксперт, придерживающийся любой точки зрения на перспективы общественного развития (в том числе — исключающей возможность перемен).

Вопросы 9 и 12 (последний относится уже к третьему блоку) направлены на экспертное выявление и оценку внутренних и внешних факторов общественного развития (отчасти на выявление внутренних факторов направлен также вопр. 10).

Вопр. 11 выясняет меру обусловленности экспертного взгляда на перспективы развития данного общества обстоятельствами и характерными особенностями его истории (предыстории).

Таким образом, вопросы 9, 11 и 12 составляют логически взаимосвязанную триаду («внутренние» процессы, «внешние» влияния и генезис — как факторы будущего развития системы).

Вопр. 10 по существу предлагает эксперту концептуализировать свой взгляд на структуру, способ организации общественной системы. Здесь можно ожидать выдвижения оригинальных представлений, эвристически ценных для понимания действующих механизмов общественной жизни. Этот вопрос позволяет также более или менее достоверно идентифицировать мировоззренческую позицию эксперта (для ее последующего соотнесения с экспертной оценкой перспектив развития данного общества).

Заметим, что эту же функцию в известной степени выполняют вопросы 15 и 18 из четвертого раздела беседы.

Третий раздел — **«Мировой контекст»** — посвящен анализу внешних факторов развития данного общества. Уже комментировавшийся вопр. 12 направлен на выявление основных внешних факторов (существенно влияющих на развитие данного общества тенденций, процессов мировой жизни), вопр. 13 — на экспертную оценку направленности и силы влияния этих факторов.

Вопр. 14 (о перспективах движения данного общества в мировом «историческом пространстве») направлен на выявление экспертного отно-

шения к некоторым существующим историко-мировоззренческим гипотезам и на стимулирование экспертной мысли в этом направлении.

Четвертый раздел — **«Человеческий фактор» перемен: за и против** — сосредотачивает внимание на субъективно-деятельностной стороне общественного развития, на реальном взаимодействии различных общественных сил — общественных слоев (групп) и типов людей — в этом процессе.

Вопр. 15 (адресованный всем экспертам, каким бы ни был их взгляд на перспективы развития данного общества в обозримый период) направлен на выяснение экспертного мнения о расстановке общественных сил с точки зрения их заинтересованности в том или ином варианте общественного развития.

На все остальные вопросы этого и последующего блока (16–22) отвечают только те эксперты, которые считают вероятными существенные перемены в жизни данного общества не позже конца XX века. Заинтересованность составителей методики в максимальном «съеме информации» при экономии вопросов побудило сформулировать вопросы о человеческом факторе амбивалентно: в зависимости от того, ожидает ли эксперт перемен «к лучшему» или «к худшему», эти вопросы приобретают практически противоположный смысл. (Этот момент требует особого внимания интервьюера!)

Вопросы 16 и 17 направлены на выявление вероятной расстановки сил в процессе перехода от одного общественного состояния к другому. При этом учитывается, что общественные изменения не всегда осуществляются теми, кто их подготавливает или стимулирует (см. вопр. 16). Формулировки вопросов ориентируют эксперта на учет сложной диалектики общественного развития.

Вопр. 18 акцентирует внимание на формах самоорганизации и консолидации общественных сил, способствующих переменам («к лучшему» или «к худшему», в зависимости от ожиданий эксперта).

Вопр. 19 возвращает к проблеме «мирового контекста», однако в специальной связи с «человеческим фактором», имея в виду роль зарубежных воздействий и примеров в формировании и укреплении этого фактора (напомним, что здесь речь может идти о диаметрально противоположных по направленности и смыслу влияниях, в зависимости от того, идет ли речь о «человеческом факторе» перемен «к лучшему» или «к худшему»).

Последний, пятый раздел — **«Время и ход перемен»** — также содержит вопросы, на которые отвечают только эксперты, полагающие перемены в жизни данного общества вероятными. Вопр. 20 предлагает эксперту ориентировочно датировать начало ожидаемых им общественных изменений, вопр. 21 — высказать прогностические соображения об очередности конкретных перемен.

Вопр. 22 является своего рода приглашением к качественному «прогностическому моделированию» ситуации, к прожективной реконструкции вариантов конкретно-исторического развития, предусматривающих смену одного общественного состояния другим. (По-видимому, не каждый эксперт примет это приглашение.)

Просьба указать на вопросы, упущенные составителями методики, однако уместные в рамках избранной прогностической темы, сформулирована в вопр. 23 (стоящем вне разделов), который завершает беседу.

В свете всего сказанного, логику беседы можно представить в виде следующей цепочки:

Экспертная оценка «современного общественного состояния» в свете «общей тенденции развития» — общая оценка «перспектив общественного развития» — анализ «внутренних» процессов и факторов этого развития — анализ «внешних» факторов общественного развития — анализ «человеческого фактора», движущих сил перехода от одного общественного состояния к другому — конкретизация вероятных сроков и «хода перемен» — прожективный сценарий общественного развития.

Авторы заботились о том, чтобы вопросы, по возможности, не пересекались в своем содержании. Однако ряд «пересечений» предприняты намеренно. Иногда они выполняют функцию «контроля» (насколько устойчива экспертная точка зрения при ответах на близкие по содержанию вопросы), иногда — эвристическую функцию (экспертная мысль, только наметившаяся при ответе на один вопрос, может углубиться при ответе на последующий); иногда совершается сознательный, логически необходимый возврат к уже затронутому сюжету в новом аспекте (например, зарубежные влияния на «человеческий фактор»).

Сама по себе структура методики (последовательность разделов) отражает определенный концептуальный взгляд на логику анализа проблемы путей и перспектив исторического развития конкретного общества.

Коротко говоря, концептуальный замысел методики состоит в выделении действительно альтернативных аналитических точек зрения на перспективы дальнейшего развития данного общества и в последующем соотнесении этих точек зрения в обобщающем анализе, с целью их взаимопрроверки, взаимообогащения, а может быть, даже и синтеза.

* * * Наконец, о **процедурных правилах** экспертного опроса. Предоставляя широкое поле для инициативы интервьюера и эксперта, ограничимся выдвижением нескольких положений, сводящихся в основном к «процедурным запретам»:

1. При всей непринужденности и взаимной доверительности беседы, интервьюер и эксперт должны все же квалифицировать ее как **работу**, требующую соблюдения определенных норм.

2. Исключается полемика между интервьюером и экспертом в ходе беседы (что, разумеется, не требует от интервьюера скрывать свою собственную точку зрения на обсуждаемый предмет).

3. Как правило, исключены групповые беседы (более чем с одним экспертом одновременно).

4. Интервьюер записывает ответы эксперта, в соответствии с планом беседы, возможно ближе к живой речи (что не исключает исправлений и редактирования записи самим экспертом).

5. Беседа может состояться сразу по ознакомлении эксперта с ее планом или по прошествии некоторого времени (необходимого эксперту, чтобы подготовиться к ней).

6. Исключена безвозвратная передача интервьюеру текста, написанного (отпечатанного) самим экспертом (в случае, если тот пожелает ответить на вопросы письменно). Лучше всего, если интервьюер сразу перепишет этот текст и вернет оригинал автору.

7. Эксперт не знает имени составителя методики, составитель методики не знает имени эксперта. Того и другого знает только интервьюер, берущий на себя ответственность за сохранение их анонимности.

8. Интервьюер пользуется исключительно собственным (переписанным или отпечатанным самостоятельно) экземпляром плана беседы.

9. Преамбула плана беседы может, по усмотрению интервьюера, предъявляться или же излагаться устно. В любом случае необходимо от четливое согласие эксперта на беседу.

10. Безусловное соблюдение изложенного минимума процедурных правил диктуется требованиями как исследовательской строгости, так и нравственной ответственности участников настоящей работы.

* * *

Настоящий методологический комментарий подготовлен составителями методики для уяснения самим себе соответствующих методологических, концептуальных и процедурных моментов и адресован также интервьюерам. Однако в нем нет информации, которую нельзя было бы сообщить эксперту, если у последнего эта сторона дела вызовет интерес.

Ноябрь 1978

Ремарка: кто участвовал в исследовании «Ожидаете ли Вы перемен?»

По вышеприведенной методике автором этих строк и его коллегами в 1979–1981 гг. было опрошено 45 чел. — представителей научной и творческой интеллигенции (в большинстве своем — ленинградцев).

Некоторые материалы этого андерграундного исследования публиковались ранее:

— Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). Кн. 1–2 / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991;

— Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога рабочего). М.: СПбФ ИС РАН, 1997.

После опубликования извлечений из анонимных экспертных листов в последней из названных работ ко мне стали поступать предложения о раскрытии псевдонимов.

С согласия тех участников тогдашнего экспертного опроса, которых мне сегодня удалось разыскать, обнародую здесь их имена. (В скобках указаны: номер экспертного листа и псевдоним, обозначенные в вышеупомянутых публикациях.)

Итак, участвовали в опросе «Ожидаете ли Вы перемен?» и подтвердили свое авторство относительно конкретного экспертного листа:

— **А. В. Баранов** (36: «Ученый»); **Г. В. Бурковский** (41: «Инструктор»); **А. А. Вейхер** (23: «Лютеранин»); **П. Вихалем** и **М. Лауристин** (5: «Барсук»); **В. Д. Глухов** (7: «Катя»); **В. Н. Дмитриевский** (24: «Алазанская»); **Л. К. Дудченко** (34: «Бирюк»); **В. П. Захаров** (12: «Тигр»); **А. А. Кетегайт** (45: без псевдонима); **Г. А. Климентов** (38: «Марианна»); **С. Г. Никитин** (35: «Строитель»); **Ю. А. Огибин** (33: «Скромный»); **В. Н. Павленко** (10: «Тройка»); **В. Ш. Рубашкин** (13: «Ира»); **Р. В. Рыбкина** (26: «Близнецы»); **А. В. Седов** (1: «Жук»); **В. В. Сокирко** (30: без псевдонима); **Э. В. Соколов** (37: «Дикобраз»); **А. С. Соснин** (28: «Невельцев»); **А. В. Тихонов** (14: «Октябрь»); **В. Ф. Чеснокова** (25: «Никита Боголюбский»); **Ю. А. Шеголев** (15: «Ландыш»); **А. Н. Юценко** (6: «Беломор»).¹

В. Б. Кацнельсон подтвердил свое участие в опросе, однако не смог определить, какой именно экспертный лист принадлежит ему.

Двое из участников опроса ныне проживают за рубежом. Связаться с ними мне не удалось.

Троих из наших тогдашних экспертов уже нет в живых. Это:

— **В. Г. Безносов** (авторство относительно конкретного экспертного листа не установлено); **Г. И. Забелкин** (предположительно — эксп. лист 44: без псевдонима); **С. М. Фирсова** (предположительно — эксп. лист 2: «Порядочный человек»). (Декабрь 2000).²

1.3. История и социология (Об одной неизвестной работе М. Я. Гефтера со товарищи)

[Ниже — статья, написанная мною в 1993 г., специально для сборника, посвященного 75-летию Михаила Яковлевича Гефтера, т. е. еще при его жизни.

Издание юбилейного сборника «Инакомыслящий: Гефтер с нами и сам по себе» (М., 1993), куда эта работа, в своем первом варианте, вошла, состоялось крохотным тиражом: несколько десятков экземпляров.

В 1995 г. М. Я. Гефтера не стало.

Для настоящей публикации 3-я часть статьи переработана автором. В нее включена новая информация об обстоятельствах создания методики «Ожидаете ли Вы перемен» и ее применения в 1979–1981 гг. — А. А.]

I

Уже успев порадоваться благородной инициативе друзей и учеников Михаила Яковлевича Гефтера, уже даже пообещав обязательно написать для «Встреч в истории»³, вдруг встал перед вопросом, который чуть не заставил заявить о своем банкротстве. В каком качестве участвовать?

¹ Со многими из названных лиц читатель еще не однажды встретится на страницах этой книги

² Кроме того, на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?» в 1979 г. отвечал **В. Л. Шейнис**. Этот текст сохранился в его архиве

От В. Шейниса я недавно узнал, что в данном экспертном опросе участвовали еще несколько человек, опрошенные им лично. Я не успел связаться с ними, поэтому не называю имен

³ Это — предполагавшееся название юбилейного сборника, позднее названного «Инакомыслящий»

В качестве коллеги — пусть не историка, тем более не философа истории (как правильной всего, мне кажется, говорить о М. Я., уж если пытаться укладывать его научное творчество в какую-либо рубрикацию), а социолога с определенным интересом к «истории современности»? Но не располагаю я сейчас достойным такого повода научным результатом.

В качестве ученика, последователя, адепта? Увы, не столь глубоким было знакомство не только с отдельными работами М. Я., но даже и с основными направлениями его многосторонней деятельности. Иные места в работах Гефтера до сих пор выше моего понимания, при всей несомненности их приятия мною в целом. В общем, не гожусь и в этой роли.

В качестве человека, счастливого «давнишней дружбой» с М. Я. (из дарственной надписи на его последней книге)? Эх, если бы общение было более регулярным, если бы чаще приходилось пить из этого чистейшего источника духа, интеллекта и человечности, да еще бы запоминать, записывать его беседы!

Впрочем, если бы и догадался в свое время **записывать** встречи с Гефтером, надо ли сегодня, даже сегодня, в день его 75-летия, выступать с мемуарами? Не должны «Встречи в истории» превращаться в юбилейный альбом... Иному читателю, может, и интересны, и поучительны были бы наши «воспоминания» о Гефтере. Но не таков М. Я., каким я его знаю, чтобы благословить этот жанр. Надо и о нем, как о читателе, подумать.

Для данного издания я выбираю единственную для меня приемлемую роль — роль **публикатора**. Возможно, не я один выступлю в этом качестве. Все же воспоминание о самой первой нашей встрече будет здесь уместно.

...В собрание избранных работ М. Я. Гефтера под названием «Из тех и этих лет» (М., Прогресс, 1991), естественно, многое не вошло. Авторский замысел не предусматривал в нем тех сочинений, которые предшествовали 1976 году, когда Михаил Яковлевич добровольно прервал свою официальную научную карьеру. Вполне вероятно, что М. Я. относится к ним сегодня скептически.

Но раскройте «очень академичный» сборник Института всеобщей истории 1969 г., ответственным редактором которого был М. Я. Гефтер. И вы найдете там — в четырех авторских публикациях Гефтера — зерна того, что позднее проросло в его знаменитых «Поисках».⁴

Или вот еще более ранний (1964 г.) сборник, с материалами расширенного заседания Секции общественных наук Президиума АН СССР⁵. Среди докладов академических генералов — островками живой мысли — несколько выступлений «не маститых» историков, включая тогда еще кандидата исторических наук М. Я. Гефтера.

Речь идет о сборнике: Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М.: Наука, 1969. В свое время это издание было подвергнуто уничтожающей партийной критике и наложен запрет на публикации Гефтера (см.: Аутсайдер — человек вопроса. М.: Век XX и мир, 1996, ¹ 1, с. 8).

⁴ О Свободном московском журнале «Поиски» см. ниже.

⁵ История и социология. М.: Наука, 1964.

Разыскиваю эти книги сейчас вовсе не в Публичной библиотеке, а у себя на полке (хоть и в дальнем углу!). Дело в том, что в конце 60-х я, тогда начинающий социолог, получил от старших коллег, философов и социологов из Новосибирского университета, предложение об оригинальной «сделке»: я на год освобождаю их от необходимости самим читать лекционный курс по научному коммунизму; а они мне... засчитывают кандидатский минимум по философии. Я согласился.

Пожалуй, только в Новосибирском академгородке еще и мыслимо было в ту пору безнаказанно заниматься такой самодеятельностью. Как-то мне удалось тогда подменить штатную программу по главной идеологической дисциплине пересказом работ будущих (еще не успевших попасть в реестр запрещенных) западных и отечественных «ревизионистов». Наряду с молодым Марксом и престарелым Энгельсом, я тогда усердно цитировал неизвестного (по крайней мере моим студентам) московского историка М. Я. Гефтера:

...Реальная картина социальной революции XX в. так часто не совпадает с традиционной схемой и общепринятой типологией, что сплошь и рядом ставит исследователя, да и не только исследователя, в тупик. Скажем, революция без революционного класса, но при наличии революционной идеологии и организации революционеров. Явление это не ново (как возможность оно признается нами в отношении России эпохи падения крепостного права), однако сейчас стало в известном смысле нормой. Сдвинулось привычное соотношение стихийности и сознательности. Дефинициям «не утнаться» за действительность...

Может быть, вообще отказаться от однозначных определений? Подгонка под единую категорию действительно ведет к опасным aberrациям, но единство не исчезает, оно лишь качественно меняется — **несовпадение локальных вариантов в рамках возросшей интернациональной общности**. А с этой особенностью связана и другая: быстрое расширение масштабов революционного процесса возвращает революцию к казалось бы давно пройденным ступеням и формам, но не в чистом, а в смешанном, «перепутанном» виде... (*Историческая наука и некоторые проблемы современности. М., 1969, с. 255–256*).

Или другое:

...одной из первых, если не самой первой я назвал бы проблему **возможности и действительности** (выделено мною. — А. А.) в общественном развитии. Как ни странно, названные категории диалектического материализма менее всего подвергаются изучению на историческом материале. В этом нельзя не видеть одно из остаточных явлений идеологии культа личности. Я имею в виду идущее от Сталина «выпрямление» истории по ее определившемуся результату, канонизацию данного хода развития событий как единственно возможного, фактическую подмену марксистского детерминизма идеей фатальной неизбежности происходящего (оправдывавшей, кстати, задним числом и все ошибки, и то, что являлось более чем ошибками, — преступлениями). Эта идеологическая и политическая сторона вопроса тем более должна учитываться нами, что та же тенденция отчетливо прослеживается в современном догматизме, в попытках придать вечный, неизменный характер определенным формам классовой борьбы, «теоретически» обосновать таким образом левозстремистскую тактику и авантюристические действия в политике... (*История и социология. М., 1964, с. 47–148*).

Каким далеким это кажется от нынешнего и знакомого нам Гефтера (сборник «Из тех и этих лет»)! И, вместе с тем, откуда бы взялась его «Прощальная запись» 1976 г. (М. Я. Гефтер. Из тех и этих лет..., с. 15–36) и все последующее — без этой мучительной, я полагаю, «другой жизни», всех предшествующих нравственных и научных исканий?

Что же касается меня тогдашнего (начало 70-х), то именно такая постановка вопроса была для меня мировоззренческим ориентиром и «спасением» — возможностью идентифицироваться с **марксистской** позицией, как ее тогда выражал, в частности, Гефтер.

(Другим штрихом моей собственной интеллектуальной биографии была тогдашняя опора на известного французского марксиста Луи Альтюссера. Исходя из тех же, что в цитированных отрывках из Гефтера, предпосылкой, Альтюссер развивал идею о «сюрдетерминации» исторических факторов. Ему принадлежит броская формула: «**В истории исключение из правил есть правило правил**». Тем самым как будто снималось противоречие между марксистской теорией и исторической практикой, наверняка мучившее и Гефтера, судя по цитированным работам).

Интересно, что эти старые книги (с моими восклицательными пометами на полях) я с тех пор не раскрывал. И когда в конце 70-х состоялось наше личное знакомство, мне, к стыду моему, так и не вспомнилось, что... именно М. Я. Гефтер был среди моих первых заочных идейных наставников.

II

Конечно, встреча с Гефтером-«пенсионером», десять лет спустя, была не менее, а, пожалуй, более значимым для меня событием. То была не просто «роскошь человеческого общения», а еще и «общее дело» — **сотворчество**. Плод этого творческого общения я намерен предложить вниманию других коллег, друзей и соавторов Михаила Яковлевича Гефтера.

Нижеследующие тексты: вопросник «Ожидаете ли Вы перемен?» и методологический комментарий к нему, датированные 1978 годом, — были впервые обнародованы уже в 90-х. См.: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х годов). Кн. 1–2. Ред.-сост. — А. Н. Алексеев. М.: Институт социологии АН СССР, Ленинградский филиал, 1991. В этой первой публикации упомянутых документов присутствует благодарная ссылка на М. Я. Гефтера, но без достаточных пояснений о мере его участия, иначе говоря — о его действительной роли в этой работе.

Воспроизвожу здесь то, что было предметом нашего совместного свободного научного творчества в конце 70-х гг. <...>

Вкратце

Далее в статье воспроизводились тексты вопросника «Ожидаете ли Вы перемен?» и методологического комментария к нему, представленные выше.

<...> Человек, знакомый если не лично с М. Я. Гефтером, то хотя бы с его произведениями (особенно тех же лет, конец 70-х), думаю, без труда распознает общий подход, мысль, услышит голос (вплоть до интонаций!) Гефтера в этом вопроснике, как бы тесно ему ни было в прокрустовом ложе формализованной социологической методике. Дело в том, что Михаил Яковлевич является не просто «соавтором», а, по существу, **главным ее автором**, неформальным лидером стихийно сложившегося тогда творческого коллектива.

В этот творческий коллектив, кроме Михаила Яковлевича и меня, входили также наши общие друзья: писатель, кинодраматург Анатолий Семенович Соснин; экономист Виктор Леонидович Шейнис, собственно и познакомивший меня с Гефтером; социолог-экономист Нина Яковлевна Шустрова. Участником большинства наших встреч (обычно — на квартире А. Сосни-на) в дни приезда москвичей Гефтера и Шейниса в Ленинград был также историк, канд. ист. наук Валентин Михайлович Алексеев (ныне покойный).⁶

Здесь есть ценный вклад каждого из названных лиц, хотя идентифицировать индивидуальные вклады сейчас, пожалуй, невозможно. Сам же я выступал преимущественно в роли социолога-методиста и был своего рода «ученым секретарем» этого незримого колледжа. Позднее я стал кем-то вроде ответственного исполнителя «андерграундного» исследовательского проекта.

В сущности, как я только сейчас окончательно понял, перечитав работы Михаила Яковлевича «тех» и еще более ранних лет (см. цитирования вначале), это было не чем иным, как попыткой перевода историко-философских идей Гефтера на язык социологической методики и процедуры. Но и не только его историсофских идей!

Гефтеровский дух свободного диалога и «мышления вслух» воплотился в этом нетривиальном исследовательском предприятии.

III

...Трудились мы над этой экспертно-прогностической методикой несколько месяцев, пока в ноябре 1978 г. не остановились на последнем варианте, уже известном читателю. Дальше, по канонам социологической практики, полагалось опробование. Этот «пилотаж» оказался очень трудоемким и затянулся на два с лишним года.

Большая часть интервью была взята мною. По несколько бесед по этому сценарию провели Н. Шустрова и В. Шейнис. Всего успели получить 45 пробных интервью. Среди наших экспертов были в основном представители научной и творческой интеллигенции, мои близкие знакомые или знакомые других участников нашего авторского коллектива (преимущественно — ленинградцы, но и не только). Все записи этих бесед (экспертные листы) стекались ко мне.

Однако до обработки и осмысления все руки не доходили. Не до того было и Михаилу Яковлевичу, и остальным в ту пору...

Кажется, в конце 1981 г. я предложил одному из своих коллег (который не участвовал ни в разработке методики, ни в проведении опроса) попробовать проанализировать полученные ответы.⁷

⁶ В 90-х гг., усилиями В. Л. Шейниса и других друзей и коллег В. М. Алексеева, были изданы посмертно главные его монографические труды: *Алексеев В.* Венгрия-56 Прорыв цепи М.: Независимая газета, 1996; *Алексеев В. М.* Варшавское гетто больше не существует М.: Звенья, 1998

⁷ Подробнее об этом см. в главе 9: раздел «Опасные игры (вокруг материалов опроса “Ожидаете ли Вы перемен?”)»

Тот занимался обработкой и анализом довольно долго и, похоже, был не очень аккуратен в хранении материалов...

Так или иначе, два года спустя после того, как было взято последнее, 45-е интервью (датированное апрелем 1981 г.), о нашем потаенном опросе, связывавшемся с моим именем, прознало Ленинградское управление КГБ (УКГБ ЛО). И стало охотиться за его материалами.

«Компетентные органы» сумели разными способами добыть копию самого вопросника и методологического комментария к нему, а также отпечатанную на моей машинке запись одного-единственного интервью (1 10), в котором, как помнится, эксперт предсказывал крушение мировой социалистической системы в начале 90-х гг. (я потом не доискался этого экспертного листа в комплекте).

Сотрудников КГБ, очевидно, очень интересовали все остальные материалы крамольного исследования. В сентябре 1983 г. на мою квартиру пришли с обыском.⁸

Надо сказать, что черновые записи бесед (иногда — собственноручные записи экспертов) я немедленно уничтожал, перепечатав на своей машинке. Папку с материалами опроса хранил не дома. В этом плане обыск оказался безрезультатным. Впрочем, даже если бы материалы и были обнаружены, эксперты были надежно защищены хорошо продуманной процедурой, гарантировавшей анонимность опрошенных.

(Мой категорический отказ раскрывать псевдонимы экспертов мотивировался исключительно «профессиональной этикой», на что возразить было трудно.)

Не имея достаточного набора «вещественных доказательств» и свидетельств, Управление КГБ по Ленинградской области ограничилось тогда вынесением мне так называемого официального предостережения, в частности, за проведение «несанкционированного» исследования «О состоянии и перспективах развития советского общества». (Кажется, получил такое предостережение и сторонний аналитик, упоминавшийся выше.)

Что касается нашего незримого колледжа (М. Я. Гефтер и все остальные), то он так и остался не раскрытым, его члены — вне подозрений (по крайней мере, по данному поводу).

Вполне понятные «конъюнктурные» соображения побудили меня в сложившейся ситуации официально узурпировать авторские права на эту коллективную, в сущности, работу. Считалось, что все это я «придумал» и организовал сам, один.

Уже после обыска я уничтожил (сжег) практически все материалы опроса и оповестил об этом всех, кто имел к нему хоть какое-то отношение (кажется, и самого Михаила Яковлевича). Но одну копию комплекта машинописных распечаток экспертных листов все же сохранил. Этот комплект документов пролежал под спудом до того времени, когда начались

⁸ См. в главе 7: раздел «Обыск и выемка — на основании «имеющихся данных» и др. разделы

те самые общественные переменны, наступление которых некоторые из наших экспертов предполагали, а другие — нет...

Ремарка: рукописи не горят...

Пользуюсь случаем выразить глубокую признательность Эльвире Александровне Межсерауп, согласившейся (1983 г.) хранить у себя дома папку с «опасными», как она могла предполагать, документами — бессрочно или до моего востребования. (Сама Э. М. эту папку не раскрывала!).

Вообще, без ее и моего друга, социолога, канд. филос. наук Александра Николаевича Юценко (посоветовавшего обратиться именно к ней) помощи, материалы опроса «Ожидаете ли Вы перемен?» погибли бы безвозвратно. (Апрель 2000).

...В 1990 г. я извлек эту папку из тайника и подготовил к изданию сборник под названием «Ожидали ли перемен?», включивший в себя аутентичные тексты большинства из собранных 10 лет назад интервью, вместе с основными методическими документами. Как уже говорилось, в 1991 г. этот сборник увидел свет, в ротاپринтном издании Института социологии АН СССР (тираж — 295 экз.).

То было именно собрание рабочих материалов экспертного опроса рубежа 70–80-х гг., а не ретроспективный анализ.

...Для нынешнего или будущего историка, который захочет и сможет освоить эти материалы, такой публикации, может быть, и достаточно. Но вот сама по себе экспертно-прогностическая методика «Ожидаете ли Вы перемен?», с ее методологическим обоснованием, несущая на себе печать минувшего времени и вместе с тем вовсе не утратившая актуальности, — работа М. Геф-тера со товарищи — заслуживает, как мне кажется, более широкого научного и общественного внимания. А может быть — и повторного применения...

* * * Если когда-нибудь состоится

переиздание «Из тех и этих лет» (или издание более полного собрания сочинений М. Я. Гефтера), мне кажется, будет вполне справедливым включить туда и вопросник «Ожидаете ли Вы перемен?», хотя бы в раздел «Приложений». Надеюсь, Михаил Яковлевич со мною в этом согласится. А. Алексеев, 1993–1999

Ремарка: ...разрешаю использовать!

Вопрос о современном воспроизведении рассмотренного выше экспертно-прогностического исследования рубежа 70–80-х гг. (разумеется, при модернизации некоторых формулировок, но при сохранении общего методологического плана), уже ставился: ко мне неоднократно обращались за соответствующим разрешением.

И я его (это разрешение) охотно даю, что подтверждаю и здесь. (Сентябрь 1999).

* * *

[...А теперь — **круто сменим тему** и обратимся к рассказу об относящемся к тому же времени экспериментальном исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего». — А. А.]

...«**Ты жизнь свою обязан изменить**» — поразительно, что Рильке не побоялся произнести эту фразу, и произнести так именно, как произносят ее сотни резонеров. Ибо перейдя «порог», он постиг некую чудесную тайну: постиг, что суть не в том, что говорится, но в том именно, кто говорит...

К. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 74 (@)

...Я всегда считал, что идеалист обязан смотреть на вещи трезво, и понимал, что любое движение по нехоженому пути связано с риском и что только в редких случаях этот риск представляется оправданным, а вероятность успеха — достаточно высокой. Я считал, что мой случай относится к числу этих немногих, потому что я долго обдумывал свое решение со всех точек зрения, и еще потому, что у меня были здоровье, крепкие нервы, запас энергии, практический здравый смысл, упорство, осмотрительность, весьма скромные потребности — словом, все качества, необходимые для того, чтобы идти по выбранному пути. Наконец, я верил, что в случае провала моего плана уравновешенный характер позволит мне выдержать этот удар... *А. Швейцер. «Из моей жизни и мыслей» (Цит по: А. Швейцер. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М., 1993, с. 113)*

1.4. Индивидуальная жизненная перемена. Социолог-рабочий (Первые впечатления и «фоновые» наблюдения)

[Ниже — извлечения из «протоколов жизни» социолога-рабочего первой половины января 1980 г.⁹ — А. А.]

Три мотива жизненной перемены

Здравствуй!

<...> Недавно (как раз в новогодние дни!) реализовалась моя еще летом сформировавшаяся идея собственной добровольной **отставки из академии**. С 4 января 1981 г. я состою наладчиком координатно-револьверного пресса на Ленинградском заводе полиграфических машин («Ленполиграфмаш»).

Разумеется, это событие лишено всякого оттенка скандальности. Определен примерный срок «включенного наблюдения» — два года. От В. А. Ядова поступило нетривиальное предложение о моем совместительстве в ИСЭП.¹⁰ Я принял это предложение. Однако его осуществление проблематично, в силу непривычности ситуации...

К официально поддержанному «научно-гражданственному» мотиву моего шага стоит добавить «социально-авантюристический» («Я понимаю Андрея, скучно ему стало!» — заметил Ядов). И еще — своего рода «экзистенциально-этический» мотив: сколько же можно работать «в наморднике» институциональной науки!

Вероятно, через пару лет я вернусь в прежние статусы. Но — сохраняя за собой право выбора. Вообще, мое нынешнее «хождение в народ» — не более экстравагантно, чем переход из журналистов в вальцовщики 20 лет

⁹ Фрагменты дневниковых записей озаглавлены при подготовке настоящей публикации

¹⁰ Институт социально-экономических проблем АН СССР

назад. Тогда еще термин «включенное наблюдение» не имел распространения. <...> Твой А., 6.01.80.¹¹

Самосохранение через перемену

2.01.80. Радикальная жизненная перемена — своеобразная реакция личности на накопившуюся неудовлетворенность собой (а не только обстоятельствами жизни). «Сильный» поступок имеет в своей мотивации также не афишируемый компенсаторный мотив. Скрытая надежда преодолеть заодно всякие свои, раздражающие себя слабости... «Мудрость души» сопоставима с «мудростью тела».

Самосохранение через перемену: **если не можешь примениться к обстоятельствам — измени обстоятельства!** Вот и вся глубинная мотивация, насколько я ее улавливаю. <...>

Я — третий!

2.01.80. Встреча с Юрой и Сергеем (у Юры)...

...Юра — **первопроходец**. Сережа — **второй**. Я — **третий**.

Ремарка: социологи, ставшие рабочими.

Юрий Анатольевич Щеголев и Сергей Михайлович Розет (ныне покойный) — социологи, ставшие рабочими, по своей инициативе (рубеж 70–80-х гг.). Наше дружба и сотрудничество берет свои истоки от начала 70-х.

Подробнее о Ю. Щеголеве и С. Розете см. ниже. (Апрель 1999).

Юре нынче работать в ночь. Я консультировался насчет обработки массива анкет «Жизнь-79». Для интеркорреляций — придется укрупнять шкалы. Бутылка вина, картошка и яблоки... Юра — о полемике Пушкина с Радищевым («Путешествие из Москвы в Петербург»). Ушли рано.

Сергей (по дороге домой): «Нельзя ли устроить совместительство в ИСЭПе для Юры?». Для себя такое исключает... *[Однако это исключал для себя также и Ю. Щеголев! — А. А.]*

Ремарка: «Душу свою живую спасал...»

Как писала об эксперименте социолога-рабочего Л. И. Графова в своем очерке «Преодоление пределов»: «...переход в рабочие... был для него поиском выхода... Ему, думаю, стало тесно в тогдашней социологии. Бегством на завод он — интуитивно — душу свою живую спасал...» (Литературная газета, 23.09.87).

...Можно по-разному интерпретировать мою собственную мотивацию. Но что это определение («душу свою живую спасал...») уместно отнести к жизненным шагам моих коллег — Юрия Щеголева и Сергея Розета — я не сомневаюсь. (Сентябрь 1999).

...С В. А. Ядовым в ИСЭПе обсуждали перспективы сотрудничества. Передал Ядову необходимые документы для рассмотрения в Москве возможностей моего совместительства в ИСЭП. <...>

Это — одно из сохранившихся писем того времени. Здесь не назван адресат, поскольку письма аналогичного содержания были отосланы мною, в январе 1980 г., более чем десятку друзей и коллег.

Привет из Эстонии

2.01.80. Юло прислал новогоднее поздравление в обычной для него афористической манере: «Жить с совестью или без совести... Что проще?..» А конверт без обратного адреса. <...>¹²

Три цвета «протоколов жизни»

2.01.80. Жанр этих записей — не исповедь, не проповедь, не эссе, даже не дневник, но — **протокол**. Протоколы жизни...

Записи дифференцированы.

Написанное **красным** карандашом, будет иметь более или менее прямое отношение к специфической ситуации «включенного наблюдения», в которую поместил себя протоколист, сменив работу в институте на работу на заводе.

Написанное **синим** карандашом будет касаться всего остального, заслуживающего сохранения в качестве фактов и соображений, имеющих не сугубо личный интерес. Это — тоже своего рода протокол включенного наблюдения, но с «расширенным полем», каковым является вся область соприкосновений субъекта с действительностью.

Наконец, написанное **зеленым** (или простым) карандашом будет относиться к обстоятельствам жизни и переживаниям, являющимся сугубо личными...

Что касается синих и красных страниц, то они имеют смысл **жизненных свидетельств**. Критерием для их отбора является пока затруднительная для обоснования уверенность автора во все возрастающей культурно-исторической ценности свидетельств индивидуального жизненного опыта.

Вполне вероятно, что сам по себе «протокол жизни» окажется самоорганизующейся системой, задающей свои правила и подчиняющей себя ею же самой выработанным правилам.

За исключением гениев, многое из того, что человек оставляет после себя, чуть лучше или чуть хуже, чуть раньше или чуть позже, оказывается сделано и другими людьми. Только протокол собственной жизни **уникален**, как сама жизнь.

Таково «смирение паче гордости» протоколиста. <...>

Случаи из жизни родственников

2.01.80. Борис¹³ приехал в отпуск. Поездом, за полцены (как ветеран войны). Без голоса, после предновогодней бани. Этот год работал плот-¹² Юло Вооглайд — мой давний друг, социолог, ученик В А Ядова, канд филос наук В 60–70-х гг — организатор и руководитель социологической лаборатории в Тартуском университете (одной из самых мощных и авторитетных в СССР в то время) Был исключен из партии по политическим обвинениям в 1975 г Ныне живет в Таллинне

¹³ Борис Алексеевич Мовчан, ныне покойный, — старший брат Нелли Алексеевны Крюковой, в то время — жены автора этих строк

ником, в том же тресте, из которого увольнялся осенью 1978 г. Последние 7 мес. — в Буденновске, откуда годом раньше еле ноги унес (такая вот непоследовательность!)...

[У Б. Мовчана было высшее строительное образование, однако на инженерных должностях почти не работал; вообще — был «пролетарием» по духу и образу жизни. — А. А.]

С Ниной не живет, хотя и встречается. Та купила мотороллер с коляской (850 руб.) и мотоправа (150 руб.), чтобы возить корм для кроликов. Их у нее теперь до 200. Отказалась от предложения работать почтальоном. Живет по-прежнему в **конфискованном** у нее доме.¹⁴ Тот, по утверждению Б., начал уже рушиться.

Оба сына Нины — в Иноземцево.

Младший (Владимир) не остался на сверхсрочную, хотя предлагали прапорщиком (в качестве десантника совершил до 75 прыжков с парашютом). Сейчас работает в магазине культтоваров. Как рассказывает Борис, продавцы, при заработке около 100 руб., до 250 имеют слева. (Один из механизмов: ковер уценяют; продавец покупает его по этой сниженной цене; потом продает по прежней или чуть ниже прежней, уже как личную собственность.) Младший сын живет у матери. Еще не женат.

Старший (Александр) теперь работает на автобусе. До этого он успел сменить, в качестве шофера, машину секретаря горкома комсомола на машину секретаря (первого, как утверждает Б.) Железноводского горкома партии. Но приключилось ЧП...

С аэродрома Саша на горкомовской машине подвозил «левую» пассажирку. (Вообще, у личных шоферов высокого начальства это не принято; во всяком случае, лучше не попадаться.) Остановили его трое гаишников, да еще в больших чинах... По рассказу Б., Саша, предъявляя права, усмотрел, что те выпивши. И... газанул! Один из гаишников, успевший засунуть руку за стекло, протащился какое-то расстояние за набирающей скорость «Волгой», а когда отцепился и упал, открыл стрельбу по уходящей машине. Будто бы побил в машине стекла, но людей не задел.

По словам Бориса, все это происходило чуть ли не в центре Железноводска. Виноватых вроде не искали... Случай был замят.

Детали этой истории, разумеется, недостоверны. Но сам сюжет почти наверняка имел место. <...>¹⁵

Моя рабочая карьера

2.01.80. У меня в руках — собственная трудовая книжка. Выписываю:

¹ Жену Б М — Нину Егоровну Рожко, жительницу пос Иноземцево, Ставропольского края, преследовали тогда как туеядку, живущую на «нетрудовые доходы»: разведение кроликов

⁵ Оба сына Нины Рожко трагически погибли Н Р ныне живет в Иноземцево, в том самом доме, который у нее, по счастью, не сумели 20 лет назад отобрать

...На Ленинградский завод по обработке цветных металлов им. К. Е. Ворошилова был:

— принят в прокатный цех¹ 2 подручным вальцовщика, 3.09.61;

— установлен 4 разряд как вальцовщику, 3.05.62;

— уволен по ст. 46 КЗоТ [по собственному желанию. — А. А], 21.06.63.

...На Волховский алюминиевый завод им. С. М. Кирова был:

— принят учащимся (учеником) электролизника электролизного цеха по 1 разряду, 5.11.63;

— переведен электролизником электролизного цеха по 5 разряду, 11.12.63;

— установлен 6 разряд электролизника электролизного цеха, 11.02.64;

— уволен по собственному желанию, 1.07.64.

Таким был квалификационный рост Н. в начале 60-х. <...>¹⁶

Обычная картинка

3.01.80. Парикмахерская около универсама на Наличной ул. Два мастера и четыре клиента около часа ждут, пока четверо (!) электромонтеров навесят лампы дневного света над креслами. У тех рабочее время, и у этих тоже, не говоря уж о «свободном» времени клиентов. <...>

Как я поступал на завод

3.01.80. История взаимоотношений А. с заводом «Полиграфмаш», от первого контакта до состоявшегося сегодня зачисления, такова.¹⁷

11 октября 79 г., на следующий день после разговора с Ядовым и два дня спустя после разговора на эту тему с Марченковым¹⁸ состоялась первая встреча с зам. начальника 6-го цеха «Ленполиграфмаша» В. К. Кавериним. (С ним в свое время вместе проходил воинскую службу Куаныш Муздыбаев.)¹⁹

Каверин принял нас с Куанышем в цеховой конторе. Идею уловил, захотел помочь. В своем собственном цехе подходящей работы, однако, не усматривает.

(Там, как я понял, обслуживающий весь завод штамповочный участок, из готовой же продукции производят только зонтики и зажигалки. По зажигалке, в качестве сувенира, мне и Куанышу было подарено.)

22 октября от Каверина, через Куаныша, поступила новая информация: о наличии подходящей работы в другом цехе (какой-то новый станок, требующий освоения и т. п.).

Потом целый месяц отсутствовал начальник того, другого цеха (цех¹ 3) А. М. Соловейчик.²⁰ Встреча с ним все откладывалась, пока, наконец, не достигли договоренности (через Каверина) о встрече с зам. начальника цеха Н. П. Казаковцевым, на 20 ноября.

⁶ Подробнее см в приложениях к главе 5: раздел «Двадцатью годами ранее: как меня учили»

⁷ В своих «протоколах жизни» начала 80-х автор часто писал о себе в третьем лице: «А» или «Н» (наблюдатель)

⁸ Владимир Кузьмич Марченков — тогда — инструктор отдела пропаганды и агитации Ле нинградского обкома КПСС

⁹ Куаныш Муздыбаев — социолог, канд психол наук Тогда работал в ИСЭП АН СССР, ныне — ведущий научный сотрудник Социологического института РАН

¹⁰ Александр Михайлович Соловейчик — ныне генеральный директор ОАО «Ленполиграфмаш»

Каверин хотел сам представить А. — Казаковцеву, однако не вышло, и пришлось в 3-й цех идти одному. Правда, Казаковцев был предупрежден (кажется, не только Кавериним, но и своим непосредственным начальником).

Зам. начальника цеха при встрече проявил доброжелательное понимание и даже определенную заинтересованность (по-видимому, вызванную наличием в цехе установленного, но не используемого оборудования). Обещал присвоение 5-го разряда. Оплата — повременная (рабочий, осваивающий новый станок, оформляется наладчиком). Что-то около 155 руб. Работа в одну смену. Станок называется ПКР (?). Координатно-пробивной автомат (?).

Вызванный тут же начальник тех. бюро А. Б. Андрейчиков и слесарь И. Смирнов проводили А. к этому станку. (Смирнов как будто пробовал работать на нем раньше.)

Демонстрация станка ограничилась самыми общими пояснениями принципа работы и троганием рукояток в покое. А. понял очень мало. Однако согласие на эту работу дал.

Звонок Казаковцева в отдел кадров был, разумеется, недостаточным для решения вопроса. А. сказал, что если в цехе согласны принять его, то все остальные проблемы, связанные с поступлением на завод, он берет на себя.

Не заходя в отдел кадров, А. отправился к секретарю парткома завода В. А. Морошкину. Тот проявил высокую настороженность. Попытался уйти от решения, порекомендовав прямо обратиться в отдел кадров.

Как и следовало ожидать, сотрудник (начальник?) отдела кадров на самостоятельное решение оказалась неспособна. Между прочим, заметила, что рабочие с высшим образованием «портят» заводу статистику кадров... Предложила дожидаться назначения нового зам. директора по кадрам, которое ожидалось через 7–10 дней.

Прямо из отдела кадров А. позвонил Морошкину и сказал, что без участия парткома этого вопроса, пожалуй, не решить. Тот вынужден был пообещать заняться им.

Почти 10 дней телефонные звонки Морошкину (в назначаемое им самим время) оказывались безрезультатными. Секретарь парткома ссылаясь то на собственную занятость, то на занятость зам. директора завода по кадрам (по-видимому, уже назначенного...).

28 ноября А. позвонил Марченкову в обком КПСС и попросил о содействии. 30 ноября (пятница), в ответ на очередной звонок секретарю парткома завода Морошкину, тот пригласил А. прийти в понедельник.

3 декабря состоялась очень краткая и деловая встреча в парткоме, в итоге которой, ни о чем больше не спрашивая (вероятно, состоялся звонок Марченкова из обкома), Морошкин адресовал А. к зам. директора по кадрам В. Л. Пономареву.

Тот, также обойдясь практически без вопросов, в ответ на просьбу А. дать ему определенные гарантии приема на завод, прежде чем он уволится

из института, вручил А. «переговорную записку», обозначив на ней в качестве инстанций, от которых требуется согласие: цех, партком и завком.

Соответствующие подписи были получены в тот же день, с минимумом разговоров. Казаковцев даже выразил сожаление, что раньше конца декабря А. уволиться из института не сумеет. Морошкин пожелал успеха. Председатель (?) завкома, в обстоятельства дела, скорее всего, не посвященный, подмахнул «переговорную записку» после парткома не глядя.

Информированный по телефону о том, что все необходимые подписи собраны, Пономарев 5 декабря сказал, что А. может оставить «переговорную записку» пока у себя и приходить уже с трудовой книжкой.

Дальнейший перерыв в контактах с заводом был вызван необходимостью ожидать Ядова из польской командировки. По его возвращении 14 декабря началось бурное развитие событий в институте (с активным позитивным участием Б. М. Фирсова и Н. А. Толоконцева), что уже выходит за рамки развиваемой здесь темы взаимоотношений с «Полиграфмашем».

24 декабря, когда вопрос об увольнении из ИСЭПа был уже в принципе решен, А. взял в отделе кадров института, под расписку, свою трудовую книжку, чтобы показать ее на заводе. Встреча с Пономаревым, состоявшаяся в тот же день, подтвердила готовность завода принять А. в качестве рабочего.

<...> 27 декабря А. явился на завод с уже отмеченным в трудовой книжке увольнением из ИСЭПа (с 3.01.80). Пономарев обнаружил, что в «переговорной записке» не хватает еще ряда подписей (о которых вначале речи не было).

В тот же день удалось обойти: расчетный стол бухгалтерии; отдел НОТиУ [*научной организации труда и управления*. — А. А.], кабинет техники безопасности. Всюду дело свелось к тому, что А. был записан в ту или иную книгу и расписался (не спрашивая, за что расписывается...). Все процедуры — сугубо формальные.

Поскольку дело происходило уже во второй половине дня, не удалось «отметиться» в пожарной части и в военно-учетном столе. В первой инструктируют ежедневно с 11 до 12. Во втором — прием только до 12 час. На следующий день, 28 декабря, была дана роспись и получена подпись в сообщении «противопожарного минимума».

(А. было сообщено, что внутризаводской телефон на случай пожара — 22-22, а «остальное Вы сами знаете...»). Это была все же какая-то информация, в отличие от кабинета по технике безопасности. Что касается военно-учетного стола, то там на А. была заведена довольно объемистая карточка, где большая часть сведений записывается... со слов.)

В «личном столе» отдела кадров, где также занимаются оформлением на работу только до 12 час. (А. успел к этому сроку!), обнаружив, что в трудовой книжке сделана запись об увольнении с 3.01.80, разговаривать отказались: приходите после Нового года...

3 января, в 9 час. утра, А. явился в отдел кадров, где оформление (поступающих на работу) в окошке ¹ 1 начинается в 9-30. Оказался третьим

в очереди. Окошечко открылось в 10 (полчаса сидящие за этим окошком занимались выполнением какого-то срочного поручения начальника).

Из стоявших перед А. двух женщин одна переоформлялась (в связи с достижением пенсионного возраста), другая поступала впервые.

В 10-30, когда подошла очередь А., выяснилось, что у него — высшее образование, и следует обратиться в другое окошко.

Там потребовалось: заполнить личный листок по учету кадров по форме, предусмотренной для специалистов (ИТР); написать автобиографию, в которой, согласно лежащей на столе под стеклом инструкции, следует сообщить точные даты приема и увольнения со всех прежних мест работы, с указанием причины увольнения (избыточное, относительно общего правила, местное бюрократическое усердие); написать копию диплома о высшем образовании. Еще — заполнить «карточку специалиста».

А. сумел управиться с этой работой за 1,5 часа. Все документы были забраны у него, вместе с фотографией.

После этого — снова в окошечко ¹ 1 (для рабочих), уже за несколько минут до 12 час. Тут оформление заняло всего 20 мин. (Кадровичка очень спешила и успела до обеденного перерыва, который начинается в 12-20.)

Здесь тоже была заполнена карточка, забрана еще одна фотография, выдан документ для получения пропуска на завод.

А. подписался под «приказом» о своем зачислении, имевшим пока вид «визы» зам. директора по кадрам Пономарева на обороте «переговорной записки» (хотя сам приказ еще издан не был).

В заключение А. было сказано: «В бюро пропусков, и завтра — на работу».

В бюро пропусков затребовали еще две фотографии и объяснили, что пропуск на завод (постоянный) можно получить завтра утром (в 7-10). То есть непосредственно перед выходом на работу.

4 января 1980 г. А. вышел на работу в цех. Табельный ¹ 03445. <...>

Как поступают на работу (резюме)

5.01.80. Можно с уверенностью предположить, что процедуры приема на работу в разных организациях отличаются значительным разнообразием в мелочах. Однако едиными представляются общие принципы:

- (а) минимизация ответственности организации [*перед работником*. — А. А.] ;
- (б) минимизация информированности будущего работника;
- (в) опутывание работника обязательствами, о которых он зачастую и не подозревает;
- (г) отнесение временных и материальных издержек (вынужденного положения «безработного») за счет работника;

(д) рутинность всей процедуры, в которой преобладающая часть операций является бессмысленной, даже с точки зрения организации.

Действительное равноправие работника и организации, как договаривающихся сторон, могло бы выражаться в составлении двустороннего

«Договора о найме на работу», с выдачей копии этого документа (обойдно подписанного) на руки работнику. <...>

Ввод советских войск в Афганистан

5.01.80. В конце декабря имели место действия советского правительства по оказанию «срочной политической, моральной, экономической помощи, **включая военную помощь**», новому правительству ДРА (Правда, 29 декабря 1979 г.). По утверждению западного радио, «ограниченный контингент» советских войск в Афганистане составляет 30–40 тыс.

После ирано-американского конфликта это второе за последние месяцы международное событие, о котором известно практически каждому обывателю. Из нескольких десятков людей, с которыми за эти дни довелось обменяться репликами о вводе советских войск в Афганистан, нет ни одного, воспринимающего это событие в духе официальной пропаганды. Большинство считает, что Афганистан — «того не стоит». Это — самая мягкая форма критики и, одновременно, выражение обывательской позиции.

Усилия нашей пропаганды, в этой ситуации, могут направляться лишь к доказательству того, что — **стоит!** А вот **можно** или **нельзя** — обсуждению не подлежит. (Сама постановка такого вопроса была бы «клеветнической».)

Но в одном обыватель проявляет удивительную прозорливость: ввод советских войск в Афганистан так же невыгоден советскому правительству, как американскому была невыгодна война во Вьетнаме, а царскому — русско-японская война. <...>

«Натурный эксперимент»

5.01.80. Перепишу сюда текст служебной записки Ядова, от 15.12.79:

Директору ИСЭП АН СССР д. э. н., профессору И. И. Сигову

Считаю целесообразным предпринять научный эксперимент «включенного наблюдения» процесса формирования потребностей рабочих в различных сферах жизни. Одновременно это могло бы быть изучением внутрипроизводственной ситуации отношения рабочих к тем изменениям, которые будут осуществляться в соответствии с постановлением ЦК КПСС и СМ СССР «Об улучшении планирования и усилении воздействия хозяйственного механизма на повышение эффективности производства и качества работы», от июля 1979 г.

С этой целью старший научный сотрудник сектора, к. ф. н. А. Н. Алексеев, по договоренности с дирекцией и парткомом завода «Полиграфмаш», может поступить на должность рабочего — наладчика зуборезных и резьбофрезерных станков, оставаясь при этом сотрудником ИСЭП, на основе совместительства (0,5 ставки ст. науч. сотрудника).

А. Н. — автор более 80 научных работ, специалист в области методики и техники социологических исследований и исследований образа жизни; в прошлом — журналист, имеющий опыт такого рода включенного наблюдения в 60-х гг. в качестве рабочего — вальцовщика и электролизника на предприятиях Ленинграда.

Прошу дать согласие на увольнение Алексеева А. Н. по статье «по собственному желанию», с одновременным принятием его на работу на прежнюю должность в нашем секторе по совместительству.

Зав. сектором социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП, профессор В. А. Ядов

Подари Другу - своего лучшего Друга

5.01.80. Позавчера провожали у Анатолия Виктора и Аллу, после их ленинградских «рождественских каникул». У Нины - мать в параличе, ее не было. Еще - Ирма, Валентин и Радик.

Между прочим, Виктор сообщил о кругах, расходящихся в ИСЭПе вокруг моего увольнения. Одна из версий: «...ему надоело врать!». Что ж, пусть. Не страшны легенды, когда есть «алиби» - в виде служебной записки Ядова директору института.

Бесценный подарок оставлен мне нынешними москвичами...²¹ **Хочешь сделать подарок другу - подари ему своего лучшего друга.**

Роскошь интеллектуального и эмоционального, свободного общения... «Дуэль» Анатолия и Виктора (точнее, интеллектуальный турнир). Спор о консерваторах и социалистах. Югославия, Швеция, ФРГ - в качестве примеров. Валентин - об алиенации (отчуждении) труда. Единство в разнообразии (точек зрения)...

Договорились с Аллой относительно моего «научного наследия» в секторе Ядова. Пришлось уйти раньше, помня, что завтра к 7-ми - на завод.

...Вчера информировал Ядова, что начальник цеха пока не хочет давать справку - разрешение на совместительство в ИСЭПе. В свою очередь, Ядов и Толоконцев не смогли пока связаться с управляющим кадрами в Президиуме АН, ввиду болезни последнего.

Итак: «мораторий» на решение вопроса о моем совместительстве.

... С Леней [Л. Е. Кесельман. - А. Л./обсуждали его статью о половозрастных факторах эффективности труда. <...>

Жизненное расписание

5.01.80. Дорога от дома на Наличной ул. до проходной завода «Полиграфмаш» занимает ровно 30 мин. Стало быть, чтобы не торопиться, надо выходить из дома в 6-30, тогда в 7-00 минуешь проходную.

Начало работы - 7-20. Обед с 12 до 12-40. Конец смены - 16-00. Обратно домой можно поспеть к 16-45.

Итак, работа и непосредственно связанное с нею время вместе занимают чуть больше 10 час. - в будний (рабочий) день. <...>

«Человек на БАМе»

«Дорогой Володя!

<...> Почти одновременно с твоим письмом я получил пакет машинных таблиц из Новосибирска. Однако все номера признаков там оказа-

²¹ «Анатолий» - Анатолий Семенович Соснин; «Виктор» - Виктор Леонидович Шейнис; «Алла» - Алла Константиновна Назимова; «Нина» - Нина Яковлевна Шустрова; «Ирма» - Ирма Викторовна Кудрова; «Валентин» - Валентин Михайлович Алексеев (ныне покойный); «Радик» - Радий Исаакович Цимеринов. С большинством из названных лиц читатель еще встретится на страницах этой книги.

В. Шейнис и А. Назимова незадолго до этого переехали из Ленинграда в Москву.

лись измененными. По существу, это был «сундук без ключа»... Обругав судьбу, раскидавшую нас на такие расстояния, я попытался подобрать отмычку и, в конце концов, установил взаимное соответствие прежних и новых кодов, сверяясь с известными мне общими распределениями.

Примерно 2/3 обещанного мною куска для итогового отчета — «Человек на БАМЕ» — уже написаны. По-видимому, в моей нынешней ситуации понадобится месяц, чтобы дописать оставшуюся треть...

Текст получается вполне приличный, с «интригой». <...>
Андр. Ал. 6.01.80». ²²

Три типа социальных обследований

6.01.80. В детском саду <...> проводилось что-то вроде социометрического обследования. У детей спрашивали, между прочим, о родителях и ближайших родственниках. Оказалось, что малыш и маму, и папу, и обеих бабушек, любит «одинаково» (никого не обидел!). А вот больше всех «его любит», по его мнению, одна из двух бабушек.

Об этих результатах сообщено родителям. В итоге папа решил вмешаться и «не разрешает» бабушке водить малыша в плавательный бассейн. Та теперь очень страдает от уменьшившегося общения с внуком.

...Все не правы! Но в основе этой маленькой социодрамы — беспардонное использование «социометрии». Обследование может быть научным, прикладным и **фискальным**. Здесь — последнее. <...>

Группа «Социология и театр»

8.01.80. Новый член группы «Социология и театр» при ЛО ВТО Ю. М. Барбой сделал доклад о проблемной ситуации в театральной жизни последних лет (преимущественно на ленинградских примерах). Манера изложения — импрессионистическая, оценки — резкие, тон — очень откровенный.

Основные, важные (хотя и не совсем новые для социолога) соображения театроведа:

1) Творческие взлеты театра связаны с ходом общественной жизни. Относительная стабилизация последней не способствует театральному расцвету. По сравнению с 60-ми гг. (особенно первой половиной) сейчас — «не театральная эпоха». Мы как бы «на излете» прошедшего подъема.

2) В период конца 50-х — начала 60-х на гребне волны общественных перемен критерий «гражданственности» господствовал над всеми остальными. Талантливо = современно = гражданственно... Слово «гражданственность» было своеобразным паролем для театральной критики. Сейчас критерии ценности сценического произведения множественны и размыты.

3) Все поиски в области гражданской ответственности по существу были мало связаны с собственно театральной формой. Демидов в статье, посвященной

²² Это письмо адресовалось в гор. Благовещенск, Владимиру Николаевичу Дьяченко, социологу, канд. филос. наук, совместно с которым проводилось социологическое исследование на строительстве Байкало-Амурской магистрали в середине 70-х гг.

20-летию «Современника», в ж-ле «Театр» в запальчивости упрекает «Современник» за пренебрежение эстетическими критериями. В самом деле, театр как будто пытался погрузиться в «реальную жизнь». В этом «слиянии» с жизнью происходила своего рода утрата самостоятельности театра.

4) Сейчас — как бы «декаданс». Для 70-х характерно своего рода отделение «языка» (средств художественной, театральной выразительности) от «содержания» (общественной позиции и смысла).

5) Есть «два театра», соответствующие двум способам художественного мышления. Мысль Шкловского о прозаическом и поэтическом кинематографе можно применить и к театру. Оппозиции: Станиславский и Мейерхольд. Аналитический и синтетический театр.

Традиции Станиславского соответствует своего рода причинно-следственное художественное мышление. Движение конфликта, действие, изменение. Доминантой здесь оказывается **время**. (Пример сегодня — Товстоногов.)

«Синтетический театр» характерен не только разнообразием выразительных средств. Сама структура здесь иная. Ассоциативное мышление. Своего рода вариации на тему. Действие разворачивается не во времени, а в **пространстве**. (Примеры — Опорков, Додин, Фоменко.)

Есть и конгломераты «двух театров». (Пример — «История лошади», некоторые спектакли Опоркова.)

6) За организационной проблемой (кто должен «командовать» в театре — главный режиссер или директор) стоит более глубокая «социологическая» проблема. Гл. режиссер, имеющий свою идейно-творческую позицию, должен стремиться к «единообразию» спектаклей. Директор — за «разнообразием», в пределе — за уничтожением театра как целостности.

Примером последней тенденции может служить Театр им. Комиссаржевской, где позиция гл. режиссера (Агамирзян) — это по существу позиция, которую полагалось бы занимать директору.

7) Об актерских «масках» (личностных? нет — скорее индивидуальных, физических; характерный пример — М. Боярский) и «фирменных знаках» режиссеров (повторяющиеся из спектакля в спектакль детали, вроде появления актрисы на сцене в нижнем белье). Еще одна примета нынешнего «театрального времени».

8) Для современного театра характерен уход от «жизнеподобия». Но появилось особое использование натурализма. Своего рода «метафора». Натуралистическая деталь в символической связи.

9) Происходит массовое овладение театральным языком. Но различными элементами его — порознь. Например — «Гнездо глухаря» в Театре им. Комиссаржевской. Все признаки товстоноговского театра, все, «что положено», но все — порознь. В Театре им. Пушкина, в Театре на Литейном, в Театре им. Комиссаржевской (все три театра очень близки) текст **иллюстрируется** пластикой, нет целостности.

10) Активизируются формальные поиски. Движение в области театральной формы превалирует над содержательными открытиями. При этом

театр все более претендует на самостоятельность, как художественная форма. В этом есть резон. Ибо театр — особая «модель мира».

11) Происходит существенная дифференциация. С одной стороны, театральный спектакль как художественная целостность, с другой — «социокультурное мероприятие». Последнее может быть по-своему очень хорошим. «Укрощение строптивой» в Театре им. Ленсовета — не есть искусство, но хорошо сделано. Спектакль-социокультурное мероприятие пользуется языком искусства для своих целей.

Пусть будет и то, и другое. Но лучше, если бы одно не присваивало себе имени другого.

12) Новые театры: Малыщицкий, Харитонов (в Ленинграде); Спесивцев, Куницын, Лившиц (в Москве). (Малыщицкий «происходит» по прямой линии от Любимова.) Установка на художественность, эстетические критерии.

13) Итак, можно ожидать прогрессирующей **дифференциации театра**, тяготеющего к противоположным полюсам: **искусство** и **культура**. Последняя использует средства первого, но она — другое. Важно осознать — что именно и как бы легализовать эту тенденцию. Она еще не стала фактом «театрального самосознания». Вторая тенденция — **стабилизация** театральной жизни, но она же и признак распада.

...Этот пересказ доклада — вольный. Очень созвучно с данными нашей экспертизы спектаклей и с моей моделью ценностного содержания сценических произведений.

Основные тенденции современной театральной жизни, с точки зрения Ю. Б., можно резюмировать следующим образом:

(1) относительная деидеологизация и упадок гражданственности театра;

(2) перенос центра тяжести от социального содержания к театральной форме;

(3) растущая дифференциация театра «серьезного» и «легкого» (как в музыке);

(4) в перспективе — становление новых социокультурных институтов (уже вне «театральной колыбели»).

Театральное самосознание пока не хочет замечать этих процессов. Ему трудно признать возникновение ситуации своеобразного «театрального декаданса». Оно пытается оправдать нынешнее состояние театра выдвиганием его «самостоятельности» в качестве ведущего социально-художественного критерия.

Итак:

1) Современная стабилизация театральной жизни есть своеобразное отражение общественной стабилизации (застоя).

2) Новых театральных открытий следует ожидать в небывалых сплавах общественного содержания и художественной формы — в связи с теми или иными общественными сдвигами. <...>

Ремарка: социология театра.

Исследовательская группа «Социология и театр» при ЛО ВТО (Ленинградское отделение Всероссийского театрального общества) работала на хозяйственных началах с 1973 г. до конца 80-х гг. В ее составе были как социологи, так и театроведы.

Инициаторами создания этой группы были В. Н. Дмитриевский и автор этих строк.

Названной группой, под руководством канд. искусствоведения Виталия Николаевича Дмитриевского (70-е гг.), а затем докт. филос. наук Бориса Максимовича Фирсова (80-е гг.), проводились исследования театрального репертуара, зрительского поведения, «театрального сознания» (сознания театральных деятелей), т. е. широкого спектра социокультурных процессов, объединяемых понятием «театральная жизнь».²³

Я сотрудничал в этой исследовательской группе с момента ее основания до середины 80-х.

В группе «Социология и театр», кроме названных лиц, в разное время сотрудничали также:

— театровед, докт. искусствоведения Анатолий Яковлевич Альтигуллер (ныне покойный); социологи Олег Борисович Божков, докт. филос. наук Борис Зусманович Докторов, Леонид Евсеевич Кесельман; аспирант Ленинградского института театра, музыки и кинематографии Владимир Леонидович Владимиров; театровед, канд. искусствоведения (ныне — доктор) Юрий Михайлович Барбой; экономист Борис Николаевич Кудрявцев.

В работе группы принимала участие также референт ЛО ВТО Цецилия Семеновна Андреева (ныне покойная). (Апрель 1999).

Первые три дня работы на «Полиграфмаше»

10.01.80. Вышел на работу в цехе впервые в пятницу, 4 января. <...> [Здесь опущено описание первых дней работы на «Ленполиграфмаше». — А. А.]²⁴

<...> Уроки первого дня:

- 1) Умей сам себя занять, барахтайся самостоятельно.
- 2) Будь начеку с начальством, ищущим поставить тебя в зависимое положение.
- 3) Избегай действий со станком, последствия которых тебе неизвестны.
- 4) Можно рассчитывать на доброжелательную помощь рабочих, но не злоупотреблять ею.

<...> Уроки второго дня:

- 1) Постоянно создавай себе гарантии формальной неуязвимости перед начальством.
- 2) Проявляй только вынужденную инициативу перед окружающими.

²³ В Дмитриевский тогда работал в Ленинградском институте театра, музыки и кинематографии. Ныне — докт. искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Гос института искусствознания (г Москва) Б Фирсов тогда работал в ИСЭП АН СССР. Ныне — ректор Европийского университета в Санкт-Петербурге

²⁴ См в главе 2: раздел «“Формула разгильдяйства” и вынужденная инициатива...»

3) Задавай вопросы, только исчерпав возможности самостоятельного постижения.

4) Накапливай опыт крупицами наблюдаемых тобой действий других людей.

<...> **Уроки третьего дня:**

1) Максимум самостоятельности — главное достоинство рабочего.

2) Окружающие — доброжелательны, никто не жадничает, не отмахивается от осмысленной просьбы.

3) Ищи — в чем «уесть» начальство, какие требования ему предъявить.

4) Ищи собственных открытий во взаимоотношении с техникой. <...>

Мой друг Сергей Розет («Ты свободен!»)

12.01.80. Вчера ездил к Сергею Розету. Он уже второй месяц трудится слесарем на соседнем заводе («Красногвардеец»). Жизненные шаги его и мои [*из социологов — в рабочие*]. — А. А.] почти совпали по времени.

Ощущение Сергея — внутренняя свобода. В прежней жизни — сложное взаимопереплетение свободы и зависимости. Ныне — «сознательно становишься рабом на фиксированное количество часов», а в остальные —

«Ты свободен!».

Сергей чувствует себя хорошо. Дорожит новым мироощущением, овладевает слесарным делом. Окружающие не дают ему «зашиться» с работой. Ненавязчивое шефство... Например, Сергей получает задание на партию деталей. К нему подходит кто-нибудь из соседей и, ни слова не говоря, делает две-три детали из партии сам. Потом Сергей продолжает.

Пьют, по наблюдениям Сергея, почти все. Но «алкоголики» — те, кто пьет на работе. Прогулы преследуются слабо. В известном смысле прогулы рабочих — удобны для начальства, которое приобретает возможность держать рабочего **в зависимости**. Например, побудить его выйти сверхурочно.

Сергей очень остро воспринимает даже намек на утрату обретенной независимости. В день, когда мы встретились, его подвел будильник. Пошел к обеду, чтобы не задержали в проходной (как обычно бывает при опозданиях). На следующий день, в субботу, собирается выйти на работу по собственной инициативе. Чтобы не быть никому обязанным.

Интересно такое наблюдение Сергея: передовики (которые на Доске почета) и прогульщики — часто приятели. Существует «рабочая субкультура», объединяющая всех рабочих. В отличие от «субкультуры» цеховой администрации и служащих...

Ремарка: пересекающиеся субкультуры.

Так казалось первое время и мне. На самом деле, как мы с С. Р. потом убедились оба, дело сложнее. Обе «субкультуры», с одной стороны, весьма дифференцированы внутри себя, а с другой — имеют много точек соприкосновения и областей пересечения. (Сентябрь 1999).

...Сергей получил уже два (!) приглашения о переходе на другую работу внутри завода: в слесари-ремонтники и в экспериментальный цех. Первые работают меньше и зарабатывают меньше. Во втором — работа сложнее, заработки выше. Однако Сергей предпочитает свое нынешнее положение.

Обсуждали с Сергеем возможность (необходимость?) дневниковых записей. Я: «Мы пока сохраняем свежесть восприятия... Никто другой за нас этого не сделает. Все, что совершается с нами и вокруг нас, уходит. Это не должно пропасть». Сергей в принципе с этим согласен.

Основной мотив у Сергея и у меня (как и у Юры) [Ю. Щеголев. — А. А.] в переходе к новому способу существования — общий. Это — **экзистенциальный** мотив. «Включенное наблюдение» (у меня) — вторично относительно этого основного мотива.

Сергей считает, что к нему в цехе еще присматриваются. Он не форсирует своего слияния с окружением. Ни разу ни с кем не выпивал. Жалеет только о резком сокращении возможностей **общения** (с прежней средой). Я утверждаю, что это не беда. Общение вне работы становится более избирательным и свободным. Даже с близкими тебе людьми видишься реже, но качество этого общения — выше. <...>

Ремарка: «Социолог милостью Божьей...»

Наше дружеское и профессиональное общение с С. М. Розетом, начавшееся еще в 70-х (когда мы оба работали в межведомственной социологической лаборатории ЛФЭИ им. Вознесенского и ИСИ АН СССР, возглавлявшейся О. И. Шка-ратаном), стало особенно интенсивным в период наших параллельных «рабочих карьер», т. е. в 80-х гг.

Многие мои наблюдения и выводы того времени, представленные в этой книге (включая не относящиеся к производственной жизни, как таковой), сверялись с С. Р., некоторые — именно им стимулированы.

Безвременно ушедший из жизни в 1994 г., Сергей Розет был социологом милостью Божьей. Читатель еще не раз встретится с ним на страницах этой книги. (Апрель 1999).

«Накануне» М. Я. Гефтера

13.01.80. Позиция М. Г. и его коллег в «Накануне...» — изложенная несколько сумбурно — по сути своей глубоко нравственна и, по видимому, социально точна.

Это — своего рода редакционная статья последнего выпуска разгромленных «Поисков».

Ремарка: «Накануне перемен...»

С Михаилом Яковлевичем Гефтером, историком, ныне покойным, мы в ту пору дружили и сотрудничали, в частности, в связи с подготовкой и проведением андерграундного экспертного опроса «Ожидаете ли Вы перемен?». (См. выше).

Судя по всему, М. Г. тогда показывал мне рукопись своей статьи 1979 г., которая 10 лет спустя вошла в состав его книги «Из тех и этих лет» (1991). Хочется привести здесь фрагмент статьи М. Я. Гефтера «Накануне» (1979):

«... Мы — накануне.

К этому клонится и то, что рядом, и то, что вдали, на деле же близко и все ближе, если еще — не тут.

... «Национальный по форме» Хомейни не нашли, даже если против нас? И куда за честь Пол Пота, проитрафившегося первого секретаря, его и эту некогда благополучную, а сейчас самую несчастную на Земле страну? А кому примирить (и на чем?) суверенов нефтяной скважины с социумами бензоколонки?

Не до зубоскальства. Чужие беды подступили к горлу: заложниками-дипломатами, заложниками-народами. Тем подступили, что и от нас пошло, и тем, что возвращает к нам: с прочерками, с усугублениями. С иными возможностями — схватиться с бедами. Но и иной невозможностью — справиться с ними.

Все на Земле — накануне.

Накануне перемен (выделено мною. — А. А.), касающихся не частных и не разновидностей жизни, а ее самой.

Ее в «в целом»...» (Цит. по: М. Я. Гефтер. Из тех и этих лет. М., 1991, с. 172.) (Январь 2000).

«Ответственность, трудолюбие, бесстрашие...»

13.01.80. Из «Диссидентской этики» В. С.: 1) ответственность перед наукой... 2) трудолюбие... 3) бесстрашие... (три заповеди!).

«Экономика 1990: что нас ждет и есть ли выход?»; «О возможности и жизненной необходимости союза между сталинистами и диссидентами (к 100-летию со дня рожд. И. В. Сталина)». [Названия самиздатских работ. — А. А.]

Оставляет сильное впечатление. Как и все остальное у В. С. — парадоксально; как и многое другое у него — верно. <...>²⁵

Моя стажировка на «Красногвардейце». Бригада «видеманщиков»

13.01.80. На «Красногвардейце» есть отдельное просторное помещение, где размещены три координатно-револьверных прессы. Два английских (фирмы «Видеман») — оба на ходу, и один советский — он сейчас разобран и не работает.

Английские станки «пашут» уже по восемь-десять лет. Внешне они кажутся игрушкой по сравнению с отечественным прессом, хотя не менее мощны. Наш пресс в общем «слизан» с английского. Но выглядит грубее, топорнее. Правда, у нашего, в отличие от «видеманов», не ручной, а машинный поворот револьверной головки (более современная модель). У советского станка — недобрая слава... Его было установили здесь, потом возили на другую производственную площадку, теперь опять привезли сюда. И вот — никак не соберут.

²⁵ Речь идет о московском экономисте, правозащитнике Викторе Владимировиче Сокирко. В ту пору мы не были лично знакомы. Один из его текстов того времени см. в приложениях к главе 1: «Прогноз-предостережение»

Итак, ожидания, что на «Красногвардейце» (куда я направлен на двухнедельную стажировку) **работает** точно такой же координатно-револьверный пресс, что и на «Полиграфмаше», не оправдались.

<...> Первым моим наставником оказалась 25-летняя Таня У. Она с Урала, работает здесь полтора года. Живет в общежитии. Незамужем. Числится штамповщицей второго разряда. Зарабатывает 120 руб. Хочет получить третий разряд. Или уйти на более тяжелые прессы, где платят больше. Знает то, что ей положено знать, и не больше. Когда что-то не ладится, повторяет одну и ту же шутку: «Уйду в монастырь!». Спросишь — почему, отвечает: «Там поп молодой!». Чуть что не ладится — зовет слесаря Володю, или технолога, или начальника ОТК. Бойтся сделать брак. Ей важно, чтобы кто-нибудь сказал: «Это — годится!». Охотно делится своим умением. Предложила мне «постукать» на «видемане» в первый же день.

Другой «видеманщик» — Гена С. Молодой парень пижонистого вида. Он опытнее Тани.

Их начальница — бригадир (она же — наладчик) Валентина Антоновна. Бойкая, крикливая, впрочем, приветливая 50-летняя женщина. Ее знакомство со мной началось с предложения бросать «Полиграфмаш» и переходить к ним на «видеманы». В бригаде как раз не хватает человека. Сейчас работают втроем в две смены. А надо бы — впятером! Член партии. Опытна и, похоже, любит учить: «Вы только про все непонятное спрашивайте!». Приходит на работу минут за сорок, просто посидеть, поговорить (как мужчины — забить «козла»). Уходя после вечерней смены, пишет Тане длинные записки с указаниями на следующий день. В качестве бригадира В. А. зарабатывает около 180 руб.

Собственно настройкой, регулировкой и прочим «не женским» уходом за прессами занимается, по совместительству, слесарь-инструментальщик шестого разряда Володя К. За обслуживание «видеманов» ему приплачивают. Так что в общей сложности зарабатывает около 300. На «Красногвардейце» — четыре года. Работает как бы лениво и споро, уверенный в себе. <...>

Настройщик «видеманов»

14.01.80. Володя К. — 1941 г. рожд. Когда-то давно служил корабельным коком. Потом много лет имел дело с самыми разнообразными механизмами. Вообще, слесарь — самая универсальная из технических профессий. 14 лет отработал неподалеку, на «Позитроне». Ушел, потому что «надоело за все расплачиваться спиртом» (или — «самому все делать за спирт»). Он много зарабатывал, имел, кажется, «Волгу». Когда развелся — продал машину, купил себе однокомнатный кооператив. До недавнего времени платил алименты. Машина у него теперь — одна из ранних моделей «Жигулей».

Работу свою ценит, как профессионал. Некачественная работа его раздражает. Ищет побочных заработков. Одно время ремонтировал

личные автомобили, но бросил: «надоело простужаться под машиной!». «Надо бы чего другое, а что?». Охотно рассказывает о себе, о чем бы ни спрашивали.

Володя является носителем простой жизненной философии: **«Уважай свое дело, себя и других»**. Не прочь выпить, но с пренебрежением относится к пьющим на работе. Например, слесаря-ремонтника Саню Володя дразнит «алкоголиком». Когда Саня прикасается к «видеману», Володя следит, как бы тот чего не напорол.

Примечательно, что неприятие всяческого неумения (безрукости, бестолковости) у «асов» типа Володи проявляется только по отношению к тем, кто работает давно. К новичкам, вроде меня, нет и тени пренебрежения (что совпадает с наблюдениями Сергея Розета).

Человека меряют не по тому, что он знает или умеет вообще, а по тому, что он знает и умеет в сопоставлении: а) с его стажем; б) с его претензиями. Чем выше потенциал, при небольшом стаже и умеренных притязаниях, тем выше будет оценка. Низкий потенциал, при большом стаже и высоких притязаниях, получает наименьшую оценку. Наименьшим уважением пользуется бахвал, сующий нос не в свое дело. <...>

Ремонт «видемана»

15.01.80. Начальник технического бюро цеха Херувим [*здесь — псевдоним.* — А. А.]. Очень живой, активный, демократичный. Однако как будто слишком самоуверенный в вопросах, в которых иной рабочий соображает не хуже его. Поэтому отношение к нему, в частности, у Володи К. — снисходительное.

В обсуждении Володей и Херувимом способа исправления «угла» на координатном столе одного из «видеманов» проявилась характерная особенность: рабочий высказывает свое мнение, но и не настаивает на нем: «Вы хотите снимать и шлифовать базовые линейки — пожалуйста, это же под Вашу ответственность!». Володя полагает, что можно обойтись и без этого. Но раз начальнику так хочется...

Когда шлифовка базовых линеек произошла благополучно, Володя радуется: «Могло быть хуже!». Он рад этому прежде всего потому, что неудача легла бы на его плечи (возня со станком по исправлению новых, благоприобретенных разрегулирований).

Регулировка координатного устройства на том «видемане», где снимали и шлифовали базовые линейки, производилась не самим Володей, как обычно, а бригадой ремонтников. Те втроем (включая Саню-«алко-голика») как-то неловко манипулировали индикатором с магнитной присоской. Потом их бригадир стал подворачивать регулирующие винты — наугад, судя по результатам.

Володя похаживал мимо, не вмешивался. Когда усилия ремонтников зашли в тупик, он заметил, что надо бы «подкладывать плашки» [*профессиональный прием регулировки координатной системы станка.* — А. А.]. Но и

с плашками дело не пошло. Тогда Володя «отпустил их души на покаяние»: «Отшлифовали линейки, и ладно. Остальное я сам сделаю!». Те с облегчением собрали свои инструменты.

На следующий день Володя действительно все отладил, удивительно быстро, причем без плашек (которые ему не обязательны!). <...>

Разрозненные наблюдения из производственного быта

15.01.80.

(1) Современный «работяга» как будто легко обходится без материны «в обществе». Но отводит душу «среди своих», в мужской компании (работа в субботу).

(2) Зам. начальника цеха «Сан Саныч», молодой, из рабочих. Его ценят за то, что с ним «можно договориться». Володя подошел к нему: «Слушай, надо к нам человека взять (в слесари-инструментальщики)». (Такая у Володи возникла фантазия — «переманить» меня с «Полиграфмаша».) Тот: «Сделаем». — «Правда, он без специальности, ну, из науки в общем». — «Сделаем». (Без лишних вопросов.)

(Хорош не тот начальник, который не давит, а тот, который не давит зря.)

(3) Освобожденный пред. цехкома, пенсионер Михаил Осипович. Каждый день по несколько раз заходит на «видеманы». Спрашивает: «Как дела?», высказывается в общем и целом. От него здесь ничего не зависит, и он никому не мешает. Он — «при деле». Его визиты сюда — своего рода ритуал.

(4) Таня злится на Гену и «тетю Валю» (бригадир), настроивших станки, но не оставивших пробного образца изделия. (Те были в вечер, не успели.) «Виноваты» оба. Ругает за глаза обоих. А потом жалуется тете Вале на Гену за то, в чем виновата та в равной мере. И та костерит Гену. (Ну, хороши обе!)

(5) На «Красногвардейце» начинают работу в 7-10. В 12 обед до 12-40. Плюс 10 мин. «производственная гимнастика» (в счет рабочего времени), которая нигде не проводится, так что просто удлиняется обед. После обеда надо быть на рабочем месте в 12-50. Конец дневной смены — в 15-50. <...>

«Протоколы дня» и «сюжеты жизни»

16.01.80. Перечитав записи последних дней, убеждаюсь в их неудовлетворительности. Для протоколов они слишком разрознены и импрессионистичны. Отчасти это вызвано отставанием от событий текущего дня и связанной с этим поспешностью записей (стремление догнать утекающее время).

Полезно установить некоторые правила. Записи должны подразделяться на **сюжеты**, а не быть «потоком сознания».

Наиболее удобным для регистрации «сюжетом» является прожитый день. Тогда почти ничего не надо «аранжировать». Как правило, должен

описываться **один день** (а не несколько дней сразу!). Один день может дать повод для нескольких разных сюжетов, но и сам по себе «протокол дня» — тоже сюжет.

Возможны сюжеты-«интермедии». Возможны — продолжающиеся (от дня к дню) сюжеты.

Всякий иной жанр (вроде записей о первых днях стажировки на «Красногвардейце») требует слишком больших «литературных» усилий, на которые протоколист не способен (особенно в ситуации дефицита времени). Да и не литературная здесь ставится задача. <...>

Сектор Ядова

16.01.80. Вчера ездил в ИСЭП, чтобы сняться с партийного учета. По просьбе Веры Николаевны Каюровой [*ныне покойной*. — А. А.] оставил запись в «летописи» сектора:

Настоящим подтверждается, что А. Алексеев действительно уволился из ИСЭПа 3 января 1980 г., оставаясь при этом в здравом уме и при сохранении твердой памяти о лучших трех годах своей институциональной социологической деятельности, проведенных в секторе социальных проблем личности и образа жизни; а также — в надежде на продолжение тесных личных контактов и взаимодействия с коллегами и друзьями. А. Алексеев.

Вера Каюрова, Люся Докторовна, Валерий Голофаст, Таня Протасенко, которых я застал в секторе, заинтересованно расспрашивали о моем новом житье.

Мне была вручена книга «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности», подписанная авторами. Автограф В. А. Ядова: «Андрею Алексееву, как постоянному фактору в нашем коллективе — “до”, “во время”, “после” и опять “во время”...». <...>

Из «небылиц»

16.01.80. Борис [*Б. Мовчан; см. выше*. — А. А.] рассказывал (кажется, не первый раз), как всегда, быть пополам с трепом — о вернувшемся в 1975 г., на старости лет, бывшем советском военнопленном, ставшим квалифицированным рабочим в США, — на родину, в Саратов. Вернулся с семьей, детьми. Ему сразу дали квартиру. Долго не мог устроиться на работу (боялись его брать). Тогда он выразил готовность вернуться в США. Тут его сразу трудоустроили... Стал работать по своей специальности.

А потом, будто бы, американская фирма предъявила претензии советскому заводу... за использование ее производственных секретов. (Последнее, похоже, уже и совсем сказка). <...>

«Странное» совпадение

16.01.80. Один мой хороший знакомый, социальный психолог, назову его В., оказывается, в течение двух лет подвергался нажиму со стороны капитана ГБ М-ва Бориса Григорьевича (того самого, который, еще в 1976 г., навещал меня в ИСЭПе, якобы за консультацией насчет воз-

возможностей контент-анализа, а по существу — с предложениями о сотрудничестве). Нажим на В. был такого же рода. Только тот, будучи, в отличие от А., человеком мягким, не нашел аргументов для отпора.

Сотрудник ГБ уклонялся от встречи с В. на работе, подчеркивал конфиденциальность, назначал место свидания в сквере, в Доме книги и т. п. Суть бесед: Вы специалист, который может «нам» помочь (действительно — специалист высокого класса!); отказ от помощи «нам» говорит не в Вашу пользу; кстати, мы о Вас знаем «кое-что» (а знать-то нечего, наилучшее поведение!); и прочие пакости — заигрывание пополам с шантажом. В какой-то момент В. взорвался и заявил, что поведение сотрудника «компетентных органов» напоминает ему «методы охраны». Потребовал служебное удостоверение и пристально его рассматривал (наконец-то! в свое время А. с этого начал и, предав встречу гласности, сумел сделать ее последней). Собеседник В. был как бы оскорблен.

На следующий день (!) мой знакомый был беспричинно избит в лифте преследовавшими его на улице тремя мужчинами, которым, похоже, ничего от него не было надо, кроме того, чтобы избить. А капитан ГБ больше не объявлялся...

Такое стечение обстоятельств допускает различные толкования. К сожалению, В. рассказал мне об этом лишь полгода спустя, когда уже поздно было ему советовать, как себя вести в подобных случаях. Заканчивая эту невыдуманную историю, обойдемся без резюме. <...>

Филолог-рабочий

16.01.80. Э. К. рассказывал, что «акклиматизировался» в своем аппаратном цехе. Сейчас, в связи с вечерними военными сборами, он переведен временно (но, возможно, останется постоянно) в бригаду слесарей-ремонтников (аппаратчики работают в три смены). <...> Э. К. выделяется из коллектива двумя особенностями: не выпивает с коллективом и в свободные минуты (а точнее — часы, которых у ремонтников немало) читает или пишет: занимается своими сценариями о «шаровой молнии» и о «кла-доискательстве». К этому привыкли, не обращают внимания...

Это — пятый, из моего круга, «интеллигент-расстрига», ищущий **свободы** — в проведении резкой временной границы между отчужденным и не отчужденным трудом. <...>²⁶

Пассионарий эбонитового кружка

16.01.80. Замечательный целитель, изобретатель электронотерапии, «пассионарий эбонитового кружка» П. Т. Гончаров недавно скончался от инфаркта. По существу, его угробили, организовав издевательскую комиссию по контролю за его доходами, чуть ли не с описью имущества.

²⁶ Эдуард Петрович Кудрявцев — филолог, литератор, сменивший много занятий, позднее работал сотрудником музея на Соловках, экономистом в лесхозе. В ту пору — рабочий

Для этой гнусной акции скооперировались медики и милиция. Старик (которому было за 80) не вынес унижения, слег, и за неделю его не стало. (По сообщению Э. К.)

Волею случая мне довелось побывать на лекции Гончарова в Центральной лектории (на Литейном пр.), кажется, в середине прошлого года. Оказывается, то была последняя его лекция.²⁷ <...>

Международная информация

16.01.80. Мне рассказывали, как погиб в Афганистане тот врач, которого недавно хоронили в Ленинграде. Он был высокопоставленным, «придворным» советским врачом. Незадолго до переворота, на банкете у Амина все участники банкета были отравлены. Прибывшие на место двое наших врачей сумели спасти, в частности, Амина и его дочь. Для наблюдения за тяжелобольными они остались во дворце, который был взят штурмом русскими десантниками. Наш врач попал под советскую пулю. (Источник — изустный; свидетельство другого врача, уцелевшего случайно.)

Несколько дней назад, по сообщению западного радио, «ограниченный контингент» советских войск в Афганистане достиг 80 тыс. Много жертв. В сегодняшней «Правде» — сообщение о принятой на Генеральной ассамблее ООН резолюции против советского вмешательства в афганские дела. Как обычно, в нашей печати нет фактов, кроме вынужденной информации. «Однако не все делегации смогли разобраться в существе событий, происходящих в последнее время в Афганистане и вокруг него...» («Правда»). <...>

Два провинциальных анекдота

17.01.80. (1) Кротенок, вопреки материнскому запрету, выглянул на поверхность. Ему там понравилось: солнышко греет, ветерок обдувает... Мать-кротиха: «Иди обратно. **Здесь** — твоя родина!».²⁸

(2) Старушка в очереди: «Неужели колбасы до конца советской власти не будет?» <...>

Штамповщик Гена

18.01.80. При ближайшем рассмотрении «пижонистого» в Гене С. только модное полупальто. Очаровательный парень!

Его мать родом из Ленинграда. В войну эвакуировалась в Казахстан, там вышла замуж и осталась. Гене — 20 лет. Окончил десятилетку на круглые пятерки. Не получил медали из-за единственной четверки в 9-м классе. Два с лишним года назад приехал поступать в Ленинградский университет, на географический факультет. Не вышло. Тогда стал работать штамповщиком на «Красногвардейце».

²⁷ О П Т Гончарове и его оригинальном методе щадящего лечения многих заболеваний см., в частности, в: *Штермлер И. Петр Терентьевич* // Нева, 1979, 1 2

²⁸ Как выяснилось позднее, этот анекдот имеет литературную основу: очерк М Е Салтыко ва-Щедрина «Испорченные дети»

Живет в общежитии, близко от завода. Комната на двоих. Имеет лимитную (временную) прописку. Скоро истекут три года этой прописки, и он приобретет право на постоянную. Ожидание прописки — важнейшее жизненное обстоятельство Гены (кстати, и штамповщицы Тани У. тоже). Рабочий, поступивший на предприятие «по лимиту», не может сменить место работы. Увольнение для него означало бы обязательный выезд из города.

Гена уже трижды пытался поступить в ЛГУ. В прошлом году очень не повезло: сдал три экзамена на «отлично», а накануне четвертого так растянул ногу, что не смог передвигаться.

Не служил в армии, по зрению. Близорукость — 6,5. Сейчас у Гены второй разряд штамповщика. Ждет третьего. По уровню технической грамотности заслуживал бы, возможно, и четвертого. Но квалификационный разряд дается не за знания, а за опыт, измеряемый в основном стажем. <...>

«Формула счастья»

23.01.80.

[После двухнедельной стажировки на заводе «Красногвардеец» социолог-рабочий вернулся «к себе», на «Ленполиграфмаш». — А. А.]

<...> Практически каждый рабочий, с которым мне довелось обменяться хотя бы фразой, сделал для новичка **что-то доброе** (Игорь С., Станислав П., Ваня С., Федор Филиппович К.). Лучший ответ — обязательность. Все, что дано на время, — вернуть сразу по использованию. Не забыть сказать спасибо. Этого достаточно для продолжения доброжелательного контакта.

В сложных случаях — подходят сами. Никто не ленится пойти поискать — если у самого нет нужного для тебя под рукой.

«Шефство» — ненавязчиво. Никаких объяснений, просто делают как бы за тебя, а ты смотри и, если хочешь, участвуй.

<...> В полном соответствии с афоризмом Назыма Хикмета, «утром с радостью идешь на работу, а вечером с радостью возвращаешься домой». Что, кажется, и составляет «формулу счастья». <...>

(Записано в январе 1980 г.)

* * *

Вместо заключения (к главе I)

Автора хватило только на месяц-полтора параллельного писания «протоколов жизни» (см. выше) и личных писем друзьям на темы своей новой работы и изменившегося образа жизни.

В дальнейшем жанры дневника и письма совместились и, при включении еще и «игрового» момента, образовался гибрид: «Письма Любимым женщинам». См. следующую главу. (Сентябрь 1999).

Приложения к главе 1

[Ниже - аутентичные тексты двух из 45 записей экспертных бесед по методике «Ожидаете ли Вы перемен?» (1979-1981).

Обе ранее публиковались - анонимно - в сборнике: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов). Кн. 1-2. М., ИС РАН, Ленинградский филиал, 1991). - А. А.]

П. 1.1. «Маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым...»

[Псевдонимом «Невельцев» обозначил себя мой друг, писатель, кинодраматург Анатолий Семенович Соснин, который был, как уже отмечалось, одним из разработчиков методики «Ожидаете ли Вы перемен?». (Среди авторов методики только он и В. Шейнис опробовали ее на самих себе.)

Строго говоря, это не запись беседы, а написанный самим А. С. текст, от ноября 1979 г. - А. А.]¹

Экспертный лист ¹ 28

1. Общая тенденция развития и мера устойчивости

1. Противоречия накапливаются и усугубляются.
2. Снижение темпов экономического развития до состояния стагнации; снижение жизненного уровня, которое уже невозможно не замечать; разнообразные процессы, свидетельствующие о нравственном загнивании общества (коррупция, пессимизм, снижение демографических показателей, тяга на Запад, повсеместное неуважение лидеров, обострение центрального и местного национализма и т. д.).

На внешней арене - рост международной изоляции (фактическое смыкание на основе глубокой враждебности к данной стране глобальной дуги: Япония - Китай, Европа - США. При этом совершенно очевидно, что враждебность эта активно спровоцирована такими факторами, как Венгрия, Чехословакия, Берлинская стена, Курилы и т. п.).

Всеобщая утрата веры в основы официальной идеологии и в связи с этим возникновение различных независимых идейных течений в духовной, идеологической жизни.

3. Состояние общества за последние 20-25 лет имеет нарастающую тенденцию к неустойчивости. Налицо явные признаки «неуверенности верхов»: метание от одной экономической реформы к другой; сделанные ими разнообразные уступки - признание и даже поддержка так называемого приусадебного хозяйства в деревне; допущение ограниченной эмиг-

¹ Формулировки вопросов см. выше: раздел «Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)».

рации и отдельных, хотя крайне ограниченных форм оппозиции (Сахаров, Медведев, отдельные факты в литературе, живописи); отказ от глушения «голосов»; вынужденная терпимость к определенной независимости сателлитов — Румынии, Польши, Венгрии).

Но какие-либо прогнозы о времени более значимых перемен, как всегда, давать нельзя. Накопление всех видов противоречий может еще быть весьма долгим, хотя может во что-то вылиться и внезапно (в истории страны такие примеры были, были они и в новейшей истории иных стран — Ирана, Испании, Португалии).

4. Высокая стабильность системы, несмотря на ее внутренние пороки и противоречия, объясняется рядом факторов.

На первое место, вероятно, следует поставить вполне оправданный страх населения перед жестокими репрессиями. Карательный аппарат в стране обладает исключительной силой и фактически имеет приоритет перед всеми иными институтами власти. Он непрерывно действует, хотя варьирует свои методы и размах репрессий.

Кроме страха действуют и другие факторы. Например, длившийся на протяжении ряда десятилетий несомненный рост уровня жизни, превративший за 50 лет страну отсталую, крестьянскую, в страну среднеразвитую и в основном уже городскую. То, что этот рост прекратился и, видимо, сам по себе возобновиться не сможет, населением пока еще осознается не полностью.

На третье место по значению факторов, видимо, нужно поставить весьма искусную пропаганду, которая (в отличие от пропаганды, например, фашистской Германии) опирается (вернее, паразитирует) на здоровые, гуманные постулаты и принципы — мир, социальное равенство, светлое будущее всех народов и т. п.

И, наконец, огромное значение имеет то, что западное общество (т. е. единственная зримая альтернатива «здешнему» обществу) тоже далеко не идеально, а несет в себе многие органические болезни. Эти болезни (инфляция, безработица, кричащее материальное неравенство, рост преступности, пресловутые «сексуальные революции», отражающие биологическую усталость, пресыщенность и признаки вырождения определенных слоев) — отнюдь не выдуманные, реальные, и в то же время искусно преувеличиваются, выпячиваются здешней пропагандой. Причем самым убедительным для массы населения является то, что все «разоблачения» даются в форме перепечаток из западной прессы. А западный образ жизни для подавляющего большинства населения зримо встает из зарубежных фильмов, которые продуманно, выборочно закупаются с этой целью, — фильмов с бесконечными убийствами, жестокостями, насилием. Год за годом эта наглядная, эмоциональная самореклама западных стран создает и укрепляет у здешнего населения устойчивый стереотип мысли: «У нас плохо, а там еще хуже...».

Все перечисленные факторы (а, вероятно, есть и другие) ослабляют действие центробежных, разрушающих систему процессов, составляют ее «каркас стабильности».

5. Об этом уже говорилось в п. 1. Да, накапливаются признаки и элементы общего кризиса данного общества.

II. Перспективы: взгляд «изнутри»

6. Да, ожидать [*перемен. — А. А.*] всегда следует, ибо, как показывает опыт истории, даже такие грандиозные катаклизмы, как 1917 г., для огромного большинства населения (и даже для большей части столичной интеллигенции) оказались во многом внезапными, неожиданными. (Об этом есть много дневниковых, мемуарных свидетельств.) Но, как уже говорилось, предсказывать какой-либо конкретный срок качественных исторических сдвигов — дело несерьезное. Слишком много переменных слагают эту задачу.

7. Перемены в сравнительно длительной исторической перспективе могут быть только «к лучшему», т. е. в сторону демократии (точнее — реальной социалистической демократии). В иных политических рамках современная развитая экономическая структура вообще не может существовать. Или национальное самоубийство, или движение к подлинной социалистической демократии — иной перспективы у данного общества (как и у других наций) нет. Разумеется, тема эта огромна и все входящие в нее понятия требуют четких определений, спокойного, детального обоснования. Здесь можно лишь коротко обозначить основные устои этого вожделенного будущего.

Во-первых, плюралистическая политическая структура, с надежными организационными гарантиями против возврата к любой форме тоталитаризма. Во-вторых, смешанная экономика в пропорциях, соответствующих конкретным национальным условиям и установленных демократическим путем. В-третьих, социальное равенство, понимаемое как максимальное сокращение материального и стартового разрыва между группами населения и контролируемое демократическим путем. (Действенным инструментом материального регулирования может быть, в частности, система прогрессивных налогов.)

Такова общая линия поступательного развития, его цель. Но маршрут движения к этой цели может быть отнюдь не прямым. Возможны мрачные откаты назад, возможна (хоть вероятность невелика) даже национальная катастрофа. Тем не менее, развиваться, существовать в семье других наций и государств данное общество сможет только в том случае, если дозреет до демократических форм, соответствующих уровню XX и XXI веков.

8. Вероятнее, что перемены будут накапливаться, нарастать постепенно, пока ситуация не дозреет до качественного скачка. Впрочем, этот «скачок» может быть внешне мирным, бескровным. Таково, по крайней мере, желание всех проявившихся в жизни общества идейных групп и течений, не исключая и официальных слоев, в поведении и психологии которых компромиссные, примирительные тенденции все чаще преобладают над жесткими, «кавалерийскими» методами и над левацкой, ультрареволюционной мечтой.

9. Об этом частично уже говорилось в п. 2. Кроме того, можно добавить следующее. В жизни данного общества существует ряд фундаментальных

противоречий, которые определяют его болезни, его нравственные коллизии, тонус бытия населения, содержание раздумий и споров интеллигенции и которые настоятельно требуют своего разрешения.

Эти противоречия таковы: 1) между тоталитарными интересами верхов и объективной потребностью всего общества в оптимальной свободе; 2) между общественным характером производства и олигархическим характером управления; 3) между инерцией старых революционных догм и реальными реакционно-охранительными интересами государственного аппарата; 4) между программными пропагандистскими лозунгами внутренней политики и реальными возможностями структуры; 5) между мировыми претензиями во внешней политике и ограниченными материальными и духовными ресурсами; 6) между напором молодых кадров снизу и укрепляемой сверху окостенелостью аппарата.

Некоторые из этих противоречий верхи сознают и пытаются нейтрализовать локальными мерами, с другими пока справляются лишь силовыми приемами, т. е. скрывая, заглушая литаврами, загоняя болезнь внутрь. Но история знает — эти методы бесполезны.

10. Сферы жизни, в которых назревает всяческое неблагополучие, по их значимости, вероятно, располагаются так: 1) экономика; 2) международное положение; 3) идеология; 4) демография (включая проблему алкоголизма); 5) национальные отношения.

11. В истории данного общества **были** различного рода элементы и попытки демократического управления. Мы делаем здесь ударение на слове «были», ибо существует взгляд, что демократические формы этой стране принципиально и изначально чужды. Не углубляясь в далекое прошлое (т. е. не вспоминая ни древний Новгород с Псковом, ни казацки самоуправляемые общины), напомним два важных периода.

Во-первых, десятилетие (!) 1906–1917 г., когда возникла, действовала и набирала опыт и силу Государственная дума, опиравшаяся на многопартийную систему. Эта Дума сыграла немаловажную роль в идеологической подготовке кризисной ситуации, приведшей к падению самодержавия! Конечно, силу и влияние Думы нельзя преувеличивать, но вовсе сбрасывать со счетов этот важнейший исторический прецедент будет еще большей ошибкой.

Во-вторых, период между февралем и октябрём 1917 г., когда у власти стояло демократическое правительство, свободно действовали политические партии, готовилось Учредительное собрание.

И хотя, по ряду объяснимых причин, обе эти попытки кончились неудачно, о них забывать нельзя и опыт их нельзя игнорировать. Он свидетельствует хотя бы о том, что при определенных условиях данное общество энергично тянется к демократическим формам правления. Ведь и в странах Европы развитый демократический строй укоренился не сразу, а пройдя через полосы реставраций, учитывая ошибки, совершенствуя формы все более полного народного представительства.

III. Мировой контекст

12–13. Развитие событий в западном мире имеет, разумеется, огромное влияние на положение дел в данном обществе.

Во-первых, поддержка — моральная и физическая (публикациями, вещанием) — оппозиционных движений не только укрепляет эти движения, но также во многом проясняет для западной интеллигенции, для государственных лидеров реальную ситуацию в данном обществе, его проблемы и беды. А это имеет оздоровляющее значение и для Запада.

И обратно — оздоровление Запада, преодоление им своих острых недугов — необходимое условие демократического развития на Востоке.

Вообще, наш мир неразделим, и в атомную эру особенно. Поэтому пора смелее, последовательнее рассматривать его как единое целое. В этом смысле прогрессивные процессы на Западе должны, видимо, предшествовать демократическим процессам на Востоке. Почему? Потому что Запад уже обладает демократическими благами — основным инструментом разумного влияния человека и человечества на свою историческую судьбу.

Когда Запад преодолет свою раздробленность (а этот процесс идет!), когда ликвидирует бедность и пропасти материального неравенства (это тоже происходит, хотя и медленно), когда его демократические институты обретут формы, адекватные жестким условиям конца XX века (т. е. избавятся от излишества и предрассудков, укоренившихся в те времена, когда демократии еще не был брошен тотальный вызов с Востока), — тогда силы тоталитаризма потеряют всякую надежду на победу, окончательно утратят всякое сочувствие масс. Это будет одним из главных условий благоприятных качественных изменений в устройстве данного общества.

14. Смысл истории — единение человечества, слияние его в единую семью с полным искоренением «вражды племен» (к этому ведут десятки текущих в мире и явных, и подспудных процессов). И хотя этнографические, культурно-исторические отличия крупных регионов останутся и после слияния, политическая, управленческая структура мира будет в ос нове своей единой, — а именно оптимально-демократической. Конкрет нее пока, видимо, предсказать ничего нельзя.

IV. «Человеческий фактор» перемен: за и против

15. В сохранении нынешнего состояния общества и даже в переменах к худшему (т. е. в усилении тоталитарных начал) заинтересован правящий класс — партийно-бюрократический аппарат, обладающий привилегией власти и многими сопутствующими благами. Некоторая часть объективно незаинтересованных людей (т. е. не принадлежащих к привилегированному меньшинству), тем не менее, добросовестно поддерживает его [*это меньшинство. — А. А.*], в силу неразвитости и разного рода идеологических предрассудков.

Все это, однако, нельзя понимать упрощенно. И в составе правящего класса есть люди, которые способны осознать необходимость прогрессивных перемен и, даже, последовательно содействуют этому на своих постах.

16. Почти все группы и слои населения (кроме активных защитников и идеологов правящего класса) заинтересованы в демократизации строя. Разумеется, **объективно** заинтересованы, ибо ясно осознать всю сумму связанных с этим выгод и преимуществ способны пока не все (для этого необходима свобода печати).

Важно также понять, что почти все слои населения так или иначе (хотя и не осознанно) постоянно сопротивляются узкокорыстной политике верхов. Наиболее массовая форма сопротивления (хотя, повторяю, и не осознанного в политических категориях) — искусственно заниженная производительность труда, всеобщая тенденция и городских, и сельских рабочих утаивать, попридерживать свои индивидуальные резервы интенсификации производства. Повседневню явочно вводимые трудящимися ме-танормы противостоят спускаемым сверху нормам (официальный, газетный язык признает и описывает это явление следующей формулой: «Действующие ныне стимулы недостаточно активизируют производство»).

Конкретные формы этой не прекращающейся «итальянской забастовки» чрезвычайно разнообразны — от грубой «расташки» (и даже своеобразного «луддитства», варварски-злобного обращения с оборудованием) до грандиозной, не прекращающейся «текучести кадров», в результате которой в среднем за год постоянно находится вне производства примерно 10–12% рабочей силы!

Повторяю, конкретных форм и методов неосознанного «экономического сопротивления» трудовых масс — очень и очень много, это тема особого исследования. И именно благодаря этому массовому давлению снизу «верхам» приходится постоянно корректировать свои экономические (и, следовательно, внешнеполитические) планы, метаться от реформы к реформе, терпеть радиопередачи зловредных «голосов» и т. д.

А резервы у работяг есть, и огромные! Это показывают многие эксперименты, в ходе которых отдельные группы трудящихся временно получают те или иные социальные льготы или дополнительные материальные стимулы. Нередки случаи, когда производительность труда в ходе подобных опытов увеличивается в два, в три и даже в пять раз! (пример: знаменитый худенковский эксперимент в Сибири).

Свои формы экономического и организационного «своеволия», идущего вразрез с требованиями «верхов», есть (и тоже немало) у руководителей низового и среднего хозяйственного звена. Власти постоянно ведут малоэффективную борьбу с материальными «злоупотреблениями» низовых кадров (т. е. с единственно доступной им формой усилий, направленных на повышение своего, тоже скудного уровня жизни).

Еще важнее другое: постоянно идет борьба с так называемым «местничеством» и «ведомственностью», т. е. с естественными стремлениями

низовых кадров как-то расширить свои служебные права, повысить в интересах порученного дела свой практический статус, добиться большей свободы инициативы, хозяйственного маневра и поисков новых форм. Однако все они болезненно чувствуют давящую волю центра, его бюрократические наручники и колодки. В результате наиболее подготовленные и умные из них начинают присматриваться и прислушиваться к идейным движениям, наметившимся в среде научной и технической интеллигенции.

18. В среде интеллигенции (и это тоже знамение кризиса!) четко обрисовались следующие идейные течения.

Религиозно-нравственное. Его установка: необходимость возврата к традиционным (библейским по преимуществу) нравственным ценностям, как первое и исходное условие выхода из кризиса и обновления общества.

Национальное. Почвенники, руситы, стремящиеся возродить и развить весь комплекс былых славянофильских идей и целей (в т. ч. в их черносотенных вариациях). Объективно горячий пафос этого течения направлен против тщательно разработанной интернациональной терминологии «верхов», а следовательно, против наиболее тонких и действенных методов их имперской политики.

Технократическое течение, имеющее приверженцев в основном среди научной и технической элиты. Его надежды на выход из тупика связаны, главным образом, с ускоренным развитием современных методов управления (единая государственная сеть ЭВМ, математическая оптимизация производства, «перелив кадров» из науки в органы руководства и т. п.).

Демократическое течение, которое, как и в начале века, произвольно разбилось на социал-демократическое и либеральное крыло.

(а) Либеральные демократы (движение в защиту гражданских прав) энергично борются за соблюдение основных юридических прав и свобод, формально уже записанных в действующих законах.

(б) Социал-демократы (фактически, это здешние социалисты европейского толка и люди, близкие по идеалам к итальянским, испанским, французским еврокоммунистам), относясь с глубоким уважением к деятельности правозащитников, все же не слишком верят, что их самоотверженные усилия сами по себе приведут к желанному результату. Они (социал-демократы) более пристально всматриваются в глубинные процессы, идущие в толще общества, по-прежнему («по-марксистски») считают давление экономики и других социальных факторов важнейшим рычагом и двигателем общественных перемен.

Кроме четырех названных идейных течений, разумеется, все еще пышно цветет и имеет большое число сторонников **официальная идеология.** В ней легко различить два оттенка: (а) догматическое и (б) прагматическое крыло.

Можно надеяться, что в будущем, при благоприятном развитии общества нынешние идейные течения станут ядрышками, зародышами соответствующих политических партий. И спектр этих партий не так уж далек от типичного комплекта политических партий современных западных стран.

19. Об этом уже говорилось. Максимальное влияние «зарубежных факторов» может сказаться лишь в том случае, если Запад кардинально избавится от своих собственных болезней и бед. Сильные, единые в своих действиях страны Запада, в которых в различных модификациях утвердятся принципы демократического социализма (сегодня ближе всех к этому, пожалуй, ФРГ и Швеция), — вот в чем наибольшая опасность для любых тоталитарных режимов.

V. Время и ход перемен

20. Об этом уже говорилось. Перемены давно начались и идут. А темпы и сроки указать невозможно.

21–22. Наиболее вероятной представляется следующая очередность перемен.

Наращение экономического кризиса. Вынужденные уступки трудящимся в нижних этажах производства (демократизация управления в бригадном звене, в цехе, на отдельном предприятии). Это еще ярче высветит вскоре невозможность бюрократического жестко централизованного управления крупными отраслями и экономикой в целом.

В сельском хозяйстве будет все заметнее расти крен в сторону частного сектора и где-то, когда-то возникнет идея «фермерского хозяйства».

На международной арене последует новая серия «измен» со стороны друзей и союзников (примерно, как было с Китаем, Египтом, Мали и т. д.). Заметные демократические перемены произойдут в Польше, Венгрии и Румынии. Все более усилится и сплотится еврокоммунизм и Социинтерн. Все это вместе взятое подготовит необходимость структурных перемен в верхних этажах данного общества, перемен — в сторону большей ответственности и подконтрольности руководства. А это может обеспечить только демократический механизм.

Таков максимально выпрямленный вариант развития событий на 30–50 лет. При наличии сильного **сознательного** фактора развитие пойдет быстрее и легче, при его отсутствии (подавлении) — труднее и медленнее.

Невельцев [А. С. *Соснин*. — А. А.], ноябрь 1979

П. 1.2. Прогноз-предостережение

[Экспертный лист ¹ 30, анонимный, как и все остальные, и даже без псевдонима, датированный декабрем 1979 г., поступил ко мне из Москвы.

Уже тогда, по содержанию ответов, я предположил, что автором этого экспертного листа является В. Сокирко, с некоторыми работами которого, ходившими в то время в самиздате, я был знаком.

Виктор Владимирович Сокирко — инженер-экономист, правозащитник. В 1974 г. за рубежом, под псевдонимом «Буржуадемов», была опубликована его работа «Очерки растущей идеологии». В 1978–1979 гг., под тем же псевдонимом, выходили самиздатские сборники «В защиту экономических свобод».

В. С. был также одним из редакторов Свободного московского журнала «Поиски». За свою правозащитную деятельность подвергался репрессиям (1980).

Итак, не является ли В. Сокирко участником нашего опроса 20-летней давности? Выяснив современный адрес В. С. (с которым раньше знаком не был), я отправил ему уже подготовленные к печати материалы опроса «Ожидаете ли Вы перемен?». Виктор Владимирович любезно откликнулся.

Он не вспомнил самого факта участия в опросе, однако подтвердил, что текст того ответа о вероятном сценарии перемен, который я прислал для «опознания», действительно принадлежит ему. Практически это - обширная цитата из его работы «Экономика 1990-го года: что нас ждет и есть ли выход?». Упомянутая статья была опубликована в ¹ 8 журнала «Поиски» (декабрь 1979).

Ниже - полный текст экспертного листа В. В. Сокирко. - А. А.]

Экспертный лист ¹ 30

1. Мне кажется, что в основном проблемы в обществе не разрешаются, а противоречия усугубляются.

2. Подтверждает это утверждение закоренелость давних болезней нашего общества - неэффективности плановой экономики, расточительства, бюрократизма и хищений, пассивности и пьянства и т. д. Год за годом ставятся задачи их преодоления, но диспропорции, дефициты, незавершенки, недисциплинированность, равнодушие и т. д. - все возрастают, а вместе с ними растет и недовольство хороших людей.

3. Нынешнее состояние общества неустойчиво и придет к кризису, если общество не реформирует себя заблаговременно.

4. См. п. 3.

5. Кризисные явления проявляются и сегодня - в росте инфляции, в виде дефицита товаров, в расстройстве транспорта и общественных услуг, в росте взяточничества в медицине и высшей школе, оскудении природных богатств, ухудшении производственной дисциплины, росте пьянства и т. д. Эти явления пока растут количественно, но постепенно они довольно скоро приводят... [фраза в записи не окончена. - А. А.]

6. На 90% я уверен, что кризис наступит не позднее конца XX века.

7. В истории всегда есть выбор. Если общество сможет осознать свои будущие беды и сумеет себя реформировать раньше, чем сложатся разрушительные экстремистские силы, то социального кризиса можно избежать. В противном случае после кризиса и разрухи все может повториться сначала.

8. Медленные изменения в обществе к худшему окончатся потрясением, как только ослабнут главные производительные силы, на которых все держится, - уйдет на пенсию старшее поколение, хорошо работающее, не за деньги, а за совесть, и иссякнут легко доступные природные богатства.

9. Подтверждает этот прогноз убыстряющийся рост дефицита товаров, т. е. инфляция. Чтобы заставить людей работать, надо им больше платить, а деньги от этого весят еще меньше, значит платить надо еще больше. Это приводит к усилению классового расслоения, общественного недовольства и к возможности бунта.

10. Затрудняюсь систематизировать сферы современных общественных противоречий, там все связано. Социальное недовольство кроме органов подавления... [фраза в записи не окончена. — А. А.]

Распределение жизненных благ, но не по труду, а по политическим соображениям, поэтому растут паразитизм и потребленчество, падает трудовая мораль, в связи с запретом на свободную экономическую деятельность, а это снижает результаты труда, материальное положение и вызывает недовольство. Порочный круг, подорвать который можно только обеспечив всю полноту прав и свобод человека в коллективе.

11. Думаю, что наше общество принадлежит к восточному типу, способ существования которого заключается в застойном социальном состоянии, прерываемом бурными революционными потрясениями, после которых вновь устанавливается застойный «азиатский способ производства». Мы стоим сейчас перед очередным взрывом.

12. На нас оказывает постоянно влияние Запад примером своего эффективного существования. В немалой степени «диктатура развития» и держится на народном желании «догнать Запад». В критический момент, наверное, сыграет свою роль и состояние холодной войны с Китаем, которая может перейти в горячую и даже кончиться частичным поражением (если мы вступим в нее — как Россия начала войну с Японией в 1904 г.).

13. Соперничество с Западом и с Китаем ведет к усилению диктатуры развития в нашей стране, а внутреннее развитие требует либерализации. Поэтому влияние внешних факторов на страну я в основном оцениваю отрицательно.

14. Уже говорил, что само общество принадлежит к восточному типу, но я верю, что оно сможет найти переход к западному типу. Я верю, что в конечном итоге весь мир перейдет к западному типу общества.

15. В переменах к лучшему заинтересованы нравственные, т. е. свободные и ответственные люди, где бы они ни работали. Но думаю, что таких людей больше среди освобожденных от обязанностей государственной службы и прислужничества. В сохранении «статус-кво» заинтересовано, по-моему, только само руководство. А в переменах к худшему, т. е. к быстрейшему взрыву, — экстремисты, нетерпеливые, считающие, что «чем хуже, тем лучше». Таких людей много среди интеллигенции, и на мой взгляд они опаснее верноподданных.

16–17. В канун кризиса подталкивать общество будут нетерпеливые экстремисты-интеллигенты, малооплачиваемые и, главное, мало обеспечиваемые товарами слои граждан (провинция, а не столицы). Эти слои главным образом и будут бунтовать, а поддержат затем и все остальные. В момент кризиса вдруг окажется, что в стране просто нет сторонников нынешнего руководства, ни одного. Другое дело, что, видимо, бунты могут перерасти в гражданскую войну, где выкуется новая формация железной управляющей партии и железных управляемых легионов.

18. Заметен рост в народе симпатий к Сталину, как к символу твердой и справедливой власти. Они станут основой будущей послекризисной власти. В оппозиционном диссидентском движении заметно расслоение на православно-почвенническое и либерально-социалистическое, причем если последнее сохраняет преемственность с современным общественным состоянием и зовет к общественным реформам и эволюции, то первое предполагает резкий идеологический разрыв (перемену марксизма на православие) и в некоторых группах занимает экстремистские позиции.

19. Кроме положительной защитительной роли мирового общественного мнения, благожелательная помощь Запада оказывает на часть диссидентов и отрицательные влияния. Реформаторские силы в стране могут укрепиться лишь на собственной основе. Исторический пример отрицательного влияния помощи Запада: помощь германского командования русской революционной печати в 1917 году.

20. Спад роста материального уровня жизни начнется через год-два, общее недовольство сильно возрастет к 1985–1990 гг., а в 1990 г. или дальше вполне возможен и стихийный бунт.

21–22. *[Вероятный сценарий развития событий. — А. А.]*

Как видно, простое экстраполирование подсказывает кризисную точку где-то на рубеже 1990 г., с учетом непризнаваемой инфляции — в районе 1984 г., понимая под ней начало падения национального дохода на душу населения, начало абсолютного обнищания населения Советского Союза. Однако анализ основных факторов — источников роста национального дохода показывает, что они уже сейчас близки к исчерпанию, что может вызвать в скором будущем не только замедленное снижение нашего материального благосостояния, а резкое его ухудшение, что вызовет социально-экономическую катастрофу. Плавно снижающаяся линия темпов роста национального дохода в ближайшие годы, видимо, резко упадет вниз, к отрицательным величинам.

Конечно, этот вывод следует незамедлительно проверить и подкрепить (или опровергнуть) более тщательным социально-экономическим исследованием. Убеден, что наши профессиональные экономисты и социологи, действительно обеспокоенные судьбами страны и обладающие техникой моделирования основных тенденций развития по примеру таких зарубежных прогнозистов, как Медоуз, Форрестер и др. (а в нашем случае основные тенденции развития более устойчивы и легче поддаются моделированию), — не могут не взяться за эту общественно необходимую работу.

Однако социальные процессы, хотя и зависят от экономического положения, но далеко не прямо и обладают собственной инерцией. Конечно, начало абсолютного обнищания большинства людей породит сильнейшее недовольство, однако еще далеко не сразу приведет к взрыву. При прогнозировании этого события необходимо учитывать и внешнеполитические обстоятельства, и национальные отношения, и те контрмеры, которые будут предпринимать власти, чтобы предотвратить надвигающуюся угрозу. Сей-

час можно только продумывать логически наиболее вероятные варианты протекания будущего кризиса. Конечно, их может быть несколько, мне же в качестве наиболее вероятного представляется следующий сценарий:

1) Руководство страны продолжает нынешнюю оппортунистическую политику поддержки внешнего благополучия без радикального изменения курса — вплоть до очевидного кризиса, т. е. запустит социально-экономическую болезнь нашего общества до состояния неизлечимости. К сожалению, наиболее вероятен именно этот вариант (моя оценка — 90%), как из-за старческих догматических иллюзий руководства, так и из-за развращенности и пассивности общественных низов, включая образованные слои.

2) С момента, когда средняя реальная зарплата людей будет не расти, а снижаться, болезнь вступит в стадию быстрого протекания, что выразится в недовольстве, снижении производительности труда и падении трудовой дисциплины, поддерживать которую хозяйственные руководители смогут только форсированным, практически не поддающимся контролю повышением заработной платы, которое без товарного обеспечения (а откуда оно?) приведет к убыстрению инфляции. При сохранении плановой системы, т. е. неизменных в принципе цен на товары, инфляция будет иметь вид растущего дефицита товаров, что неизбежно будет вести к еще большему росту черного рынка, нелегальных операций, объема спекулятивной прибыли и размера вынужденно-паразитического потребления чернорыночников.

Таким образом, абсолютное обнищание советских людей будет сопровождаться, как ни парадоксально, сильнейшим обогащением верхних слоев — чернорыночников и номенклатурной элиты, находящейся на спецснабжении. В преддверии экономического кризиса будет усиливаться массовый раскол в обществе — основа социальной катастрофы.

Этому процессу не сможет помешать даже введение карточной системы — излюбленное средство экономического спасения диктатур в трудных условиях. Но здесь оно не поможет, потому что у потерявшей доверие системы уже не будет верных защитников, способных эффективно осуществить карточную систему и сурово нормировать потребление всех людей без изъятия. Введение карточной системы в нынешних условиях приведет только к формализму, нелегальному обходу новых запретов, дальнейшему расцвету и усилению черного рынка, на котором будут продавать уже не только дефицитные, но и ворованные из распределителей товары и продукты.

3) Очень важно, что недовольство большинства людей будет обрушиваться прежде всего на чернорыночников, как на новых господ-высочек. (Привилегии управляющей, номенклатурной элиты для массового сознания традиционны и привычны.) Будут винить несправедливо, ибо истинная вина лежит на управляющей элите, держащейся за свою абсолютную экономическую власть, за абсурдное планирование.

В этот-то момент и вскрыется, что наша официально-плановая система на деле является кентавром: планово-чернорыночным, легально-не-

легальным. И чем хуже становится планирование, чем больше его просчеты и диспропорции, тем больше оказывается дела для дополняющего его черного рынка, тем больше он [черный рынок. — А. А.] жиреет, утилизируя эти диспропорции в свое потребление.

Трагедия же заключается в том, что в этот период к агонии и развалу будут идти не только плановое начало и корректирующий его рынок, но и сама идея рынка, ибо массовое сознание будет винить именно черный рынок, как главного виновника кризиса. Трагедия состоит в том, что у нас нет достаточно четкого понимания различия между черным рынком, как необходимым дополнением плановой системы, и нормальным рынком, к которому следует перейти нашей экономике, чтобы излечиться от своих давешних болезней. Трагедия в том, что агония планового хозяйства будет сопровождаться ростом симпатий к прежнему, «крепкому» плановому хозяйству (ведь в экономике приходится не долго выбирать между двумя основными типами организации — плановым и рыночным).

Агония планового хозяйства и рост массовых симпатий к плановому хозяйству — это ли не дьявольская ирония нашей злосчастной будущей истории? А рост народной ненависти к черному и иному рынку будет только подхлестывать власти в их иллюзии извернуться, но сохранить знамя социализма, т. е. принципов централизованного планирования, чем и доведет экономику до окончательного краха... Но что толку понимать эту историческую ловушку, ждущую нас в недалеком будущем, — если нет понимания и воли избежать ее.

4) По-видимому, в качестве последнего средства укрепления дисциплины, карточной системы и трудового энтузиазма, руководство прибегнет к внешнеполитическим авантюрам оборонительного характера, как это уже не раз бывало в истории разваливающихся общественных систем. Тем более, что растущий военный противник — Китай — будет с помощью Запада укрепляться год от года. Однако, как и бывало уже не раз, авантюры, развязанные с целью укрепления, обычно кончаются окончательным крахом. Наступит час исполнения предсказания Амальрика (1970).²

Однако, даже пережив очередную революцию и разруху, оставшиеся в живых люди сохранят ненависть прежде всего к рынку и мечту о восстановлении крепкого, безрыночного порядка, т. е. чистой сталинщины. И они достигнут этого — но только после катастрофы.

Мечта о Сталине сегодня — нелепа и утопична, ибо некому ее осуществлять. Однако после катастрофы, после политического развала, национального разброда, иностранного вмешательства, военных драк и вымирания наиболее гуманных, образованных, совестливых и трудолюбивых, в огромном естественном, вернее — неестественном, отборе гражданской войны выкуются новые кадры очередных фанатиков и беспрекословных исполнителей — вот тогда новый Сталин вернется обязательно. Круг замкнется.

² Амальрик А. Просуществоет ли Советский Союз до 1984 года? Амстердам: Фонд им Герцена, 1970

Достаточно скоро нам придется на своей шкуре испытать банальный революционный расклад, уже не раз повторявшийся в восточных странах: деспотическая правящая элита, дополняемая хищнической компрадорской крупной буржуазией, ведет страну к развалу и взрыву, в которой и гибнет, но вместе с собой увлекает и все новые ростки еще не развившегося, нравственного и экономически здорового рыночного хозяйства национальной буржуазии, а потом, после всегубительного пожара, в стране воссоздается лишь укрепленный и очищенный от рынка буржуазии деспотизм, диктатура в новых одеждах (и, конечно же, сразу заводится новый черный рынок).

Да, круг замкнется, но через смерть — нашу и многих наших детей. И когда потомки будут разбирать причины и исследовать возможности иного исхода из нынешней, еще не совсем безнадежной ситуации (у меня лично еще есть 10% надежды на мирное осуществление коренных реформ), то будут удивляться поразительной слепоте и потере чувства опасности — и у верхов, и у низов общества.

И тогда пусть попадет к ним это мое письмо и станет в их руках обвинением тем, кто сегодня имеет сознание и силы решать и влиять в пользу спасительных действий и бездействует, кого предупреждали о грозящих бедах и кто не прислушался к ним или побоялся исполнить свой человеческий и гражданский долг.

23. Мне бы казалось важным выяснить, что могло бы отвести от страны кризис и что надо делать сейчас всем нам.

Без псевдонима [В. В. Сокирко. — А. А.], декабрь 1979.

Ремарка 1: «К сожалению, прогноз осуществился...»

...С последней почтой я получил от Виктора Владимировича связку «старых бумаг». Среди прочего в конверте была и работа 1992 г. «Вспоминая старые прогнозы К. Буржуадемова (В. В. Сокирко), составителя сборников «В защиту экономических свобод».

Извлечение из упомянутой выше статьи 1979 г. «Экономика 1990-го года: что нас ждет и есть ли выход?» (использованной в вышеприведенном экспертном листе), сопровождалось там следующим авторским примечанием:

«К сожалению, пессимистический прогноз 1979 г. в главных чертах осуществился. Необходимые преобразования начаты поздно и проводятся непоследовательно. К конструктивной экономической реформе страна еще не приступила и потому тенденций развала и сползания к новому тоталитаризму еще не преодолела. В. Сокирко. Ноябрь 1992.»

(Декабрь 2000).

Ремарка 2: «Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы» (уникальный правозащитный опыт).

Несколько слов о правозащитной деятельности В. В. Сокирко уже последних лет.

В годы перестройки В. С. организовал Общество защиты осужденных хозяйственников и экономических свобод (ОЗОХиЭС), председателем которого является и поныне. Деятельность этого общества масштабна и многообразна. Защита осуж-

денных несправедливо или чрезмерно сурово по делам о предпринимательских правонарушениях-преступлениях осуществляется ОЗОХиЭС, в частности, путем организации общественных исследовательских судов присяжных (начиная с 1989 г.).

В подавляющем большинстве случаев общественными судами присяжных выносились оправдательные вердикты.

Этот оригинальный правосудитный опыт обобщен в недавно вышедшей книге: В. Сокирко. Сумма голосов присяжных в поиске граней экономической свободы. М.: РосКонсульт, 2000.

Названная книга, в которой представлены десятки спорных дел по статьям 159 и 160 УК РФ (мошенничество; присвоение или растрата) и соавторами которой являются сотни рядовых граждан, приглашенных в качестве общественных присяжных, — это и социально-экономическое исследование, и публицистика, и учебник правосудиты.

«Основной пафос книги — в установлении правовых и нравственных граней между преступлениями и сферой необходимой российскому обществу экономической свободы». (Из аннотации.)

(Октябрь-декабрь 2000).

[Еще три экспертных листа — ответы на вопросы анкеты «Ожидаете ли Вы перемен?», принадлежащие Г. И. Забелкину, Ю. А. Щеголеву и А. А. Кетегату, — будут представлены ниже.³ — А. А.]

П. 1.3. Социологический случай на реке Ануй в 1979 году. Обстоятельства и попытка толкования

[Автор нижеследующего текста — Виктор Петрович Дудченко. Мы познакомились в конце 80-х (клуб «Перестройка», членами которого мы оба были).

В ту пору В. Д. работал камнерезом. И до этого, и после — менял занятия неоднократно. Свою основную профессию определяет: шрифтовик (специалист по изображению знаков письма). В 70-х В. Д. учился на философском факультете Ленинградского университета (однако ушел оттуда). В настоящее время работает исполнительным директором Научного некоммерческого партнерства «Алексеевский архив».

Виктор Дудченко взял на себя нелегкий труд чтения и внутреннего рецензирования этой книги, по мере ее написания, что постепенно переросло в фактическое соавторство. Устные замечания и письменные реплики читателя-собеседника были для автора этих строк очень ценны.

Ниже — одна из таких реплик-откликов. Будут и другие... — А. А.]

<...> Между заявленной попыткой оценить тенденции развития и степень устойчивости нашего общества в конце 70-х годов и листами героического экспертного опроса А. Алексеева и его коллег лежит некая до сих пор беспокоящая меня двусмысленность.⁴

³ См в приложениях к части 1: разделы «Памяти друга (Воспоминание о Гурии Забелкине)», «Составляющие жизни» и «Ящик для грядущей Пандоры»

При перепечатке я слово «героический», было, убрал В Д возразил: «Действительно так! В то время формализованную штуку такого объема я считал бы неоправданно рискованной авантюрой»

Строго говоря, выяснились не параметры возможной общественной эволюции (или революции), а готовность людей, по своему общественному и профессиональному статусу взявшихся заниматься такими вещами, вовремя заметить перемены и адекватно их описать.

В этом отношении проведенный тогда опрос весьма представительен: 45 опрошенных, да 5 авторов, да еще один (наверное, не один!) вовлеченный в описываемый сюжет человек — до его *[опроса. — А. А.]* фиксации КГБ, представили нам полный спектр реакций этих людей, от хронологических озарений и до возможного доноса. Это заметная доля, даже некоторую статистику можно получить.

Другое дело — люди, никак не выделившиеся из ряда других таких же никакими специальными обязательствами перед тем же обществом.

Я не уверен, что современные исследователи настолько хорошо понимают исследуемые поступки людей (а не свои представления о них), что можно надеяться на изобретение такого незаметного, нейтрального зонда, который бы не смешал все карты. Аристократизм рабочей среды запрещает рассматривать в качестве самостоятельной ценности что бы то ни было, кроме воли каждого человека, его «живой души» (см. в главе 2 данной книги: раздел «“Формула разгильдяйства” и вынужденная инициатива»). Стало быть, и «общением» самим по себе без достаточного повода заниматься нет смысла. Опросы и выяснения без ясной мотивировки не воспринимаются как уважаемое занятие, тем более, что на задаваемый тобой вопрос ты можешь ответить сам. А общие, безличные оценки в этой *[рабочей. — А. А.]* среде крайне редко признаются достойными произнесения.

Осенью 1979 г. мне довелось наблюдать случай самопроизвольного формирования такого рода «экспертизы». Хотя оценка была весьма краткой, но, на мой взгляд, ответ вполне ложился в схему организованного в то же время А. Алексеевым развернутого опроса и даже обладал некоторой «массовостью». На мой взгляд, это может отчасти дополнить картину.

Дело было в глухом селе (хоть и райцентр) в предгорьях Алтая, 200 км отвратительной дороги от Бийска. Участников было 7–8 (до 10) мужчин в возрасте от 30 до 40 лет. Примерно поровну — местные и приезжие (шабашники). Местные получали рабочую зарплату в совхозе и мехколонне (самым крупным из них начальником был мастер одного из микроучастков мехколонны) и имели приусадебные участки. Образование: 8–10 классов местной школы или заочный техникум. У приезжих не было приусадебных участков, но фактически они тоже были местными, поскольку ни у кого из них работы по месту постоянной прописки уже не оставалось, а некоторые и прописку поменяли. Образование: от 6 классов вечерней школы в еврейском поселке на Дальнем Востоке до красного диплома ЛВХПУ им. Мухиной. По роду деятельности это были «пролетарии», отличавшиеся от местных лишь отказом продавать свою рабочую силу, работавшие только на заранее оцененный конечный результат.

Среди приезжих был полный интернационал — со всех концов Союза, а местные были выходцами из старого «крестьянского» (самоназвание) населения, обосновавшегося там задолго до присоединения этих мест к Российской империи (когда при Екатерине II, как рассказывают, появились «казаки»). Если судить по исключительно чистому «грамматическому» выговору, который сейчас называют петербургским, и малому числу архаизмов («сколь?» вместо «сколько?»), это были потомки новгородцев, бежавших от властей между разгромом Новгородской республики (на чьей земле потом вырос Петербург) и Расколом (раскольникам пришлось идти еще дальше).

Итак, на перекрестке в центре села, у автобусной остановки случайно оказались эти люди (уборочная уже кончилась), все по своим делам. Кто ждал проходящего раз в сутки автобуса, кто — открытия столовой на ужин, а кто надеялся, что пиво привезут, точно не знаю.

Один из приезжих, Анатолий Аликин, известный всем заводила и мастер на все руки (интеллигент в старом понятии — следующий более своей мысли, нежели физиологическим рефлексам), для поддержания компании начал рассказывать, как он год тому назад объяснял одному (здесь отсутствовавшему) местному, что может достать (дорого — за 700 рублей!) лицензию... на отстрел коммуниста. Идет ленивое обсуждение реакции того незадачливого слушателя, как вдруг молчавший до того мастер из мехколонны, под одобрительное хмыканье и при единодушном подтверждении прогноза, произносит такую фразу: «Да если бы были такие лицензии, так уже на следующий же день последнего советского чиновничка на Ануге бы собаками затравили!»

(Ануй — ближняя речка с поймой, заросшей тополями, местная рекреационная зона.)

Вот в чем дело! **Лицензию** купить им было негде!

Похоже, нынешняя война [*я бы сказал — противостояние. — А. А.*] уже тогда была в полном разгаре. Устойчивость рассыпалась, радикальная трансформация общества, как такового, произошла уже давно (вряд ли мы даже узнаем, когда это произошло), а адаптация, возможно, тоже давно приняла форму смертельной схватки, в которой не только что адаптации к противнику (к другой системе) никакой нет, но и стремление к таковой адаптации бесследно потерялось. Потерялось настолько, что уже нет даже эмоционального отношения к «ним». Ненависти нет, просто тот, с другой стороны, из «них» — уже вне «нашего» закона. (Тут надо сказать, что в такой глухомани «идейных» членов КПСС практически не было. Не случайно была оговорка: «коммунист» — «чиновничек»). Поступать с «ними», соответственно, собирались не по своему произволу или закону, а «как получится», когда «они» все так или иначе будут выданы (по «их» закону): если лицензия будет, тогда — согласно лицензии; но можно и по-другому. Не настаивали, даже согласны подождать, «до случая»!

Стороны конфликта, порождающего грядущую перемену (во всяком случае наши «эксперты»), не нуждались в другой стороне; взаимозависимость наблюдалась только в случаях «боевого соприкосновения», обусловленных обстоятельствами театра военных действий. Они хотели быть избавлены от той, другой системы по ее собственным законам — хоть бы и по «лицензии». Вероятно, считали ее нежизнеспособной, обреченной, и не хотели брать греха на душу, главное — чтобы никаких следов ее существования в своей душе не оставалось.

Не исключено, что многие внезапные новые повороты последних 10–15 лет, демонстрирующие ожесточенную общественную борьбу ради каких-то общезначимых перемен, на самом деле — лишь внешнее махание кулаков поверх выкатившейся на улицу старой драки, скрывающий ход дела тактический маневр. А попытки, в какой-то момент, вернуть ситуацию в адаптивно-адаптационный режим могут обернуться лишь попыткой закрепить чью-то временную победу.

Еще одно замечание: поскольку в тех местах все друг друга знают, то такие открытые обсуждения могли иметь там место только при общественной поддержке их выводов. А надо сказать, что социальный статус и общественный, как теперь говорят, «рейтинг» всех участников после той беседы — не изменился, хотя я и слышал потом упоминания о ней [беседе. — А. А.] уже в других селах.

Виктор Дудченко, октябрь-декабрь 1999

Ремарка: «День открытых убийств»...

Можно не соглашаться с В. Д. в этом его рассуждении. Но и игнорировать его логику было бы неоправданно.

Ловлю себя на мысли: а что если... двадцатилетней давности шутка ануйского «шабашиника» А. Аликина, которую вспомнил мой коллега, — это «литературная реминисценция», отложившийся в сознании рассказчика отзвук происшедшего за 15 лет до этого процесса Синявского и Даниэля? Ведь в печать тогда проскользнули официозные (изобличительные) переложения «коммунистической» повести Николая Аржака (Юлия Даниэля) — «Говорит Москва», где фантазмагорическая ситуация «Дня открытых убийств» (объявленного по всесоюзному радио) представлена во всей ее жуткой обыденности, реалистичности, едва ли не с гоголевской силой.

Может, и реминисценция... А мог и сам Анатолий А. это выдумать.

Сюжет, в сущности, мифологический. Такой сюжет может «проклюнуться» и в фольклоре, и в литературе. В конечном счете, миф порождается жизнью. Разве Юлий Даниэль не от жизни «отталкивался»?! (Декабрь 1999).

Глава 2. Театр жизни на заводских подмостках (начало)

Несколько вступительных слов

Авторский цикл «Письма Любимым женщинам», датированный 1980–1981 гг., образовался из реальных писем конкретным людям. Письмо, адресованное одному корреспонденту, рассылалось (в копиях) и всем остальным.

В итоге возник «сериал», с первоначальной аудиторией 5–7 чел. Впоследствии аудитория существенно расширилась. (Апрель 1999).

...Человек играет только тогда, когда он является человеком в полном смысле слова, и только тогда является он человеком вполне, когда играет...

Шиллер (@)

...Не музыки нам нужно, не палитры и не резца, нет! — черт бы вас побрал, глунов, притворщиков e tutti quanti; мысли живые подайте, живую беседу с людьми ведите... Искренняя речь — людям — вот чего хочу...

М. Мусоргский (@)

...Каждый переделывает и изменяет самого себя в той мере, в какой он изменяет и переделывает весь комплекс взаимоотношений, в котором сам он является узлом, куда сходятся все нити...

Антонио Грамши (@)

2.1. Театр жизни и эпистолярное хулиганство

[Собрание писем открывается авторским обращением ко всем корреспондентам (июль 1980). — А. А.]

Предупреждение

Эпистолярное хулиганство — самое подходящее определение этому странному жанру!

Не дневник... Хотя есть и от дневника, с его соединением «зарубок памяти» для себя с кокетливой «исповедью для других».

Не личный архив... Хотя как иначе объяснить эти бесконечные вставки и приложения.

Уж, конечно, **не** литература... Хотя человек с литературным талантом на месте вашего корреспондента нашел бы, чем поживиться.

Не научные эссе... Хотя тут решусь утверждать, что, скажем, к социологии эти письма имеют гораздо большее отношение, чем многое из того, что ею называется.

Не публицистика... Зачем залезать на трибуну за дружеским столом?

Что-то от театра есть...

А почему бы и нет? Эдакий вот «балаган», где зрителей не больше, чем актеров. А в пределе — единственный актер разыгрывает «сцены из общественной жизни» перед единственным зрителем. Сегодня — перед одним, завтра перед другим... А собери публику — пожалуй и не сумеет.

А играть-то есть чего. И есть перед кем. Вон, Любимых сколько!.. Только перед возлюбленными-то и играть.

Вот, кажется, и осмыслил. А то перечитал подряд пяток своих писем и чуть машинку не отставил: что же это я делаю?

...И все-таки — **эпистолярное хулиганство!**

* * * В каждом письме, имеющем вполне определенного адресата, выражен свой «интим». Но, как будто, не такой, который следовало бы прятать от других Возлюбленных. Личное послание, если и компрометирует адресата, то разве лишь тем, что корреспондент может позволить себе — **так** с ним разговаривать. Сама же «драматургическая фактура» и вовсе общезначима...

Посторонний в этих листках, пожалуй, ничего не увидит... Нужно лично знать корреспондента, чтобы понять, что же тут происходит.

Это только на первый взгляд кажется, что здесь происходит нечто странное с личностью и с обществом. А на самом деле — все так, как происходит **повседневно с каждым**.

(Вот только не каждый устраивает из своей жизни «театр» или формирует сериал из личных писем.)

* * * Нравственное лицо моих адресатов исключает возможность такого использования этих писем, которое могло бы поставить автора в затруднительное положение. Но хоть пять экземпляров, а — «тираж»! Поэтому внутренний цензор побудил при перепечатке перевернуть все фамилии (кроме своей собственной, разумеется).

Так что, все написанное — и правда, и вымысел... Кому — правда, а кому — вымысел.

...Так-таки — ни для кого, кроме как для Любимых? Ну, запрета корреспондент не накладывает. Если у возлюбленных есть свои Любимые, **могут и те прочитать**. Только не советую показывать тем, кому сам автор не написал бы подобного письма, не мог бы написать...

* * * Эпистолярное хулиганство, театр жизни, социологический балаган — как ни назови — это одна из форм жизненного самовыражения. Самовыражения, осмелюсь заметить, осознанно и принципиально дилетантского.

Уж нанюхались «профессионального»!.. Науки и пропаганды, да и театра профессионального, пожалуй. Кому-то еще не надоело: и ходить в современный театр, с его репертуаром, и режиссировать, и играть в нем... И хорошо, что не надоело (или, по крайней мере, терпимо). Что бы было, если бы вдруг все профессиональные театры закрылись!

Ну, а дилетанту легче. Он играет не в чужие игрушки. Он свои строит. Гуляет, как собака без намордника...

* * *

И последнее замечание. Есть у автора одна нескромная претензия. Как ни относиться к этим «заметкам из жизненной самодеятельности» сегодня, это — **документы**.

Не «исторические», и даже не «документы времени» (масштаб не тот, да и фигура не тех масштабов), а своего рода «рентгеновский» снимок сознания человека, принадлежащего к определенному социальному слою, к определенному поколению, к определенному социально-психологическому типу людей в обществе Развитого социализма.

Так что, помру — не выбрасывайте...

Даже если предположить, что потомки научатся докапываться до тайников нашего обыденного сознания лучше, чем мы сами это умеем (а ведь не умеем!), — не грех им помочь, не слишком себя утруждая. Пожалуй, такую претензию сочинитель все же имеет.

...Это последнее замечание можно было высказать, а может — лучше было и оставить при себе.

Андрей Алексеев, июль 1980

Ремарка: нестандартный протокол.

Как видно, попробовав себя в непривычном жанре, автор вскоре испытал потребность как-то объясниться (оправдаться?) перед своими корреспондентами (да и перед самим собой...).

Случайно найденный тогда способ игрового эпистолярно-дневникового самовыражения уязвим: и с научной, и с литературной, и даже, пожалуй, с этической точки зрения.

Но, хочется думать, что, прочитав эти «заметки из жизненной самодеятельности», читатель согласится, что — ситуационно! — задача протоколирования эксперимента социолога-рабочего была решена. (Сентябрь 1999).

Как оглянешься окрест, В мире
много странных мест, А
присмотришься сурово — В мире
странном все не ново: Труд с
восхода дотемна, Да ошибок
пелена.

Сэмюэл Джонсон. Английский писатель XVII века.
(Эпиграф к фантастическому роману Кристофера Приста
«Опрокинутый мир». Иностранная литература, 1983) (©)

2.2. «Формула разгильдяйства» и вынужденная инициатива (Кто сошел с ума?)

[Ниже — первое из «Писем...» (февраль 1980). Его персональные адресаты: — Ирина Владимировна Прусс — журналист и социолог, сотрудник журнала «Знание-сила» (тогда и теперь). Живет в Москве.

— Розалина Владимировна Рывкина — социолог. В то время жила и работала в Новосибирске, ныне — в Москве. Ныне — профессор, докт. экон. наук, зав. лабораторией экономической социологии Института социально-экономических проблем народонаселения РАН.

Это и все последующие письма публикуются здесь в сокращении. — А. А.]

Здравствуйте, мои Милые!

Это письмо я адресую одновременно вам обоим. Поскольку сообщать мне двум Любимым женщинам предстоит одно и то же, зачем «тратиться на лишний конверт»? Все же приношу извинения за это коллективное обращение.

<...> Есть и еще одно оправдание такому обращению. Три месяца назад, когда управляемое людьми Провидение собрало нас троих в Москве на целую неделю, под одну надежную крышу [*в квартире Ирины Прусс. — А. А.*], нашел я, в вашем лице, столь блестящих оппонентов и «сестер милосердия», что семинару по проблемам личности А. впору было превратиться из психологического в психиатрический.

«Консилиум» так и не вынес окончательного приговора, но на всякий случай рекомендовал элеотерок, который этот странный «больной» благополучно забыл на столе... Но как же я могу теперь не отчитаться перед Тобой, Ира, и перед Тобой, Инна, за выполнение всех дружеских «врачебных» предписаний?

[Первая реакция некоторых друзей автора на его решение «сменить профессию» была: «Ты сошел с ума!». — А. А.]

Итак, читайте отчет наладчика технологического оборудования Ленинградского завода полифонических машин, или «Полифонмаша».¹ Этот непринужденный отчет можно было бы назвать: **Мнимый больной, или мудрость чудака.**

(Замечу в скобках, что исследование логики жизненного развития само по себе — предостойнейший предмет, вызывающий пристальный интерес автора этого письма в последнее время.)

* * * ...Как вы уже знаете, моя

миграция из одного социального института в другой совершилась не без трения, но мягко.

Социальный институт «Завод» проявил меньшую гибкость и способность адаптировать действия Индивида, чем «Институт», включающий в себя «гениев организации» и «светочей науки». Компьютер науки и идеологии (состоящих ныне в законном браке) недолго пребывал в ступоре. С полминуты тревожно помигав лампочками и рассчитав все мыслимые и немыслимые варианты, он выдал оптимальное решение: «Не заметить нельзя, запретить нельзя, значит — надо поддержать и помочь». Возник своего рода негласный, но очень авторитетный комитет по содействию А. Н. Алексееву в его замысле.

¹ Такой «псевдоним» был присвоен в письмах Ленинградскому заводу полиграфических машин

И уже через неделю пущенная Индивидом шутка о «патриотическом почине» вернулась к нему обратно из Директивного [*партийного*]. — А. А.] органа, без тени улыбки.

Что касается социальной машины, именуемой **Завод**, то она, при аналогичных исходных данных, целых две недели в ноябре оставалась в шоке. И вышла из него лишь под влиянием легкого «щелчка сверху». После чего оформление на работу пошло рутинным путем, без особых происшествий.²

* * *

3 января 1980 г. (а не 31 декабря 1979 г., как подсознательно намечалось Индивидом) состоялось увольнение, а 4 января — прием.

А еще через несколько дней известным постановлением, ограничивающим текучесть, дверца за любопытным Индивидом захлопнулась до 1981 г. Ибо второе увольнение «без уважительных причин» в течение года лишает непрерывного стажа.

В первый же день появления Индивида на работе начальник цеха не выразил ни поспешности, ни вообще желанья разрешать новому рабочему какое бы то ни было (не говоря уж о научном!) совместительство. И этот сюжет, как не самый интересный и, уж всяко, второстепенный, в дальнейшем изложении опустим.

* * * Формально выделяемыми

этапами истекших полутора месяцев жизнедеятельности Индивида в новом качестве были:

1) три дня **созерцания** уникального на заводе станка — пресс с координатным столом и револьверной головкой (в просторечье именуется — «ПКР»);

2) десять дней стажировки на соседнем заводе и **обучения** работе на английских станках соответствующего типа, которые там благополучно служат вот уже десять лет (а их неудачная советская копия стоит тут же... в разобранном виде);

3) месяц самостоятельной **творческой** деятельности на своем заводе по запуску ПКР КО-120 (это — представитель новейшего поколения отечественных координатно-револьверных прессов; снабжен пневматикой и электроникой; впрочем, последняя сломана во время транспортировки станка).

Стоит этот памятник научно-технической революции, соединившейся с преимуществами социализма, в цехе уже год.

(Во время написания письма я еще не знал, что этот станок стоит в цехе уже около двух лет. — Примечание 1980 г.)³

Сроки гарантийного ремонта не работающего оборудования, оказывается, истекают быстрее, чем работающего. Так что уже прошли.

По-² Об обстоятельствах поступления на завод, изложенных здесь, так сказать «метафорически», см ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»

³ Примечания 1980 г возникли при перепечатке письма, написанного от руки, для отправки его копий также и другим адресатам

пытки выпустить (отштамповать) на ПКР хоть одну партию годных деталей успеха не имели. Поскольку начальство, как видно, «не может», а рабочий в такой ситуации — «не хочет».

<...> Довольно скоро странная готовность цехового руководства принять на работу за станком человека с высшим филологическим образованием (и со степенью кандидата философских наук) проявилась как случай «цыгана, продававшего на базаре кобылу»... Но при всем разнообразии мотивов действующих лиц этого водевиля сложилась **интрига**, лучше которой не мог бы выдумать автор и режиссер этой социологической драмы. Ибо оказалась обнаружена, извлечена и освещена та самая **капля**, в которой отражается **море** социальной реальности.

<...> В том «театре абсурда», в котором все мы так или иначе играем свои роли, открывается богатое поле для разнообразных социальных и социально-психологических импровизаций. И Индивид, поняв, что ситуация — «тестовая», рассудил, что социальный **эксперимент** как метод исследования посильнее включенного наблюдения.

...Лучший способ понять некоторый механизм — это разобрать его и собрать обратно. Познавательный эффект **действия** не сравним с простым феноменологическим описанием. Не говоря уж о том, что сама по себе проблема, **что обстоятельства делают с человеком**, куда менее интересна, чем проблема, **что человек может сделать с обстоятельствами**.

Для познания системы (организации) лучше всего наблюдать последствия собственных действий с ней. Если нельзя отменить «принцип дополнительности», надо поставить его себе на службу...

* * *

<...> Уже первые недели прикосновения к новым сферам нашего многослойного (но неотвратимо движущегося к социальной однородности) общества⁴ позволили экспериментатору получить результат, который, будучи эмпирического происхождения, может претендовать на вклад в теорию. Мое нынешнее положение вполне укладывается в выведенную вашим корреспондентом **«формулу разгильдяйства»**.

(Это — цензурный вариант, аналог более точного и фонетически близкого непечатного выражения, имеющего широкое хождение в рабочей среде.)

**Разгильдяйство =
незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.**

Уже определив этих «трех китов», на которых стоит наша Земля, Индивид заметил, что введенное понятие — «разгильдяйство» — объемлет эмоциональный, когнитивный (познавательный) и волевой аспекты. То есть обнаруживается, так сказать, транзитивность с известными психологическими моделями. Это повышает уверенность в необходимости и дос-⁴ В тогдашнем обществоведении движение к «социальной однородности» рассматривалось как позитивная тенденция

таточности данного набора компонентов. Хотя само по себе «разгильдяйство» принадлежит скорее все же к системе **социологических**, а не психологических понятий.

Разгильдяйство может приобретать человеческие, теплые формы, включать в себя стихийную доброжелательность, простоту отношений, готовность к взаимопомощи, как преимущественно у рабочих. Разгильдяйство «в чистом виде» выражено в низовом руководящем звене — не столь человеческом, как рабочий класс, но не столь бюрократичном, как менеджеры [*здесь имеются в виду хозяйственные руководители. — А. А.*] и чиновники. Наконец, на более высоких ступенях социально-производственной иерархии представлена форма, густо замешанная на бюрократизме: разгильдяйство напыщенное и самодовольное, выступающее как **концепция жизни** (в отличие от разгильдяйства как самой **живой жизни**, представленной в низах).

«Разгильдяи-мертвяки» и «разгильдяи-люди», с тонкой гаммой взаимопереходов и оттенков... Хотя я предпочел бы избегать употребления этого понятия для определения отдельных субъектов. Это не обозначение человека, а **социальное качество**. Каждый человек в отдельности вроде бы и не разгильдяй, а в целом — массовое разгильдяйство!

То есть — это качество **системное**, характеристика структуры, а не каждого отдельного элемента.

Этой общей, системной, энтропийной тенденции, наглядно выразившейся в описанной выше «доэкспериментальной» ситуации внедрения новой техники (ПКР), в данном случае противостоит частная, личностная, неэнтропийная интенция. Носителем последней (опять же в конкретном случае ПКР) выступает экспериментатор, он же — **социолог-наладчик**, осторожно прикасающийся к различным кнопкам машинного и социального пультов, анализирующий последствия всякого своего действия для планирования следующих действий.

Вообще, активная жизненная позиция — «антиразгильдяйство» — является не системным, а **личностным** качеством субъекта...

Ремарка: упрощенная схема!

Разумеется, схема — примитивизирующая, сводящая все дело к оппозиции: «я — они», или «субъект — среда». В жизни — и «разгильдяйство» не универсально, и «антиразгильдяйство» не абсолютно.

То есть и «разгильдяй», и «антиразгильдяй» являются таковыми всегда в определенном отношении, в конкретных сферах жизнедеятельности; а в других — могут выступать носителями противоположного качества. (Сентябрь 1999).

...Соединение минимального производственного и изрядного научного и социального опыта составило тот потенциал, который Индивид стал реализовать, памятуя, что аккумулятор не разряжается, а подзаряжается во время движения автомобиля.

Поведение социолога-наладчика с самого начала третьего этапа (самостоятельная работа) было довольно нетривиальным, но во всяком слу-

чае органичным и, похоже, ситуационно точным. [*Самооценка хоть и комплиментарная, но реалистичная.* — А. А.] Его (это поведение) можно определить как реализацию принципа «вынужденной инициативы».

Вынужденная инициатива есть оптимальный способ существования субъекта в море разгильдяйства. В основе ее (в генетических корнях) правомерно усматривать защитную, деятельно адаптивную реакцию организма на воздействие среды. Однако низшие организмы реагируют лишь на непосредственные, сиюминутные стимулы. Высшие же организмы (к которым автор смеет себя отнести) способны реагировать на ожидаемые и предвосхищаемые стимулы.

Опережающее отражение, активная самооборона, вынужденная инициатива — есть общее в этих понятиях. Вынужденная инициатива — это инициатива, упреждающая неблагоприятные для субъекта последствия ее отсутствия. Это — адекватная ситуации активность, не меньшая и не большая, чем необходимо для реализации цели, понятной окружающим людям и не отвергаемой ими.

Понятными целями здесь являются: (1) запустить станок (оживить «памятник»); (2) не быть виноватым (за задержку пуска, за чужой брак и т. п.). Других целей у Индивида действительно нет (целей соответствующего уровня; сверхзадачи — не в счет!). [*Имеются в виду исследовательские, социологические «сверхзадачи».* — А. А.] Эти цели можно и нужно осуществлять и декларировать, декларировать и осуществлять.

Вторая из названных целей придает инициативе превентивный характер. При этом ответственность не перекладывается на других (вверх, вниз или вбок), как обычно делает разгильдяй, а строго распределяется между самим собой и окружением. Антиразгильдяйская интенция воплощается в «вынужденно-инициативных» действиях, обеспечивающих осмысленное дозирование ответственности.

Принцип **дозированной ответственности** есть существенная альтернатива практике так называемого «воспитания ответственности» (что обычно совпадает с массовой безответственностью). В зависимости от жизненной активности субъекта и особенностей ситуации, в которой он действует, человек может «взять на себя» больше или меньше, но в любом случае ответственность должна быть дозирована, а инициатива — вынуждена. Иначе его «не поймут», сочтя либо дураком, либо «себе на уме»...

Линия поведения, отвечающая изложенным выше антиразгильдяйским принципам (вынужденная инициатива, дозированная ответственность), всегда проходит по «лезвию бритвы». Успех определяется искусством осуществлять постепенное введение (с последующим закреплением) новых образцов поведения, при безусловном отказе от навязывания их окружающим.

Не «Делай как я!», а «Хочешь — делай, не хочешь — не делай. Но сначала посмотри, как я это делаю». Кстати, в сфере производственной рутины (а вовсе не социального творчества!) это давно стало азбукой рабочей педагогики. <...>

* * *

Вернусь, однако, к последовательному описанию событий. Полуинтуитивной находкой, своего рода наитием был отказ Индивида от попыток отштамповать на ПКР хоть какую-нибудь готовую деталь — в условиях абсолютной неготовности к этому не только его самого, но и станка, техпроцессов [*здесь — технической документации. — А. А.*], технологической оснастки и т. д. Такая попытка перепутала бы все факторы последующего брака, поломок инструмента, неисправностей прессы.

Черпая из своих более или менее скромных социальных, научных и производственных ресурсов, экспериментирующий наладчик перехватил инициативу у цехового технолога (благо у той — инициативы просто не было...) и стал совершать так называемые «технологические пробы».

Когда пробиваемые прессом отверстия на выбранном в качестве образца стальном листе начали уходить далеко в сторону от положенных им мест (причем на простейшей модели характер и тенденции ошибок стали очевидными), экспериментатор объявил, что дальнейшие операции со станком — бессмысленны. А необходима — проверка координатной системы.

Предпринятая им на следующий день проверка с измерительными приборами показала, что координатная (геометрическая) система ПКР установлена с ошибкой точности, в несколько раз превышающей допустимую по техническим условиям! Так на третий день самостоятельной работы этого «странного рабочего» выяснилось то, чем за целый год не удосужились поинтересоваться его предшественники...

Ремарка: без ложной скромности.

Не следует ни переоценивать, ни недооценивать проницательность новичка, каким был в то время социолог-рабочий. Минимальная стажировка на соседнем заводе все же позволила правильно оценить состояние вверенного ему оборудования.

Может и при некотором преувеличении личных достижений, ситуация в целом здесь и далее описана — по горячим следам — адекватно. (Сентябрь 1999).

...Заявление о том, что базовые линейки [*установочные планки координатного стола. — А. А.*] составляют вовсе не прямой, а тупой угол, было воспринято цеховой администрацией без удовольствия, но с разгильдяйским хладнокровием. Отвесив начальству первую дозу его ответственности, Индивид занялся опробованием операций, за которые ответственны теперь уже не геометрическая, а иные (механическая, электрическая и т. д.) системы станка.

В каждой из этих систем обнаруживалось нечто, исключающее ее (системы) нормальное функционирование. Но важно, что делалось это последовательно и с интервалами, обеспечивающими самообучение, овладение очередной технической подсистемой (ведь — «работать все равно нельзя!»).

Через неделю, когда все это перераспределение ответственности усилиями заинтересованного экспериментатора (создающего себе условия для роста собственной компетентности!) было уже осуществлено, социо-

лог-наладчик понял, что пора проявлять новую вынужденную инициативу. А именно — проверить обеспеченность техпроцессов пробивным инструментом (матрицы, пуансоны и т. д.). Как оказалось, оснастка для ПКР содержится в таком же разгильдяйском состоянии.

Вынужденный дожидаться ремонта станка, еще не вступившего в эксплуатацию, наладчик-штамповщик взял на себя функции сначала технолога, потом инструментальщика, чему никто не препятствовал...

Ремарка: бахвальство.

Вот это — уже гипербола! Функции технолога, как, впрочем, и некоторые другие «посторонние» функции, наладчику ПКР действительно довелось взять на себя, но гораздо позже. Пока же — всего лишь ознакомление с состоянием инструментального хозяйства своего станка... (Сентябрь 1999).

...На протяжении двух недель с лишним цеховой технолог Нюся Копырина⁵, загипнотизированная антиразгильдяйством своего подшефного, не успевала осваивать поступающие к ней, с отпечатками грязных пальцев, рукописные документы под названиями:

1) «Перечень недостающих (не найденных?) в инструментальной кладовой пакетов пробивного инструмента (пуансон, матрица, съёмник) для станка ПКР, с указанием ¹¹ деталей, для изготовления которых эти пакеты необходимы»;

2) «Список техпроцессов ПКР, обеспеченных шаблонами в инструментальной кладовой в цехе ¹³»;

3) «Обеспеченность техпроцессов на ПКР необходимой документацией, шаблонами, инструментом».

И, наконец, под собственное хорошее настроение: «Оперативная сводка о положении дел на технологическом фронте по ПКР (после исправления части инструмента и заказа на шпонки)».

Все эти документы имели вид самодельных ведомостей с обозначением по каждому из 30 техпроцессов в колонках: (а) годности шаблона (да, нет); (б) наличия на этот шаблон формуляра (есть, нет); (в) какого инструмента не хватает и т. п. Технолог переписывала мою информацию уже в свои ведомости и перепасовывала вверх и вбок (из-за чего в цехе иногда возникали мелкие межведомственные конфликты).

Впрочем, не только на ней начал сказываться эффект «Тома Сойера, который красил забор». <...>

[Здесь опущено описание, в том же стиле, еще нескольких «подвигов», или эпизодов борьбы наладчика ПКР с «негэнтропийными» тенденциями в инженерной подготовке производства. — А. А.]

* * * <...> Итак, в противоположность «не нашему» *[ситуативный смысл:*

принадлежащего «буржуазной социологии». — А. А.] методу включенного на⁵

В «Письмах...» использовались почти исключительно псевдонимы

блюдения, наладчик координатно-револьверного пресса цеха ¹ 3 «Полифонмаша» предлагает в качестве методической новинки наблюдающее **включение** (окружающих) в собственную и коллективную деятельность.

Это — сознательное, контролируемое субъектом, включение новых факторов в наблюдаемую реальность, с готовностью испытать непосредственно на себе их обратное влияние. Такое введение в действие новых факторов, поскольку осуществляется человеком, который знает, чего хочет (в данном случае — запустить станок), не является беспорядочным, случайным. Средства подчинены цели, а не наоборот. Причем импульс исходит не сверху, а **изнутри и снизу**. <...>

Например, после месяца ожидания регулировки механической части станка (что должен делать вовсе не он, но те, кто должен, не делают!) социолог-наладчик отправляется на «родной завод» (где он проходил стажировку) и получает там консультацию. А на следующий день ставит цеховую администрацию перед фактом, что со станка сняты все кожуха. И приглашает начальника тех. бюро цеха принять участие в необходимой регулировке. Тому деваться некуда. Полдня провозились вместе. Проблема была, на первый случай, решена.

Так происходит постепенное принятие на себя ответственности, напоминающее спуск автомобиля с горки, но не с отпущенными тормозами, и даже не на тормозах, а, как говорят шоферы, — **на скорости**. То есть — с включенным сцеплением, когда колеса тормозятся самим двигателем. Последний, однако, вынужден наращивать обороты, под действием разогнавшейся машины.

(Известно также, что при севшем аккумуляторе можно завести автомашину, спуская ее с горки, с включенным зажиганием. Ей придется завестись, если, конечно, есть бензин.)

Такое расширение зоны собственной ответственности, подогреваемое заинтересованностью и опирающееся на растущую компетентность, осуществляется... также дозированно! И является естественным развитием стратегии и тактики «антиразгильдяйского» поведения в разгильдяйской среде. [*Опять — примитивизирующая схема! См. ремарку выше. — А. А.*]

По всем классическим правилам и канонам включенного наблюдения следовало бы «слиться со средой», пассивно приспособившись к ней, и наблюдать за естественным ходом событий. И что бы «наблюли»? А лишь процесс гниения, вкпе с самим загнивающим наблюдателем. [*Пожалуй, неплохо сказано! — А. А.*]

Как видите, с совершенно неожиданной стороны приходит подтверждение и новая интерпретация известного тезиса о партийности науки.

* * * Но что же было дальше? Тоже

очень поучительно. В середине третьей недели самостоятельной работы наступил момент, когда у социолога-наладчика как будто иссякла фантазия по дозированному перераспределению функций (и ответственности) в свою пользу. Это усугублялось тем,

что «все зависящее от него он начинал и кончал», а «все зависящее от начальства даже и не начиналось».

Тогда Индивид испытал органическую потребность в новой вынужденной инициативе, сопоставимой с известными действиями **Балды**, посредством веревки на берегу моря (сказка Пушкина).

6 февраля была составлена и запущена «Служебная записка», которую прилагаю. [*Здесь эта записка опущена. — А. А.*]

Служебная записка начальнику цеха от наладчика ПКР была предварительно продемонстрирована пенсионеру-инструментальщику Степану Филипповичу, у которого писалась на глазах. Тот оценил ее как разумную предохранительную меру. Потом текст был показан цеховому технологу, которой оставалось только со всем согласиться. Следующим читателем был начальник тех. бюро, Авдейчиков, который, вздохнув, сказал, что его **мощи** не хватает, а «дело есть дело» (т. е. никаких обид).

Однако до начальника цеха рабочему дойти не дали. Сказали, что сначала надо обязательно к заместителю. Тот же оставил служебную записку у себя — для передачи начальнику. (Начальник цеха С. позднее заметил в разговоре, что не привык получать служебные записки от рабочих).

Через три дня прислали «главного проверяльщика» нового оборудования, контрольного мастера из РМЦ [*ремонтно-механический цех. — А. А.*]. Вместе с ним были произведены все положенные по паспорту станка контрольные процедуры технической приемки и выяснено, что базовые линейки действительно составляют тупой угол. Причем с тем самым отклонением от прямого в 0,4 мм (а разрешено — 0,05!), какое было определено инициатором этой проверки еще три недели назад. Вообще же, ни по одному из шести заданных параметров координатная система в нормативы не укладывается, и все параллельные линии рано или поздно пересекаются (т. е. «по Лобачевскому», а вовсе не «по Эвклиду»!).

В тот же день на стол начальника цеха лег акт технической приемки. В нем удостоверялось, что станку (еще не работавшему!) необходим глубокий и ответственный ремонт. И вообще это уже прерогатива чуть ли не главного инженера завода.

(Примечательно, что на английских станках потребность в переустановке базовых координатных линеек возникла лишь на десятый год работы. Мне повезло присутствовать при этой сложной операции на заводе, где проходил двухнедельную стажировку.)⁶

Так прошли свои «полевые испытания» выдвинутые и проведенные вашим корреспондентом принципы вынужденной инициативы и дозированной ответственности. <...>

* * * Самый надежный способ
управления снизу — это когда вышестоящий

разгильдяй принимает вынужденное для себя (но предусмотренное подчи-

⁶ См ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»

ненным!) решение, как свое собственное (если все условия для этого самим подчиненным созданы). Своего рода — «дистанционное управление»...

Тут надо сказать, что плановый или — того хуже — внеплановый ремонт станка местными некомпетентными силами поставил бы под вопрос сам факт запуска ПКР (не говоря уж о сроках!). *[Ремонтная служба цеха никогда не имела дела со станками этого типа. — А. А.]*

Тогда был избран выход, на который Балда давно намекал, — пригласить «левака», т. е. мастера-аса, обслуживающего по геометрической части английские станки на соседнем заводе. Теперь начальство уже само попросило социолога-наладчика разыскать и пригласить этого аса для переговоров.

...Поистине мое **наблюдающее участие**⁷ — куда более эффективный и продуктивный метод, чем участвующее (включенное) наблюдение! И в научном, и в практическом отношениях...

Смею думать, что это не только метод исследования, но и «метод жизни», заслуживающий разработки.

* * *

Еще несколько замечаний.

Чем ниже по лестнице социальной иерархии, тем в более светлые и теплые тона окрашивается разгильдяйство (в отличие от «угрюмого» разгильдяйства высокого начальника). Собственно, внизу разгильдяйство очень избирательно, а в трудовых контактах работающих рядом людей часто превращается во взаимную доброжелательность и непринужденную... ответственность (т. е. как бы в собственную противоположность!). Сергей Р. *[С. М. Розет. — А. А.]*, социолог-слесарь (в отличие от социолога-наладчика), рассказывал, как его товарищи без лишних разговоров исправляли допущенный им, по неопытности, брак, чтобы не пострадали ни сам Сергей (в зарплате!), ни репутация участка. Очень сложный и, в рамках отмечавшегося выше «системного» качества, разумно организованный мир взаимных зависимостей и ответственностей...

<...> Интерес к человеку среди рабочих — это интерес скорее не к личности, а к **живой душе**. Ну, как если бы кошка мяукала — надо дать молока или выпустить на двор. Зовет человек — подойдут, спрашивает — покажут, просят — дадут. Вызывает раздражение та кошка, которая мяукает беспричинно (бывают такие вздорные животные!). «Кошка», знающая чего ей надо, встречает понимание.

Отсюда правило (если угодно, практические рекомендации новичку): сначала подумай, потом спроси; не спрашивай второй раз того же самого; ищи помощи, когда действительно исчерпал свои собственные ресурсы.

В течение нескольких дней социологу-наладчику таким образом удалось обзавестись тем минимумом полезных приспособлений, которых не спросишь в инструментальной кладовой, но без которых не проживешь. Например, медный пестик, которым можно колотить по любому сталь-⁷ «Наблюдающее участие»... Кажется, первое, спонтанное употребление этого словосочетания, **нечаянное** изобретение термина

ному предмету, без боязни повредить его или пострадать самому. Или подходящий (тоже медный!) стержень для выталкивания пуансонов из пуансонодержателей.

Давалось это всегда по конкретному поводу, для данного случая, но... **навсегда**. Так что больше повода для затруднений в соответствующем деле не возникало.

К четвертому или пятому дню, при убывании частоты обращений Индивида к окружающим и при возрастании частоты обращений окружающих к нему, эти две величины сравнялись. И образовался некий «баланс общения». Вообще же, при отсутствии условий и необходимости, можно месяц проработать рядом с человеком и лишь обмениваться кивком при утренней встрече. А при наличии повода или необходимости — можно «прообщаться» с ним целых полчаса.

В условиях общепризнанного начальственного разгильдяйства рабочие предпочитают использовать прямые производственные связи. Если, скажем, мне для оснащения станка нужны шпонки и кому-то поручено их делать, то этот кто-то придет и спросит, «устроят ли тебя такие» или «как тебе удобно» (т. е. какой размер надо строго выдержать, а на какой начхать). В следующий раз и я уже постараюсь обойтись без посредников... И сначала спрошу у вероятного исполнителя, может ли он это сделать, а потом согласую вопрос с начальством.

Есть особая прелесть в непосредственных связях по формуле: **«Как тебе удобно»**. Они возможны в отношениях только по горизонтали, исключающих необходимость «дистанционного управления»...

Ремарка: «Как тебе удобно...»

Пожалуй, это первое зафиксированное в тексте наблюдение социолога-рабочего, относящееся к проблеме внеформальной производственной активности и рабочей самоорганизации.

Впоследствии это станет предметом специального рассмотрения в «Письмах...».⁸ (Сентябрь 1999).

* * * <...> О социальном

происхождении экспериментатора уже известно всем, кто удосужился об этом спросить. Вызвать замешательство это могло разве что у администрации, и то на первых порах. Не придуманный мотив смены обстановки («отдыха от учрежденческой суеты») удовлетворяет всех. Человек оценивается по его поведению, а не по происхождению. Его ситуация водолаза, пытающегося извлечь со дна морского затонувший корабль, вызывает куда больший интерес, чем анкетные данные. Что касается интереса самого социолога-наладчика к окружающим, то этот интерес не выходит за пределы встречного. Обо мне знают примерно столько же, сколько я о других. И узнать больше я пока не стремлюсь...

⁸ См в главе 3: раздел «Наладчик и бригада...»; в главе 5: раздел «Бешеная халтура, красивая деталь...»

Разумеется, Балда состоит на всяком там профсоюзном и партийном учете. Цеховой комитет проштамповал рабочему ¹ 03445 разрешение на трехмесячное совместительство, против которого уже не стал возражать начальник цеха.

(А по просьбе профессора Ладова [В. А. Ядов. — А. А.], подкрепленной официальным отношением института, заводской отдел кадров умудрился разрешить совместительство на целый год. — Примечание 1980 г.)

Было бы ненужным бахвальством [*предыдущее бахвальство было, конечно же, «необходимым»*... — А. А.] утверждать, что социолог-наладчик не допустил за этот месяц ни одной технической ошибки. Пять пуансонов в ходе проб все-таки сломаны, из них два — по прямому указанию технолога. (Автор считает сегодня это заявление не благородным. Примечание 1980 г.). Похвалиться могу лишь тем, что ни одна из совершенных ошибок не была повторена. [*Все-таки «похвалился»!*.. — А. А.]

Все эти ошибки были потом резюмированы в «Инструкции по технике безопасности», составленной наладчиком ПКР самим для себя — тоже вынужденная инициатива, иначе ему пришлось бы расписываться за выполнение тех правил (из добытой на соседнем заводе инструкции), которые справедливы для английского станка, но категорически противопоказаны для советского. Фрагмент из этой инструкции, которую передал начальству в опечатанном на собственной машинке виде, прилагаю. <...> [*Здесь это приложение опущено.* — А. А.]

Ремарка: письма с приложениями.

Вообще, почти ни одно из писем социолога-рабочего не обходится без «приложений», в качестве которых часто выступали деловые документы: служебные записки, замечания по технологическим процессам, акты производственных испытаний и т. п. Некоторые письма состояли почти исключительно из «приложений». (Сентябрь 1999).

* * *

Итак, этот социолог-расстрига и «странный рабочий» ⁹ в новой ситуации не играет ничьей роли, кроме **своей собственной**. В этом, кстати, залог его душевного комфорта и внутрикollectивного благополучия.

...В социологических кругах предметом живейшего интереса является «феномен А.». Будто бы тот изобрел «философский камень» и превращает социологическую бронзу в золото. Всякому хочется потрогать за шерстку этого экзотического зверька, чтобы убедиться, что мех настоящий... На самом деле, это — всего лишь одна из естественных форм реализации философии **осмысленной жизненной активности** (которую ваш корреспондент склонен исповедовать, не спеша формулировать). Это — жизненная стратегия строгого подчинения цели — Смыслу (при максимальной конкретизации осмысленных целей).

Что касается тактики, то мне остается завершить «любомудрствова-ние»

постулированием последнего принципа — **социально-опережающе-⁹**

Наиболее употребительным самоопределением в то время у автора было: «социолог-наладчик»

го поведения. Имеется в виду создание и опробование новых образцов поведения, адаптация их к системе и адаптация системы к ним.

Выживший образец поведения становится **социальным прецедентом**, после которого и относительно которого не столь диким становится чуть опережающий уже и этот прецедент новый шаг. (Своего рода выращивание «генофонда» образцов социального творчества.) Нет ничего удивительного в хорошем настроении вашего корреспондента, чувствующего себя кем-то вроде селекционера, которому вроде бы удастся новый сорт.

Разумеется, речь идет о внедрении образцов поведения, отвечающих представлению экспериментатора о возможном и желательном — таком, что адекватно ситуации, но не воспроизводит, а **преобразует** и формирует ее.

Но оставим эти экзистенциальные и социологические сюжеты до встречи. <...>

* * *

В заключение позволю себе развлечь милых корреспонденток некоторыми сопоставительными данными самофотографии жизненного времени по известной Вам методике.¹⁰

Сравнению подлежат: январь-февраль 1979 г. и 50 дней 1980 г. (т. е. январь + 20 дней февраля). Для фона приведены данные за весь 1979 г. (учитывающие время отпуска и т. д.). Расчет — в часах среднесуточного времени. <...>

[Здесь опущены табличные данные. — А. А.]

А теперь — данные о «времени творчества» по месяцам. 1979 г.: январь — 3,8 час. в сутки; февраль — 3,4; март — 3,9; апрель — 2,3; май — 1,5; июнь — 2,5; июль — 5,1; август — 1,5; сентябрь — 0,8; октябрь — 1,6; ноябрь — 1,4; декабрь — 2,7. В среднем — 2,5. 1980 г.: январь — 3,2; февраль — 4,8 (в среднем за 20 дней).

Переструктурирование жизнедеятельности — в последние 2 мес. — происходит не только между зоной вынужденной (инструментальной) деятельности и зоной свободной (осмысленной) деятельности (в пользу последней), но и внутри самой «зоны свободы»: творчество, восприятие, общение.

Причем сами эти определения наполняются новым содержанием!

Например, в «творчестве» исчезает господство письменных текстов, в «восприятии» — так наз. профессионального и общекультурного восприятия; повышается удельный вес «иногo» творчества и «иногo» восприятия. <...> Пожалуй, здесь можно говорить о движении в сторону гармоничного развития личности от гипертрофированного профессионализма.

(Чтобы уж совсем не выглядеть в глазах Инны «рenegатом», признаюсь, что две «профессиональные» работы (не считая промежуточных результатов) за эти 50 дней все же выполнены. Одна — статья об использовании качественных методов в исследовании образа жизни; другая — о разработке частотных словарей как поисковом этапе контент-анализа.)

Разумеется, и это письмо я не отношу к разряду нетворческих занятий...

¹⁰ Об ауторефлексивной методике «Время жизни» подробно см. в главе 6: «Человек, смотрящийся в часы...», и др. разделы

Добрый миллион «творческих личностей» занимается на работе тем, что с души воротит, а после работы возятся с машиной. Почему бы не наоборот — на работе возиться с машиной, а после работы — заниматься чем хочешь?

На этой прозаической (что имел в виду, употребляя это слово? скорее всего, ничего не имел в виду. Примечание 1980 г.) ноте закончу свой отчет, полагая доказанными выдвинутые выше тривиальные и нетривиальные предположения.

Ремарка: хорошее настроение!

Пожалуй, жизнеощущение автора в тот период лучше всего может быть выражено французским: bon humeur — «хорошее настроение». (Сентябрь 1999).

* * *

Перечитав письмо, нахожу, что некоторые высказанные в нем философско-социологические соображения представляют не сугубо-личный интерес.

А именно: «формула разгильдяйства», принцип вынужденной инициативы, принцип дозированной ответственности, метод наблюдающего участия, практика «дистанционного управления» снизу, постулат социально-опережающей деятельности... Равно как и отдельные наблюдения касательно «соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма».¹¹

Так что я даю согласие на использование этого письма в журналах «Знание-сила» или «ЭКО» (смотря какая редакция больше заинтересуется) — разумеется, с сохранением авторского надзора.¹²

(Ну, тут автор увлекся! Предупреждением к комплекту этих писем настоящее заявление денонсируется: «письма — только для друзей...». Примечание 1980 г.).

За фактическими справками можно обратиться к ¹ 6 «Экономической газеты» за 1980 г., где вкладыш «Страницы передового опыта» посвящен моему предприятию, а одна из статей — принадлежит бригадире той самой комплексной бригады, среди верстаков которой (по «формуле разгильдяйства») установлен мой станок, коему полагается размещаться (как, скажем, координатно-расточному) в изолированном помещении.

В общем, я не сомневаюсь как в изобретательности, так и в такте моих корреспондентов.

И уж совсем в заключение уместно процитировать «неизвестного поэта»:

... Не бойтесь заново начать,
Не бойтесь вовремя бросать,
Не бойтесь начинаться...

(К сочинению этих строчек автор письма имеет косвенное отношение, но, смею заверить, не в качестве автора, равно как и не в качестве адресата.)¹³

¹ Это — одна из стандартных, весьма популярных в свое время формул советского общества ведения

² В оригинале письма названия журналов были обозначены «псевдонимами»

³ Эти стихотворные строки принадлежат С. Ф. Минаковой

* * *

Это письмо может рассматриваться как ответ на запрос Инны — «как идет ОЖ¹⁴ после 3 января...». Похоже оно не поспеет к ее защите.¹⁵ Но, надеюсь, застанет в Москве. И все же — ни пуха, ни пера!

Любящий вас социолог-наладчик (Балда; Тиль Уленшпигель), 15.02.80

Ремарка: это был — манифест!

Первое письмо, как бы ни относиться к его форме, было своего рода профессиональным, а также жизненным «манифестом» социолога-рабочего на начальном этапе эксперимента.

Я попытался здесь, по ходу дела, откомментировать этот текст — для прояснения своего современного отношения к тогдашней ситуации, своему месту в ней и тогдашнему способу их отображения.

Соответствующего комментария заслуживают и остальные «Письма...». Но впредь ограничусь минимумом примечаний и ремарок, предоставив читателю, при желании, заняться этим самому. (Сентябрь 1999).

...Игра есть добровольное действие либо занятие, совершаемое внутри установленных границ места и времени по добровольно принятым, но абсолютно обязательным правилам с целью, заключенной в нем самом, сопровождаемое чувством напряжения и радости, а также сознанием «иного бытия», нежели «обыденная жизнь»...

Й. Хейзинга. Homo ludens. В тени заетрашнего дня. М., 1992, с. 41.

...Сцена представляет зрителю события правдоподобно выдуманные; жизнь, предположительно, преподносит нам события реальные и обычно неотретированные...

И. Гофман. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000, с. 30.

...Личностное знание — это интеллектуальная самоотдача, поэтому в его претензии на истинность имеется определенная доля риска. Объективное знание такого рода может содержать лишь утверждения, для которых не исключена возможность оказаться ложными. Все утверждения, которые вы найдете в этой книге — это мои личные свершения, плоды идей интеллектуальной самоотдачи. Они претендуют на это и только на это...

М. Полани. Личностное знание. На пути к посткритической философии. М., 1985, с. 19. (@)

2.3. «Чем дальше, тем страшнее...» (Мастер и подмастерье)

[Персональный адресат этого письма (март 1980) — Нина Яковлевна Шустрова, экономист-социолог, зоозащитник. Живет в Санкт-Петербурге. Напомним, что Н. Ш. — одна из авторов методики «Ожидаете ли Вы перемен?».¹⁶ — А. А.]

¹ «ОЖ» — аббревиатура «образа жизни» Тогдашний профессиональный варваризм

⁵ Имеется в виду защита Р В Рывкиной докторской диссертации

⁶ См ранее, в главе 1: раздел «Ожидаете ли Вы перемен? (несколько вопросов о перспективах исторического развития)»

Дорогая Нина!

Московские адресаты первого из серии «Писем Любимым женщинам» (содержание которого Вам известно) еще не успели придти в себя от непривычной эпистолярной активности своего корреспондента. Автор же озабочен обеспечением: (а) преемственности своих отчетов; (б) их своевременности.

Поэтому прошу Вас принять этот пакет, с предпринятым «специально для Вас» (психологический прием лектора или актера, играющего как бы для одной единственной симпатичной ему зрительницы — «справа, в третьем ряду») изложением событий, последовавших в поле эксперимента социолога-наладчика, в течение месяца, со второй половины февраля по настоящее время.

* * *

Первое письмо имело отчасти полемический характер. Субъект словно хотел убедить своих корреспонденток, что он больной — «мнимый», а чудака — «мудрый». Теперь здравомыслие социолога-наладчика уже не подлежит сомнению. Более того, с момента позитивного (от цехкома до Управления кадров АН СССР!) решения вопроса о совместительстве рабочего «Полифонмаша» в Институте социально-экономических проблем, в качестве ст. научного сотрудника, приходится признать, что этот «альтруист» ловко устроился.

(Кстати, суммарная зарплата Индивида, в конечном счете, с апреля 1980 г., похоже, вырастет по сравнению с прежним, монопрофессиональным состоянием рублей на пять. Право, если бы не получилось нечаянно, это стоило бы «спланировать»; но именно в случае преднамеренности наверняка не вышло бы.)

Вообще, наше общество, поднимающее на щит **целеустремленность** как прогрессивный момент развития (будь то для социального института или для личности), вот уже которое десятилетие попадает впросак. Во-первых, цели не достигаются. Во-вторых, подчинение деятельности внешним условиям, не зависящим от субъекта, способствует ее (деятельности) обесмысливанию.

Подлинно эффективной может быть лишь осмысленная деятельность. Ибо ее эффективность не зависит от «презренного» соответствия результатов отдельным целям. И тогда становится возможной относительная гармония целей и средств. Ни цели, ни средства не могут рассматриваться как мера деятельности, а только — **смысл!**

Спускаясь с этих философских высот в «прозу жизни», скажу, что, в частности, в вопросе о совместительстве ваш корреспондент следовал принципу, который можно назвать принципом **потворствования судьбе**.

Суть принципа состоит в том, чтобы не мешать событиям развиваться в благоприятном для субъекта направлении. То есть — не совершать таких действий, которые сделали бы соответствующий поворот событий невоз-

возможным. Но и не уклоняться от таких не обременительных самому себе действий, которые являются для данного поворота непременным условием.

Эдакое «laissez-faire» [*понуистительство*. — *фр.* — *А. А.*], под контролем, опять же, смысла. Истинными являются те победы, которых не ищут, но которым снисходительно позволяют прийти.

(Есть, пожалуй, в этой позиции что-то «паучье». Муха влипнет в паутину, если полетит в этот угол. Но если она полетит в другую сторону, то добыча минует паука, но не потому, что его паутина была дырявой.)

Впрочем, уже ради одного того, чтобы получить в отделе кадров справку-разрешение на то самое совместительство, где, среди прочего, указано: «за увечья, полученные в процессе работы (это — на профессионально-социологической ниве академического института!), наша организация (т. е. завод) ответственности не несет», — стоило хлопотать о совместительстве...

* * * А «памятник»-то стоит! И чем дальше, тем яснее, что не в Балде дело, а в Попе. Поп же получил пока только первый «щелчок», в виде организованного Балдой акта технической приемки.

(Кстати, на днях социологу-наладчику удалось познакомиться с прошлогодним актом, датированным как раз февралем. Похоже, что завод-заказчик закрывал глаза на брак завода-изготовителя — в благодарность за то, что изготовитель «не заметил», что заказчик этот станок разок уронил... Уже в этом году, в соседнем цехе, также уронили новый координатно-расточной станок.)

<...> Вот еще один принцип управления Ситуацией, целиком и полностью взятый из жизни. Принцип **эксплуатации прецедентов**.

Прецедент, например, состоит в том, что социолог-наладчик вынужденно устроился в инструментальной кладовой для переборки оснастки своего станка и ее каталогизации. Но ведь никто не знает, где кончается одна «вынужденность» и начинается другая... Инструментальщик-пенсиянер, которому нравилось обсуждать с новым соседом вопросы внутренней и международной политики (кстати, безо всякого на то с моей стороны повода!) и которому было поручено исправлять выявленный наладчиком ПКР брак оснастки, уходя в отпуск, показал, как это делать. Вторая «вынужденность» состояла в том, что «Степан Филиппович попросил»... И кладовщица привыкла.

А когда неисправной оснастки не осталось, а Балде уже и у станка (до начала ремонта) делать нечего, так он уж и начальству объявил, что **вынужден** заняться чтением технической литературы.

Но ведь не посреди же цеха, где люди **работают!** А когда вроде все, что было под рукой, перечитал, то занялся писанием предыдущего письма. И это — там же, в инструментальной кладовой! Ибо ключ от кладовой у меня есть. И — **прецедент**. Будто кто-то велел. Будто... так надо (писать письма на простое).

Время от времени наладчик обновлял на станке записку: «Алексеев (ПКР) — в инструментальной кладовой. Прошу позвать». Потом в записке надобность отпала. И так все знают, где его искать, если понадобится.

<...> Право на откровенное, даже демонстративное безделье приобретает осмысленным, не показным трудолюбием. Когда Балде есть что делать, он весь погружен в работу. Кстати, интерес к работе наладчика ПКР среди окружающих растет. Ему дают инициативные советы — не чтобы его выручить, а, так сказать, «внести свой вклад». Ему дарят инструменты. Говорят, где чего добыть про запас...

Ситуация **Тома Сойера, который красил забор**, разворачивается почти что в литературном блеске.

<...> Одно внутриспихологическое наблюдение. Человек всегда предпочитает адекватную ситуации деятельность. Скажем, чтение на работе, пусть даже технической литературы (если это, конечно, не описание данного станка), не адекватно производственной ситуации. Приходится — «прятаться». Ну, хотя бы в той же кладовой. Ситуация безделья — самая неловкая, неблагоприятная для рабочего (хотя бы чисто психологически).

Недавно всю нашу смену из-за нехватки электроэнергии днем перевели на две недели в ночь. Первую ночь Балда даже не подходил к станку. Писал в кладовой письмо и читал Сименона. Инструментальщиков рядом нет... Хотя спи, только не на чем, **скучно** — без дела! Вторая же ночь прошла с **радостью**. Ибо придумал себе работу: сделать то, что потом пригодится. (Ситуация сельского хозяина, которому всегда найдется, какую доску прибить в собственном доме.)

Эту ночь даже не заглядывал в кладовую. Снял с координатного стола ПКР все детали с острыми углами и обточил на радиус. Потом установил, вполне удачно, один из микроскопов (тот, у которого уцелела лапка с рискной). Чем обеспечил еще один способ проверки координатной системы.

Каждая из работ была маленькой технической задачей. Приступая, знаешь, чего хочешь, а способ достижения открывается на ходу. Там же, где и способ очевиден, отраден результат: теперь будет **удобно**. Себе удобно! Дело сделал. <...>

* * *

Коль скоро затронута тема **отношения к труду**, разовью ее еще на материалах систематизированной рефлексии, каковой является методика «**Время жизни**».

<...> Итак, новая жизненная ситуация обусловила:

а) расширение зоны свободной (осмысленной) деятельности; б) увеличение доли творчества в этой зоне; в) обогащение структуры творчества принципиально новыми формами (социальное и техническое); г) не сокращение, а увеличение времени традиционного (для данного субъекта) письменного социологического творчества. (Последнее имело своим результатом 4 печ. листа профессионально-научного текста, никак не связанного с заводской ситуацией. Не говоря уж о настоящих «Письмах...».)

Но я начал это рассуждение с вопроса об отношении к труду.

Спрашивается, что может выступать «предметом труда»? Оказывается, 9 лет назад в журнале «Знание-сила» (1971, ¹ 9) Ваш корреспондент додумался утверждать следующую банальность:

...**Кому** или **чему** исследователь может задавать вопросы?

Если отвлечься от «естественной среды», от природы, можно сказать, что человек окружен миром **людей, вещей и текстов**. Обратим здесь внимание на два обстоятельства. Во-первых, это «искусственная среда». Человек как общественное существо окружает себя ею сам: он «производит» людей, вещи и тексты. Во-вторых, мы включили в наш список только объекты, которые могут быть чувственно восприняты.

Нам скажут, а как же «мир идей», «мир отношений», «мир институтов», как же все остальные понятия социальной науки?

О да, все это тоже окружающая человека среда. Но попробуйте «чувственно воспринять» то, что мы называем миром отношений. Нужно, чтобы они были **объективированы**, а для этого нет других способов, как воплотить «идею», «отношение» и прочее в «человеке», «вещи» или «тексте». Только через них происходит наш контакт с социальной действительностью...

Дальше идет рассуждение о «человеке в мире текстов» (статья в журнале называлась — «Контент-анализ: очевидные свидетельства неочевидного») и это уже не так интересно.

В свете сказанного, чувственно воспринимаемыми предметами человеческого творчества могут быть: **люди, вещи и тексты**. Бог мой, да я обрел полную структуру творчества!

Целостная, не урезанная структура обогащает каждый из своих элементов. Социальное (люди), предметное (вещи) и духовное (тексты) творчество, в «гармоничном» (не люблю это слово, потому — в кавычках) переплетении, способствует формированию нового (ах, простите, коммунистического!) отношения к труду, субъектом которого, милая Нина, является Ваш нескромный корреспондент.

Стоит ли удивляться, что духовный (научный и т. п.) потенциал стимулирует самореализацию в процессе наладки станка? Равно как вещественная, техническая и т. п. активность не глушит, а подзадоривает духовное (гуманитарное) самовыражение. Да все это еще вкупе с социальным экспериментированием, творчеством новых образцов поведения и т. п. «играми». Вот такая «эврика»...

Итак, предпосылкой развития творческого потенциала личности является обогащение труда, расширение круга объектов труда и творчества. Но — не в одной единственной сфере (которая редко когда может предоставить возможность охвата полной структуры бытия в качестве предмета труда!), а параллельно в **разных** сферах.

Всевозможные культурные хобби иных людей физического труда и садово-огородная активность иных интеллигентов — все это есть интуитивный поиск **гармоничной** структуры труда. Но, как правило, этот поиск заканчивается неудачей. В условиях обычной несвободы профессиональной деятельности вместо механизма гармонизации включается компенсаторный механизм.

«Хитрость» вашего корреспондента состоит в таком выборе и перераспределении сфер приложения сил к различным областям труда, при котором каждая сила оказывается максимально (разумеется, относительно!) **раскрепощенной**.

(«Хитрость» эта, понятно, всегда должна быть личностной и ситуационной. Но сама по себе межпрофессиональная и даже межклассовая миграция может, по-видимому, рассматриваться как эффективное средство: а) самосохранения личности, б) ее гармонизации, в) развития творческих сил, г) формирования нового отношения к труду. Не говоря уж о «вне-личностных», социальных эффектах.) <...>

* * *

Но пора вернуться к заводским сюжетам. Интрига прошлого письма обрывалась на состоявшемся приглашении мастера-аса с соседнего завода (назову его — Бубликов)¹⁷.

По счастью, тот как раз уходил в отпуск, никуда не уезжал и мог заниматься этой работой в дневное время.

...Бубликов поглядел на «памятник», стоящий в нашем цехе, нанеся визит заместителю начальника цеха Кабаковцеву, потом был отведен к главному механику завода.

Поведение всех участников этих переговоров было взаимозондирующим. Никто не хотел брать на себя инициативу требований или обещаний относительно оплаты. Каждый из заводских работников ссылаясь на другого и информировал приглашенного специалиста о своих служебных взаимоотношениях (что тому было совершенно не интересно!). По окончании переговоров Бубликов определил наше начальство одним словом — «валенки».

Но и сам мастер проявил себя как человек не слишком деловой. Вообще, на Руси не умеют ставить условия. Поскольку справку с разрешением на совместительство Бубликов представлять отказался, решено было, что эту работу проведут по статье «исследования» (что, пожалуй, отвечает задаче ремонта грохнутого при транспортировке станка). Легкомыслие моего мастера заключалось в предположении, что работать ему придется от силы неделю. Но вот прошло уже больше недели, как он этим занимается, а конца еще не видно.

Русскому умельцу, в отличие, скажем, от немецкого, свойственно недоверие и пренебрежение к документам. Если телевизор погас, он сначала постучит по крышке (вдруг оживет!). Потом снимет заднюю стенку. И уж только после этого поинтересуется техническим паспортом.

Наш мастер вроде бы исходит из предположения, что все, кроме того, что он взялся чинить, — в порядке. Когда оказывается, что не только верхушка заплесневела, но и основа гнилая, он воспринимает это как неожиданное надувательство.

¹⁷ «Бубликов» Он же — Володя К в главе I: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»

Если рефлекслирующий подмастерье говорит — а вдруг самая главная линейка кривая, действующий мастер отвечает — лучше этого не проверять! Потому что тогда уж ничего не попишешь. И давай-ка мы остальные линейки подшлифуем, а потом попытаемся все хорошенько отрегулировать.

<...> Мастер чувствует десятые миллиметра как бы в пальцах. Но в какой-то момент он сталкивается с проблемой: чтобы подвинуть пробиваемую станком дырку на 0,2 мм, надо перекосить подшпипники пантографа аж на 2 мм. Вот что получается при кривой «главной линейке» (или еще из-за чего-то).

Бубликов с лихостью решает проблемы, перед которыми встанут в тупик местные разгильдяи. Но не без разгильдяйства (тульского Левши) и в нем: а вот возьмем, да и подкуем блоху без микроскопа!

Ан нет, не подкуешь блоху, если у нее ноги обломаны. И «Левше» придется искать эти ноги у блохи на спине и перепавать их к брюху (метафора!).

<...> Мой Мастер (попробую писать с большой буквы), конечно, прав, что озабочен конечным результатом. Те или иные отклонения от правил он подразделяет на две категории: «это — х-ня!», а это — «не х-ня!». В сущности, на том же принципе строится вся технологическая система допусков. Но чем дальше, тем больше вся эта производственная эпопея напоминает известную быль (анекдот?), как в Одессе, кажется, отлили памятник... с двумя кепочками — одна в руке, другая — на лысине.

В условиях социалистического производства сделать все «как надо» невозможно. В иррациональной системе эффективны скорее иррациональные действия, казалось бы. Но «чуда» не происходит. На третий день Мастер догадался заглянуть под координатный стол и обнаружил: четыре мощных болта, которыми этот стол соединяется со станиной, просто вставлены и не завернуты.

Удивляемся, почему робот не ходит, а у него просто ноги не прикреплены к туловищу (опять метафора!).

Вся предшествующая ловля десятых миллиметра — насмарку! Болты забыли завернуть еще год назад, при установке ПКР. И ведь почти полгода мой предшественник пытался (безуспешно) производить на станке детали! («Умный» Балда ограничивался технологическими пробами).

Вызванные немедленно вышестоящие разгильдяи не удивились. Но им пришлось признать, что масштабы работы на ПКР утроились, а ставка Мастера должна по крайней мере удвоиться. <...>

* * * Мастер ушел. Ведь он не такелажник. Тут надо поднимать станину над фундаментом. Пришел местный <...> [здесь опущено цензурное, но очень обидное слово. — А. А.] с домкратом, зам. старшего механика (он же — председатель цехкома).

Он, так сказать, чиновник по особым поручениям. Чинит одно, ломает другое. Ему бы чуть-чуть приподнять координатный стол. А он рванул сразу на пару сантиметров. Полез было привинчивать болты под стол.

А Балда уже тут как тут — выставил на столе уровень: смотри, какой перекос!.. Тот чертыхнулся, пошел за новыми амортизаторами. Только успел заменить один амортизатор — его куда-то отозвали.

Балда разозлился и спрятал его ящик с рабочим инструментом в свой шкаф. Решил проверить, по ремонтным делам тот отлучился или по профсоюзным. Судя по тому, что до конца дня инструмент слесарю-механику не понадобился, тот занимался «профсоюзным руководством».

Наладчик же, между тем, убедился, что от зверских манипуляций с домкратом у станка рассогласовались пуансоны с матрицами (по счастью, только в одном гнезде из 24-х, но Балда решил, что и в остальных тоже). Тогда экспериментатор заорал на фланирующего по цеху предцехкома: «Если дело не делаешь, так хоть не порть!». Тот вроде даже не обиделся, опустил домкрат и исчез.

<...> Примерно раз в день у станка появляется представитель из отдела главного механика. Сочувствует, но беспомощен. Вообще, все начальники любят говорить рабочему, что надо пойти и сказать другому начальнику. Однако для того, чтобы один начальник обратился к другому, надо, чтобы вопросом заинтересовался третий начальник, стоящий выше этих обоих.

Представитель ОГМ случился тут как раз в тот момент, когда Балда костерил председателя цехкома. В утешение, он предложил посмотреть на другой станок, который тоже уронили (в другом цехе).

У того станка было пусто. Туда, похоже, еще не успели оформить своего «социолога».

<...> На следующий день (12 марта) Балда воспользовался брошенным у станка домкратом и стал «вывешивать» [*приподнимать*. — А. А.] координатный стол самостоятельно. Он делал это медленно и со вкусом. Придумал, как поставить амортизаторы, сохранив их предохранители (которые, для простоты дела, начал уже срывать предцехкома). С маниакальной настойчивостью выставил координатный стол по уровню «в нулях» (разрешено отклонение 0,3 мм на метр). Правда, положение станины при этом в допуск вогнать не удалось. Потому что дырки для тех болтов, которые остались не завернутыми, изначально были просверлены не на месте. И при жестком соединении стола и станины правильная установка одного неизбежно влекла за собой перекос другого.

Но колья скоро пуансоны с матрицами согласуются благополучно, то «это — х-ня!», рассудил Балда.

К середине дня появился председатель цехкома. Две трети работы было уже сделано, и самодостаточный социолог-наладчик заявил, что в помощи не нуждается. Кажется, тот был рад. <...>

Поскольку про забытые болты стало известно наверху, у станка в этот день появился аж зам. главного инженера. И все имеют наглость спрашивать: «Как дела?». Хитрый Балда, предварительно выяснив, с кем имеет дело (представляться у визитеров не принято), уклонился от кляуз

на цеховое начальство. Зато пожаловался на службу главного технолога (техпроцессы которой ему уже приходилось браковать).

Все рассказанное, в сущности, есть иллюстрация процесса постепенного (дозированного!) принятия на себя ответственности.

Важно при этом принимать ответственность на себя не раньше, чем продемонстрирована безответственность вышестоящего звена. Что и имело место во всех перипетиях описываемого дня. <...>

* * *

В один из этих дней состоялось первое цеховое партийное собрание, на котором присутствовал ваш корреспондент.

На собрании отчетливо выяснилось неумение рабочих предъявлять начальству элементарные организационные и т. п. требования, поводов для которых предостаточно, хотя бы в связи с усиленным насаждением бригадных методов организации труда. К концу года предполагается «вовлечь в бригады» до 80% рабочих, но при этом канализировав всю их общественную активность внутрь бригад, а не вовне...

Управляйтесь внутри себя, пожалуйста. Только не суйтесь в цеховые и тем более в заводские административные дела.

Секретарь партбюро цеха шлифовщик Голиков в конце собрания представил коммунистам нового члена парторганизации: «Товарищ архиграмотный, так что обращайтесь к нему с техническими вопросами...» Ну, шуточки! Дело было под занавес собрания, и высказывание секретаря осталось пропущенным мимо ушей.

Следуя принципу вынужденной (упреждающей) инициативы, социолог-наладчик изъявил желание вступить в народную дружину («У меня даже грамота за ДНД есть!»). Голиков надеялся задействовать Балду в пропагандистскую деятельность. Но тот сказал, что готов заниматься всем, кроме этого. У него есть «хвосты» по прежнему месту работы. К тому же... устал языком болтать. Секретарь партбюро неожиданно сказал: «Я Вас понял...».

* * *

После переустановки координатного стола вернувшийся Мастер с Подмастерьем убедились в том, что базовые линейки X и Y все-таки кривые. Снимать их. Да рихтовать... Да шлифовать... Шлифует, кстати, секретарь партбюро Голиков. Оказывается, не так, как нам надо. Переделывает. Ставим линейки на место. Вроде теперь хоть это в порядке.

(Как правило, люди, которые никак не причастны к твоему делу, проявляют к нему гораздо больший — неформальный — интерес, чем те, кому «положено». Вот Голикову — как будто все равно, что и как шлифовать. Он не спрашивает, как это будет служить. А впрочем, очень доброжелателен. Идеальный партийный секретарь...)

По ходу нашей совместной с Бубликовым работы, когда тому требуется то один, то другой инструмент или приспособление, то одного размера болтик, то другого размера шайба, Подмастерье занимается розысками и

«снабжением». В ряде случаев подходящего нет и надо **делать**. Тут мы оба упираемся в разгильдяйскую стенку, которая начинает бесить Мастера. А Балда — осмысляет. И постепенно становится... весело!

Начинается социально-психологическая «игра», в которой Мастер и Подмастерье меняются ролями.

Последний оказывается «Мастером» и утверждает, что до очередного демарша к начальству надо выработать сценарий, или «политику» (чего социальнo-психологический «Подмастерье» не умеет). А политика заключается, например, в распределении реплик: Мастер, как знаток, заявляет, что, мол, Алексеев «давно говорил»; а последний, как местный кадр, давит, что, мол, у него специалист «на простое».

Принято учить начальников, как лучше руководить подчиненными, опираясь на достижения социальной психологии. Некому учить подчиненных, как им «руководить» начальниками! Между тем, только умное **давление снизу** является эффективным средством достижения хотя бы тех целей, которые начальство декларирует (не говоря уж о тех, которые соответствуют действительным потребностям производства).

«Воспитание делом» не проходит даром для моего Мастера. Он уже поднимается до высот социологической рефлексии. Бубликов вдруг обронил, что вся эта история — великолепный сюжет... «для книги об отношении к труду». Видит бог, я не давал ему прямого повода для таких рекомендаций.

<...> Возникает тревога относительно «капусты». Ведь Бубликов, который потратил уже неделю отпуска, не удосужился обзавестись никакими гарантиями насчет оплаты своего труда. Так же, как они отпихивают друг другу заказ на шлифовку базовых линеек (при этом все жалуются, что «никому ни до чего дела нет!»), так, небось, они потом будут тянуть и с оплатой.

Взаимная симпатия Мастера и Подмастерья (идеальный «социолого-технический тандем») кристаллизуется во взаимном договоре: **«Ты меня не бросишь, я тебя не брошу!»**.

<...> С Бубликовым работать очень приятно. Подмастерье умнеет на глазах и, в случае необходимости, пожалуй, справится один с любой из работ, которые сейчас, при его пособничестве, выполняет Мастер.

Как убедился Подмастерье (уже самостоятельно), кривизна базовых линеек координатного стола устранена не полностью. Завтра предстоит решить, можно ли их «натянуть» болтами. Или — просто сходить за кувалдой, чтобы оставить от нашего «памятника» осколки.

Нити от ПКР протянулись уже не только во все цеховые службы, но также и в службы заводские. У меня не было ни одного контакта, выходящего за рамки житейской или деловой необходимости. Но в том и состоит специфика предлагаемого метода. «Тест» Системе продолжается. И, кажется, окружающие начинают заражаться азартом этой игры.

«Чем дальше, тем страшнее...», — замечает Мастер. «...и веселее!» — добавляет Подмастерье. «То ли еще будет, боже мой!»

* * * Милая Нина! Не буду

педантом. Не все ли равно, 53 страницы (как в первом письме) или 47. Если рассматривать эти записи как дневниковые, то можно было бы развить еще несколько частных сюжетов. Но в письмах иногда надо ставить точку.

Предоставляю Вам право распоряжаться этим письмом по своему усмотрению. Благодарю Вас за внимание, с которым Вы его прочитали.

Ваш социолог-наладчик, канд. филос. наук А. Алексеев, 16.03.80

P. S. Еще о возможностях и методах управления (= давления) снизу. В самый разгар технологических проб с Мастером, из-под станка раздалось пыхтенье, напоминающее звуки трогаящегося с места паровоза. Где-то прорвало пневматику. Но не шланг (тогда бы просто шипело!), а как-то иначе. Такого еще не бывало.

Было это некстати, и Подмастерье пошел к ремонтникам — все тот же предцехком. Тот, как всегда, отослал сначала повыше, потом, в ответ на мою настойчивость, пониже. Снизу стали ссылаться на другое задание — опять повыше... Все же обнаружилось (довольно скоро), что вылетела из пневмоцилиндра некая заглушка. Заглушки этой возле станка обнаружить не удалось. Заглушку надо **делать**. А это — известно, что такое...

Балда порылся по «сусекам» своего шкафа. Нашел болт примерно подходящего размера. Вворачивать его в медный цилиндр, конечно, не дело. Но Балда обмотал болт концами (нитками) и не стал пользоваться гаечным ключом. А голыми пальцами — резьбу не сорвешь. В общем — «наживил» болтик.

Пыхтенье, слышное на весь участок, сменилось тихим, мирным шипеньем (не выделяющимся из цеховых звуков). Да нехай шипит, не только здесь травит... Оно даже выполняет функцию полезного клапана, может быть, как раз из-за отсутствия которого в пневмосистеме станка уже не раз пробивало резиновые шланги.

Бубликова, занимавшегося в это время более серьезными, координатными проблемами, Подмастерье не стал отвлекать на такую мелочь. Сказал только, что пыхтеть перестало, жить можно... А теперь порефлексируем. Что отсюда следует?

...Когда мне удобно будет вырубить станок (устал, хочу отдохнуть, а может — «тяжело с похмелья», или просто захотелось разыграть еще один социально-психологический этюд), я спокойно вынимаю болт (ведь это **мой** болт!). И заявляю: «Работать нельзя!».

И раньше было нельзя. Но мне **надо** было, и я вышел из положения. А сейчас надо — **вам**. Вот вы и ищите выход...

Поскольку в свое время заглушка **сама** вылетела, а я только отсрочил аварию, я имею моральное право в любое время эту аварийную ситуацию воспроизвести. [*Надо сказать, что этот болт благополучно простоял восемь лет! — А. А.*]

В этой модели наглядно видно и сложившееся положение с запуском станка.

По идее, **им** (начальству) надо отремонтировать и запустить ПКР больше, чем мне. Но пока над ними не каплет, им как бы «не очень надо». Мне же, повременщику, по логике вещей, все равно, когда станок будет запущен. Но, в силу обстоятельств, я взял ответственность на себя. И заинтересован — мне как бы «надо». Я выкрутился сегодня, а завтра — очередь начальства выкручиваться.

(Всю эту моделирующую ситуацию мы хорошо обсудили потом с Мастером. Все — так!)

В рабочей среде есть такое выражение: «Я тебе сделаю, что станок встанет». Или: «Я тебе сделаю, что станок заработает». Здесь нет ни «чудес», ни «луддитства». Просто повседневно воспроизводится ситуация, которую я здесь **смоделировал** (в очищенном от мешающих подробностей виде).

Этим приемом «управления снизу» так или иначе пользуется всякий нормальный рабочий. Но использование его всегда стихийно, по большей части — корыстно.

Когда такое «управление снизу» (ничего общего, как явствует из примера, с саботажем не имеющее) делается бескорыстным и принципиальным, может быть, только тогда и станет нормой своевременный профилактический ремонт.

...Вот видите, Нина, понадобились-таки 53 стр., чтобы до конца развить одну из тем этого письма.

А., 18.03.80

Ремарка: социально-психологический механизм производственной рутины.

Здесь уместно привести выдержку из работы моего друга и коллеги, социолога из Вильнюса — Сергея Самойловича Рапопорта (1981):

«...Инерция производственных будней (“текучка”) воспринимается управленцами МПП [аббревиатура С. Р.: “моделируемое промышленное предприятие”]. — А. А.] как нормальный, неизбежный и подчас единственно возможный “порядок”, неодолимый — с их точки зрения — ни для каких преобразований. При этом представитель управления МПП может субъективно по-разному относиться к текучке и прочим характеристикам предприятия:

а) не сознавать их негативность и считать совпадающими с общесоциальными ценностями;

б) сознавать негативность, но считать ее естественной и неизбежной, а общесоциальные ценности — нереализуемыми;

в) сознавать негативность черт МПП, переживать психический конфликт, но считать заведомо безнадежной какую-либо борьбу с порядками МПП;

г) сознавать негативность, но отождествляться с ней как с крайне выгодной для реализации принципа «извлекать как можно больше выгод при наименьшей затрате труда»; из такой позиции вытекает и активная заинтересованность работника в сохранении рутинных порядков на МПП.

Индивидуально-групповой опыт социальной пассивности, опыт безликих административных решений создает тип управленца с гипертрофированным ощущением гражданской беспомощности («от меня ничего не зависит», «что мне - большие дружки надо», «выше головы не прыгнешь») и другие стереотипы мышления и поведения), а также тип управленца, для которого гражданский аспект личностной активности вообще нерелевантен: карьеризм и его легально-нелегальные средства истощают его реакции на трудовую ситуацию; реагировать на моральный призыв, выходящий за рамки его роли, было бы для него неестественным

Будничная психика такого управленца не «пропускает» никаких обобщений, на которых строится переход от должностных ролей к социально-активным и гражданским...» (С. С. Рапопорт. Дисфункциональность социальной организации предприятия - барьер осуществления социальных нововведений (2. Социально-психологические барьеры) // Труды Академии наук Литовской ССР. Серия А, 1981, т. 2/75/).

...С.С. Рапопорт мы познакомились уже после того, как писались «Письма...».

*Помнится, подаренный им препринт поразили меня совпадением содержательных результатов, полученных едва ли не противоположными методами: **наблюдающее участие** «социолога-наладчика» и - **моделирование**, выполненное социологом-теоретиком (Январь 2000).*

2.4. Производственные драмы и «ужасное дитя» цеха 1 3

[Персональный адресат двух писем (май 1980), соединенных здесь в одной композиции, - Алла Константиновна Назимова, социолог, канд. эконом. наук.

В ту пору работала старшим научным сотрудником Института международного рабочего движения АН СССР, ныне - ведущий научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН (г. Москва). - А. А]

Любезная Алла!

<...> Для начала - два эпиграфа к письму:

...Я считал поиски Истины высочайшей задачей Человека, а искателей - благороднейшими людьми. Но за последний год я начал понимать, что эти пресловутые Поиски Истины - такое же развлечение, как все остальное, что это - сложный и утонченный суррогат подлинной жизни... Я понял также, что погоня за Истиной - просто вежливое наименование любимого времяпрепровождения людей интеллекта, заключающегося в подмене сложности реальной жизни упрощенными, а следовательно, лживыми абстракциями.

Но искать Истину гораздо легче, чем изучать искусство цельной жизни, в которой, разумеется, Поиски Истины займут надлежащее место среди прочих развлечений... Сказанное объясняет (хотя и не оправдывает) мое всегдашнее снисходительное отношение к таким порокам (эм! - А А), как серьезное чтение и отвлеченное мышление.

Хватит ли у меня когда-нибудь силы освободиться от ленивых привычек интеллектуализма и посвятить всю энергию более серьезной и трудной задаче - **жить полной жизнью** (выделено мною. - А А). И если даже я попробую избавиться от этих привычек, не обнаружится ли, что эти привычки у меня - наследственные, и что я от рождения не способен жить цельной и гармоничной жизнью?

Олдос Хаксли («Контрапункты»)

...Узор словесный мне претит. Устал я наконец.
Пускай искусен ювелир, искуснее кузнец!..

Паруйр Севак (цит. по: Поэты Армении, Л., 1979, с. 493)

...Итак, жанр «Писем Любимым женщинам» кристаллизуется. Теперь уже очевидно, что каждое письмо должно уместиться на 53-х тетрадных страничках; что здесь неизбежна смесь импрессионизма и экспрессионизма, не говоря уж о сюрреализме (за последнее ответствен скорее не автор, а предмет отображения); что клоунада в этих письмах — способ «не сглазить» то, что автору кажется важным, но на чем он не хотел бы настаивать. Что все это — в конечном счете — **самодетельный театр...**

Вполне очевидно, что в этих письмах субъект иногда и «переигрывает» (в отличие, надеюсь, от себя самого — в реальной жизни).

Это объяснение полезно для выражения абсолютной готовности автора принять любые упреки в свой адрес. Включая упрек в нескромности (который я склонен адресовать себе и сам). Но скупен был бы «скромный актер» на сцене Жизни...

(А некоторые возлюбленные уже пишут на меня пародии, чем лишь потакают авторскому самолюбию.) <...>

* * *

Прошное (адресованное Нине) письмо оборвалось в разгар ремонтных работ, осуществлявшихся Подмастерьем совместно с Мастером. Обеспечить правильное сопряжение всех элементов координатной системы удалось лишь за счет вбивания **клина** между станиной и координатным столом, толщиной миллиметров 5–7 (в том самом месте, где год назад забыли завернуть соединяющие эти две части станка мощные болты).

Собственно, клин не подбирали специально. Им оказался конец напильника, который Мастер вставлял в щель, когда Подмастерье отжимал стол от станины ломиком. Напильник обломался, и его конец, зажатый между чугунными плитами, оказался тем недостающим конструктивным элементом, который позволил вдруг всем остальным, «штатным» элементам встать относительно друг друга строго параллельно либо перпендикулярно.

Это было приятной случайностью. Бог обломал напильник в нужный момент. Ну, а уж куда засовывать этот импровизированный клин — сообразили Люди, а Бог просто не мешал.

Боюсь, что на таких «клиньях» держится добрая половина всей советской работающей (в отличие от не работающей) техники...

После этого дело пошло как по маслу. За два дня русские технические умельцы справились с тонкой регулировкой, достигнув точности пробивки отверстий «плюс-минус 0,05 мм», вместо разрешенных по паспорту «0,2». В этот паспорт они (оплошал Алексеев!) не удосужились заглянуть, руководствуясь известным Бубликову «видемановским» нормативом «плюс-минус 0,1».

Итак, на советской **неудачной** модели (даже не вошедшей в справочники, т. к. сразу за ней была выпущена более совершенная) координатно-револьвер-

ного пресса, к тому же обретенного в свое время такелажниками с неизвестной высоты, — вот на этом техническом «ублюдке» была получена точность, требуемая от британской «игрушки»... Ай-да Мастер! Ай-да Подмастерье!

(Уже не раз приходилось слышать характерное выражение — «сделано по-советски». Немало шуток в цехе вызывало и то обстоятельство, что этот ПКР изготовлен на «одесском заводе». Но с данной моделью станка мне, похоже, особенно «повезло».)

Но не дремала и служба главного механика. Мы с Бубликовым работали вечерами, а днем наше «выздоровливающее детище» посетила некая комиссия, обнюхала симпатично торчащий из щели обломок напильника и даже его измерила, чтобы заказать «шпац-клин», призванный заменить этот наш «подарок судьбы». Но сообщить об этом нам не удосужились (социальная норма!). Механик цеха, осведомленный об этих «закулисных» шагах, на следующий день полчаса наблюдал, как мы «ловим» десятые миллиметра, и промолчал!

Теперь, если ставить этот шпац-клин, то все придется начинать сначала.

Можно резюмировать эту ситуацию следующим образом: (1) поставить золотую коронку вместо стальной было бы, может, и не плохо, но не после же того, как на стальную коронку уже посажен мост (понятна стоматологическая метафора?); (2) люди, не уважающие своего труда, не могут уважать и чужой труд; (3) отсутствие гласности начальственных действий функционально направлено на перечеркивание труда исполнителей.

Выводы эти можно было бы сформулировать и умозрительно, но существенно их получение в качестве «принудительных», на базе естественной микросоциальной модели.

(Сейчас о шпац-клин, по счастью, забыто; полагаю, что и эскиз потерял.)

* * *

Вот уже больше месяца (после завершения ремонтных работ совместно с Бубликовым) все необходимые для запуска ПКР работы (кроме электрических) социолог-наладчик выполняет **сам**. Ремонтная служба цеха «отлучена» им от ПКР. При необходимости, используются неформальные связи. Если же надо что-либо в станке заменить — снимаю попорченную (или изначально негодную!) деталь и адресуюсь к цеховому механику за новой (иногда имеющейся в «закромах», а иногда и требующей изготовления). А куда она и зачем — **не ваше дело!**

Такая линия поведения оказывается оптимальной — с точки зрения как производственной эффективности, так и психологического комфорта (рабочего-производственного и ремонтной службы). Как ни парадоксально, тем самым обеспечивается доброжелательство взаимоотношений обеих сторон.

<...> После ухода Мастера технически обогащенный Подмастерье занялся **исследованием** того, как же все-таки удалось достичь столь удивительного результата. При этом представлялось важным не нарушить регулировку «Левши» и, вместе с тем, раскрыть механизм ее осуществления (а также возможные последствия ее нарушения).

Бубликов был ориентирован на конечный результат, достигавшийся тем, что «тут подколачивал, там подворачивал», а затем замерял расположение получившихся на пробной детали отверстий. Мастер нового типа (в каковые теперь сам себя произвожу) ориентирован на **процесс**, или процедуру получения такого же (или даже — еще лучшего!) результата.

Но как поверить гармонию алгеброй, не разрушив гармонии? А разрушив ее, есть риск утратить навсегда...

(В ту пору социолог-наладчик еще не подозревал, что не далее как месяц спустя он ознаменует Ленинский юбилей дерзким разрушением регулировки Мастера старого типа, в силу обстоятельств чрезвычайных и никак не предугадывавшихся; но это замечание — в скобках, для поддержания читателя в напряжении.)

Бубликов почти не пользовался щупом (как лесковский Левша не пользовался микроскопом). Я же постоянно пускаю в дело этот «выщиганенный» у цехового механика мерительный инструмент. С 21 по 25 марта 1980 г. будущий «ас» занимался тем, что «колдовал» (по выражению одного из рабочих) над станком, фиксируя каждое из своих прикосновений к нему в специальном **протоколе**.

Протокол включает подробное описание восемнадцати (для меня — магическое число!) **действий**... Некоторые из них — чисто измерительные, некоторые — осторожно корректировали регулировочные действия «Левши».
<...>

[Здесь опущены цитаты из «протокола», избоблюющего техническими подробностями. — А. А.]

...Действие ¹ 18 в протоколе завершается победным резюме: «Таким образом, **станок готов к эксплуатации**». <...>

Ремарка: М. Полани — о неявном знании.

Думается, здесь к месту будет процитировать книгу «Личностное знание» М. Полани:

«...В последние десятилетия в ряде технических лабораторий наблюдается процесс, весьма сходный с критикой месмеризма, правда, лишенный столь очевидных неудач. Во многих отраслях промышленного производства, в том числе в кожевенной, гончарной, пивоваренной промышленности, а также в металлургии, в текстильной промышленности и в различных отраслях сельского хозяйства, вдруг наступило осознание того, что вся деятельность осуществлялась здесь до сих пор как своего рода искусство при полном отсутствии знания составляющих его операций и процедур. Когда к этим традиционным сферам человеческой деятельности стали применять современный научный подход, то прежде всего возникла задача выяснить, что же именно происходит в каждом из этих производственных процессов, что дает возможность создавать материальные ценности. Еще в 1920 г. эта ситуация была пронизательно описана У. Л. Боллсом, который столкнулся с необходимостью вести научные исследования в хлопкопрядильной промышленности. Существовавшую до этого практику прядения хлопка он охарактеризовал как “вещь в себе, которая с трудом соотносится с физическими знаниями”, вследствие чего

“в течение первого десятилетия исследователю придется сосредоточить усилия главным образом на выяснении того, что знают и умеют прядильщики...”» (М. Полани. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985, с. 86). (Май 2000.)

* * *

А теперь сменю тему... Чуть забегая вперед во времени, отдамся более человеческому, так сказать, **организационно-этическому** сюжету. <...>

Вкратце

Здесь опущен приводившийся далее в письме текст «Докладной записки» социолога-рабочего заместителю начальника цеха, от 15.04.80. В ней сообщалось, что, «видя неприличной проволочки с оплатой ремонтных работ по станку ПКР КО-120, произведенных специально приглашенным для этой цели слесарем 6-го разряда В. К.» (он же — Бубликов), наладчик ПКР «был вынужден расплатиться с ним пока из собственного кармана». Записка заканчивалась словами: «Не сомневаюсь, что если мой завод все же в конце концов расплатится со специалистом, тот вернет мне эти деньги.»

<...> О записке ни с кем не говорил... В курсе дела, с моих слов, только Степан Филиппович, с которым мы сидим напротив друг друга в инструментальной кладовой. Остальным, с кем заходил на эту тему разговор, я иногда в сердцах «нес» безответственное начальство. Говоря при этом, что нашел временный выход, и не распространяясь дальше. <...>

Вкратце

Записка, попавшая в конце концов в отдел главного механика, вызвала там чрезвычайное раздражение. Здесь опускаем детали описываемого в письме микроконфликта, который возник по этому поводу. Из письма к А. Н.:

«...Когда работник ОГМ Кесарев стал предъявлять мне претензии в том смысле, что я поставил их в дурацкое положение, я ответил в том смысле, что в дурацкое положение они поставили себя сами, а я только не захотел с ними в этом дурацком положении находиться...»

В этот конфликт вмешался секретарь партбюро цеха В. Новиков (он же — «Голиков»), который тогда рассудил, что социолог-рабочий «спасал честь завода»...

«...На следующий день Голиков сообщил мне, что беседовал с парторгом ОГМ, предлагая службе главного механика извиниться перед наладчиком (иначе он, Голиков, поставит в известность партком!). Я сказал, что на извинениях не настаиваю, а хотел бы только, чтобы меня по этому вопросу — с оплатой Бубликова — “оставили в покое” и расхлебывали эту кашу самостоятельно...»

Дальше дело вновь заглохло...

<...> Завершилась эта история лишь на третий (!) месяц после окончания ремонта ПКР и более чем через месяц после передачи мною Бубликову личных денег. А именно позавчера (13 мая). Тот, наконец, получил свой «гонорар» и рассчитался со мной. Завод взыскал «с нас» подоходный налог (т. е. не 120 руб. вышло на руки, а 110). Но ведь и мы (месяц назад) взыскали с себя «подоходный налог» — на пропой. Так что, справедливо вышло...

Надо сказать, что Бубликов на протяжении целого месяца, по договоренности со мной, не напоминал о себе. А когда его, в конце концов, разыскали, объяснил свое исчезновение тем, что считает, будто завод с ним «уже расплатился». Это была его импровизация, внесшая дополнительное очарование в спектакль.

Бюрократическая машина, впрочем, осталась «верной себе», поначалу «потеряв» половину начисленных денег. Тут уж мой мастер проявил настойчивость и разыскал вторую ведомость. По ней полагалось получать деньги не в заводской кассе, а прямо в цехе. Но пропуск для прохода на территорию завода ему, как водится, забыли выписать. И он сумел пройти на завод нелегально (!). Все для того — чтобы поскорее отдать эти деньги Алексею... В общем мы друг друга не подвели...

До чего же богат нюансами этот социально-психологический этюд!

А параллельно с этой «психодрамой» разыгрывалась драма совсем иного рода... Ведь, когда, вопреки ожиданиям, «агрегат готов» (выражение народное!), уже невозможно спрятать или не заметить неготовность самого производства к его использованию.

Вот тогда только зашевелилась технологическая служба. <...>

Вкратце

По ходу дальнейшего описания автор ехидно, и вместе с тем «амбициозно», заявляет, что «если к отделу главного механика была применена тактика «укрощения», то отдел главного технолога подвергался «приручению».

Здесь опушены приводившиеся в письме образцы «Замечаний» по отдельным техпроцессам, адресовавшихся в технологические службы.¹⁸

* * *

Просто удивительно, сколько работы может задать Системе **один** человек, в ее же интересах! За три недели... опробованы 16 техпроцессов (несмотря на целодневные простои, возникавшие из-за отсутствия заготовок, которые годились бы для испытания).

Ознакомившись с парочкой моих «замечаний по техпроцессам», начальство решило трансформировать их в акты. Цеховой технолог Нюся Копырина разлиновала бумагу, в соответствии с заданной в упомянутых замечаниях общей структурой. И была бы не прочь перепоручить наладчику и сами акты. Но в разграфленных клетках рабочему тесно. Сошлись на том, что я буду писать **замечания**, а цеховой технолог сводить их в **акты**...

Однако Нюся ленива и невнимательна. Она стала писать в актах порой прямо противоположное содержанию замечаний. Наладчик ПКР отказался поставить свою подпись под половиной актов. И той ничего не оставалось, как переписывать их заново. (Ну, никак не могут ничего сдать «с первого предъявления»!)

¹⁸ Специфика этой особой разновидности «протоколов наблюдающего участия» будет обсуждаться в главе 3: раздел «Как переписывать реку»

Если поначалу Копырина забывала указать в акте на итоговую негодность техпроцесса, то потом вдруг стала отказывать в праве на существование терпимым (хотя и неудобным) техпроцессам. Социолог-наладчик возразил, что не надо совсем уж «выкручивать руки» технологам из ОГТ... Тогда Копырина произнесла замечательную фразу: «Ну уж, Вы, А. Н., строги-строги, и вдруг так либеральны!..».

В этом ее высказывании нечаянно сформулировалось распределение ролей, интерпретированное мною (разумеется, не вслух!): «Технолог — моя секретарша».

Будучи растроган, мне захотелось сделать ей приятное, и несколько замечаний я написал **чертежным** шрифтом, чтобы облегчить восприятие своих записок. На что она сказала, что прекрасно разбирает мой почерк, в отличие от других (людей), которые могут не разобрать.

(Дело в том, что однажды, до этого, разозленный ее невнимательностью, я предложил Копыриной **вернуть** мои замечания, после переработки их в акты, чтобы я мог передать их непосредственно в ОГТ: ведь после актов возникают вопросы и неясности, а в замечаниях все «точно сформулировано». Эта перспектива ей, видимо, не улыбалась.)

Между тем, отдел главного технолога начало понемногу трясти в лихорадке. Шутка ли: за две недели, по разным причинам, забракована половина всей их прошлогодней продукции (по технологическому обеспечению ПКР). Проверять-то некому было, да и не на чем... А теперь — оснастку перезаказывать, шаблоны переделывать, допуска пересчитывать... (Ну, прямо, ПКР на нашем заводе — микромодель ВАЗа в советской промышленности!) Тут ведь и влететь может, надо активизироваться.

<...> За апрель 1980 г. рабочее место социолога-наладчика успели посетить (не считая рядовых и ведущих технологов) — зам. главного технолога и зам. главного инженера завода. (Забегая вперед, скажу, что позавчера, т. е. 13 мая, я удостоился посещения директора.) После визита всякого вышестоящего, учащались обращения «за консультацией» со стороны нижестоящих. Старший технолог из ОГТ Мглистая попробовала даже на неделю перенести свое рабочее место к нам в цех.

Оказавшись вдруг в роли главного исполнителя и консультанта одновременно, этот *enfant terrible* [*ужасное дитя*] — *фр.* — А. А.] цеха ¹ 3 вел себя скромно. Благоприобретенным умением своим не кичился, «шел навстречу», за ошибки других не казнил... Но и отказывался эти ошибки «не замечать»: «Я сейчас промолчу, а вы потом с **меня** спросите...». Великое дело — опережающее отражение!

Спешу заметить, что активизация заводских служб по поводу собственных недоработок никакого отношения к социальному происхождению наладчика ПКР не имеет. Зам. главного инженера со мной разговаривал на «ты». Зам. гл. технолога отказывался верить в брак своих подчиненных, пока не уткнулся носом.

В середине апреля на заводе состоялось специальное совещание заинтересованных лиц и служб по координатно-револьверному прессу. Только рабочего-исполнителя не пригласили... Всяк сверчок знай свой шесток!

* * *

С заготовками для ПКР — беда. Надо, чтобы они были «в угол» (прямой), а они — «не в угол»! А с заготовительного участка, где их отрезают, не спросишь. У них гильотина на такую точность и не рассчитана. Попробовали залатать прореху. Специально отфрезеровали по кромкам целую партию заготовок. Уже, так сказать, для производственного использования (не для проб!).

Наладчик проверил несколько штук на «угол» и... даже испытывать не стал. Пришел к своей «секретарше» и поздравил ее с достигнутым успехом: раньше было отклонение от прямого угла 0,4 мм, а теперь — «всего» 0,35!

Тут заволновалась линейная администрация. Мастер производственного участка, интересы которого с интересами социолога-наладчика до сих пор никак не соприкасались, а тут — программная деталь! — взвыл: «Проверь свой угольник!» [*мерительный инструмент для проверки перпендикулярности. — А. А.*]

Но не зря Балда в дружбе с инструментальщиками. Те в ответ — мастеру: «Иди, свой проверь!».

Рабочие-доброхоты (а столпилось их по поводу этого инцидента у станка человек пять) собственноручно проверили: отфрезеровано действительно «не в угол»... Пришлось отправить партию на традиционную, поэлементную штамповку (где «угол» не так важен).

Но не дремал и наладчик-Балда. Долго объяснять как, но есть способ минимизировать требования к «углу», по крайней мере вдвое. Идея была известна мне еще со времени стажировки на «видеманах». Но аранжировка идеи была вполне оригинальной. Знаю, что мне надо, вот только нарисовать не умею. Машиностроительного техникума не кончал, не говоря уж об институте.

Иду к цеховому конструктору Рафаилу: «Хотите, подадим рационализаторское предложение вместе?». Обменялись любезностями: «Если Вы возьмете меня в компанию...» — «Нет, это если **Вы** возьмете меня в компанию...». А делов-то всего металлическая насадочка, скобка, только надо размеры точно выдержать.

Рафаил было загорелся, потом вдруг приуныл: «Нет, на рацию не потянет!..» — «Почему?» — «Станок-то еще не работал. Как экономический эффект подсчитать?». В самом деле, как подсчитать экономический эффект от устранения брака, которого еще не было, но который **предвосхищен!**

(Позднее выяснилось, что вообще всякое усовершенствование новой техники в процессе внедрения за «рационализацию» не считается).

Все же Рафаил начертил. Красиво у него получилось... Правда, и тут нужен догляд. Не держи я (который знает, что для станка нужно) его (который сомневается, пройдет ли это как рация) за руку, он бы все размеры перепутал. Так что рисовать и ему пришлось дважды. А нести начальству...

боится. Мол, начальство его «не слушает»! А рабочему страшно чертеж в руки взять — испачкается! Так и ходили вдвоем: он носит, я объясняю...

Сделали эту насадочку на удивление быстро (полуформальными путями).

Сначала Балда ее припрятал. Чтобы не демобилизовать технологов. А теперь, когда в техпроцессы, наконец, стали записывать, насколько большим может быть отклонение от прямого угла в контуре заготовки (а высчитывается допуск по формуле, которую я же им раскопал в их собственном ГОСТе; о, боже мой!), наладчик ПКР свое приспособленье извлек. И, уже не надеясь на лавры рационализатора, поставил на станок.

Теперь у меня двойной запас прочности — в этом «узком месте».

То была первая, но не последняя рационализаторская инициатива кандидата философских наук — по части штамповки листовых деталей. Вообще, такого рода инициативы социолога-наладчика обычно имеют в своей предпосылке «исследовательскую деятельность». Бывает, они опираются на доброжелательные советы со стороны (как правило — рабочих).

Ты, может быть, не поверишь, но ни одна такая инициатива не исходила от цеховых или заводских инженерных служб. <...>

Ремарка: ничего удивительного!

Недоумевали и некоторые мои читатели, с инженерным образованием: «Неужели все технологи были такие неграмотные?», — спрашивал один из них.

«Грамотность» — это из области компетентности. Здесь же недостаток компетентности усугублялся еще «незаинтересованностью» и «безответственностью» (по «формуле разгильдяйства»). Вот и возникает впечатление «полной» безграмотности. (Декабрь 1999).

* * *

Заинтересованность рабочих в освоении нового пресса может быть чисто эмпатической, как у инструментальщиков (с которыми наладчик ПКР коротает иногда целые дни в кладовой). Она, эта заинтересованность, может быть деловой. Вещественные дары прекратились. Ибо у меня — **все есть**. Пришло время даров информационных...

Отштампованная мною деталь может неделю валяться в ОТК (ведь она не «программная»!). Но ее уже обнюхают и оближут, и объяснят, чем она выгодно или невыгодно отличается от изготовленной старым способом.

Вызывает всеобщее одобрение потенциал производительности моего станка (пусть это требует кропотливой наладки!). Что касается никакими инструкциями не предусмотренных «хитростей» поэлементной штамповки, которые могут быть творчески применены и на координатно-револьверном прессе, то — **ну, тебе их, пожалуйста!**

Мне бы никогда в голову не пришло спаривать пуансон с матрицей через марлю, как посоветовал мой сосед Стас (наладчик прессов для поэлементной штамповки). Тот же Стас: «Видишь, какое отверстие, небось, пуансон уже сбит». И в самом деле, плохо... «Ну, если **это** их устроит, я уж и не знаю...».

И я трачу неделю — как сделать, чтобы «устроило» Стаса. А раньше — эта самая, замеченная им, пуклевка вокруг маленьких отверстий на краю заготовки никого не волновала. Еще не было за это втыка. Теперь и не будет... А Стасу втыка ждать не надо. Его интерес стимулирован изнутри.

<...> Проблемы взаимоотношений для социолога-наладчика не возникает именно в силу отсутствия стремления эти взаимоотношения «наладить». Не уверен, что тот же Стас знает, как меня зовут. Сам я запоминаю имена, но только тех, к кому у меня хоть однажды **было дело**. Такова, примерно моя ситуация в цехе, если иметь в виду «отношения с коллективом».

Что касается межличностных связей, то их у меня здесь не больше и не меньше, чем в любой другой организации, где доводилось работать, на третий или четвертый месяц после поступления.

Про любого рабочего я могу сказать, что у меня с ним **уже** были контакты или **еще** нет (и, может быть, никогда не будет!). Про любого начальника я могу сказать, что с ним **еще** не имел дела или **уже** имел (и, может быть, предпочел бы не иметь!).

Ни один рабочий не вызвал у меня желания минимизировать отношения с ним. Что касается начальства, то я периодически награждаю того или иного администратора «отдыхом» от своей персоны тем, что перевожу необходимые контакты с ним из непосредственных в опосредованные. «Отлучение» какого-нибудь начальника от ПКРских дел осуществляется просто: «Не хотите помогать (вникать, решать) — не надо, обойдется без вас!».

Практически я всегда могу **выбрать**, к кому обратиться. У них — выбора нет. Наладчик ПКР — на заводе один-единственный. <...>

* * *

На партхозактиве цеха принималось цеховое обязательство на апрель-месяц. Забредший туда без приглашения, наладчик ПКР с интересом обнаружил, что «за его спиной» (т. е. без его ведома!) принимается социалистическое обязательство — к 1 мая выпустить три партии программной продукции на координатно-револьверном прессе. К этому времени мною было уже опробовано немало поступивших из ОГТ техпроцессов. Причем подавляющее их большинство — забраковано (по бесспорным основаниям). А «три партии» имелись в виду как раз те, по которым в цех поступили заготовки без необходимого для ПКР технологического припуска. Но этим составители обязательства поинтересоваться не удосужились.

Далее — «моделирующая ситуация».

Соответствующий пункт обязательства был неожиданно заблокирован 30-секундным выступлением рабочего-исполнителя, сумевшего за это время объяснить то, что написано выше. На поступивший после этого выступления запрос начальнику тех. бюро, справедливо ли данное замечание, тот смущенно ответил, что он наведет справки, выяснит.

Партхозактив уже готов был принять этот пункт соц. обязательства (уточним потом, «в рабочем порядке»!). Тогда пришлось наладчику ПКР

затратить еще 15 секунд на заявление, что «выяснять Анатолий Борисович будет у меня, а мне не надо выяснять, поскольку я знаю!».

Пункт был снят. А социолог-наладчик оказался как обычно (ох, хвостун!) прав. В апреле была выпущена на ПКР всего одна партия (а не три!). Причем именно по тем причинам, о которых он предупреждал. В итоге (вот тут уж Балда в самом деле много на себя берет!) цех ¹ 3 выполнил все пункты своего апрельского обязательства. И занял **первое место** по Ленинской трудовой вахте. <...>

* * *

Кажется, уже приходилось писать, что я нахожусь в самой гуще передового опыта. Наш завод — лучший в Министерстве. Мой цех с февраля вдруг пошел в гору и занимает призовые места в социалистическом соревновании. Бригада слесарей, значительную часть работы которой в перспективе должен взять на себя мой станок, имеет всесоюзную известность (благодаря недавней публикации в «Экономической газете»).

Кипят почины, мелькают вымпела, алеют знамена... Месяц назад эта и еще одна бригада у нас в цехе выступили с инициативой пересмотра норм. Член партбюро и орденоносец разьяснял на собрании, что «расценки все равно срежут», так уж лучше получить за эту инициативу премию...

Ни одного праздника не обходится без торжественного собрания. Записным председателем, открывающим их, является уже упоминавшийся предцехкома... с успехом компенсирующий «общественной активностью» свою никчемность в качестве слесаря-ремонтника. Демократия на производстве дошла до такой степени, что этот профсоюзный лидер верховодит даже на партийно-хозяйственных активах (не будучи сам ни администратцией, ни членом партии).

Вообще, администрация лихо использует профсоюзы в качестве «приводного ремня».

Начальник цеха избегает занимать место в президиумах собраний, тем самым лишь подчеркивая дистанцию истинного хозяина (которому «это не нужно»). Нач. цеха делает ставку на бригады, в компетенцию которых переданы все неблагодарные управленческие функции, оставляя за собой управленческие тайны.

<...> Голос рабочих ни на одном собрании не звучит. По очереди повторяют одно и то же члены «четырёхугольника», да еще какой-нибудь заранее предусмотренный активист.

Вот один пример «производственной демократии». Вася Купчин проработал в цехе тридцать лет. Сильно пьет. Его часто депремируют. И он хочет сменить место работы. Но так уйти ему администрация не дает. Станешь увольняться — отправим на принудительное лечение (теперь, оказывается, это стало прерогативой трудовых коллективов). А лечение это — 1–2-го-дичное, и интернат для алкоголиков всеми квалифицируется как тюрьма.

На очередном собрании сообщают, что Купчин подал заявление об уходе, а теперь хочет взять его обратно. «Оставим его в цехе или нет? Как вы ре-

шите, так и будет». Единственный вопрос с места: «Пусть расскажет, что заставило его написать заявление и кто заставил взять обратно!». Слово «заставить» здесь являлось синонимом **мотивации**. Ответ Купчина был столь же замечательным, как и вопрос: «Я не согласен со своим заявлением...».

Рабочие предпочли бы дать Купчину волю. Но раз он сам не хочет такой «воли» (в интернате для алкоголиков), голосуют за то, чтобы оставить его в цехе. Как бы берут на поруки. Начальство тем самым повязало не только Купчина, но и коллектив: «Вы же сами так решили!..».

Но я же про передовой опыт... Куда занесло!..

...Общественная жизнь в виде собраний, митингов, мероприятий развивается настолько **образцово** (причем началось это вдруг, с середины февраля), что уж даже хочется приписать факту собственного присутствия известную роль катализатора... (Разумеется, я тут не причем!) На этом образцовом фоне лишь явственнее проступают родимые пятна «незаинтересованности + некомпетентности + безответственности = разгильдяйства».

Напудренная и размалеванная старуха, пляшущая канкан, — пожалуй, самый подходящий в этой ситуации образ!

В цехе определено есть человек «по наглядной агитации», занятый исключительно писанием плакатов, красочных объявлений и поздравлений. Примерно два раза в неделю кого-нибудь со стенда поздравляют с днем рождения. Вот только не ясны закономерности выбора юбиляров. Того поздравили, а этого нет... Что бы это значило? В итоге — и приветствуемые, и обойденные сходятся на том, что лучше бы никого не поздравляли.

<...> Бурная лекционная пропаганда. Кстати, активно милитаристская. В самом деле, как же без наших кораблей — в Индийском океане!..

Мой сосед по инструментальной кладовой, пенсионер, член партии, очень интересуется событиями внутренней и внешней политики. Читает газеты и слушает «голоса». К тем и другим относится как к «пропаганде». «Наши» правильно делают, что «всего не говорят» (о международных событиях). А те, «стервы», все говорят — «в свою пользу». Если бы «мы» не вступили в Афганистан, американцы бы его заняли. И т. д.

Кажется, кульминацией «мифологического сознания» был его рассказ о том, как сионистская организация заставляет евреев уезжать, а они не хотят. Но — приходится ехать... Одному (называется конкретное лицо) «приказали» уехать, а он «допуск имел», ему нельзя. Он «не хочет», а «они угрожают». Так он себе «горло перерезал», от страха. «Точно так было, недавно хоронили...». А руководитель одного из отделений этой организации «у нас на заводе работал». Ведущий конструктор, кажется. Тоже недавно умер. Так к нему на похороны «пять автобусов со всего города съехалось»...

Шизофренизм массового сознания, признаться, куда симпатичнее цинизма сознания общественного. И единственное, что можно противопоставить последнему — не какую-нибудь иную форму сознания, а индивидуальное **поведение**.

Можно упрекнуть меня (и уже упрекал наш общий друг!), что я не «просвещаю» своего соседа. Но я не могу упрекнуть Степана Филипповича в том, что он не поддержал какую-либо из «вынужденных инициатив» социолога-наладчика. Эта поддержка — моральная (мне-то ведь другой от него не надо!). <...>

* * *

Очередная ассоциация (вторая половина письма строится исключительно на ассоциативных связях).

Мне, кажется, удалось изобрести новый способ «плевать против ветра». Надо забежать вперед, плонуть против ветра и отскочить в сторону. Попадешь куда надо... (Недавно мне возразили: «А если отскочить не успеешь?». Примечание 1980 г.)

Разрешаю пропагандировать это мое изобретение под грифом «армянского радио»... Интересно, вернется ли ко мне обратно?

* * *

Позавчера (сегодня — 21 мая) я устроил себе «местную командировку» на соседний завод. И консультировался у тамошнего начальника тех. бюро цеха Херувима, где работают «видеманы». Дело в том, что я уже **реконструирую** станок: поднял матрицы относительно пуансонов на целых 5 мм (с помощью специальных подкладок под матрицедержателями). Заготовка теперь не провисает, а стало быть — нет пуклевки, которая не устраивала Стаса. При этом... пришлось нарушить паспортные требования к станку.

И что же сказал мой нештатный консультант? Пойдя навстречу необходимости, вы, А. Н., приблизились к нормативам английского прототипа, от которых советские конструкторы ушли (по «формуле разгильдяйства»?).

Вновь и вновь обнаруживается справедливость принципа **вынужденной инициативы**, до сих пор не вполне оцененного моими первыми корреспондентками.

* * *

Пора заканчивать это письмо.

Мой «корабль» — на пороге более или менее продолжительной «зимовки». ПКР «вмерз во льды».

Отделу главного технолога задано работы на пару месяцев вперед. Няся будет неделю переписывать мои замечания по последним 6 техпроцессам, выполненные за один день. Начальник тех. бюро цеха будет неделю собираться заказать подкладки под матрицедержатели, приближающие советский станок к английской исходной модели.

Заготовок нет и не предвидится (до начала июня). Но если даже они появятся, то наверняка не те, для которых имеются годные шаблоны. А новые шаблоны изготовят не раньше середины июня. И, чего доброго, под техпроцессы, которые уже пришлось забраковать. Ведь за то и другое отвечают **разные** службы, поэтому каждый, если его пришпорят, будет «трясти» **свое** дерево. [Здесь — намек на известный анекдот: «Зачем думать, трясти надо...». — А. А.]

Пожалуй, я на недельку «притихну»...

Меня бы устроил отпуск за свой счет. Но в цеховых обязательствах записано сократить увольнительные и отпуска с разрешения администрации (обычно покрывающие лояльных прогульщиков) вдвое. Так что не пойдет. Недельку я напишу письма и почитаю книжки.

Потом проявлю инициативу овладения смежными специальностями. Но не вообще, а теми, от которых я так или иначе зависим. Например, изношенные пуансоны и матрицы надо **шлифовать**. Значит, к кому-то носить, кого-то ждать... Но почему бы не расширить свое «натуральное хозяйство»? Не думаю, что шлифовальные станки намного сложнее координатного пресса. Значит, пользуясь простым — овладеть этой специальностью, чтобы потом не зависеть от шлифовщиков...

(Чем осмысленнее твои действия с точки зрения **дела**, тем они парадоксально нелепее с точки зрения **системы!**)

* * *

В заключение небольшой профессионально-научный сюжет из жизни ИСЭПа.

На днях В. А. [Ядов. — А. А.] очень убедительно изложил на директорском семинаре программу работы сектора на XI пятилетку. Тема: «Социальные и социально-психологические особенности формирования образа жизни и индивидуальных стилей жизни в крупном городе (на материалах исследования различных групп населения)». Как обычно, В. А. сумел совместить институциональные требования и творческие искания — свои собственные и сотрудников.

Среди прочего, есть там интересное в теоретическом отношении различие **идеальной, нормативной и реальной** моделей образа жизни. Идеальная — то, как хотелось бы, но условия пока не позволяют. А нормативная — то, чего нет, но условия уже позволяют. Путь от реальных моделей образа жизни к идеальным пролегает через нормативные.

Обсуждение прошло хорошо, вопреки ожидавшейся обструкции со стороны директора института. Но В. А. и того «подкупил», включив какую-то из его бредовых схем в свою, в качестве элемента или блока. А «моська» П. все лаяла насчет основной гипотезы... Вот есть у Ладова и концепция, и задачи, и проблемы, а **гипотезы** — нет. Ау, Гипотеза!

Каждый раз, когда наш шеф оказывается в затруднительном положении, хочется чем-то помочь. Чем бы улажить оппонентов? Гипотеза должна быть: а) достаточно Глобальной; б) теоретически Корректной; в) иметь отношение к Действительности. **ГКД!** Почти как **ПКР**.

Скромный социолог-совместитель остерегся от публичных высказываний. А после заседания предложил благосклонному вниманию коллег «сырой вариант» гипотезы: «В ходе общественного развития осуществляется диалектическое взаимопревращение моделей образа жизни: нескоординированное действие механизмов общественной регуляции образа жизни и его саморегуляции в процессе продвижения реальных

моделей образа жизни к нормативным приводит к относительному удалению реальных моделей от идеальной».

Ну, а если попросту (самая краткая и, пожалуй, неприличная формулировка): «Попытки продвижения реальных моделей к нормативным приводят к удалению их от идеальной модели». Чем не ГКД?

Кончаю, страшно перечесть. <...>

Твой социолог-наладчик Андр. Ал., 03–22.05.80

* * *

Приложение Конспект письма к любимым женщинам А.

Эпиграф: «Я выглянул из кибитки, все было мрак и вихрь...».

Опережая собственное поведение... я взглянул окрест себя. Я вошел в цех. В воздухе висело разгильдяйство. Оно переливалось и светилось незаинтересованностью, некомпетентностью и безответственностью. Отдельные рабочие не были разгильдяями, но на лицах лежал отпечаток злого, но не злого разгильдяйства. <...>

Я взглянул на начальство, и мурашки побежали по моему высокоразвитому организму: разгильдяйское начальство смотрело незаинтересованно, напыщенно, самодовольно, а также некомпетентно и безответственно. <...> И хотя отдельные начальники не были разгильдяями, я решил немедленно принять меры безопасности и составил проект самозащиты от их разгильдяйского равнодушия.

Я им все написал: Перечень, Список, Обеспеченность, Заказ, Впечатления, Воспоминания, Наблюдения, Изыскания, Анализ самоанализа и Самоанализ анализа. Размышления об ощущениях и Ощущения от размышлений. И хотя все было воспринято с разгильдяйским хладнокровием, технолог К. исчезла куда-то повышать свою разгильдяйскую квалификацию. <...>

Остальные еще не сбежали от моего дистанционного управления, однако, не выдержав дозированной мною ответственности, скоро сбегут. И тогда мой станок, в полном соответствии с прилагаемой инструкцией, окажется в изолированном помещении.

Таким образом, все зависящее от меня я начал и кончил, а другие и не начинали. Так, от начальника цеха я до сих пор не получил ни одного Списка, Перечня, Размышления или хотя бы Ощущения. Со своей стороны, он скорее преподнесет своим любимым женщинам французские духи, а вовсе не открытый мною метод жизни.

Но об этом довольно, ибо проникательные читатели и без того убедились в преимуществах моего метода, а непроницаемым — это и не нужно.

О дальнейших вынужденных инициативах буду информировать в докладных, инструкциях, письмах к любимым, заявках, а также в номенклатурных списках инвентаря для станка ПКР.

Любящий Вас социолог-наладчик.

Некомпетентно и безответственно, однако заинтересованно законспектировала
Светлана М., 10.05.80

*Ремарка: **распространение пародии.***

Об авторе вышеприведенной пародии — С. Ф. Минаковой, одной из адресатов «Писем...», см. ниже.

Этот текст был разослан социологом-наладчиком всем корреспондентам, вместе с очередным письмом.

Публикуя здесь сей дружеский шарж, «экономлю» на современных комментариях к своему эпистолярному циклу начала 80-х. (Сентябрь 1999).

2.5. Загадка «сжимающейся вселенной»

[Персональный адресат этого письма (май 1980) — Светлана Федоровна Минакова, социолог и социальный психолог, канд. филос. наук.

Тогда работала в Ленинградском горном институте, а жила в г. Кировске, Мурманской области.

Ныне работает в Институте повышения квалификации работников профобразования (Санкт-Петербург), доцент кафедры психологии и акмеологии. Живет в Колтушах, Ленинградской обл. — А. А.]

Милый друг, Светлана!

Как же теперь писать, чтобы оставаться достойным твоих пародий? Изящество дружеского шаржа на первое из этой серии писем задает очень высокий уровень требований к жанру.

Попробую переложить с больной головы на здоровую... А не тебе ли, о Друг и Соавтор, обязан автор и герой этих писем столь пристальным вниманием к проблематике **личности**? Сначала к личности вообще, а потом — и к собственной личности, в частности...¹⁹

Вот и пожинай плоды моей персоны, «выходящей из кибитки». <...>

* * *

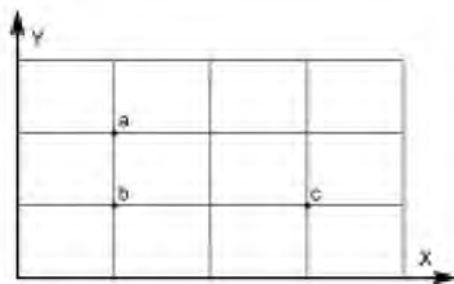
События, подлежащие освещению в этом письме, исполнены не столько внешнего, сколько внутреннего драматизма. Фабула предыдущего письма (адресованного Алле) обрывалась в громах побед на организационно-техническом фронте (параллельно с фронтом социально-этическим)... Но Судьба готовила твоему корреспонденту новые испытания.

Координатно-револьверный пресс выдерживает нужные размеры «в нулях». Чего же еще желать? И вот тут станок выкинул фортель, какого не могли предусмотреть ни Мастер старого типа, ни Мастер нового типа, а разве Господь-бог...

Постараюсь объяснить как можно доступнее.

Представь себе прямоугольник, внутри которого точки (центры отверстий) располагаются на равных расстояниях от двух его сторон, избранных в качестве баз (оси X и Y). Или, лучше сказать, располагаются в прямоугольной сетке координат (т. е. на прямых линиях, параллельных сторонам прямоугольника). См. рисунок.

¹⁹ В ту пору мы с С. Минаковой активно творчески сотрудничали. Был ряд наших совместных работ по социологии личности. См. главу 6: «Что такое счастье» и др. разделы

Расстояния отверстий «а» и «b» от базы Y — одинаковые, с точностью до 0,1 мм. Так же — и расстояния отверстий «b» и «с» от базы X. Собственно, этого и добивались при ремонте и регулировке станка. Ну, еще чтобы расстояния были не только одинаковые, но и точно соответствовали заданному размеру (что, вообще говоря, не проблема — при действительной прямоугольности координат).

И добились, и убедились, и успокоились. При этом проверяли расстояния отверстий «а» и «b» от базы Y. И отверстий «b» и «с» — от базы X. А, скажем, расстояние отверстия «с» от базы Y — и проверять нечего. Оно автоматически должно соответствовать заданному, раз обеспечено расположение отверстий в прямоугольной сетке координат.

Ан вовсе и нет! Внимательно проверив **все** размеры, социолог-наладчик обнаружил странный эффект. По мере удаления отверстий от базы Y, какая-то неведомая сила понемногу притягивает их обратно к этой базе. Вот и говори после этого, что бог не злонамерен!

Иначе говоря: если отверстие «b» точно уложить на нужном расстоянии от базы Y, то расстояние отверстия «с» от этой базы окажется «в минусе» (т. е. ближе к левому краю, чем надо). А если точно уложить отверстие «с», то, напротив, «b» уйдет «в плюс» (т. е. дальше, чем надо, от левого края).

Таким образом, дело уже не в регулировке станка, а в ее условиях. Что-то есть в этой координатной системе такое, что, улучшив одно, неизбежно ухудшаешь другое...

Возникшая драматическая ситуация имеет собственно техническую и социально-психологическую стороны.

Техническая состоит в том, что этот эффект **«сжимающейся вселенной»** (моя метафора), или «усушки размеров» (как позднее окрестил его умница-технолог с соседнего завода), является, по существу, геометрическим нонсенсом. Мои нештатные эксперты (тот же технолог Херувим, потом Бубликов), которых я спрашивал, только руками разводили: «Не бывает такого!...». Налицо, стало быть, «сверхъестественное явление»!

Не менее драматична ситуация и в социально-психологическом плане. Только что объявили полную готовность. «Больного» (ПКР) вылечи-

ли от всех болезней, выписали из больницы. И тут у него обнаружился... «порок сердца»! Куда же «врачи» смотрели? Спрашивать не у кого. Думай, Балда, сам и выпутывайся.

Психологический рисунок поиска разгадки был таков. Первым делом — убедиться, что сверхъестественный эффект не случаен, а систематически повторяется. То есть — не рука дрогнула и не померещилось... Убедился: нет, не померещилось! Далее, где искать причину аномалии? Предположить, что ларчик открывается просто, без ключа? Или что он-таки заперт на ключ, а ключ выброшен?

За три недели маниакальных поисков (в которых никто не мог помочь!) социологом-наладчиком выдвинуто и проверено около десятка гипотез «ларчика, открывающегося без ключа» (т. е. причин достаточно простых и устранимых собственными силами). Добрая половина этих гипотез была посложнее тех задач, которые мы решали в феврале-марте совместно с Мастером старого типа.

(Забегая вперед, скажу, что устранение этих «фальшь-причин» предвосхитило множество последующих возможных неприятностей, о которых мы с Бубликовым в свое время и не подозревали.)

Но все же первым предположением, которое пришло в голову социологу-наладчику, столкнувшемуся с эффектом «сжимающейся вселенной», было самое худшее: **искривлено нечто такое, что выпрямить нельзя!** Само по себе, это максималистское предположение требовало большого пространственного воображения. Эта смелая гипотеза была порождена за одни сутки (стресс — стимулятор открытий!).

Оказывается, нечто подобное может произойти (пусть никогда до сих пор ни у кого не происходило!) в том случае, если искривлена не какая-либо из установочных планок координатного стола (их-то мы с Бубликовым корректировали!), а — **самая главная линейка**. Имеется в виду почти двухметровая траверза, та самая, прямизну которой Бубликов не хотел и проверять. Мол, даже если так, этого все равно не поправишь... Жить можно и с чуть искривленным позвоночником. Горбун, может, и не красив, зато трудоспособен... Роковое заблуждение!

По счастью, «врачи» в свое время указывали на возможность существования такого порока. Вот только не подозревали его серьезности.

Что в этой ситуации делает «врач»? Он сообщает новый диагноз «родственникам больного» (технолог, начальник тех. бюро, зам. нач. цеха). И замечает, что пока он скорого «летального» исхода не предрекает (живут же люди и с тяжкими болезнями долгие годы!). Диагност склоняется в пользу «хирургического вмешательства». Но не исключает целесообразности и менее радикальных мер.

Зам. нач. цеха Кабаковцев был удручен настолько, что уже месяц не навещает «больного».

Далее, наладчик ПКР успокаивает начальство, что эту деталь он в допуск вгонит, производственную партию выпустит. Может, и другую тоже,

и третью, и десятую... Но за **любую** — ручаться теперь не может. Обрадовались. Принесли акт производственного (уже не технологического, а именно производственного!) испытания целой партии деталей. Социолог-наладчик сказал, что, когда сделает, подпишет, но с «примечанием».

Чтобы выпустить партию годных деталей при такой аномалии станка, надо каждый раз заниматься специальной подрегулировкой координатной системы. Одни отверстия (близкие к краю) загнать «в плюс», но не слишком. Тогда другие (дальние от края) уйдут «в минус», но тоже умеренно, в пределах допуска. (А если, скажем, ближние сделать «в нулях», то дальние уйдут «в минус» неумеренно.)

В общем, все это неудобно, неприятно... Можно приноровиться к болезни, но нужно же ее как-то и лечить. <...>

* * * Ввиду относительной

безвыходности положения, возникла у Балды

смутная надежда, что, может быть, дело не только в «самой главной линейке». Вдруг тут — комплекс причин, и хотя бы часть из них он может устранить. Так сказать, «сгладить» течение болезни. Как всегда, хочется верить (даже врачу), что больной не безнадежен.

Наступила пора напряженных поисков — исследовательской деятельности и технического творчества.

Обнадеженная цеховая администрация начала вдруг оперативно внедрять одно предложение социолога-наладчика за другим. Уж лучше быстро сделать новые пятки листодержателей, или искатель пантографа, или еще что-либо, чем услышать безоговорочное подтверждение неизлечимой болезни. Как всегда, алхимия способствовала прогрессу науки.

Та главная неприятность («сжимающаяся вселенная»), которую я надеялся, как бы чудом, устранить, оставалась. Зато возникала масса «приятностей».

Новые пятки обеспечивают правильное положение заготовки в револьверной головке. Новый искатель повышает точность ударов пресса. Поднятие матриц на 5 мм вверх (поначалу с помощью элементарных шайб, а потом — специально изготовленными подкладками) исключает провисание заготовки...

Одно из новых усовершенствований потребовало разрушения регулировки координатной системы, над которой столько трудился Бубликов, а Алексеев потом священнодействовал вокруг нее (см. предыдущее письмо). Это было рискованным шагом. Но Мастер нового типа сумел за два дня самостоятельно восстановить регулировку. И тогда бывший Подмастерье окончательно понял, что **«Левша» ему больше не нужен.**

Весь этот апофеоз **овладения** (по твоей терминологии: Овладение, Плато, Приспособление либо Взрыв) пришелся на вторую половину апреля. Вот уж, в самом деле — «ленинская вахта».

Несколько дней подряд энтузиаст научно-технического прогресса оставался в цехе после окончания рабочего дня, чтобы закончить проверку очередной гипотезы. Когда дело дошло до восстановления аннулированной регулировки Мастера старого типа, ушел из цеха в 8 часов вечера.

В планы социолога-наладчика не входило уходить в день «красной субботы» с обеда. Судя по всему, ожидался рабочий день нормальной продолжительности, отличие было лишь в том, что цеховой четырехугольник обходил все рабочие места и каждому цеплял на грудь красную тряпочку. Были взяты обязательства (и, разумеется, вывешены!) — сделать в этот день **полтора** задания. Выполнение отмечалось **каждые 2 часа на экране**.

Твой корреспондент был настолько увлечен своими головоломками, что, вдруг оглянувшись, обнаружил, что вокруг него пусто. В 12-30 всех как ветром сдуло, причем без всяких объявлений и извещений. (Как уж за половину смены было выполнено полтора задания — бог весть. Из экрана непонятно. Да и сняли его на следующее утро, «от греха»).

Задерживаться на работе **в этот день**, чтобы завершить регулировку, было бы некрасиво. Пришлось отложить окончание индивидуальной «красной субботы» на понедельник.

На протяжении всей этой «ударной вахты», продолжавшейся с середины апреля до начала мая, социолог-наладчик пользовался бескорыстной поддержкой рабочих и не бескорыстной — администраторов. Ведь акт производственных испытаний, который те пообещали главному инженеру завода, еще не был подписан.

5 мая я подписал акт. Впервые — отпечатанный на машинке, где подпись наладчика ПКР соседствовала с подписью начальника цеха и главного технолога. А утверждать документ должен был еще выше.

Приложенное к акту «примечание» наладчика было письменным диагнозом, не оставляющим надежд. <...>

[Здесь опущен избыточный техническими подробностями текст «Приложения к акту». — А. А.]

После всяческих выкладок в акте было написано: «**Надо**: принять решение о дополнительном ремонте координатного стола ПКР (включая демонтаж и исправление траверзы)».

Опять принимать решения!

Начальство рассудило: **пока подождать!** Потерпеть. Попробовать еще другие производственные партии. Мне это очень не выгодно. Ведь чем больше все это затягивается, тем труднее потом будет вспомнить, кто же тут виноват.

Тем более, что рыльце у Балды, уж если по большому счету, тоже в пушку. Вот если бы в период первоначального ремонта догадался предусмотреть «сверхъестественное явление», тогда бы предупредил о возможном пороке!..

Поблажку себе даете, Маэстро! Сами ищите, как «избежать ответственности»...

(Но если бы заранее все предусмотрел, не было бы и этого письма. Не было бы того драматизма, интриги, детектива... Не было бы методологических и теоретических выводов. Не было бы апофеоза Овладения, попутных технических «открытий» и «изобретений». Технологический тупик дал

толчок, импульс конструктивным усовершенствованиям станка. «Ударная вахта» на ПКР дала повод развернуться рабочей инициативе. И т. д., и т. п.)

Соглашаясь на оттяжку решения, социолог-наладчик проявил разумную сдержанность. Нельзя все время погонять клячу... Но с другой стороны, пусть командиры знают, что солдат не спит.

До сих пор возможность или невозможность запуска того или иного техпроцесса на ПКР определялась в моих замечаниях (актах) наличием или отсутствием пробивного инструмента, годностью шаблона, соотношением технологии с конструкцией станка. И вдруг (21 мая): <...>

[Здесь опущен сугубо технологический текст, из которого явствует, что некое обозначение детали не может быть выпущено из-за неисправности оборудования. — А. А.]

...Капля камень точит. Чтоб не забывали. Не надеялись — авось обойдется...

Нюся Копырина интерпретирует в своем документе: «Станок не выдерживает таких-то размеров. Предложение — откорректировать техпроцесс». Я: «Не надо им ничего корректировать. Выдержать эти размеры — **наша** забота!». Она: «Пусть зам. нач. цеха решает». Я: «Конечно. Но к ОГТ на этот раз претензий нет». Ох, уж этот «радетель справедливости»! А вообще, на Нюсю сейчас пожаловаться не могу. Очень старается.

Партия «Ф-...», изготовленная в муках, описанных выше, уже вторую неделю пылится возле станка. Она никому не нужна... Ладно, хоть ОТК проверил.

* * * Вот уже неделю я нахожусь на

прочном и бесперспективном простом.

Скучно! Все **озадачены** наладчиком. А мне что делать?!

Наконец-то Система отомстила Балде — **бездельем**. Начальство опускает глаза передо мной. Я опускаю глаза перед рабочими участка. Большинство из них тоже сейчас не перетруждается... Слесари-сдельщики то и дело оказываются без работы. Но не на целую же неделю!

В отличие от людей, умеющих демонстрировать деятельность, я либо работаю, либо демонстрирую безделье (в том смысле, что не делаю вид, будто работаю, когда делать нечего). Иногда рабочие меня спрашивают: «Зачем же **они** этот станок покупали?» — «Не знаю. Сам удивляюсь!».

Раздражения мое безделье ни у кого не вызывает. Но, будучи не у дел, стыдно маячить на виду. В итоге — я «отрываюсь от рабочего коллектива»...

Стол в инструментальной кладовой, за которым я частенько сижу, предназначен для лаборантов, проверяющих штангенциркули, микрометры. Они приходят раз в две недели, иногда реже. Мне приходится уступать им место. Сегодня Ваня Сидоров, цеховой контролер по оснастке, вдруг говорит: «Слушай, Андрей, я же могу тебя в «кабинет» пересадить!».

Есть, оказывается, отдельное помещение, своего рода филиал инструментальной кладовой, где хранятся крупные штампы. Там никто не сидит. Ключ у Вани. Он снимает его со своей связки...

В этом помещении я захопываю французский замок изнутри. И... пишу это письмо в полном одиночестве, не тревожимый никем, уже четвертый час. Ну и ну... Вот удружил, Иван Александрович!

* * * Но

нельзя же изнывать на простое неделями!

Вчера обратился с предложением к бригадиру шлифовщиков и секретарю партбюро Голикову. По-видимому, как раз сегодня цеховое начальство размышляет, как быть с очередной вынужденной инициативой наладчика: ведь смежную специальность — шлифовщика — хочет освоить, нахал!

Голиков отнесся к моей просьбе с пониманием. Сам вызвался переговорить с начальником цеха. В какой-то мере шлифовочный участок в этом заинтересован. Им меньше хлопот будет с моей оснасткой.

Так что мне уже... **не так скучно!**.. Придумал себе новую социотехническую игрушку. (И ведь для пользы дела!)

Инициатива социолога-наладчика, как обычно, предварительно обсуждена с пенсионером-инструментальщиком Степаном Филипповичем (моя «референтная группа»). «Это ты хорошо придумал», — считает тот.

...Вообще, как мне кажется, большинство демаршей социолога-рабочего обладает достоинством амбивалентности. В них сочетаются производственная целесообразность и нравственная мотивировка. И пусть социальной нормой является нечто совсем иное, это вызывает симпатию. Поскольку делается без вызова, **гнуть свою линию, не вредничая**, — вот и весь секрет.

Жора Б. (социолог, работающий в больнице Бехтерева)²⁰ на днях рассказал мне о полученном им очень интересном научном результате. Оказывается, шизофреники в преморбиде (т. е. в период жизни, предшествующий психическому заболеванию) чаще всего являются активными, эмоционально сдержанными и доброжелательными людьми. Болезнь же развивается (разумеется, если есть психосоматическая предрасположенность) в значительной мере в итоге повседневных контактов **таких** людей с **нормальным** социальным окружением.

Оставляя в стороне ценное подтверждение значимости социальных факторов психического заболевания, обрати внимание на те черты, которыми «потенциальные шизофреники» в общей тенденции отличаются от остальных людей. Для них скорее, чем для «потенциальных не шизофреников», свойственны: **активность, сдержанность, доброжелательность...**

Знаешь, это именно те качества, которые твой нескромный корреспондент усматривает... в себе самом! И которые — при полном отсутствии предрасположенности к какому-либо заболеванию такого рода (да и опоздал, с ума сходят в более раннем возрасте!) — обеспечивают, как мне кажется, относительно высокий коэффициент полезного социального действия. Отчасти этим я объясняю собственную «непотопляемость» — в достаточно сложных и даже рискованных ситуациях.

²⁰ «Жора Б.» — Георгий Васильевич Бурковский, канд психол наук

(Правда, такие люди всегда немного «зануды»... Но это сомнительное качество как будто нейтрализуется сочетанием чувства меры с чувством юмора.)

* * * В свете сказанного, вспоминается высказывание Олдоса Хаксли: **«Все, что случается с человеком, похоже на него самого».**²¹ Что же случилось в этом письме?

1) Позиция участника, наблюдающего собственную жизнь и социальные процессы, способствовала извлечению радости из событий, как будто безрадостных — от «технологического тупика» до «социальной изоляции» (обе формулировки чрезмерны, но для красного словца не пожалеешь и самого себя!).

2) Если до сих пор я истолковывал ситуацию внедрения новой технологии штамповки листовых деталей на «Полифонмаше» как микромодель социалистического производства, то теперь, кажется, готов представить себе уже и техническую систему (мой многострадальный станок) как своего рода микромодель мира. (Вспомни кривую Главную линейку!)

3) Рассмотрены некоторые механизмы взаимодействия личности (не стесняющейся считать себя таковой) и общества. В основном — на социально-психологическом уровне обсуждения обоих.

4) Представлен краткий субъективный отчет о событиях вокруг нового координатно-револьверного пресса (ПКР) на «Полифонмаше» за май 1980 г.. <...>

Милая Светлана! Без страха отдаю себя в твои руки для твоего очередного case study (или пародии?). На этом ставлю точку. Твой социолог-наладчик, 27–29.05.80

* * *

Приложение

Заявление (июль 1980)

Начальнику цеха ¹ 3 ЛЗПМ А. М. Соловейчику
от наладчика технологического оборудования
цеха ¹ 3 (раб. ¹ 03445) Алексеева А. Н.

Прошу Вашего разрешения использовать возникающие на ПКР простои для освоения специальности шлифовщика. Овладение этой специальностью позволит в дальнейшем самостоятельно ремонтировать изношенную оснастку для ПКР.

С бригадиром шлифовщиков В. И. Новиковым эта просьба согласована.

А. Алексеев, 7.07.80

2.6. Стрекоза и муравей

[Персональный адресат этого письма (июль 1980) — Нелли Алексеевна Кроюкова, биохимик, докт. мед. наук, в то время — жена автора. — А. А.]

²¹ В действительности, это изречение принадлежит Блаженному Августину, а О Хаксли только использовал его в своем романе «Контрапункты»

Здравствуй, Жenuшка!

Твое письмо «с вод» [*прибалтийский курорт. — А. А.*] так просто и бесхитростно, аж стыдно стало за свои 53-страничные.

Вот так Стрекоза: блеснула крылышками на солнце, села на зеленый лист, пошевелила усиками и вдруг снова улетела по своим стрекозиным делам. А Муравей надрывается над Соломинкой, тащит в один конец Муравейника, потом — эту же соломинку — в противоположном направлении. Именно так хочется переосмыслить известную басню.

Прими мою Светлую зависть.

А у нас... Что ж, у нас медленное шевеление горных пластов и подземные толчки. Есть «муравьиные» события:

— В ИСЭП передан многостраничный труд о «Человеке на БАМЕ».

— Ознакомившись с характером предложенной мне «на 2 мес.» административной работы (что-то вроде механика на участке печатных плат), я категорически отказался за нее браться.

Начальник цеха, кажется, очень раздосадован тем, что не вышло спровоцировать меня сменить свое положение «хозяина на своем рабочем месте» — на положение всегда виноватого служащего.

Я не согласился выполнять его просьбу, а он не выполняет мою. И вот, вместо освоения смежной специальности шлифовщика, на что я так надеялся, продолжаю изнывать в инструментальной кладовой...

— Завтра должен состояться визит на завод известного Тебе инженера-механика В. В. А.²² — для консультации наладчику ПКР и цеховой администрации насчет возможности дальнейшего ремонта координатно-револьверного пресса.

— Пришла телеграмма из редакции «Литературного обозрения»: принята к печати наша со Светланой [*С. Ф. Минакова. — А. А.*] статья, которую мы отказались, по их первоначальному требованию, переделывать.

...Вишь — сколько «**соломиноку**»!

«Любимые женщины» ждуг новых писем. А я развлекаю Единственную.

<...> Где-то в районе Рижского взморья, или не слишком далеко, есть место под названием Сигулда. Я бывал там в детстве. Это — «прибалтийская Швейцария». Доверяю Тебе посетить это место за нас обоих.

Тв. Андр., 15.07.80

2.7. В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи пустынь...

[*Персональный адресат этого письма (август 1980) — Г. Ж., театровед, кандидат искусствоведения (начало 80-х). В то время жила в сибирском городе. — А. А.*]

Здравствуй <...>!

Ты предпочитаешь оставаться **инкогнито** среди адресатов «писем социолога-наладчика». Конечно, я согласен. <...>

²² См ниже: раздел «Притча о Генеральной линейке»

* * * Почему-то, вне прямой связи со сказанным выше (а может, как раз и в связи...) возникло такое соображение — не вполне оригинальное.

...Привыкли люди мерять друг друга **деятельностью** — продуктивной, результативной деятельностью. Спешат (особенно — природы творческие!) оставить след. Потом фотографируют его во всех ракурсах, вот он — **мой след** (кто ударение делает на первом слове, кто — на втором). Так всю жизнь по мокрому песку и топают. Все пятки сбили!

Вот что писал, между прочим, великий дилетант Гете:

...Это должно быть отмечено в истории, и особенно в биографии, что значение человека заключается не столько в том, что он оставляет после себя, сколько в том, как он действует и что испытывает, и как он побуждает других действовать и испытывать...

Не подумай, что я самого Гете читал. Это я статью славянофильствующего Дм. Жукова в «Нашем современнике» читал. А тот читал Г. Винокура — «Биография и культура» — на которого ссылается. А вот уж тот сам читал Гете, наверное... Так и транслируется культура в наше время. И даже некоторых кандидатов философских наук достигает...

В общем-то, Гете в этом письме у меня «не планировался». Так, откуда-то выплыл.

* * *

Еще полтора месяца назад собирался я написать Тебе о трехнедельном периоде своей воинской службы, оказавшемся то ли антрактом, то ли интермедией в производственном спектакле социолога-наладчика. Очень был своевременный антракт. Ибо затянувшаяся к тому времени пауза в освоении ПКР должна была найти исход либо в некотором новом взрыве социально-производственных страстей, либо... в занавесе.

События и тут разыгрывались в жанре водевиля. <...>

Вкратце

«Водевиль» состоял в том, что офицер запаса был срочно разыскан через военкомат, как потенциальный начальник передвижной типографии, поскольку числится журналистом по военно-учетной специальности, да еще и работает наладчиком на «Полиграфмаше».

Пришлось разъяснить военкому, что наладка координатно-револьверного прессы не имеет ничего общего с наладкой типографского оборудования. Однако армейская машина не любит давать задний ход. И, хоть призванных на сборы военных журналистов было уже достаточно, социолог-рабочий был тоже «мобилизован».

<...> Моя военно-патриотическая эскапада дает повод для многограничного балагурства. Но сейчас — удержусь от него. Ибо — «болтун находка для врага»! Ограничусь сводкой общих выводов:

(а) Советская Армия — **плоть от плоти** и кровь от крови нашего общества. Экономические, социологические и социально-психологические

механизмы функционирования, скажем, Армии, Производства и Науки — **едины**, не говоря уж об идеологических основах. Вот разве что у первой материальная база получше.

(б) Советский журналистский корпус (среда, где вот уже 15 лет не при ходилось возвращаться) является полноценным выразителем (проводником, хранителем, знаменосцем — какие еще угодно слова?) **массового народ ного сознания**, причем в наиболее одиозных формах последнего.

(в) В Армии, может быть, более, чем в любой другой сфере общества, выражен эффект и механизм **демонстрационной, показательной деятельности**. То есть — деятельности по созданию видимости дела. Здесь он, этот меха низм, краеуголен и откровенен, как нигде.

(г) Пожалуй, в журналистском корпусе, в силу его органической про- ституированности, более, чем в любой другой сфере общества, обнажена **внутренняя противоречивость массового сознания**. Причем (по крайней мере в кругах «ландскнехтов», а не «рыцарей» пера) это — именно проти воречивость, а не двойственность. Тем более — не цинизм.

(Вообще, **цинизм** — не общий признак социалистического сознания, а лишь один из этажей этого здания со сломанными междуэтажными перекрытиями.)

(д) Люди, утратившие (или утрачивающие) способность заинтересо ванно трудиться, быть компетентными в своем деле, принимать на себя ответственность (уже не умеют, не хотят, да и не нужно!), тем не менее консервируют в себе эти ценности в качестве неких **идеалов**.

Отсюда: нравственные и интеллектуальные ценности, утратив свою роль в качестве побуждающих сил деятельности, еще остаются **критериями оценки** в обыденном сознании.

(Последнее соображение навеяно не только «армейскими» наблюдениями.)

В столь обобщенных формулах эти выводы предстают скорее шарадами... Увы, абстракции всегда тощи! <...>

Но хватит дописывать интермедию, когда уже поднялся занавес над основной сценой. И закипели там трагикомические, «полифонические» страсти...

* * *

30 июня 1980 г. социолог-наладчик вернулся в свой цех после прохождения военных сборов.

Несколько часов оказалось достаточно, чтобы убедиться, что каких-либо изменений в его отсутствие не произошло.

На координатном столе ПКР лежала сломанная табуретка. (Самое ей подходящее место!) Никому не понадобилось забирать от станка партию деталей, отштампованную два месяца назад. Цех переместился со второго на третье место в социалистическом соревновании.

Комсомольская организация взяла шефство над срочным заказом — «для героического Афганистана» (продукция мирная!). (Как писалось в одном

из Боевых листков: «это поможет афганскому народу поднять уровень идеологической борьбы против афганской контрреволюции». Примечание 1980 г.). Какие-то детали проходили и через наш цех. Но ПКР-ских в списке не было.

Нюся Копырина — больна, отсутствует.

Кабаковцев уходит в отпуск, уже в отпуске, но они с начальником цеха сменяют друг друга «без зазора». Так что пришлось заместителю выйти на работу и в первый день своего отпуска. Но, разумеется, не для того, чтобы заниматься ПКР-ом.

Однако он успел сообщить, что прогуливавшийся в прошлом месяце по цеху зам. министра, его, Кабаковцева, за ПКР «погладил»: увидел, что никто у станка не суетится и заметил: «Вы, конечно, скажете, что у Вас рабочий болеет...» — «Нет, на военную службу призван». — «Ну, как же, как же!».

Кабаковцев как всегда предложил мне почистить станок. Опять же, подходили к нему, может гаек теперь не хватает...

За два часа я справился и с чисткой, и со смазкой, и с проверкой того, на ходу ли станок. Бьет дырки туда же и так же, что и месяц назад. И тут без перемен.

Начальник тех. бюро Авдейчиков — сам первый день из отпуска, не в курсе дел. Женщина-технолог (не Копырина, а другая) сообщила, что с трудом протолкнула заказ на 16 партий заготовок для ПКР. Но их еще не отоварили. Какие обозначения? Переписываю. Кто указал, что именно эти партии? Отдел главного технолога. Где заказанные полтора месяца назад подкладки под матрицедержатели ПКР (моя «рация»)? Никто не знает.

12 часов. Обед. После обеда делать нечего. В цехе — нечего!

Но есть еще отдел главного технолога. Что-то они имели в виду, разрешая отоваривать заготовки. Звоню туда. Да, 13 техпроцессов откорректированы. Хотите посмотреть? Приходите!

Вторую половину этого дня и весь следующий день я провел за одним из столов в ОГТ. Так сказать, принимал итоги полуторамесячной работы технологической службы завода. Старший технолог П. Ю. Мглистая предупредительна. Чертежи деталей, описания техпроцессов, карты штамповки — смотрите, пожалуйста. Только актов, по которым делались исправления в техпроцессах, не предлагает. Но у меня есть копии своих «замечаний».

В отделе главного технолога, между тем, своя жизнь. Три часа занимались распределением банок со сгущенным молоком, сырков «Виола» и мясных паштетов. Их выбросили через стол заказов, по случаю окончания месяца. Под этими банками ни на одном столе, кроме моего, чертежей не видно было.

Твой корреспондент работал в своей обычной манере: без вопросов, без контактов, один-на-один с предметом труда. Станок для испытаний здесь не нужен. Это работа **технолога** — проверить доброкачественность исправленных техпроцессов. Довольно много времени заняло вырисовывание прилагаемой к настоящему письму сводки новых замечаний получертежным шрифтом.

Документ — убийственный. Вместе с тем, он мобилизует для новой деятельности. Мглистая ознакомилась с этим документом на следующий день, с каменным лицом. Крыть было нечем!

Итак, отделу главного технолога задано еще на месяц работы.

Более чем сомнительными предстают в этой связи усилия поскорее отоварить заготовки по 16-ти техпроцессам. Ибо для них еще нет шаблонов (прежние забракованы!). А техпроцессы — опять надо переделывать... А заказы на оснастку выполняются по графикам, не согласованным с заказами на заготовки... И т. д., и т. п.

<...> Пребывание в ОГТ дало повод для полезного знакомства. Благодаря ему выявился, пожалуй, **классический пример** производственной нелепицы.

В так называемый вырубной пакет (комплект пробивного инструмента) для ПКР входят: пуансон, матрица, съемник. Общий принцип штамповки таков: пуансон сверху ударяет по заготовке, пробивает ее, входит в матрицу и затем возвращается в прежнее (верхнее) положение. Во время удара пуансон скользит по внутренним стенкам матрицы. Понятно, что отверстие матрицы должно быть чуть-чуть (на десятые-сотые миллиметра) шире диаметра пуансона. Правильное взаимное расположение матрицы и пуансона, их «спаривание» — обеспечивается при наладке (матрицу можно подвинуть, подставить под пуансон в станке).

Теперь, что такое съемник? Это — металлическая пластинка с отверстием, которое пропускает пуансон в момент удара. Съемник служит для прижатия заготовки к матрице и для правильного «съема» пробитой заготовки с пуансона. В отличие от матрицы, съемник при наладке никуда подвинуть (подставить его отверстие под пуансон) нельзя.

Понятно и ежу, что в этой ситуации отверстие съемника должно быть заметно пошире, чем отверстие матрицы или толщина пуансона.

За год, предшествующий моему появлению на заводе, ОГТ наплодил чертежей, а инструментальный цех, соответственно, съемников с отверстиями — точно по размеру пуансона. Отсюда, **все** съемники, за редкими исключениями, мешают пуансону ударить по заготовке. А съемников таких — сотни!

Это обстоятельство было замечено еще моим предшественником. И меня предупредили, что отверстия съемников придется вручную распиливать. Дурацкое занятие, да что поделаешь... Но отделу главного технолога не сообщили об этой их недоработке. А те вроде бы и знали, но продолжали заказывать инструментальщикам съемники с отверстиями не шире пуансонов.

А в инструментальном цехе, тем временем, разыгрывались свои драмы. Одно дело — расточить отверстие в съемнике с 1-миллиметровым запасом. А другое — точно по размерам пуансона. С каждым съемником возятся... Не дай бог, получится больше на 0,1 мм. А уж если на 0,2, то считается браком. Но, бывало, и пропускали брак... И только этот брак был тем, что на самом деле **нам нужно!**

Итак, инструментальщики, по чертежам ОГТ, стараются делать отверстия поуже. А наладчик ПКР потом, по указанию цехового начальства, распиливает каждое отверстие пошире. Ну, как это назвать?

Вот мы и встретились в отделе главного технолога с бригадиром инструментальщиков. Тот пришел с просьбой, по случаю конца месяца, пропустить партию съемников, где отверстия получились с отклонением «в плюс». И вдруг от меня, наладчика того самого станка, для которого эти съемники, их изготовитель узнает, что как раз такие-то и нужны (он же не знаком с конструкцией ПКР, а руководствуется только чертежом заказанной ему оснастки). То-то он был рад, узнав, что отверстия на самом деле должны быть шире — чуть ли не на целый миллиметр!

Обсудили ситуацию втроем, вместе с Мглистой. Та прониклась, обещала внести изменения в чертежи съемников. Согласилась и с моим предложением произвести — в плановом порядке — ремонт всех уже имеющихся съемников (чтобы наладчику не распиливать каждый вручную). Это, оказывается, нетрудно сделать путем расточки в том же инструментальном цехе. Я обещал подготовить полный перечень оснастки, требующей ремонта.

Мглистая никак не ожидала, что я вернусь с этим списком через час. Но ведь у меня есть своя (составленная еще в январе) картотека вырубных пакетов для ПКР. И выписать отсюда сотню обозначений — пара пустяков. Сами-то технологи, по своим спецификациям, разбирались бы не меньше недели.

У меня есть надежда, что съемников с узкими отверстиями, даже если в ОГТ забудут внести поправку в чертежи, я больше не получу. Ибо их производителю (инструментальщикам) узкие отверстия не выгодны так же, как и потребителю (т. е. нашему цеху).

Вот — ситуация, моделирующая в натуре **социальные нормы** внутривзаводской кооперации!

[Эта ситуация получит развитие в следующем письме. И окажется, что только обоюдной заинтересованности производителя и потребителя для устранения производственной нелепости вовсе недостаточно. — А. А.]

Через день (2 июля) — новый эпизод такого же рода. Только что поступили новые крупноразмерные (по отверстиям для пробивки) матрицы, выполненные для... малогабаритных гнезд револьверной головки.

На сей раз напортачили конструкторы оснастки из того же ОГТ. Пришлось Мглистой вести меня к ним.

Они минут 15 пререкались **между собой**, кто был зачинщиком этой глупости. Потом смиренно переписывали продемонстрированные наладчиком в **их же** бумагах требования к соотношению внутреннего и внешнего диаметров матрицы.

Трех афронтов для двух дней более чем достаточно. Наладчик рассудил: какое-то время опять «не возникать».

...Все изложенное может показаться слишком «сгущенным» молоком. Но все это события трех дней. Со всей строгостью перечитав эти страницы, обнаружил две «неточности» или «домысла»:

1) Банки со сгущенным молоком распределялись вроде бы в течение не трех часов, а полутора.

2) Бригадир инструментальщиков пришел в ОГТ «проталкивать» брак не съемников, а пуансонов, но тут же речь зашла и о пресловутых съемниках.

Больше — ни одного домысла, смещений событий во времени, «красного словца» нет!

* * *

...Да, еще. В тот же день в ОГТ прибежал, кажется, специально меня разыскивать, цеховой конструктор Рафаил.

Дело в том, что, наконец, женщина-технолог, замещавшая не то Копырину, не то Авдейчикова, хватилась моих подкладок под матрицедержатели. Чертежи на них изготовлял Рафаил, в последний перед своим отпуском день, сверхсрочно, целый день стонал, что перед отпуском приходится так напряженно работать.

Сделал. Выданные мною ему образцы матрицедержателей (с которых надо было снять размеры для эскиза прокладок) вернул мне, а чертежи — не помнит, кому отдал. Не у меня ли они?

Нет, конечно. Я в армии был. И вот вернулся. Он в отпуске был. И вот вернулся. А чертежей нет. А спрашивают с него.

Ну, «на пушку» он меня не взял. Железки ты мне отдал, а чертежи — это ваше дело.

Нашлись потом чертежи. Прележали в столе у Авдейчикова (нач. тех. бюро цеха) больше месяца. Он, тоже в отпуск уходя, никому не передал. А Рафик зря уродовался. А теперь с него же спрашивают. Бедный Рафаил!..

Вот так и живем. Еще и неделю спустя инструментальная группа цеха не берет эти чертежи в работу, потому что Авдейчиков... не проставил на них номера.

* * *

Я считаю, что **три дня** (30.06 — 2.07) я работал **на общество**. Оставшиеся два дня этой недели (3.07 и 4.07) по необходимости были посвящены труду **на себя**.

В предыдущих письмах я писал, что благодаря милому Ивану Александровичу, моему соседу по инструментальной кладовой, я имею теперь **свой кабинет**. Это — комната под замком, где хранится громоздкое штам-повое оборудование, необходимость в котором возникает у кого-либо раз в день, а то и реже.

В этой комнате я могу курить, раскладывать на верстаке бумаги, избавлен от «пустого» общения и не мозолю глаза сам себе и окружающим.

Два дня я беспрепятственно писал там резюме («Основные социологические наблюдения и выводы») к 180-страничной (уже перепечатанной) работе «Человек, его работа и жизнь на БАМе».

* * *

В чем специфика моего исследования (да, пожалуй, и способа жизни сегодня)? Уже приходилось высказываться против **включенного наблюдения**

в пользу **наблюдающего участия** (метода, близкого к социальному экспериментированию). Так вот, меня интересуют прежде всего не высказывания, не мнения и даже не факты, индивидуализированные или массовые, а — ситуации, имеющие достоинство модели, **моделирующие ситуации**.

«В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи (или «веянье»? — не помню!) пустынь» (Н. Гумилев).

Но чтобы в капле лучше отразилось море, полезно ее сгустить. Можно сгустить силой художественного воображения, как в искусстве... Силой так называемого домысла к факту, как в публицистике... А можно сгустить — в самой жизненной практике, собственными действиями, способствующими превращению заурядной ситуации в моделирующую.

Оригинальный жанр творчества, которому можно найти аналог разве что в театре. Но там пока еще остается какой-то барьер между сценой и зрительным залом. Да и зритель — хоть и «со-творец», но не со-автор и не со-актер... В театре — сначала пишут (драматург), потом ставят (режиссер), потом играют (актеры) и сопереживают (зрители).

А тут все перемешано! И даже отчасти наоборот: сначала играют (иногда — не успев как следует срежиссировать), а потом пишут, осмыслиют. **Сначала действие, потом текст** (ну, хотя бы этот). <...>

* * *

Мое следующее письмо будет посвящено раскрытию загадки «сжимающейся вселенной». Вообще, история постижения механизма кривизны **Генеральной линейки** (мне посоветовали хорошие люди и так в дальнейшем я буду называть траверзу своего станка) имеет, на мой взгляд, далеко не частное значение. Это — своего рода модель духовно-практического овладения реальностью...

Тема эта впервые прозвучала в письме Нине, получила драматическое развитие в письме Светлане, а «философское» обобщение предполагается в очередном. <...>

А. А., 28.07.80

Все, чем душа болит, проговори сейчас.
Потом — другое будет, не такое. Другое
даже выслушать не даст все, что теперь
не сказано тобою. Пока душа удобный
случай ждет, Чтобы излиться поздним
откровеньем, вся эта жизнь опять уйдет
вперед, обдав письмо горячим
дуновеньем.

Николай Колмогоров (Сибирские огни, 1985 {?}, 16) (@)

2.8. Притча о Генеральной линейке

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Н. Я. Шустрова²³ — А. А.]

²³ См. о ней выше: раздел «Чем дальше, тем страшнее...».

Милая Нина!

<...> Мой «эпистолярный роман» **обрастает сюжетными линиями.**

Иногда они завершаются в пределах отдельно взятого письма. Развязка наступает в реальности еще в период описания данной моделирующей ситуации (т. е. пока письмо еще не отправлено). Хотя в момент начала письма эта развязка зачастую еще неизвестна.

Так, я **успел** написать (предыдущее письмо), что участок печатных плат, на который мне было предложено пойти в «псевдоадминистраторы» (вместо того, чтобы овладевать смежной рабочей специальностью шлифовщика) приказом директора завода вновь отторгнут от нашего цеха («развязка»).

А если бы клонул я на крючок нашего начальника цеха, то оказался бы социологом-наладчиком, «откомандированным» на другое производство, и потерял бы всякий контроль над событиями, которые буду сейчас излагать и осмыслять.

Выпускать же из-под контроля ситуацию ПКР нельзя. Тут только не догляди...

* * *

...Выглядываю я вчера из своего «кабинета», посреди дня. И просидел-то я в нем невылазно часа два, не больше. Вижу — толпа у моего агрегата.

А там, оказывается, гибочный пресс рядом на таях висит, и поворачивается этакая двухтонная махина в воздухе в 10 см от моего капризного координатного стола, как бы раздумывая, вдарить или не вдарить. А такелажник, подозрительно румяный, взгромоздился сапожищами на револьверную головку ПКР, чтобы до заевшей тали достать. А то они своего «слона» поднять — подняли, а опустить не могут. Наш цеховой механик стоит тут же, наблюдает.

Стас, наладчик штампов, который меня недавно научил спаривать пуансоны с матрицами через марлю, тоже ждет, когда же «вдарят»... Увидел меня — смеется: «Ну, сейчас будет п-ц твоему ПКРу...». И в самом деле, **это самое** будет.

Это называется — «установка нового оборудования». Окончательно его установят, конечно, не в 10 см, а в 2-х метрах от моего станка (это которому изолированное-то помещение положено!). Ну, а пока — вот так.

Опустили, наконец. Револьверную головку (т. е. подход к ней) мне забаррикадировали (не в фигуральном, а в буквальном смысле). Дверцу шкафа с инструментом можно теперь приоткрыть только на 45 градусов. Балансировку станка по уровню нарушили, к счастью, немного (видимо — просто за счет дополнительной нагрузки на бетонный пол рядом). Варварство? Нет, социально-производственная **норма**...

Ну, я еще Копырину с Авдейчиковым (цеховые инженеры) в наблюдатели пригнал. Зафиксировал, так сказать ситуацию... А сам ушел в инструментальный цех и в ОГТ, куда меня вызвали для очередного разбора их прегрешений.

Есть картины, которые лучше не наблюдать, чтоб потом нельзя было сказать: «Куда смотрел?». С самого-то начала я все равно не видел...

Тут надо признаться, что и внутреннее беспокойство, и внешнее хладнокровие были у социолога-наладчика чуточку напускными. Ибо несколькими днями раньше я успел снять со станка пантограф, самую деликатную часть координатной системы, и демонтировать ту самую Главную линейку, о злоключениях которой Вам кое-что уже известно (а основной рассказ еще впереди!). Вот если бы они к этой Линейке своим «колоколом» на весу приложились (а приложились бы наверняка — она далеко выступает), тут уж ПКРу точно было бы то самое, что имел в виду Стас.

Это — пример завязки сюжета. Интересно: когда же они соберутся установить гибочную машину на свое место, как все это будет, чьими усилиями и т. п. <...>

* * *

Все мои моделирующие ситуации начинаются **естественно**. Развиваются — тоже естественно, с осторожными коррективами экспериментатора. На выходе — социальная модель или, если угодно, **сюжет**.

А вот пример сюжетного хода в развивающейся ситуации, когда вдруг выясняются обстоятельства, проливающие новый свет на предшествующую (и как будто законченную) сюжетную линию. Ранее я писал о своем «конструктивном» усовершенствовании станка — подкладках под матрицедержа-тели. В итоге — заготовка лежит на плоскости матрицы, а не провисает.

Я-то думал, что вторгаюсь в конструкцию, тревожился, что пуансону до матрицы стало ближе, стало быть у него меньше «разбег» для удара, да и залезает он в матрицу глубже (что, может быть, тоже нехорошо...). И вдруг узнаю, что я приподнял те самые матрицы, которые кто-то из ОГТ, еще до моего появления на заводе, по недомыслию, припустил (тоже, как будто, в соответствии с цеховыми пожеланиями: моему предшественнику что-то в высоких матрицах не понравилось). Припустили, начав заказывать матрицы меньшей высоты.

При этом не только возникло обнаруженное мною провисание заготовки, но и съёмники (те самые пресловутые съёмники, из-за которых было столько сыр-бору в предыдущем письме!) перестали доставать до заготовки, перестали что-либо «снимать» и превратились в декоративное излишество.

Так действовал отдел главного технолога в прошлом году. А в этом — наладчик раскрутил производственную машину в обратную сторону: чтобы не переделывать несколько сотен матриц, устроил подкладки под 24-мя матрицедержателями, в которых эти матрицы должны сидеть. Как видно, этой рацией была исправлена не недоработка конструкторов (как я думал вначале), а ошибка технологов.

Однако «признался» отдел главного технолога в этом только вчера, когда подкладки были уже изготовлены. И слишком подозрительным стало, почему же только теперь «заработали» съёмники, ранее прыгавшие в револьверной головке вхолостую.

Моделирующую ситуацию нельзя насиловать. Паук ждет муху: если та зацепится за паутину, он поможет ей еще больше запутаться и высосет.

А нет, так нет... Впрочем, более «благородной» была бы аналогия с рыбаком, который водит рыбку, но не дергает, пока наживка не заглочена.

И еще один пример **развивающейся** ситуации.

Те самые злополучные съемники, которые с узкими отверстиями (помните, в предыдущем письме?), продолжают поступать от инструментальщиков, вопреки обнажившейся производственной нелепице.

Почему? А дело в том, что слишком хлопотно для отдела главного технолога в куче заказов (иногда давних) выискивать те, которые еще не выполнены, чтобы внести исправления в чертежи. И в тех. бюро инструментального цеха отказались искать эти документы, ибо там тоже все в куче и не один мой ПКР задает им работы...

А рабочие-инструментальщики не могут выйти из обозначенных на чертеже размеров (хотя бы им это и было кстати). Ведь над ними — свое ОТК. Убедившись, что сделано по чертежу, их ОТК передает свою продукцию в инструментальную группу нашего цеха, где мастер подписывает приемочную ведомость... Кладовщица пересчитывает по штукам, приходит и ставит на полку. Только тут я на страже: это — не годится! (Теперь уж я не сторожу, кладовщица Фаина сама просит проверить, а то и сходить с нею в инструментальный цех.) Такой вот «заколдованный круг»...

Социолог-«рыбак» навострил уши: клюет! Поскольку исправлять чертежи надо в первую очередь те, которые, выйдя из ОГТ, еще не воплотились в металл в инструментальном цехе, проявляю деликатную готовность перелистать всю книгу заказов за два года (это происходит в тех. бюро инструментального).

Когда речь идет о том, чтобы выполнить **чью-нибудь** работу, тут — «зеленая улица» инициатору. Я потратил меньше часа, чтобы убедиться, что почти все, что было неверно заказано, уже сделано (тоже неверно!).

Поздновато хватился... Максимум десяток съемников остался еще в работе у инструментальщиков. Я записал их номера, на всякий случай сообщил цеховому технологу Копыриной и посчитал для себя этот сюжет исчерпанным, точнее — не состоявшимся. Стоит ли из-за одного десятка, на фоне нескольких сотен съемников с узкими отверстиями, будоражить ОГТ?

Но отдел главного технолога вдруг взбудоражился сам. Похоже, эта история (без моего участия!) всплыла где-то на более высоком уровне. Узнав нечаянно, что я располагаю списком оснастки, которая заведомо потребует ремонта, ОГТ поспешило (почему в среднем роде? да как-то больше пристало называть производственное подразделение — «**оно**») запросить этот список, причем даже не у Копыриной, а у меня лично. Да еще благодарили...

(Не важно, что оставшихся не изготовленными съемников всего десяток; важен не объем брака, а опасность «разоблачения».)

Так, рыба, которая оказалась настолько мелкой, что и подсекать лень, вдруг с таким усердием стала заглатывать наживку, что пришлось вытащить, раз уж ей так это понадобилось...

Все эти примеры иллюстрируют способы зарождения, формирования и развития того, что я назвал **моделирующими ситуациями**.

* * *

Примером далеко не оконченного **сюжета** (моделирующей ситуации) являются наши взаимоотношения с начальником цеха <...>. Похоже, что моя неприязнь к нему есть лишь отражение массового накапливающегося раздражения.

В ДНД (вот уж поистине советский вариант английских мужских клубов) рассудительный, независимый (беспартийный), работающий на заводе 30 лет, имеющий собственную автомашину, шлифовщик Г. И. замечает вскользь, уж и не помню, по какому поводу: «Сколько их перевидал в цеху, а такого <...> не было. Да я бы и пяти минут не стал слушать то, что вы (рядом на скамейке сквера сидят бригадир и член партийного бюро) по полчаса выслушиваете. С бригадирами разговаривает как с мусором...» (Передразнивает начальника: «Я не потерплю неуважения к себе!»). Те молчат, вроде согласны.

А речь идет о «нечистой» борьбе за чистоту на рабочих местах, по случаю очередных комиссий. Начальник цеха, видите ли, **после рабочего дня** проверяет эту чистоту, находит неаккуратно сложенные листы, костерит мастеров, а те не хотят отвечать за бригадиров (теперь же рабочая демократия!), требуют, чтобы и бригадиры дожидались этих начальственных обходов, а вот когда начальник соизволит — через 15 или через 30 минут после окончания рабочего дня — неизвестно.

А бригадиры отказываются задерживаться. Тогда начальник осмеливается собрать их для «накачки» по этому поводу.

В очередной день, когда как раз разразился этот микроконфликт (по серьезным вопросам конфликты, как правило, не возникают), я нарочно, переодевшись, уселся возле своего станка (я же «сам себе бригадир»!) и прождал полчаса этого обхода (накануне будто бы и на ПКР обнаружилась пыль — что ж гримировать «покойника»?). Не дождался.

Бригадиры, хоть и ворчали, но 15 мин. дожидались, потом ушли. Мастера оставались, когда я уходил.

Во дворе я встретил (35 мин. после окончания рабочего дня) какую-то высокопоставленную делегацию, ведомую директором, с начальником нашего цеха в составе свиты.

Позиция Г. И., молчаливо разделяемая активистами, дает повод предположить целесообразность «доразвития» моделирующей ситуации наших взаимоотношений с нач. цеха до публичной плюхи ему на каком-нибудь партсобрании или партхозактиве.

Заслужил он ее давно. Но получит вряд ли раньше конца года. Форсировать вредно.

Смысл же плюхи (разумеется, не формулировка!) мог бы состоять в констатации, что... имеет место тенденция **возрастания степени** (соответственно — масштабов) **разгильдяйства по мере возрастания уровня руководства...**

* * *

В обиденном сознании картина разгильдяйства предстает перевернутой. Может показаться, что много стрелочников приносят больше вреда,

чем один диспетчер. На самом деле — наоборот. Впрочем, много диспетчеров тоже приносят меньше вреда, чем один начальник железной дороги.

А уж если по большому счету, то дело и не в стрелочнике, и не в диспетчере, и даже не в начальнике, а в Уставе путей сообщения!

Кстати (уже выходя за пределы данного сюжета): при массовой узурпации компетенции снизу вверх и массовом же перекадывании ответственности сверху вниз, происходит перенасыщение, соответственно, того и другого вверху и внизу. В итоге, низы оказываются совершенно **безответственны**, а верхи — совершенно **беспомощны**. И всем плохо! Но подробно об этом — в другой раз.

* * * Перейду к главному сюжету

этого письма. Он будет носить отчасти философский (во всяком случае — аллегорический) характер.

Назову этот сюжет: **Притча о Генеральной линейке, или модель овладения системой**. Модель строится на техническом материале. Система — пресс с координатным столом и револьверной головкой. Генеральная линейка — двухметровая траверза координатного стола, ныне хранящаяся отдельно от станка (в моем «кабинете»).

* * *

...Первое соприкосновение Человека с Системой вызывает благоговейный трепет, ужас перед ее сложностью и непостижимостью. Это — первое ощущение. Однако по мере расширения кругозора и возникновения первого опыта обращения с ней складывается убеждение, что Система плоха, уродлива (сделана «по-советски», при транспортировке стукнута, при установке перекошена) и, прежде чем заработает, должна быть капитально отремонтирована.

Предпринимается официальная экспертиза Системы. В итоге выясняется, что все ее показатели выходят за пределы допустимого и не согласуются между собой. Итак, нужен ремонт, переделка.

Вопрос — **что** ремонтировать? Заменяются подшипники, просверливаются недостающие дырки, подбиваются клинья, одна за другой снимаются и шлифуются координатные линейки и направляющие — все, что можно сделать в местных условиях и подручными средствами. А чего нельзя — так стоит ли и проверять? (говорят знающие люди).

Отшлифованные линейки не лезут в гнезда, исправленные подшипники не хотят крутиться... Но мы их заставим, и линейки подколотим, чтобы влезли, стервы, и под прямым углом стояли друг к другу, и параллельны были базовой линейке, ну, а та — чтобы с Генеральной не расходилась в направлениях! Нам ведь — чтобы концы с концами свести и чтобы дырочки Система пробивала **параллельно самой главной линейке**, а остальное все — «х-ня!».

Еще до того, как был достигнут этот желанный результат, было у Человека прозрение (ну, вроде атомистического представления древних): а вдруг та самая Генеральная линейка (которую и проверять нечего, ведь

она Самая главная) — **кривая**? В каком смысле кривая, как и на что может повлиять ее кривизна — об этом не думалось. Не тот был уровень развития, так — наивная догадка.

Может и кривая — ну и что? Работает же Система!

Все, что поддавалось исправлению, отремонтировано на славу. Только чуть тревожили странные показания приборов в некоторых узлах. Система заработала. И тут обнаружилось, что дырки она бьет, хоть и параллельно Генеральной линейке, но как-то несуразно. Дырочки словно боятся отодвинуться к краям стального листа, а все как-то к центру жмутся. Поближе к центру и друг к другу... Такие «компанейские» дырочки! А относительно Генеральной линейки все стоят по струнке...

Назвал Человек это эффектом **сжимающейся вселенной** и задумался. Отчего же она «сжимается»? И вспомнил свои наивные прозрения. А вдруг Генеральная — кривая? Но теперь он уже был умудрен техническим опытом и заклинания его не удовлетворяли. Если она кривая, то почему же вселенная сжимается, а не перекашивается, к примеру?

Все, что можно было отремонтировать, было уже исправлено. Так что оставалось Человеку эту Систему совершенствовать. Он это делал, и не безуспешно. С полдюжины было всяких рационализаций. Все более точно работала Система, по самым разнообразным параметрам. Вот только сбегание отверстий друг к другу оставалось. А при этой неприятности все остальные результаты обесцениваются.

И ведь не то чтобы ученическая была задача. Нет, и более развитые цивилизации с такими странностями природы не сталкивались: «Не бывает такого, и баста!»

Тогда вернулся Человек вновь к убеждению в **кривизне Генеральной линейки**. И не потому, что понимал, как может ее кривизна вызывать подобные эффекты. А потому, что больше уж грешить не на что было. Ведь все остальные узлы Системы — с Генеральной линейкой согласованы.

Придумал, наконец, объяснение. Столь же хитроумное, сколь может показаться современному человеку геоцентрическая модель Птолемея. (Тому ведь надо было как-то сообразовать мировоззрение с астрономическими наблюдениями; вот он и придумал «эпициклы» — планеты вращаются вокруг Земли, но не сами, а по кругам, центры которых находятся на геоцентрических орбитах.) Измерения как будто показывают, что Генеральная линейка изогнута в вертикальной плоскости. Значит, надо ее выпрямлять.

Вот только червячок сомнения был: а не должны ли были бы отверстия в таком случае не сбегаться к центру, а напротив — к краям разбегаться? И насколько? Но настолько изощренной была эта геометрическая гипотеза, что не хватило у Человека на ее окончательное подтверждение пространственного воображения (не говоря уж о тригонометрической эрудиции).

Тем не менее, выхода не было, и стал Человек готовиться к **Великой операции**. Говорит:

«Оперировать (снимать эту Главную линейку к чертям собачьим да выпрямлять) все равно надо. Может, обновленная Система будет не лучше прежней. Но и с этой Генеральной ей больше никак нельзя...»

* * *

До сих пор содержание притчи суммировало один из сквозных сюжетов всего сериала. Особенно существенны в этом плане второе (Вам) и пятое (адресованное Светлане) письма. Вы без труда идентифицируете в этой притче нашу технико-ремонтную эпопею с Бубликовым и мою индивидуальную эпопею с реконструкцией ПКР.

Впрочем, Вы, дорогая Нина, много еще чего здесь идентифицируете! Прямо-таки жуткое какое-то сходство обнаруживается у этой модели с более глобальными.

Известно, что человеческий зародыш в своем утробном развитии повторяет основные стадии развития живой природы. Неужто то же происходит с человеческим познавательно-преобразовательным овладением миром («онтогенез», повторяющий «филогенез»)? Но, видит Бог *[интересно, все время писал с маленькой буквы, и вдруг, «нечаянно», написало тогда с большой. — А. А.]*, я ничего не выдумал. Вот где обнаруживается преимущество сериала, сочиняемого во времени. Не мог же я во втором письме предусмотреть, что будет в пятом. А в пятом — не знал, что будет в седьмом...

А было вот что (я еще закончу притчу, а сейчас — «прямым текстом»).

Есть у меня двоюродный брат Володя *[В. В. Абрашкевич. — А. А.]*, моложе меня на пять лет, физик-экспериментатор, инженер-электрик, инженер-механик, инженер-радиотехник, уж не помню, что еще. Да просто — талантливый человек, технический выдумщик, изобретатель, способный из подручных средств изготовить любой агрегат, от трехколесного автомобиля до медицинского прибора.

В деда пошел (а он, Петр Михайлович Пузанов, был едва ли не первым в Петербурге инженером-механиком, ездившим на автомобилях собственной конструкции и изготовления). И в прапрадеда (Павел Петрович Аносов, известный металлург, изобретатель русского булата).

Так вот, рассказал я Володе свою техническую задачку. А он (станка в глаза не видевший!) порисовал, порисовал на листочке и говорит: «Похоже, что твоя генеральная линейка — кривая. Только не в вертикальной, а в горизонтальной плоскости».

[Искривление в вертикальной плоскости — фронтальный вид; в горизонтальной — вид сверху. — А. А.]

И в самом деле, похоже на то. **И просто** — ну, прямо «Коперник» против моего «Птоломея»!

Вызвался Володя посмотреть станок. Организовал я ему разовый пропуск на завод. Три часа после окончания рабочего дня мы занимались привычными для меня измерениями. Но, в отличие от прежних, с перспективой их последующего использования для тригонометрических вычислений. Еще через день Володя, уже дома, эти вычисления произвел.

В тот самый день, когда он считал, я приложил к траверзе координатного стола обычную мерительную линейку, позволяющую оценить плоскостность. Раньше это не приходило в голову, потому что моя Генеральная частично скрыта кареткой, которая по ней ездит. Но можно же померить, хотя бы в доступных местах...

Этого измерения мы с Володей не производили просто потому, что не было под руками подходящего инструмента. Я получил **эмпирическое подтверждение** искривленности траверзы, и именно в горизонтальной плоскости, как и предсказывал Володя. Между мерительной линейкой и плоскостью Генеральной обнаружилась щель 0,08 мм (при длине мерительной линейки 0,5 м).

Володя получил тот же результат **расчетным путем**, на материале всех остальных, косвенных измерений, которые мы делали вместе. Это в точности соответствовало и величине «сжатия вселенной» (порядка 0,1 на расстоянии 100 мм). По расчетам младшего брата, Генеральная линейка ПКР имеет вид двухметровой дуги окружности радиусом полкилометра. Это как будто немного... Но достаточно, чтобы перевести станок в самый низкий, седьмой класс точности.

Еще неделю я потратил на приобретение разрешения «разломать» станок и вынуть из него кривую Генеральную линейку.

Разрешение должен был дать Авдейчиков, замещавший тогда зам. начальника цеха. И он, наконец, это разрешение дал — **накануне** выхода того из отпуска (чтобы дальше думал, что делать, уже зам. нач. цеха?). Все дело в том, что траверзу длиной два метра надо исправлять на гигантском шлифовальном станке, чтобы пройти эту длину за один заход. Иначе дуга может превратиться в восьмерку или во что-нибудь вообще несообразное.

Но окончание этой истории лучше описать, возвратившись к жанру притчи.

* * *

...Уже решившись на **Великую операцию**, не исключая даже возможности ее осуществления революционным путем (если не будет согласия начальства), Человек решил посоветоваться с Младшим братом.

Брат, который по техническим системам собаку съел, предположил, что Генеральная линейка и впрямь искривлена. Но — совсем в другой плоскости! То есть — братья не разошлись в кардинальном вопросе о кривизне Генеральной. Вот только угол зрения у Младшего оказался вернее.

Гипотеза Младшего брата была подтверждена совместной братской деятельностью, где сочетались экспериментальный и теоретический моменты. Вычисления сошлись с наблюдениями. И основа Системы предстала вместо прямой — даже не восьмеркой, а правильной дугой окружности радиусом в полкилометра.

Теперь стало ясным, почему так упорно не садились в свои гнезда все остальные выпрямленные на первых этапах овладения Системой ее элементы. Ведь все они выстраивались по Генеральной линейке. А она-то и

была кривой! И когда Человек (вместе с Мастером старого типа) подколачивал под выпрямленные остальные линейки клинья, он **искривлял** их обратно (в полном соответствии с кривизной Генеральной линейки).

Интересно пояснить эту модель графическим изображением. <...>

[Здесь рисунок опущен. — А. А.]

...Бедные линейки «Б» и «Д»! Представляю, как они устали подлаживаться под кривую Генеральную линейку «А»! *[Здесь игра слов: «усталость металла».* — А. А.] Но ничего, они — **каленные** и упругие; выпрямить Генеральную, и все благополучно встанут на свое место, без напряжения. А сама-то Генеральная, между прочим, **сырая** (т. е. не каленая). Вот ее, как согни, так она и останется...

Но если Человеку ясно, **что** делать для оздоровления Системы, то остается открытым вопрос — **как** делать... Уж больно громадна Генеральная. Нет в окружающей нас Галактике таких шлифовальных станков, чтобы ее привести в норму (подрезать горб, стесать концы). Вот и ищем.

Во избежание иллюзий, что, мол, и так жить можно, **вынул человек Генеральную линейку из Системы**. Стоит теперь Система без Генеральной. А та — лежит в кладовой, ждет своей участи.

(Примечательно, что Генеральная линейка была изъята из Системы, так сказать, легально — «парламентским» путем. Но это случилось накануне того дня, на который Человек назначил для себя революционные действия. Впрочем «парламентарии» того, разумеется, не знали. Разве что могли предчувствовать...)

Чтобы покончить с технической стороной дела, взгляните на рисунок. <...>

[Здесь опущен рисунок, поясняющий геометрическую загадку «сжимающейся вселенной» при искривленной Генеральной линейке. Опущены также тригонометрические расчеты и комментарии к рисунку. — А. А.]

* * *

Теперь — **мораль из Притчи**:

А. Человек проходит следующие стадии **познавательного и практического** (считайте это одним словом!) или духовно-практического овладения Системой:

- 1) Мистический ужас перед Системой;
- 2) законное возмущение ее несовершенством;
- 3) наивное подозрение, что Самая главная линейка — кривая;
- 4) отказ от «дурных мыслей» и честный ремонт всех второстепенных узлов;
- 5) подгонка этих узлов под Генеральную линейку (исходя из предположения о ее прямизне);
- 6) Великое разочарование;
- 7) творческие поиски и всемерное усовершенствование Системы;
- 8) второе Великое разочарование;
- 9) убежденность в кривизне Генеральной линейки;
- 10) выдвижение ложного предположения о механизме этой кривизны;

11) подготовка Великой операции (изъятия Генеральной линейки из Системы);

12) счастливое открытие истинного механизма кривизны, накануне операции;

13) Великая операция — Система без Генеральной линейки;

14) изыскание конкретного способа замены извлеченной из Системы Генеральной линейки или исправления ее кривизны;

15) ??

(Вы скажете, что неплохо бы сначала 14-й, а потом уже 13-й пункт. Вы будете правы. Но скажите, где и когда было иначе? Мой сюжет моделирует **реальные** ситуации, а не благие пожелания.)

Б. Второй вывод: Система — железная Дура, а Человек остается человеком.

В. Гляди в Корень (не нами сказано!).

Г. Ищи Младшего брата.

* * * <...> Извлечение Генеральной

линейки состоялось утром в пятницу

25 июля.

До обеда занимался всяческими измерениями. Потом привел Авдейчикову, чтобы показать ему, как двухметровая траверза, лежа на координатном столе, пляшет на собственном горбу. А будучи перевернута обратной стороной, пропускает под себя лепесток шупа толщиной 0,3 мм. Итак, не только теория сошлась с вычислениями, но и расчеты подтверждены эмпирической очевидностью. (Правда, последнее обычно происходит только тогда, когда Генеральная линейка из Системы уже вынута).

С тех пор прошло уже десять дней... Может быть, Вы знаете, где в Ленинграде есть гигантский шлифовальный станок? <...>

* * * Любимые скоро взвоят: что

за «производственный роман»! Сколько

можно поить их пойлом из железных опилок? А где же **люди**?!

Но я уже отрекался от звания «инженера человеческих душ». Люди для меня существуют в **отношениях** (в частности, в производственных отношениях). Я не лезу в души. Я изучаю **ситуации**. Иногда помогаю им созреть. Люди для меня предстают — в **действиях**.

Я, признаться, с бóльшим доверием отношусь к своим реконструкциям людских мотивов, чем если бы люди сами стали их объяснять. Мне дороги не отдельные подслушанные словечки и мысли (хоть я и с бóльшим уважением отношусь к этому способу познания).

Мне, повторяю, интересны действия, ситуации и отношения.

* * * ...А отношения складываются

месяцами. Я могу себе это позволить.

Сейчас — скорее для себя, чем для Вас — попробую составить список лиц, с которыми у социолога-наладчика за полгода возникли **отношения**. Некоторые из них являются повседневными, некоторые эпизодическими, но это та-

кие отношения, которые можно считать **двусторонними**. В них решительно преобладает деловой аспект, но встречаются и эмоциональные вкрапления.

В трех-четыре случаях можно констатировать даже баланс эмоциональной и деловой компонент.

(Порядок здесь произволен) — инструментальщик...; инструментальщик...; технолог...; зам. начальника цеха...; наладчик штампов...; слесарь...; мастер инструментальной группы...; сменный мастер...; слесарь-инструментальщик...; токарь, член парткома завода...; мастер РМЦ...; токарь, профгрупорг участка...; шлифовщик, парторг цеха...; старшая кладовщица участка...; начальник цеха...; рабочий...; бригадир слесарей...; ведущий технолог ОГТ...; технолог ОГТ...; механик цеха...; начальник участка печатных плат...; слесарь-ремонтник...; слесарь-ремонтник, пред. цехкома...; шлифовщик...; шлифовщик...; фрезеровщик...; начальник тех. бюро цеха...; конструктор цеха...; работник ОГМ...; бригадир токарей, ответственный за ДНД...; шлифовщик, сосед по раздевалке...; кладовщица...; табельщица...; начальник ОТК цеха...

<...> Из этого списка, пожалуй, десятков могли бы на сегодня получить здесь **развернутые** социально-психологические портреты. Много это или мало? Скорее мало. Я — не экстраверт.

Но есть, повторяю, то великое достоинство в моем положении, что мне некуда спешить.

// К троем из этого списка я сам испытываю чувство глубокой и искренней признательности. Это: Федор Филиппович К., Иван Александрович С. и Станислав П. — все трое рабочие.

По крайней мере трое должны бы испытывать не меньшую признательность мне. Это: Нюся Копырина, Мглистая, Кабаковцев — все трое ИТР.

Однако ни я по отношению к этим троем, ни они по отношению ко мне своей признательности пока явно не выражают.

К двоим я испытываю ненависть (похоже, что «классовую»... Примечание 1980 г.). Это: С. и Кесарев — оба ИТР. (Надеюсь, взаимно).

К двоим — презрение. Это: Е. и К. — оба не рабочие, но и не ИТР, а так — придурки. (Полагаю, что соответствующего ответного чувства они ко мне не питают.)

Ко всем остальным я либо расположен, либо индифферентен эмоционально. Соответственно, и они ко мне (либо то, либо другое). //

Ремарка: «ненависть» и «презрение»...

Фрагмент, выделенный (//), позднее цитировался на партийном собрании цеха (апрель 1984), где обсуждалось «дело» социолога-рабочего.²⁴ (Сентябрь 1999).

...Кроме перечисленных шестерых, которым я благодарен либо которые должны быть благодарны мне, а стало быть я тоже им симпатизирую (такова человеческая натура — симпатизируют не только «спасителям», но и «спасенным»), есть еще четверо, в отношениях с которыми эмоцио-

²⁴ См в главе 8: раздел «Речь идет о жизни и смерти...»

нальная компонента (с моей стороны) могла бы превышать обычную расположенность. Это: Авдейчиков, но слишком большой лентяй; Рафаил, но слишком суетлив; Ксения, но слишком криклива; Голиков, но слишком — ни рыба ни мясо. (Первые двое — ИТР, последние — рабочие).

Думаю, что этот круг за полтора года вырастет раза в два-три, при сохранении тех же пропорций, т. е. структуры взаимоотношений.

...А Вы, Нина, никогда не пробовали подводить подобные балансы своих служебных контактов?

Да, есть у меня «референтная группа». Это: Федор Филиппович и Иван Александрович, иногда я кооптирую в нее Станислава. Это люди, с которыми я иногда обсуждаю свои режиссерские замыслы. Надо сказать, очень достойный «худсовет».

Есть у меня еще «референтная группа» и на соседнем заводе. Это: социолог-слесарь Сергей Р. [*С. М. Розет. — А. А.*], слесарь-инструментальщик Бубликов, технолог Херувим.

С первым мы встречаемся у метро «Петроградская» по средам, после работы (к сожалению, не каждую среду: либо он не придет, либо я, но так у нас и договорено). Глубиной и оригинальностью экзистенциально-производственных наблюдений Сергей, полагаю, превосходит меня. Может быть, потому, что я **играю**, а он — **живет**. Как жаль, что он не пишет писем своим Любимым женщинам... Мы пьем вместе кофе, иногда вино, и неторопливо обсуждаем наши жизненные проблемы.

С Бубликовым и Херувимом давно не виделся. Но ужЛ похвастаюсь им про свою Главную кривую линейку.

Ну, и еще одна «референтная группа» — Младший брат (Володя). Он, кстати, оказался единственным участником эпопеи ПКР, начисто лишенным разгильдяйства (напоминаю: незаинтересованность, некомпетентность, безответственность).

Я склонен приложить к этому письму текст **памятки** для меня, составленной им: «Что и в какой последовательности надо сделать, чтобы **все** было хорошо». (См. приложение). <...> [*Здесь это приложение опущено. — А. А.*] Кажется, он перешпюнул меня по добросовестности и обстоятельности. Почитайте. Это же немислимо! Я все-таки тоже немного **разгильдяй**...

Я спросил Володю: «Сколько бы ты потратил времени на выполнение всей этой программы-минимум, **если бы тебе не мешали?**» Он ответил: «Месяца два».

Что ж, с нашими временнПми накладными расходами, в этой разгильдяйской стихии, думаю, что и он потратил бы года полтора. А у меня их нет.

* * *

Милая Нина!

Письма Вам мне удаются «не переводя дыхания». На написание этого вчера затрачено 8 часов, и сегодня — 4, итого: 12 часов чистого жизненного времени. <...>

Ваш социолог-наладчик, 5.08.80

...Любой опытный механик знает главнейшее, что надежно проверить и настроить сложнейший механизм можно только в строгой последовательности, т. е., как говорят в народе, «**плясать от печки**», в противном случае все расстроится и запутается еще больше и больше времени потребуется, чтобы вернуться к «печке»...

А. Г. Салипатров

2.9. Пляшущие на углях

[Персональный адресат этого письма (август 1980) — Р. В. Рывкина.²⁵ — А. А.]

Дорогая Инна!

<...> Добросовестность моей реакции на твою августовскую записку вышла за границы разумного. Об этом Ты можешь судить по характеру и объему приложений к этому письму.

Вот видишь, как опасны трогательные заявления вроде того, что «продолжение **очень** важно и сейчас стоЕт в списке ценностей на **первом** месте... (1) потому что ты (т. е. я), (2) потому что жизнь...». Мой ответ Тебе — на десятках страниц... Не получился бы эффект «обезьяньей лапы» (по Винеру).

Но деваться Тебе уже некуда и придется потратить полный рабочий день. На одно только чтение. Про жизнь и... про меня. <...>

Я собираюсь выслать Тебе также комплект **всех** писем (это же — восьмое!), которые уже перепечатаны; это целая пачка, которую я пока боюсь доверить почте, но все же, вероятно, решусь — ценной бандеролью, если это письмо не потеряется.

Папка эта будет — **Тебе насовсем**.

В общем, получив это письмо, подтверди, пожалуйста, получение его **телеграммой**, даже не читая. Это будет для меня сигналом выслать все предыдущие письма, да и это — перепечатанное — впридачу. Так что мучаться над каракулями Тебе больше не придется.

(Ну, а уж как Ты справишься с восприятием восьми «писем Любимым женщинам» подряд, я не берусь прогнозировать. Для этого надо испытывать уж очень нежные чувства к корреспонденту...)

* * *

Разумеется, не надо Тебе продолжать старое «полуписьмо» с постраничными замечаниями на мое самое первое. Вообще, по отношению к этому «эпистолярному хулиганству» не надо накладывать на себя никаких моральных обязательств. Единственная обязанность — уверить корреспондента в получении.

Читать можно подряд, можно выборочно; можно — сегодня, а можно и через год.

Если бы мы жили в одном городе, наверное, уж раз десять за год встречались бы. (Или чаще?) Что-то друг другу рассказывали бы, показывали...

²⁵ См о ней выше: раздел «“Формула разгильдяйства” и вынужденная инициатива...»

Вот и это восприятие стоит «растянуть». Так сказать, со сдвигом по фазе. Подобно тому, как мы наблюдаем звезды, отстоящие от нас на расстоянии нескольких световых лет.

Все же я отвечу на некоторые твои замечания и реплики. Ибо там есть моменты, не обсуждавшиеся в последующих письмах.

О так называемом «почине»

Если не хочешь большого шума, организуй «микрошум».

Попробуй-ка иначе нейтрализовать противодействие официальных инстанций эксцентричным поступкам субъекта, от которого привыкли ожидать, что он чего-нибудь выкинет, но **этого** — не ждали. Вот они и успокоились, увидев в странных действиях нечто **им** понятное. И, кстати, вовсе не противоречащее действительным намерениям социолога (исследовательский мотив).

Как объяснить секретарю парткома или начальнику отдела кадров завода, что ты не диссидент? Успокаивающий звонок из обкома партии снял это (довольно правдоподобное) подозрение с кандидата философских наук, вдруг заинтересовавшегося наладкой координатно-револьверных прессов. Вот и весь «щелчок сверху»...

Вспоминаю, как я снимался с учета в Д-ском РК КПСС. Положено по такому случаю встречаться с секретарем райкома. Я безмолвно отдал ему копию докладной записки Ядова Сигову²⁶. Тот, прочитав, сразу перевел в **свои** понятия: «Вероятно, будет докторская диссертация!». И пожелал мне успеха.

Ну, а сосед-инструментальщик на заводе выбрал с моего «блюда» мотив экзистенциальный, более ему понятный. Хоть я и исследовательского не скрывал... Только формулировал в терминах обыденного сознания: «Интересно!».

Так что не шум, а минимизация шума. Что-то вроде профилактической прививки. Я поступил туда, куда хотел. Я никакого вызова социальным институтам не сделал. Лучший ныряльщик тот, который входит в воду без брызг. В том-то и дело, что я не хочу ничего никому доказывать. Но я исключаю возможность швырять мне вслед камни.

Человек залезает на конкретную скалу вовсе не затем, чтобы все за ним лезли. Каждый пусть лезет на свою скалу. А кто-то, глядишь, заберется и на Эверест.

В свете сказанного, я вовсе не стремлюсь к тому, чтобы все рабочие, скажем, писали служебные записки начальнику цеха. Максимум того, что я хотел бы «доказать» (уж коли употреблять это слово): **и так — можно!**

Что такое всякий более или менее не тривиальный (в глазах окружающих), однако органичный (для данного человека) поступок? Это есть мини-вклад в увеличение индетерминизма человеческого поведения, в преодоление всех нас тяготящей тенденции сужения свободы выбора. Вот и вся игра!

²⁶ В оригинале письма использовались псевдонимы

Можно круто менять способы жизни, не травмируя себя и не эпатируя систему. Резервы свободы поведения нормальных, не исключительных людей — далеко не исчерпаны.

Вот и все мое «нравоучение». (В отличие от предыдущих писем, я здесь не скоморошествую!)

О «юмористическом настрое»

Согласен, действительно — перебор. Если бы только первое письмо такое, а и остальные — «с выкрутасом». Я называл это «ерничеством», «балаганом»... А ведь это — опять самопрививка. Убрать пафос инъекцией заведомого псевдопафоса. Надуть щеки, чтобы не надорваться. Каждый должен быть сам себе психологом. Вот я и проявил такую «вынужденную инициативу» — по отношению к собственной психике и письму.

Нестинары (пляшущие босиком на угольях) именно пляшут, не останавливаются. Горящие угли — **Истина, Суть, Жизнь!** Остановишься — тут и самые привычные подошвы сгорят.

Мы зажаты корсетом профессионализма, автоцензуры, стремления увидеть свое сочинение в печати. Так вот, хочешь прорваться к Сути — раскрепости себя так, чтобы было заведомо «не профессионально», «не прилично», «не печатно» (ни там, ни сям!)... Говори так, как можно только с «очень близкими» или с «очень далекими» разговаривать. Исключи внешние цели (кроме разве столь невинной, как побудить улынуться возлюбленную).

Есть опасность — сорваться в фиглярство... Но друзья поймут, что ты просто учишься — **как-то иначе**. Не так, как умеешь, ибо это не удовлетворяет. Пожалуй, и научиться уже не успеешь... Но кабы знать — чему? Лучше не знать.

Как остроумно заметил С. Мюэм, боги смеются, когда люди достигают того, чего хотят.

<...> В твоих пометах к страницам моего первого письма узнаю рецензента-профессионала. Вот тут, мол, «блеск», а тут — «ужас»... Да не может там быть ни «блеска», ни «ужаса» — в личном (ну, полуличном) письме! Просто — еще одна попытка расширить свободу самоосуществления.

Я вот уже 16-ю (рукописную) страницу пишу без «желтой кофты». Но отсюда вовсе не следует, что обрел серьезность. Другое дело, что я не отношусь с большей серьезностью, чем к этому письму, к тоннам социологической, скажем, макулатуры. В ней так редко попадаются «жемчужные зерна»...

Но это уже факт не моего персонального, а общественно-научного развития и опыта. <...>

О совместительстве

Произведя за эти полгода около 15 печатных листов профессионального научного текста (по преимуществу отчеты, но есть и статьи; тут и

совместительство в ИСЭПе, и группа «Социология и театр»), я остаюсь «в форме». Вот только я сам выбираю работу, а не она меня. В принципе, меня совсем не отталкивает профессиональная социологическая работа за деньги, но в качестве **наемного работника**, а не **крепостного**.

В институте подразумевается, что я вернусь через два года (предположения о более раннем возвращении как будто рассеялись). В цехе я намеренно объявил, что поступаю туда **не меньше**, чем на два года (и в серьезности своих намерений повода сомневаться не дал).

Как поступил на рубеже 1981–1982 гг., сейчас не знаю. Намеренно и здесь организую себе свободу выбора.

Кому что надо...

Ты спрашиваешь, почему тебе надо, а им — не надо (запустить станок)?

Дело в том, что (помимо общего объяснения «формулой разгильдяйства»), ввиду фиаско отдела главного технолога с подготовкой техпроцессов, запуск программной продукции на ПКР отложен генеральным директором до будущего года. Стало быть, до очередного втыка цеховому начальству далеко.

А я не хочу, чтобы с ПКР возникли неприятности в 1981 г. Ибо все втыки, которые они тогда могли бы получить, бросят тень и на меня. Вот и приходится спасать начальство от будущих неприятностей, не желая делить их с ним.

О нет, далеко не так уж бескорыстен социолог-наладчик! Просто мне не улыбается «сидеть в луже», хотя бы и в хорошей компании...

И еще: то, что сегодня можно сделать **как следует**, надежно, то потом, в спешке, — только плохо, **кое-как**. <...>

Путешествие Генеральной линейки

Но вернусь к текущим событиям. 20 августа Генеральная линейка, почти месяц пролежавшая в «кабинете» социолога-наладчика в ожидании своей участи, была завернута в **кумач** (других тряпок не нашлось). И на специально заказанном для этой цели автобусе перевезена к Станкостроительному заводу. Там ее, на улице, перегрузили на автомашину этого последнего. Которая уже доставила ее к шлифовальному гиганту.

Удивишься, почему такие хитрости? А потому, что это — «левый» заказ, результат личной договоренности двух главных механиков. При этих условиях отшлифуют — за несколько дней. А то, чего доброго, понадобилось бы полгода на согласование этого вопроса между двумя министерствами (заводы относятся к разным министерствам!).

Генеральную линейку, завернутую в кумач, «похудевшую» на полмиллиметра, должны были вернуть сегодня, 22 августа. Но что-то заело и в левых договоренностях. Это позволило мне написать настоящее письмо.

...Устранить имеющееся искривление траверсы по 4-м рабочим поверхностям (l=1900). Обеспечить плоскостность и взаимную перпендикулярность рабочих поверхностей (плюс-минус 0,01) за счет минимальной шлифовки «на ровно»...

(Из требования на ремонт траверсы станка ПКР КО-120. 20.08.80) (@)

Единство в многообразии

Ну, осталось 2,5 страницы (рукописных) до конца. Надо хоть как-то замотивировать Приложения.

[Приложениями к этому письму были различные работы автора, журналистские и научные, от 60-х до 80-х гг., посвященные проблемам производственной жизни. — А. А.]

Что общего во всех этих текстах? В конечном счете — единый **субъект** и единый **объект** отражения, но тот и другой в развитии. Сам выбор темы, жанр, способ решения темы являются отражением этого своеобразного переплетения двух «динамик» — общества и человека.

Я мог бы, наверное, и сейчас написать, как 15–20 лет назад, о том «как меня учили»... Но зачем, когда сегодня «яйцам» приходится учить «курицу». (Напомню, что полгода назад я впервые взял в руки штангенциркуль; в первые «хождения в рабочие» мне с этим универсальным инструментом дела иметь как-то не приходилось.)

А ситуация, описанная в журналистском опусе «От людей не спрячешься»? Ныне, с развитием «участия трудящихся в управлении производством» прошла мода на коллективные письма рабочих в редакции. И не то чтобы бояться — а незачем. «Социально зрелый» нынче пошел рабочий класс... А тут (в статье 60-х гг.), как само собою разумеющееся, три «коллективки» с одного завода, в одну и ту же редакцию, почти в одно и то же время.

Вот так меняется объект. А субъект? Да неужто один и тот же человек писал про «производственный мир» — в этих сочинениях 15-летней давности и в сегодняшних?! Подпись не оставляет сомнений.

Человек един в своем многообразии, как мир многообразен в своем единстве. Впрочем, пора улыбнуться над собой, чтобы от псевдопафоса не сбиться на настоящий пафос, который как раз и неуместен в моем нынешнем, вовсе не публицистическом жанре (это письмо). <...>

Пока все — про Жизнь и про Себя, точнее — про Себя в Жизни и про Жизнь в Себе. Где тут что — поди разберись. <...>

Андр. Алексеев, 22.08.80

Ремарка: задал работы адресату!

Кроме вышеприведенного, письмо сопровождалось еще семью приложениями, на сотню машинописных страниц. Среди них: журналистские очерки прошлых лет, научные отчеты, тексты «замечаний по технологическим процессам».

Для освоения всех этих материалов адресату, действительно, понадобился бы целый день. (Сентябрь 1999).

...Обезьяна отличается от других животных тем, что умеет смеяться над другими. Человек отличается от обезьяны тем, что умеет смеяться над собой.

...Даже если вы трудитесь на благо человечества, вы делаете это для своего удовольствия.

...Не столь важно, чего ты достиг, сколько то, как это достигнуто.

...Свобода есть осознанная внутренняя необходимость, в соответствии или вопреки необходимости внешней.

...Собственная жизнь — весьма интересный объект для включенного наблюдения.

Максими А. Из дневника. 1974–1975.²⁷

...и развернулось напоказ
в лист Мебиуса серо-утлый,

где можно быть одновременно внутри и вне...

Сергей Розет (из поэмы «Лес»)

2.10. Оживший памятник (Летопись ПКР)

[Персональный адресат этого письма (август 1981) — Г. Ж.²⁸ Письмо посвящено событиям второй половины 1980 г. — А. А.]

...Парадоксально то, что идею безграничности духовной свободы стал разрабатывать не специалист по истории религии, не психолог, не искусствовед, а социолог, связанный неразрывно с материалом, чуждым, на первый взгляд, не только этой идее, но даже сопоставлению с нею. Условия социалистического производства и вопрос о бесконечности человеческого духа, о нормотворчестве и абсолютной свободе (истинной, хотела я сказать вслед за Л. Толстым) внутреннего Я человека. От этого кружится голова...

(Из твоего письма)

Здравствуй <...>!

Не без колебаний процитировал я: «...и от этого кружится голова», но решил, что головокружение от моих писем никак не компрометирует Любимых.

А вот парадоксальность ситуации Сапожника, пекущего пироги, схвачена Тобой удивительно точно. И в самом деле — именно эта в Пироге начинка.

<...> Уже полгода, как приступаю я к этому письму, обещанному Тебе и себе. Давно перепечатаны документальные приложения. Порядочная гора песку просыпалась в часах жизни. Сейчас я буду перекапывать этот песок.

Моим подручным материалом будут известные Тебе перфокарты, где вот уже третий год каждый день прожитой жизни характеризуется не только матрицей временных затрат, но и **названием**.²⁹

И это должно меня выручить.

²⁷ См также в приложениях к части 2: раздел «Максими А 1974–1975»

²⁸ См о ней выше: раздел «В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи пустынь...»

²⁹ См в главе 6: «Человек, смотрящийся в часы...» и др разделы

<...> Я вдруг испытал робость провинциального актера на столичной сцене. Так, как написано, например, твое последнее письмо-жизнеосмысление, мне не написать. И даже не ответить адекватно.

Я играю, а Ты — **разговариваешь**. Во избежание диссонанса, я буду **рассказывать**. Попробую снять маску «смеющегося человека»... Сумею ли без нее?

В определенном отношении это будет «летопись ПКР» (так и назову лишенное эскапады письмо).

* * *

...1 сентября 1980 г. поступила официальная информация о присвоении ВАКОМ звания старшего научного сотрудника (по специальности «прикладная социология») Алексееву А. Н. А 2 сентября со Станкостроительного завода привезли Генеральную линейку. Этому последнему событию предшествовало почти двухнедельное сидение, в полном забвении, в камерке для крупных штампов (мой «кабинет»).

Всего 35 из 175 часов рабочего времени было в августе посвящено деятельности, имеющей хотя бы косвенное отношение к трудовым обязанностям. Кажется, то был величайший из моих простоев (вызванный отсутствием не только фронта работ, но даже и Генеральной линейки).

Последовавшие за тем два с половиной месяца, вплоть до запуска ПКР, характеризовались своеобразной пульсацией производственной активности, направленной на приведение всех узлов координатно-револьверного пресса в соответствие с новым, не искривленным состоянием Генеральной линейки. Все базовые линейки и направляющие станка, напряженные нашими прежними усилиями для обеспечения их «параллельности» с кривой Генеральной, теперь предстояло выпрямить обратно. Во всяком случае — «выставлять» *[производственный жаргон. — А. А.]* заново!

Но сначала надо было убедиться, что траверзу в ходе ее исправления не искривили еще больше.

Целый день я занимался тем, что «облизывал» Генеральную линейку. Двухметровая стальная полоса лежала на верстаке, и, за неимением плоской плиты подходящих размеров (где ее искривление было бы сразу заметно), я последовательно прикладывал к различным ее участкам мерительную линейку.

Нужно было, чтобы между телом Генеральной и мерительной нельзя было просунуть стального лепестка толщиной 0,03 (три сотых) миллиметра.

Одно такое местечко нашлось. На эту микроскопическую величину конец траверзы моего ПКР предстал все-таки загнутым. Оставалось только пожалеть, что мне не было разрешено присутствовать при ее шлифовке на Станкостроительном заводе (как я добивался). Тонкость этого измерения такова, что искривление, обнаруженное на верстаке, куда-то исчезло, как только я перетащил Генеральную к станку и положил ее на коор-

динатный стол. Позднее оно вновь обнаружилось... Отсюда я заключил было, что колебания такого рода могут зависеть от того, на чем лежит эта траверза, от температуры воздуха и от расположения Светил.

Во всяком случае, я убедился, что при транспортировке Генеральную линейку не роняли. И откорректировали ее шлифованием (кстати, она «похудела» на 0,7 миллиметра) удовлетворительно.

В ту пору я старательно **записывал** все результаты своих измерений и возникали не рассчитанные на посторонний глаз Протоколы; выписку ключевого места одного из них я прилагаю к настоящему письму. Заодно — и эскиз Генеральной линейки для большей удобопонятности всего сказанного. [*Здесь эти приложения опущены. — А. А.*]

* * *

Мои контрольно-измерительные работы были прерваны отправкой в совхоз, всего на один день. Это было кстати. Ибо благодаря четырехчасовой игре в подкидного дурака в вагоне электрички в паре с Авдейчи-ковым (тогдашним начальником тех. бюро цеха), между нами возник, кажется, тот психологический контакт, который способствовал покровительству последнего моим ремонтным мероприятиям.

(Сейчас Авдейчиков уже уволился... Практически это был единственный из цеховых администраторов, который кое-что на себя брал. Ему же принадлежит честь разрешения на **демонтаж** Генеральной для ее исправления. Теперь на его место села Копырина, та самая, которую я в прежних письмах называл своей «секретаршей».)

В своих демонтажно-монтажных работах мне пришлось предпринять практически все, что предусмотрено в импровизированной, приволившейся в одном из предыдущих писем **инструкции Младшего брата** (исключая разве что замену фундамента под станком). Кое-что выполнено более примитивными, но не менее изобретательными средствами. (Впрочем, в инструкцию ту я тогда, признаться, не заглядывал.)

Ибо если у тебя весь координатный стол разобран, ничто не мешает двигаться логически от первичного к производному, а не суетиться в пространстве координатной сетки.

Когда я заявил Авдейчикову о необходимости дополнительной корректировки двух направляющих (как бы тех «рельс», по которым Генеральная линейка ездит на подшипниках), тот махнул рукой: «Делать, так уж все!». Заново шлифовались и базовые линейки, по которым полагается ориентировать шаблон на координатном столе. (Вот одну из них, мы, кажется, собственноручно искривили с Бубликовым, когда пытались подстроиться под кривую Генеральную.)

Шлифовка производилась в соседнем цехе, где есть подходящий для этого станок. Шлифовщик Валерий, получивший указание от начальника тех. бюро своего цеха (с которым договорился наш Авдейчиков) отшлифовать пару моих линеек, справился с этим делом удивительно быстро. Вероятно, он не ожидал, что я приду со щупом.

«Давай ее на выключенном магнитном столе померяем», — предложил я. — «Ну, давай...».

Щуп обнаруживает просвет между телом отшлифованной линейки и поверхностью идеально плоской плиты магнитного стола. «Давай перевернем». Пляшет отшлифованная Валерием линейка на собственном горбу. «Включи-ка магнит...». Прижмут тебя магнитом — не попляшешь!

«Так ведь была кривой и осталась», — замечаю. «Мне сказали — **пропыллить**, я и пропылил», — отвечает Валерий. («Пропыллить» на производственном жаргоне значит отшлифовать. Работа шлифовщика, между прочим, потому и вредная, что пыль — металлическая и абразивная.)

«А бумажку подкладывал?» — спрашиваю.

(«Подкладывать бумажку» — профессиональный прием шлифовщиков, применяемый в случае исправления кривизны деталей большой длины. Если не подложить папиросную или просто газетную бумагу в просветы между деталью и магнитным столом, то силовое поле искусственно выпрямит линейку так, что последующая шлифовка утратит смысл. Шлифовать — в целях устранения кривизны — надо не в напряженном состоянии детали. Для того и подкладывают «бумажку» в соответствующих местах, перед тем как прижать объект шлифования силовым полем.)

«Так ведь это **делать** надо!» — замечает Валерий. «Понимаешь, мне надо не пропыллить, а **сделать**, иначе не стоило и затевать!» — «Ну, давай будем **делать**...».

Ничего я Валерию не обещал, а только с обеда до конца дня, прихватив еще полчаса после смены, уже вдвоем мы занимались корректировкой моих линеек. Подкладывали папиросную бумагу, мерили щупом до и после включения силового поля и т. д.

Валерий — сдельщик. По указанию начальника он трудился час. По моей просьбе — четыре часа с лишним. Мастер, кажется, нарядя на эту внеплановую работу ему так и не выписал. Ну, а мне чем расплачиваться? Не деньгами же! Приглашаю Валерия... «на бочку».

«На бочке» — это два пивных ларька, расположенных на пустыре, на углу набережной реки Карповки и Кировского проспекта. Ежедневно там собираются одновременно до сотни-полтораста человек. Своего рода клуб. Пьют, разумеется, не только пиво, компаниями по трое и больше. Закусывают котлетами, купленными в домовой кухне. стакан всегда есть у старика, собирающего бутылки. Милиция дежурит поблизости. Но тех, кто на своих ногах и не слишком задерживается на пустыре, не трогают.

Иные отправляются «на бочку» с полочки. Иные — завсегдаитаи.

Здесь можно встретить рабочих и отдельных ИТР моего и еще нескольких близлежащих заводов. Где-то за пару кварталов есть еще «филиал» этого клуба. Но я там не бывал.

Я купил водку, Валерий — котлеты. Мы провели «на бочке» полтора часа и расстались очень довольные друг другом.

Теперь всмотримся в социальный механизм. Чтобы Валерий на своем шлифовальном станке занялся корректировкой моих линеек, как повод — понадобилось распоряжение начальника. Но чтобы не просто «пропылить», а сделать так, как **на самом деле** нужно, понадобилась моя личная просьба. Расчета на мое вознаграждение у Валерия не было... Да и плата моя была, в сущности, символической. Я расплачивался за то, чтобы иметь реальный, а не иллюзорный результат шлифования своих линеек. То есть — чтобы иметь возможность нормально работать на своем станке.

Отношения «**ты — мне, я — тебе**» выступили здесь в своей самой гуманной, общественно-необходимой форме.

Когда через пару недель мне понадобилось перешлифовать и другую пару линеек, я уже ограничился тем, что сказал Авдейчикову: «Шлифовку я обеспечу в 1-м цехе, сам!». Такая инициатива у нас всегда приветствуется. Шлифовщик Валерий работал еще пару-другую часов, теперь уже — под мое обещание «спасибо».

В итоге, у меня были откорректированы все пять базовых линеек и направляющих (не считая двухметровой траверзы). А мы с Валерием еще раз побывали в клубе «На бочке».

(Позднее мне еще один или два раза пришлось воспользоваться этим приемом для обеспечения качественного выполнения особо трудоемких и сложных «субподрядных» работ для капитального ремонта координатной системы ПКР. Работ таких было невероятное множество. И если бы я пользовался **только** этим приемом, то пришлось бы стать завсегдаем клуба «На бочке».)

Обычно я приходил к Авдейчикову с очередной извлеченной из недр своего станка деталью и показывал: «Видите, какая? Надо новую». Или: «Надо исправить!». Конструктор Рафаил перерисовывал мои эскизы. А иногда и эту инстанцию миновали. Чем больше разобранный координатно-револьверный пресс принимал свои естественные очертания, тем быстрее выполнялись заказы.

Ремонтная служба цеха в этом деле никак не участвовала. Вообще — помощников не было. Был один покровитель — нач. тех. бюро цеха Авдейчиков, как будто вышедший из своей флегмы и поверивший, что станок заработает. Был один генеральный консультант — мой младший брат Володя, с которым я иногда созванивался. И еще два болельщика: Степан Филиппович, мой негласный наставник (на днях он уволился, уже под семьдесят), и контролер по оснастке Ваня Сидоров (тот самый, который ослепил меня когда-то собственным «кабинетом»).

Наладчик штампов Стас возникал со своей помощью всегда неожиданно и очень кстати (когда надо было решить в принципе элементарную, но требующую недостающего у меня слесарного навыка задачу). Слесари-сдельщики на мои манипуляции со станком внимания уже не обращали (привыкли к разобранному «памятнику»).

Но не дремала и администрация. Пока я месяцами сидел в своей каморке, ожидая начальственных решений, это всех устраивало. Но когда начало что-то реальное вырисовываться — стали **торопить**. Накануне Дня Конституции старший мастер Ерофеев сообщил, что станок «решено» (кем?) запустить 10 октября.

Я выразил удивление, что меня об этом предупреждают накануне. Но — с готовностью вышел в субботу, чтобы прибавить день к своему очередному отпуску. <...>

* * * Геометрическая система —

нечто такое, относительно чего можно высказывать «прогнозы», при наличии достаточной информации о ее параметрах. «Прогноз» здесь нечто вроде теоремы.

Поэтому 7 октября я решил ознаменовать не запуском станка (еще пара недель после этого ушла на радикальное исправление дефектных листодержателей), а своего рода **письменным рапортом** сделанного и просьбой **принять** мою работу официально.

Там же представлен расчет тех искажений, которые станок может давать из-за того, что конец Генеральной линейки все-таки чуточку «загнут».

Расчет безупречный (просто новые данные подставлены в тригонометрическую формулу, использованную моим Младшим братом для разгадки тайны «сжимающейся вселенной»). Записка производит внушительное впечатление (см. Приложение). <...>

[Ну, уж от тригонометрических расчетов читателя побережем и воспроизводить здесь эту записку не будем. — А. А.]

Степень инженерного доверия к техническим изысканиям наладчика к тому времени оказалась уже настолько высока, что на основании этой записки, похоже, всерьез обсуждался вопрос о повторной шлифовке траверзы (на сей раз с командировкой «специалиста», в моем лице, для досмотра).

Но потом это дело замотали, и я не настаивал, поскольку пробы показали, что достигнутой прямизны Генеральной — **достаточно**.

* * * <...> Вся эта «героическая

эпопея» — на расстоянии, в полугодовой ретроспективе — дает социологу-наладчику поводы и для изрядной самоиронии. Относительная самостоятельность, отсутствие спешки позволили многие ошибки совершать «в воображении». А реальные — только перед самим собой. Но собственная глупость, не обнаруженная перед другими, вроде бы уж и не глупость... Лишь в первый месяц моей работы мне случилось ошибаться так, что требовалось постороннее вмешательство.

По счастью, я тогда не совершил непоправимых ошибок. Кроме того, относительная **неопытность** иногда оборачивается... надежностью! Поясню житейским примером.

...Около 20 лет назад [*теперь уже — лет 40 назад. — А. А.*], приехав на старинной «Победе» в альпинистский лагерь Домбай, мы с Леной — матерью моей дочери, а ныне моей «сестрой» [*Елена Ивановна Алексеева.*

А. А.], отправились налегке в горы и, разумеется, не рассчитав ни расстояний, ни времени, вернулись в крошечной тьме, за полночь, пройдя буквально ощупью километров пять по горной тропе. Среди автомобилистов, заметивших наше отсутствие, возникла тревога. Ее рассеял начальник лагеря, известный альпинист и мой тогдашний знакомый Е. Белецкий: «Эти — слишком неопытны, чтобы с ними что-нибудь случилось!».

Вообще говоря, тонут обычно те, кто умеет хорошо плавать...

Кроме того, бывают ошибки, которые **необходимы**, чтобы понять действительные условия их возникновения. Ошибка как прививка. Надо сломать пяток пуансонов... Надо разок пережать подшипники... Надо испортить десяток заготовок... Не надо — **повторять** ошибок (технических, социально-психологических, жизненных).

(Способностью не повторять однажды совершенных ошибок Личность выгодно отличается от Истории!)

Есть еще категория ошибок (я говорю о производственных, но можно и обобщить!), которые имеют особую ценность. Я бы их определил словом **наив**. Эдакие ошибки Кандида (Простака). Они закладывают фундамент прочности всякого дела.

Например, чуть ли не до конца 1980 г. мне казалось, что точность регулировки ПКР должна быть «в нулях». Я гонялся за этой Синей птицей (а еще раньше, как чуда, ждал ее от Бубликова). И в какой-то момент держал ее в руках... Чтобы выпустить при малейшем изменении ситуации (а ситуация всегда меняется!). Но в этой наивной погоне я добился **системы** сочленений, уверенно обеспечивающей отклонения размеров не больше 0,1 мм. А это — лучше, чем требуется техническим паспортом.

Как видишь, «Держи руль выше — все равно снесет» — универсальный закон человеческой деятельности, не только нравственной.³⁰

(Ну, ладно. Балаган и Патетика — две крайности, между которыми пролегает обычный Рассказ.)

Следует сказать и еще об одном важном источнике моей растущей технической опытности. В свое время Бубликов («Мастер старого типа»), перекашивая координатную сетку — в соответствии с кривой Генеральной линейкой, продемонстрировал мне все те рабочие приемы, которые необходимы и для обратного выпрямления этой сетки. Очень это теперь пригодилось. <...>

* * *

Параллельно с монтажом и пусконаладочными работами разыгрывались технологические социодрамы. Отдел главного технолога спешил продемонстрировать свою готовность к запуску станка и навязать цеху эту свою «готовность».

В конце сентября в мою каморку, где я «облизывал» теперь уже не Генеральную линейку, а так называемый пантограф, который ездит по этой линейке верхом, заглянул встревоженный Авдейчиков. Оказывается, его

³⁰ Имеется в виду известное высказывание Л. Толстого по поводу картины Н. Рериха «Гонец»

заместительница (она же — моя «секретарша») в его отсутствие и «в тайне» от меня подписала пару десятков разработанных в ОГТ техпроцессов, так что они того гляди поступят в цех уже «как закон» — надо давать программу.

А по его впечатлениям и по моим сообщениям — оснастки необходимой еще нет, да и что из цеховых (т. е. моих) замечаний по этим техпроцессам учтено, неизвестно.

Отмыв руки от машинного масла, наладчик разнообразил круг своих литературных жанров **памяткой** о степени технологической готовности к запуску на ПКР 27 техпроцессов, подписанных в тех. бюро цеха в августе-сентябре 1980 г. (прилагаю к письму).

Теперь, когда Тебе знакомо уже большое количество вышедших из под пера социолога-наладчика деловых документов, Ты можешь заметить, как жизненная позиция автора чем дальше, тем больше переходит в **подтекст**. Определение служебных шагов Копыриной в качестве «неосторожных» является, кажется, единственным эмоционально-оценочным высказыванием в этом документе.

(А как же служебные записки, приводившиеся в первых письмах? — **Наив**, столь же необходимый тогда, сколь вызывающий улыбку сегодня. При всем различии стиля и тона — это документы **адекватные ситуации**, если понимать под последней не только совокупность обстоятельств, а систему взаимоотношений между Субъектом и Средой.)

Уж не знаю, какие рычаги сработали, кроме моей писанины, но производственный запуск всех технологических процессов на ПКР был отнесен с осени 1980 г. на 1981 год.

* * * В октябре наладчик ПКР

закончил монтаж всех узлов координатной системы (произведенный так, что до сих пор с ним горя не знаю!). В начале ноября занимался уже только тонкой регулировкой, а также технологическими пробами (что с точки зрения администрации вроде бы уж и ни к чему). Я убедился в исчезновении эффекта «сжимающейся вселенной» и иных «порочных» закономерностей.

(Кстати, о «порочных» закономерностях: как-то в печати мне встретилось замечательное выражение — в связи с центробежными тенденциями социалистического лагеря: «эти нежелательные НЕзакономерности...»; так!)

Вероятно, социологу-наладчику хватило бы этих проб еще на недельку. Но цеховой администрации захотелось оказаться на высоте положения и тоже «утереть нос» отделу главного технолога.

Силами цеха (а не ОГТ) были разработаны два элементарных техпроцесса для штамповки примитивнейших деталей, допускающих отклонения в расположении отверстий «плюс-минус 1 мм» и даже больше. Что-то вроде вентиляционных решеток, где отверстия служат для пропуска воздуха. Благо, что шаблон можно не заказывать в инструментальном цехе (наладчик утверждает, что может изготавливать шаблоны самостоятельно, непосредственно на своем станке).

Партии большие — по 450 штук. «Пыль в глаза» пустить можно.

Беда только, что технологические требования к данному виду деталей (их почему-то называют — «корзиночки») настолько низкие, что ради этого не стоило и станок перебирать... (В рассчитанной цеховым технологом карте штамповки, например, одно окно оказалось сдвинутым на целый миллиметр, что я заметил лишь несколько месяцев спустя. Однако кроме меня никто не заметил, и 1000 деталей благополучно прошли сборку.)

...А раз требования низкие, то и делать можно на станке, регулировка которого еще не закончена. Несколько дней Авдейчиков, столь помогший всем моим ремонтным мероприятиям, висел у наладчика ПКР над душой. Чтобы он прекратил тонкую регулировку: «Это же сейчас не важно!». Мне подсунули для изготовления шаблона кривобокий лист: «Какое это здесь имеет значение!».

В общем, запуск ПКР был ознаменован вовсе не благодарностью исполнителю. А скорее неудовольствием, что это произошло только сегодня, а не пару дней назад... По выражению, кажется, Стаса, «год не чесались, теперь забегали».

Для наладчика эта первая производственная партия была важна с точки зрения практической проверки качества произведенного ремонта. Но кроме меня это никого не интересовало.

Все же администрации пришлось подождать несколько дней, пока рабочий не пришел сам и не сказал: «**Пожалуйста!**».

...А шаблонов я изготовил два: один из подсунутого мне кривобокого листа, а другой (строго говоря, не шаблон, а модель шаблона) — из строго прямоугольного, но тонкого, не 3 мм, как положено быть шаблонам. Зову Авдейчикова: «Видите разницу? Вы настаиваете, чтобы я использовал кривобокий?». Тот чертыхнулся, добыл другой, доброкачественный лист.

Первую дырку в шаблоне я вклеил не на место. (Поставить заглушку нетрудно, лишь бы лишняя дырка не накладывалась частично на то место, где положено дырке быть.)

* * * 13 ноября 1980 г. была

отштампована **первая производственная партия**.

Это побудило всю цеховую администрацию целый час провести у станка, наблюдая мою работу и совещаясь между собой. Еще неделю потом я работал как на сцене, пользуясь вниманием ближних и дальних соседей. **Памятник ожил!** Внимание окружающих угасало и периодически вспыхивало вновь, по мере наращивания оборотов. И только месяц-полтора спустя оно, кажется, прекратилось совсем. Привыкли!..

Вырубка 1000 «корзинок» (по существу, это вентиляционные решетки) заняла недели две, с небольшими перерывами. Один из них заслуживает воспоминания.

В каком-то из писем я рассказывал, как мы с Бубликовым «поворачивали» координатный стол, забивая клин (им стихийно оказался обломок напильника) между координатным столом и станиной.

Теперь, когда Генеральная линейка стала прямой и устранен перекокс всей координатной системы, наше тогдашнее усердие сказалось на конфигурации пазов, которые вдруг оказались «перекошенными». К чести своей, я быстро сообразил, в чем дело, и извлек ставший не нужным клин.

Мораль: одним из необходимых шагов после радикального изменения системы является устранение ранее поставленных временных заплат.

* * *

Итак, **ПКР КО-120 работает!**

Как говорится, и года не прошло... А точнее (исключив месяц ученичества, или стажировки, и месяц военной службы) — понадобилось 9 месяцев. Это, так сказать, в экспериментальном режиме, при всемерном «форсировании» социально-производственной машины.

<...> Согласно проводившемуся на протяжении всех этих месяцев хронометражу жизненного и рабочего времени, практически всей своей экстраординарной активностью, социологу-наладчику удалось обеспечить себе в среднем лишь 4-часовую производственную (деловую) загрузку в день.

(Это при месячном заработке — 150 руб. Получается, что я работаю на заводе как бы на полставки...)

Ну, а если бы я с февраля по ноябрь: не узурпировал функций технолога, механика и инструментальщика; не занимался ревизией техпроцессов; не отлучал бы от ПКР ремонтную службу; не писал замечаний и актов; не выпрямлял Генеральную линейку; не реконструировал револьверную головку; не вбивал клиньев между станиной и координатным столом; не дразнил чертей в море веревкой и не пил «на бочке» по случаю отшлифованных установочных планок, — что было бы?

А ничего особенного... Мир не перевернулся бы. Вот разве что социолог-наладчик свихнулся бы. <...>

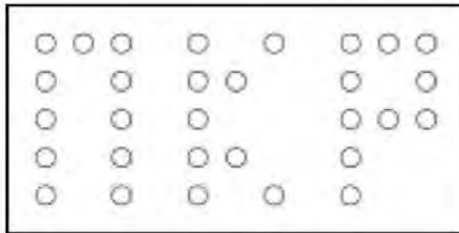
* * *

Надо сказать, что с запуском

ПКР я все же несколько поторопился.

Ибо после выпуска на нем двух «показательных» партий делать стало решительно нечего. По счастью (не столько для меня, сколько для отдела главного технолога), в декабре наладчику ПКР предстоял очередной отпуск. На что убить оставшиеся до него две недели?

Тогда Балда стал развлекаться. Изготовил на своем станке шаблон для пробивки листов, на которых дырками по металлу было бы написано:

— и отштамповал это разными калибрами 10–12 раз. Нечто вроде рекламы. Отнес пару таких листов в тех. бюро цеха. Чтоб не забывали: ПКР КО-120 готов к эксплуатации! Потом занялся более сложными поделками. А именно — изготовлением металлических переплетов для комплекта «Писем Любимым женщинам». (Эти три слова — дырками по металлу; у Тебя такая «обложка» есть.)

Ко мне подходили, смотрели, чем занимаюсь. Я объяснял: набиваю руку в использовании микроскопов, осваиваю координатную сетку. И это была правда (потом эта практика, сопоставимая с писанием в зеркальном изображении, да еще вверх ногами, очень пригодилась при пробивке сложных шаблонов).

Но к середине декабря 1980 г. и эта инициатива исчерпала себя. И я ушел в отпуск.

...Первое спущенное сверху, официальное производственное задание поступило на мой станок в середине марта 1981 г. Таким образом, ПКР был запущен **досрочно** — на четыре месяца раньше, чем он действительно понадобился.

Это не значит, что до середины марта твой корреспондент бездействовал. Но тут уже сюжет — для другого письма...

* * * <...> Завершу свой отчет

условными названиями двенадцати месяцев
1980 г. — названиями, отчасти реконструирующими «логику жизни» этого года:

Январь — **«Развитие способностей»** (это был период стажировки на соседнем заводе).

Февраль — **«Социолог-наладчик, кандидат философских наук»** (чем обозначено осознание собственного статуса).

Март — **«Письма Любимым женщинам»** (тогда они начались).

Апрель — **«Кому на БАМе жить хорошо»** (в ту пору писался отчет «Человек, его работа и жизнь на БАМе»).

Май — **«Сжимающаяся вселенная»** (вспомни загадку ПКР).

Июнь — **«Боевая тревога»** (интермедия: военные сборы).

Июль — **«Позови Младшего брата»** (тоже понятно, из контекста «Писем...»).

Август — **«Затворник цеха ¹ 3»** (когда наладчик сторожил Генеральную линейку, ожидающую выпрямления).

Сентябрь — **«Наука, жизнь, театр»** (многозначное определение ситуации; в эту же пору интенсивно писалось «Движение репертуара»).

Октябрь — **«Рабочая диссертация»** (так нескромно твой корреспондент определил самостоятельно предпринятый капитальный ремонт ко-ординатно-револьверного пресса).

Ноябрь — **«Запуск ПКР»**.

Декабрь — **«Отчет социолога-наладчика»** (месяц работы над научным отчетом для ИСЭП).

* * * ... Но я уже на 51-й странице. И, по канону, скоро ставить точку.

Это было письмо «без претензий». Я рассказывал как умел, вдруг устыдившись шутовства. Надолго ли? Заканчивая это письмо, признаюсь, что уже на 2/3 написано следующее, претендующее на... сценический детектив. Вот и попробуй после этого уйти от самого себя...

Усмотренная Тобой идея **безграничности духовной свободы** заслуживает великого разнообразия воплощений. В том числе и в «летописи».

(Бог знает, что я вытворяю на бумаге... Наверное, все же не более странное, чем в жизни. Ну, и ладно!)

... Вот только письмо твое в итоге осталось так и не отвеченным. И это мне горько. Исповедуя Свободу, я остаюсь Рабом жанра. Пусть даже такого «свободного», как этот...

Простишь ли?

Андр. Ал., 29.07–3.08.81

Ремарка: «Театр жизни на заводских подмостках...»

Описанным здесь событием — запуск координатно-револьверного пресса (ПКР) в ноябре 1980 г. — заканчивалась композиция из «писем-дневников-отчетов» друзьям, подготовленная для публикации в журнале «ЭКО» в 1986 г. корреспондентом этого журнала Ниной Константиновной Максимовой.³¹

Десять лет спустя, подготовив (уже самостоятельно!) эти «Письма...» для публикации в «Драматической социологии» (1997), я сверил свою композицию с вариантом Н. М. И должен отметить, что в отборе материала и его «аранжировке» автор непроизвольно следовал логике своего первого — и единственного! — редактора.

Нина Максимова тогда предложила название — «Театр жизни на заводских подмостках», с благодарностью воспроизведенное мною здесь. (Вариант: «Театр жизни в заводском интерьере».)

Версия первого редактора «Писем...» завершалась резюме, написанным ею — «от авторского имени» и «в его стиле». Хоть эти строки социологу-рабочему, строго говоря, и не принадлежат, уместно привести их здесь:

«Довольно! Не буду более злоупотреблять вниманием читателей, то бишь зрителей моего театра жизни на заводских подмостках. Но спектакль, в котором главную роль играл наладчик, он же экспериментатор, он же Балда, он же социолог-расстрига Алексеев, не закончен. Театр жизни многолик и бесконечен, и социолог-экспериментатор сыграет в нем еще немало действий. Но роль у него будет одна. И играть ее он будет сразу набело, без репетиций. Ошибаясь и ушибаясь, срываясь, радуясь и печальясь, рефлекслируя и немного лукавя, но стараясь по самому большому счету не кривить душой...»

Пожелайте же мне удачи. Низко кланяюсь вам — и не ухожусь со сцены.»

Нина! Ваше пожелание принято к исполнению. Низко кланяюсь Вам, и «со сцены» — пока не ушел. (Май 1999 — декабрь 2000).

³¹ Историко этой несостоявшейся публикации см в главе 4: раздел «Я вспоминаю...»

* * *

...Письма — одна из древнейших литературных форм. Как комедия и трагедия родились из карнавальных шествий, так повествование в литературе имело своим предвестием письменные сообщения на бересте или глиняных табличках. Чехов был далек, разумеется, от мысли писать письма друзьям, знакомым, собратьям по перу чисто «литературно», в расчете на будущую публикацию. Но история словесности знает достаточно примеров тщательно выстроенных произведений в форме письма. «Письма к Луцилию» Сенеки, «Персидские письма» Монтескье, «Письма к сыну» Честерфильда, а в русской литературе «Философические письма» Чаадаева, «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя, «Письма к тетеньке» Щедрина — лишь некоторые разнородные образцы этого условного жанра.

...Впрочем, как литературная форма, отнимающая свободу повествовательной речи, рассказ или повесть «в письмах» мало привлекали Чехова, хотя сам он и отдал им дань. По поводу рассказа «Забутые письма» Л. А. Авилловой, Чехов замечал: «Письма — это неудачная, скучная форма, и притом легкая...» (1897). Но письма, как незаменимый способ общения, возможность выговориться, пошутить, точно бы «размять» мысль и слово, как пианисты разминают пальцы, значило для Чехова немало.

...Если для Толстого сопутствующим ему через всю жизнь «личным жанром» был дневник, то для Чехова — письмо. Дневник был для Толстого как бы письмами самому себе. Письма для Чехова — вольным дневником, адресованным другим. Дневник монологичен, письмо — всегда общение, диалог...

В. Лакшин. «Почтовая проза» Чехова // Октябрь, 1986, 11, с. 190–191. (@)

* * *

Ремарка: какие задачи решал автор, а также некоторые замечания в порядке самокритики.

Перед тем, как адресовать современного читателя к продолжению «Писем...», отметим, что в этом эпистолярном цикле начала 80-х (в той мере, в какой имеем дело не просто с личными посланиями, а с социологическим произведением) автор стремился решить по крайней мере две задачи.

*Первая — **содержательная**: рассказать о том, что происходит с социологом-рабочим и вокруг него, описать конкретные обстоятельства производственной (и шире — социальной) жизни и собственные действия в этих обстоятельствах.*

*Вторая — **методологическая**: обоснование определенного исследовательского (и отчасти — жизненного!) подхода, резюмируемого в понятиях «натурный эксперимент», «наблюдающее участие», «моделирующие ситуации» и т. п.*

Эта вторая задача решалась тогда «без оглядки» на собственно-научную традицию, которую автор в своих письмах не обсуждает (отчасти потому, что был слабо с нею знаком).

Тогдашнее игнорирование этой традиции социологом-испытателем вряд ли оправданно. (Январь-декабрь 2000).

Глава 3. Театр жизни на заводских подмостках (продолжение)

...Вообще, надо провести строгую границу между четырьмя видами человеческой деятельности: 1) бессознательным деланием; 2) игрой; 3) опытом и 4) делом. Бессознательное движение есть деятельность, лишенная смысла. Игра имеет смысл, внутренне ограниченный поставленными искусственными рамками и условиями. Опыт есть деятельность, имеющая смысл не в себе самой, а в действии более широком, включающем этот опыт. Наконец, дело есть деятельность, имеющая смысл в себе самой и вместе с тем в более широком действии и производящая поэтому реальные изменения мира...

В. Н. Муравьев. «Овладение временем как основная задача организации труда». 1924. (Цит. по: В. Муравьев. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998, с. 201)

3.1. Научный отчет как побочный продукт эпистолярной деятельности

Письмо предновогоднее, адресованное всем возлюбленным сразу

...Собственно, не письмо, а «сопроводительная записка» к приложению, каковым является научный отчет вашего корреспондента по месту своего совместительства. Рискуя проявить очевидную бестактность, как по отношению к научному учреждению, так и по отношению к адресатам своих писем, автор склонен рассматривать это как «научно организованный конспект» писем Любимым женщинам.

Уже поступали запросы, не являются ли вообще эти «письма» лишь беспардонным технико-методическим приемом для последующего написания научных отчетов. Отвечаю: в равной мере отчет на тему о «социальных нормах» и «жизненной позиции» может рассматриваться как побочный продукт эпистолярной деятельности.

Надо же что-то и социальному институту уделить, не все ж — Любимым...

И все же, вместе с новогодним (1981) поздравлением, считаю своим приятным долгом выразить милым адресатам глубокую признательность за вольное или невольное пособничество созданию этого «отчета социолога-наладчика». Итак, с Новым годом. Будьте счастливы!

Любящий вас, неунывающий Мистификатор и социолог-наладчик, 24.12.80

Ремарка 1: от «Писем...» — к научному отчету.

К этому новогоднему (1981) посланию с коллективным адресом прилагался текст научного отчета «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности (по материалам включенного наблюдения)».

Отчет позднее был опубликован в сборнике: Проблемы социального познания и управления. Томск, 1982. Это была первая научная публикация об «эксперименте социолога-рабочего».

Текст самого отчета, прилагавшегося к письму, здесь опущен, в частности потому, что он дублируется другими представленными в настоящей книге материалами.¹ (Сентябрь 1999).

Ремарка 2: прецедент А. А. Любичева.

Что касается использования писем в качестве источника или заготовки для научных статей, то тому бывали прецеденты:

«...Не стоит считать его таким уж альтруистом, — пишет Д. А. Гранин в своей документальной повести «Эта странная жизнь», посвященной А. А. Любичеву. — Он трагил много времени на письма, но они же и берегали ему время. Копии писем в переплетенных томах стояли на полках вместе с томами конспектов прочитанных книг — оттуда Любичев часто черпал заготовки для своих работ. Иногда письма почти целиком входили в рукопись...» (Д. Гранин. Эта странная жизнь. М.: Советская Россия, 1982, с. 170).

«...Письма, рукописи перепечатывались, копии подшивались — не из тщеславия и не в расчете на потомков, нисколько. Большой частью архива Любичев активно пользовался, в том числе и копиями собственных писем...» (Д. Гранин. Указ. соч., с. 92).²

(Май 2000).

3.2. Может ли Генеральная линейка ударить по голове? (Интервью социолога-наладчика)

[Персональный адресат этого письма (май 1981) — Тамара Моисеевна Дридзе (1930–2000) — социолог и лингвосоциопсихолог, впоследствии — докт. психол. наук, профессор, зав. сектором Института социологии РАН (г. Москва).³ — А. А.]

Дорогая Тамара!

<...> Кажется, еще в феврале я обещал написать Тебе Письмо.

Это было искренним намерением и даже «жизненным планом» на целую неделю. Дело в том, что в прошлом году я умудрился превратить сочинение писем в отхожий промысел Общения и Творчества. Писали же классики письма «издалека»... Или вот — «Письма из Ламбарене»... А мы чем хуже?

В принципе, нет жанра, который бы не годился — в определенных обстоятельствах — для любого сюжета. Связь формы и содержания — ситуационна... Вот и социологически размышлять, скажем в «Письмах Любимым женщинам», как будто, можно.

¹ См ниже: раздел «Научные страсти...», а также в приложениях к главе 7: раздел «Предложение в Госкомтруд»

² Об Александре Александровиче Любичеве см в главе 6: «Человек, смотрящийся в часы...» и др разделы

³ См о ней в главе 4: раздел «Я вспоминаю...» (Памяти Тамары Дридзе)

<...> Еще два слова о жанре. Когда после третьего или четвертого письма мне пришла в голову кощунственная мысль раздарить копии каждой из своих «интимных» эпистол **всем** их адресатам, я почувствовал необходимость объясниться. Подходящее слово нашлось: «эпистолярное хулиганство». Другого не подберешь для этой эклектики, претензии объединить лирические, натуралистические, сатирические, романтические и даже «героические» мотивы.

Не Дон Кихот, но — Фигаро, Балда, Тиль (и даже от Хлестакова не отрекусь!). Так я иногда и подписывался.

«Желтая кофта» (а я и ее надевал!) способствовала раскрепощению Языка и Мысли.

Если захочешь, когда-нибудь я подарю тебе «полное собрание» этих писем. Пока же — прими их «оглавление».⁴

* * *

<...> В конце марта (или в начале апреля) 1981 г. состоялось отчетно-перевыборное партийное собрание ИСЭП. Коммунисты проявили недостаток «идейной зрелости», вычеркнув из списка для тайного голосования фамилию В. В. М-ва только 45 раз, а 49 раз — не вычеркнув. Помнится, пять лет назад 20 голосов против человека, проектировавшегося тогда в секретари партбюро, хватило, чтобы тот не стал секретарем... Но времена меняются.

С благословения райкома, В. В. М-в остался партийным лидером академического учреждения на второй срок.

Его стремительная эволюция от «интеллектуального мальчика» к «романтическому демагогу», далее — к «генеральной марионетке» и, наконец, к «стукачу-добровольцу» — поучительна. (Думаю, что до Москвы слухи о его партийных «художествах» уже докатились; трагикомический фюрер!) Вова минимизировал себе конкуренцию в этом, нынешнем партбюро, проведя туда максимум мэнээсов.

Правда, бюро обогатилось Альбертом Б.,⁵ который стал ныне зам. секретаря по идеологической работе.

Альберт, будучи деятелем романтического склада, решил оживить идеологическую жизнь института стенной газетой, которая покажет, что... (вот именно, **что** она покажет?). В частности, обратился он ко мне с настойчивой просьбой написать заметку «Из социологов — в рабочие», или в таком роде. Уклонялся я, а потом жаль стало его порыва: «Ладно, Альберт, я Тебя уважаю...».

Но как же из этой ситуации достойно выпутаться? Ну, какой у Балды любимый инструмент — веревка, чтобы в море ею болтать, чертей дразнить... Так возникло это «интервью, взятое у самого себя».

См ниже: раздел «Пояснение к оглавлению: “Закодированный архив”»

⁵ Альберт Б — А В Баранов, социолог, канд филос наук, ныне — работает в Социологическом институте РАН

Должен сказать, что ни одно «красное словцо» там не является выдумкой. Что касается 2-метровой линейки — «поперечины траверзы», то она в механизме моего станка играет такую роль, да и внешне выглядит так, что ее в популярном изложении (чтобы не загружать академическую стенгазету техницизмами) иначе как Генеральной и не назовешь. <...>

Вкратце

В «интервью, взятом у самого себя» автор в юмористическом тоне кратко пересказывает «приключения социолога-наладчика», описанные в предыдущих письмах. Ниже — фрагмент этого интервью.

Интервью у социолога-наладчика

<...> Интервьюер: Не поясните ли Вы свою мысль о «вынужденной инициативе» примером?

Алексеев: Пожалуйста. Примером может служить внеплановый капитальный ремонт нового оборудования перед тем, как его запустить.

И.: ?!

А.: Видите ли, успешная работа координатно-револьверного прессы обеспечивается, в частности, строгой параллельностью или взаимоперпендикулярностью его установочных планок и направляющих. А они выставляются относительно так называемой Генеральной линейки станка.

И.: И что же?

А.: Поначалу все усилия запустить станок были направлены к согласованию каждого из элементов координатной системы с Генеральной линейкой. Мне пришлось сначала расчетным путем, а затем и эмпирически выявить кривизну этой основной линейки, в соответствии с которой искривлялось все остальное.

И.: И эта Ваша инициатива была вынужденной?

А.: Да. Потому что в противном случае весь последующий брак, искажение размеров были бы естественным образом отнесены не за счет кривой Генеральной линейки, а за счет моей неопытности.

И.: Как в «Борисе Годунове» чернец Варлаам разбирает грамоте, когда дело до петли доходит...

А.: Вот именно.

И.: А потом?

А.: Генеральная линейка была демонтирована и вывезена на другое предприятие для ремонта. После исправления она возвращена на место.

И.: Что в результате?

А.: Станок пробивает в стальных листах отверстия и пазы с точностью до 0,1 мм.

И.: Теперь Вы уверены в Генеральной линейке?

А.: Ее кривизна ликвидирована не полностью. Но изготовление другой обошлось бы слишком дорого. До планового капитального ремонта и эта поработает.

И.: Создается впечатление, что Вы рассказали притчу...

А.: Я лишь пересказал содержание последнего акта технической приемки.

И.: Но все-таки, Вы и сами вкладывали в эту историю определенный «подтекст»?

А.: Социологические аналогии действительно есть. Развернувшийся на моем координатном прессы, начиная с 1981 года, выпуск программной продукции открывает возможности для исследования современной системы нормирования и стимулирования труда в действии.

И.: Здесь тоже усматриваются «искривления»?

А.: Да. Но их ликвидация потребует, пожалуй, бульших усилий.

И.: На что же Вы при этом намерены опереться?

А.: В частности, на решения XXVI съезда КПСС и постановления партии о совершенствовании хозяйственного механизма. <...>

* * *

...Любо-дорого было посмотреть на Альберта в непривычной для него роли цензора. «Продвижение к социальной однородности» — уберем! «Генеральную линейку» с большой буквы заменим на «главную» с маленькой...

Я Альберту не мешал. Как ни прячь фигу в карман, все равно видна, коли штаны дырявые. С этой точки зрения, лучше бы и не прятать. Но мой «цензор» хотел как лучше...

Глядишь, с «Генеральной-то» линейкой посмеялись бы как над анекдотом, какие теперь не только рядовые, но и руководящие члены партии любят (разумеется, в своем кругу!) рассказывать. А с этакой-то «превентивной цензурой» чуть было не вывесили (я об этом уже позже узнал). Да защемило что-то у редактора стенгазеты под ложечкой: «Давайте, Альберт Васильевич, М-ву покажем». — «Ну, пожалуйста».

А у М-ва через 15 минут начинается заседание партбюро.

...Был бы на месте В. М-ва Олег И.,⁶ сказал бы: «Нет, ребята, вы меня под монастырь не подводите». Был бы на том же месте Алексеев — улыбнулся бы многозначительно и сказал бы: «Нет, ребята, еще рано (или — уже поздно, в зависимости от конкретно-исторической ситуации)».

(Были на этом месте и Олег И. — три года, и Алексеев — 9 месяцев.)

А что делать «генеральной марионетке» М-ву? **Посоветоваться** надо... Так стал Вова «стукачом-добровольцем».

Тут как раз заседание партбюро. Читает директор Щукин (перед началом заседания) — бровь нахмурил. Читает инструктор райкома (он теперь после скандала с перевыборами на всех заседаниях партбюро присутствует, чтобы Вову то ли поддерживать, то ли контролировать) — невозмутим как бонза (это они умеют!).

А Вове как быть? На всякий случай — выступает в «разном»: клеймит А. за идеологическую двусмысленность, надо, говорит, на завод сообщить (так!). Ну, директор, инструктор — те поумнее: «Зачем это печатать? Что у нас, других заметок нет?.. У А., конечно, проведена интересная работа, но было бы неправильно привлекать **чрезмерное** внимание...».

Переб-л Вова. Ну, ничего. Главное, что не недоб-л. Все ясно с Вовой? Факты проверены. Разрешаю рассказывать кому угодно.

* * *

Завершу этот сюжет остроумным замечанием одного из моих корреспондентов (а не корреспонденток): «Остается пожелать, чтобы Генеральная линейка не слишком больно ударила тебя по голове...»

Метафора хороша, но вот координатно-револьверный пресс моему другу явно не знаком.

⁶ Олег И — Олег Иванович Иванов, социолог, в ту пору работал в ИСЭП АН СССР, ныне — докт филос наук, профессор СПбГУ

Генеральная линейка ПКР не может ударить — об нее можно только **удариться**, скажем, лбом, если... слишком усердно ей кланяться. (Так и было однажды: я наклонился за упавшим гаечным ключом и чуть не рассек лоб об острый край траверзы.)

Придется к следующей заметке в стенгазету приложить чертёж станка. <...>

6.05.81

(Продолжение следует)

...Представьте, что в середине «Трех мушкетеров» вставлено описание приемов фехтования. Читатель наверняка пропустит эти страницы. А мне надо было заставить читателя прочесть мои сведения, поскольку **это и есть самое главное** (выделено мною. — А. А.)...

Д. Гранин («Эта странная жизнь») (@)

3.3. Как переплывать реку

[Продолжение письма к Т. Дридзе (май 1981). — А. А.]

<...> Итак, продолжение. Предлагаю твоему вниманию текст, который прошу прочитать внимательно и профессионально, в качестве линг-восоциопсихолога:

Сводный акт производственных испытаний т/процессов <...>[следует перечисление обозначений номенклатуры. — А. А.], а также отработки производственной партии «Ф-...» на станке ПКР КО-120

В марте — первой декаде апреля 1981 г. производственные партии указанных обозначений отработаны на станке КО-120. Все четыре партии приняты ОТК. Станок показал себя достаточно надежным в эксплуатации. В ходе работы выявлен ряд недоработок в технологических процессах. Замечания следующие. <...>

[Здесь опущены конкретные замечания по всем техпроцессам, кроме одного. — А. А.] «Ф-...» (партия 86 X 2 = 172 шт.)

Шаблон «7890-...» не соответствует карте штамповки. Последняя предусматривает штамповку с переворотом заготовки на 180 градусов по оси X, шаблон же на это не рассчитан. Кроме того, он выполнен с существенными отклонениями от прямого угла. Партия была выпущена по незамаркированному шаблону, изготовленному в цехе ¹ 3 из обычной заготовки (S = 2), непосредственно на станке КО-120.

Т/процессом разрешена неперпендикулярность сторон заготовки, после фрезерования, до 0,3. Этот допуск больше, чем допуска на размеры, взятые от поверхности 3 на производственном чертеже детали. Поскольку, согласно т/процессу, заготовка рассчитана на две детали и штампуются с переворотом, выдержать эти размеры от поверхности 3 невозможно, даже за счет специальной, для данного обозначения, подрегулировки станка. В соответствии с принятым в тех. бюро цеха ¹ 3 решением, партия «Ф-...» штамповалась с отклонением размера 23 до -0,8.

Необходимо: спроектировать и изготовить новый шаблон, отвечающий карте штамповки. Внести коррективы в допуск на неперпендикулярность сторон заготовки либо закрыть свободные размеры 10; 22,5; 23 допусками, которые, согласно техническим условиям станка КО-120, могут быть выдержаны при ныне разрешенном отклонении шаблона от прямого угла (0,3).

Замечания по инструменту: вырубной пакет «1549-...» (12,8 X 40) был выведен из строя при технологических испытаниях в январе 1980 г., причем отремонтировать его невозможно.

Для работы сегодня использован дублирующий его пакет, под другим номером — «1549-...», причем именно этот пакет (а не предусмотренный т/процессом) имеет съемник, пригодный для пробивки продольного паза, требуемого по чертежу детали.

Необходимо: изменить обозначение инструмента в т/процессе: <...>; аннулировать имеющийся негодный пакет инструмента «1549-...»

Общие замечания

1) Поступающие из цеха ¹ 22 (инструментальный цех. — А) замаркированные шаблоны оказываются, как правило, ниже качеством тех, которые в порядке необходимости оперативного выпуска программной продукции изготавливаются в цехе ¹ 3 непосредственно на станке КО-120. Последние, даже в случае выполнения их из обычной заготовки детали (S от 1,2 до 2), обеспечивают более точную пробивку и ровные кромки окон, пробиваемых комбинированием ударов пресса.

Необходимо: решить вопрос о продолжении изготовления шаблонов в цехе ¹ 22, при повышении требовательности к качеству изготовления, либо о передаче этой работы цеху ¹ 3, имея в виду пробивку шаблонов непосредственно на ПКР, с соответствующим технологическим обеспечением.

2) Значительное количество предусмотренных к штамповке на станке ПКР КО-120 листовых деталей имеет конструктивные размеры, заданные более чем от двух баз, что не позволяет выдерживать эти размеры при пробивке одним заходом по шаблонам, где размеры выдерживаются только от двух баз.

Необходимо: учесть опыт затруднений, возникших при выпуске производственной партии «Ф-...», и заблаговременно произвести необходимые согласования и исправления в т/процессах всех других предусмотренных к выпуску на ПКР обозначений с указанной особенностью. <...>

3) Нынешняя технология штамповки на ПКР деталей с переворотом заготовки на 180 градусов по оси X (например, обозначения Ф-...», «Ф-...»), как правило, не обеспечена технологическими требованиями, задаваемыми к габариту заготовки. При фрезеровании заготовки разрешается значительное минусовое отклонение габарита по Y либо этот габарит задается свободным размером. В таком случае последующая разрезка заготовки, пробитой в полном соответствии с картой штамповки, при точном соблюдении также всех предъявленных к этой разрезке технологических требований, приводит к заведомому искажению всех размеров, заданных от базы X, — в половине выпускаемых на станке готовых изделий.

Необходима доработка технологии под этим углом зрения: либо ужесточить допуски на габарит по Y для заготовок тех обозначений, где т/процессом предусмотрена штамповка с переворотом, либо согласовать с конструкторами смягчение на производственном чертеже допусков для размеров, задаваемых от базы X.

4) Следует ускорить разработку и утверждение заводского стандарта на штамповку листовых деталей на станке ПКР КО-120. Желательно привлечь к составлению этого стандарта также работников цеха ¹ 3.

Наладчик ПКР А. Алексеев

И. о. нач. тех. бюро цеха ¹ 3 Л. Кутырина⁷

9.04.81

Не хочешь ли построить для этого «социотехнологического» текста «логико-фактологическую цепочку» (иерархию целей и смыслов)? Включить в следующую свою книгу по лингвосоциопсихологии как «текст-эталон»? В какой мере способен предлагаемый Тобой информационно-целевой анализ раскрыть полисемию этого сочинения? Где тут «денотаты», где «коннотаты»?.. В страшном сне может присниться такой «социологический» документ!

(Кстати, в таком точно, вышедшем из-под моей машинки, виде пошел он гулять по заводским инстанциям.)

⁷ Она же — «Копырина», в предыдущих текстах

Я вполне серьезно предлагаю этот текст в качестве «оселка» для твоего информационно-целевого анализа. Особенно интересна была бы попытка «интерпретационно-деятельностного» («прагматико-парадигма-тического») анализа (см. стр. 180 твоей книги про язык и социальную психологию).

Боюсь, что «лейтмотив» ускользнул бы и от самого внимательного и квалифицированного интерпретатора — при рассмотрении данного текста в качестве «замкнутой семантико-смысловой структуры». Эта структура в принципе **открыта**. Информационно-целевой анализ преодолевает ограниченность контент-анализа, чтобы, того гляди, попасть в новую ловушку ограниченности, которую преодолевает... «информационно-ситуационный» анализ (как знать?).

Всячески поддерживаю твою идею о ведущей роли прагматики в исследовании общения. Но и прагматика, сводимая к взаимоотношению между коммуникантами, узка. Полифункциональность текста, его многоадресность, «многослойная» целенаправленность и эффективность — такой прагматикой не схватывается.

Семиотическое богатство здесь не скрыто от Тебя лишь постольку, поскольку Ты более или менее знакома с «богатой тотальностью» ситуации порождения и функционирования текста, воспринимаешь его, ну хотя бы в контексте данного письма.

(Я теперь «завязал» с этими методологическими сюжетами. Но если бы стал заниматься, то двигался бы именно в этом направлении.)

<...> Хочу еще обратить твое внимание на нормотворческую функцию вышеприведенного текста. (Ты, кстати, в своей книге тоже пишешь о «нормотворчестве», но в другом смысле.) Речь идет, разумеется, не о модальности долженствования, присутствующей в определенных фрагментах «акта производственных испытаний». А об интенции задания образцов **отношения к делу** (ну, хотя бы к делу внедрения этих техпроцессов).

Это, кстати, можно делать не только вербально. Том Сойер, например, вполне «нормотворчески» красил забор...

В «Интервью социолога-наладчика», среди прочего, говорится об исследовательском и экзистенциальном мотивах его (наладчика) нынешней деятельности. Так было вначале. Сейчас я, наконец, решусь добавить третий мотив — **нормотворческий**.

Творчество социальных норм, задание новых образцов деятельности — такова моя «сокровенная» идея, которая воплощается — когда в прямом высказывании, формулировке, тезисе, а когда и в самом факте сотворения данного, конкретного документа в определенном жизненном и социальном контексте.

Но это еще не все — про нормотворчество...

Придумал я тут сам себе и всем раздариваю принцип **адаптационного нормотворчества**. Это есть изобретение (и опробование!) таких образцов социального поведения, которые имеют шанс быть воспринятыми в ка-

честве таковых, быть адаптированными окружением. А для этого они сами («эталоны», образцы) должны быть адаптированы к реальной ситуации, на данном этапе ее развития.

(Разумеется, я не отрицаю ценности прецедентов, далеко обгоняющих свое время, как бы выходящих за пределы ситуации. Но тогда это будет творчество уже не «норм», а чего-то другого.)

Адаптационное нормотворчество предполагает **ситуационный максимализм** нравственного, и вообще — социального поведения. Вот в этом примере: максималистским является уже сам факт написания вышеприведенного акта рабочим-наладчиком. Его (акта) полнота: ничто не замазано. Логическая отточенность. Его машинописное исполнение, наконец (это уж — «вершина максимализма»!).

Казалось бы, полное «презрение» к конкретной ситуации. Ан нет! Ситуационны две подписи (рабочего и технолога рядом)... Приписывание «щеху» собственной (наладчика) инициативы... Отсутствие язвительности (в прошлом году я этим грешил)... Приписывание своих мыслей другим и как бы инициативное высказывание чужих мыслей... Ситуационно даже последующее отсутствие интереса к тому, передан ли этот документ наверх (в ОГТ).

(«Отсутствие интереса» — как это всем близко и понятно в условиях массового разгильдяйства, когда «никому ничего не надо»!)

И все же — максимализм (ситуационный!). Это — «немыслимо», «невозможно», и... сделалось возможным. К моим актам — **привыкли!** Таково адаптационное нормотворчество.

...Лев Толстой, очень неожиданно для Николая Рериха, высказался по поводу открывшей мировую славу последнего картины «Гонец» (там гонец переплывает реку на лодке):

«...Случалось ли в лодке переплывать быстроходную реку?

Надо всегда править выше того места, куда вам нужно, иначе снесет. Так и в области нравственных требований надо рулить всегда выше — жизнь все равно снесет. Пусть ваш гонец **очень высоко руль держит** (выделено мною. — А. А.) — тогда доплывет». (Цит. по статье В. Сидорова «Заветы Николая Рериха // Подъем, 1979, 14, с. 148).

Можно приплыть куда хочешь, если держать руль выше. Можно плыть и **против** ветра, если правильно поставить парус.

Возникает, правда, риторический вопрос: почему это река социальной жизни, подобно натуральной, физической реке, течет именно «сверху вниз», так что приходится эдак исхитряться для задания, казалось бы, естественных норм отношения к труду, производственной культуры, нравственного поведения?

В массовом сознании этот роковой вопрос принимает следующую лингвистическую форму (дословно! лингвосоциопсихолог относительно языка должен быть как врач относительно организма): «К коммунизму идем, б-ь, а х-чат наоборот». <...>

14.05.81

(Окончание следует)

3.4. Мистифицированная наука (Размышление о судьбах советской социологии)

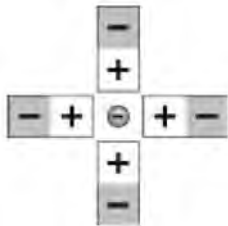
[Окончание письма к Т. Дридзе (май 1981). — А. А.]

Милая Тамара!

<...> Долгонько же я добираюсь до задуманной в феврале (и «запланированной» в этом письме) темы «судеб советской социологии»...

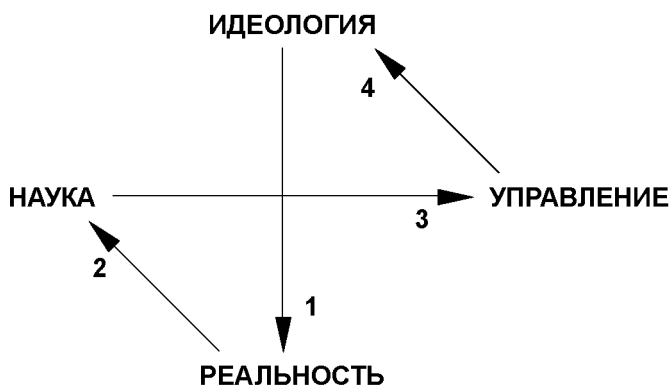
Но сначала — историческая справка. Или, точнее, **модель развития [отечественной социологии. — А. А.]** на протяжении последнего 25-летия.

Представь себе странное силовое поле, образуемое четырьмя магнитами, обращенными друг к другу одноименными (скажем, положительными) полюсами. А между ними — металлическое тело, заряженное отличным от этих полюсов (тогда — отрицательным) зарядом. (Сразу оговорю, что из теории электричества я ничего не помню, кроме того, что одноименные заряды отталкиваются, а разноименные притягиваются друг к другу.) См. рисунок.

Не позавидуешь этому «телу»!..

А теперь обозначим четыре полюса: **идеология, реальность, наука, управление**. А «металлическое тело» в середине — **социолог**. См. схему.

Современной советской социологии около 25 лет. До середины 50-х годов социология благополучно размещалась «в лоне» Идеологии, настолько прочно и слитно, что даже имени своего не имела («буржуазная социология» не в счет!).

«Родовыми схватками» конца 50-х годов она была освобождена из Чрева и, чуть не порвав пуповину, устремилась к Реальности, по дороге впопыхах обретая свое название и лицо. Младенческий, «донаучный» период развития современной советской социологии здесь обозначен стрелкой движения (1).

Шлепнувшись о реальные социальные процессы, наш младенец чуть не разбился, в силу своей неопытности. Последующим периодом его жизни (60-е годы) было движение к полюсу Науки, с ее методологией, методикой и техникой. Если первое движение (условно!) можно обозначить словом **секуляризация** (мне известен смысл этого слова и я употребляю его метафорически), то второе было **сайентификацией**, что обозначено стрелкой движения (2).

Этот период был, кстати, самым плодотворным в ее (социологии) развитии. До тех пор, пока она не успела «онаичиться» настолько, что реальность стала рассматриваться социологами сквозь некие телескопические линзы, и сама действительность не заместилась движущимися в этих линзах изображениями.

Для нормального существования в новом качестве социологии понадобилось институционализироваться. Она обрела свои научные учреждения, специальность в ВАКе, серии монографических и периодических изданий.

Но ведь не может существовать «наука для науки»! Началось следующее движение, обозначенное стрелкой (3), — **прагматизация**, в сторону полюса Управление. Общественная наука всегда готова служить Обществу, отождествляемому ею с управленческими органами. Пошла заводская и хозяйственная социология, потуги «управлять» образом жизни и т. д. (70-е годы).

Но серьезное управление неизбежно приходит в противоречие с Идеологией. И последняя в этой ситуации предьявляет на социологию законные «родительские» права. Попрыгала доченька — давай обратно в «лоно»! В общем, сейчас мы являемся современниками движения, обозначенного здесь стрелкой (4), — **идеологизация** (или, точнее, «реидеологизация»).

Я описал это в терминах «точек притяжения» (Идеология, Реальность, Наука, Управление) и процессов (секуляризация, сайентификация, прагматизация, идеологизация). Можно, в соответствии с этим, говорить о последовательных функциональных приоритетах: **гражданственная, исследовательская, управленческая, идеологическая** функции социологии. Можно много еще чего говорить, но суть, пожалуй, ясна.

По мере этого четырехфазного развития, отдельные частицы «тела» Социологии стремились осесть (и иногда это удавалось!) на том или ином полюсе. Впрочем, чаще всего, увлекаемые движением, эти частицы отставали в своем самосознании от действительного своего положения и бытия:

—академические ученые остаются в убеждении, что они еще имеют дело с Реальностью;

—социальные планировщики тщатся считать себя Учеными;

—идеологические пустобрехи мнят себя Управителями общественных процессов.

Кто-то и впрямь ближе к Науке, чем к Управлению. Кто-то к Управлению ближе, чем к Идеологии. И только к Реальности уже никто не ближе, чем к чему-либо другому...

Таким видится 4-фазный цикл развития современной советской социологии. И «Алеша»⁸ — нормальный продукт этого развития, отразивший в своем «онтогенезе» все виражи «филогенетического» развития. У него («Алеша»): и термины со значениями, но без смыслов; и «научно-практические» записки о молодежи на БАМе писал; и всем «богам» поклонился. Даже какие-то осколки реальности в его диссертации осели (но это уже нечаянно!). <...>

Такая логика развития социологии, переплетенная с логикой общественного развития (и решающим образом обусловленная последней), подсказывает необходимость **нового прорыва к реальности**. Этот прорыв может произойти в 80-х годах, но, конечно, не в силу внутринаучных причин, а под давлением хода общественной жизни.

Характерно, что сейчас наша журналистика, в лице лучших ее представителей, стала куда более «социологичной», чем сайентифицированная, прагматизированная, идеологизированная наука. Что-то похоже было в середине 50-х годов. Тогда тоже имело место **опережающее** развитие журналистики, подготовившее почву «гражданственной» социологии. Но тогда еще социологии в современном смысле слова у нас не было.

Сейчас целый «социальный институт» нашей науки имеется. Что, пожалуй, осложнит ее второе рождение, когда для этого созреют общественные предпосылки. В чем-то и облегчит, может быть... Да вряд ли.

<...> В июне 1979 г. мне пришлось выступать в редакции одной молодежной газеты [*«Комсомольская правда»*. — А. А.].

Тема — «Вы и социология». («Родственная нам наука...», по выражению замечательного публициста В. Я. Канторовича, с которым я имел радость быть знакомым; ну, а журналистика — родственная нам, социологам, профессия.)

Гляжу в старый конспект:

...И социология, и журналистика суть специфические органы **социального отражения** (общественного самопознания, рефлексии) **исоциального преобразования**. (Органы — того и другого; одно без другого бессмысленно).

Бездейственная рефлексия, равно как и необдуманное преобразование, противопоставлены как журналистике, так и социологии. Мнимая социальная рефлексия — иного рода общественное самодовольство; мнимое преобразование — латание «дыр» в интересах сохранения, стабилизации существующего.

⁸ Речь идет о конкретном человеке, чья кандидатская диссертация обсуждалась в опущенной здесь части письма

Подлинная социальная рефлексия — бескомпромиссное проникновение в объект, способность «не закрывать глаза» на реальные процессы; подлинное преобразование — сосредоточение усилий на решении коренных проблем развития общественной системы.

То и другое можно отнести и к социологии, и к журналистике.

Существенный водораздел пролегал не между социологией и журналистикой, как типами деятельности, а между **гражданственной конъюнктурной** (казенной) формами той и другой.

Подлинная (гражданственная, проблемная, реалистическая) журналистика и такая же социология весьма близки друг к другу. Псевдожурналистика и псевдосоциология по видимости существенно различаются, а по общему смыслу своему, да и по объективной роли тоже близки.

Различия: журналистика — не наука, и в этом ее сила; социология — не публицистика, и в этом также ее благо.

Журналистика [имеется в виду скорее «публицистика». — А. А.] исследует социальные процессы через конкретные человеческие судьбы, эпизоды, ситуации. **Социология** [имеется в виду парадигма «жестких» методов в социологии. — А. А.] исследует те же процессы в их обезличенных проявлениях, всеобщих формах.

Публицист имеет дело с «деревьями», социолог — с «лесом». Для первого существует опасность «не увидеть за деревьями леса», для второго — «не увидеть деревьев в лесу». То и другое довольно часто постигает журналистику, с одной стороны, и социологию, с другой. Журналистика — разведывательный дозор; социология — тяжелая артиллерия...

Гипотеза динамическом взаимодействии и исторической взаимокомпенсации журналистики и социологии в процессе общественного развития:

50-е гг. — «**прорыв**» журналистики (после XX съезда), **отсутствие** социологии.

60-е гг. — «**прорыв**» социологии, «**стабилизация**» журналистики (особенно — во второй половине десятилетия).

70-е гг. — «**стабилизация**» социологии, а к концу 70-х, может быть, намечающийся «**прорыв**» журналистики?

«Прорыв» — существенное углубление в познании, гражданственная активность, ломка старых норм, зарождение новых форм. «Стабилизация» — экстенсивное развитие.

Можно сказать и так: периодам экстенсивного развития в одной из двух сфер социального отражения (социология, журналистика) должны соответствовать периоды определенной интенсификации развития другой сферы.

В периоды своих «прорывов», будь-то журналистика, будь-то социология — существенно приближаются к реальной жизни: повышается проблемность, гражданственность, «острота».

В периоды «стабилизации» в соответствующей сфере возрастает «общественное самодовольство», конъюнктурность, возникают опасность «**псевдо-отражения**» и склонность к «**псевдо-преобразованиям**».

Журналистика и социология — своего рода **тандем**. Лидеры меняются местами в пределах одной команды, обеспечивая ее успех.

...Сейчас назревает потребность в новых формах социологической практики, более содержательной, приближенной к включенному наблюдению).

В принципе возможен синтез социологии и журналистики...

...Ну, ладно, хватит себя цитировать!

Возвращаясь к основной теме своего рассуждения, скажу, что социологии, успевшей одряхлеть за 20–25 лет, по-видимому, все же предстоит новый «прорыв», возрождение. Правда, ей для этого придется как бы «отказаться от самой себя». Что я, похоже, и делаю в этих письмах.

Те, кому особенно не хочется «идеологизироваться», сейчас ударились в методку и технику, приправленную прагматическими обещаниями. Грешил этим и я, да надоело.

<...> Тяжелое впечатление оставляют главы 3-я и 4-я (вкупе с 7-й) присланной Тобою коллективной монографии «Социальные показатели образа жизни советского общества (Методологические проблемы)».⁹

Изошренная техника — **для чего?** Чтобы показать, что проблема «повышения производительности труда» — «важнее», чем проблема «активизации участия трудящихся в делах управления производством»? А «усиление борьбы с антиобщественными явлениями» — «актуальнее», чем «повышение эффективности коммунистического воспитания»?!

Но вообще-то связываться с «проблемами» нынешняя наука избегает. Уж если ражировать, то лучше — «показатели»... Тут наш головной институт [*Институт социологических исследований АН СССР. — А. А.*] — во всей красе! Сохраняя серьезность обезьяны, научившейся складывать кубики, глубокомысленный социолог пускает всю мощь своей методической и технической оснащенности на экспертное соотнесение «значимости» и построение «типологической иерархии» (!?) показателей образа жизни: от «степени удовлетворенности работой и специальностью» (этот показатель занял у экспертов 1-е место) до «количества книг в домашней библиотеке» (26-е место, как можно углядеть при внимательном рассмотрении таблицы 4).

Далее... давайте «проинтерпретируем эмпирически» эти самые, «значимые» (вот только в каком отношении определялась экспертами эта значимость — неясно!) показатели — в форме «бинарных суждений» (26 суждений).

И составим вопросник, отражающий «важнейшие» стороны образа жизни советского общества. Да вот беда, показатели «общественно-политической активности» в число 26 важнейших не попали (см. упомянутую таблицу). «Оплошала» экспертиза! Ну, ладно, авось читатель не догадается сверить вопросник с результатами экспертной процедуры, якобы его обосновывающей.

Ну, а затем — всесоюзный опрос!.. кластерный анализ!.. графы!.. матрицы!.. морфологические модели!.. **«столо-верчение»!** Откуда взялся наш «Алеша»? Да вот отсюда. Все то же самое делает и он, только более неуклюже.

Стыдно!

Вообще, социология из науки о социальных явлениях и процессах (до сих пор представляемой Заславской, Гордоном, Рывкиной, Переведенцевым, Шубкиным, некоторыми другими)¹⁰ все более и более превращается в «науку» о социальных показателях. «Социология показателей»!..

Мистифицированная наука!

От такой «социологии» впору испытать «социальное озверение»! Жонглируют костями общественного скелета.

<...> Попробую резюмировать, точнее — перечислить основные элементы **кризиса** экстенсивного развития нашей бедной науки:

⁹ Книга под этим названием вышла в издательстве «Наука» в 1980 г

¹⁰ В оригинале письма использовались псевдонимы

- 1) описательный эклектизм, кризис концептуальности;
- 2) математический фетишизм, псевдоточность на недостаточной фактической и слабой концептуальной основе;
- 3) фетишизация формальных методов в ущерб содержательному анализу;
- 4) дефицит проблемности в социологических трудах, лакировочные тенденции;
- 5) дефицит исторического подхода в социологическом анализе, издержки функционализма;
- 6) отрыв социологических методик от реальных жизненных проблем и представлений людей;
- 7) исследовательская гигантомания (пример — всесоюзные обследования образа жизни);
- 8) крах технократических иллюзий, кризис эффективности;
- 9) утрата (впрочем, еще не успел возникнуть!..) целостного человека в качестве предмета исследования...

Ремарка: кризис социологии.

Автор в ту пору, разумеется, не читал и даже не знал о существовании книги П. Сорокина «Причуды и слабости современной социологии и родственных ей наук» (1956).

Ср. вышеприведенное перечисление «элементов кризиса» советской социологии с оглавлением названной книги П. Сорокина (впервые опубликовано на русском языке, в переводе Н. К. Серова, в журнале: Реальность и субъект, 1998, 1 2/3. (Январь 2000).

* * * ...И все же у меня нет ни

оснований, ни желания обрывать письмо саркастическими (или же ностальгическими?) замечаниями. Дело в том, что возрождение Смысла, или, точнее, обретение Нового смысла, как и новый Прорыв к реальности в социологической науке — предугадывается. И формы его чрезвычайно разнообразны, их нельзя сводить к деятельности типа моей нынешней.

(Лишнее подтверждение того, что каждый должен делать **свое**, на данный момент индивидуальной эволюции, дело.)

Может быть, мне везет (хотя вряд ли случайно!), но никогда еще не приходилось писать или произносить столько восторженных рецензий, как за последние год-полтора. Как правило, это люди 30–40-летнего возраста (ближе к 30, чем к 40, т. е. моложе меня лет на 10), которые вдруг, нередко каким-то рывком, совершали прорыв к Сути в своих научных (а иногда и не научных, в строгом смысле слова) поисках.

Это — реже диссертации, чем статьи; реже статьи, чем отчеты; это чаще всего — не кандидаты наук; в академических учреждениях их можно встретить реже, чем в иных. Каждый по-своему — «высоко держит руль» (в смысле известного высказывания Л. Толстого). Вряд ли качественный скачок каждого из них был столь уж резким...

Многих из этих людей я знал и раньше. Однако открытие или же раскрытие их талантов — в моих глазах — происходило вдруг (может быть, и объективно так было, в некоторых случаях).

У меня сейчас нет времени, да и вдохновения — на повторные отзывы-рецензии. Назову только имена и сюжеты:

— Леонид К. [*Л. Е. Кесельман. — А. А.*] — широкий круг научных сюжетов (от социологии труда до социологии театра);

— Альфред С. [*А. А. Сарно. — А. А.*] — социология организации, коллективные формы организации труда;

— Александр Ю. [*А. Н. Ющенко. — А. А.*] — социально-экономические механизмы миграции;

— К. М. [*К. Муздыбаев. — А. А.*] — разнообразная социально-психологическая проблематика;

— Людмила Д. [*Л. К. Дудченко. — А. А.*] — прикладная социология и социальная психология;

— Евгений К. [*Е. Х. Кунин. — А. А.*] — проблемы общения и социализации молодежи;

— Владимир Д. [*В. Н. Дьяченко. — А. А.*] — исследование социальной адаптации в районах нового освоения (БАМ и т. п.);

— наконец, целый коллектив социологов из НИИКСИ [*НИИ комплексных социальных исследований при Ленинградском университете. — А. А.*], которые, как оказалось, ведут хоздоговорную тему на моем заводе: Николай Г., Александр М., Николай Щ. [*Н. П. Грибалева, А. П. Марьяненко, Н. Ю. Щербаков. — А. А.*]

Жаль, что я взялся обозначать области их интересов. Каждый — не укладывается в эти обозначения.

Но это все — открывшиеся в последнее время для меня (а может — и для самих себя) социологические таланты; уже не «ожидания» талантов, а состоявшиеся! Большинство из них пока не титуловано ученой степенью. Одни больше, другие меньше — адаптированы в современной научной среде. Вообще, работа всерьез — стоит больших или меньших жизненных издержек...

Работа каждого из них «имеет отношение к реальности» и, так или иначе, является выражением гражданской тенденции, столь старательно из нынешней институциональной социологии вытраиваемой.

У меня сейчас под руками оказались только два текста авторов, из числа названных здесь. [*Л. Дудченко; А. Марьяненко. — А. А.*] Посылаю их Тебе, в качестве иллюстрации.

Вот: есть людям что исследовать, есть что выражать!

Более или менее полное собрание трудов таких авторов, я думаю, по содержательности перевесило бы несколько годовых комплектов журнала «Социологические исследования».

Вот это-то и позволяет уповать на будущее. Так сказать, «цветы на асфальте»... Но не будем забывать и про «Алешу». Эти тоже плодятся. И даже... **штампуются.**

...Возвращаясь к началу своего письма, подчеркну, что возможности адаптационного нормотворчества и ситуационного максимализма, способы «поднять повыше руль» отнюдь не закрыты — в **любом** качестве, в **любой** сфере жизнепроявления, в том числе и в нашей профессиональной.

Остается только каждому получше выбрать себе лодку — по своему темпераменту и нынешней своей индивидуальной «комплексии»... И уж **в ней** рулить повыше! Тогда, может быть, и не снесет.

Если же не успеваешь вычерпывать воду из лодки, которая дала течь, то не стоит прыгать, с отчаянья, в водоворот. Пересаживайся в другую лодку или... просто хватайся за обломок — и **рули туда же!**

«Послание в будущее» будет доставлено, и не одним «гонцом». Вот только рассчитывать на других, кроме себя, не стоит...

Впрочем, для жанра своих писем я становлюсь, пожалуй, слишком серьезным. <...>

Твой Андр. Ал., 6–14.05.81

3.5. Научно-институциональные будни (ИСЭП-1981)

[Персональный адресат этого письма (июль 1981) — Людмила Кирилловна Дудченко, социолог, ныне — канд. филос. наук. В ту пору жила в Ярославле. Ныне — в Москве. — А. А.]

Добрая Людмила!

Впору этому письму три эпитафия:

(1) Кому она пригодится, сказка моя?

Но не только для театра может она пригодиться. При случае ты можешь ее рассказать тем людям, которые себя считают непреложными знатоками искусства, которые высокомерно раздают определения и наименования. Чувствуют ли ушедшие мастера, что выкраивается из их творчества?

Знатокам пригодится мой случай из жизни. Или для собственного успокоения они сочтут все описанное вымыслом?

Будет так, как должно быть.

Медведь вышел на меня, но остался я цел. Огонь касался меня, но не сгорел я. Подломился лед подо мною, но не утонул я. В тумане остановилась повозка у стремнины, но не погиб я. Лошадь оступилась на горной тропинке, но удержался я. Терял накопленные богатства и не горевал я. Был призываем к власти, но не поддался. Злобная погоня неслась за мною, но не настигла. Клевета и ложь преследовала меня, но побеждала правда. Был обвинен в убийстве человека, но пережил и это измышление зла. Сидел со злобными лукавцами, но уберегся. Бедствовал с глупцами, но устоял.

Так было нужно. Это правда, никому не сказанная.

Ник. Рерих («Пламя»)

(2) Что ж делать? Петь, пока еще поется,
Не умолкать, пока не онемел.

Пускай хвала счастливейшим дается;

Кто от души простой и чистой пел,

Кто не искал сих плесков всенародных,

В немногих он, ему по духу сродных,

В самом себе получит мзду свою.

Власть — слушать, власть — не слушать; я пою.

Павел Катенин

(3) За что... Кукушка хвалит Петуха? —
За то, что хвалит он Кукушку...

И. А. Крылов

Последний эпиграф — контрапункта ради. Немыслимо же на твое последнее письмо ответить артистическим поклоном или светским «Вы мне льстите!». Вот и отшучиваюсь как умею.

<...> Не отвечаю на твой «букет цветов», чтобы не «проболтаться». Всякий Артист носит в себе Нарцисса, хоть немного... Но эти цветы не стану делить даже с возлюбленными. Вот напишешь Пародию — «обнародую» (как в одном из ранних, еще не известных Тебе писем). <...>

Что касается высказанных Тобой соображений, относящихся уже не только к моему «самодетельному театру», то я их полностью разделяю и цену.

<...> Мой привет Славе.¹¹ По крайней мере одного из вас двоих я надеюсь увидеть в Ленинграде в ноябре, когда состоится научно-практическая конференция на тему «Театр и город».

А может у Тебя к Ладову [В. А. Ядову. — А. А.] появятся дела раньше? Приезжай, киплингоская Кошка, пить молоко. (Впрочем все молочные продукты в наших научных институтах кисают...)

* * *

...Лень пересказывать научно-институциональные новости. <...> Только **про себя** в ИСЭПе расскажу.

Полгода назад задумал я обозначить свое совместительство в академическом учреждении докладом на заседании сектора, демонстрирующим, что социолог-наладчик не только стальные листы штампует, а и еще кое-что.

Почти полгода ушло не на подготовку, нет — на перепечатку «Материалов к докладу», включающих отчеты, изготовленные, по преимуществу, в 1980 г. Два переплетенных коричневых тома легли в сейф сектора — «для внутреннего пользования».

Оглавление этих томов и открывающие их «Несколько вступительных слов» посылаю Тебе в качестве приложения к этому письму.

...Крошка-Пусыгин (кажется, в других письмах я называл его как-то иначе) делал по поводу этих томов «парламентский запрос» на Ученом совете института (чем поставил Ладова в затруднительное положение, поскольку Крошка сунул свой нос в чужой сейф раньше, чем сам Ладов успел их полностью прочитать).

Во избежание «беспорядков» на заседании сектора, решили сделать его «закрытым». Но некоторые особо любопытные индивиды все же проникли, со своими стульями...

Конспект этого доклада, произнесенного 13.07.81(понедельник) — «Образ жизни и жизненный процесс» я также прилагаю к письму.¹²

¹ «Слава» — Вячеслав Сергеевич Дудченко Ныне — докт социол наук, профессор, специа лист в области организационного консультирования, живет в Москве

² См в главе 6: раздел «Образ жизни и жизненный процесс...»

Читать это нужно **в том порядке**, в каком сложено, т. е.: (1) оглавление; (2) автоаннотация; (3) конспект.

Доклад был встречен коллективом вполне благожелательно, однако у некоторых вызвал незапланированные раздумья над собственным **научно-жизненным процессом**. Пожалуй, эти раздумья превалировали над содержательными соображениями об образе жизни общества и методологическими соображениями о способах его изучения — в ходе обсуждения.

Как видно, не нужно быть Ломоносовым, чтобы отставить от себя Академию. Впрочем, Академия (в лице директора института) уже ищет поводов для отставки своего сотрудника... Еще в марте, на заседании Ученого совета директор предписал руководству отдела обсудить и утвердить «программу социолога-наладчика».

Возможно, к концу второго года моего научного совместительства это будет сделано.

Но не поздно ли спохватился директор? Не стану же я писать официальную программу «задним числом»!..

Впрочем, в этом институте **задним числом** пишут не только программы, но и объяснительные записки. Расскажу одну поучительную историю.

...Один зав. сектором написал рапорт, точнее — служебный донос на своего сотрудника, от которого он хотел бы избавиться. Это был тот сотрудник, у которого этот зав умудрился передрать куски из его более ранних (еще до поступления того в институт) публикаций. То есть зав был плагиатором.

Донос этот застал сотрудника на бюллетене, и он узнал об этом из телефонного звонка от коллег. Те и посоветовали ему не дожидаться выхода на работу, где ему придется писать объяснительную, а сделать вид, что ему о рапорте ничего (пока) неизвестно, и написать самому «инициативную» служебную записку руководству института о том, как выживает его из сектора этот зав-плагиатор.

(Это началось не вчера, вот только не было еще со стороны зава столь беспардонных действий.)

Строго говоря, писал сотрудник эту записку не один, а под дружественным «давлением» и при участии желающих ему добра коллег. Был там и абзац о плагиате (что многое объясняло в поведении научно-административного гангстера).

Но — надо знать нашего друга: человек он бесхитростный и мягкий (по крайней мере тогда, когда дело касается его самого). В последнюю минуту он вычеркнул абзац о плагиате (а то, дескать, «неудобно»...).

Начальство, стоящее над ними обоими (и сотрудником, и завом), подержав в руках оба документа, попросило сотрудника взять свою записку обратно, а чтобы все «тихо-мирно» — написать-таки объяснительную на донос зава-плагиатора. И наш герой «пошел навстречу» — так и поступил.

Однако тут выяснилось, что... донос зава написан «не по правилам». И, при поддержке еще более высокого начальства, этот плагиатор и <...> *[здесь опущено выражение, которого обсуждаемое лицо заслуживает. — А. А.]*

его задним числом переписал. А сотрудника «попросили» задним же числом переписать свою объяснительную, уж раз такая промашка вышла...

До чего же привыкли люди намаливать веревку для собственной шеи! Наш друг... и это пожелание начальства выполнил — из лояльности.

Ну, с учетом всех внесенных и в донос зава, и в объяснительную сотрудника «исправлений», у директора появились все **законные** основания для объявления этому сотруднику выговора. Теперь наш герой, кандидат наук и уникальный в своей социологической области специалист, ищет, куда бы податься из института.

Вы со Славой всех действующих лиц этой «социодрамы» хорошо знаете. А события эти — последних полутора месяцев... Вот так разворачиваются мои и не только мои научно-институциональные будни. <...>

* * * Следующие, по меньшей мере,

два письма, давно обещанные, уйдут к Г. Ж. в Сибирь. Это будет «простой и бесхитростный» рассказ о **заводских буднях** за последние 10–12 месяцев. А то я их (эти будни) все «редуцирую»: то в интервью для стенных газет, то в акты испытаний технологических процессов... Копии (этих будущих писем) я пришлю Тебе.

<...> Пожалуй, название доклада [*«Образ жизни и жизненный процесс»*]. — А. А.] может быть отнесено и к **этому письму**. (И не только потому, что соответствующие приложения занимают основной объем этого конверта). <...>

Андр. Ал., 22.07.81

3.6. Наладчик и бригада («Партизанщина»)

[*Персональный адресат этого письма (август 1981) — А. К. Назимова*¹³. — А. А.]

Дорогая Алла!

Тебе еще не наскучило складывать в папку мои письма?

Кому, как не соавтору исследования общественной активности рабочих на производстве, рассказать мне историю партизанского освоения координатно-револьверного пресса в цехе ¹ 3 «Полифонмаша»?

Помнишь (нет, лучше перепишу!), в нашей недавней статье на соответствующую тему есть следующие строки:

...Заранее предупредим, что в данной статье речь пойдет лишь о социально-одобряемых и институционально-организованных формах общественной активности на производстве, т. е. об официальных формах такой активности. Это накладывает ограничения не только, так сказать, количественные, ибо вне поля зрения исследователя оказывается известная масса инициативных видов производственной деятельности. Уместно предположить, что условия и мотивы «неофициальной» активности, механизмы ее формирования — иные..., а это означает, что наши выводы будут иметь ограничения и содержательного характера...

[*Статья А. Н. Алексеева и А. К. Назимовой «Общественная активность советских рабочих» была опубликована в сборнике «Рабочий класс СССР на рубеже 80-х годов» (М.: ИМРД, 1981). — А. А.]*

¹³ См о ней выше: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха ¹ 3»

Так вот, расскажу об этой не официальной, **не санкционированной** активности. Причем об активности — не только твоего корреспондента (а то о нем, того гляди, создается впечатление Лягушки, взбивающей масло в горшке с молоком, чтобы не утонуть).

Письмо это назову: **Наладчик и бригада**.

* * *

Я уже сообщал, что мой ПКР размещается между станками и верстаками, за которыми трудится первая на заводе комплексная бригада, работающая на единый наряд. Ее возглавляет Игорь Вас. Лозовой¹⁴, недавно награжденный орденом «Знак почета». Зам. председателя совета бригадиров завода.

Вообще, наш цех — зачинатель БФОТ (бригадные формы организации труда). 80 процентов всех рабочих цеха состоят в бригадах. Что касается Лозового и его бригады, то приведу обширную выдержку из заводской газеты:

...Уже два года существует эта бригада, работающая на один наряд. И люди в ней подобались разные. На первый взгляд, необычно, что сюда охотно идут люди, имеющие высшее и среднее специальное образование...

(Среднее специальное — у Игоря Смирнова; а под высшим — имелся в виду... социолог-наладчик, т. к. бригадир показал корреспондентке на мой станок, где я в тот момент для них «партизанил», а та не уточнила, являюсь ли я членом этой бригады. — А. А.)

...Но продукция, которую выпускает бригада, очень сложная. Это детали и узлы к фотонаборной технике, которую недавно стали выпускать на заводе. И рабочему требуются глубокие знания, умение точно рассчитать, высокое мастерство. Все это можно сказать о слесарях и фрезеровщиках, которыми руководит кандидат в члены партии И. В. Виноградов.¹⁵

Много учеников было у него. Присылали парнишек из ПТУ, ничего не умеющих, с трудными характерами. И к каждому находил он свой подход. Сколько сил приходилось вложить, чтобы воспитать из них настоящих мастеров своего дела! Но никто из ребят не ушел с завода, после армии обязательно возвращаются на завод.

Один из бывших учеников Виноградова И. А. Смирнов говорит о наставнике:

— Он своей отзывчивостью обязывает нас работать еще лучше.

На первый взгляд — парадокс: отзывчивость и вдруг обязывает! В бригаде Виноградова так: внимание к человеку, забота о нем, помощь ему стали преградой разгильдяйству и нерадивости.

У Игоря Васильевича много забот: сейчас, с бригадой, добавились и функции мастера — распределять задания, планировать работу, следить за дисциплиной, учить молодых, воспитывать людей.

— Да, много стало хлопот, но зато теперь интереснее работать, — говорит Виноградов.

Сам он трудится на заводе тридцать четыре года. Совсем юным пришел сюда из ремесленного училища, получив специальность слесаря-сборщика. Сначала собирал токарные станки. Потом постепенно овладел многими специальностями, стал мастером высшего класса и учит других. Сейчас каждый в его бригаде может работать на двух-трех операциях (*не операциях, а типах операций*). — А. А.)

Сам Игорь Васильевич всегда идет впереди. Десятую пятилетку он выполнил за три года и почти полностью успел завершить еще одну... («Строгость бригадира» — «Трибуна машиностроителя», 1981, 3 июля)

¹ Здесь — псевдоним Действительная фамилия — Виноградов

¹⁵ Здесь, при цитировании, восстановлены реальные фамилии, отсутствовавшие в письме

Между прочим, все **правильно** написано. (Была в этой статейке и «лажа», да не стал это переписывать.) А Лозовой, действительно, идеальный бригадир! Деятельный и доброжелательный. «Слуга царю, отец солдатам...».

На этом же участке есть и другая комплексная бригада, того же профиля. Это — «последователи». Возглавляет ее Толя Филин¹⁶, которым администрация не очень довольна.

<...> В партию Лозовой вступил недавно, без особой охоты. Но — «куда денешься», раз начинателем оказался. Положение обязывает... Во всяком случае, он обрел это положение, будучи беспартийным. Своего (а теперь — бригадного!) не упустит. Но и в конфликт зря не полезет. В меру покладист.

...Пришли в цех о его бригаде кинематографический сюжет снимать. Возвращаюсь с обеда — станок мой включен, а один из слесарей на нем кнопки нажимает! Да не помнит, какую нажал... А у меня не все пуансоны с матрицами спарены (пришлось потом каждое гнездо проверять!). Оказывается, киношники попросили Игоря: мол, этот станок в кадр попадает, так пусть кто-нибудь «поизображает». «Надо — пожалуйста!» (Лозовой).

Я тогда только-только станок отрегулировал и еще боялся, что второй раз не сумею... А вообще-то — нечего в револьверной головке не спаренный инструмент держать (это я уже — про себя!).

Вот какой был смешной эпизод (как социолог-наладчик чуть в кино не попал). Но это — к слову. Суть же — впереди.

* * *

Первую программную продукцию на ПКР, после его капитального ремонта, я выпустил, как Ты знаешь, в ноябре 1980 г. И тогда же стало ясно, что очередной производственной загрузки станку нет и в ближайшие месяцы не предвидится. Взял я листок бумаги и написал на нем:

Можно пробивать на ПКР:

— стальные листы толщиной до 2 мм, алюминиевые — до 3 мм; круглые отверстия диаметром от 1,5 до 50 мм; пазы и окна любых размеров; максимальный размер детали — 500х500, минимальный — 100х200;

— если заготовка «в угол», то обеспечивается точность расстояния от базы — 0,2 мм; точность отработки межцентровых расстояний — 0,2;

— возможность штамповки — в зависимости от наличия инструмента; запас комплектов (пуансон — матрица) в цехе — около 300.

А. Алексеев. 28.11 80.

Отдал Лозовому. Он: «**Партизанить?**» (очень, кстати, точное выражение!). Я — ему: «**Пожалуйста!**». Тот спрятал листок в ящик верстака. И тем дело пока кончилось. В декабре я ушел в отпуск. В январе вернулся. Работы нет. И не светит.

Это я теперь рассматриваю свои простои как нормальную компенсацию свободным временем за низкий заработок повременщика (150 руб.). А тогда без производственной загрузки чувствовал себя неудобно. А слишком настойчиво требовать загрузки или дополнительной работы — будет выглядеть,

¹⁶Здесь — псевдоним. Реальная фамилия — Сычевич

словно я заработать хочу. Но мне и зарабатывать больше сейчас не очень удобно, пока справку на совместительство дают. (Что-то вроде ситуации пенсионера, которому не нужен заработок, лишаящий его пенсии.) Да и какой, в самом деле, дурак будет у них себе лишнюю работу за ту же плату требовать?

Другое дело — бригаде **облегчение** сделать (это словечко уже позднее возникло, его Лозовой употребил). В таком случае мой альтруизм приобретал не абстрактное, а вполне конкретное содержание (что тоже было осознано много позднее). В нем (этом альтруизме) обнаружилась вполне деловая база и экономическая сторона.

Мой негласный договор с бригадой Лозового был заключен при обстоятельствах, о которых не могу вспомнить без улыбки.

* * * Не избалованный личным (т.

е. личностным) вниманием соседей по рабочему месту, да и сам никого своим вниманием не обременявший, я был немало удивлен, когда мой ближайший сосед, фрезеровщик Виталий в первый послеотпускной день заметил, что у меня годовый юбилей со дня поступления. Надо же, помнит... (А ведь дай бог двумя десятками слов мы оба обменялись за целый год.)

Тогда я решил, что надо... «оправдывать ожидания».

Моему первому наставнику Федору Филипповичу подарил в день полочки авторучку в футляре, Ване Сидорову — подстаканник, а кладовщице Фаине — духи (это — по случаю своего «юбилея!»). Эти трое в свое время приютили меня в инструментальной кладовой, а потом Ваня и отдельным «кабинетом» обеспечил...

Если подарки от «юбилера» еще можно было толковать двояко: то ли выражение благодарности, то ли «мелкий подхалимаж», — то другая моя «акция» была однозначной и вообще рутинной. В этот же день принес я с собой бутылочку домашней настойки и троим соседям по рабочему месту (наладчик штампов Стас, мой предшественник на ПКР Игорь С. и «подавший идею» фрезеровщик Виталий) предложил — **за 30–15 мин. до конца рабочего дня** заглянуть в каморку УСП, по случаю моей годовщины.

Заглядывали по очереди, от 15-30 до 16-00: Ваня, Игорь, Стас; Ф. Ф. уважил, тоже заглянул, но ему спиртного нельзя, а «инициатор» Виталий, оказывается, ничего такого в виду не имел и **никогда** на работе не принимает.

Вообще в цехе выпивают, но по-тихому, и я интуитивно попал в точку, создав возможность для последовательных визитов, а не устраивая «коллективную пьянку». Тут всего-то 100 грамм с яблоком, но важна идея, символ!

Последним оказался Игорь С., и мы с ним, как и с остальными, минут 5–10 обсуждали мои дела («имениник» всегда имеет на это право!).

Возникло (признаюсь, у меня) огорчение по поводу обнажившегося дна бутылки и недообсужденных вопросов. Да вот беда — оказывается, Игорь сегодня с обеда работает и должен прихватить половину вечерней смены.

(А дело в том, что на заводе, особенно в то время, шла **демонстрация** работы сверхурочно, чтобы видна была напряженность плана. По очере-

ди каждый получал талончик, который должен был пробить, выходя с завода часов в 19–19-30. А поскольку действительной надобности в сверхурочной работе в ту пору вовсе не было, то очередник, со всеобщего ведома, выходил с обеда, т. е. просто передвигал свой рабочий день. Зато было **«очевидно»**, что без сверхурочных программу никак не выполнить — выигрыш для администрации, и заработать столько никак нельзя — выигрыш для рабочих!)

Игорь объяснил мне, что выйти надо через одну проходную, а вернуться на завод через другую и сказать, что забыл полочку в спецовке. У меня еще хватило ума положить в сумочку старые ботинки, выйти и вернуться с ними, чтобы видно было — зачем сумочка («камуфляж»!).

А в этот вечер («сверхурочно», т. е. с обеда) кроме Игоря С. работали еще бригадир Игорь Лозовой и Саня Кузькин (ростом с крошку Пусыгина, по прозвищу «Амбал»). Вернулся я благополучно, вошел в свою каморку, вышел... и захлопнул дверь, оставив ключи на подоконнике. (Никогда такого не бывало, а тут случилось!)

Подхожу к Игорю, смущенный: вот, «все есть», а под замком.

Что слесарю отмычку сделать... Да замок хитрый. Тут мобилизовались все сверхурочники. Бригадир решил — выставить стекло (дверь — со стеклом). И выставили, и вставили обратно, с энтузиазмом и бескорыстно. И сам бригадир не загордился: раз «юбилей» — не только можно, но и должно отметить.

Два Игоря и Андрей обсудили перспективы сотрудничества, но решений не принимали. Просто каждый другого понял и «взял в голову». Потом чуть-чуть и «Амбала» угостили, но тот, как известно, заводится с полоборота, и ему, как было сказано, больше 100 граммов давать нельзя.

Должен оговорить (вовсе не из цензурных соображений!), что история эта — не типичная, ни для юбиляра, ни для его «гостей». Просто вот такое интересное стечение обстоятельств и непринужденное развитие событий.

Было это 13 января 1981 года... А 14 января — началась **партизанщина**. «Примкнул к бригаде», — выразился Стас.

* * *

На координатно-револьверном прессе удобно пробивать маленькие отверстия, которые обычно сверлят. Или — большие, которые обычно растачивают. Можно прорубать пазы, которые обычно штампуют на других прессах. Можно, комбинируя удары, вырубать большие окна, которые обычно фрезеруют. «Золотая машина!», по выражению одного из рабочих.

Надо сказать, что Лозовой действовал куда осмотрительнее наших технологов. Он предлагал мне проштамповать не всю деталь, а лишь отдельный паз в детали. Тот, который для него наиболее трудоемок. А на ПКР, глядишь, можно это сделать... Но карты штамповки, понятно, нет. Значит, нужно самому рассчитать эту карту. Потом — взять обычную заготовку детали и изготовить из нее самодельный шаблон, непосредственно на станке, пользуясь координатной сеткой и микроскопами.

Когда первый паз его устроил, Лозовой предложил мне связку отверстий. Потом — почти целую деталь.

<...> Вся эта работа поначалу привлекала внимание мастера участка не больше, чем изготовление металлических обложек для «Писем любимым женщинам». Да она и была не видной. Подумаешь — один паз из десятка...

По ходу дела понадобилась какая-то новая оснастка. С подачи Лозового ее изготовили, легальным порядком. То есть — администрация не увидела в «партизанщине» какого-либо нарушения. Напротив, мастер перехватил инициативу у бригадира и заказал мне деталь, оказавшуюся записанной уже за бригадой Филина.

Одновременно шла работа по испытанию нового поколения поступивших из инструментального цеха шаблонов. И эта партизанщина происходила как бы **между делом**, никому не колола глаза. А бригаде (той или другой) она приносила скромное «облегчение». Экономическая заинтересованность бригад состояла в том, что мои пазы и отверстия естественным образом записывались на их счет, как если бы делались не на ПКР.

Но до середины февраля эта экономическая выгода была еще относительно невелика. Интерес бригадиров к моему станку резко возрос, когда социолог-наладчик, подогреваемый их запросами, решился отступить от стандартной технологии штамповки на ПКР. И — **перевернул шаблон!**

* * *

Чтобы Тебе было более или менее понятно: отверстия на листовой детали, согласно чертежу, могут размещаться на любом участке ее площади. Но для станка существует так называемая «мертвая зона». Это та часть детали, которая ухватывается пневмозажимами. И пробить отверстие там, понятно, нельзя.

В официальной технологии эта проблема решается использованием заготовок с технологическим припуском. Тогда пробивать отверстия можно в любой точке будущей детали. А припуск потом отрезают. Ну, а если заготовка — без припуска (как в нашем случае), то можно попробовать штамповать в два захода. Сначала — все, кроме «мертвой зоны». А потом, перевернув и шаблон, и деталь, также и то, что раньше попадало в эту зону.

Правда, тут есть обязательное условие — чтобы заготовки были строго прямоугольные и одинаковые по габаритам. Иначе, при перевероте шаблона, требуемые расстояния отверстий от краев листовой детали выдержаны не будут.

Ну, слесарям эти технологические особенности моего станка, хоть и понятнее, чем Тебе, но мало интересны. Лозовому интересен результат. Можешь войти в «мертвую зону» — войди! Надо для этого перевернуть шаблон — переверни! Лишь бы все размеры были в допуске.

Лозовой спрашивает: «Это можешь пробить?» — «Могу». — «А это?» — «Тоже». — «Отлично! А эту связку отверстий?» — «А эту не могу». — «Жаль... А может, как-нибудь?» — «Боюсь размеров не выдержать. Заготовки-то ведь могут быть и не одинаковые...» — «**Будут одинаковые!** Давай, Алексей, под мою ответственность».

Уж очень ему не хочется отдельно эти отверстия просверливать, раз все остальное — я могу. Требование на «одинаковость» никаким ГОСТом не предусмотрено. Но Лозовой знает, что их (заготовок) разноразной — в пределах допустимого для данного случая. Итак, сработал комплекс **заинтересованности** (экономической), **компетентности** (технической) и **ответственности** (моральной) — в предвидении конечного результата.

(Напомню «формулу разгильдяйства»: незаинтересованность + некомпетентность + безответственность.)

Вот тогда-то наладчик ПКР перевернул шаблон и впервые **вошел в «мертвую зону»**. Это было 20 февраля 1981 г. А 23 февраля состоялось открытие XXVI съезда партии.

Я считаю, что мы с Лозовым достойно встретили партийный съезд.

* * *

С этого момента начался триумфальный и тернистый (развязка еще впереди!) партизанский поход в тылу отдела главного технолога. Разнеслась молва, что наладчик ПКР может сам и техпроцессы рассчитывать, и шаблоны делать, а главное — пробивать отверстия в допуске, где бы они на детали ни размещались.

Следующую субподрядную работу для ПКР у Лозового перехватил бригадир Филин. Лозовой обижался: раньше эту выгодную деталь делала его бригада. Но Толик договорился с мастером. И мне пришлось сказать «своему» бригадиру: «И рад бы, да ты **не зевай!**».

«Ф-...» — крупная панель, с большим окном и доброй сотней разнокалиберных отверстий. Разумеется, с отверстиями и в «мертвой зоне», с размерами, заданными от разных баз, да еще не вся оснастка для ее изготовления имеется.

Толик и член его бригады Серега — люди деловые: «Чего тебе нужно?» — «Для этой детали есть старый шаблон, но в нем надо припуск срезать». — «Срежем!» — «Пару отверстий в шаблоне передвинуть». — «Передвинем!» — «У меня искатель на 6 мм, а тут 7-миллиметровые отверстия в шаблоне. Можете новый искатель сделать?» — «Сделаем!».

На следующий день все было готово. Куда начальнику тех. бюро цеха Авдейчикову до такой разворотливости! (Делали не сами: тут и токарь нужен, и фрезеровщик, а закалывать искатель — так и вообще в другом цехе.)

Ну, и я решил сделать им подарок: «Попробую вместо керна [*своего рода наковка на металле, разметка. — А. А.*] вам сразу 1,5 мм отверстия пробить. Только если пуансон сломаю, вы уж мне его сделайте». — «Ладно!». Толя Филин посоветовал подкоротить пуансон (скорее уцелеет!). Когда не уцелел и второй, пришлось задуматься. Так возникла **тайная рация**, в виде тонкого пуансона, переделанного из более толстого, так что: а) прочность повысилась; б) никто и не знает, что тонкие поломаны.

Почему же эту рацию я никогда не стану оформлять?

Все дело в том, что по нарядам (даже если эту деталь когда-нибудь переведут на ПКР) штамповщик получит свое, за кернение, а слесарь —

свое, за сверловку. А если они еще в одной бригаде, так и то и другое — «в общий котел». И кому какое дело, как возникли отверстия. Были бы в допуске... Ну, года через два заметят, может быть, срежут расценки. Так ведь их и так срежут, не глядя. Так что рабочая инициатива не без успеха корректирует нелепости тарифной системы.

Филин и Лозовой советовали не торопиться, особенно **когда смотрят** (а визитеров было много!). Я ответил, что — **не дурной**. И они успокоились. <...>

* * * 16 марта наладчик ПКР

приступил к выпуску первой **легальной** (не партизанской!) партии деталей. В импровизированном соревновании рабочей инициативы с бюрократической машиной последняя приковыляла на исходный рубеж с опозданием на четыре месяца (запуск ПКР состоялся еще в ноябре).

Не было такой ямы, в которую административная машина не заехала бы колесом, а то и всеми четырьмя. Все ее злключения добросовестно отражены в **сводном** акте производственных испытаний от 9.04.81, который прилагаю. <...>

[Здесь текст акта опущен. — А. А.]

Если в январе-феврале я был занят производственной деятельностью (в любых ее формах!) примерно 2/3 рабочего времени (благодаря партизанщине), то в марте оказался загружен почти на 90% (не фигурально, а буквально!).

Это было веселое время и эффектное зрелище: социолог-наладчик, «гарцующий» на координатно-револьверном прессе. Пора бы уж коню и споткнуться... А то как-то неловко и рассказывать.

В апреле производственные задания, обеспеченные документацией, оснасткой и заготовками, иссякли. Только разбежался — стоп, дорога перерыта. Ладно. Я в ту пору начал уже воспринимать свои простои как заслуженный отдых повременщика.

При всей лихости партизанских прорывов социолога-наладчика, мое отношение к точности соблюдения размеров, заданных в чертеже, было куда более трепетным, чем у остальных рабочих. Там, где слесарь меряет штангенциркулем один раз, я мерил трижды. Там, где отклонения в допуске, слесарь не станет заниматься подрегулировкой. Я же минимизирую отклонение, для надежности.

Знаю, что «пройдет», но «держу руль выше, чтобы не снесло».

При внимательном отношении к запятым, корректоры могут не заметить пропущенную строчку. (Кажется, один из томов БСЭ вышел с опечаткой — буква «У» вместо «Е» на титуле.) При выпуске первой **целой** партизанской детали для бригады Филина я смотрел не только в чертеж, но и в первоначальный вариант техпроцесса на ПКР (от которого потом отказались). В нем был удобно представлен список требуемого пробивного инструмента. И вот на чертеже диаметр отверстия 11 мм был заменен на 10, а в этом списке, понятно, нет.

Только пробив половину партии, я обратил на это внимание.

Сказал бригадиру. Тот: «Ничего, пойдет». И наверно «пошло» бы, если бы Толик предупредил сборщиков (как это обычно делается). Отверстия эти служат не для крепления чего-либо, а для того, чтобы просунуть в них лампочки, имеющие самостоятельное крепление. Просто вокруг ободка лампочки на светлой панели получится даже не щель, а 0,5-миллиметровая темная каемочка...

Панель попала на сборку уже в конце апреля. К этому времени поражение регулярной технологической армии в соревновании с партизанским отрядом стало уже свершившимся фактом. И вот такое «ЧП».

Как мне сообщил мастер, готовилось взыскание всем: и тем, кто партизанил, и тем, кто не пресек, в том числе и ему. Мне оставалось обезоружить его утверждением, что виноватым считаю только себя. Толя Филин ко всей этой истории отнесся флегматично: не такое бывало! Цеховой технолог Копырина готовилась безвинно пострадать (полагаю, не без морального удовлетворения, по поводу обуздания слишком самостоятельного наладчика ПКР).

* * * ...

И вдруг тот же мастер Т-в сообщает о новом повороте событий: «Бумагу (выговор) порвали!». Это совпало с визитом на завод заместителя министра. И надо тому показать, что, между прочим, координатор-револьверный пресс работает. А у меня, как на грех, даже партизанских заказов нет.

Социолога-наладчика **попросили** (это именно так надо говорить!) подготовить ПКР для штамповки тех самых «корзиночек», которыми пять месяцев назад ознаменовался запуск моего станка.

Добыли для этого пятьдесят заготовок (тогда-то была тысяча!).

Но тут работы всего на час-полтора. Значит, надо, все наладив, **сидеть у станка**, чтобы, как только зам. министра появится, **врубить**. А вдруг зам. министра подойдет и что-нибудь спросит... Ну, вы понимаете, черт его знает, что рабочий ответит, если накануне получил выговор. Такова нормальная административная логика...

В день визита я — для восстановления навыка (к каждому рисунку штамповки надо привыкнуть) — отштамповал подряд десяток «корзиночек». Мастер заволновался, что для **часа икс** — не останется. Готовились к встрече высокого гостя и остальные. Два часа я наблюдал за одной дверью, пока меня не предупредили, что войдут через другую. А зам. министра вообще пошел по другой лестнице. И весь наш участок остался «в дураках с вымытой шеей»!

Зато накануне разгромили пролет от заготовок и готовых деталей (загромоздив ими кладовую, куда визитер не заглянет). А со двора убрали новые станки, простоявшие там под снегом всю зиму. И еще, вероятно, были проведены другие не бесполезные мероприятия. Отношение рабочих к подобным спектаклям деловое и беззлобное: «Политика партии!» (Лозовой).

* * *

В мае было затишье и на партизанском фронте, и в частях регулярной армии. А в конце месяца наступил период моей бурной производственной деятельности, продолжавшийся весь июнь. Этот период официально отражен в сводном акте производственных испытаний от 9.07.81. <...>

[Здесь текст акта опущен. — А. А.]

В это время легальный и нелегальный выпуск деталей на ПКР перемежались. По количеству затраченного рабочего времени они примерно равноценны. По степени сложности техпроцессов — несопоставимы. Объем партизанской продукции в акте несколько занижен. Там указаны только обозначения, прошедшие на моем станке полную обработку. Частичные же поделки не отражены (из соображений как скромности, так и конспирации...).

Лозовой вошел во вкус партизанщины. Не успевал я скрыться в свой «кабинет», как он стучался «на прием» (его выражение). Наша «подпольная» деятельность стала в известном смысле рутинной. В установлении очередности всегда отдавалось предпочтение легальным производственным заданиям, но иногда официальному заказу приходилось подождать, пока не будет закончена отработка партизанского. Мастер был одинаково заинтересован в тех и других (в смысле сроков сдачи).

Технологи ревновали. Ибо им наладчик ПКР ни одной неувязки не спускал, отражая эти неувязки в актах. При этом оставался неуязвимым, поскольку каждый раз сам же и предлагал выход из положения. Бригаде же Лозового куда более головоломные технологические трюки социолога-наладчика преподносились задарма. Если бы я хоть одну легальную партию задержал, из-за ихних же просчетов, я стал бы в глазах технологов «саботажником». Так же — получалось, что я еще больше набиваю себе цену.

С Лозовым иметь дело было одно удовольствие. Бригадир не забывал говорить, что «Родина тебе скажет спасибо, а технологи отругают». Оперативен без суетливости, внимателен без навязчивости, осмотрителен без перестраховки. Ходил я у него в молодцах.

Когда Лозовой забывал указать мне на связку отверстий, которую ему еще желательно пробить, он говорил: «Ах, не сообразили мы с тобой, Алексей!». Но когда я сам пропустил в чертеже одно отверстие (которое потом пришлось просверливать отдельно), он также относил эту ошибку за наш общий счет.

Вообще, даже между производственными подразделениями (не говоря уж об отдельных рабочих) не принято возвращать брак, если можно как-то выкрутиться. Твою недоработку обычно устраняют или замазывают другие. Рассчитывая карту штамповки в одной из деталей, я сместил четыре отверстия. Дело поправимое: надо пробить новые, а ненужные — заглушить вырубкой от тех же отверстий. Я первым заметил это, сказал, что сам исправлю. Лозовой: «Ты давай, Алексей, жми дальше, а мы поправим». Один из слесарей глушил отверстия, таская детали к металлической плите по одной (чтобы в глаза не бросалось). Когда я освободился, я стал ему помогать. И мы быстро справились, в четыре руки.

<...> Отличием новых партизанских деталей от прежних была их повышенная сложность. Так что наладчик уже не мог обойтись расчетами в тетрадке. Понадобилось делать свой чертеж развертки детали (в официальном чертеже она показана уже в загнутом виде). С пересчетом всех размеров для карты штамповки. Но у наладчика ни кульмана, ни стола, ни доски. Голь на выдумки хитра: если завернуть в ватман заготовку детали (1,5 мм толщиной, сталь), то можно чертить и на коленях — эскиз в натуральную величину.

Тут сама будущая деталь выступает в функции чертежной доски. Кажется, эти самодеятельные чертежи вызвали у работников ОГТ ревность не меньшую, а даже большую, чем стопа нелегальных панелей. <...>

* * * «Монополия» социолога-наладчика требовала каких-то ограничений.

Самое разумное было бы приставить к нему учеников. И администрация встала на этот путь.

В начале июля Нюся Копырина показала мне составленную в тех. бюро цеха учебную программу. В нее входило обучение расчетам карт штамповки, т. е. проектированию техпроцессов. (В этом, как явствует из вышеизложенного, я преуспевал теперь лучше технологов).

У социолога-наладчика спросили, согласен ли он обучать учеников (за положенную плату, разумеется). Я, конечно, согласился. Предполагалось, что обучение будет завершено до осени. Однако к нему еще не приступали. Кто помешал? Лозовой!

Дело в том, что учеников предполагалось набирать из его бригады. Тем самым ПКР фактически стал бы бригадным оборудованием. И я вошел бы в состав бригады, разумеется. Это планировалось давно. Да сначала надо было загрузить станок. Сделано это было лишь отчасти, и то больше благодаря партизанщине. Но первый вопрос, который должен интересовать бригадира, — сколько не в натуре, а **по расценкам** можно выработать на этом станке.

(Тема нормирования и оплаты заслуживает отдельного разговора. Здесь же замечу только, что предложение Лозовому выделить учеников из состава своей бригады совпало по времени с целой серией легальных производственных заданий, которые, при достаточно трудоемкой наладке, по расценкам ПКР стоили бы гроши.)

В общем, бригадир справедливо рассудил, что при **таких** расценках и при **таким** планировании на ПКР можно и «прогореть». И отказался давать учеников: «Ищите слесаря-повременщика!».

Тут бюрократическая машина забуксовала.

Лозовой мне сам об этом рассказал. И мы с ним на будущее договорились о согласованных действиях: либо вместе — **за**, либо вместе — **против** моего вхождения в бригаду. **Пока** — против! Ничего не поделаешь. Экономика определяет политику...

Ну, а легальные техпроцессы, между тем, щелкались как орешки.

Попалась, например, деталь «Ф-...» — та самая, которая год назад уперла меня лбом в загадку «сжимающейся вселенной». Вся партия была выпущена за несколько часов. А в прошлом году (при кривой «Генеральной линейке») возился с нею чуть не неделю. <...>

* * *

рыцарю ПКР свалиться хоть какой-нибудь да кирпич! Иначе все это начинает походить то ли на сказку, то ли на мистификацию. Или (с другой стороны): «Что за свадьба без цветов? Пьянка, да и все».

Цветы? Кирпич на голову? Пожалуйста!

...В последних числах июля. Встревоженный Лозовой: «Маханули мы с тобой, Андрей (к этому времени бригадир уже перестал путать мою фамилию с именем). Два отверстия забыли в панели сделать!» — «Панели уже покрашены?» — «Да!» — «А просверлить нельзя?» — «Панель лицевая — для подмазки колера не подберешь». — «Выход какой-нибудь есть?» — «С конструкторами согласовывают. Да дело далеко зашло...».

Лезу в свой кустарный чертеж (заменяющий карту штамповки). Есть там эти отверстия! Может, в шаблоне забыл сделать? И там есть. А в готовых деталях они отсутствуют. Не технологическая, а **психологическая** издержка технологии штамповки с переворотом шаблона. Эти два отверстия привязаны размерами к одной базе, а расположены ближе к другой. Когда перевернул шаблон, казалось само собой разумеющимся, что они уже пробиты (раз тяготеют к противоположному краю).

Первую, пробную деталь этого обозначения Лозовой собственноручно проверял, по моей просьбе. И поддался другой психологической ошибке: когда держишь в руках деталь, хочется сверить ее с чертежом, а не наоборот. Все, что в металле, есть и на бумаге. Но не все, что на чертеже, есть в металле.

Лозовой: «Ну да, все понятно... Всюду они есть, а не заметили!» — «Что теперь будет?» — «Неприятности. Само собой, кронштейн можно снизу прилепить, если конструктора согласятся».

Дело было в пятницу 24 июля. В понедельник (27 июля) спрашиваю у Лозового: «Ну как?». Лозовой: «Мне выговор». Я: «А мне?» — «Ну, деньги же мы получили. Ты — чист, как огурец!». Мда! И то сказать, не хочешь кирпича на голову — не ходи под карнизом. А карнизы у нас — широко-о-о-кие... Конечно, на пару с Лозовым выговор схлопотать веселее было бы. Но, сидишь в дерьме — не чирикай!

В среду (29 июля) читаю на стенке распоряжение, от 28.07.81. Переписывать постеснялся, цитирую по памяти:

Распоряжение

При штамповке детали «Ф...» наладчик Алексеев (раб. ¹ 03445) не выполнил двух отверстий, на что бригада 001 (бригадир В-в) не обратила должного внимания. В результате чего узел «Ф...» пошел на сборку с отклонением и была поставлена под угрозу срыва программа июля-месяца.

1. Наладчику т/оборудования Алексееву за допущенное отклонение от чертежа детали «Ф...» объявить выговор по цеху.

2. Бригадир В-ва и ст. мастера участка Т-ва за недостаточный контроль за работой своих подчиненных предупредить.
3. Начальнику ОТК цеха Л-чу указать на недопустимость подобных случаев.
Начальник цеха А. С-к.

После такого хода в записях шахматных партий принято ставить восклицательный знак. Ход сильный! Фактом является, что начальник цеха в последнюю минуту изменил собственное (или подготовленное кем-то из его подчиненных) решение, объявив выговор наладчику ПКР вместо бригадира. Теперь — что этот факт **означает?**

1) Начальник цеха проявил несомненную **широту мышления**, определив ситуацию не согласно форме, а согласно действительному положению вещей.

2) Нач. цеха проявил **дальновидность**, обеспечив наладчику ПКР взыскание, на случай, если в дальнейшем его социальная активность станет чрезмерной.

3) Нач. цеха проявил определенную способность к построению **тестовых ситуаций**, заманивая социолога-наладчика в ловушку опротестовывания выговора, перекалывания вины, наконец, апелляции к форме, против сути (мол, где записано, что это моя работа?).

Но, при всем том, это распоряжение начальника цеха имеет ряд обратных (т. е. противоположных его целям) эффектов.

1) Начальник цеха хотел пресечь (или по крайней мере ограничить) партизанщину наладчика ПКР и бригадира; он ее своим распоряжением узаконил.

2) Нач. цеха имел в виду доставить наладчику как бы неприятность, а доставил облегчение и удовольствие от того, что наказание сосредоточилось на нем, а не на бригадире.

3) Нач. цеха полагал не лишним несколько осадить слишком самоуверенного субъекта, однако скорее способствовал росту его авторитета в рабочем кругу. Ибо, как выразился Лозовой: «За то **нам** (именно так он сказал!) выговора и выносят, что мы **работаем**. А кто не работает, тот выговоров не получает». И то верно!

...Деталь, конечно, исправили. Бригада между делом изготовила 65 небольших кронштейнов, на которых снизу будет крепиться то, что должно было бы крепиться сверху (кажется, связка проводов). Одна партия машин выйдет в мир с небольшой мутацией. Что касается наладчика ПКР, то он ожиданий начальника цеха не оправдал — выговор воспринял как заслуженный. И на следующий день обратился к Лозовому... за новым партизанским заказом. Выполнил его за полтора дня и ушел в свое подполье, писать это письмо.

Сегодня (6 августа) меня извлекли — для легального производственного задания. Но, разумеется, заготовки оказались отрезанными без припуска, а техпроцесс и шаблон — с припуском. Единственный выход — опять же **перевернуть шаблон**. И мастер самолично попросил об этом наладчика.

* * *

...В том и состоит психическое здоровье (чего желаю всем возлюбленным), чтобы на Систему не обижаться. Ее можно изучать, ее можно переделывать (иногда — уничтожать), с ней можно — **играть!**

Состязание Тореадора и Быка — прекрасная метафора Жизни.

Успеха Тебе в твоих «корридах»! <...>

Твой социолог-наладчик, 4–6.08.81

Ремарка: «Если рабочим не мешать...»

Здесь уместно процитировать современную книгу по социальной психологии:

«...Анализ феномена изменения аттитудов и когнитивного диссонанса, предпринятый приверженцами одноименной теории, заострил всеобщее внимание на том, что представляет собой, возможно, наиболее важный вклад социальной психологии в исследование мотивации, а именно на значении воспринимаемой личной ответственности и личного выбора...»

Когда люди убеждены в том, что они свободно избрали свой способ поведения как средство непосредственного выражения собственных целей и атти-тюдод, социальные процессы развиваются совсем по-иному, чем в случае, когда люди считают, что их насильно заставили вести себя подобным образом или когда их действия контролируются внешними вознаграждениями...

Рабочие, получающие указание выполнять определенные задания в установленном порядке, работают зачастую как низкопроизводительные автоматы и угрюмо «вкатывающие» поверменнички. Но если тех же самых рабочих попросить организовать свою работу самостоятельно, они начинают действовать как свободные профессионалы, вносящие собственный вклад в успех общего предприятия...». (Л. Росс, Р. Нисбет. Человек и ситуация. Уроки социальной психологии. М., 1999, с. 55)

Как явствует из вышеприведенного письма социолога-рабочего, рабочих не надо «просить» организовать работу самостоятельно, а иногда достаточно просто «не мешать» им делать это... (Май 2000).

3.7. Итак, я ловлю рыбу...

(Перевернутый шаблон и вокруг него)

[Персональный адресат этого письма (июль-август 1981)—Г. Ж.¹⁷. — А. А.]

Здравствуй!

<...> То пусто, то густо от твоего корреспондента. Была «летопись», тепер — «драматические картины». Причем уже из 1981 года, который систематически пока не описывался. Совсем как в современном кинематографе. Или в драме 80-х гг.

То, что последует, написано неделю назад, даже раньше чем предыдущее письмо Тебе.¹⁸ Но ведь и это в монтаже допускается...

¹⁷ См о ней ранее: в главе 2: раздел «В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи пустынь...»

¹⁸ См ранее, в главе 2: раздел «Оживший памятник...»

* * * 6-й день очередного простоя

после полуторамесячного периода почти полной производственной загрузки.

Помещение «филиала» инструментальной кладовой цеха. В его передней, ближней к входной двери, части расставлены на стеллажах или валяются на бетонном полу массивные штампы. В глубине, за деревянным шкафом и не задернутой занавеской, рабочее место цехового художника: письменный стол, заваленный рулонами, ватманами, деревянными каркасами для плакатов. Внутренний телефон. В середине, на проходе, притулившись к металлическому стеллажу, стоямя установлен деревянный ящик, на который положен лист из полимера площадью 1000×350, толщиной 2,5 мм; тут же металлическая, с гибкой шеей, лампа, из тех, что служат для освещения рабочей зоны токарных или фрезерных станков. К ящику приставлены два стула — один с мягким сидением и спинкой, другой — жесткий, с круглым деревянным сидением, оба вращающиеся, на винтовой стойке, из тех, что служат для оборудования слесарного рабочего места. На жестком сидении лежат кальки техпроцессов, а на «столе» из ящика и полимерного листа сейчас ничего не лежит, а перебивало на нем много всяких бумаг и предметов за год, прошедший со времени оборудования этого «резервного» рабочего места социолога-наладчика на те часы, дни и даже недели, когда координатно-револьверный пресс остается без загрузки.

Такова экспозиция — время, место и обстоятельства написания этого письма. (Забыл, как это называется в драматургическом жанре — описание просцениума, что ли?)

Добавлю, что цеховой художник Володя П. уже третий день как в отпуске. Дверь заперта на французский замок, который снаружи может открыть только старшая кладовщица Фаина.

Ну, а если кому из бригадиров, мастеру или технологам понадобится наладчик ПКР, то постучат, и я оборву письмо на полуслове, чтобы вникнуть в очередную технологическую неувязку или немедленно приступить к выполнению очередного производственного (чаще — «партизанского», чем официального!) задания.

Через открытое окно со двора проникает свежий воздух, через закрытую дверь — цеховой шум. Мой станок — в десятке метров от этого «кабинета».

Такова, повторяю, экспозиция.

11-30 — время обедать, т. к. через полчаса, когда в цехе наступит официальный обеденный перерыв (что меня на простое не касается), в заводской столовой будет очередь, на полчасовое стояние, а сейчас — только на 15-минутное.

А если я чуть-чуть задержусь и не успею пообедать до 12-ти, то ко мне в очереди пристроится Игорь Вас. Лозовой, тот самый, для которого я сейчас нелегально выпускаю на своем станке некоторые детали фотонаборного комплекса «Каскад», по самодеятельной технологии (как описано в одном из предыдущих писем).

...Он увидит, что я читаю в очереди... пьесы (был томик М. Рошина, теперь — И. Друцэ), и, как обычно, будет удивляться, как это я **читаю** пьесу, ведь ее **смотрят**, а если пьесу читать, то «мысли разбегаются»... (А ведь верно!)

* * *

Попробую систематически описать, что же «произошло» за эту неделю простоя. В известном смысле, она характерна для данного типа времяпрепровождения на заводе (теперь, благодаря нашей с Лозовым и другим бригадиром — Филиным самодеятельности, все более не типичного).

Как будто за эту неделю не произошло **ничего**, заслуживающего «социологического» описания. Вот разве что заводская профсоюзная конференция...

В понедельник (20.07) мною была проявлена «не вынужденная» инициатива посещения этой конференции, посвященной ходу выполнения коллективного договора. Большинство делегатов, отметившись в списках, ушли. Я же, не будучи делегатом, пришел, не отметился и остался.

Делегатов в нашем цехе не выбирали, не было такой процедуры на цеховых профсоюзных собраниях (которых я не пропускал). Так что, явившись без спроса, я не нарушил профсоюзную демократию, а разве что бюрократическую разнарядку.

Узкой, прагматической целью моего посещения этого мероприятия было — узнать точку зрения профсоюзов и администрации относительно «хода выполнения» того пункта заводского соц. обязательства на 1981 г., который относится к моему станку. Однако о внедрении «групповой обработки деталей на многопозиционном прессе» (что намечалось на 3-й квартал этого года) содокладчики (гл. инженер и зам. пред. профкома) умолчали, так что повода уличить ОГТ в очковитирательстве у наладчика ПКР не нашлось. Ну, что ж, отложим до следующей профсоюзной конференции...

Теперь — о моих заводских «досугах».

16.07 (четверг), пробив последнее отверстие в последней заготовке последней из спущенных на ПКР производственных партий около 9 час., уединился в своей каморке.

Чем занимался? Разрабатывал «Предложения для общесекторальной методики исследования образа жизни». Изобрел, кажется, остроумный способ выявления общей направленности личности в ту или иную жизненную сферу на всяком данном этапе жизни, через не затруднительный для человека ответ на вопрос, какое именно из упомянутых им «важных жизненных событий» последнего времени повлекло за собой «существенное изменение» его образа жизни. Потом читал «Пламя» Н. К. Рериха.

Пятница 17.07 и понедельник 20.07 полностью ушли на кодирование опросных листов «Ради чего мы живем, или 100 вопросов о том, чего человеку надо».¹⁹

¹⁹ См Алексеев А. Н. Драматическая социология (эксперимент социолога-рабочего) М : СПбФ ИС РАН, 1997, с 310–315

Когда-то и Ты апробировала этот полуцыганский тест, и я брал на себя смелость ранжировать Твои «жизненные стремления», по совокупности ответов.

Теперь мы со Светланой М. [*С. Ф. Минакова. — А. А.*] располагаем массивом анкет, заполненных студентами-вечерниками, и я собираюсь после «Личности в процессе жизни» написать отчет под названием «Чего человеку надо».

В кодировании анкет, между прочим, по той схеме, которая разработана для данного вопросника, много общего со штамповкой стальных листов. Те же алгоритмы, тот же темп, тот же характер возможных ошибок.

В промежутке между пятницей и понедельником была суббота, на которую нынче выпало дежурство в ДНД (добровольная народная дружина). Этого аспекта жизни сейчас касаться не буду.

Во вторник 21.07 закончил кодирование и спрятал 158 кодировальных листов, готовых для передачи на ЭВМ, под полимерный лист на «рабочем столе».

В этот же день продолжал заниматься Рерихом — делал выписки из его биографии в серии «ЖЗЛ». С удовольствием читал 100-страничную рукопись полного, не урезанного журналом «Театр», варианта работы Виталия и Катерины Д. [*В. и Е. Дмитриевские. — А. А.*] «Право на театр», включающей серию интервью зрителей о театре и режиссеров о публике.

Среда (22.07) была посвящена писанию 13-го из известной Тебе серии писем, включающего в себя, в качестве приложения, текст доклада «Образ жизни и жизненный процесс».²⁰

Письмо это адресовано Людмиле [*Л. К. Дудченко. — А. А.*], вчера вечером я его перепечатал и сегодня отправлю.

В тот же день читал, конспектировал симпатичную статью Леонида Г.²¹ в «Молодом коммунисте» — в дискуссии о желательном для нашего общества типе личности.

...Я описываю только **заводские** будни, опуская внезаводские контакты, домашние труды и приятное одиночество вечером одного из июльских дней, когда, наконец, убедился, что мои усилия по «истиранию из памяти» близких и далеких даты своего рождения не пропали даром, так что теперь и я, наконец-то, имею моральное право освободить себя от соответствующих проявлений внимания к окружающим. (Предпочитаю не регулировать это внимание календарными датами.)

Судя по твоей телеграмме, по счастью, единственной, с Тобой у меня в этом плане вышла «недоработка»...

Засидевшись накануне за машинкой, я не выспался, а утром, не имея сил приняться за что-нибудь осмысленное, вдруг обнаружил, что дремать

²⁰ Этот текст см в главе 6: раздел «Образ жизни и жизненный процесс...»

²¹ Леонид Г — Леонид Абрамович Гордон (1930–2001), московский социолог, докт ист наук

сидя хуже, чем лежа. Поскольку за всю эту неделю производственная надобность во мне возникала лишь однажды (такой вот простой!) и можно было ожидать, что не возникнет и сегодня, я воспользовался прикрытием шкафа в художественном закутке, чтобы протянуть ноги, подложив под себя ватник художника, а под голову — кумачовые тряпки с устаревшими лозунгами. Тут в дверь постучали...

* * *

... Кажется, я однажды уже сравнивал себя с рыбаком, который ловит «социологическую рыбу» в омуте заводских буден.

Рыбой для меня, как можно понять из предыдущих писем, являются **моделирующие ситуации**. Наверное, уже ползавода усеяно крючками с вкусными, обольстительными «червяками», насаженными мною. Я терпелив, как настоящий рыбак. Забегая вперед, скажу, что сегодня клюнула Большая рыба.

Итак, в дверь постучали. Это дернулся поплавок...

Наживка была заброшена мною 16 марта, т. е. четыре месяца назад, в виде рационализаторского предложения, зарегистрированного под ¹ 236/81, под названием «Изменение технологии штамповки на станке ПКР КО-120 деталей, имеющих отверстия или пазы в так наз. «мертвой зоне» пробивки». С учетом прежнего, неудачного опыта, когда попытка пригласить цехового технолога в соавторы (другого предложения!) кончилась тем, что «рация» (как здесь говорят) так и не дошла до БРИЗа, я сделал на этот раз все формально неуязвимо: «ни с кем не советуясь».

Кстати, о стратегии и тактике эффективного поведения.

Очень важно различать ситуации завоевания союзников и изоляции противников. Не зови вероятного противника в союзники. Это — дело дохлое. Но не изолируй потенциального союзника. Последний обидится, коли ты не пригласишь его в «советчики» (даже если тебе его помощь и не нужна), и станет противником (что совсем ни к чему!). Вероятный же противник должен встать перед совершившимся фактом. А если ты вздумаешь с ним «советоваться», то он воспользуется полученной от тебя информацией, чтобы осуществления твоего замысла не допустить. Ну, это так, мимоходом.

... Рационализаторское предложение кануло в канцелярские дебри.

Отсутствие реакции в течение трех с половиной месяцев меня устраивало. Ибо никто не мог помешать мне за это время его (это предложение) явочным порядком **внедрить** (в своих «нелегальных» техпроцессах). Впрочем, об этом чуть позже.

Технология штамповки на координатно-револьверных прессах с **переворотом шаблона** могла бы стать сюжетом для притчи, вроде «Легенды о Генеральной линейке». Чтобы предложить эту технологию, надо иметь скорее гуманитарное, чем техническое образование, а можно и никакого не иметь. Идея проста, как Апельсин, и радикальна, как Гильотина. <...>

[Здесь опущено описание идеи штамповки с переворотом шаблона, коротко изложенной выше: раздел «Наладчик и бригада...». — А. А.]

Ну, если кандидат философских наук сумел растолковать это кандидату искусствоведения (без пяти минут!), то инженер рабочего и подавно должен был бы понять. Однако кроме здравого смысла и технической целесообразности бывают еще, как у нас принято говорить, «нюансы».

1) В технических стандартах (по крайней мере в тех, которыми здесь принято пользоваться) отсутствует само понятие одинаковости габаритов листовых заготовок в пределах производственной партии. Этими же стандартами предусмотрено применение технологического припуска в случаях, когда нужно пробить отверстие в так называемой «мертвой зоне».

2) Заинтересованности в экономии металла и живого труда у наших технологов нет. Есть разве что заинтересованность, чтобы не отругали за их непроизводительную трату.

3) Согласно существующим социальным нормам, в период освоения нового оборудования и т. д. надо проявлять поменьше выдумки и изобретательности, а лишь бы как-нибудь «крутилось»... Тогда открывается широкое поле для последующей рационализации, эффект которой равен убытку от ранее сделанной глупости. (Существует даже такое понятие — «несвоевременное» рацпредложение.)

4) Всяк сверчок знай свой шесток! Стыдно, что это предлагает рабочий, пусть он даже кандидат каких-то там наук, **такие** предложения положено подавать самим технологам (и, разумеется, своевременно!).

Итак, «рация» — радикальная, не нужная, преждевременная и... не скромная!

Ну и ладно. «Наше дело — подать предложение, а ваше дело — отклонить», — сказал я цеховому конструктору Рафаилу, занимающемуся регистрацией рацпредложений.

Но не надо держать социолога-наладчика за столь уж бесшабашного «бомбометателя». Я следовал обоснованному в одном из предыдущих писем принципу **адаптационного** (социального и даже технического) **нормотворчества**.

1) Не применяются в стандартах понятия параллельности сторон и одинаковости заготовок? Но зато есть допуск на габарит заготовки (т. е. на расстояние между сторонами). Обычно уж очень этот допуск мягкий, «свободный» (до 1 мм!). Если сделать его жестче (до 0,2), то будут обеспечены и параллельность, и одинаковость. И при рутинном фрезеровании заготовок по краям, целой пачкой, это достигается без усилий.

2) С того момента, как в предложении указано (а указано!), что металл и труд затрачиваются непроизводительно, для технологов появляется угроза быть отруганными за нерасторопность.

3) Предложение обозначалось как «изменение технологии», т. е. предлагалось решение задачи, которая раньше уже была решена, только не рационально (технологический припуск!). Оно (предложение) позволяло посчитать эффект, равный прежнему убытку, по крайней мере — **запланированному** убытку, благо, ввиду отсутствия массового выпуска деталей, его (убыток) еще не успели «реализовать».

Но рационализатор сознательно не отнес свое предложение к **еще более общему случаю**, относительно которого и пробивка детали по всей площади, и сама идея переворота шаблона являются частным эпизодом. (О чем скажу ниже).

4) Что касается «сверчка», то тут социолог-наладчик вполне сознательно забирался по своему шестку еще повыше, поскольку всей предшествующей деятельностью успел его (шесток) изрядно нарастить.

Претенциозным, но справедливым было утверждение о том, что область применения новшества - **все** обозначения деталей, где ныне используется припуск. А таких - добрая треть всех спроектированных техпроцессов и пока неведомое количество не спроектированных.

Интересно мне было также, как они посчитают экономический эффект...

По закрученной интриге в начале этого рассказа можно предположить, что в дверь постучали, чтобы сообщить, что мое предложение принято или, наоборот, отвергнуто. Но это была бы слишком мелкая «рыба», и такую рыбак вылавливал и раньше. Нет, тут интереснее...

Как я уже говорил, почти четыре месяца никакой реакции не было. За это время я успел «внедрить» это свое предложение в техпроцессах, которые сам спроектировал, идя навстречу экономической заинтересованности бригады слесарей (которым после этого оставалась только одна операция гибки, а все разметочные, сверловочные, расточные и фрезерные операции заменял - «задарма» - мой пресс).

Без применения своего предложения не только в плане вхождения в «мертвую зону» (собственное содержание «рации»), но и в обобщенном смысле - выдерживания расстояний от стороны, противоположной основанию («базе пробивки») - я бы эти детали выпустить просто не смог.

Мастер в подробности не вникал, а бригадир рассматривал мою доморощенную технологию как естественный способ «выкрутиться», когда важен конечный результат.

9 апреля, т. е. три недели спустя после подачи «рации», я писал сводный акт производственных испытаний по поводу трех «легальных» техпроцессов, где упомянул и о «нелегальных» (все равно - все видят!). Этот акт используется в письме Тамаре [Т. М. Дридзе. - А. А], как образец «эталонного текста» для лингвосоциопсихологического анализа.²²

Про «нелегальный» техпроцесс «Ф-...» там было сказано, между прочим, следующее:

...Пробивка пазов и отверстий была осуществлена по всей площади детали, включая так наз. «мертвую зону», без использования технологического припуска (это технологическое новшество, применимое не только для данного обозначения, отражено в рационализаторском предложении <...>, поданном в БРИЗ цеха 1 3 26.03.81)...

Запомни этот ¹ - «Ф-...» (ружье, которое выстрелит!).

²² См. выше: раздел «Как переплыть реку».

А среди «легальных» техпроцессов, конечно же, попался и такой, где расстояние одного из отверстий требовалось соблюсти от стороны, противоположной основанию. Я пробил одну деталь, зову цехового технолога — решить вопрос: ПКР рассчитан на работу только от одной базы (ну, как бы всегда танцевать «от печки»...). Раз на расстояние между противоположными краями (сторонами) заготовки допускается большое отклонение, значит, отверстие, пробитое от одного края, будет относительно другого края **не на месте!**

Уж так хотелось им сообщить наверх, что все в порядке! Пересчитали, исправили в чертеже (!), согласно уже отштампованной детали, благо принципиального значения данный размер не имеет. Но в очередной акт пошла моя запись:

...Значительное количество предусмотренных к штамповке на станке ПКР КО-120 листовых деталей имеет конструктивные размеры, заданные от противоположных баз, что не позволяет выдерживать эти размеры одним заходом, при котором размеры выдерживаются только от базы пробивки. Необходимо... (и т. д.; см. упомянутое выше более ранее письмо).

Высказывалось и записывалось такое замечание и раньше. Правда, мне приходилось обосновывать его только расчетным путем. Но ведь у наших <...>, пока им браком в металле перед лицом не потрясешь, затылок не зачесается... Будем считать это **первым звонком** к началу представления.

Я им говорю: **думайте!** А сам... уже придумал, и предложение подал, и испытал на практике.

...Но вот исчерпался небогатый запас годных к употреблению и обеспеченных «отоваренными» заготовками легальных техпроцессов. В мае-июне косяком пошли «нелегальные». Технологи заглядывают через плечо, переживают, но приостановить не могут — ведь для программы, для плана все делается!

В краткие промежутки между очередными партизанскими заказами просматриваю свежееиспеченную техническую документацию, где предусмотрена штамповка на ПКР, тыкаю ее разработчиков носом в ту же проблему.

«Как же нам быть? Может, перевернуть шаблон, как Вы тут делаете?» — «А я еще два с половиной месяца назад предложил, Вы разве мою рацию не видели?» — «Нет, ничего не получали», — не сморгнув глазом, отвечает руководитель группы из ОГТ. (А ведь только у нее мое предложение и может лежать на заключении...)

Это был **второй звонок**.

* * * ...Ладно. Снова пошли легальные техпроцессы. Опять размеры от разных баз, а в карте штамповки — от одной. Делаю первую деталь из партии — по **их** правилам. Даю мастеру: решайте, я предупреждал. Он к технологу: решайте!

Мастеру нужно бригаду обеспечить работой — последующими, после моего станка, операциями. Мастер Николай К. — временный (сам он фрезеровщик, недавно закончил технический вуз, но от своего станка

уходить не хочет, только замещает штатного мастера, который в отпуске). Он говорит: «Штампуй с отклонениями, под мою ответственность».

(Мастер еще почему заинтересован: хоть техпроцесс и новый, но заготовки отоварены и наряд выписан — еще по старым расценкам. Стало быть — работу сделаю я, повременщик, а оформить можно, как если бы выпускалось на других станках, где сделышки.)

Иду к бригадиру: «Игорь, тебе с отклонениями делать или без?» — А ты как можешь?» — «Если по технологии, то с отклонениями. А можно и без, ну, ты знаешь...» — «Делай — **без!**».

Но это я постольку могу «без», поскольку (проверил!) случайно оказались соблюдены параллельность противоположных сторон и одинаковость заготовок в пределах партии. Тут даже шаблон переворачивать не надо. Всего-то небольшая подрегулировка... Делаю — **без отклонений**.

А между тем цеховой технолог прознала, что техпроцесс уже новый, а мастер по прежним расценкам собирается наряд закрывать. Стоят у моего станка с мастером и лаютя. Она — что мастер хочет «материально выгадать». (Деньги-то небольшие на этот раз; вот когда я свои «нелегальные» лицевые панели выпускал, по полторы сотни отверстий, это было чувствительно.) А Николай — взорвался: «Да если бы я не велел это штамповать, вы бы еще неделю вопрос решали!».

Я выключил станок, с интересом слушаю. «Это не к Вам», — нервно говорит технолог Копырина. — «Вижу, что не ко мне».

Итак, выпустил я эту партию без отклонений, но в акте производственных испытаний пишу, со всей добросовестностью:

«Ф-...» ...Кроме того, самим техпроцессом исключалось соблюдение размеров 12, 24 и других, взятых на чертеже детали от базы, противоположной базе пробивки. Эти размеры неизбежно повторяют отклонения габарита заготовки 316 -0,5. Выпуск партии в этих условиях осуществлен под ответственность администрации участка, ввиду производственной необходимости... Размеры 12 и 24, в силу изложенного выше, не **выдержаны**.

А не слишком ли он смелый — мастер — штамповать с отклонениями? Смелый — потому что не только технологи предписывают делать брак, но и конструкторы перестраховываются. Значительная часть размеров, в том числе и эти, в действительности вовсе не требует такой точности. В итоге — на бумаге допуска ужесточаются, на практике же эти требования не выполняются, но... в пределах, обеспечивающих возможность производственному механизму «крутиться».

(При этом тот, кто распоряжается, в случае какого ЧП, всегда может свалить вину на того, кто не выполнил ненужных указаний; ну, а исполнитель приобретает фактическое право даже и разумных требований не выполнять, если — пока — удастся обойтись без ЧП.)

Итак — **третий звонок!**

* * * Поскольку рационализация моя, как уже сказано, у всех на виду, руководитель группы ОГТ Мглистая, глядя в мою самодеятельную карту

штамповки, замечает: «А разве у нас техпроцессов с переворотом шаблона не было?» — «Во всяком случае **до марта** этого года не было», — невозмутимо отвечает Балда.

Этот разговор происходил уже в начале июля, когда я решил лишь дождаться нашего цехового конструктора, уполномоченного по БРИЗу Рафаила из отпуска, чтобы навести формальные справки о судьбе своей мартовской рации.

5 июля. Рафик — первый день на работе, и сам притащил мне бумажку, на которой, за подписью нач. технологического бюро и главного технолога завода, начертано:

...Алексеев. Предложение отклонить, ввиду того, что предложенный способ изготовления детали значительно увеличивает трудоемкость за счет фрезерования контура в допуске 0,1 и пробивки элементов в заготовке за две установки вместо одной.

Я даже не стал выключать станок, просматривая эту бумажку.

Во всяком случае мотивировка отказа формально безупречна, хотя по сути сомнительна. Но меня, как исследователя, официальное принятие и отклонение предложения удовлетворили бы одинаково.

Спектакль еще только начался. И это — еще не самая большая «рыба»...

* * *

Отклонив предложение наладчика, ОГТ не только уклонился от возможности сэкономить металл и труд (ладно, «мертвая зона!»), но и закрыл себе выход из собственного технологического тупика: как быть с размерами, заданными от противоположных баз? (Их ведь только и можно sobлюсти либо перевернув шаблон, либо штампуя деталь за две установки).

Пришла пора писать очередной акт производственных испытаний.

(Ох, уж эти мои акты! В отделе главного технолога небось рады были бы уничтожить сию «летопись» внедрения ПКР. Да, получая машинописные тексты, понимают, наверное, что есть и копии... Впрочем, ни один из работников ОГТ не говорит прямо, что эти акты до них доходят. Но, зная психологию моей бывшей «секретарши», а ныне — начальника тех. бюро цеха Копыриной, я почти уверен, что она не оставляет у себя оба передаваемых мною ей экземпляра каждого акта. Все реакции на эти акты — косвенные, прямой — ни одной!) <...>

[Здесь опущены цитирования из акта производственных испытаний, в котором отражена сложившаяся проблемная ситуация. — А. А.]

...Как видишь, в этом акте есть **констатация** сложившегося положения. (Этот сюжет там как бы вскользь затронут.) Есть **требование**: «...надо изыскать грамотное решение». (Хорошенькое дело — «изыскать»: ну, поищите, поищите, коли мое не нравится...)

Чего же не хватает для полноты картины? — **подарка!** (Сокрушительным видом оружия в социально-психологических поединках является... великодушие.)

Когда-то, по моему настоянию, чтобы обеспечить прямоугольность заготовок (без чего, как уже приходилось писать, координатный пресс

обойтись не может, т. к. пробивает отверстия на заданном расстоянии не от фактической левой кромки заготовки, а от **воображаемой**, которая строго перпендикулярна базовой) — так вот, ради обеспечения прямогольности заготовок во **все** техпроцессы была заложена специальная операция фрезерования кромок (тогда угол между сторонами будет действительно прямой).

Но, как и все остальное, это нововведение было осуществлено без ума — универсально, даже и там, где такой необходимости вовсе нет.

Операция фрезерования сторон заготовки, которая раньше (до внедрения ПКР) не предусматривалась, удорожает продукцию, а для несложных деталей фактически «съедает» экономический эффект от использования координатно-револьверного пресса.

(Отсюда, кстати, следует, что не всякую листовую деталь экономически выгодно делать на новом станке, я уж не говорю о том, что чем фрезеровать после отрезки, для обеспечения прямогольности, не лучше ли сразу отрезать «поаккуратнее». Но это уже другие сюжеты и другие «наживки»...)

Пока же факт, что дурак, которого заставили молиться богу, успел разбить себе лоб. И самое время и подходящий случай положить ему на этот лоб холодный медный пятак.

В том же акте наладчик пишет:

...Техпроцессы «Ф...» и «Ф...». Конфигурация детали, имеющей в развертке вид длинной узкой полосы с единственным рядом пазов, расположенных по одной линии, параллельной базе пробивки, делает избыточной фрезерную операцию, направленную на обеспечение строгой взаимоперпендикулярности сторон заготовки. Размеры 19 и 40 могут быть выдержаны на ПКР и независимо от этой операции.

Предлагаю: исключить фрезерную операцию (002) в техпроцессах «Ф...» и «Ф...».

Вот это — **нормальное** (для рабочего) ращредложение! И если его оформить, то, пожалуй, приняли бы... Только стыдно называть это «рацией» (уж больно невнимателен был тот, кто запроектировал здесь операцию фрезерования). Да и резона нет: экономия в двух партиях по 65 штук — 2 рубля. Каким же может быть вознаграждение рационализатору?..

Но, в конце концов, это у меня здесь, так, попутное замечание рабочего-исполнителя, а вовсе не «рация». Важно, однако, что «обиды не затаил»... Кушайте на здоровье! Мы вам таких «предложений» несколько десятков накидали бы, кабы не лень было оформлять. Уж извлекайте выводы сами из актов наладчика.

Итак, **дарю** родному производству 2 рубля в ответ на их отказ повысить его эффективность на несколько сотен рублей.

* * *

...Кажется, бывают рыболовные крючки как трехлапчатые якоря. Насадил я на каждую «лапу» по жирному червяку и ушел спать. А к удочкам привесил звоночек, чтобы не проспать. Не проспал.

Теперь — два (всего-то и было два!) **события** этой, описываемой здесь недели.

Сначала технологи спохватились за «мертвую зону» и припуск. Есть тут еще один, не слишком эффективный (точнее, редко применяемый) способ эту зону минимизировать: так сказать, пробивать отверстия не «по собственным пальцам» (в условном предположении, что заготовку держат голыми руками, на самом-то деле — пневматические захваты!), а как бы «между пальцами»... Способ этот предусмотрен ГОСТом, но высчитывать расстояния между пальцев и попадать ударами в промежутки — себе дороже.

Тем не менее, **если низы предлагают мертвую зону вообще ликвидировать, должны же верхи хоть немножко ее поубавить.** Не грех даже им в этом помочь.

Выйдя из своего «убежища» несколько дней назад на полчаса, я с готовностью продемонстрировал начальнику группы из ОГТ — непосредственно на станке — что тут можно сделать. (На этот раз освобождаю Тебя от технических подробностей.) Заметив мимоходом, что вообще-то «игра не стоит свеч», тем более, что в большинстве уже разработанных техпроцессов это все равно не позволит обойтись без технологического припуска (см. выше).

Мглистая проявила интерес. (Сама она ГОСТ, вероятно, читала, но одно дело — ГОСТ, а другое — в натуре увидеть.) Но и эта ситуация для рыбака — так, мелкая рябь на воде. Рыбка «играет»...

А вот сегодня (пишу это уже несколько дней спустя, но сохраняю целостность начатого 23 июля фрагмента) — **клюнула**, да какая!

* * *

Постучалась в мою каморку технолог из ОГТ Софья Шпанова. Ей поручено рассчитать техпроцесс «Ф-...». (Помнишь, я просил Тебя обратить внимание на это обозначение — «ружье, которое выстрелит»?)

Зная, что я эту сложную панель в партизанском порядке уже выпускал — и без припуска, и с размерами от разных баз, Шпанова пришла **посоветоваться**. Тут — ничего особенного. Они уже год, как стали советоваться с рабочим-наладчиком. Но на этот раз...

«Вы ведь выпускали эту деталь без припуска...» — «Да». — «Может, и нам так сделать (т. е. в техпроцесс записать)?». Молчу. — «И еще тут размеры от противоположных баз. Вы, кажется, шаблон переворачивали?..»

— «Да». — «Так как Вы нам посоветуете запроектировать?» — «Конечно, я могу Вам посоветовать сделать так, как написано в моем рационализаторском предложении. — говорю. — Но ведь ОГТ его отклонил. Теперь использовать его с вашей стороны было бы... некрасиво». — «Как же нам быть?» — «Не знаю».

Ушла докладывать. Ибо явно не по своей инициативе приходила.

А старшую над нею (Мглистую) я то и дело встречаю в цехе... Приходила она и ко мне (насчет минимизации той же «мертвой зоны»). А про рацию — ни гу-гу! Начальники любят препоручать щекотливые дела своим подчиненным.

* * * ...«Социологическая рыба»

(большая) клонула! Но она еще в воде.

И этот сюжет получит продолжение.

Во-первых, посмотрим, как они теперь спроектируют «Ф-...» или какой-нибудь другой техпроцесс этого типа. Скорее всего, сделать по-моему все же не решатся (с учетом произведенной «разведки», убедившись, что я про свою отклоненную ими рацию не забыл).

Но ведь для размеров, взятых от противоположных баз, у них и выхода другого нет... Сделают по-старому — я опять выпущу партию деталей по-своему и без отклонений, а в акте — зафиксирую отклонения. И опять им втык — ведь отклонения эти технологически заданы!

(Парадоксальная, кстати, ситуация: обычно **делают** с отклонениями, а **пишут** — **без**. Я же поступаю наоборот. Вот так переворачиваются «социальные шаблоны»...)

Что ж, я знаю, как их «выручить», не унижая: как ни в чем не бывало, написать новое рационализаторское предложение — уже не про «мертвую зону» и припуск, а **про технологию штамповки деталей с размерами, взятыми от противоположных баз**. (Предыдущее предложение войдет туда как частный случай, а новое, обобщающее — будет и подавно «не слесарево»...)

Но форсировать события не надо. Пусть еще рыбка поплавает на крючке.²³ <...>

* * *

Это недопустимо! Оказывается, в этом письме — 57 вместо положенных 53 (рукописных) страниц. Я вышел из габаритов. (Все-таки выдерживать размеры надо от «основания», а не от противоположной стороны — путем соединения фрагментов, написанных в разное время.)

В конце концов, можно подождать и твоего приезда. К этому времени Рыба будет уже в котелке. Мы сварим из нее уху и съедем.

Андр. Ал. (Рыбак), 27.07 — 3.08.81

3.8. Научные страсти (Обсуждается программа социолога-наладчика)

[Это письмо (ноябрь 1981) было адресовано всем корреспондентам одновременно. — А. А.]

Милые корреспондентки!

Кажется, я уже писал вам, что в марте этого года академический институт удостоил своего совместителя чести специального доклада на своем Ученом совете. Доложен был известный вам «отчет социолога-наладчика».

²³ Окончание этой истории, год спустя, см в главе 5: раздел «Выход из “мертвой зоны” Процессы и события»

Доклад щекотал нервы ученым-чиновникам, но все же было решено принять его **к сведению**, рекомендовать **продолжение** работы и **обсудить** программу дальнейших исследований в нижестоящей научно-организационной инстанции (совет отдела).

Не желая «гнать волну», социолог-наладчик и его научный руководитель [В. А. Ядов. — А. А.] попробовали уклониться от обсуждения программы как таковой, предложив для коллективной оценки более широкий по теме (хотя и очень лаконичный) текст «Социальные нормы, жизненный процесс и позиция личности», составляющий «подпрограмму» общесекторального исследования 1981–1985 гг. Что встретило активные возражения некоторых сотрудников отдела.

На своем заседании в октябре 1981 г. совет отдела большинством голосов 10 или 11 против одного (проф. П.) при двух воздержавшихся (секретарь бюро партийной организации института М. и зав. сектором Л.) одобрил направление работы вашего корреспондента, однако настоял на представлении «формальной» программы (с «целями», «объектом», «предметом», «гипотезами» и т. п.). Хотя вовсе не у каждого члена совета отдела (= старшего научного сотрудника, вроде меня) таковая имеется...

Ладно, программа, так программа. Недвусмысленные предписания надо выполнять, раз не удалось их предотвратить. Так возник этот текст, представленный ныне вниманию совета отдела и вашему вниманию. <...>

**Обоснование и программа поискового исследования
«Социологические и социально-психологические проблемы инновационных
процессов в условиях социалистического промышленного предприятия
(по материалам наблюдающего участия в конкретной
социально-производственной ситуации)»**

<...> Начиная с января 1980 г. автором настоящего «Обоснования...» по индивидуальному научному плану осуществляется **научно-практический эксперимент**, разработанный в секторе социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР, при поддержке руководства института и директивных органов (*так!* — А. А.)

Вкратце

Здесь описана вступительная часть программы: цели, задачи, методический подход и предмет исследования. В качестве объектов исследования указывались:

- 1) процесс внедрения новой (для данного предприятия) технологии штамповки листовых деталей на многопозиционном координатном прессе;*
- 2) процесс внедрения бригадных форм организации и оплаты труда (БФОТ), весьма продвинутый на данном предприятии;*
- 3) иницилируемый самим исследователем процесс экспериментального социального нормотворчества, в конкретной социально-производственной ситуации.*

Ниже приводятся только основные гипотезы исследования.

<...> Дальнейшее развитие теоретико-методологических предпосылок исследования, а также уже накопленный опыт эмпирических наблюдений и выводов, позволяет ныне предложить предварительные формулировки ряда **основных гипотез**.

Следует оговорить, что эти формулировки являются по необходимости лаконичными, редуцированными и не претендуют на охват всей совокупности исследуемых процессов и

явлений. Это именно основные — **социально-объяснительные** — гипотезы, каждая из которых может рассматриваться как своего рода ствол «дерева» ветвящихся производных и частных гипотез.

Кроме того, из этого перечня исключена одна социально-конструктивная (в отличие от социально-объяснительных) гипотеза, относящаяся к возможным путям дальнейшего совершенствования хозяйственного механизма. Эта последняя гипотеза, строго говоря, выходит за рамки предмета настоящего исследования и разработана автором совместно с к. э. н. Г. А. Климентовым (см. *наш научный отчет за 1980 г.*)²⁴

* * *

1) Гипотеза о взаимной противоположности социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов поведения в ключевых социально-нормативных комплексах производственной деятельности в условиях социалистического промышленного предприятия на современном этапе.

Обоснование концептуального подхода, выделяющего два слоя в системе социальных норм (декларируемые нормы-требования и реально-действующие нормы-стереотипы поведения), было предпринято нами в научном отчете за 1980 г. Там же, на основе предварительных наблюдений, было высказано предположение о прогрессирующем разрыве, рассогласовании (доходящем до взаимной противоположности) норм-требований и стереотипов поведения — в социально-нормативных комплексах отношения к конечным результатам труда, производственной инициативы, раскрытия производственных резервов и ряда других, ключевых для повышения эффективности производства. Сейчас нами получены новые фактические подтверждения, аргументы в пользу данной гипотезы (в частности, на материалах исследования инновационных процессов).

2) Гипотеза об адаптивно-адаптационной способности нормативной структуры производственного поведения относительно инновационных процессов на современном социалистическом промышленном предприятии.

Разнообразные наблюдения показывают, что нормативная, самовоспроизводящаяся структура производственного поведения в современных условиях достаточно гибка, лабильна, «терпима» к активным и тем более пассивным прецедентам. В этом смысле, она адаптивна. С другой стороны, эта структура характеризуется высокой степенью устойчивости: трансформируясь в частности, она сохраняет общие принципы своего функционирования. В этих условиях всякий локальный и узкоцелевой инновационный процесс имеет шансы быть адаптирован указанной структурой и преобразован в соответствии с ее господствующими социальными нормами. Эффективной с точки зрения смены самих господствующих норм производственной деятельности может быть только радикальная и **системная** инновация, сознательно направленная на устранение рассогласования в ключевых социально-нормативных комплексах этой деятельности.

3) Гипотеза о ныне действующем хозяйственном механизме как причинной основе самовоспроизведения социальных проблем инновационных процессов в условиях социалистического промышленного предприятия.

Главным источником социальных проблем инновации, общеизвестных трудностей внедрения нового на социалистическом промышленном предприятии, является не сама по себе «рутинность» сложившихся способов функционирования производственной организации, а отсутствие экономического, хозяйственного механизма, адекватного целям повышения эффективности коллективного труда. Предпринимаемые в настоящее время, в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12 июля 1979 г., меры по дальнейшему совершенствованию существующего хозяйственного механизма пока что адаптируются нормативной структурой производственного поведения работников промышленного предприятия — без сколько-нибудь значимой трансформации самой этой структуры. Тем самым обнаруживается низкая социальная эффективность этих общегосударственных мер.

4) Гипотеза о противоречии групповых интересов как главном источнике возникновения социально-психологических проблем инновационных процессов в условиях социалистического промышленного предприятия.

²⁴ См. об этом в приложениях к главе 7: раздел «Предложения в Госкомтруд»

Принято считать, что почти всякое новшество в процессе внедрения наталкивается на так наз. «психологические барьеры» недоверия, косности, «групповой самозащиты» и т. п. По нашему мнению, в основе всех этих явлений лежит противоречие интересов (соответственно, целей, мотивов, позиций) различных субъектов — участников инновационного процесса, на разных уровнях производственной организации. Иначе говоря, отсутствие такого социального механизма, который обеспечивал бы не просто согласование, а совпадение этих интересов в том, что касается конкретного нововведения или системы нововведений. Социальные механизмы, отвечающие этой цели, в условиях промышленного предприятия могут возникнуть лишь на базе соответствующего хозяйственного механизма. Таким образом выстраивается цепочка детерминаций: хозяйственный механизм — групповые интересы участников инновации — социально-психологические проблемы процесса нововведения.

(Конечно, существуют и обратные влияния. Чтобы избежать упрека в «вульгарном экономизме», подчеркнем, что речь здесь идет только о производственной сфере, где зависимость структуры деятельности и группового сознания от экономических отношений является наиболее прямой.)

5) Гипотеза о разрыве между ценностными ориентациями и ситуативными уста новками личности работника как о ее (личности) «инновационном потенциале».

В условиях современного социалистического промышленного предприятия отношение личности к своему собственному производственному поведению является противоречивым. Следование негативным социальным нормам-стереотипам, например, отношения к конечным результатам труда, вполне отвечающее ситуативным установкам личности, пока осознается как «вынужденное» и не имеет сильного ценностного подкрепления. Этот разрыв между различными уровнями диспозиционной структуры (ценностные ориентации, социальные установки) личности может трактоваться как своего рода ценностно-мотивационная предуготовленность личности работника к смене стереотипов производственного поведения, при соответствующем изменении социально-экономических условий труда.

Пока что этот «инновационный потенциал» личности остается втуне, по крайней мере его реализация в производственной сфере очень ограничена.²⁵

6) Гипотеза о демонстрационном социальном эффекте инновационных процессов в условиях социалистического промышленного предприятия на современном этапе.

Низкая эффективность, а порой и **обратный эффект** разнообразных технических, и особенно — организационных и социальных инноваций на социалистическом промышленном предприятии не должны обескураживать. Ибо всякое нововведение, имеющее позитивную социальную направленность, имеет также важный демонстрационный эффект обнажения социальных противоречий и глубинных причин неудачи. Опыт общественного осмысления этих социально-экономических причин накапливается. Возникают социальные и социально-психологические предпосылки для инновационных поисков на новом уровне глубины и значимости.

Разумеется, накапливается и «разочарование». Но последнее не способно аннулировать общественную потребность в преобразовании существующих форм функционирования социалистической производственной организации, и эта потребность то тут, то там находит выход в новых прецедентах позитивного социального нормотворчества.

7) Гипотеза об адаптационном нормотворчестве как способе реализации актив ной жизненной позиции личности.

Смысл этой гипотезы явствует из сказанного выше о процессе экспериментального социального нормотворчества как одном из специализированных объектов изучения. Кроме того, принцип адаптационного нормотворчества или социально-нормативных прецедентов подробно обсуждался в нашем научном отчете за 1980 г.

* * *

Разумеется, гипотезы такого уровня обобщения не могут быть полностью подтверждены или опровергнуты отдельным конкретным исследованием. Материалы наблю-²⁵ Настоящая гипотеза построена в терминах диспозиционной концепции личности В. А. Ядо-ва См : Саморегуляция и социальное поведение личности Л : Наука, 1980

дающего участия в конкретной социально-производственной ситуации могут лишь способствовать прояснению социологических и социально-психологических проблем инновационных процессов в условиях социалистического промышленного предприятия, на современном этапе, но отнюдь не претендуют на открытие какой-либо социологической «панацеи».

Само по себе исследование такого типа в рамках социологии уместно рассматривать лишь как частичное, скромное нововведение, которое, даже в случае творческой неудачи, будет иметь по крайней мере «демонстрационный эффект».

Тем не менее, оптимизм составителя настоящего «Обоснования...» не умерился, а возрос, со времени начала этого эксперимента.

Ныне уже ясно, что для полной реализации научно-практического замысла (во многом откорректированного конкретной ситуацией производственной и исследовательской деятельности, в частности, необходимостью проследить избранные для исследования инновационные процессы на всех фазах их жизненного цикла на данном предприятии) понадобится еще не менее полутора лет.

Завершение «полевого этапа» нами планируется сейчас на первый квартал 1983 г. Полное обобщение материалов исследования с соответствующими научными выводами возможно в течение 11-й пятилетки. <...>

Старший научный сотрудник-совместитель сектора социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР, к. ф. н. А. Н. Алексеев, 31.10.81.

Ремарка: от «Писем...» — к научной программе

Этот текст может рассматриваться как пример перевода содержания «Писем...» на «официальный» научный язык. В известном смысле, «то же самое», что и в «письмах-дневниках», но — редуцировано и адаптировано для научно-институциональной среды. (Сентябрь 1999).

* * * Что было дальше? Посылаю вам свой собственный протокол обсуждения этой программы на совете отдела.

Протокол заседания ученого совета отдела социальных проблем труда и образа жизни ИСЭП АН СССР от 18.11.81

3-й вопрос повестки дня. Утверждение программы исследования А. Н. Алексеева.

...Вопросы к Алексееву:

Н. С.: Каким образом стыкуется программа А. с отдельческой программой?

Председательствующий [В. А. Ядов. — А. А.]: Программа А. является частью программы сектора социальных проблем личности и образа жизни.

Н. Л. [Н. А. Лобанов, канд. экон. наук. — А. А.]: В чем типичность и прогрессивность случая нововведения, описанного в программе?

С. Д.: Что понимается под инновацией?

Н. Л.: Что входит в функции оператора станка? В чем расхождение между личными и групповыми интересами?

Алексеев: Заданные вопросы можно разделить на две группы: (1) информационные и (2) содержательные.

Сначала отвечает на 1-ю группу вопросов. Эти вопросы освещены в литературе. Трудности, связанные с технологическими нововведениями, типичны. Прогрессивность данного технологического процесса состоит в том, что новый станок позволяет снизить трудоемкость, повысить качество и производительность труда. Функция оператора: я являюсь наладчиком-штамповщиком, но приходится быть универсалом, т. к. дело новое.

2-я группа вопросов (содержательные). В прошлогоднем отчете указывалось, что происходит рассогласование между нормами-требованиями и нормами-стереотипами. В одних социально-нормативных комплексах это рассогласование больше, в других — меньше. Существуют однако такие социально-нормативные комплексы, где рассогласование доходит до противоположности. Это одна из узловых проблем социалистического

производства, т. к. не выработана еще система таких воздействий, которая способствовала бы заинтересованности рабочих трудиться в полную меру своих возможностей.

Отвечая на последний вопрос Н. Л.: если имеется в виду гипотеза 4, где употребляется понятие «интерес», то там не сказано о личных интересах, а говорится о противоречии групповых интересов в инновационном процессе.

Н. Л.: Можно ли сказать, что наблюдаемая Вами бригада **случайно** попала под Ваше наблюдение?

А.: Да, это случай, но случай счастливый.

В. Р.: Среди выдвигаемых Вами гипотез есть гипотеза 3. Можете ли Вы указать такие элементы нового хозяйственного механизма, которые направлены на суженное воспроизводство социальных проблем?

А.: Например, применение новых показателей типа нормативной чистой продукции. Но уже сегодня они порождают новые проблемы. Например, при НЧП возникает опасность завышения трудоемкости. Полнее ответить на этот вопрос пока не готов.

В. Р.: На эти вопросы необходимо отвечать.

А.: Так или иначе, ныне действующие изменения в хозяйственном механизме не обеспечивают желательных изменений в социальных нормах-стереотипах отношения к труду.

В. К. Задаёт вопрос о рассогласовании в соревновательных процессах в коллективе.

В. М. [В. В. Максимов, канд. психол. наук. — А. А.]: Какое научное значение имеет нормотворчество?

Г. М.: Согласны ли Вы с тем, что только сдельная оплата стимулирует рабочих (таково мнение Института труда)?

С. Д.: Каким образом достигается сравнимость результатов до и после введения новшества?

А.: Инновация — длительный процесс. В качестве наблюдающего участника я застал исследуемые процессы на определенных их фазах, а о предшествующих могу судить косвенно (ответ на вопрос С. Д.).

Отвечая на вопрос Г. М.: Нет, не согласен с этим утверждением.

Отвечая на вопрос В. К.: Специально этим вопросом сейчас не занимаюсь. Могу лишь подтвердить выводы своего прежнего исследования — о формализме и фиктивности, в частности, соревнования за коммунистическое отношение к труду.

Отвечая на вопрос В. М.: В программе говорится о нормотворчестве исследователя. О его научном значении лучше судить другим.

В. Р.: Каким видится конечный результат этой работы?

Председательствующий: Раздел в научном отчете сектора.

Выступления.

С. Д.: Высказывает удивление по поводу непрерывности инновационного процесса.

В. Г. [В. Б. Голофаст, канд. филос. наук. — А. А.]: Стоящие перед А. задачи важны и актуальны, он непременно с ними справится.

Г. М.: А. работает в чисто экономической ситуации. Нельзя оставлять в стороне экономические проблемы, т. к. социальные — следствие экономических.

Н. Л. [Н. Лобанов. — А. А.]: В программе имеет место рассогласование между объектом исследования (процесс инновации) и отнесением этих процессов к промышленному предприятию в целом. Считает более уместным — уровень бригады, рабочего места. Рассматриваемая ситуация не типична, не отражает **сущности** технического прогресса. Нельзя на уровне рабочего места судить о несовершенстве хозяйственного механизма.

Г. С. [Г. И. Саганенко, тогда — канд. филос. наук. — А. А.]: Способность А. к обобщению — очень хорошее качество.

Председательствующий [В. Ядов. — А. А.]: Анализ отдельных случаев в социологии возможен, это дает хорошее основание для выдвижения гипотез. Типичность описываемого случая следует показать.

Н. С. [Н. К. Серов, тогда — канд. филос. наук. — А. А.]: Предлагает сейчас одобрить программу А., а замечания высказывать уже на заключительной стадии работы — на стадии отчета.

В. М. [В. Максимов]: Замечания по программе: (1) В существе исследования и в гипотезах представлены разные вещи; (2) постановка вопроса — социологическая, а структура исследования — социально-психологическая. Отмечает негативизм (*так!* — А. А.) программы. Программа нуждается в переработке — на уровне социально-психологических отношений в коллективе. Нужен контакт с сектором, который занимается социально-психологическим климатом в трудовых коллективах [сектор Б. Д. Парыгина. — А. А.]

Б. Ф. [Б. М. Фирсов, докт. филос. наук. — А. А.]: Не понимаю, что происходит. Считаю, другого такого прекрасного источника социологической информации у нас нет. Информация уникальна, но вместо помощи А. ему устроили «судилище»... Если мы хотим развивать инициативу, то безусловно следует принять эту программу.

Председательствующий: А. использует нормальный социологический язык, и нет необходимости переводить текст программы на социально-психологический язык.

Б. Д. [Б. З. Докторов, тогда — канд. психол. наук. — А. А.]: Сложилась странная ситуация. Отмечает, что никто из членов совета не имеет столь большого опыта в составлении конкретных программ исследования, как В. А. [В. Ядов. — А. А.] и А. Текст программы вполне корректен. Предлагает голосовать. <...>.

Вкратце

Здесь опущены принявшие особую остроту дебаты о «сужении» формулировки названия программы. В конечном счете большинством голосов было принято решение: «в основном утвердить программу исследования А., с учетом замечаний и уточнением названия в рабочем порядке».

* * *

...Протоколист был сдержан и «непарламентских» выражений не воспроизводил. А теперь — мой для вас «неформальный» отчет.

Вначале предполагалось, что это обсуждение пройдет и без меня. Потом Ладов [В. А. Ядов. — А. А.] все же просил придти. Опять пришлось совету отдела отложить половину своего заседания до 17 час., когда совместитель, занятый на производстве, сможет присутствовать.

(В наши дни в этом институте не принято задерживаться после 18 час. Но заседание закончилось только в 19.)

По выражению одного из участников, это напоминало ковбойский вестерн или (скажу уже от себя) анекдот, когда один ковбой в баре спрашивает другого: «Видишь того, в зеленой шляпе, у стойки?» — «Которого? Их там четверо в шляпах...». — «Ну, того, который курит сигару!» — «Так у всех сигары...». Тогда первый выхватывает пистолет, укладывает навскидку троих, и про того, кто остался, говорит: «Этого». — «Так что?» — «Так вот, он мне не нравится!».

Если же всерьез, то нынешнее обсуждение еще более резко дифференцировало научную общественность, чем предыдущее (16.10.81). Как никогда отчетливо в научных дебатах выразились «классовые», партийные позиции.

Один профессор заявил, что он считает, что обсуждения, как такового, не было, и поэтому он не будет голосовать ни за, ни против, ни воздерживаться... Может, это было проявлением человеческой симпатии к автору программы, при идейно-научном неприятии? У остальных человеческая и профессиональная позиции, как правило, выступали слитно.

Вспоминается другой эпизод (уже не из ковбойских буден): когда один другому что-то красиво и диалектически доказывает, другой не соглашается, а третий, помалкивающий, неожиданно замечает, что в одном первый безусловно прав. В чем же? — «Уж если быть <...> [здесь опущено вполне цензурное, однако оскорбительное выражение. — А. А.], так до конца».

Меня особенно умилило чье-то высказывание насчет хозяйственного механизма, который «вовсе не так плох, только его плохо используют». Кто-то вопил, что для исследования последствий НТП [научно-технический прогресс. — А. А.] надо было выбрать другой технологический процесс (не ПКР, то есть!). Говорились ученые слова о соотношении объекта, метода и предмета.

Наконец, Н. Л. проболтался о «негативизме гипотез» (гипотезы, разумеется, должны быть «позитивными»!..) и получил «затрещину» от Б. Ф. по поводу его (Н. Л.) собственной научной несостоятельности. Тот стал звать к научной этике... Б. Ф. демонстративно извинился, чтобы тот не покидал заседание.

Голосовали по вопросу, ставить ли вопрос об утверждении программы на голосование или нет. Большинство в один голос решили — голосовать. Кое-как потом все же утвердили программу, с оговорками.

Ладов сражался как Лев и вертелся как Змея, но и ему пару клоков шерсти выдрали. Мне же было очень жаль это Благородное животное, которое вынуждено точить когти не о дерево, а о прутья полимерной клетки. Да не когти тут нужны, а хвост — от слепней, только Слепни больно крупные и шустрые.

<...> Возникает проблема: Академия еще не вполне созрела, чтобы отставить от себя социолога-наладчика. Но не пора ли ему самому окончательно распрощаться с Академией? Ну, конечно, чрезвычайно приятно тащить «птицу-тройку» в упряжке с Ладовым, но не пора ли опрокинуть бричку?

Нет, нехорошо... Было бы это некорректным поступком Пристяжной по отношению к Кореннику. Тогда остается оборвать постромки. Побегать совсем на воле. Или — поискать себе другую бричку...

Кучер не может допустить такого отрыва лошади от кабриолета. Ему нельзя не натянуть узду. Но тогда лошадка может резко остановиться, телега по инерции проедет вперед, узда ослабнет, и можно выплунуть удила (помните, «закусить удила», а тут — наоборот). <...>

Ваш Андр. Ал., 22.11.81

...Враждебная аудитория фактически может даже сознательно отказаться рассматривать новые концепции... именно потому, что ее представители опасаются, что, если только они примут такую канву для рассуждений, она доведет их до выводов, которые для них неприемлемы...

М. Полани. *Личностное знание. На пути к посткритической философии.* М., 1985, с. 218. (@)

* * *

Из книги А. Ежелева «Лучший из грехов» (1988)

[В книге Анатолия Степановича Ежелева (в ту пору — собственного корреспондента газеты «Известия») «Лучший из грехов» (М.: Известия, 1988) одна из глав посвящена истории описываемого здесь эксперимента. (А. Е. написал ее от лица социолога-рабочего)

Ниже — извлечение из названной книги. — А. А.]

<...> Мои дела <...> внешне шли совсем неплохо. Печатался в научных и общественно-политических журналах, в газетах, наработывал идеи и материалы впрок. Но в ИСЭП, куда я как старший научный сотрудник по совместительству регулярно представлял свои отчеты, отношение ко мне стало вскоре меняться. То есть непосредственный научный руководитель профессор В. А. Ядов давал положительную оценку этим отчетам <...>, а директор института И. И. Сигов — тот смотрел на них совсем иначе. Позиции обнажались и сталкивались на обсуждении моих докладов. <...>

Поначалу, правда, в высказываниях моих оппонентов — профессора Б. Д. Парыгина, кандидата экономических наук Н. А. Лобанова, кандидата психологических наук В. В. Максимова — звучала настороженность, потом полемика обострилась. <...> Мои академические противники <...> говорили, что я выискиваю одни только недостатки, веду дело «не туда», в политически опасном направлении. <...>

(А. Ежелев. Лучший из грехов. М., 1988, с. 94–95).

Ремарка: академические «несвободы».

Описанный выше эпизод с обсуждением программы социолога-рабочего в академическом институте был лишь частью общего процесса. Коллеги, вступившие тогда за мою программу, сами становились все более «неудобными». Их собственная научная работа вступала в противоречие с запросом на сервильную социологию.

Из воспоминаний В. А. Ядова (1999):

«... При Сигове все пошло по известной схеме позднебрежневского периода. В институте началась административная возня, партсобрания обсуждали идеологические вывихи. Б. Д. Парыгин, по сути из нашей же среды, оказался тараном обкома, более всех усердствовавшим в дискуссиях против всевозможных «ошибок». Я стал главной мишенью нападков, как и наш сектор... В конце концов меня обвинили в «утрате» документов для служебного пользования, а именно — критического доклада новосибирских социологов о состоянии нашей экономики, доклада Татьяны Заславской, который она мне прислала как коллеге. Я его не сдал в 1-й отдел, а держал дома... Далее — КГБ, отлучение от права пользования литературой «ДСП», угроза партийного выговора, а главное — притеснения всех сотрудников нашего сектора... Короче, все складывалось скверно, и я перешел работать старшим научным сотрудником в Ленинградский филиал Института истории естествознания и техники...».

(В. А. Ядов. «Все мы — самоучки в социологии» / Российская социология шестидесятих годов в воспоминаниях и документах. СПб, 1999, с. 57–58). (Март 2000).

3.9. ...И последнее: записки с ума не сошедшего

[Персональный адресат письма (январь 1982), фрагмент которого приводится ниже, — Н. Я. Шустрова.²⁶

Напомним, что первое из цикла «Писем...», написанное двумя годами ранее, в оригинале называлось: «Кто сошел с ума?». — А. А.]

Дорогая Нина!

Я обещал Тебе последнее письмо. И вот оно. Стоит ли комментировать эти подневные записи? В контексте предшествующих писем, тут все ясно и так. Я ничего не менял в этих записях. Только при перепечатке убрал эскизы, расчеты штамповочных карт и понедельные бюджеты рабочего времени.

Прочитав то, что здесь осталось (если хватит терпения), считай, что Ты побывала в «лаборатории» социолога-наладчика, рискующего ныне обозначить свою плановую тему НИР — «Человек в системе реальных производственных отношений».

Такого «письма» в этом собрании еще не было. В иных из моих прежних производственных описаний и сценариев можно было предположить (и реально имело место) своего рода сгущение или аранжировку событий. Здесь это исключалось самой заданной последовательностью дней. Тут — **хроника** в чистом виде.

Некоторые из дней освещены скупо — не потому, что «ничего не произошло», а потому, что некогда было записывать. А сейчас некогда дописывать. Может, и слава богу, т. к. тогда бы это письмо приобрело циклопические размеры.

Все остальные новости Тебе хорошо известны. Я вовремя спрыгнул с поезда, идущего под откос, и с 1.01.82 **не работаю в ИСЭПе** — по вполне благопристойной и взаимодобной причине сокращения академических штатов. Сейчас, как будто, два других научных учреждения «оспаривают честь» иметь социолога-наладчика в числе своих совместителей. Но не будем переоценивать ни их возможности меня принять, ни моего стремления в них попасть.

Что касается завода, то должен похвастаться, что мой анализ ситуации на стр. <...> прилагаемой к этому письму «Хроники инновационного процесса» (октябрь-декабрь 1981) оказался точным, прогноз — верным, стратегия и тактика были определены правильно. И как раз на этих днях разыгрываются события, которые могут внести новое существенное разнообразие в нескучную жизнь социолога-испытателя.

²⁶ См о ней ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...»

Письмо это, как уже сказано, **последнее**. Мне сейчас лень продолжать все начатые в предыдущих письмах сюжетные линии. Ведь не только письменно мы общаемся...

Вероятно, я еще напишу что-то вроде послесловия к этому странному собранию сочинений, этакий «Театральный разъезд». Там и объясню, почему письмо — последнее.

Андр. Ал., 24.01.82

* * *

Из «Хроники инновационного процесса» (Разговор с начальником цеха. Анализ ситуации, слывшейся в ноябре 1981 г.)

Еще в конце октября 1981 г. социолог-наладчик обратился к нач. тех. бюро цеха Л. К-ной с просьбой записать его на курсы повышения квалификации при отделе технического обучения завода, где готовят от 5-го разряда и выше.

Та сказала, что ей надо «выяснить». Выясняла неделю. Потом, после второго или третьего напоминания, сообщила, что надо писать заявление начальнику цеха, но тот скорее всего его не подпишет.

Записываюсь на прием 5.11. Отменяется: начальник — на партхозактиве. Перезаписываюсь на 9.11. Мотив, сообщенный секретарю: «личный» (без уточнения).

В понедельник 9.11 приношу нач. цеха С-ку два заявления: одно — с просьбой освободить меня на три дня (23–25.11. Социолого-театроведческий семинар в Ленинграде, скрытый под «личными обстоятельствами»). Другое — насчет записи на курсы.

С.: А зачем?

А.: Повысить квалификацию.

С.: У меня нет для Вас 6-го разряда в штатном расписании.

А.: Я же хочу повысить квалификацию, а не разряд. (Вообще-то, игра словами: «квалификация» и «разряд» в производственном жаргоне — синонимы.)

С.: Как подвигается Ваша **основная** работа?

А.: Моя основная работа — **станок**.

Не верит, но вынужден принять версию.

С.: Как долго Вы намерены работать у нас?

А.: Поступая на завод, я гарантировал два года, и они еще не истекли. (Должны были истечь через два месяца.)

С.: А потом?

А.: Я увольняться пока не собираюсь.

С.: Я тоже не собираюсь Вас увольнять...

А.: У Вас для этого и нет оснований.

С.: Все же следует подумать о преемственности...

А.: Мне еще летом предлагали взять учеников, и я согласился. Но их почему-то не дают.

С.: Тут сложности. Важно узнать Ваши планы.

А.: Я имею право сообщить Вам о них за месяц, согласно трудовому законодательству.

С.: Значит, Ваши планы Вам сейчас не ясны?

А.: Они будут зависеть, в частности, от возможностей продолжить совместительство, о котором Вам известно.

С.: Вы могли бы сообщить о Ваших планах заранее, скажем, за полгода?

А.: Нет. Этого делать я не обязан. Но, пожалуй, я смогу сообщить о них не за месяц, а пораньше.

С.: В период освоения Вы как повременщик оправдали ожидания. Сейчас на станке Вы себя не окупаете.

А.: Ну, почему же. Как наладчик, я пока остаюсь на повременной оплате. А все, что я вырабатываю как штамповщик, оператор ПКР, записывается не мне, а в счет цеха или в наряды бригад.

С.: Я знаю. Но станок загружен лишь частично.

А.: Да. И я напоминаю об этом администрации уже почти год.

С.: Мы хотим предложить Вам войти в состав бригады, я думаю, бригады Виноградова.

А.: Что ж, пусть мне это предложит Виноградов, и я подумаю.

С.: А Ваше мнение?

А.: Думаю, что ни бригада, ни я сейчас в этом не заинтересованы, т. к. загрузка станка остается пока низкой, и мой вклад в бригадный «котел» будет невелик.

С.: Вы будете готовить себе смену, а в оставшееся время — выполнять слесарную работу.

А.: Имея квалификацию наладчика-штамповщика единственного на заводе координатного пресса, мне незачем переходить на положение ученика слесаря. Лучше давайте вместе подумаем, как обеспечить полную загрузку станка. Технологическая служба пока с этим не справляется.

С.: Знаю. Но тут ничего не изменится.

А.: Тогда не вижу необходимости своим переходом в бригаду покрывать бездеятельность технологов.

С.: Вы могли бы в бригаде заниматься рационализаторской работой по переводу деталей на обработку новым способом.

А.: Я это и так делаю, самостоятельно, уже год, только не оформляю как рационализацию и не претендую на особое вознаграждение.

С.: Все же подумайте. В течение месяца я Вас вызову.

...Заявление о курсах — подписано. Насчет заявления об отпуске на три дня (для семинара) — намек: договоритесь с мастером, без оформления. (Т-в не против!)

Цели С.: погасить мою социально-производственную активность и заполнить мое время путем перевода наладчика ПКР в бригаду. При этом оставить практически с той же зарплатой повременщика.

Мои цели: перейти в бригаду не раньше, чем будет обеспечена удовлетворительная загрузка станка, а значит, и заработок, который достоин сдельщи-

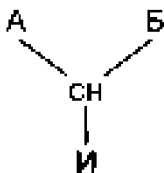
ка. Как повременщик я получаю около 150 руб. Как сдельщик я могу претендовать примерно на 250 руб. Но для этого нужна полная загрузка станка.

В случае сохранения совместительства в ИСЭП можно затягивать состояние повременщика.

В случае прекращения совместительства в ИСЭП нужно форсировать переход на сдельщину, но сначала индивидуальную, а потом уж коллективную.

С. хочет перевести столкновение моих интересов с интересами администрации во внутрибригадные отношения (столкновения интересов). Тем самым он толкает меня на активизацию действий против административного разгильдяйства.

Вот тот «треугольник отношений», в котором находится социолог-наладчик (СН):

(А — администрация цеха; Б — бригада; И — Институт социально-экономических проблем.)

Варианты развития событий:

- 1) Стабилизация отношений СН с А, Б и И на нынешнем уровне.
- 2) В случае разрыва с институтом — активизация действий СН против администрации (при пассивной поддержке бригады).
- 3) В случае немедленного вступления в бригаду — вынужденный «конфликт» с Б, при заблокированных (той же бригадой) действиях против А.

Бригада заинтересована в (1). Администрация заинтересована в (3). Я заинтересован в (1) или (2), в зависимости от естественного развития событий. Но **превентивно** я должен реализовать вариант (2), что, кстати, отвечает и моим исследовательским интересам.

Вариант (2) предполагает:

- а) технологический анализ 60 техпроцессов, якобы обеспеченных документацией и оснасткой для ПКР;
 - б) экономический анализ (нормативы, расценки) этих техпроцессов, и в первую очередь — уже прошедших через мой станок;
 - в) возможно, служебная записка директору завода. <...>
- А. А., 14.11.81

Ремарка: сценарный прогноз.

Эта запись сделана за несколько дней до описанного выше (раздел «Научные страсти...») обсуждения программы социолога-работчего на ученом совете отдела ИСЭП АН СССР (ноябрь 1981).

После указанного обсуждения вариант, предполагающий продолжение совместительства в научном институте, стал не реалистичным. Развитие событий пошло «строго» по второму варианту. (Декабрь 1999).

3.10. «Я вот уже два года здесь работаю...»

Ремарка: премьера «социолога-наладчика»

Нижеследующий документ — автостенограмма выступления на партийном собрании цеха (1981) — прилагался к одному из «Писем...».

Интересна история возникновения этого текста. То было **первое** не «бюрократическое» (служебные записки, замечания по техпроцессам и т. п.), а **публичное** выступление социолога-рабочего (в данном случае — перед коммунистами цеха). Решился на такую «акцию» автор этих строк лишь к концу второго года работы на заводе.

В итоге всей предшествующей деятельности «социолог-наладчик» вправе был рассчитывать на общественную поддержку. И он ее получил. (В первые месяцы работы в цехе вряд ли получил бы...) Но опыта публичных выступлений «в рамках эксперимента» еще не было. И эта «премьера» готовилась долго и тщательно. («Актер» разучивал роль чуть ли не перед зеркалом!)

Монолог наладчика ПКР должен был восприниматься (и был воспринят) как импровизация, «живая речь». (Декабрь 1999).

...Избавиться от боязни сцены и обрести легкость выражения можно лишь в том случае, если удастся высвободить сознание, прикованное к мелочам, и сосредоточить его на ясном понимании той деятельности, в которой мы заинтересованы в первую очередь...

М. Полани («Личностное знание») (@)

Автостенограмма выступления на партийном собрании (декабрь 1981)

<...> Как я понимаю, решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС и речь тов. Брежнева на этом пленуме нацеливают на полнейшее использование всех ресурсов в народном хозяйстве, на слаженную работу всех производственных звеньев, на решительное пресечение бесхозяйственности.

Важным ресурсом повышения эффективности труда является качественная и ответственная **инженерная подготовка производства**. Я вот уже два года здесь работаю, присутствую, наверное, уже на двадцатом партийном собрании [собрания проводились ежемесячно. — А. А.], однако не помню, чтобы об этом когда-нибудь говорилось. А надо бы.

За примерами — недалеко ходить. Взять хотя бы мой координатно-револьверный пресс. Как все, наверное, знают, ПКР был запущен чуть больше года назад. Правда, сначала мне пришлось этот новый станок разобрать по винтику, а потом собрать обратно. Но это дело уже прошлое. И, как говорят, обычное. Виноватых сейчас уже не найдешь. Да и другие проблемы на очереди.

Производственное использование ПКР началось спустя три месяца после того, как он был приведен в рабочее состояние. Оказалось, что технологические службы завода, несмотря на всю оказанную им цехом помощь, **не готовы** к эксплуатации нового станка.

Мне могут сказать — не на цеховом собрании об этом говорить. Но я думаю, кому надо — будет сообщено. К тому же, эта критика и к цеху относится. Потому что, когда ОГТ выдавал технологический брак и липу, цеховая администрация стояла в стороне. И если я здесь об этом не скажу, резонно будет у меня спросить — чем же тебя трибуна цехового партийного собрания не устроила?

Что мы имеем на сегодняшний день?

По документам значит, что на ПКР переведено изготовление аж шестидесяти обозначений деталей для фотонаборного комплекса. Цехом получены соответствующие извещения. Прежние техпроцессы как бы аннулированы. На самом деле за этот год штамповку на координатно-револьверном прессе прошли всего тридцать обозначений. Причем, добрая половина из них выпущена **вопреки** поступившей технической документации. Неудовлетворительная инженерная подготовка постоянно ставит производство деталей на ПКР в аварийные ситуации.

Каковы причины такого положения?

1) Элементарные ошибки в картах штамповки. Была такая панель, в которой технологи из ОГТ умудрились неверно рассчитать координаты целой сотни отверстий из двухсот.

2) Систематически приходится использовать не ту оснастку, которая указана в техпроцессе. Из тридцати обозначений, дай бог если половина выпущена по фирменным шаблонам. Остальные же — по самодельным шаблонам, изготовленным непосредственно на ПКР (когда не оставалось другого выхода).

3) Систематические нарушения ГОСТа. Причем технологи откровенно не хотят решать возникающие проблемы. В расчете на то, что рабочий как-нибудь сам «выкрутится».

После выпуска всякого нового обозначения я пишу акты производственных испытаний. Есть обозначения деталей, прошедшие через ПКР уже не один раз. Так вот, оказывается, что ни одно замечание из этих актов, к моменту повторного прохождения, не учтено! Хоть кол на голове теши.

Ошибки технологов обходятся дорого. Ведь они воспроизводятся в металле оснастки. Эту оснастку зачастую приходится списывать еще до того, как она побывает в деле. Несколько раз эти ошибки ставили цех перед угрозой срыва программы.

Так обстоит дело с **технической подготовкой**. Но не лучше — и с **планированием производства**, и с **экономической подготовкой** (говоря о ПКР).

Систематически приходится как-то изворачиваться, чтобы не сорвать программу. Скажем, когда заготовки уже отоварены в габарит детали, а для ПКР необходим технологический припуск. На днях так случилось

с обозначением, адресованным на ПКР уже повторно. То есть за три месяца никто не удосужился исправить то, на чем уже успели обжечься!

Выбор обозначений деталей для перевода на ПКР часто не продуман. Если сравнить по маршрутным картам трудоемкость изготовления одних и тех же деталей **до** и **после** введения штамповки на ПКР, то можно найти такие, где себестоимость не понизилась, а увеличилась! Вместе с тем, есть такие обозначения, где ПКР сулит большую экономию. И здесь рабочий класс сообщает куда быстрее инженеров.

Я не раскрою никакого секрета, если скажу, что тридцать программных обозначений, официально переведенных на ПКР, — это лишь половина всей реально выпущенной на нем продукции. А другая половина — это наша с бригадами Виноградова и Сычевича инициатива и самостоятельность. Ведь возможности координатно-револьверного пресса, если подходить к делу по-хозяйски, действительно очень велики.

Я тут прикинул: примерно четверть рабочего времени сейчас наладчик ПКР тратит на выпуск продукции по официальным техпроцессам. Столько же — на выполнение заказов бригадиров (а теперь — и мастера!) по разработке и осуществлению неофициальных техпроцессов. Остальное — уходит на ревизию работы технологов, исправление их ошибок, составление актов и прочее. Что, вообще-то, не мое дело. Но приходится заниматься этим вместо инженерных служб.

Однажды, при партизанском изготовлении детали, я пропустил одно отверстие. И получил, как я считаю заслуженно, административное взыскание. Но я не видел, чтобы кто-нибудь был наказан за **массовый и повседневный брак** в инженерной подготовке производства на ПКР. А ведь это и есть та бесхозяйственность, на преодоление которой нацеливает ноябрьский Пленум.

И последнее. Наладчику ПКР понадобился почти год, чтобы капитально отремонтировать новый станок (хотя, строго говоря, этим должны были заниматься ремонтники). А у инженерных служб было **три года** на то, чтобы подготовить производственное использование нового, теперь уже вполне исправного оборудования. И что же? Если брать обозначения деталей, обеспеченные соответствующей технической документацией, то ПКР сейчас загружен, как я уже говорил, не более чем 25 процентов! Если бы я работал не повременщиком, а сдельно, то мне закрыли бы нарядов в октябре на 60 руб., а в ноябре — и того меньше.

Конечно, с «партизанщиной» вышло бы куда больше. Но я согласен делать «не свою работу», но не согласен получать «не свою зарплату».

При полноценной производственной загрузке можно было бы прикрепить ПКР к бригаде, перевести штамповку на сдельщину. И пора бы уж! Я лично в этом заинтересован. Однако с такой инженерной подготовкой это невозможно.

Спихиваются лишь тогда, когда приезжает какое-нибудь высокое начальство. Вот тут меня просят отложить сегодняшнюю работу на завтра.

Чтобы потом, при высоких гостях, показать, что ПКР КО-120 работает. Что ж, я разок согласился — чтобы «коллектив не подводить»... Тем более, что станок сам по себе теперь действительно на ходу. Но вот для постоянной, не парадной загрузки высокопроизводительного оборудования энергичных мер так и не принято.

И если мне сейчас, как водится, скажут, что уже «ставили вопрос», я отвечу: «Значит, **плохо ставили**, раз воз и ныне там».

14.12.81

Ремарка: от «Писем...» — к «хронике».

На этом фактически заканчивается основная сюжетная линия цикла «Письма Любимым женщинам» (1980–1981).

Его сменил следующий, «хроникальный» цикл — «Выход из “мертвой зоны”» (1982).²⁷ (Сентябрь 1999).

3.11. Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив»

[Ниже — своего рода «заключение» к «Письмам...» (июль 1982). Разослано всем адресатам одновременно. — А. А.]

Мои дорогие!

На протяжении двух лет вы получали, порциями, не регулярные, но продолжающиеся заметки — о «приключениях социолога-наладчика» и на иные темы. Поскольку получил своего рода сериал, я назвал его: **«Письма Любимым женщинам»**.

Возможно, кто-то и сберег все, что я посылал. На этот случай — вот вам полное «оглавление». Я делал его по своему комплекту.

Номера страниц соответствуют тем, что у вас, поскольку была всего одна машинописная закладка. <...>

* * *

Как относиться к этому эксцентричному предприятию? В известном смысле, я просто мультиплицировал свой личный архив. Логика его составления импровизационна. Это — **неочевидная целостность очевидного хаоса** (что, впрочем, можно сказать и о самой человеческой жизни).

Всего тут — 18 больших писем плюс многочисленные документальные приложения. Это — своеобразный жизненный и научный отчет перед друзьями.

Вместе с тем, каждое отдельное письмо в свое время было также актом межличностного общения. Присутствовал и игровой момент. И в «стилистике» каждого отдельного письма, и в аранжировке всего собрания. (Об этом специально говорится в «предупреждении» 1980 г.)²⁸

²⁷ См главу 5: раздел «Выход из «мертвой зоны» Процессы и события»

²⁸ Другой вариант этого фрагмента:

«...Архив этот состоит из 18 больших писем, адресованных (за редкими исключениями) конкретным людям и не предназначенных для действительно чужих глаз ...Разумеется, не только

* * *

Игра продолжалась, пока себя не исчерпала (в письмах, но не в жизни).

Кое-где, похоже, «перехлестнул»... Эта дружеская эскапада уже стоила вашему корреспонденту (хорошо, если только ему!) нравственных терзаний. Но дело уже сделано. (Утешаюсь тем, что по отношению к самому себе я допускал куда большую нескромность, чем по отношению к своим адресатам.) <...>

* * *

В отличие от писем, как таковых, не предназначенных для «посторонних», приложения к письмам сплошь составлены из документов, имеющих (или имевших) самостоятельное официальное бытие.

Приложения иногда превышают по объему сами письма. Они имеют свой смысл и безотносительно к письмам, хотя иногда в контексте приобретают «второй смысл».

Сами же письма без этих приложений (хотя бы то были «замечания к технологическим процессам») существенно теряют в своем содержании.²⁹

* * *

Напомню, что ни одного действительного наименования места действия, не говоря уж о реальных фамилиях, в текстах нет.³⁰ Может, пару раз где и проскочило, но пойдй теперь определи, где правильно... (Зато цифры и даты все точны!)

Отделить правду от мистификации (и не только в фамилиях) нелегко, даже вам. В этом смысле, архив — «закодирован». <...>

* * *

К чему все эти оговорки? А к тому, что сейчас, похоже, круг читателей этих писем вышел за пределы первоначально избранного автором. Как «эпистолярному хулигану» стало известно, среди друзей некоторых из моих возлюбленных нашлись охотники читать сии отчеты — как некую «документальную прозу»...

Что ж, смирюсь с этой инициативой. Мои письма — принадлежат вам. Но все же прошу: не выпускайте их за пределы круга ваших **личных** друзей. В остальном — можете делать с ними все, что хотите.³¹

архив Каждое отдельное письмо... было также актом непосредственного общения, интимного настолько, насколько автор готов был повторить сказанное одному (одной) — также «во всеуслышание», в дружеском кругу, но и не только в таком кругу...»

Это — формула, которой автор пытался тогда оправдать «лично-публичный» характер «Писем...»

» В настоящей публикации приложения, как правило, опущены

» В настоящей публикации некоторые псевдонимы раскрыты, а некоторые сохранены

» Другой вариант этого фрагмента:

«...Среди близких друзей некоторых моих адресатов (как, впрочем, и среди друзей автора) есть охотники читать это подряд, как некое «литературное» произведение. Вполне искренне опровергая всякое иное истолкование этих страниц кроме как собрание человеческих и «нечеловеческих» документов, я готов согласиться с такой инициативой. Но с одной оговоркой. Мне кажется, я вправе наложить запрет на распространение этой инициативы за пределами круга ваших **личных** друзей.

(Друзья Ваших друзей, такие, которые к Вашим собственным личным друзьям не относятся, думаю, от этого запрета не слишком пострадают...»)

* * * <...> Наконец, ни я сам, ни, тем более, вы — редактировать эти записки не станете. **Архив отредактированный — все равно, что фальсифицированный.** Письма, переписанные после их получения, — уже не письма (это — запрет самому себе!). <...>

* * *

<...> Итак, вот мое **оглавление**.

Письма Любимым женщинам (заметки из жизненной самодеятельности):

— Предупреждение: театр жизни и эпистолярное хулиганство.

— Пояснение к оглавлению: «Закодированный архив».

1. Кто сошел с ума? (И. П. и Р. В.)³²

2. Мастер и подмастерье. (Н. Ш.)

3. Новый человек со стороны. (А. Н.)

4. Инициативы вынужденные и не вынужденные. (А. Н.)

5. Эйфория овладения. (С. М.)

6. Совершенно секретно. (Г. Ж.)

7. Притча о Генеральной линейке. (Н. Ш.)

8. Единство в многообразии. (Р. В.)

9. Отчет социолога-наладчика.

10. 49 писем как одно. (Н. К.)

11. Как переплывать реку. (Т. Д.)

12. Страдания доктора Петруччио (Анкета для моих любезных корреспондентов)

13. Образ жизни и жизненный процесс. (Л. Д.)

14. Летопись ПКР (оживший памятник). (Г. Ж.)

15. Итак, я ловлю рыбу... (Г. Ж.)

16. Наладчик и бригада (партизанщина). (А. Н.)

17. Программа социолога-наладчика.

18. Записки с ума не сошедшего. (Н. Ш.)

— Письмо без номера (адресованное мужчинам).³³

— Суд Любимых («эпилог»).

— Приложение: Где-то, когда-то, давным давно... (40 волховских приветов).³⁴

Андр. Алексеев, 20.07.82

[Некоторые письма при их публикации в составе данной книги — переозаглавлены.

Конкретными адресатами «Писем...» были:

— Т. М. Дридзе, Л. К. Дудченко, Г. Ж., Н. С. Катерли, Н. А. Крюкова, С. Ф. Минакова, А. К. Назимова, И. В. Прусс, Р. В. Рывкина, Н. Я. Шустрова.

Спасибо им! — А. А.]

³² Здесь и далее — в скобках указаны инициалы персональных адресатов

³³ См в главе 5: раздел «“Материя” производственных отношений, данная нам в ощущениях»

³⁴ Письма 10-е, 12-е, «эпилог» и «приложение» в настоящей публикации не представлены

Первый вариант

— Я хочу еще писать, но править
 Не хочу! — воскликнул Сименон.
 Верно! То же самое и я ведь
 Ощущаю, а не только он.
 Пусть уж будет все как будет.
 Коль себе ты веришь самому!
 Пусть другие здраво и рассудят,
 Что когда писал ты и к чему.
 Да и мало ли бы что такое
 Вычеркнулось собственной рукой,
 Чтобы жить, других не беспокоя,
 Или собственный храня покой.
 И наивен тот, кто завещает
 Взять лишь то, что выправил он сам.
 Этой тщательности не прощают
 Даже и взлетевшим к небесам.
 И еще потом смеются: — Гляньте!
 Как ни тщился он перо кусать,
 А ведь было в первом варианте
 Много лучше! —
 ...И пошло писать.

Л. Мартынов.

*Неопубликованные стихи // Новый мир, 1985, 11, с. 161) (@)***3.12. «Не горюй!». «Кошка, которая гуляет сама по себе...»**

[Адресатов нижеследующих двух писем (1983), которые сохранились лишь в перепечатке, мне «опознать» сегодня не удалось. — А. А.]

А. Алексеев — ? (март 1983)

<...> Странная фантазия Робота — написать Тебе письмо. Я приехал к Гурию³⁵, чтобы отправить письмо в «Правду», стимулированное, как Ты вычислила, правдоискательскими мотивами.

Гурий уехал <...>, а я остался смотреть по телевизору давно любимый мною фильм «Не горюй!». И вот лишний раз почувствовал всю неукладываемость Личности даже в гениального Кэттелла, не говоря уж о других психологических тестах.

Тебе мало было — Дон Кихота, Тиля, Балды, Швейка. Прими **Бенджамена!**

Ты видела когда-нибудь этот фильм? Если нет — есть опубликованный сценарий. Когда-то лежал у меня на полке, да кто-то «зачитал»... Мне кажется, все там есть в этом фильме — мое Прошлое, Настоящее и Будущее.

Смешное желание — объяснить, что не объективным миром жив Человек, а — Субъективным настроением «пренебречь» этим Миром.

³⁵ Г И Забелкин (1933–1998) См о нем в приложениях к части 1: раздел «Памяти друга (Воспоминание о Гурии Забелкине)»

Гурий (простая душа) рассмеялся над прогнозами (Твоим и моего друга). **Ничего с нами не сделаешь!** А когда не хватит у нас Юмора, останется иррациональное самосознание Бенджамена, создающего шуточный миф о том, что есть ценности выше обыденного миропонимания и вместе с тем — принадлежащие ему...

Тв. Андр. Ал., 12.03.83

* * *

А. Алексеев — ? (май 1983)

Здравствуй!

<...> У меня есть перемены в «служебном положении». Сдав на слесарный разряд, перешел я из наладчиков-повременщиков в слесари-сдельщики. Работаю — с мая — в бригаде. Загрузка на работе — все восемь часов.

Мое совместительство в ИСЭПе, как я Тебе в свое время писал, прекратилось еще на рубеже 1981–1982 гг. Меня тогда «подобрала» Высшая профсоюзная школа культуры (проблемная социологическая лаборатория А. Тихонова). Год я исправно писал для них отчеты, по материалам «Человека и его работы. 1976».³⁶

Но, похоже, из ИСЭПа кто-то усиленно на меня в ректорат профсоюзной школы «настучал». Продление совместительства в ВПШК на следующий, 1983-й год оказалось под большим вопросом.

Тогда я сам взял назад свое заявление, упредив намечающийся отказ. Откровенно говоря, продолжать совместительство, при повышенном к себе внимании, у меня желания нет. И времени, при новом производственном режиме, совсем не остается.

В общем, с институциональной наукой я больше формально никак не связан. Гуляю «сам по себе», как та самая кошка...

Пока был на Кубе, мне присвоили звание «ударника коммунистического труда» (форма социалистического соревнования, которую я в начале 60-х, будучи журналистом, сам создавал, а в конце 70-х, будучи социологом, развенчивал).

Вот, кажется, все главные новости. Итак, «экспериментальная социология», наблюдающее участие — **на новом витке спирали!** <...>

Твой Андр. Ал., 9.05.83

[Судя по этому письму, автор, похоже, если не предвидел, то «предчувствовал» то, что здесь названо «повышенным к себе вниманием»... Последнее резюмировалось в обьске (сентябрь 1983), а затем вылилось в «дело» социолога-рабочего.³⁷ — А. А.]

³⁶ См в приложениях к главе 5: раздел «Откуда берется и что дает бригадная форма организации труда»

³⁷ См главы 4 и 7–10

* * *

... — Вам, наверное, нравится здесь сидеть, — вкрадчиво продолжал Домарощинер. — Вы, наверное, очень любите лес. Вы его любите? Отвечайте!

— А вы? — спросил Перец.

Домарощинер шмыгнул носом.

— А вы не забываетесь, — сказал он обиженно и раскрыл блок нот. — Вы прекрасно знаете, где я состою, а я состою в группе Искоренения, и поэтому ваш вопрос, а вернее, контрвопрос абсолютно лишен смысла. Вы прекрасно понимаете, что мое отношение к лесу определяется моим служебным долгом, а вот чем определяется ваше отношение к лесу — мне не ясно. Это нехорошо, Перец, вы обязательно подумайте об этом, советую вам для вашей же пользы, не для своей. Нельзя быть таким непонятым. Сидит над обрывом, бросает камни... Зачем, спрашивается? На вашем месте я бы прямо рассказал мне все. И все расставил бы на свои места. Откуда вы знаете, может быть есть смягчающие обстоятельства и вам в конечном счете ничто не грозит. А, Перец? Вы же взрослый человек и должны понимать, что двусмысленность неприемлема...

Бр. Стругацкие. Улитка на склоне. 1965 (Цит. по: А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Улитка на склоне. Л.: Сарт, 1990, с. 7)

...Все действия, замечаемые нами в опыте, какого бы рода они ни были, связаны между собою полной непрерывностью, переходят друг в друга... Все деятельности, от самой величайшей, от кирпича, срывающегося с крыши, до сияющего перед тобой духовного взора, который восходит перед тобой или от тебя исходит, составляют один ряд...

Гете (цит. по: К. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1982) (@)

* * *

Вместо заключения (Театр жизни на заводских подмостках)

В главах 2 и 3 были представлены «заметки из жизненной самодеятельности» 20-летней давности, с некоторым минимумом сегодняшних комментариев.

*Предлагая свой тогдашний «поиск жанра» вниманию современного читателя, автор вправе ожидать и ироничного отношения, в частности, к началу этих записок («эпистолярное хулиганство», «социологический балаган» и т. п.). Остается заверить, что **самоиронией** преисполнен и их сочинитель. (Причем сегодня — больше, чем тогда.)*

...Остаться «фактом личной биографии» социолога-испытателя и его адресатов этим «письмам-дневникам» было, однако, не суждено. О чем в следующей главе. (Сентябрь 1999 — декабрь 2000).

Глава 4. «Письма Любимым женщинам» (после эпилога)

[Стучилось — так ли уж неожиданно? — что «Письма Любимым женщинам» оказались востребованы не только друзьями и коллегами автора, но и официальными органами, два года спустя после их написания.

Подробно об обстоятельствах партийно-политического «дела» социолога-рабочего, вызванного к жизни в том числе и этими письмами, будет рассказано во второй части книги. Пока же — только об их (писем) собственной судьбе. — А. А.]

4.1. Изъятое при обыске... пущено в обращение

[Ниже — фрагмент инициативной аналитической записки для ЦК КПСС «Научно-практический эксперимент социолога-рабочего и его общественно-политические уроки» (1986).

Речь идет о событиях конца 1983 — начала 1984 г. — А. А.]

Из записки для ЦК КПСС (апрель 1986)

<...> После того, как мой личный и научный архив был изъят при обыске в моей квартире 16.09.83 в качестве материалов, якобы «могущих иметь значение» для уголовного дела <...>, он был отправлен на экспертизу в Управление по охране государственных тайн в печати при Ленгоробл-исполкомах. Неведомые мне эксперты — сотрудники этого управления — усмотрели в дневниках и письмах «политически вредные и идеологически невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности».

На основании этого заключения мой архив не был мне возвращен сотрудниками Ленинградского управления КГБ. А затем, теми же сотрудниками КГБ, «пущен в обращение» в заводскую партийную организацию как документальное свидетельство политического обвинения.

Разумеется, никто на заводе все 700 страниц моего архива не читал. Да в этом и не было необходимости, поскольку все «неподцензурные» слова и строчки в личных письмах были уже отчеркнуты карандашом цензора, а общая идеологическая установка для восприятия этих будто бы «статей» была задана формулами соответствующей справки УКГБ ЛО.

Остается добавить, что у некоторых из вынужденных читателей моих дневников [на «Ленполиграфмаше». — А. А.] несомненно возникали не только общественные, но и **личные** эмоции, поскольку в нелюбимых (хотя и безымянных) описаниях конкретных производственных ситуаций некоторые хозяйственные и партийные руководители узнавали... самих себя! <...>

А. Алексеев, апрель 1986

Ремарка: «...и от Хлестакова не отрекусь!»

Вообще говоря, эта ситуация чем-то напоминает описанную в гоголевском «Ревизоре»: когда городские чиновники знакомятся с письмом Хлестакова к своему приятелю... (Декабрь 1999).

4.2. Официальные отзывы

[Ниже — извлечения из разных официальных документов 1984–1986 гг. — А. А.]

4.2.1. «Статьи политически вредного содержания...»

<...> В 1980–1982 гг. в период работы на заводе «Полиграфмаш» на основе полученных им материалов в процессе так наз. «включенного наблюдения» Алексеев написал несколько статей политически вредного содержания под названием «Письма любимым женщинам», в которых он в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии, с клеветнических позиций оценивает советскую пропаганду, оскорбительно отзываясь о рабочем классе. <...> ...машинописные документы, содержащие политически вредные и невыдержанные оценки отдельных сторон советской действительности. <...>

(Из справки УКГБ ЛО «В отношении Алексеева А. Н.», 12.03.84. Подпись: В. И. Полозюк)¹

4.2.2. «Злоупотребляя доверием коллектива...»

<...> Алексеев А. Н., работая на заводе с 1980 г., помимо основной работы наладчиком станков в рабочее время вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения излагает в так наз. записях «Письмах любимым женщинам», или как называет Алексеев А. Н. «Закодированный архив», в которых в извращенном виде показывает негодность наших отечественных станков и оборудования, восхваление станков иностранного производства и неумение наших рабочих работать на них.

1. Все материалы, изложенные в «Письмах любимым женщинам», содержат вредную политическую направленность. Не стесняясь в выражениях, поносит, порою непристойными словами, рабочих и хозяйственных руководителей цеха, «придурки», «паскуда» и т. п. Пишет, что к од ним он питает ненависть, а к другим презрение. Показывает рабочих и ИТР в неприглядном виде, тупыми и не знающими своего дела.

2. В «Письмах» Алексеева А. Н. выражены мысли явно антисоветского содержания, особенно рельефно они выражены на страницах 43, 57, 80, 101, 181 и др. «Письма любимым женщинам» (часть 1-я на 316 печ. листах и часть 2-я на 417 листах <...> созданы в эпистолярном жанре, «художественные» исследования, в которых автор оскорбительно высказывается о советском рабочем классе, о Советской Армии, пытается уг-

¹ Полный текст этой справки см в главе 8: раздел «В отношении Алексеева А. Н.»

верждать, что социалистическое производство является иррациональной системой, заявляет, что социалистическому массовому сознанию присущ шизофренизм. Данные материалы отмечены цинично-пренебрежительным отношением к советской науке, переполнены завуалированными, а иногда и откровенными антисоветскими высказываниями.

Злоупотребляя доверием коллектива, Алексеев А. Н. нередко использовал рабочее время для личных целей, составления пасквилей на нашу действительность. <...>

(Из акта комиссии партийного расследования цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша», апрель 1984. Подписи: председатель комиссии Максимов Б. Г., члены комиссии Калинин М. Ф., Лобов Е. В.)²

4.2.3. «С клеветнических позиций...»

<...> Партийная комиссия установила, что Алексеев А. Н. за время работы на заводе вел записи своих наблюдений о положении дел в коллективе. Свою точку зрения, заключения и выводы изложил в «Письмах любимым женщинам», или, как называет Алексеев, «Закодированный архив», в которых он в грубой и оскорбительной форме очерняет отдельных хозяйственных руководителей, технологов завода. Оскорбительно высказывается о советском рабочем классе. В извращенной форме показывает негодность нашего отечественного оборудования и восхваляет иностранное производство.

В «Письмах любимым женщинам» выражается мысль вредного содержания, с клеветнических позиций оценивается советская пропаганда, в искаженном виде показана вся наша действительность. <...>

(Из справки партийной комиссии «Ленполиграфмаша», 16.05.84. Подписи: председатель комиссии Ефремов, члены комиссии: Егоренок, Му-равых, Суматохин)

4.2.4. Горлит: «Данные материалы отличает цинизм...»

<...> В «Письмах любимым женщинам», основанных на обобщениях главным образом негативных сторон производственной и социальной жизни, в том числе и трудового коллектива, где работал А. Н. Алексеев, содержатся оскорбительные высказывания о Советской Армии, советской системе. По оценке Управления по охране государственных тайн в печати при Облгорисполкомах данные материалы отличает цинизм, пренебрежительное отношение к советской науке, рабочему классу, элементы антисоветизма. <...>

(Из справки комиссии Северо-Западного (Ленинградского) отделения Советской социологической ассоциации, 10.01.86. Подписи: Ю. И. Гревцов, А. В. Воронцов, Н. С. Мирошниченко)

² Б Г Максимов — член парткома завода, токарь цеха ¹ 3; Е В Лобов — партгрупорг участка, токарь цеха ¹ 3; М Ф Калинин — член партбюро цеха, расточник цеха ¹ 3

Ремарка: «...оскорбительно для меня как для рабочего!»

Набор обвинений в официальных документах варьирует мало, поскольку происходил, в конечном счете, из одного источника (справка УКГБ ЛО), и вряд ли требует сегодня пояснений. Кроме одного момента: «оскорбительно высказывается о советском рабочем классе...», «пренебрежительное отношение к рабочему классу...». Здесь прокомментируем.

Вообще, апология рабочего класса как класса-гегемона и т. д. — это своего рода идеологическое клише, выросшее из недр марксизма-ленинизма. Клише заведомо демагогическое, ибо даже в «диктатуре пролетариата» рабочий класс выступал фактически объектом, а не субъектом. Однако оно вовсе не воспринималось как таковое ни мною, ни множеством людей моего поколения (даже в случае заведомой оппозиционности советскому режиму, не говоря уж о более мягких формах инакомыслия и инакодействия).

Наоборот, в достаточно широких слоях интеллигенции, в частности, шестидесятников, был распространен своего рода «миф» о рабочем классе, его (рабочего класса) идеализация как субъекта «исторической миссии» и носителя «подлинно социалистических» ценностей. Социолог-рабочий безусловно разделял этот миф.

В своих позднейших объяснениях для партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС социолог-испытатель писал:

«...Обвинение в оскорбительных отзывах о рабочем классе оказывается дутым, не имеющим под собой почвы и даже оскорбительно для меня как для рабочего (выделено мною сегодня. — А. А.)...»

Можно усмотреть элементы лукавства в последующей (см. ниже) самозащите социолога-рабочего от политических обвинений. Но тут он — во всяком случае — не лукавил! (Сентябрь 1999 — ноябрь 2000).

4.3. В поисках понимания и ясности (Политическая самозащита)

[Ниже — извлечения из «Объяснений», подготовленных для ленинградских партийных органов (апрель-ноябрь 1984). — А. А.]

4.3.1. «Письма Любимым женщинам»: что-то вроде автоаннотации

Из записки для партийных органов (1984)³

<...> В личном и научном архиве А. Алексеева 1980–1981 гг. — около 750 стр. машинописного текста, в основном через полтора интервала. Сюда входят документы разного рода.

Примерно 400 стр. — мои личные письма и дневники.

Примерно 350 стр. — документы иного рода. Среди последних:

³ Этот текст имел длинное название: «К анализу материалов личного и научного архива А. Алексеева 1980–1981 гг. (так называемые “Письма Любимым женщинам”), изъятого сотрудниками ОБХСС во время обыска в квартире Алексеева в сентябре 1983 г.» И далее (в скобках): «Подготовлено для комиссии партийного расследования цеха¹ 3 “Ленполиграфмаша” в апреле 1984 г., опираясь на отдельные сохранившиеся черновики, а также на сохранившуюся опись этого архива; перепечатано — для партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС в октябре 1984 г.»

- а) личные письма, адресованные мне (50 стр.);
- б) научные документы (отчеты, методики, программы, научно-практические записки и т. п.) — все эти документы хранятся в архивах соответствующих научных учреждений и директивных органов (150 стр.);
- в) опубликованные работы (в научной или массовой периодической печати) (75 стр.);
- г) деловые, производственные документы (служебные записки, акты производственных испытаний, замечания к технологическим процессам и т. п.) (75 стр.).

В дневниках и письмах (400 стр.) можно выделить следующие три предметно-тематические линии:

- (1) личные темы (около 150 стр.);
- (2) философские темы (около 100 стр.);
- (3) производственные темы (около 150 стр.).

Эти три линии строго не разделены, подсчет страниц — более или менее условен.

Если к производственным темам писем-дневников прибавить деловые производственные документы, то примерно 225 стр. имеют отношение к заводу (собственно научные документы — отчеты, программа — в этот подсчет не включены).

Можно указать следующие проблемы и темы заводской жизни 1980–1981 гг., так или иначе освещенные на этих 225 стр.

Ремарка: как это называлось.

Нижеследующий перечень интересен как опыт проблемной «тематизации» производственной реальности в «смешанном» — официально-научном, партийно-хозяйственном и обыденно-деловом — языке (жаргоне) того времени. (Сентябрь 1999).

...1) Проблема недостатка исполнительской дисциплины и порядка на производстве (в частности, проблема недостатка заинтересованности и ответственности в работе среднего и низового управленческого звена).

2) Проблема самоорганизации, прямых производственных связей между рабочими как обычного способа достижения производственного результата в условиях неповоротливости управленческой машины.

3) Тема товарищеской взаимопомощи, в частности, доброжелательства и бескорыстной помощи новичку, в рабочей среде.

4) Проблемы освоения новой техники на производстве (реальные препятствия и трудности: рассогласованность действий различных заводских служб; брак изготовителей; брак транспортировщиков; брак установки; брак инженерной подготовки производства; бюрократизм; «разгильдяйская стенка»).

5) Проблема безынициативности и «ведомственного» отношения к делу различных функциональных служб завода (технологи, ремонтники, НОТовцы).

6) Тема рабочего мастерства и рабочей инициативы, сдерживаемой административным безразличием и недостатком уважения к рабочему со стороны работников среднего и низового управленческого звена.

7) Проблема недостатка «чувства хозяина» у рабочих на производстве (неумение ставить вопросы перед администрацией, наивные формы «давления» на администрацию, не проявляющую достаточной заботы об обеспечении нормальных условий и организации труда).

8) Проблема бестактного, неуважительного отношения администрации к труду и мнению рабочих (зачастую — лишь делают вид, что советуются с рабочими, не информируют о касающихся их решениях и действиях администрации).

9) Проблема низкого качества работы технологической службы.

10) Проблема низкого качества работы ремонтно-механической службы.

11) Проблема безответственности администрации в выполнении своих обещаний относительно оплаты труда рабочего.

12) Тема самообучения новичка, как способа овладения профессиональным мастерством.

13) Проблема формализма в социалистическом соревновании, в частности, в принятии социалистических обязательств (без настоящего совета с рабочими).

14) Проблемы низкого качества инженерной подготовки производства при запуске новых технологических процессов (ошибки, обходящиеся непроизводительными затратами труда и материалов на изготовление непригодной оснастки, на исправление «запроектированного» брака и т. п.).

15) Тема партийной поддержки индивидуального нравственного и ответственного поведения.

16) Тема бескорыстной рабочей поддержки делу освоения новой техники.

17) Проблема недостаточной вовлеченности рабочих в дело управления производством (при создании видимости их участия в принятии производственных решений).

18) Тема показной общественной активности в условиях недостатка организованности и порядка на производстве.

19) Проблема формализма и показухи в организации коммунистических субботников.

20) Проблема непроизводительных трат рабочего времени, внутрисменных простоев и неиспользуемых резервов рабочего времени (особенно у повременщиков).

21) Тема социальных эффектов личного примера бескорыстного и увлеченного (коммунистического) отношения к труду.

22) Проблема рассогласования действий различных управленческих и функциональных служб, при недостатке заинтересованности каждой из них в конечных результатах коллективного труда.

23) Тема подчинения интересов дела личным (в частности, карьерным) соображениям у определенной части хозяйственных руководителей (среднего звена).

24) Проблема нерационального использования рабочего времени, особенно в коллективах служащих (на примере ОГТ).

25) Тема профессионального мастерства и опыта кадровых рабочих на фоне превращения ИТР в «снабженцев» и «порученцев».

26) Проблема дезинформированности рядовых рабочих относительно решений и действий администрации.

27) Проблема перекладывания ответственности за производственные неполадки сверху вниз и «захвата» компетенции (прав) снизу вверх.

28) Проблема «варварского» обращения с техникой вспомогательных (в частности, транспортировочных, такелажных) служб.

29) Проблема распространенности бессодержательных, алкогольных форм проведения досуга в рабочей среде.

30) Проблема показухи, например попыток представить новое оборудование уже внедренным, когда в действительности еще много неполадок.

31) Проблема неполной производственной загрузки, особенно — нового оборудования.

32) Проблема формализма в производственной, профсоюзной демократии.

33) Проблема бюрократизма в оформлении, обсуждении и принятии рационализаторских предложений.

34) Тема рабочей технической инициативы, в частности — самостоятельной рабочей технологии, обеспечивающей получение «конечного результата» и своевременное выполнение плановых заданий.

35) Проблема подчинения интересов дела интересам личного или ведомственного престижа, самолюбия и т. п. у определенной части инженерно-технических работников при решении конкретных производственных вопросов.

36) Тема резервов роста производительности труда, раскрываемых бригадной организацией труда и оплаты, при сдерживании этого роста существующей системой тарификации и нормирования труда.

37) Проблема необоснованного пересмотра технических норм и расценок, без учета мнения рабочего коллектива.

38) Тема раскрытия организационных талантов у рабочих-бригадиров и формирования положения, при котором рабочие действительно становятся хозяевами на своем рабочем месте и в своем коллективе.

39) Проблема возникновения производственного брака и отношения к нему рабочих, с учетом практических требований производства.

40) Проблема низкой исполнительской дисциплины, дезорганизации в работе низового и среднего управленческого звена (более высокие управленческие звенья теряют деловой контроль над производственной ситуацией, бригадные коллективы обеспечивают выполнение программы за счет собственной организационной и технической инициативы и сверхурочных работ).

41) Проблема назревших потребностей развития производственной демократии и привлечения рабочих к заинтересованному участию в управлении производством. <...>

А. Алексеев, апрель-октябрь 1984

4.3.2. По поводу так называемых «статей политически вредного содержания»

**Из «Объяснения-комментария к отдельным фрагментам и страницам материалов личного и научного архива А. Н. Алексеева 1980–1981 гг. (для партийной комиссии Ленинградского горкома КПСС)»
(ноябрь 1984)**

<...> 1. «Письма Любимым женщинам» — полушутливое название хронологически упорядоченного собрания личных, деловых и научных документов, составляющих мой персональный архив за период 1980–1981 гг. Собственно **личные** документы (дневники и письма) занимают в нем около половины объема. Эти документы не являются «статьями» и не предназначались мною для общественного использования. Фактически такого использования они и не имели.

2. Письма (они же — дневники), кроме сугубо личных, интимных моментов, затрагивают также **научные** вопросы, которыми автор тогда занимался, и **общественные** проблемы, с которыми сталкивался. Однако я не претендовал (да и не мог претендовать!) — в письмах или дневниках — на законченное решение какого-либо научного вопроса или всестороннее освещение той или иной общественной проблемы. Эти письма — эмоциональны, субъективны, хотя сами описания событий в них фактологически точны.

3. Поскольку в доверительном дружеском общении не может не выражаться, так или иначе, жизненная (нравственная, партийная, гражданская) позиция человека, равно как и черты его характера (например, склонность к самоиронии или хвастовству, «открытость» или «замкнутость»), постольку личные письма (тем более — дневник!) являются своеобразным автопортретом. При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что мои взгляды и убеждения, выраженные в этих личных документах, **не расходятся** ни с моими публичными выступлениями, ни с жизненной практикой, которая на виду.

4. Мне органически чужды огульное отрицание или «очернение» той социальной действительности, которая является **моей** действительностью, той общественной среды, в прогрессивное развитие и совершенствование которой я стремлюсь внести и свой посильный вклад. Внимательный текстологический и контекстуальный анализ моих дневников и писем показывает, что там этого и нет.

5. Конкретные производственные наблюдения 1980–1981 гг., которыми густо насыщены мои дневники и письма, достаточно точно (хотя, разумеется, локально и бегло) фиксируют, в частности, наметившиеся к тому времени негативные тенденции в развитии нашего производства. На нали-

чие таких тенденций в начале пятилетки было со всей определенностью указано тов. К. У. Черненко на последнем заседании Политбюро ЦК КПСС: «Реалистически оценив ситуацию, партия выработала действенные меры, направленные на преодоление негативных тенденций, ускорение экономического роста» (Правда, 16.11.84).

6. Я категорически отказываюсь принять обвинения в измышлениях о генеральной линии партии, в оценке советской пропаганды с клеветнических позиций, в оскорбительных отзывах о рабочем классе (в этом перечислении ограничиваюсь лишь формулировками справки Управления КГБ). Конкретный текстовый материал «Писем...» не дает оснований для таких порочащих меня утверждений.

7. Как и всякий личный документ, не предназначенный для общественного использования, мои дневники и письма не претендуют на завершенность всякой мысли, на взвешенность всякой формулировки. Не настаивая на верности всякого своего наблюдения или правоте всякого высказывания, я утверждаю лишь правду своего поиска, искренность стремления к разрешению наболевших проблем с партийных позиций, бескорыстие личных усилий, предпринимаемых в этом направлении.

8. Думаю, что ложное истолкование личных документов не в последнюю очередь связано с заранее сложившимся у первых посторонних читателей [*имеются в виду сотрудники КГБ. — А. А.*] ошибочным представлением, что человек, писавший эти письма, имеет вредные политические намерения и совершает антиобщественные поступки. Для последующих читателей [*имеются в виду заводские партийные функционеры. — А. А.*], видимо, был значим авторитет первых (хотя не исключены и просто трудность восприятия и проистекающие отсюда недоразумения).

9. Утверждение одного из моих критиков о моем якобы «идейном разрыве с последовательным коммунистическим мировоззрением»⁴ мне представляется голословным и безответственным. Мои дневники и письма 1980–1981 гг. (тем более — в контексте всей жизни и профессиональной деятельности, на каком бы поприще эта деятельность ни разворачивалась) оснований для такого вывода не дают. Это противоречит и моему самосознанию коммуниста.

Надеюсь, что в сочетании со всем остальным, что мне приходилось писать и говорить в связи с обвинением в написании «статей политически вредного содержания» и т. п., настоящее объяснение внесет, наконец, понимание и ясность в этот вопрос.

Ремарка: «...что когда писал ты и к чему...»

Можно было бы сегодня пространно комментировать этот авторский «комментарий 1984». Но: «...пусть другие здраво и рассудят, что когда писал ты и к чему...» (Л. Мартынов).

⁴ Имеется в виду эксперт ЛО Союза журналистов СССР и Ленинградского горкома КПСС, декан факультета журналистики ЛГУ В. Г. Комаров. Текст его заключения см. в главе 8: раздел «Союз журналистов очищает свои ряды»

Ниже — продолжение «Объяснения-комментария...»: тогдашние пояснения социолога-испытателя к отдельным фрагментам «Писем...». Здесь сохранены подзаголовки документа 1984 г. (Сентябрь 1999).

Отношение к рабочему классу

По всей видимости, из справки, подписанной начальником УКГБ ЛО тов. Полозюком, возникла легенда о том, что я якобы «оскорбительно отзываюсь о рабочем классе». Затем эта формулировка варьировалась во всех остальных официальных документах.

Не знаю, как записан в протоколе комиссии партийного расследования цеха мой ответ на вопрос: «Как Вы относитесь к рабочему классу?». Но я ответил то, что повторяю сейчас: «К рабочему классу отношусь с уважением, а сейчас и сам являюсь рабочим. Но это не исключает возможности критического отношения к тому или иному человеку, независимо от того, является ли он рабочим или нет».

Еще до обращения к моим дневникам и письмам возникает какая-то несообразность: если человек пренебрежительно относится к рабочему классу, то почему он дважды на протяжении своей жизни (первый раз было в 1960-х гг.) вдруг, по собственной инициативе, становился рабочим (из литературных сотрудников газеты — вальцовщиком, из научных сотрудников института — наладчиком). Даже тов. Комаров отмечает, что «Алексеев... не считает понижающим его социальный статус рабочего». Не только «не считаю», а саму постановку такого вопроса (чей статус «выше» — рабочего или социолога) нахожу неправомерной и удивляюсь, что тов. Комаров себе такую постановку вопроса позволяет.

При ближайшем рассмотрении 700 стр. текста оказывается, что упомянутое обвинение строится на том, что зам. механика цеха (формально, кажется, он числится рабочим) в личном письме, впрочем, без упоминания фамилии, назван «придурком с домкратом». <...> Зато уважительных и благодарных высказываний о моих товарищах по труду (рабочих) по всему тексту — бесчисленное множество.

Вот — критических, резких, иронических замечаний об инженерно-технических работниках, в частности о работниках технологических и ремонтных служб завода, с безынициативностью и безответственностью которых мне пришлось столкнуться при внедрении нового оборудования, действительно немало. Но они — пока что — не рабочий класс. <...>

Что такое «разгильдяйство»?

На стр. 14–15 «Писем...» говорится о «разгильдяйстве», как своеобразном синдроме (сочетание признаков) незаинтересованного, некомпетентного и безответственного отношения к делу, примерами которого не так уже бедна наша производственная жизнь (и наблюдавшаяся мною в 1980 г., в частности). С моей точки зрения, «недостаток порядка» на производстве — это объективный результат, складывающийся из множест-

ва «разгильдяйств». Это зло надо изучать, искать ему социально-экономические причины, преодолевать, устранять условия для его воспроизведения.

Здесь же (стр. 15) говорится, что «разгильдяйство» — это не просто определение отдельного человека, а социальное качество, иногда превращающееся в «концепцию жизни».⁵

С особенно яркими примерами такого разгильдяйства я столкнулся на первых порах в лице работников ремонтно-механической, технологической служб, небрежность и халатность которых резко тормозили освоение нового оборудования (дело, которое мне было поручено). <...>

[Здесь опущены цитаты из соответствующего письма. — А. А.]

Все это — не только в дневнике. Резкая критика недостатков инженерной подготовки производства высказывалась мною на партийном собрании цеха в декабре 1981 г.

<...> Критика бывала и персональной. <...> Такой критики работники отдела главного технолога, по моему мнению, заслуживали.

(Кстати, не далее как в октябре 1984 г. директором завода издан приказ «Об исполнительской дисциплине», где применены жесткие санкции, в частности, к руководителям технологических служб, за халатность в подготовке производства, примерно аналогичную той, с которой я столкнулся в 1980–1982 гг.).

В связи со всем сказанным, в моем дневнике 1980 г. можно встретить резкие, язвительные замечания в адрес некоторых хозяйственных руководителей среднего звена. Думаю, когда эти люди получили доступ к моему архиву, они смогли узнать себя (хоть фамилий там и нет).

Не отсюда ли в последней партийной характеристике появилось утверждение, что А. «оскорбительно высказывался о рабочем классе и хозяйственных руководителях» (про отношение к рабочему классу — мною здесь уже сказано). Было бы по меньшей мере странно, если б на партийном собрании я отдельных «хозяйственных руководителей» критиковал, а в дневниках и личных письмах пел им дифирамбы.

Лучшее лекарство от «разгильдяйства» — народный контроль (о нем лишний раз напомнило Всесоюзное совещание народных контролеров 5.10.84). Надо сказать, что в последнее время порядка на производстве (я говорю о своем заводе) прибавилось. Внедрены некоторые эффективные формы борьбы с «разгильдяйством». Немало способствовал этому набравший силу бригадный подряд.

Игра, наблюдающее участие, моделирующие ситуации

На стр. 193 отмечено *[как требующее объяснений для партийной комиссии. — А. А.]* мое замечание о том, что я «не просто живу, а играю». Таких

⁵ Этот пассаж — о «**системном разгильдяйстве**» (см ранее, в главе 2: раздел «“Формула разгильдяйства” и вынужденная инициатива...») многократно цитировался при обсуждении «дела» социолога-рабочего (1984–1985), а также позже — в СМИ (1987–1988) Сначала — как пример «антисоветизма», потом — как пример «социальной пронциательности»

замечаний (и развернутых рассуждений на эту тему) в моих дневниках и письмах немало; именно это — попало в список отмеченных, пожалуй, случайно. Но в конечном счете, за этим стоит предположение о какой-то «нехорошей» игре либо о том, что вообще «игра» есть что-то нехорошее.

Вообще, «игра» в науке или для науки, в частности, социальной, есть дело вполне серьезное и достойное. Напомню лишь о «деловых играх» в экономике и науке об управлении. Да и в житейском обиходе не зря говорят в похвалу, а не в осуждение: «работать играючи», т. е. с удовольствием, «в охотку», с полной отдачей.

Сейчас для объяснения данного случая мне придется привести фрагмент из своей последней научной статьи. (Я уже предлагал партийной комиссии ознакомиться с этой статьей.)

Ситуация исследовательского «погружения» (*в новую социальную среду, в данном случае — в жизнь завода, цеха. — А. А*) сама по себе открывает богатое поле для интрапективного анализа. Это не традиционный психологический самоанализ, а то, что уместно назвать социологическим или социально-психологическим самонаблюдением. Иначе говоря, анализ мотивационной и поведенческой структуры собственной деятельности в связи с деятельностью окружающих, в определенной среде. Здесь практическая деятельность и рефлексия (*размышление, осмысление. — А. А*) неразрывны. В определенных ситуациях это может переплетаться с игровым моментом...

Сама жизнь экспериментатора в таком случае превращается в своеобразную «социодраму», которую надо сочинить, срежиссировать и сыграть, будучи постоянно готовым к импровизации.

Дав в упомянутой статье хронологическое описание событий в рамках предпринятого научно-практического эксперимента (кстати, описание, опирающееся на материалы тех самых писем и дневников, которые сейчас обсуждаются), социолог-испытатель пишет:

Понятно, что предусмотреть заранее подобное развитие событий было бы немислимо (да это был бы уже и не эксперимент). Далеко это и от канонов включенного наблюдения (предполагающего предельную социальную мимирию, отказ исследователя от нарушения естественного хода вещей). Не случайно мы определили наш опыт другим термином — **наблюдающее участие**. Последнее предполагает активную позицию «социолога-испытателя» в процессе научно-практического овладения ситуацией.

Суть наблюдающего участия (в отличие от включенного наблюдения) видится как раз в деятельном вмешательстве в «нормальное» течение жизни, с наблюдением и осмыслением также и реакции среды на целенаправленные, избирательные (а иногда и импровизационные) общественные шаги исследователя. Особое место здесь занимает исследовательский прием, условно названный нами методом **моделирующих ситуаций**. Под моделирующей ситуацией понимается ситуация, отчасти организованная самим исследователем из естественных ситуационных предпосылок, в целях «обнажения», «заострения», в этом смысле — моделирования исследуемого социального явления или процесса...

Знакомясь с «летописью» эксперимента, читатель мог заметить, что в своей социально-производственной практике автор искал пути «на лезвии бритвы» между «допустимым» и «недопустимым» в данном социально-нормативном контексте, стараясь обеспечить **совмещение интересов дела, личности и исследования**. Разумеется, ни одна исследовательская тактика не должна абсолютизироваться...

Все эти соображения, в первом приближении, изложены мною в личных письмах друзьям-коллегам. Пожалуй, не удивительно, что — в письмах — они остались не понятыми людьми посторонними.

Кстати, едва ли не любой деловой, производственный документ из Приложения 4 может рассматриваться и как «игровой». Но итогом-то является надежно работающий станок, успешно внедренная технология (не говоря уж о проведенном исследовании).

«Моделирующие ситуации» могут быть — общие и частные, реальные и прожективные (условно предполагаемые). С одной из прожективных моделирующих ситуаций, отраженных в дневнике, вышел у моих критиков конфуз, так до конца ими, пожалуй, и не осознанный.

«Болт, который можно вынуть»

На стр. 57–58 «Писем...» описан эпизод, имевший место в феврале или в марте 1980 г., в период, когда я, вместе со специалистом, приглашенным с другого завода, предпринимал первую попытку наладить новое оборудование.⁶

Неожиданно прорвало пневмосистему пресса и не оказалось запасной части (специальной винтовой пробки), которую пришлось заменить обыкновенным болтом, осторожно ввернув его в пневмоцилиндр. Помощи от ремонтной службы цеха в приведении пневмосистемы в порядок получить ни тогда, ни после не удалось. (И этот болт уже пять лет стоит в качестве пробки!)

Дальше в дневнике идет рассуждение о психологии рабочего-производственника, который вынужден «на живушку» обеспечивать работу своего оборудования, и о его моральном праве в любую минуту «вынуть этот свой болт», чтобы потребовать, наконец, качественного ремонта. Рассуждение строится от первого лица, и слова «порексифицируем» или «смоделируем ситуацию» остались моими критиками или не замеченными, или не понятыми. (Во всяком случае, у меня потом всерьез спрашивали, вынимал ли я этот болт.)

Это и есть пример **прожективной** моделирующей ситуации. Такую модель можно сравнить с фантастическим рассказом, где реалистический анализ заостряется введением одной (всего одной!) фантастической предпосылки.

Но вот затронутые в этом фрагменте **реальные** проблемы производства уже отнюдь не фантастика. Не фантастика, что рабочие-эксплуатационники зачастую вынуждены сами изготавливать кустарные приспособления. Не фантастика, что с этими приспособлениями оборудование иногда работает надежнее, чем после «квалифицированного» ремонта специалистов. Весьма разнообразен и возможный круг мотивов, по которым рабочий-оператор может настаивать на исправлении поломки или, наоборот, пренебречь неисправностью.

Некоторые из этих мотивов, очевидно, неизвестны моим критикам. Например: положено производить планово-предупредительный ремонт. Он откладывается. Конечно, рабочий может работать «до аварии». Но это дорого обойдется и ремонтникам, и ему самому, и производству в целом.

⁶ См. ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...»

Ведь «аварийность» ремонта скажется на его качестве. Чтобы достигнуть полезного для производства результата, рабочий-эксплуатационник может не предупреждать различными ухищрениями маленькие «аварии». Пусть она (такая авария) будет — по этому случаю выполнят ремонт, и тем самым будет предвосхищена авария большая, настоящая.

Бывает, что такие ситуации используются и в корыстных целях.

Я-то своего болта 5 лет не вынимал (только один раз — 10 ноября 1984 г. — для показа в партийной комиссии, чтобы было ясно, наконец, о чем идет речь). А бывает, что и вынимают...

История с «болтом, который можно вынуть» представляется поучительной не только с точки зрения анализа реальных производственных проблем, но и с точки зрения выявления источников тех недоразумений, которые могут возникнуть при чтении чужих писем.

«Измышления о генеральной линии»

Едва ли не самым серьезным обвинением является то, почему я в своем дневнике (письме) называл поперечину траверзы своего станка — главной линейкой, самой главной линейкой, генеральной линейкой и иногда даже писал то одно, то другое из этих слов с прописной буквы.⁷

В справке УКГБ ЛЮ утверждается, что Алексеев «в иносказательной форме допускает измышления о генеральной линии партии». Я, конечно, мог бы спросить, какие именно утверждения о «генеральной линейке» координатно-револьверного пресса отнесены на счет генеральной линии КПСС, уж не то ли, что она «искривлена»? Может быть, названы какие-либо конкретные «искривления»? Мне лично такие предположения чужды. Но не стану ловить моих оппонентов на слове. Давайте разберемся.

Сначала — цитата из многотиражной газеты «Трибуна машиностроителя» (10 сентября 1982 г.):

Всю систему координатного стола перебрали по винтику, некоторые узлы копировального устройства изготовили заново, заодно и частично усовершенствовали. Правда, искривленную двухметровую основную линейку (поперечину траверзы) пришлось отправить на другой завод (для ремонта. — А. А.). Наконец, «памятник» ожил...

Тут эта линейка названа основной (нет «измышлений»!). Но в дневнике, наряду с точными техническими расчетами и описанием того, как выяснением кривизны «главной линейки» была обнаружена тщетность и даже вредность всех предшествующих попыток подогнать остальные узлы координатной системы станка под эту ее кривизну, — ведется и философское рассуждение, строится своего рода модель духовно-практического овладения человека миром. «Притча» о генеральной линейке... Усмотрели намек.

<...> Мое отношение к действующему до сих пор и пока медленно перестраивающемуся хозяйственному механизму вовсе не является апо-⁷

См ранее, в главе 2: раздел «Притча о Генеральной линейке»

логетическим. Думаю, что критичным оно должно быть и у всякого коммуниста, имеющего отношение к сфере производства.

Свою точку зрения на этот счет мне приходилось высказывать в интервью для журнала «ЭКО», писать в «Литературной газете». Причем я не принадлежу к людям, которые ничего не предлагают «взамен», точнее — в развитие уже имеющихся на этот счет партийно-государственных постановлений. (См., например, предложения в Госкомтруд СССР в Приложении).

Здесь уместно напомнить слова, прозвучавшие на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС:

Мы в своем общественном развитии подошли сейчас к такому историческому рубежу, когда не только назрели, но и стали необходимыми глубокие качественные изменения в производительных силах и соответствующее этому совершенствование производственных отношений. Это не просто наше желание, товарищи, это объективная необходимость, которую нам, как говорится, не объехать и не обойти (речь тов. Ю. В. Андропова).

Возвращаясь к собственно «технической» модели (предложенной мне самой жизнью), скажу, что ради одной только конкретной аналогии ее строить было бы незачем. Модель, как уже сказано, имеет более общий, философский смысл.

Это — попытка уяснения и разработки методологии **духовно-практического** (в отличие от чисто познавательного) овладения действительностью. В решении своих конкретных, жизненных, творческих, производственных и т. д. задач человек «в снятом виде» повторяет искания всего человечества (об этом, кстати, сказано на стр. 181–183).

<...> Хочу думать, что с этим вопросом теперь ясно. Если бы я вздумал не в личном письме или дневнике излагать эту идею, я бы поискал терминов и выражений, исключающих возможность нездоровых ассоциаций (которые, как вижу, возникают у некоторых читателей, когда они встречают «знакомые» слова).

Внутренняя противоречивость массового сознания

В акте партийного расследования от апреля 1984 г. мне приписывается заявление, что «социалистическому массовому сознанию присущ ши-зофренизм». Таких заявлений в моих дневниках и письмах, разумеется, нет. Но судя по отмеченным фрагментам, имеется в виду одно замечание, сделанное по поводу поистине «мифологического» отображения некоторых общественных явлений в сознании рабочего-пенсзионера, который некоторое время был моим соседом по рабочему месту.

Вот в таком контексте и написано: «Шизофренизм массового сознания, признаться, куда симпатичнее цинизма сознания общественного» (стр. 101).

Действительно, предрассудки, некритическое восприятие слухов и т. п., свойственные определенной категории людей (носителей «массового сознания»), не столь отвратительны, как цинизм показухи (о чем здесь уже говорилось).

На стр. 143, уже в более общем плане, говорится о внутренней противоречивости массового сознания, черте, свойственной таковому сознанию вообще, и в условиях нашего общества в частности. Это реальный феномен, изучаемый социологами и социальными психологами. Механизмы указанного явления заслуживают раскрытия, а крайние, уродливые проявления требуют преодоления.

Разумеется, замечания на эту тему в дневниках и личных письмах не претендуют на полный охват сложной проблемы, но и не дают повода для обвинений в «оппортунизме и ревизионизме» (пользуясь терминологией тов. Комарова). <...>

А. Алексеев, 10–19.11.84

...Правда, несколько парадоксально, что письмо, адресованное конкретному человеку и потому допускающее преувеличение, недоговоренности, условности, приобретает со временем большую характеристическую ценность, чем взвешенные тексты, предназначенные для публикации. Секрет, видимо, в том, что в письмах сохраняются эмоциональный и интуитивный компоненты, которые необходимы для целостной картины, но которые в научных изложениях принято изгонять...

Р. Г. Баранцев. На пути к единому знанию / А. А. Любищев. Наука и религия. СПб.: Алтейя, 2000, с. 7.

4.4. «Я вспоминаю...»

...Человеческая жизнь свершается лишь однажды, и потому мы никогда не сможем определить, какое из наших решений было правильным, а какое — ложным. В данной ситуации мы могли решить только один-единственный раз, и нам не дано никакой второй, третьей, четвертой жизни, чтобы иметь возможность сопоставить различные решения.

Милан Кундера («Невыносимая легкость бытия»)

4.4.1. *Мой первый редактор (Нина Максимова) А.*

Алексеев — А. Базникину и З. Вахарловской (1986)⁸

Дорогие Кузьмич, Зина!

Посылаю вам документальную информацию о своих последних событиях.

<...> Как вы знаете, едва ли не главным обвинением в мой адрес в справке УКГБ ЛО, в партийном расследовании и т. д. были дневники и письма — так называемые «Письма Любимым женщинам», изъятые при обыске в 1983 г.

Ну, у автора-то изъяли, а у моих корреспонденток они остались... И вот, безо всякого моего участия, один из комплектов «Писем...» попал в ру-⁸

Анатолий Кузьмич Базникин (1928–1990) — природоохранитель, помощник лесничего Северного лесничества Кавказского государственного заповедника Зинаида Глебовна Вахарловская — супруга

А Базникина, фенонаблюдатель в том же заповеднике

ки NN, журналистке из сибирского научно-публицистического журнала. Ее очерки на производственные темы мне приходилось читать, и я их высоко ценю.⁹

Мои «клеветнические» материалы ее заинтересовали. Скандальную историю этих писем она знала от владелицы их полного комплекта.¹⁰

Пройдясь по тексту мзстерской и бережной рукой, нисколько не «сглаживая углы» и, словно нарочно, сохранив все «идеологически вредные» пассажи, NN подготовила их к публикации в журнале, назвав: «Театр жизни на заводских подмостках (дневники-отчеты друзьям)».

Вот такая назревала «пощечина общественному вкусу»!

Я, признаться, растерялся, когда узнал. Взяв командировку от журнала, мой добровольный редактор приехала в Ленинград, чтобы согласовать текст предполагаемой публикации с автором. И заодно — информировать местные партийные власти о намерениях журнала: «Иду на вы!». Что и сделала, посетив Смольный.

Ну, партийные органы этим демаршем напуганы не были... Ленинградский ОК КПСС несколько дней спустя благополучно отклонил мою очередную апелляцию. Но не испугалась и журналистка из Сибири: «Будем печатать! Ставите ли Вы, А. Н., свою подпись?».

Невозмутимая инопланетянка!

И тут я вдруг... отказался от ее предложения. Что-то удержало. Может, собственные прежние заявления, что эти письма — не для печати... Может, нежелание еще больше обострить ситуацию... NN с пониманием встретила мой неожиданный отказ.

Я и сейчас не уверен, что поступил правильно. А вы как думаете? <...>
Ваш Андр. Ал.

[Не позже сентября 1986 г. — А. А.]

4.4.2. Ты сам свой высший суд?

[Еще одно письмо, на ту же тему, копия которого обнаружена мною недавно среди бумаг архива. Апрель 1999. — А. А.]

А. Алексеев — Р. Рывкиной (июль 1986)

Дорогая Инна!

Утренний телефонный разговор, собственно, уже согласовал наши позиции насчет возможной публикации «Писем...» в журнале «ЭКО». Мне показалось важным составить и некое резюме своих соображений на этот счет. Вот очищенная от подробностей схема развития событий. 1. В 1980–1981 гг. некто, социолог-рабочий А., реализуя свои познавательные (исследовательские), экзистенциальные (нравственные, в опре-⁹ Речь идет о

Нине Константиновне Максимовой, в ту пору — корреспонденте журнала «ЭКО» (Новосибирск)

¹⁰ Имеется в виду Розалина Владимировна Рывкина, в ту пору жившая в Новосибирске

деленном смысле) и игровые (отчасти — эстетические) мотивы, пишет полуинтимные, полупубличные письма-отчеты друзьям о своем эксперименте. Он собирает их в одну папку и дарит всем адресатам («Письма Любимым женщинам»).

Никакой публикации этих посланий автор, понятно, не предусматривает...

2. Еще тогда его вдруг посещают «Страдания доктора Петруччио», и он запрашивает своих корреспонденток о нравственной позволительности своего поступка: дарение текста письма, адресованного конкретному человеку, также и другим лицам (хотя бы все были — Друзья и Любимые).

3. В 1983–1984 гг. это собрание писем (дневников, «жизненных свидетельств»), будучи изъято при обыске <...>, квалифицируется государственной организацией *[УКГБ ЛО. — А. А.]* как некое рассчитанное на массовое восприятие и потребление произведение: собрание «статей» и т. п. «Письмам...» дается соответствующая идеологическая и политическая оценка.

К этой зубодробительной оценке присоединяются всевозможные общественные организации, членом которых А. состоит.

4. Еще два года спустя происходит определенная переориентация, эрозия прежних критериев оценки. Но политические ярлыки на «Письмах...» сохраняются. А., уже сумевшему к тому времени доказать, что дневники и личные письма — не статьи и т. д., пока не удастся, однако, добиться общественной переоценки их содержания.

5. Озабоченные именно такой переоценкой (и вообще — судьбой социолога-рабочего) друзья и общественно отзывчивые люди предпринимают тогда шаги, сопоставимые разве что с усилиями издателей «Мастера и Маргариты»...

В частности, Н. *[Н. К. Максимова. — А. А.]*, журналист экстракласса, в 1986 г. берет на себя «негритянский» труд подготовки публикации писем-отчетов А., под названием «Театр жизни на заводских подмостках», в сибирском (а по существу — всесоюзном) журнале. В этом бережном и оригинальном исполнении «эпистолярное хулиганство» становится действительно чем-то вроде социологической публицистики.

6. Даже этот профессиональный и гражданский подвиг к тому времени еще не знакомой автору Н. — меркнет перед обаянием целостной личности, совершившей этот поступок (при поддержке и помощи других пре красных людей...).

Однако в середине июля А., при встрече со своим добровольным редактором, приехавшей в Ленинград, вдруг... отказывается от публикации почти готовой рукописи.

7. Мотивы А., пожалуй, не конъюнктурные, а моральные: все же это дневники и письма, а их вроде неуместно публиковать «при жизни»... Мотивы не очевидные (мне понадобились сутки, чтобы расшифровать этот «внутренний голос»).

Авторский отказ встречен с пониманием добровольным редактором, чей дар принят, хоть труд вроде и пропал...

А. в этом решении поддерживают несколько ленинградских друзей. (Хотя есть и противоположное мнение, не единично представленное в дружеском кругу.)

8. Между тем Н., будучи в Ленинграде, информирует местные партийные органы о цели своего визита (согласование с А. текста публикации) и об отказе автора от напечатания «Писем...», по указанным выше мотивам.

Несколько дней спустя бюро Ленинградского обкома КПСС, обсудив апелляцию А. к партийному съезду [XXVII съезд КПСС. — А. А.], не находит оснований для пересмотра его «дела» и снятия политических ярлыков, в частности, с «Писем Любимым женщинам».

9. А. отдает себе отчет в своего рода «экстравагантности» своего шага (отказа от публикации), к чему (непредсказуемости его шагов) официальные инстанции никак не привыкнут. (А вот друзья почти привыкли...). И впору начаться теперь... терзаниям от собственной непоследовательности.

Сложившаяся ситуация этически действительно не однозначна: если на дневники (их публикацию) может наложить «вето» сам автор, то письма, строго говоря, принадлежат адресатам. Между тем в варианте, подготовленном к печати Н., последние и вовсе за кадром...

10. Тогда А., со свойственной ему моральной изошренностью, говорит: я накладываю вето только на **мою** публикацию. Но я не могу воспрепятствовать собственникам этих писем (к коим теперь безоговорочно от ношу и Н. !) распоряжаться ими по своему усмотрению.

Им же (моим адресатам) не надо спрашивать — у кого бы то ни было — разрешения на **свои** публикации, с использованием любых отрывков, кусков и даже целых писем А...

Ремарка: с «героем» советоваться не надо!

Некоторое время спустя именно так поступили московские журналисты Л. И. Графова («Литературная газета») и А. Э. Головков («Огонек»), которые тексты своих публикаций об эксперименте и «деле» социолога-рабочего, включающих фрагменты его писем, со своим героем вовсе не согласовывали. (Декабрь 1999).

...11. Пикантность такого «извива мысли» состоит в том, что А. как бы готов перейти из статуса «автора» в статус «героя». Бог знает, какая из двух амбиций менее скромна... Но в данном случае для меня приемлема лишь последняя.

Техническое исполнение подобного варианта [«публикация о...» — А. А.] обсуждалось с Н. в Ленинграде. Это потребовало бы от нее еще дополнительного труда, но, пожалуй, меньшего, чем уже затрачен моим самоотверженным редактором.

12. Вот, кажется, и все, что требовалось сказать для прояснения самому себе и Тебе этой (надо же!) опять «тестовой» ситуации — жизненного **выбора**.

...Твое защитное письмо в Ленинградский обком партии мне настолько дорого, что не выражаю этого словами. Полагаю, что оно было также и эффективным: нынешняя ситуация на бюро ОК существенно отличалась от предыдущих.

Хватит ли нашей с Тобой жизни на ее (ситуации) полное преобразование — увидим. (Как замечал А. Грамши, личный пессимизм вполне может сочетаться с историческим оптимизмом.)

<...> Это письмо — не секрет от кого бы то ни было. От наших общих друзей — Тебе приветы.

Твой Андр. Ал., июль 1986

P. S. [*на отдельном листе. — А. А.*]

Инна!

Вчера был день рождения Юры (45 лет!), и в тесной компании друзей я показал еще не отправленное письмо к Тебе. Всех этих людей Ты знаешь... Степень взаимного доверия здесь такова, что не страшна эта пронзительная откровенность оценок. Вот дословная запись их отзывов.

Володя: Когда женщина (это он — про меня! — А. А.) хочет отдаться, она обязательно сделает это, и при этом найдет способ сохранить верность своему мужу.

Юра: Я бы поздравил Володю, что внутренний самообман другого он чувствует точно. А. поступил бы более честно, если бы согласился на публикацию.

Володя: Публиковать надо, невзирая ни на какие танцевальные «па» А. Неважно как.

Валерий: А я солидарен с А. !

Сергея: Я тоже принимаю его аргументацию. Обнимаю и целую Инну — в протокольном стиле письма А., ориентированного на внешнего потребителя.

[Действительно, в личном письме к Р. Р. заметна «автоцензура». — А. А.]

Юра: А. не дал себе труда разобраться в собственной мотивации. Мне кажется, он в чем-то и почему-то, по неизвестным пока еще для меня причинам, обманывает себя...

...Ну, вот и «материализовались» ленинградские приветы Тебе, пусть по частному, конкретному поводу.

[Эти приветы передавали: Юрий Анатольевич Щеголев, Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Владимир Никифорович Павленко, Валерий Дмитриевич Глухов; все четверо — социологи. — А. А.]

Я все же остаюсь при том, что сформулировано на предыдущих страницах.

Эту приписку можно показать только Нине... *[Имеется в виду Н. Максимова. — А. А.]*

Андр. Ал., 27.07.86

[По современному свидетельству участников того разговора, их высказывания были записаны — «по горячим следам» — точно. Но возник вопрос: «надо ли» сегодня, здесь, обнародовать их? Мои внутренние рецензенты говорят: «Рискни!». Рискую. — А. А.]

Ремарка: что сделано, то сделано... Не объясняй!

Мой внутренний рецензент Виктор Дудченко¹¹ заметил, по другому поводу, но здесь это замечание будет, пожалуй, кстати:

«Объяснение своих поступков бессмысленно, обсуждать можно только их описания, которые, хотя иногда и могут повернуть поступок другой стороной, но собственного содержания не имеют и чаще всего могут оправдать затраченное на них время только более подробной разработкой той теории, в терминах которой они сделаны.

Теперь - собственно поступок. Выпустив его в свет, нет смысла заботиться о его якобы «адекватном» представлении. В случае ошибки ты только увеличиваешь гряду мусора после краха (тут чем быстрее - тем лучше). А если ошибки нет, то твой поступок, как твой честный порученец, и без тебя проживет. В. Д. 6.01.2000».

От себя же замечу сегодня: тогдашний (середина 1986 г.) отказ от публикации «Писем...» в журнале вызван скорее не «этическими», а конъюнктурными соображениями.

Вряд ли партийные функционеры «простили» бы социологу-испытателю столь явный, публичный вызов. Между тем в ту пору он претендовал все же доказать свою «лояльность» и пытался избежать обострения отношений с обкомом. (Февраль 2001).

Самооправдание

Как странно мне читать глазами Свой лепет, смолкнувший в былом... А тут еще из дома в дом Броди за беглыми листками!

Что в жизни разделял, бывало,
Далекий, долгий переход -
Идя к читателю, попало

В один и тот же переплет... Но
прекрати пустые речи. Сдавай-ка томик
свой в печать: Наш мир - клубок
противоречий, Тебе за них не отвечать!

Гете. 1814. (Цит. по: И. В. Гете. Избранные произведения в двух томах. Том 1. М.: Правда, 1985, с. 60).

4.4.3. Перечитываая рукопись (современные авторские ремарки)

Ремарка 1: скрещение жизненных путей

Как причудливо и неожиданно - для самого автора - пересекаются порой пути действующих лиц (героев) этой книги!

...Вот пишу я в 1986 г. из Ленинграда своим друзьям А. Базникому и З. Вахарловской, живущим (тогда) на Кавказе, о значимой для себя встрече с новосибирской журналисткой Н. Максимовой... Которая об эксперименте социолога-рабочего узнала от адресата моих «Писем...» - живущей (тогда) в Новосибирске Р. Рывкиной. (Тут пока - ничего удивительного...)

¹¹ См о нем ранее, в приложениях к главе 1: раздел «Социологический случай на реке Ануй...»

...Но вот уже десять лет, как нет в живых Анатолия Кузьмича Базникина.¹² Зинаида Вахарловская — ныне — жена автора этих строк. А дальше...

Просматриваю еще раз свой архив... Вдруг обнаруживаю копию давнего письма в редакцию журнала моего ленинградского друга — Анатолия Гавриловича Солипатрова.

Поводом для этого письма послужила публикация в «ЭКО» (1985, ¹ 12) очерка «Бригады на перепутье (заметки об экономике и нравственности)»:

«Уважаемая редакция!

Очень надеюсь, что этот мой отклик на удивительно тонкую и глубокую публикацию Н. Максимовой «Бригады на перепутье», за которой, мне кажется, отчетливо виден умный, глубоко порядочный, компетентный и чуткий человек (поверьте, это не штампованные вежливости, а, по крайней мере для меня, это как глоток чистого воздуха — сразу на душе светлей и надежда крепче), Вы передадите автору. <...> А. Солипатров 8.12.85»

Затем А. С. обращается непосредственно к автору очерка:

«Уважаемая Нина Максимова!

Мне кажется, что в Вашей работе ничего ни прибавишь, ни убавишь, но я все же попытаюсь высказать свое мнение. Если оно где-то будет по мысли совпадать с Вашим текстом, то не сочтите это попыткой примазаться и подлететь, это искреннее желание быть в Вашем полку и постараться укрепить Вас в Вашей позиции.

А мысли это мои собственные, нигде не вычитанные и давно складывающиеся у меня в сознании... Но сперва два слова о себе. Я слесарь. Мне 58 лет. Образование мизерное. Вот и вся моя анкета.

А теперь — по тексту Вашего очерка...».

Письмо А. С. к незнакомой ему Н. М. — на 43 машинописных страницах...¹³

Проходит еще 10 лет...

И вот: Нина Максимова, мой первый редактор и несостоявшийся «издатель», публикует в «Новой сибирской газете» (1994) очерк под названием «Встретимся через 900 лет (О семиодинамике, которая вчера была «идеологически вредной», а сегодня стала «гостьей из будущего»)». Этот очерк посвящен... другому моему другу и действующему лицу этой книги — Рэму Георгиевичу Баранцеву!¹⁴

И дальше...

Вот такое скрещение жизненных путей и судеб... Тесен мир! (Январь 2000).

Ремарка 2: «вторая жизнь» писем социолога-рабочего.

Несколько слов о дальнейшей судьбе «писем-дневников-отчетов», изъятых при обыске в 1983 г.

Автору пришлось подождать пять лет, пока он, уже успевший стать (после многочисленных публикаций в СМИ о нем) «прорабом перестройки», потребовал возврата своей «личной собственности» у Управления КГБ по Ленинградской области. И упомянутые письма, вместе со всеми остальными «компроматами», были ему возвращены, в декабре 1988 г.

¹² См о нем в приложениях к части 2: раздел «Памяти друга (Анатолий Базникин)»

¹³ Об А. Г. Солипатрове см в приложениях к главе 5: раздел «Хоть рабочий и слесарик, но весь завод — повременщик...»

¹⁴ См о нем в главе 8: раздел ««Дело Баранцева» Интермедия» и др разделы

Только в этом экземпляре уже отсутствовали (были стерты, вытравлены?) фломастерные или чернильные пометки на полях и подчеркивания тех «одиозных» мест, которые так активно цитировались — во всех разбирательствах «дела» социолога-рабочего.

Прошло еще почти десять лет, и эти письма были напечатаны: сначала брошюрой — «Наблюдающее участие и моделирующие ситуации» (1997), потом — в составе книги «Драматическая социология» (1997), затем — в журнале «Звезда» (1998).

Одна из адресатов «Писем...» — Ирина Прусс — опубликовала рецензию на «Драматическую социологию» в журнале «Знание-сила» (1999).

А другая из адресатов — Тамара Дридзе — пожатуй, исчерпывающе ответила на вопрос: прав ли был автор, уклонившийся от «расширения своей аудитории» десять лет назад?

Из письма Т. Д. от 23.11.97:

«...Думаю, что твой отказ от публикации в 80-х был правильным... В ту пору она (публикация. — А. А.), скорее всего, была бы воспринята поверхностно, просто как еще одно «диссидентское» выступление... Сейчас же, как ни странно, все описанное не только актуально, но и ощущается как определенная компенсация ностальгической «мечты о прошлом».

Возникает интерес к деталям, желание почитать книгу спокойно и внимательно, кое-что перечитать...».

Мой «заинтересованный, компетентный и ответственный» (вспомним «формулу разгильдяйства»!) читатель усматривает ценность современной публикации этих писем именно во «**временнАи дистанции**, позволяющей комментировать те события так, как вряд ли бы получилось (наверняка не получилось бы! — А. А.) тогда...».

Спасибо, Тамара! (Декабрь 1999 — май 2000).

* * *

Памяти Тамары Дридзе

Эта книга уже готовилась к передаче в издательство, когда из Москвы пришло трагическое известие о безвременной кончине, 31 октября 2000 г., **Тамары Моисеевны Дридзе**.

Мы подружались с Тамарой Дридзе более 30 лет назад, и для меня, как, думаю, и для всех, кто ее знал, профессиональное и личностное общение с ней было постоянным духовным и душевным обогащением, радостью взаимопонимания, сопереживания и сотворчества.

Ее самобытный вклад в развитие отечественной социологии представляется выдающимся. Начав свой путь в науке с анализа содержания массовой коммуникации и исследования социальных и психологических закономерностей порождения и смыслового восприятия текстов (60–70-е гг.), Тамара Дридзе стала зачинателем по существу новой научной отрасли, на стыке ряда гуманитарных дисциплин, — семиосоциопсихологии.

За этим последовала теоретико-методологическая и научно-практическая работа в широком спектре проблем образа жизни, социальной коммуникации, социального управления и прогнозного социального проектирования (70–80-е гг.).

Отсюда она, уже признанный лидер междисциплинарной научной школы, продвинулась к глубоким социологическим и социально-философским обобщениям и к смелой и плодотворной попытке прорыва к новой парадигме социологического знания (90-е гг.).

Тамара Дридзе успела, в последние годы своей жизни, представить выношенные ею за 35 лет научной деятельности синтезирующие социально-гуманитарные идеи, в частности — обосновать экоантропоцентрическую модель социального познания как путь к преодолению современного парадигмального кризиса в социологии.

Это сделано в серии ее программных статей в ведущих отечественных социально-антропологических и социологических журналах: «Человек», «Социологические исследования», «Общественные науки и современность» (1994–2000).

Труды Т. М. Дридзе несомненно войдут в золотой фонд отечественной психосоциальной, гуманитарной науки.

Я же успел (еще не зная, как недолго ей оставалось жить) получить согласие Тамары на публикацию в этой книге давних писем к ней социолога-рабочего, равно как и извлечений из ее собственных трудов, очень для меня значимых.

...Открываю информационный сборник Института социологии РАН 1998 г. и нахожу в нем выполненную самой Тамарой Дридзе презентацию возглавлявшегося ею научного направления: «Социальная коммуникация и социальное управление: экоантропоцентрические и семиосоциопсихологические основания». Там есть такие строки:

«...Наше направление исходит из того, что социологии нужна не только новая парадигма в «большой теории», но и новая стратегия гражданского служения обществу, т. е. непосредственно практического применения в повседневной жизненной практике. Она сочетает теоретическую работу и эмпирические исследования с вмешательством в процессы выработки, принятия и реализации управленческих решений на основе социальной коммуникации между гражданами и органами государственного управления...» (Институт социологии. М.: РАН, 1998, с. 59).

Сегодня это звучит как научное и жизненное завещание. Его надо исполнять!
Светлая и благодарная память Тебе, дорогая Тамара!
1.11.2000.

4.5. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации

Ремарка: может ли письмо быть статьей?

В порядке исключения, в эту главу, хронологически ограниченную первой половиной 80-х, включена работа, написанная не тогда, а только что, и опубликованная в сборнике: XII Любимцевские чтения. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000.

В ней, среди прочего, — попытка **теоретического** ответа на когда-то злободневный (и даже — «практически-политический!») вопрос: было ли представленное выше сочинение — «Письма Любимым женщинам» — «письмом», «дневником» или «статьей»? (Апрель 2000).

1. В структуре процесса человеческой коммуникации традиционно выделяются: субъект-источник коммуникации; содержание коммуникации; ее форма; ее средства (знаковые, технические, институциональные и др.); адрес (субъект, которому коммуникация адресована); эффекты. Коммуникация осуществляется в определенном контексте (ситуации, среде — социальной, исторической, культурной и проч.). Если коммуникация является целевой (т. е. субъект преследует цель, в которой «отдает себе отчет»), можно говорить об эффективности коммуникации (в смысле соответствия результата цели).

Различают личную (адресованную вполне определенному, персональному адресату) и массовую (адресованную анонимной аудитории) коммуникации, аксиальную («осевую») и ретиальную («сетевую»), монологическую и диалогическую коммуникации. Существуют и иные классификации процесса.

2. Здесь не станем углубляться в вопросы теории коммуникации и общения, где вышеуказанные понятия фигурируют в разных соотношениях и используются в построении разных социальных моделей. Сосредоточимся на индивидуальной коммуникации (т. е. такой, где субъектом-источником выступает индивид, личность, **лицо**) и, в частности, на фунда ментальном различении ее возможных **адресов**.

Таковыми адресами могут быть: сам субъект-источник коммуникации (коммуникация самому себе); другое лицо (индивид, личность); аудитория (другие лица, группа, общность). Будем называть первый случай **коммуникацией самому себе**, второй — **коммуникацией другому лицу** и третий — **коммуникацией для других**.

3. От этих общих определений перейдем к рассмотрению конкретики вербальной коммуникации личности, в частности, коммуникации, воплощенной в письменном тексте. Здесь для каждого потенциального адреса может быть усмотрен «классический» тип текста, характеризующийся своими содержательными и формальными особенностями, используемыми средствами, а также иными параметрами. Назовем эти типы: **дневник** (коммуникация самому себе); **письмо** (коммуникация другому лицу); **статья** (коммуникация для других).

4. Сначала некоторые «очевидные» черты и определения. **Дневник** по преимуществу монологичен; это аксиальная коммуникация; дневник сугубо личностен, импровизационен; он может быть насыщен фактами («записная книжка»), переживаниями, размышлениями («ауторефлексия»); может быть регулярным или эпизодическим, воспроизводящим последовательность событий («хроника») и отражающим движение чувств или хода мысли («поток сознания»). Можно далеко продолжать перечисление вариаций. Принципиальным для нас является то, что дневник в любом случае обращен главным образом к самому себе, в этом его смысл и «организующее начало».

5. **Письмо** — тоже лично и, как и дневник, есть аксиальная коммуникация; оно может содержать фактическую и эмоциональную информа-

цию; письмо может быть сугубо «информационным», «исповедальным» или «поучающим»; оно может быть посвящено обстоятельствам собственной жизни и жизни другого или других, а также обсуждать вовсе не личные обстоятельства; как правило, письмо «реактивно», т. е. откликается на предыдущие сообщения адресата («переписка»); оно может быть «целевым» и «бесцельным» (совершенно спонтанным); письмо *par excellence* — это **разговор**, оно не монологично, а диалогично (т. е. рассчитано на реакцию собеседника). Вот в этой диалогичности и состоит его (письма) принципиальная особенность, проистекающая из специфики адреса: **другое лицо**.

6. **Статья** — наиболее условное из использованных нами выше обозначений «эталонных» типов текста. Ибо «коммуникация для других» может иметь множество ипостасей, среди которых, например, почти все жанры делового, журналистского, научного сообщения. Такая коммуникация адресуется **аудитории**, иногда специфизированной, иногда массовой. В ней (статье) особенно ярко выражена целевая функция и по необходимости минимизирован личностный момент. Здесь не меньшее разнообразие вариаций, чем в предыдущих родах письменных сообщений. Достаточно сказать, что художественная (литературная) коммуникация (в различных отношениях антиномичная — будь-то деловой, будь-то научной) есть тоже «коммуникация для других». Но для целей последующих типологических сопоставлений нам удобна именно «статья».

7. Является ли наша систематизация «адресов» человеческой коммуникации полной, их перечень (на данном уровне обобщения) — конечным? Нет. Ибо возможна еще коммуникация не «к себе», не «к другому» и не «к другим», а к некоей «надчеловеческой» сущности: коммуникация «к Богу», «к Высшему существу», «к Универсуму»; именно индивидуальная, по субъекту-источнику, коммуникация, но апеллирующая к чему-то или к Кому-то, кого (чего) или нет, или есть, но Он (оно) принципиально непостижим (непостижимо).

Да и в рассмотренных ранее формах коммуникации могут присутствовать элементы такого трансцендентного общения: обращение к умершему или к еще не родившемуся, к «предкам» или к «потомкам». Само по себе адресование «к человечеству» может иметь общие черты с молитвой, обращенной к Небу.

8. Нами выделены и обсуждаются три «формы» индивидуальной (субъект-источник), вербальной (знаковые средства), письменной (материальный носитель) коммуникации, принципиально различающиеся по своему адресу (себе; другому; другим), обозначенные (по избранным для нашей модели «эталонным» типам текстов) как **дневник**, **письмо** и **статья**. Более или менее понятна специфика этих категорий текстов. (Вышеприведенные характеристики далеко не являются исчерпывающими.) Но самым интересным и перспективным — для последующего анализа — является прояснение взаимосвязей, взаимопереходов и взаимодополнительности этих форм.

9. Можно предположить, что здесь имеем дело с **системной триадой** (в смысле Р. Баранцева), поскольку каждый из вышеназванных концептов, по-видимому, соотносим (разумеется, не жестко и не однозначно!) с тем или иным элементом универсального семантического архетипа: интуицию (дневник), эмоцию (письмо), рацию (статья). В таком случае, исследование соотносительности всех трех форм становится не узкопредметной, а философской, эпистемологической задачей.

10. И логически, и исторически письмо является, по-видимому, «формой» индивидуальной письменной коммуникации. Оно зарождается как закрепленное в «письменах» личное послание, впрочем, очень рано совмещающееся (переплетающееся) с посланием «также и» к другим, а в пределе — «ко всем, кто его прочитает», не сегодня, так в будущем. Вместе с тем, это также есть **само-выражение**, а стало быть — хотя бы в потенции — присутствуют и элементы самокоммуникации.

Вообще, человек — существо общественное, и его обращение к себе невозможно без осознания себя как «одного из» себе подобных. Отсюда, кстати, приоритет диалога над монологом — не только «логически», но и «исторически» оправданный.

11. При ближайшем рассмотрении, не только в «письме» могут быть обнаружены элементы как «дневника», так и «статьи» (напомним про условность нашей терминологии!). Но и в любой из названных форм индивидуальной письменной коммуникации можно усмотреть — актуально представленные или потенциально мыслимые — черты остальных. Иначе говоря, понятия «перетекают» друг в друга.

По-видимому, правомерно выделение типов-«кентавров»: письмо-дневник; письмо-статья; статья-дневник. Здесь не станем приводить известные примеры, которыми богата история культуры.

12. Особенно интересно совмещение «имманентных» черт всех трех форм индивидуальной коммуникации в конкретном тексте, иногда при обретающее достоинство синтеза. При этом обычно форма специфична, а содержание — универсально. Например, исповедальное открытое **письмо**, или **дневник**, который субъект не требует уничтожить после своей смерти, или **статья**, вроде «Дневника писателя» Ф. Достоевского.

Вообще говоря, такие синтетические жанры особенно распространены и сознательно используются в художественной литературе, публицистике, философии. Однако и в обыденной дневниковой и эпистолярной практике можно встретить — будь-то синкретизм, будь-то синтез всех трех форм.

13. Наконец, существует опыт овладения механизмом такой взаимной связи форм индивидуальной письменной коммуникации, когда, например, человек, пишущий **письмо** конкретному лицу, делает это также и «для себя» или/и отдает себе отчет в том, что его личностное послание может обрести также и других читателей. Или: человек пишет дневник или письмо, сознавая, что потом он «перепишет» это как статью. (Инте-

ресно, что невозможно обратное движение: лишнее подтверждение того, что «обращение к другим» вырастает на базе обращения к другому или к себе, а не наоборот.)

14. Нам известно немного примеров **сознательного** взаимодополнения и совмещения форм дневниковой, эпистолярной и «статейной» (научной и проч.) коммуникации. К таким примерам безусловно относится феномен А. А. Любищева (1890–1972), общекультурное значение которого еще далеко не полностью осмыслено, однако, благодаря усилиям его младших современников, имеет шанс стать одним из «услышанных» посланий человечеству в XXI век.

15. Автор настоящих тезисов полагает, что в теории индивидуальной письменной коммуникации — в намеченном здесь аспекте — пока еще непочатый край работы. Но стоит ли «дожидаться», пока такая теория будет построена, а затем станет достоянием социологических или психологических учебников? В дневниковом и эпистолярном наследии как «великих», так и «рядовых» людей (кстати, ставшем в последнее десятилетие предметом все возрастающего общественного внимания) нам видится как богатейшее поле для исследования, так и сокровищница коммуникативного опыта, черпать из которой — и «без учебника!» — может каждый.

(А. Н. Алексеев. Дневник, письмо и статья как соотносительные формы коммуникации / XII Любищевские чтения (Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 2000)

...Есть письма-сообщения (деловые и дежурные), и есть письма-воплощения. Потребность же в воплощении — самая обычная, и самое обычное средство ее удовлетворения — слово (быть может, потому-то в силу общности, оно и самое человеческое средство: «человек» на санскрите — говорящий слова). Стремление к воплощению становится предсудительным, когда забывает о своей общности и рядится в исключительность.

...Сверхзадача письма-воплощения не в реакции читателя. Оно вообще вроде бы пишется себе. Адресат в нем как будто не более чем «сюжетная» фигура, способ организации речения к себе. Но только вроде бы и как будто. Ведь в этом речении я тщусь не примерить по случаю, чтобы предвосхитить (как при знакомстве), а приживить себе глаза другого, и увидеть мир и себя его глазами столь же «натурально», как своими. И если мое тщание не тщетно, если сообщаемость каналов восприятия достигает степени их полной открытости, фильтры эгоцентризма, при примерке для предвосхищения сохраняющиеся, — устраняются. Мое «я» уже не торчит передо мной, озбоченное желаемой реакцией. Оно уходит на периферию восприятия и переживания, как и другой в его «друговости» маячит где-то на заднике сцены, а на авансцене погружение себя в другого и другого в себя — единство. Разговор с собой оказывается тогда разговором **собой**, себя забывшим: мною говорит единство, и я не более, чем его гортань...

Анри Кетегат (О письме-воплощении, или «пересекающиеся круги». Рукопись, 1984)

Глава 5. Человек и его работа: вид изнутри

Несколько вступительных слов

В предыдущей главе автор позволил себе забежать вперед, осветить некоторые общественные реакции на свое «эпистолярное хулиганство» начала 80-х и последующую судьбу «Писем Любимым женщинам». Читатель теперь уже кое-что знает о приключившихся с социологом-испытателем в 1983–1986 гг. драматических событиях.

Последовательный рассказ о «деле» социолога-рабочего еще впереди. Пока же вернемся в 1982-й год, в будни продолжающегося исследования производственной жизни изнутри, когда упомянутое «дело» еще не предугадывалось. (Сентябрь 2001).

Хорошо увиденное частное может всегда считаться общим.

Гете (@)

Один цветок лучше, чем сто, передает природу цветка.

Ясунари Кавабата (@)

Созерцание мира умными глазами стоит любой
миросозерцательной глубины.

Ф. Степун

5.1. «Материя» производственных отношений, данная нам в ощущениях

[Ниже — «открытое письмо», адресованное друзьям — «интеллигентам-рабочим» (январь 1982).

Конкретными адресатами были: Сергей Михайлович Розет (ныне покойный), Юрий Анатольевич Щеголев, Анри Абрамович Кетегат, Гурий Иванович Забелкин (ныне покойный), Эдуард Петрович Кудрявцев.

Публикуется в сокращении. — А. А.]

Дружище!

Я хочу обратить внимание на одну уникальную особенность нашего с Тобой социального опыта.

Не так мало философов и социологов успели в своей жизни побывать рабочими. Но это было где-то в начале их трудового пути (т. е. для наших ровесников — в 50-х или 60-х гг.). Реалии же социалистического производства настоящего времени могут быть восприняты ими только сквозь призму их нынешнего, не рабочего жизнеощущения. Другого актуального опыта (если отвлечься от современной интеллигентской моды на «шабашки») они не имеют.

Мы — имеем! И не стоит недооценивать это обстоятельство.

Существует «память мускулов», восстанавливающая физические навыки и через десятки лет, если человек это прежде умел. Существуют «зарубки сердца», удерживающие в нем способность вздрагивать при встрече с чем-то близким, пусть оно отдалилось со временем. Я апеллирую к «интеллектуальной привычке», которая может быть ослаблена при недостатке тренировки, но вряд ли утрачена совсем.

Такая привычка мало распространена (конечно, есть и исключения!) в кругу рабочих, к которому мы сейчас принадлежим. Но эта привычка, смею утверждать, является достоянием нашей прошлой жизненной практики.

Итак, мы оказываемся обладателями редкого среди современных гуманитариев актуального социально-производственного опыта, с одной стороны. А с другой стороны — носителями не частого среди людей физического труда профессионального опыта социально-аналитической деятельности. В этом оригинальном сочетании и состоит наша с Тобой особенность.

Неважно, из какого стечения жизненных мотивов и обстоятельств возникла такая ситуация. Важно осознать ее как ситуацию морально обязывающую.

Какие еще «моральные обязательства»? Перед кем? Уж не перед Обществом ли? Или перед Наукой? Ну, не будем высоко замахиваться. Пусть это будет обязательство хотя бы друг перед другом.

Каковы наиболее вероятные перспективы «профессионального» отображения нашей с Тобой социальной и трудовой повседневности? Представь себе солидную монографию под названием «Человек в системе производственных отношений развитого социализма» (М., Наука, 198...). Или антологию публицистических очерков под названием «Герои одиннадцатой пятилетки» (М., Политиздат, 198...). Представил? Ну, то-то! Я предпочел бы прочитать Твой **производственный дневник**. Наверное, и Тебе мой дневник был бы небезынтересен.

Это, пожалуй, самое скромное из общественных дел, выходящих за пределы житейских интересов, сиюминутных забот, текущей обыденщины. Сделай это, ну, не для потомков, а, скажем, для меня. «Ты меня уважаешь»?

В своей попытке учредить эдакий «Клуб социологической самостоятельности» социолог-рабочий (кандидат философских наук и наладчик координатно-револьверного пресса) преследует также одну «корыстную» цель. Пока не утерев профессиональных социологических интересов, я ищущ возможности сверить свои наблюдения с соответствующими наблюдениями коллег, располагающих сходным социальным опытом.

Хочется, хотя бы в ограниченных пределах, проследить меру сходства и различий в положении человека в системе производственных отношений — для различных трудовых коллективов и социально-производственных ситуаций. Приняв при этом в качестве базы для сопоставления — **взгляд изнутри** этих ситуаций. Уважаемая Тобой и мной академическая наука, скорее всего, сочтет такое сопоставление «не корректным». Но ведь на то и «самодетельный клуб»!

Я изложил свои мотивы, которые, надеюсь, Тебе не чужды. Теперь — ЧТО конкретно предлагается.

Чтобы не слишком обременять себя, решительно сузим задачу.

Давай возьмем любые шесть недель подряд (условно — полтора месяца) из 3-месячного периода: апрель-июнь 1982 г. Я хотел было предложить какой-то строго фиксированный хронологический отрезок. Но раздумал — не соотнобразовывать же с этой затеей графики наших отпусков.

Пусть будут у каждого «свои» шесть недель. Лишь бы примерно в одно и то же историческое время. И — подряд (без пропусков!). За этот промежуток времени, заранее выбранный Тобой в пределах второго квартала 1982 г., произойдет все, чему положено произойти с человеком... за 240 рабочих часов (чуть меньше, если попадутся майские праздники; а скорее — больше, за счет сверхурочных).

Будут:

— текущие производственные задания и закрытие нарядов; аванс и получка; поиск работы и «бегство» от работы; труд и похмелье; брак скрытый и явный; рабочее собрание и, может быть, даже коммунистический субботник; отношения с мастером; срезанные расценки; сломанный инструмент; производственные конфликты и товарищеская взаимовыручка; аврал и отгул, а может, прогул или, наоборот, здоровая производственная инициатива.

Все это и есть «материя» производственных отношений, данная нам в ощущениях. Вот ее-то, эту материю, я и предлагаю для моментного снимка. Удобнее всего назвать это производственным дневником или **хроникой**.

...Я беру тетрадь ценой 20 коп. В ней 48 листов. Если я положу нам с Тобой затрачивать, ну, скажем, полтора листа на каждый рабочий день, то одной такой тетради хватит на все шесть недель.

Однако нужны какие-то критерии выделения предметов и сюжетов для описания. Предложу следующие принципы.

Принцип первый.

Область внимания — **человек в системе производственных отношений**. Именно «человек в системе», а не человек и система, как таковые. Зачем лезть в душу — даже близким людям? А за Системой подглядывать в щелку не надо. Она и так нас с Тобой не стесняется. Ходит «в неглиже»...

Поэтому воздержимся от описания тех моментов функционирования Системы, к которым за эти шесть недель мы не оказались лично причастны (с которыми так или иначе не соприкоснулись, в которые не были бы вовлечены). Равно как и оставим «за кадром» те моменты собственной жизни в этот период, которые непосредственно не вписаны в социально-производственный контекст.

Принцип второй.

Повседневную жизнь можно представить состоящей из процессов и событий. Или (как посмотреть!) из деятельности и поступков. Поступки и события — своего рода «узлы» на ниточке жизни. Ну, это — вообще

говоря... Но и в пределах отдельно взятого отрезка времени (пусть это всего одна рабочая смена!) мыслимо различать события (поступки) и процессы (деятельность). Только масштаб, понятно, меняется...

Событие — в пределах дня — это то, что совершается не каждый день. Оно относительно кратковременно и всегда наделено каким-то смыслом. А **процесс** — нечто отграниченное (или прерываемое) событиями. Процесс всегда имеет длительность (и иногда не имеет смысла!). Универсальная мера длительности обозначена на часовом циферблате.

То же можно сказать о деятельности и поступках. Называя как хочешь. Думаю, что в жизни большинства людей поступков меньше, чем событий...

[Автор здесь имеет в виду, что «процессы» и «события» — это то, что происходит с человеком, а «деятельность» и «поступки» — это, что он (человек) сам совершает. — А. А.]

Так вот, всякое событие, происшедшее в течение рабочего дня, заслуживает хотя бы краткого описания в твоей хронике. А всякий процесс должен быть назван и хотя бы приблизительно отхронометрирован. Не надо с точностью до минут, хотя бы — до получаса.

(Как я убедился на личном опыте, методика не хитрая. Память довольно точно воспроизводит набор случившихся за день событий и продолжительность процессов, если не откладывать записи более чем на сутки. В большей ретроспективе возникают неизбежные потери информации.)

Принцип третий.

И все-таки, кроме этих «объективных» критериев, должен быть еще какой-то субъективный — критерий значимости, что ли. Кирпич на голову упал — событие или не событие? Может, для Тебя и не событие, если каждый день падают... Тут я предлагаю принцип **ориентации на заинтересованного адресата**.

Таким адресатом для меня являешься **Ты**, а для Тебя — **Я**. Вспомни наши взаимные расспросы, освященные интересом к личности и ситуации. В таком случае, событием оказывается также и то, что для Тебя, может быть, обыденно, а для меня, как Ты считаешь, — нет.

Отсюда, отображая в своей хронике события и процессы каждого из 30 рабочих дней — учитывай, ну, пусть персонально мою социальную заинтересованность (как Ты ее себе представляешь).

Принцип четвертый.

Производственная жизнь складывается из множества не только социальных и социально-психологических, но и технико-технологических подробностей. Исключить их из описания было бы неверно. Ведь это — сама «материя» и реальность производственных отношений! А коли так, придется технические подробности объяснять.

Мне бы не пришло в голову пояснять для Тебя в своих записях, скажем, назначение штангенциркуля. Но уже, к примеру, какое значение имеют прямоугольность заготовки для пробивки листовых деталей на

координатно-револьверном прессе, Ты знать не обязан. А если мне из-за этого приходится чуть не каждую партию заготовок самолично разбраковывать, то это уже — процесс (скорее «процесс», чем «событие»!). И я должен позаботиться о доступности для Тебя своей информации.

Итак, по возможности, обеспечим друг другу **понятность** своих записей. Скучать над Твоими я, в любом случае, не стану. Но — чтобы мне их не разгадывать, как шарады...

Вот, собственно, и все критерии:

а) ограничение области внимания (человек в системе производственных отношений);

б) определение «единиц» отражения (события дня — описываются, процессы — называются и хронометрируются);

в) ориентация на заинтересованного адресата (читателя);

г) обеспечение доступности для другого (технически не совсем без грамотного) человека.

Особый интерес для всякого рабочего представляет социально-экономическая сторона производственного бытия. Так, например, если Ты можешь подсчитать, сколько за данный день **заработал**, не забудь сообщить об этом. И разъяснить, как сделан этот расчет. И вообще: из чего сложилась или как получилась твоя зарплата (если Тебе это понятно).

Есть вещи, которые заслуживают быть отраженными в **преамбуле** к производственной хронике, как некий «фон», исходная информация. В данном случае я имею в виду:

- место твоей работы, характер (тип) производства;
- продолжительность твоей работы на данном предприятии;
- точное обозначение профессии и присвоенный разряд;
- фактическое содержание и квалификация работы;
- минимальные сведения о характере используемого оборудования;
- кому непосредственно подчинен на работе (кто выдает задание);
- круг непосредственного производственного взаимодействия (с кем непосредственно связан в своем труде);
- санитарно-гигиенические условия на рабочем месте;
- величина среднемесячного заработка и диапазон колебаний заработка.

Короче — информация о том, без чего «события» и «процессы» рабочего дня остались бы недоступными для понимания либо потребовали бы излишних комментариев в собственно дневниковых записях. Думаю, такое вступление могло бы занять в тетради листов шесть-восемь (если заполнять обе стороны листа).

Итак: (1) преамбула и (2) собственно производственный дневник. Вот и вся общая структура хроники.

При всей близости наших жизненных позиций и психологической совместимости, мы с Тобой люди очень разные. И это не может не выразиться в индивидуальных стилях наших шестинедельных производственных хроник (коль скоро мы себя на них подвигнем).

Ведь сказано: **человек — это стиль** (как самой жизни, так и ее письменного воспроизведения).

Если бы я попытался предложить более строгую схему (систему) записей, то превратил бы «клуб» в «учреждение», а социологическую самостоятельность — в дополнительную трудовую повинность. Не хочу этого. И оставляю за собой (как и за Тобой!) право **самовыражения** столь же оригинального, каким порой кажется наше самоутверждение.

Предложенные критерии (принципы, ограничения) — это тот минимум условий, согласившись с которыми мы не потеряем возможности сопоставления не только наших отображений, но и самой природы. В сущности, я предложил лишь единый «язык» (или форму) производственного бытописания.

Понятия события и процесса (поступка и деятельности) имеют выгодное для этой затеи качество многозначности. Ведь могут быть и **внутренние** — как события (вспышки мысли или чувства), так и процессы (размышления, переживания). Выплеснется это среди строк деловитого хронометража — нам ли удерживать друг друга!

Но я намеренно ориентируюсь в минимуме — на фактографию, «летопись», хронику. Ибо для нее не нужно ни настроения, ни вдохновения, а просто — сознание, что никто за Тебя такого не сделает. И верность скромному взаимному обязательству (если, конечно, мы его на себя возьмем).

Не нужно и «таланта» (литературного и, пожалуй, даже социологического!). А лишь минимальная (на шесть недель) самодисциплина «мыслящего тростника», растущего на «болоте жизни».

(Между прочим, не знаком ли Ты с записками слесаря-механика А. Г. Солипатрова под названием «Глазами рабочего», опубликованными в 11 6 и 7 журнала «Знамя» за 1979 год? Замечательное своим содержанием и манерой сочинение, посвященное, кстати, тем же сюжетам. Вот где талант наблюдательности и осмысления, социологического по существу! Прочитай при случае. Но нашу собственную задачу я вижу куда скромнее.)

Ну, напишем эти хроники... А дальше что?

В самостоятельных клубах роли председателя и секретаря-машинистки могут совмещаться. Я не уклонюсь ни от той, ни от другой функции. Допустим, мы имеем несколько таких хроник. Я не поленюсь и пять тетрадей перепечатать на своей машинке.

Тогда станет удобно прочитать их все подряд. Обсудим. Осмыслим. Чутьочку поумнем. А может и нет... Но **дело будет сделано!** <...>

* * * Как мне недавно стало известно,

Сенека учил, что человек «должен быть полезен максимально многим людям; если это невозможно, то хотя бы немногим; если и это невозможно, то по крайней мере своим ближним; если даже и это невозможно, то самому себе». Андр. Алексеев, 14.01.82

5.2. Один день наладчика ПКР (Если хочешь, делай как я)

[Ниже — приложение к «открытому письму» друзьям — «интеллигентам-рабочим». Публикуется в сокращении. — А. А.]

Дорогой друг!

Ты размышляешь над моим предложением о «производственных хрониках». А мне захотелось подкрепить его наглядным примером. Если угодно — «методическим пособием» (коль скоро сама идея не будет отвергнута). Ибо что толку в принципах, которые тот, кто их придумал, не умеет применить сам.

Вот Тебе — «только один день» наладчика технологического оборудования на Ленинградском заводе полиграфических машин в январе 1982 г. Он может служить иллюстрацией того, что всякий день жизни несет в себе значимую социальную информацию. Рискуя даже отпугнуть Тебя трудоемкостью затеи, я намеренно сработал «по максимуму», в смысле добросовестности и полноты изложения. Выбор конкретного дня был случаен. <...>

Повторяю, это образец максималистский (хотя бы по объему), и точного следования ему я от Тебя вовсе не жду. Но он может выполнить определенную ориентирующую функцию.

Опыт описания одного дня: 21.01.82 (четверг). С одним «историческим экскурсом»

«Вводная». Этому дню предшествовал многодневный простой. В январе мой станок (пресс координатный с револьверной головкой, сокращенно — ПКР) был загружен всего три полных рабочих смены из истекших 13-ти. Причем исключительно за счет партизанских (неофициальных) заказов бригады В-ва.¹

От выполнения единственного в этом месяце административного производственного задания пришлось отказаться. Потому что заготовки оказались отоварены в габарит детали, а для штамповки данного обозначения на ПКР необходим технологический припуск.

Примерно шесть рабочих смен в январе были использованы мною «для себя». А на этой неделе занялся систематической ревизией адресованных на мой станок техпроцессов (что было начато еще в прошлом году). Предполагал сегодня с утра продолжить это занятие. Но сложилось иначе. (Конец «вводной»).

... Утром от мастера Т-ва поступил официальный заказ на штамповку партии «Ф-...» (100 заготовок на 200 деталей). Это обозначение проходит через ПКР в третий раз.

Стальная панель, толщиной 2 мм, относительно небольших (300×200 мм) габаритов. С серией узких продольных окон (7 штук), пробиваемых каждое за три удара и обрамленных связками 5–6 мм отверстий. Когда-то окна фрезеровали, отверстия (36 штук) сверлили. Куча хлопот была! На моем же станке здесь работы, на всю партию, от силы на полтора дня.

¹ О так называемой «партизанщине» см ранее, в главе 3: раздел «Наладчик и бригада...» И Виноградов там фигурировал под псевдонимом «Лозовой»

* * * «Исторический

экскурс»: злоключения детали «Ф-...».

С этой панелью нашим технологам с самого начала не повезло. Еще в 1979 г. (задолго до запуска ПКР и даже до моего появления на заводе) в ОГТ, не подумавши, разработали техпроцесс, предусматривающий штамповку «Ф-...» на одинарной заготовке без технологического припуска. И инструментальщики изготовили соответствующий шаблон для ПКР. Но такая штамповка технологически невозможна. Ибо тогда половина отверстий приходится на так называемую «мертвую зону» (участок площади, занятый удерживающими заготовку в станке пневмозахимами).

В мае 1980 г. я уже достаточно соображал, чтобы указать на это в своих «замечаниях на техпроцессы». Тогда технологию переделали: так называемая штамповка с переворотом (из одной заготовки — две детали). Проблема «мертвой зоны» при этом, понятно, снимается. Но... забыли пере заказать шаблон!

В итоге, весной 1981 г., когда партия «Ф-...» впервые поступила на ПКР в качестве официального производственного задания, мне пришлось спасти положение изготовлением самодельного шаблона непосредственно на своем станке. Эта аварийная ситуация была отражена мною в «акте производственных испытаний» (апрель 1981).

Но поскольку рабочий **выкрутился**, сумел не сорвать программу, технологи опять не почесались заказать фирменную оснастку (шаблон) инструментальному цеху.

Осенью 1981 г. на ПКР поступила очередная партия этой «Ф-...».

Нельзя сказать, чтобы в технологии ничего не изменилось. Из штамповочной операции оказалась изъята пробивка тех самых окон, где мой станок столь выгодно заменял трудоемкую внутреннюю фрезеровку. Теперь техпроцессом предписывалось штамповать только связки отверстий. С чего бы вдруг?

А дело в том, что эти окна, и без моего станка, вовсе не фрезеровались. В бригаде В-ва в свое время втихую было изготовлено приспособление, чтобы пробивать их на большом прессе, закрывая наряд как на фрезерную операцию (которая оплачивается выше). Сколько можно, тянули, но в конце концов пришлось В-ву подать рационализаторское предложение. То есть — «легализовать» это приспособление (тем самым теряя выгоду от нелегальной штамповки).²

К лету 1981 г. рация В-ва была принята. Но, похоже, не теми инстанциями, которые переводили «Ф-...» на мой станок. И возникла ситуация: надо «отбирать» эти окна у ПКР, чтобы прорубать их, согласно рации, на большом прессе. Отобрали, и ладно! Хотя и технологически, и экономически это не рационально. Да вот беда: приспособление В-ва как раз к этому времени оказалось выведено из строя.

² Распространенная практика самодетельной рабочей технологии обсуждалась ранее, в главе 3: раздел «Наладчик и бригада ("партизанщина")»

Что делать? Пришлось администрации идти ко мне на поклон: уж пробейте Вы и эти отверстия, и эти окна — на своем станке (хоть в техпроцессе записано и другое). А где же ваш новый «фирменный» шаблон? Так ведь Вы в прошлый раз самодельным пользовались...

Пошутив вначале, что ту «временку», кажется, выбросил, я ее, разумеется, «нашел». И так опять выкрутились. Что, опять же, было отражено в очередном моем акте (октябрь 1981). (Конец «исторического экскурса».)

* * * Прошло еще четыре месяца...

И вот сегодня злополучная «Ф-...» опять поступила ко мне на ПКР — **в третий раз.**

Технологическая документация — без перемен. Окна предусмотрено пробивать на большом прессе, с помощью сломанного год назад приспособления. А привязанные к ним отверстия — на ПКР, с помощью выбракованного год назад шаблона! Ну, с нашими технологами и планировщиками не соскучишься...

Чтобы не ходить самому к начальнику тех. бюро цеха К-ной³ — информирую об этой анекдотической, в общем-то, ситуации старшего мастера Т-ва. Но знаю, чем дело кончится. И потому начинаю налаживать станок для штамповки... опять по своему нелегальному шаблону.

По вызову Т-ва из тех. бюро цеха является не Людмила К-на (как бывало прежде), а новый работник цеховой технологической службы, которую я раньше никогда не видел. Рекомендуются «Аллой». До этого работала в ОГТ. И вот теперь переведена в наш цех, насколько можно понять, специально для технологического обеспечения ПКР. Что ж, это первое (и, пожалуй, главное!) **событие** дня.

Информирую свою «новую секретаршу» о единственно возможном, как я понимаю, выходе из положения — в очередной раз воспользоваться самодельным шаблоном. Та уносит техническую документацию — «для решения вопроса».

За полтора часа я успеваю закончить наладку «Ф-...». Технолог Алла все еще «решает вопрос». Торопить ее мне незачем. Хотя бы потому, что в цеховой воздухопроводящей системе давление упало до 4 атм., вместо положенных 6-ти. Это бывает настолько часто, что вроде бы уже и не «событие». Но штамповать детали на ПКР при этом нельзя: пневмозажимы не удерживают заготовку.

На всякий случай информирую об этом сменного мастера Колю Я-ша. Пусть принимает меры сейчас, чтобы станку не простаивать, когда технологи перестанут меня задерживать. И скрываюсь в свой «кабинет» (каморку, которую разделяю с цеховым художником, во время своих простоев).

Художника на месте нет. В предположении, что вот-вот объявится Алла (с «решенным вопросом»), раскрываю книжку бр. Стругацких. Читаю. Проходит еще час. Похоже, она затеяла согласовывать с ОГТ. Ну, это

³ В главах 2 и 3 фигурировала под псевдонимом «Копырина»

надолго... Тогда есть смысл заняться с утра намеченным делом — своей ревизией и инвентаризацией техпроцессов, переведенных на ПКР.

Никто меня не отвлекает. За пять оставшихся до конца смены часов успеваю «обработать» пять техпроцессов. Всего от начала ревизии мною изучено 45 техпроцессов, из общего количества 60-ти, переведенных на ПКР к настоящему времени.

(Работа эта не видная, так сказать, «теневая». Технологом я о ней не докладываю. Зато, когда какой-нибудь новый техпроцесс поступает на ПКР как производственное задание, для меня нет неожиданностей. И я довольно быстро нахожу выход из затруднительных положений, вроде сегодняшнего.)

Этот (требующий напряженного внимания!) процесс включает в себя:

—просмотр всей технической документации, относящейся к изготовлению данной детали;

—вылавливание ошибок в карте штамповки, в частности, путем пересчета координат всех задаваемых в ней позиций (эти координаты должны соответствовать размерам, проставленным на чертеже);

—перенесение всей актуальной для меня технологической информации на отдельную карточку, с указанием тех моментов, которые требуют корректив;

—фиксацию «истории» прохождения данного обозначения через мой станок, включая прежние учтенные и не учтенные замечания наладчика;

—извлечение информации о нормах времени и расценках для ПКР (если таковая имеется).

К концу дня, так и не дождавшись технолога Аллу, наношу ей визит в тех. бюро цеха. Что же решили? Ну, так и есть: просят опять штамповать «Ф-...» по самодельному шаблону. Включая те самые злополучные окна (см. «исторический экскурс»).

Ладно. Да вот только стрелка манометра так и не поднялась. Давление даже ниже 4 атм. Совсем в компрессорной уснули, что ли? У меня-то все давно готово... А врубать станок нельзя. Приходится озадачить этим вопросом уже не сменного, а старшего мастера Т-ва. Хоть уже и ясно, что штамповку «Ф-...» придется отложить на завтра.

Когда разговаривал с Аллой П-ной, заметил у нее на столе раскрытые листы моих давних (еще прошлогодних) актов производственных испытаний. Она занимается их изучением (тоже своего рода «ревизия»!). Значит, допекло-таки отдел главного технолога! Может быть, докатились туда и «волны» моего выступления на партийном собрании в декабре.⁴

До конца дня еще одно маленькое событие. В мою каморку стучится бригадир слесарей Игорь В-в, с очередным партизанским заказом. Говорит, что эту деталь я для них однажды уже штамповал, т. е. есть нелегальный шаблон. Проверив по своим записям, убеждаюсь, что Игорь ошибся (была похожая!). Обещаю заняться этим делом завтра с утра.

⁴ См ранее, в главе 3: раздел «Я вот уже два года здесь работаю...»

После рабочего дня посетил очередное занятие курсов по повышению квалификации. Там начальник заводской лаборатории НОТ К-ль в апологетических выражениях рассказывал о системе Тэйлора, ссылаясь на якобы приветственное высказывание В. И. Ленина на этот счет. Занятие продолжалось 1 час.

* * * Ты скажешь, дружище: «Это невозможно!». Что — невозможно? Вот так **описать** или вот так **прожить** один день? Как видишь, можно — и то, и другое...

Конечно, все это можно было бы записать и покороче. Скажем, так:

21.01.82 (четверг).

Процесс: наладка детали «Ф...» (1,5 час.); «подпольная» ревизия техпроцессов для ПКР (5 час.); чтение худ. литературы (1 час).

События: назначение технолога Аглы Гной специально для обслуживания ПКР; технологическая неувязка с деталью «Ф...»; в воздухопроводящей системе весь день давление было на 2 атм. ниже необходимого; бригадир Игорь В-в обратился с очередным партизанским заказом.

Понятно, сколь многое в таком сокращенном изложении утрачивается. (Даже — для самого себя: ведь забывается же со временем!).

Стремясь представить ситуацию во всем ее полнокровии, я писал здесь не столько для себя, сколько для Тебя. Ориентировался на Тебя как заинтересованного читателя. **Было ли тебе интересно?**

Я старался обеспечить понятность своих записей, опять же для Тебя. **Ты все понял?** И от заданной темы — «Человек в системе реальных производственных отношений» — я, как видишь, не уклонился...

Если хочешь — делай как я!

* * * ...Моя ситуация уникальна.

Но уникальна всякая ситуация, если не сводить ее к внешним обстоятельствам. Если понять, что необходимым элементом ситуации является также Личность. Ситуация (жизненная, производственная — любая!) есть результат актуального взаимодействия личности и среды.

Среда может быть «универсальной», обстоятельства — повторяться. А личность, в отличие от среды, всегда уникальна.

В заключение, еще одно методологическое замечание: не кажется ли Тебе, что «события» и «процессы» могут парадоксально меняться своими определениями? События этого одного дня наладчика ПКР как будто обыкновенны. А вот процессы — необычны (по крайней мере, Тебе — незнакомы...). Думаю, это есть не что иное, как выражение **специфики** индивидуальной ситуации и свидетельство **общности** ситуации социальной.

Для меня могут показаться так же необычны твои повседневные занятия на работе. А «события» — ну что же тут необыкновенного? Ведь **всюду — то же.**

Жму руку.

Твой Андр. Ал., 23. 01. 82.

Ремарка: производственное бытописание.

К сожалению, затея автора собрать и сопоставить несколько «производственных хроник», составленных разными людьми, не удалась. Но свою «Хронику» — написал.⁵ (Сентябрь 1999).

...Что труднее всего? То, что кажется тебе самым легким: видеть перед глазами то, что у тебя перед глазами...

Гете (цит по: К. А. Свасьян. Голоса безмолвия. Ереван, 1984, с. 234) (@)

...И все будет полно глубокого смысла, как полно смысла каждое движение сложного механизма, и все будет странно и, следовательно, бессмысленно для нас, во всяком случае для тех из нас, кто еще никак не может привыкнуть к бессмыслице и принять ее за норму...

Бр. Струзацкий. Улитка на склоне. 1965 (Цит. по: А. Струзацкий, Б. Струзацкий. Улитка на склоне. Л.: Смарт, 1990, с. 102)

5.3. Человек и его работа: вопросы к самому себе

От автора — сегодня

Во второй половине 70-х гг. автору этих строк довелось участвовать в исследовательском проекте «Человек и его работа. 1976», под руководством проф. В. А. Ядова (ИСЭП АН СССР). Было опрошено свыше 4 тыс. рабочих ленинградских промышленных предприятий разных профилей. Результаты этого повторного относительно соответствующего исследования 60-х гг. представлены в многочисленных публикациях.

Я был одним из составителей основного методического документа (вопросник «Человек и его работа», 1976).

Недавно моя коллега (тоже участник этого исследования), докт. социол. наук, проф. Галина Иосифовна Саганенко обнаружила в своем архиве экземпляр этого самого вопросника... с ответами наладчика технологического оборудования Ленинградского завода полиграфических машин А. Алексева, от января 1982 г.

(Признаться, совсем забыл, что «развлек» тогда себя и коллег тем, что «примерил» эту анкету к себе, в качестве рабочего.)

Вот некоторые из результатов этой «ауторефлексии».

«Что Вам нравится в Вашей работе?» Отмечено респондентом: разнообразная работа; работа требует смекалки; не вызывает физического переутомления; удобная сменность; хорошие отношения с товарищами. (Здесь и далее используются аутентичные формулировки анкеты.)

«Что Вам не нравится в Вашей работе?» — Плохая организация труда; неравномерное обеспечение работой; руководство цеха не считается с мнением профсоюзной организации; социалистическое соревнование в цехе ведется формально; рабочие слабо участвуют в управлении производством.

«Каким образом Вы выбрали Вашу нынешнюю специальность?» — Специальность казалась мне интересной; обстоятельства сложились так, что иного выбора не было.

⁵ См ниже: раздел «Выход из “мертвой зоны” Процессы и события»

«Если бы случилось так, что Вам снова пришлось выбирать специальность, то выбрали бы Вы ту, по которой сейчас работаете?» — Да. «Какое из суждений выражает Ваше мнение?» ...

— Нельзя забывать о зароботке, но основное — смысл работы, ее общественная полезность.⁶

«Устраивает ли Вас Ваша теперешняя работа?» — Работой вполне доволен.

«Производительность моего труда зависит...» — прежде всего от меня, но также и от организации труда.

«Качество моей работы зависит...» — аналогичный ответ.

«В какой мере Вы удовлетворены производительностью своего труда?» — Скорее удовлетворен, чем нет.

Аналогичный вопрос о качестве труда: вполне удовлетворен.

«На сколько процентов больше Вы смогли дать продукции, работая с полным напряжением, при условии соответствия заработка трудовому вкладу? (Вашу нынешнюю выработку считайте за 100%)»...

— 100% (мог бы сделать в два раза больше).

«В какой мере Вас удовлетворяют следующие стороны Вашей работы?»

— Состояние оборудования: скорее удовлетворяет, чем нет.

— Равномерность обеспечения работой: скорее не удовлетворяет.

— Размер заработной платы: скорее не удовлетворяет.

— Санитарно-гигиенические условия: скорее удовлетворяют, чем нет.

— Возможность применить свои знания, опыт, творческие способности: вполне удовлетворяет.

— Нормирование труда: скорее не удовлетворяет.

— Отношения с мастером: вполне удовлетворяют.

— Возможность повышения квалификации: не могу сказать, удовлетворяет или нет.

— Возможность участвовать в управлении производством: скорее не удовлетворяет.

«Какое из приведенных ниже суждений выражает Ваше мнение?»...

— Участие рабочих в управлении необходимо, причем в некоторых вопросах за ними должно оставаться последнее слово.⁷

«Чувствуете ли Вы себя хозяином, активно влияющим на положение дел...»

...на своем рабочем месте? — определенно да.

...на своем участке? — пожалуй, да.

...в своем цехе? — трудно сказать.

...на своем предприятии? — пожалуй нет.

«В какой мере приведенные ниже суждения отражают Ваше личное мнение?»

— **Руководители** общественных организаций нашего цеха **пользуются большим авторитетом** среди рабочих. — Совершенно не согласен.

— Как только я прихожу домой, я **забываю о своей работе**. — Совершенно не согласен.

⁶ В анкете предусматривался выбор из 4 суждений, представляющих номинальную шкалу: от абсолютного приоритета заработка до абсолютного же приоритета содержания работы в мотивации труда

⁷ В анкете предусматривался выбор из 4 суждений, представляющих номинальную шкалу: от признания участия рабочих в управлении совершенно излишним до провозглашения необходимости их решающей роли в управлении производством

—**Я всегда получаю большое удовлетворение от своей работы**, от самого процесса ее выполнения. — Полностью согласен.

—Своими **личными заботами я предпочитаю не делиться** с товарищами по работе. — Полностью согласен.

—**Руководство** нашего предприятия **постоянно заботится** о нуждах рядовых рабочих. — Совершенно не согласен.

—По-моему, **решения** профсоюзных собраний чаще всего **не отражают настроений**, мнений рабочих. — Полностью согласен.

—После работы в беседах с друзьями я **часто обсуждаю положение дел на предприятии**. — Полностью согласен.

—Многое из того, что я **вынужден делать** на работе, я никогда **не стал бы делать** по собственному желанию. — Трудно сказать.

—Что бы ни случилось в моей жизни, **коллектив** нашего цеха **всегда поможет мне** в трудную минуту. — Трудно сказать.

—По-моему, интересы руководителей нашего предприятия и рядовых рабочих **чаще всего не совпадают**. — Полностью согласен.

«Довольны ли Вы тем, как сложилась Ваша жизнь?» — Вполне доволен. А. Алексеев, 8.01.82».

*Читатель может сам сравнить эти **формализованные** ответы с картиной, вырисовывающейся из «писем», «производственных дневников» и иных форм «протокола наблюдающего участия». (Декабрь 2000).*

5.4. Выход из «мертвой зоны». Процессы и события

[«Хроника 45 рабочих дней наладчика ПКР, или выход из “мертвой зоны” (1982)» писалась, в соответствии с замыслом «производственного бытописания», предложенным друзьям — «интеллигентам-рабочим» (см. выше).

Некоторые из фрагментов озаглавлены специально для данной публикации. — А. А.]

Уходя в отпуск...

(Счет дням еще не пошел).

В последний рабочий день перед отпуском, 26.03.82, я отнес в партком завода заявление следующего содержания:

В партком ЛЗПМ, секретарю парткома тов. Щекину от члена КПСС с 1961 г., наладчика т/о цеха З Алексеева А. Н.

С настоящим препровождаю Вам копию Предложений по совершенствованию инженерной подготовки обработки деталей на станке ПКР КО-120 и по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки листовых деталей на этом станке.

Начиная со второй половины 1981 г. соответствующие предложения высказывались мною устно. Ввиду безрезультатности устных обращений, были изложены письменно и лично вручены главному технологу завода 3 марта 1982 г.

За истекший месяц никакой реакции не последовало.

С учетом неотложности поставленных здесь вопросов, особенно в свете решений ноябрьского (1981 г.) Пленума ЦК КПСС, прошу партийный комитет завода содействовать ускоренному рассмотрению настоящих предложений. А. Алексеев. 26.03.82

Вышел из отпуска

День первый. 19. 04. 82 (понедельник).

Это первый день после отпуска, длившегося три недели (включая три дня, положенные члену ДНД).

...Вышел из дому, как всегда, с первыми тактами утренней гимнастики по радио (6-15). У входа в метро хватился, что не взял с собой связку ключей (от шкафчика в гардеробе, от своего «кабинета» и от инструментальной кладовой). Пришлось вернуться. В итоге достиг заводской проходной на 10 мин. позже обычного. В это время уже следовало быть на рабочем месте.

Однако быть на месте вовремя в первый послеотпускной день практически невозможно. Начало смены теперь не в 7-20, а в 7-08 (так стало после отмены «черных суббот» в 1981 г., причем рабочий день был увеличен до 8 час. 12 мин.). А бюро пропусков открывается в 7-00, как и прежде. Но именно там следует получить сданный на время отпуска свой постоянный заводской пропуск.

А процедура сдачи и получения обратно постоянного пропуска такова. Пока не сдашь своего пропуска перед отпуском — не выдают отпускных. Но ведь отпускные надо получить, пока еще работаешь. Поэтому на несколько предотпускных дней тебе выдают, вместо постоянного, разовый или временный пропуск, срок действия которого истекает в последний день работы. Во время отпуска ты на завод формально «не вхож».

Но вот ты вышел из отпуска. Чтобы получить обратно постоянный пропуск, предъявляешь свой паспорт, разовый пропуск (впрочем, уже недействительный) и... тут внимание! — справку заводского здравпункта, где написано, что ты прошел после отпуска медосмотр (и «кожных заболеваний не обнаружено»). Когда же ты успел пройти этот медосмотр? А тебе эту справку выдали еще **до отпуска**, в том же бюро пропусков! Справка, кстати сказать, датирована днем выхода из отпуска.

Теперь ты предъявляешь эту справку в бюро пропусков... Тебе возвращают постоянный пропуск и предлагают расписаться в получении его. Причем не где-нибудь, а **на обороте** этой самой справки. Получается, что справка выполняет роль своего рода «квитанции»: сдал пропуск — получи справку о фиктивном медосмотре; получил пропуск обратно — распишись на справке и отдай ее в бюро пропусков.

А что, очень даже остроумно! И бюро пропусков, и здравпункту завода, да и мне — без лишних хлопот.

...Появляется на своем рабочем месте с опозданием минут на 20. Что воспринимается как вполне естественное, в ситуации бывшего отпускника.
<...>

«Ультиматум» отделу главного технолога

19.04.82 (понедельник) — продолжение.

Следующие 4 часа прошли в таком редкостном нагромождении мелких производственных неурядиц, что сам этот процесс можно квалифи-

цировать почти как «событие», на фоне привычного безобразия. Все же чаще бывает, что с каким-то техпроцессом не ладно что-нибудь одно, по-крупному. С «Ф-...» неладно, по мелочи, все! <...>

[Здесь опущено описание производственных неурядиц. — А. А.]

От Аллы П-ной узнаю, что пока никаких новых событий в связи с моим «ультиматумом» отделу главного технолога («Предложения по совершенствованию технологии и т. д.», от 3.03.82, копию которых я, в последний день перед отпуском, т. е. 26.03, передал также и в партком) не произошло.

Здесь необходим хотя бы минимальный экскурс в прошлое.

...Примерно за неделю до ухода в отпуск наладчиком ПКР была объявлена своеобразная, частичная забастовка. Она выразилась в демонстративном отказе от принявшего систематический характер «нелегального» выпуска на ПКР (по самодеятельной технологии) деталей, обработка которых на станке инженерно еще не подготовлена. (То есть нет соответствующей технической документации, не заказаны или неисправны шаблоны и т. д.)

«Партизанщина» эта (инициированная наладчиком больше года назад) поначалу служила целям моего личного самоутверждения, минимизации собственной «незанятости», демонстрации возможностей нового оборудования и т. д. Первым — бригадир Игорь В-в⁸, а затем бригадир Анатолий С-ч⁹ осознали экономическую выгоду этого «почина» наладчика для своих бригад, поскольку те освобождались от множества трудоемких операций, а вся работа записывалась на бригадный счет.

Затем уже старший мастер участка Т-в стал использовать нашу «инициативу снизу» для решения проблем управленческого маневрирования и выполнения цеховой программы.

Вот эту-то партизанщину, которая за год уже успела потерять свой социально-инновационный смысл и стала превращаться для наладчика ПКР в рутинную и обременительную неписаную обязанность, для бригад — в «халяву», а для администрации — в способ «замазать» огрехи в подготовке производства, я и решил приостановить... пока ОГТ не даст ответ на мой «ультиматум»!

[Суть предложений наладчика ПКР отделу главного технолога станет ясна ниже. — А. А.]

Бригадиры восприняли мою «забастовку» без радости, но с пониманием. А старший мастер Т-в принялся ставить бригадиров в положение, вынуждающее их меня «уговаривать». <...>

В порядке исключения...

19. 04. 82 (понедельник) — окончание.

⁸ И В Виноградов Он же — «Лозовой» в главе 3: раздел «Наладчик и бригада...»

⁹ А В Сычевич Он же — «Филин» в главе 3

<...> Неделю я отказывался от всех партизанских заказов, понимая свою неуязвимость — и формальную, и моральную. Что касается моего ученика Сергея З-ва¹⁰, то ему эти заказы были пока просто не по плечу.

С другой стороны, сам Серега заинтересован в «подкормке» своей бригады за счет ПКР, поскольку во второй и третий месяцы ученичества уже не весь его заработок идет «по среднему» (а как слесарь с 10-летним стажем он зарабатывает до 300 руб. — почти вдвое больше своего наставника, наладчика-повременщика), и он должен хотя бы частично оправдывать свою зарплату выпущенной на ПКР продукцией.

Тогда-то они с Сыцевичем, еще до отпуска, и «подъехали» ко мне насчет лицевой панели «Ф-...», которую я, в партизанском порядке, штамповал в прошлом году для бригады В-ва, а теперь эту панель передали С-чу. А она — «стЛит» дорого...

Я обещал — после отпуска, в порядке исключения, только чтобы «сделать зарплату» З-ву.

И вот теперь старший мастер Т-в забрал у меня З-ва — «для нужд бригады». Ну, говорю З-ву, пусть тогда не ждут, что я буду делать эту нелегальную панель. В бригаде ты и сам себе зарплату заработаешь.

В середине дня Анатолий Сыцевич — ко мне, «на переговоры». (Тут же Сергей З-в.) «Требуют от нас панель, аварийно!». — «Ну, пусть тогда Серега помогает». — «Конечно, с завтрашнего дня он к Вам возвращается». <...>

Мой ученик Серега

День десятый. 29.04.82 (четверг).

[Перед этим одну неделю социолог-рабочий в цехе отсутствовал (бюллетень). На ПКР, без него, работал Сергей З-в. — А. А.]

<...> За эту неделю Серега справился не только с партизанской «Ф-...», но и еще с семью производственными партиями. Правда, из них шесть — самые примитивные (по одному ряду одинаковых пазиков в узкой полосе; на одной такой партии можно заработать всего-то рубль).

Говорит, что сложную лицевую панель отштамповал за два дня. Так сказать, с опережением намеченных мною сроков. Столько же времени мог бы затратить и я, выигрывая у Сереги в сноровке и быстроте как наладки, так и штамповочных операций, но «проигрывая» на подрегулировках, в интересах точности (без чего З-в, похоже, обходился, следуя нажиму «давай-давай», вполне созвучному его собственному недостатку компетентности).

Здесь стоит напомнить, что договор на обучение заключен на срок 3 мес., с 15.02 по 15.05. Он оформлялся задним числом (З-в фактически стал моим дублером с понедельника 22.02). До нашего одновременного ухода в отпуск я действительно занимался его обучением 5 недель (раз два Сергея отвлекали, но не будем мелочиться!). А после возвращения из

¹⁰ Слесарь из бригады А Сыцевича, прикрепленный к ПКР в качестве ученика-стажера

отпуска 19.04 Серегу вернули на слесарные работы. И если бы не мой бюллетень, пятью неделями обучения, похоже, дело и ограничилось бы. Так же — получилось 6 недель.

Мое недельное отсутствие имело с точки зрения развития «драматической социологии» ряд плюсов, а также минусов, в конечном счете оборачивающихся плюсами.

1. З-в сам штамповал для бригады «партизанскую панель» (пусть с моим самодельным чертежом, по моему шаблону, при моем руководстве наладкой и т. п.). Так что я смог фактически не прекращать (даже условно) объявленную еще в марте частичную забастовку. «Забастовщик», так сказать, сумел подготовить себе «штрейкбрехера»...

2. Заодно мой ученик расчистил завал рутинных производственных заданий, накопившихся за время наших с ним отпусков. Я же использую теперь освободившееся время для куда более творческих занятий...

3. Все выпавшие Сереге обозначения уже проходили через ПКР в прошлом году. Стало быть, самые грубые ошибки в технологии были обнаружены и изъяты его наставником (мною) заранее. Таким образом, З-в имел возможность сдать свой первый, «негласный» производственный экзамен как бы в тепличных, очищенных от нормального безобразия условиях. При этом он почувствовал себя «на коне» (что психологически важно для него) и продемонстрировал эффективность его технического обучения (что психологически важно уже для меня).

4. Из минусов, которые оборачиваются в плюсы.

З-в продемонстрировал элементы «нормального» разгильдяйства, которые обошлись мне не слишком дорого, но дают формальный повод для полезной в любом случае смены тактики «воспитания ученика».

Вот, нахожу в станке гнездо с матрицей, но без пуансона. У меня такое исключено: матрица-пуансон в паре всегда неразлучны — хоть в станке, хоть в шкафу, хоть в кладовой. А он, видите ли, этим гнездом не пользовался... Где пуансон — не знает.

Не нахожу двух гаечных ключей из трех, по виду, одинаковых (10 на 12), в ящике для инструмента. Он-то не знает, что один из них специально распилен мною до нестандартного размера 13, а два действительно одинаковых — нужны для одновременного использования в определенном виде регулировки, с которым ему еще не приходилось иметь дело. Логика «оправдания»: зачем бы я стал терять то, что мне (т. е. ему) самому же нужно. Действительно, тот инструмент, без которого Серега в эту неделю не мог обойтись, — весь на месте.

(Не берегут того, чего не понимают. А уважать чужой «устав», как таковой, еще не воспитаны.)

И последнее. Завоевав безусловный кредит доверия у старшей кладовщицы Фаины, я давно беру из кладовой оснастку ПКР без «марок» (каждый рабочий имеет жетоны, с выдавленным на них своим рабочим номером, в обмен на которые ему выдают инструмент). У З-ва сломался

маленький пуансончик на 1,5 мм, так он — взял первый попавшийся большего диаметра из моего запаса, да и переделал у заточника на меньший диаметр. Но я же эту оснастку «под честное слово» брал!..

В общем, влез Серега на смолистую сосну в чужих штанах.

Резюме. В июле меня, похоже, опять призовут на «военную переподготовку».¹¹ К этому времени я весь пробивной инструмент, взятый в кладовой, туда верну. А Фаина 3-ву без марочки ломаного гвоздя не выдаст.

Вот тогда моему ученику будет второй и главный экзамен — на работу в «нормальных», а не «тепличных» условиях. Когда рабочий расхлебывает все ошибки инженерных служб и последствия начальственной безответственности. <...>

Информация движется по кругу

День одиннадцатый. 3.05.82 (понедельник).

Когда что-то не ладится, обычно совершаешь «лишние движения»: зачем-то двигаю шаблон, но получаю результат как раз обратный ожидаемому. (А это мастера «моего типа» нервирует больше всего; я «люблю» искажения размеров, которых ожидал или которые могу объяснить.)

А тут еще «паломничества»... То спросят о чем-то или даже только папироску попросят, но (как это принято у всех между собой) обращаются раньше, чем закончен рабочий цикл производственной операции. И сбившись с ритма, ты влеплешь диаметр 11 на место 9...

То Алла П-на с ее очередными недоумениями. На этот раз она показывает служебную записку гл. технолога завода Л. С-ва в адрес начальника цеха (врио начальника) К-ва:

...Для разработки Стандарта предприятия просим подтвердить освоение на ПКР КО-120 следующих операций:

- 1) Отрезка припуска на перпендикулярность заготовок.
- 2) Фиксирование заготовки при пережакиме листодержателей.
- 3) Разрезка заготовки на несколько деталей.
- 4) Вырубка угловых пазов...

Итак, информация «движется по кругу»: наладчик А. — гл. технолог С-в (см. «Предложения по совершенствованию технологии...», от 3.03) — нач. цеха¹ З — нач. тех. бюро цеха К-на — технолог П-на — наладчик А. Оборот круга: 2 месяца (с 3.03 по 3.05), и то — при гальванизации функциональных служб завода обращением в партком.

Понимаю значимость момента. Как бы для себя, вникая, почти стенографически записываю на обрывке бумаги этот текст, пока П-на держит листок у меня перед глазами. (Руки в машинном масле...)

Алле не ясен 2-й пункт. Говорю, что мне он тоже не ясен: я такого не предлагал. Потом соображаю, что заставил-таки кого-то в ОГТ изучить Отраслевой стандарт. Ибо указан там и такой технологический прием; но

¹ См ранее, в главе 2: раздел «В каждой луже — запах океана, в каждом камне — шорохи пустынь...»

он нам не нужен, в силу специфики номенклатуры. (Да и не выгоден рабочему: ведь платят за удары, а перезажимы никак не учитываются.) А все остальное — как раз то, что и предлагалось мною.

Конечно — не освоено, говорю, поскольку не было таких техпроцессов. Пусть дадут (или Вы подготовьте, Алла!) пару пробных. Но даже для опробования нужно заказать специальную оснастку... Набрасываю на бумажке «методологию» выбора типоразмеров инструмента для отрезки и разрезки на ПКР.

А подробнее сейчас не могу, уж извините. У меня на станке «Ф-...» — «аварийно» (сверхсрочное задание). <...>

Технолог Алла

3.05.82 (продолжение).

<...> Можно подумать, что я гипнотизирую эту Аллу, чтобы она сначала чего-нибудь напутала, а потом показать ей ошибку. Иногда у нее прорывается страстное желание найти какую-нибудь погрешность в моих «актах». Она совсем пропала бы без этих актов, но они и страшат ее, как летопись теперь уже и ее собственных (а не только отдела главного технолога) ошибок.

Миролюбиво спрашиваю, писала ли она уже что-нибудь по запросу ОГТ. Да, черновичок есть... Показывает.

«Это так, это верно...». Но вот моя, предложенная утром, «методология» выбора типоразмеров инструмента, который нужно заказать, трансформировалась, в ее исполнении, в нечто довольно несуразное...

В таких случаях этот тип личности обижается: «Вы же сами мне так говорили!...». Чуть не ссоримся. «У Вас сегодня такое настроение...» — произносит Алла. (Уж не намекает ли на то, что сегодня, после праздников, ползавода «законно» опохмеляется?)

Говорю: мол, дело Ваше. Вы мне показали, я обратил Ваше внимание... Два плюсика, один вопрос, мягким карандашом на ее черновичке.

Сверхсрочную «Ф-...» я отштамповал. Ухожу в свой «кабинет».

Придумал сочинить специальную табличку, своего рода «методологию в действии», или методику, обеспечивающую в дальнейшем для технолога удобство расчетов, постоянство припусков, экономичность, технологичность и даже... эстетичность.

К концу дня кто-то скребется в дверь. «А я как раз для Вас стараюсь», — говорю Алле, как ни в чем не бывало. Она-то пришла то ли мириться, то ли уличать... А тут ей — подарок. Вот, смотрите...

Сергея 3-в понял бы эту техническую идею сходу. Рабочий воспринимает конструкцию и функциональное назначение синкретично, для него вообще не существует одно без другого. У женской части ИТР (а технологи — по преимуществу женщины) конструкция — отдельно, функция — отдельно, инструкция — сама по себе. Если она уловила одно, то оно никак не соединится с другим...

— Я понимаю, Алла, Вам трудно, — говорю. — Но нам не следует ссориться. В том, что касается этого станка, я соображаю пока лучше Вас. И стараюсь уберечь Вас от ошибок, которые потом дорого обойдутся. Не только мне, но и Вам самой...

Когда не хватает собственных аргументов, она выбалтывает чужие:

— А в отделе (главного технолога) говорят: Вы должны бы брать чертеж и сами — все, от начала до конца, без технологии...

— Могу и так, но не за те же деньги. Пока что за это платят им, а не мне. И времени рабочему на это не отпущено. <...>

Виноват тот, кто «попался»...

День двенадцатый. 4.05.82 (вторник).

<...> Сергей 3-в фактически отлучен администрацией от вполне устраивавшего его ученичества на ПКР. Мол, слишком «жирно» ему будет — учиться и получать «по-среднему». Это Сереге обидно.

А тут еще выясняется, что в партизанской панели, которую он штамповал по моему шаблону, не хватает трех отверстий из полутора сотен. А панель уже прошла гибку (хорошо, что не окрашена!). И ее возвращают со сварки, где, кстати, тоже могли пропустить (а на сборке наверняка заметили бы, но было бы поздно исправлять...).

Отверстия эти не были предусмотрены в моем шаблоне. А в прошлом году самодельном чертеже (он же, «по совместительству», для меня и карта штамповки) два отверстия помечены без размеров, просто для памяти, что их не хватает, с восклицательным знаком.

Тогда я делал эту панель для бригады В-ва, и тот мне, видимо, сказал, что отверстий недостает; но важно другое — он устранил этот, простительный для моих первых партизанских опытов весны 1981 г., дефект до того, как выпустил изделие из бригады. А бригадир Сыцевич, с Серегиной панелью, «влип».

Ну, понятно, 3-в не проверял готовую деталь по чертежу так досконально, как это обычно делаю я. (Сделал бы и сейчас, пусть шаблон мой однажды уже побывал в деле...)

Как говорится, дареному коню (этому шаблону, который, собственно, и позволил 3-ву заработать бригаде 250 руб. за несколько дней) в зубы не смотрят. Но плохо, когда дареный конь сбрасывает седока на землю...

Серега расстроен. Но ему и наука. Когда работаешь **сам**, проверяй даже наставника. ЧтЛ бы тебе — дырочки-то посчитать: в чертеже и в металле!

Уберег бы я его бригаду от этого казуса, кабы не показалось мне неловким, неделю назад, задерживаться в цехе с бюллетенем в кармане и стоять у стажера-ученика над душой. А в первые свои партизанские месяцы (весна прошлого года) не было у меня еще привычки так все записывать, да и не думалось тогда, что придется на следующий год **ту же** партизанскую работу делать. (Шаблон и свой чертеж хранил я скорее для «архива».)

Однако, воспитанный (отчасти) общей социально-психологической атмосферой, не несу в себе чувства виноватости. Виноват, по социальным нормам производственной жизни, тот, кто «попался», а не тот, кто стоит у истоков ошибки.

Скажем, если бы я запустил хоть одну партию в брак по систематически недоброкачественной технологии ОГТ, виноват был бы я: «куда смотрел?».

А тут я сам, можно сказать, в роли технолога, но «попался» все-таки Серега. Кабы еще я не на бюллетене был — можно было бы и с меня спросить, как с наставника (и спросили бы наверняка!). Но тогда и брака этого не было бы...

Я-то сейчас поумнее прошлогоднего Алексеева, не говоря уж о сегодняшнем 3-ве. Заметил бы «недостачу» отверстий и исправил бы шаблон.

Так или иначе, автор шаблона в данном случае у бригады — «вне критики», только удивляются, как же в прошлом году прошло. Теперь-то ясно, что Игорь В-в добавил дырочек в готовую панель настолько «втихую», что даже у меня это не отложилось в памяти. <...>

«Горб» у всех есть...

День тринадцатый. 5.95.82 (среда).

<...> Все же мой «ультиматум» отделу главного технолога и частичная забастовка дают поводы и для досады у слесарей.

В-в, которому поручено привязать к пробитым мною в «Ф-...» пазам — отверстия, не предусмотренные официальной технологией на ПКР: «Ну, ты нам заработать подбросил... Не мог сделать? Ты же делал все раньше сам».

— Я технологов год выручал. Пора проучить.

— Так это ж на нашем горбу!..

— А что, разве только у тебя горб? У меня тоже есть.

Не комментирую этот разговор. За отношения наши с Игорем не тревожусь. Я у передового бригадира не в долгу. А уж «рабочей солидарности» он может у меня поучиться не меньше, чем я у него.

Вообще же, действует «психология очереди» (за пивом?): «Эй, кому там не долили, пусть не задерживает!».

Тревожная весть

День пятнадцатый. 7.05.82 (пятница).

<...> Сногшибательная «утка», принесенная сначала Аллой П-ной, а затем начальником ОТК Николаем Л-чем. **Событие!**

Будто бы удумал Александр С-к, бывший наш нач. цеха, недавно переведенный на должность зам. директора завода и нач. заводского филиала в Иван-городе (таков его путь в главные инженеры, вероятно) — перевезти мой ПКР туда. Вообще, транспортировка оборудования из Ленинграда в Иван-город и обратно становится своего рода «хобби» заводских руководителей...

Перевозить за 120 км с таким трудом отлаженный станок — нелепость. По слухам, собираются приобрести для нашего цеха новый, более мощный и современный координатно-револьверный пресс... Но это когда еще будет!

Я, пожалуй, занялся бы и новым, но что они будут делать в промежутке? И кто соберет мой многострадальный ПКР в Ивангороде?

Конечно, станину со столом соединит кто угодно (хотя с моим станком в свое время и это забыли сделать!). Но для запуска и регулировки, в наших условиях, небось, опять понадобится какой-нибудь «варяг».

Впрочем, идея забавная... Если нельзя отставить наладчика от станка, то почему бы не отставить станок от наладчика? <...>.

Можно ли пробивать 3-мм листы?

День семнадцатый. 11.05.82 (вторник).

<...> Раньше я сиживал на простое, когда **нет** работы. Теперь работа **есть**, но не подготовлена инженерными службами; и вот я сижу. Бригадир с партизанскими заказами обращаться ко мне перестали. Привыкли без «кормушки», как раньше привыкли к ней.

Я бы и не прочь попартизанить для бригад, но немедленно набегут «нахлебники» (мастер, технологи), требуя неофициального выпуска деталей, якобы обеспеченных официальными техпроцессами. Использую высвободившееся время для нелегальной технологической деятельности.

...Зная, что на ПКР собираются запустить штамповку листовых деталей толщиной 3 мм (что, вообще говоря, техническим паспортом не предусмотрено), предложил вчера Алле П-ной самой посчитать, насколько это допустимо, не доверяясь слепо ОГТ. Но надежда на нее слабая.

Сунулся было в «Справочник по холодной штамповке» В. П. Романовского (кажется, когда-то с известным инженером Романовским сотрудничала инженер В. П. Пузанова, моя мать), но там столько «лишнего», что трудно найти нужное.

Вполне достаточно лениздатовской книжечки 1960 г. из серии «В помощь молодым рабочим» Д. Вайнтрауба (еще два года назад брал ее в районной библиотеке). Нахожу там формулу расчета усилия прессы, в зависимости от периметра пробиваемого отверстия, толщины заготовки и удельного сопротивления материала. Знал я о существовании этой формулы, но никогда не пользовался — не было нужды. Теперь вот понадобилось. <...>

[Здесь опущены расчеты по упомянутой формуле. — А. А.]

Вспоминаю, что Наталья К-ва¹² говорила, что, по ее расчетам, можно пробивать в «тройке» отверстия диаметром 22 (приняв предельное усилие прессы, на всякий случай, не 10, а 8 тонн). Ну, это смотря какая марка стали... Подставляя в формулу готовый ответ, определяю, что она, видимо, брала для грубого расчета «среднюю» по твердости (ходовую у нас) марку стали, с удельным сопротивлением 40 кг/кв. мм.

Дальше, высчитываю, какие же предельные диаметры отверстий или периметры пазов можно пробивать, при таком допущении, в листах меньшей толщины, например 2 мм. Оказывается, диаметром не более 33. И так

¹² Новый руководитель группы в ОГТ Социолог-рабочий называет ее также «деловой женщиной»

далее. То есть вреда станку и инструменту от пробивки отверстия диаметром 22 в 3-мм заготовке будет не больше, чем от пробивки диаметра 33 в «двойке».

(Примитивизм этого расчета и всего рассуждения очевиден, но мне важно определить в принципе правомерность выхода за ограничение, выгравированное на этикетке моего ПКР КО-120: допустимая пробивка стали — 2 мм.)

Но если пробивать не только 1 или 1,5, а также 2,5 и 3 мм, так можно же на ПКР перевести еще большее количество обозначений! Загрузка возрастет, а это-то мне и нужно. В данном вопросе мы с «деловой женщиной» — союзники. Вообще, похоже, она не чета некоторым своим подчиненным. <...>

Что ж, можно составить очередную **инструкцию** для Аллы:

t, мм (толщина заготовки)	L, мм (макс. периметр отверстия)	d, мм (макс. диаметр отверстия)	h, мм (макс. сторона квадратного паза)
1	200	66	50
1,5	133	44	33
2	100	33	25
2,5	80	26	20
3	66	22	16

Это, повторяю, для ходовой марки стали. (Если сталь более твердая, то требования, понятно, ужесточаются.)

Рисую все это на краевой перфокарте, чтобы не затерялось у Аллы среди других бумажек. Пусть держит у себя на столе, под стеклом, для ориентировки, при проектировании очередных техпроцессов.

(Совпадение расчетов «деловой женщины» и наладчика ставит этот кустарный «стандарт» вне подозрений насчет надежности.) <...>

Социалистическое обязательство

11.05.82 — продолжение.

<...> Стучится в «кабинет» старший мастер Т-в. Не за мной. Принес художнику ватман с соц. обязательством участка за прошлый месяц (писано фломастером на этом ватмане, красиво, тем же художником Володей) и новое — на май (писано собственноручно ст. мастером, на клочке бумаги).

Только что, в обед, происходило 5-минутное собрание участка, с принятием обязательства. Это у нас хорошо налажено...

Заглядываю Володе через плечо. Вот прошлое обязательство (на апрель):

Руководствуясь решением XXVI съезда КПСС, Постановлением ЦК КПСС на выполнение (так! — А. А.) основных направлений экономического и социального развития СССР на 1981–1985 г., коллектив участка ¹ берет на себя следующее обязательство:

1. Выполнить план по товарной продукции на 100,1%.
2. Закончить мех. обработку деталей по машине <...>.
3. Закончить обработку деталей по хлебоукладочному агрегату.
4. Сдавать продукцию в ОТК с 1-го предъявления не менее 98,6%.
5. Не иметь не выполняющих личных заданий.
6. Продолжать борьбу за высокую культуру на производстве.

В нынешнем (на май) обязательстве преамбула отсутствует. Да Володя и сам ее переписшет (включая «постановление на выполнение») из апрельского плаката. А все остальные пункты повторяются **дословно** (кроме пункта 3, который был специфичен для апреля, да во 2-м изменилось наименование машины).

Мог бы старший мастер и не стараться - не писать от руки остальные пункты. Художник и их бы срисовал, с апрельского ватмана, без шпательки.

...Очередное объявление о лекции: «Религия и религиозное течение». (Как услышал художник по внутреннему телефону, так и написал; а может, так ему продиктовали). А вот еще стенд, висящий уже два года на лестничной площадке: «График дежурств членами ДНД». Не случайные оговорочки! <...>

Шедевры друзей

День восемнадцатый. 12.05.82 (среда).

<...> До обеда Алла П-на, которая уже второй день «решает вопрос» насчет требующих рихтовки заготовок «Ф-...» (видно, пока не «аварийно»!), никак не обнаружила своего существования.

Я же - зачитался обзором экспертных интервью с главными режиссерами ленинградских драматических театров, написанных Юрой Б-ем [Ю. М. Барбой. - А. А.] по программе «Театр вчера, сегодня, завтра»¹³

Потом погрузился в рукопись статьи о структуре трудовой мотивации (исследование по программе «Человек и его работа»), написанной даже, как оказалось потом, не Леней К-ном [Л. Е. Кесельман. - А. А.], а его способной ученицей.

И лишний раз убедился, что - «удивительное рядом». Ибо еще ни разу мне не выпадало в течение **одного** дня прочитать сразу два разных **шедевра**, принадлежащих перу близких друзей (или даже их «учеников»).

(Мне не написать было бы - ни того, ни другого. Но иногда нескромно кажется, что до нашего знакомства и они тоже **так** не писали.) <...>

«Деловая женщина»

12.05.82 - продолжение.

Если бы эта «хроника» претендовала быть литературным произведением, соответствующую главу можно было бы назвать: «Приручение (или укращение?) деловой женщины».

¹³ О группе «Социология и театр» при ЛО ВТО см. ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная переменна. Социолог-рабочий...».

Несколько дней назад Алла П-на показала мне теперь уже официальную карту штамповки на ту самую «дорогую» панель «Ф-...», которую в апреле выпускал по моему шаблону Сергей З-в. Я посмотрел бегло, сказал, что есть ошибки, и существенные, а пересчитывать 150 отверстий не стал (не было тогда свободной пары часов).

Деталь очень сложная, размеры — от 3 баз, позиций для удара — свыше 150... Алла просто перепасовала этот техпроцесс обратно в ОГТ, зная, что вряд ли наладчик сказал зря.

А что делать «деловой женщине» Наталье К-вой? Спросила разработчика — Лидию Б-ву (кстати, висящую на доске почета в ОГТ). Та говорит: это старый техпроцесс, еще 1979 г., но я, мол, тут все пересчитала и исправила. И новый шаблон, по ее заказу, уже изготовлен.

Как «деловой женщине» проверить свою подчиненную? Только затратить те же два часа на расчеты (в лучшем случае). Да, может, и в самом деле — там все в порядке? Но цех-то вернул...

Пришлось Наталье самой идти к «неудобному наладчику». «Ну если шаблон уже изготовлен, давайте его посмотрим, в металле виднее будет», — говорю.

Находим шаблон в кладовой. Поскольку деталь-то мне знакома, замечаю сразу, что в новом шаблоне часть пазов смещена на целый миллиметр, как и в старом, давно забракованном, ориентировка на который чуть не стоила мне в прошлом году массового брака, да вовремя спохватился (первая моя партизанская работа, еще слаба была бдительность!).

Предлагаю «деловой женщине» проверить этот паз в новой карте штамповки. Она долго считает, не веря глазам, — действительно, новый шаблон повторяет ошибки старого.

—Так мне же Б-ва сказала, что все пересчитала...

—Она Вам сказала неправду, — замечаю мягко. — А вот и металл, вот штангенциркуль, да и так заметно... Это исправить нельзя, весь шаблон — брак, потому что сделан по карте штамповки, **переписанной** со старой, ошибочной, а вовсе не пересчитано заново.

—Так, может, есть и еще ошибки...

—Вполне вероятно. Одна мне бросилась сразу в глаза, а дальше я не стал проверять, ясно, что надо переделывать.

Возвращаемся в «кабинет» наладчика. Заодно делюсь результатами своих расчетов предельных периметров пробивки для разных толщин стального листа (см. выше). Показываю последние акты производственных испытаний, которые, похоже, осели в цехе, у Аллы П-ной, и до ОГТ не дошли.

Наталья К-ва спрашивает, нельзя ли передавать эти акты ей непосредственно. Отвечаю, что в цеховое тех. бюро я отдаю в 2-х экз., так что она может забрать у них копии.

«Деловая женщина» уже готова к равноправному диалогу. Прежней спеси нет. Слишком впечатляющ урок, полученный обозрением всего моего «архива», не говоря уж о злополучном шаблоне, который мы обследовали в кладовой.

И она принимает нетривиальное решение: не соглашусь ли я проверить в **кальках** (т. е. до официального запуска) 20 новых, уже в этом году спроектированных в ее группе, техпроцессов? Соглашаюсь, оговорив, что сроки выполнения этой работы зависят от того, как я буду загружен у станка.

Сопровождаю «деловую женщину» в ОГТ, беру у нее папку с кальками. В цеховом подручном архиве заказываю чертежи, с которыми предстоит сверять карты штамповки.

До сих пор я занимался этими ревизиями «подпольно», теперь — получил официальный заказ на «превентивную цензуру» калек ОГТ.
<...>

Опасные перемещения

День двадцать первый. 17.05.82 (понедельник).

<...> **Событие.** В субботу (без меня) на нашем участке орудовали стропали из РМЦ. Вывесили на таях тяжеленную гибочную машину (тонны эдак на три), потом уронили (в полутора метрах от ПКР; вот еще почему мой ученик Серега так мало успел отштамповать...). Сидевший поблизости за сверловкой бригадир Анатолий Сыцевич еле отскочил. В бетонном полу — вмятина.

Машину эту привезли к нам в цех года два назад, и, помнится, целую неделю она громоздилась в 20 см от моего станка (так что было не подойти), пока не отодвинули метра на полтора. Стоило задеть тогда, хоть чуть-чуть, выступающую на полметра траверзу ПКР («генеральную линейку») — и пропадай мой полугодовой капитальный ремонт 1980 г. !¹⁴

Нынче слесарь-ремонтник и пред. цехкома Керим К-в, который всегда участвует в подобных рискованных операциях, мне говорит:

— Твой ПКР позавчера чуть не угробили.

— Задели?

— Нет.

— Ну-ну...

Агрегат этот (новый гибочный пресс, отечественного производства) два года простоял в цехе, так и не задействованный. И вот теперь его отправляют в Ивангород... А на его место переставили старую гибочную машину, размещавшуюся раньше чуть поодаль. На месте же этой последней установят еще более новый (чем отправленный в Ивангород) гибочный пресс, импортный. Он уже вторую неделю сверкает лаком и хромом (пока еще сверкает!) во дворе, у ворот нашего цеха.

Ну, во дворе и по полгода новые станки выдерживались (за спиной у «бетонной женщины», памятника Матери-родине, перед которой обычно проводятся заводские митинги). «Не все сразу», как любят у нас говорить.
<...>

Новый начальник цеха (1)

17.05.82 — продолжение.

¹⁴ См. ранее, в главе 2: раздел «Притча о Генеральной линейке»

Недавно наш прежний начальник цеха Александр С-к ушел на повышение. Новый — Анатолий Д-н — входит «в курс дела». Впечатление о нем противоречивое. Проходя мимо моего станка, спросил: «Ну, как Ваш координатно-расточной пресс?» (Для производственника это словосочетание равносильно «развесистой клюкве».) С другой стороны, не заносчив, как его предшественник.

Кто-то, видно, ему сказал, что наладчиком ПКР в цехе работает кандидат наук. Решил со мной поближе познакомиться. Вызывать к себе не стал, а навестил меня в моем «кабинете». Начальник пришел не один, а с замом — К-вым.

По ходу разговора выясняется, что я, хоть и кандидат наук, но не технических. Каких же? Философских. Тут новый начальник (небось и раньше об этом знал!..) зажигается насчет моего «общественного использования». Он, видите ли, теперь на меня **сядет верхом**. Считайте, что Вы не сели верхом, а только **глаз положили**, замечаю сдержанно.

Следует поток общих, пустых слов (похоже, комсомольский работник в прошлом). Из этих слов для меня вырисовывается перспектива чего-то вроде руководителя кружка политпросвещения. Только этого не хватало! Перехожу в контратаку.

Знаете, говорю, давайте лучше обсудим ситуацию с ПКР. И пересказываю ему, тезисно, свое выступление на декабрьском партсобрании.¹⁵

Потом (тоже тезисно) — свои «Предложения...», адресованные главному технологу. Несколько месяцев уже не дождусь ответа... «Может, Вы поинтересуетесь?» — спрашиваю.

Но начальника цеха разговор на производственные темы как-то не увлекает. Он все больше — о «лекциях, беседах и политинформациях»... Так и не нашли мы с ним взаимопонимания. Хоть и очень любезно друг с другом поговорили.

Слава богу, его спутник вспоминает, что пора им на диспетчерскую. Уходят. Художник Володя поднимает голову от своего плаката и хохочет.

Я возвращаюсь к прерванной проверке карты штамповки очередного техпроцесса, полученного из ОГТ. <...>

*Ремарка: **сквозные сюжеты**.*

Далее последовал такой наплыв — и «процессов», и «событий», что автор не успевает вести подневные записи, а накапливает «сквозные» сюжеты, с тем чтобы, уже без привязки к конкретному дню, составить из них описание целой недели.

Ниже — некоторые эпизоды второй половины мая 1982 г. (Сентябрь 1999).

С учеником в тандеме...

<...> В своем качестве лояльного и сознательного «забастовщика», я заранее подготовил себе «штрейкбрехера»...

¹⁵ См ранее, в главе 2: раздел «Я вот уже два года здесь работаю...»

В понедельник и вторник (17.05 и 18.05) Сергей 3-в штамповал партизанскую «Ф-...», по моему шаблону и с моим эскизом. Если в первый день у него то и дело возникали вопросы, то во второй он сумел обойтись практически без моих консультаций.

Затем Серега вошел во вкус партизанщины... Я показал ему, как рассчитывать карты штамповки. Теперь, получив задание от бригадира, Се-рега сначала прикидывает, нельзя ли это быстрее сделать на ПКР, потом делится идеей с наставником, получает благословение и производит необходимые расчеты на клочке бумаги (который затем обычно выбрасывает).

В его самодеятельных техпроцессах (правда, пока для примитивных деталей!) нет ошибок, в отличие от официальной технологической документации.

Тогда мы стали работать на ПКР — **по очереди**. Кончил я штамповать официальную деталь — у него уже готов шаблон для своей партизанской. Он штампует — я занимаюсь теперь уже «легальной» проверкой техпроцессов Лидии Б-вой и Софьи Ш-вой [технологи из ОГТ. — А. А.].

Нач. тех. бюро цеха Людмила К-на поначалу отнеслась к Серегиной партизанщине так же ревниво, как когда-то к моей. Сергей рассказывал, как К-на «понесла» его за то, что будто бы «испортил» фирменный шаблон своими дополнительными дырочками. (Шаблон-то у него был 3-мм толщины, как и официальные, не отличишь.)

«Неправда, — говорит Серега, — это **мой собственный** шаблон. Что хочу, то с ним и делаю!»

Неделю спустя Алла П-на показывает мне чертеж «Ф-...» и говорит, что К-на велела ей рассчитать для ПКР. Вроде, Вы это уже делали, так вот — влезет по «мертвой зоне», если за базу X взять широкое основание? Или придется ставить «на попа»?

Говорю, что эту деталь я не штамповал, но почему же так знакома?.. Определяю, наконец, что это та, для которой шаблон изготавливал уже Серега.

«Ставьте на попа, — говорю Алле, — только не забудьте пригласить Сергея 3-ва в соавторы-рационализаторы».

Итак, обучение можно считать законченным. Мой ученик встал на голову выше своих будущих экзаменаторов. <...>

Переполюх вокруг шаблонов

В позапрошлый вторник (18 мая), дождавшись, пока Сергей 3-в закончит партизанскую панель, я было приступил к изготовлению шаблонов. Нач. тех. бюро К-на и мастер инструментальной группы В-в вручили мне новую карту штамповки «Ф-...» и 3-мм лист для стандартного (фирменного!) шаблона. Все правильно! Один из эффектов моей «забастовки» и «ультиматума» отделу главного технолога...

Ст. мастер Т-в осведомляется, сколько для этого понадобится времени. Шаблон сложный, до сотни позиций, инструментальщицы с таким всяко провозились бы смену. Говорю, что попробую справиться за день.

До сих пор мои «временки», изготовленные из обычных заготовок, проверялись только в практике изготовления по ним производственных деталей. И я за них не волновался, зная, что взаимосвязь отверстий с точностью до 0,1 мм станком обеспечивается, а расстояния от базы, если и уклонятся, то для всех отверстий одинаково.

Тут — другое дело. Официальный шаблон подлежит маркировке, приемке в инструментальной группе. Такой шаблон — сам по себе **продукция** куда более высокого класса точности, чем производственные детали.

Допуска в шаблонах, требуемые от инструментального цеха, плюс-минус 0,05. Правда, они из этого допуска систематически выходят, и ОГТ разрешает «пропустить». Я гарантирую плюс-минус 0,1, и для подавляющего большинства случаев этого достаточно. Но уж свою «десятку» я должен обеспечить.

...И тут оказывается, что станок, работающий почти «в нулях» для 1–2-мм заготовок, на более толстых — 3-мм — такой точности не дает. Для меня — неприятная неожиданность, оправдываемая разве что тем, что с 3-мм толщиной раньше никогда не имел дела.

Бьюсь полтора дня с пробами и подрегулировками, пока не вынужден отказаться (пока!) от изготовления шаблона «Ф-...» — до окончательного выяснения причин, на что мне потребуется время.

Сейчас не буду входить в технические подробности. А социальный смысл ситуации в том, что ОГТ и инструментальный цех, наконец, обрадовались «сбагрить» изготовление шаблонов на наладчика ПКР, а тут-то и заминка вышла.

По счастью, формально упрекнуть меня не в чем: надо было **сначала** попробовать, а **потом** принимать решение, даже если оно подсказано наладчиком.

Всем вдруг понадобился паспорт станка, где записано про изготовление шаблонов на ПКР. Мастер инструментальной группы В-в в тревоге, поскольку на него уже вроде «вешают» изготовление **всех** шаблонов...

Шаблон для «Ф-...», который нужен уже «аварийно», решают сделать на цеховом координатно-расточном станке. Но к расточнику попадает чертеж с неотчетливо исправленным кем-то из технологов размером. Его шаблон оказывается негодным, и переполох усугубляется.

Мне же остается только выговорить себе право — когда возникнет производственное «окно» — разобрать пантограф и дать окончательный диагноз и прогноз.

Похоже, мне не следовало «напрашиваться» на изготовление фирменных шаблонов. Все-таки это работа инструментальщиков, а не наладчика. Хотя бы иные мои «временки» и были надежнее, чем те, что поступают из инструментального цеха. <...>

Ремарка: социолог-ремонтник.

Два месяца спустя социологу-рабочему удалось-таки настоять на ремонте станка, направленном, среди прочего, на решение этой проблемы.

Однако ремонт не был доведен до конца, и от изготовления «фирменных» шаблонов на ПКР пришлось окончательно отказаться. (Сентябрь 1999).

Механизм производственного взаимодействия

<...> «Ф-...» — относительно простая деталь, отработанная мною в четверг на прошлой неделе (20 мая). 45 штук, меньше 3 коп. за штуку, всего-то 2 руб. с чем-то (для сдельщика). Формально ситуация этого «процесса» была отражена в акте производственных испытаний от 21.05. А по сути было следующее.

ОКБ проектирует машины фотонабора, и если что плохо проектирует, то об этом судить не нам, а потребителям. Но конструкторский чертеж — закон. И надо сказать, я пока ни разу не обнаруживал в конструкторских чертежах внутренней несогласованности, скажем отверстия, которое забыли к чему-либо привязать и т. п. Может быть, это происходит оттого, что я имею дело с чертежами деталей, давно идущих в серии. Судя по изобилию исправлений в этих чертежах, ошибаются у нас и конструкторы.

Конструкторы все рисуют формально правильно, а по существу — издевательство над технологами и производственниками. Их чертежи, как правило, игнорируют интересы технологии.

(От отца с матерью — оба были инженерами-технологами — я в детстве не раз слышал выражение: «технологичная» или «нетехнологичная» конструкция, т. е. учитывающая интересы тех, кому предстоит изготавливать машину, или нет.)

Технологи переводят чертеж какой-нибудь коробки в эскиз развертки, вычисляют размеры от края развертки там, где у конструкторов — от сгиба, соображают, где сверлить, где растачивать, где фрезеровать, где поэлементная штамповка, а где и мой координатный пресс. Они же выдают задания на необходимую оснастку уже другим, «подчиненным» себе конструкторам оснастки (так же, как сами технологи «подчинены» конструкторам машин).

Но при этом они (технологи) совершают ошибки в расчетах, в выборе оборудования и оснастки, в технологичности и экономичности, так что в итоге получается уже не то, чего хотели конструктора.

Изготовители оснастки наращивают к этому свой брак: инструмент не соответствует требованиям технологов, которые не соответствуют требованиям конструкторов. И я получаю, например, шаблон с отклонением от требуемого 0,15, когда надо 0,05.

Производственник, пользующийся этим инструментом и этой технологией, добавляет сюда и **своего** брака (неписанные допуски в интересах производительности труда и выполнения программы), но именно он (производственник) является тем звеном цепи, которое должно удовлетворять требованиям конструкторов, которые (требования) являются заведомо **завышенными**, поскольку они — с поправкой на предполагаемый брак всех остальных!), так что и удовлетворять их вроде бы незачем.

Ну, возможно, требования конструкторов более или менее соответствуют запросам требовательного потребителя, но ведь и он не взыскателен, стало быть — дело движется.

Таков общий механизм взаимодействия основных производственных звеньев.

Но тут включается и социальная игра: с кого спросить — **в случае чего?** А это зависит уже от фактического распределения влияний и авторитетов...

Брак «в воспитательных целях»

...Продолжу предыдущее рассуждение.

В описанной ситуации производственного взаимодействия наладчик ПКР видит свою задачу в том, чтобы спросить с реального виновника там, где иначе оказался бы сам соучастником (брака).

Отсюда — брак в воспитательных целях: не страшный, ибо система все равно его списывает, но брак **адресованный**, ибо при этом выясняется — откуда же он, этот брак, взялся.

(Неприемлемым для меня и аморальным было бы «преднамеренное» воспроизведение всех технологических ошибок в производственных партиях. Но я пока ни одной нетерпимой, с точки зрения сборщиков, ошибки технологов не довел до металла.)

«Ф-...» имела шаблон¹ ..., с отклонением на взаимосвязь отверстий до 0,2 (когда можно 0,05). Я имею право **удвоить** ошибку шаблона в производственной детали. Она и удвоилась (0,4). Далее, имеем заготовку на пределе допуска на перпендикулярность (0,3), который суммируется с предыдущими отклонениями. Теперь, что может сделать рабочий-штамповщик?

а) Вообще ни за чем не следить, зная, что даже и 0,7 (0,2 + 0,2 + 0,3) «сойдет».

б) Подобрал заготовки, дополнительно подладившись под этот брак из изготовителей шаблона и разработчиков технологии (последние разрешили допуск перпендикулярности 0,3, а надо было бы здесь 0,2), «располовинив» допуск (в верхней части заготовки в плюс, а в нижней — в минус, или наоборот, смотря как ляжет), — «выкроить» точность 0,4 или даже 0,3.

в) Сделать так, чтобы отклонение было строго 0,7 — не больше (ибо тогда уже мой брак!) и не меньше (ибо тогда укрывается брак чужой!) и — предъявить эту пробную деталь в ОТК.

(К сожалению, у меня нет сейчас под рукой этого техпроцесса и я выстраиваю, кажется, впервые за всю эту хронику, чуточку условную, имея в виду числовые значения и набор факторов, — модель. Но суть **поступка** именно та.)

Вариант (в) имел следующую драматургию. Делаю первую деталь и иду к старшему мастеру: шаблон не в порядке, деталь, **кажется**, не в допуске, можно ли сказать от Вашего имени, чтобы Ваня С-в, контролер-инструментальщик, проверил. — «Конечно!».

Ваня любит все имеющее отношение ко мне проверять при моем участии. Но я, на этот раз, уклоняюсь. Смотри сам. Покуриваю.

Находит Иван Александрович мои 0,7 там, где можно только 0,4 или 0,5 (не помню). Он меряет средствами более изощренными, чем мой штангель. Но тут и простой линейки хватило бы...

— Ну, так что тебе надо?

— Что есть, то и надо.

— Вообще-то сойдет...

— А на фига мне, чтоб сошло. Я тебе принес, ты мне ответь. Пошел Ваня в ОТК, в таблицу посмотреть, какой допуск разрешается на свободный размер 65,5. Конечно же, не 0,7, а меньше.

— Так и писать?

— Пиши.

— Так я тебе и печать поставлю...

— Вот-вот. Пускай шаблон заменят.

Ваня пишет акт (не я!). И у него, в отличие от меня, есть штампик ОТК. Несу его «цидулку» с «печатью» ст. мастеру: «Вот!..».

Старший мастер **вынужден** идти к нач. тех. бюро. Та **вынуждена** звонить в ОГТ. Те **вынуждены** звонить в ОКБ. Те **вынуждены** сказать: «На этот раз, ладно...».

Нач. тех бюро К-на с легким сердцем приходит и говорит: «Рубите!» (т. е. штампуйте).

Я невозмутимо включаю станок. Ничего в нем не подрегулирую, не изошряюсь в минимизации отклонения. Я — в «разрешенном браке».

Кушайте ваши 0,7 отклонения! **В другой раз** (и то, может быть, после нескольких таких случаев) позаботитесь, чтобы было не больше 0,4. Если конструкторам это и **в самом деле** надо.

Может быть, я иезуитствую? Или, того хуже, перестраховываюсь? Нет.

Брак «в воспитательных целях» (продолжение)

...Несколькими днями раньше через ПКР проходила «Ф-...» (эта ситуация отражена **в том же акте** производственных испытаний от 21.05).

Там тоже был не в порядке шаблон. Но чуть поменьше в шаблоне отклонение... И я написал в акте: «...Шаблон¹ ... выполнен с отклонением в координатах фиксирующих отверстий до 0,15. В детали эти отклонения воспроизводятся, однако из допусков, заданных в чертеже детали, не выходят».

Не вышли в первой паре деталей, случайно. А в следующих вышли, согласно законам статистики. И в ОТК, уже после гравировки и еще каких-то чистовых операций, попала вышедшая из допуска готовая деталь. Констатировали. Но — «не смертельно». Технологи сказали, а мне нет.

А та (Алла П-на), уже позднее, является ко мне с моим же актом, где написано: «из допуска не выходит».

«Чего же мне сразу не сказали?» — спрашиваю. — «Ах, забыли». — «Вот видите, — говорю Алле, — к чему приводит мой **либерализм** (это я-то либерал!)».

Теперь понятно, зачем нужен не стихийный, а **сознательный брак**? <...>

Статистический метод контроля качества

<...> В конце концов, я — пока — повременщик. И могу себе позволить только выполнять норму, а не перевыполнять ее.

А когда я говорю мастеру: «Сделаю завтра к обеду», то всегда знаю, что **мог бы** (в ущерб качеству!) сделать и сегодня, к концу дня.

История с 3-мм шаблонами меня встревожила. Прошли те времена, когда мне хотелось делать всякую деталь в нулях. Но в своей «десятке» (допуск плюс-минус 0,1; а согласно техническим условиям станка допустимо и плюс-минус 0,2) — я хотел бы быть уверен.

Так, на партизанской детали «Ф-...», где, следуя излюбленной присказке бригадира Игоря В-ва «Не бери в голову!», я мог бы ни о чем не беспокоиться, я затеял обмеривать (по контрольным размерам от баз) **каждую пятую** деталь.

Это было после «классической» (по всем правилам!) регулировки параллельности траверзы установочной планке, что я, в педагогических целях, заставил делать Сергея З-ва в прошлый четверг (20 мая), предварительно полностью отпустив подшипники, так что ему уже ничего не оставалось, как сделать все самому от начала до конца.

Это была первая такая кардинальная регулировка геометрической системы после 1980 г., и как он с ней управился — я не поправлял, счит удовлетворительным. А Серега, похоже, перезатянул подшипники, так что держатель одного из них (правда, подсобного) чуть не отвалился впоследствии...

Так вот, посмотрим, что происходит со станком и с деталями в этой «стрессовой» ситуации.

Шаблончик попался «не ах», тут еще могли накладываться и его искажения. В общем, удалось установить, что параллельность траверзы установочной планке стола — пляшет, пляшут и размеры в детали, но терпимо, на краю допуска.

Тогда я попробовал после каждой пятой детали устраивать подрегулировку, а затем — фиксировать изменения тех же самых показателей параллельности (измерения производятся с помощью индикатора на магнитной стойке), без подрегулировки.

На другой детали («Ф-...») я еще усовершенствовал эту систему слежения: придумал алгоритм контроля и записей.

...Вот теперь дайте наладчику пару дней, чтобы некоторые узлы станка разобрать и собрать обратно, и, пожалуй, можно будет проверять не каждую десятую, а только каждую двадцатую деталь. <...>

Приглашение в бригаду. Конец «забастовки»

<...> Я второй месяц «бастую», а Серега З-в гонит партизанщину для бригады Анатолия С-ча. Обидно же — бригадиру Игорю В-ву... Игорь мне это огорчение выкладывает (вторник, 18 мая).

Тут он заводит речь о моем вступлении в его бригаду, ибо идти в бригаду Сычевича (как того хотел бывший начальник цеха С-к), при наличии там Сереги, теперь уже незачем. Тогда бы З-в партизанил для С-ча, а я — для В-ва... Справедливо!

Повод, как всегда у Игоря, самый конкретный: вот эту «Ф-...» я делал для его бригады нелегально, еще в прошлом году. Есть и шаблон...

И тут я... прекращаю «забастовку»! Ибо главные цели ее уже достигнуты. Администрация больше на шею не сядет, поскольку «проучена». ОГТ сам напросился на ревизию своих калек. А бригаду В-ва — зачем же «наказывать»?..

«А сколько платить будешь?» — спрашиваю. — «Дневное задание — 8 руб. «...Так, плюс прогрессивка... То есть на уровне 250–260 руб. в месяц. «Есть о чем подумать, — говорю. — Дай мне закончить ревизию техпроцессов ОГТ, и в добрый час! А эту твою «Ф-...», конечно, отштампую. И еще давай, чего понадобится...».

Мы разговаривали долго и взаимозаинтересованно. Жаль, что большинство моих прошлогодних партизанских заделов ныне попали в другую бригаду.

...За эти две недели успел, между делом, выполнить пару нелегальных заказов для бригады В-ва, и еще на очереди несколько. Один раз Игорь сумел даже договориться с мастером, чтобы партизанскую партию пропустить раньше официального задания (в интересах программы, для которой они равноценны).

Вернувшись к партизанщине, я сохранил ту завоеванную позицию, что всякая работа «не по правилам» для административно переведенных на ПКР обозначений исключена. Последовательная стратегия реализуется всегда за счет смены тактик.

Прекращение «забастовки», как мне кажется, было столь же **своевременным**, как и ее объявление (два месяца назад). <...>

Изобличение секретаря партбюро ИСЭП

<...> Дело было 19 мая, в среду. В парткоме завода побывал мой давний знакомый, новосибирский социолог, а ныне — столичный публицист Александр Радов. С моего согласия, он, преследуя свои журналистские цели, среди прочего, поинтересовался и персоной наладчика-социолога.

Удовлетворив все его просьбы, секретарь парткома Щекин (в прошлом — главный технолог завода) «не рекомендовал» Радову встречаться с А. Дело в том, что о нем (А.) секретаря парткома недавно информировал «в негативном плане» секретарь партбюро ИСЭП В. В. Максимов.

В. Максимов привозил ему (Щекину) для ознакомления отчеты ст. научного сотрудника-совместителя ИСЭПа. Правда, там не упоминается конкретный завод... Но отчеты показали Щекину какими-то странными. «Попахивает идеализмом», — сказал журналисту секретарь парткома (возможно, вспомнив курс диамата, по которому сдавал экзамен в техническом вузе).

Вот и от общественной нагрузки политинформатора Алексеев уклонился... (Эти сведения могли поступить от секретаря партбюро цеха Новикова.) И в бригаду он не захотел вступать (это, вероятно, с подачи бывшего нач. цеха Соловейчика)...

Тут является в партком бригадир-орденоносец Игорь В-в, с которым также пожелал встретиться Радов. Застает конец этого разговора. «А у меня с А. отличные отношения.» — говорит Игорь (с которым мы как раз накануне разговаривали о вступлении в его бригаду). И своей репликой в некотором смысле дезавуирует мнение партийного начальника.

Саша Радов не настаивает на встрече с рабочим-социологом. В сложившейся ситуации он предпочитает объяснить Щекину, что А. «пользуется авторитетом» не только в рабочих, но и в научных кругах.

Мда! Впрочем, мне теперь, как говорится, терять нечего... Ведь у секретаря парткома второй месяц лежат мои предложения для ОГТ. И поди разберись теперь, не реагирует партком на них в силу норм производственной жизни, как таковых, или в силу каких-либо «идеологических» соображений...

Что такое есть В. В. Максимов, ясно уже давно. Но факт визита этого, кстати, бывшего друга А., в партком завода, с тайной от автора и научного руководителя (В. Ядов) демонстрацией там моих отчетов, является теперь уже не слухом, а **достоверной** (исходящей из официального источника) информацией.

(Прогрессивная общественность ИСЭПа кипит: «Ничему не удивляемся, но такое!». Факт этот имел место полгода назад, оказывается...) <...>

ОГТ под рабочим контролем

<...> Еще 18 мая у меня были готовы отпечатанные на машинке «сводные замечания» по техпроцессам, разработанным Софьей Ш-вой. Звоню ее начальнице Наталье К-вой («деловая женщина»):

— Можете забрать то, что успел. Или сам принесу...

Та не спешит. Предпочитает — все сразу.

— Смотрите, — говорю. — Там в пяти из девяти обозначений — элементарные расчетные ошибки, небось по ним шаблоны уже проектируют...

— А в тех, что Вы еще не проверяли, думаете, ошибок нет? — меланхолично замечает К-ва.

— Думаю, и там есть. Но мне производственной загрузки привалило на неделю. Я не скоро доберусь до остальных».

Прошла неделя, прежде чем «деловая женщина» забрала-таки отработанные мною кальки.

«Вот тут у меня все написано, — говорю. — Ошибок так много, что впору задуматься о профессиональной пригодности двоих Ваших сотрудников: Ш-вой и Б-вой. И к сожалению, все это проверено и подписано лично Вами...».

Лицо каменное (у нее).

— От меня требовалась срочная выдача, — говорит.

— Это не оправдание, — холодно замечаю. — Кстати, шаблоны на эти техпроцессы уже заказаны?

— Конечно, нет, — отвечает та как-то поспешно.

Не удивлюсь, если это и неправда. В феврале 1982 г. (дата ее подписи) от Натальи К-вой требовалась «срочная выдача». Для чего? Чтобы заказать оснастку (шаблоны)? Впрочем, может быть, и просто для отчетности... Сейчас май. Но тогда, выходит, три месяца эти «срочные» кальки лежали без движения?

Оставшиеся мне для ревизии техпроцессы Лидии Б-вой, судя по тому, что я успел пока бегло просмотреть, сулят еще больший скандал. <...>

Неожиданные визиты

<...> Электрик из ОГЭ [отдел главного энергетика. — А. А.] Виктор Е-в. Случайно шел мимо, удивился. Как, этот ПКР... работает?! Он, оказывается, три года назад участвовал в монтаже станка. И был в полной уверенности, что тот — все еще «памятник»...

— Вот что значит один хозяин! — замечает Виктор.

Рассказываю ему, что совмещаю в одном лице наладчика, штамповщика, ремонтника и технолога.

— А сколько получаете?

— 150 руб., повременно.

— Так пусть платят за совмещение профессий!

— Что мне эта десятка?

— Лучше десятка, чем ничего.

Тут я не согласен. Лучше ничего, чем десятка!

Кстати, этот электрик, оказывается, может починить автоматику ПКР, к недостаткам которой мы с Сергеем уже успели притерпеться... (Позднейшее примечание: дальше разговора дело не пошло.)

Еще один визит (в четверг, 27.05) — молодой журналист заводской газеты Валерий Белашев. Ему поручена заметка про ПКР для «Трибуны машиностроителя». Ну, это, наверное, отголосок встречи столичного журналиста с секретарем парткома...

Валерий уже успел переговорить с Игорем В-вым, с цеховым технологом — от всех получил самую позитивную информацию. Правда, еще не был в ОГТ...

Излагать детали нашего общения сейчас некогда. Уходит журналист — изрядно воодушевленный. <...>

«Мы загрузим станок и без них...»

<...> Очередные переговоры с Игорем В-вым о перспективах моего вступления в бригаду.

Выражаю готовность (в ответ на его предложение) прекратить держать на буксире технологов и самостоятельно делать для бригады все, что возможно на ПКР. Тогда пусть «они» хоть пять лет еще ковыряются (со своими официальными техпроцессами). «Надо ловить миг удачи», — замечает Игорь. Будет договариваться с начальником цеха.

Разговор этот возникает в связи с сообщением Игоря, что мною интересовался корреспондент заводской газеты. Сообщает и то, что он ему про меня говорил. <...>

Разовое партийное поручение

<...> Секретарь партбюро цеха В. Новиков предлагает войти в комиссию по расследованию персонального дела коммуниста, токаря Юрия С-на, который нарушает не только партийную, но и производственную дисциплину, и т. д.

Не исключено, что это тоже косвенное последствие замечания Игоря В-ва в парткоме, что, может, Алексеева просто **не привлекают** к общественной работе... А может — с подачи нового начальника цеха А. Д-на. Разумеется, соглашаюсь. <...>

Зачем обсуждать, если мы одобряем

<...> Оказывается, городской комитет партии принял какое-то постановление о нашем заводе. Как выполняются решения XXVI съезда КПСС и т. п. О ходе выполнения этого постановления проводятся партийные собрания во всех цехах. Небывалый случай — на нашем собрании присутствуют «высокие гости»: женщина-инструктор горкома, и с нею — зам. секретаря парткома по идеологической работе Лариса (не помню фамилии) [Л. Л. Герасимова. — А. А.].

Все на высоте... В цеховой парторганизации есть резерв общественной активности, чтобы выступать на подобных собраниях. В меру самоотчетов, в меру критики.

Два часа продолжалось собрание — тоже случай беспрецедентный.

Ну, полчаса ушло на прием в партию кандидатов. Один не помнит, в каком году был XXVI съезд; другой помнит слово «демократический», а «централизм»... забыл. Но последнему прощается, поскольку на вопрос об общественной нагрузке тот простодушно отвечает: «Воспитываю двоих детей». Нет, тут не надо придирается!

И председатель собрания, член парткома и бессменный лидер ДНД, токарь Борис Максимов объясняет все эти неловкости робостью вступающих.

А инструктор горкома заявляет о своей полной удовлетворенности уровнем политической активности первичной парторганизации.

И все бы ладно... Да какой-то пенсионер спрашивает под занавес: не слишком ли много наша страна помогает своим друзьям и союзникам (в Африке и Латинской Америке). Тогда инструктор горкома заявляет:

«Тут не о чем говорить, **потому что** мы одобряем и поддерживаем политику нашей партии. Как же мы можем это обсуждать, если мы это **одобряем**». <...>

Седьмая неделя «Хроники». Хронометраж процессов

Дни тридцать первый — тридцать пятый. 31.05–4.06.82 (понедельник — пятница).

С производственной точки зрения — неделя вроде бы «пустая» (заурядная). С «исследовательской» — чрезвычайно насыщенная.

В неделе — 40 рабочих часов. Наладки, как таковой, было часа 4. Часов 16 — штамповка, как таковая. Часов 8 — проверка технологической

документации. Еще часов 8 — разнообразные «орг.-тех. мероприятия». Часа 4 — писание статьи «Выход из «мертвой зоны» (что, хоть и прямо связано с производством, но, ввиду потаенного характера этой деятельности, можно условно отнести к «свободному времени»). <...>

* * *

[Далее — описания некоторых событий или эпизодов первой недели июня 1982 г. — А. А.]

Пожар как спектакль

<...> В окно видно, как горит крыша термички, расположенной метрах в 80 от нашего цеха. Все столпились у окна, наблюдаем.

Воспринимается как развлечение. Все уверены, что «кому надо» — уже знают, но вот сколько «прособираются» тушить? Минут через 10 после начала наблюдения (внутри производственного помещения этот пожар начался, вероятно, раньше, раз уже крыша полыхает) на крыше появился первый человек с огнетушителем. Встречен зрительским улюлюканьем. Еще через 10 мин. по крыше потащили шланг. Не спешат... Конец «спектакля» скрылся в дыму.

Позднее добрых два десятка человек полдня занимались растаскиванием крыши. Но это было уже «не интересно».

Обсуждалось в основном — кому за это **попадет**, да и то — лениво. Даже я не поинтересовался потом узнать — отчего пожар, не пострадал ли кто внутри. Впрочем, если бы пострадал, это стало бы предметом разговоров. <...>

Несостоявшееся «ЧП»

<...> Когда налаживал деталь «Ф-...», плохо закрепил шаблон на координатном столе своего пресса. Деталь — простая. Раскошегарился, набрал скорость штамповки... Вдруг смотрю: а шаблон-то отодвинулся от установочной планки Y миллиметров эдак на пять! «Головокружение от успехов» вышло...

Первое дело тут — определить, сколько же деталей ты загнал в брак. Потом сообразить, как восполнить недостачу годных.

Проверяю каждую деталь из стопки отштампованных. Нахожу ту, с которой эта неприятность началась. Видно, как от детали к детали наращивается выход размера из допуска (шаблон сползал постепенно). Отклонение до 0,5 мм — терпимо. Дальше — непоправимый брак. Сколько же таких? 20 штук.

Возникает надежда, что заготовок привезли с запасом. И в самом деле — как раз на 20 штук больше, чем требуется.

А дело в том, что на заготовительном участке проще лишних нарезать, чем по штучке пересчитывать. И фрезеровщик, когда кромки детали обрабатывал, не считал: заложил пачку — и врубил фрезу. Считать начинают ближе к концу технологической цепочки. Вот, как я сейчас, например.

В общем, повезло... Я могу никому в этой истории не признаваться.

Но, из педагогических соображений, зову своего ученика Серегу З-ва, пока еще не поправил шаблон на координатном столе: «Смотри, как бывает, если плохо закрепил!». Учиться можно и на ошибках учителя. <...>

Как же быть с изготовлением шаблонов на ПКР?

<...> Начальник тех. бюро Л. К-на, озабоченная проблемой шаблонов (см. выше), интересуется, не занимался ли я выяснением этих дел. «Мне для этого нужно минимум два дня, освобожденных от штамповки», — говорю.

Простоев по разным причинам за неделю было побольше. Но все — «по кусочкам». А нужно — решение остановить станок. Решение такое ей принять трудно, а старшему мастеру Т-ву — это вовсе ни к чему. <...>

В составе комиссии партийного расследования

<...> Юрий С-н — член КПСС, на собрания не ходит, взносы за 3 мес. не уплатил, было и несколько прогулов. С подачи прежнего нач. цеха, его вывели из бригады. (Это серьезное наказание, при сложившейся бригадной форме; ведь при недостатке выгодной работы, которая, конечно же, достается бригаде, индивидуальный сдельщик немедленно теряет в зарплатке.)

С подачи нового нач. цеха, Юрия включили в бригаду обратно (к облегчению бригадира, которому без С-на приходилось самому налаживать новые обозначения ПТУшникам). Теперь об этом очень сожалеет секретарь партбюро В. Новиков: надо было ввести обратно, но попозже...

Готовится персональное дело. Для этого нужна комиссия парт. расследования. В нее входит бригадир М-н (он же — партгрупорг участка), еще один партийный активист, токарь Ч-в и я (см. выше). Задача комиссии — написать акт парт. расследования.

Меня привлекают именно к написанию акта, т. к. домой к С-ну уже ездили М-н и Ч-в, без меня. Мой творческий вклад в это дело состоит в невинном интересе: когда вступал С-н в партию (на заводе ли?) и кто были его рекомендатели. Не сразу выясняется, что вступал на заводе, в этом же цехе, лет 10-12 назад, а кто рекомендовал — никто не помнит, и спрашивать, хоть в парткоме, хоть у самого С-на, «неудобно». Да последний вряд ли и помнит.

Главная забота — написать акт авторучкой с чернилами, а не шариковой. Это делаю все же не я, а Ч-в, т. к. я тоже никогда не писал таких актов, а Ч-в — чего только не писал.

При сочинении акта пользуемся сведениями, полученными от тещи — матери покойной жены С-на, по месту его прописки, где он, однако, фактически не живет, а живет с другой. Теща (бывшая) жалуется, что он недостаточно материально помогает детям, которые живут вроде бы с нею. Бывает, приходит навестить их и навеселе.

Все это отражается Ч-вым в малограмотных бюрократических выражениях, при моем попустительстве. Скрепляем акт тремя подписями.

Товарищеский суд

<...> Другая воспитательная ситуация.

Юрий П-в, слесарь со второго участка, постоянно пьет на работе. Между прочим, потому и в вытрезвитель не попадает, что именно на работе пьет. И вот — товарищеский суд. Его председатель — старейший рабочий Алексей Н-н. К своим обязанностям относится истово. Смысл обличительной речи Н-на: пить нельзя ни на работе, ни на улице; все **сознательные** рабочие выпивают дома. Он призывает Юрия П-ва к «сознательности».

На товарищеских судах надо «каяться». Но этого никто не умеет. Надо «клеить». Но этого никто не хочет. Председатель суда настаивает, чтобы высказались члены бригады, в которой работает П-в. Наконец, без охоты, выступает бригадир Владимир Е-в. И вдруг, вместо того, чтобы обличать нарушителя, обрушивается на администрацию.

Оказывается, при нашей бригадной организации и оплате труда, сама по себе бригада **не вправе** наказывать или поощрять своего члена рублем (снизив или повысив ему коэффициент трудового участия, т. е. «дневное задание»).

Критика Владимира Е-ва звучит сильно. Понятно, Юрию П-ву выносят общественное порицание. Но главным во всем этом спектакле остается «монолог бригадира». <...>

Горизонтальности нет, а бетон застывает...

<...> Вижу, бетонируют фундамент новой гибочной машины. Без особой задней мысли кладу уровень на рабочую поверхность агрегата и нахожу, что она не горизонтальна. Подзываю наладчика больших прессов Стаса П-ва (человека очень совестливого и отзывчивого, когда надо помочь). Показываю.

— Да. Ну и х-й с ним.

— А вдруг тебе придется потом эту машину налаживать?

— Не придется. Здесь электроника.

— Не тебе, так мне или кому другому...

— ?!

Микроэксперимент. Советуюсь с цеховым ветераном Ваней С-вым.

— Конечно, надо было не бетонировать, а на регулируемые амортизаторы ставить, — говорит он. (Как мой станок, где можно регулировать горизонтальность координатного стола.)

Ищу старшего механика Ш-ва. Не нахожу. Его заместителю, пред. цехкома Кериму К-ву сообщать такое бессмысленно. Ему все до лампочки.

Ладно.

Нач. тех. бюро Люся К-на: — Все должно стоять по уровню. Это — дело механика.

— Ну так вот: механика нет, а бетон уже застывает.

— Пусть механик об этом думает. (Правильно. Стас тоже сказал: «Х-й с ним!».)

— Мое дело предупредить, а Вы как хотите, — произношу чуть ли не афоризм, который настолько понравился члену парткома завода, токарю Борису Максиму, случайно оказавшемуся рядом, что тот его повторяет как припев, на разные лады.

Ну, и последний мой шаг, продиктованный бескорыстной производственной ответственностью. Подхожу к Кериму (тот самый зам. старшего механика):

«Дело вроде не мое, но вы гибочный агрегат по уровню выставляли?»
— «Конечно!» — «Так вот, горизонтальности нет, а бетон застывает».

Ноль внимания.

Ну, «х-й с ним», в самом деле.

Минут через 15 краем глаза вижу, как пришел-таки Керим, с уровнем и кувалдой. Слышу, пару раз ударил кувалдой. Это он пытается заставить пузырек уровня встать по центру. Как же, держи карман шире...

Когда тот ушел, подхожу снова со своим уровнем. Конечно, все по-старому. Бетон уже почти застыл. <...>

Держите давление!

<...> Когда в воздухопроводящей системе давление падает до 4 атмосфер, пневмозажимы моего станка плохо держат заготовку. Она сдвигается от ударов пресса, нарушается взаимосвязь отверстий. Что является непоправимым браком. На 5 атм. работать можно, но очень внимательно. Может и сдвинуть заготовку. Зато на шести — полная уверенность, что этого не произойдет.

Положено вообще в цеховой системе иметь 6 атм. Но никто в цехе за этим особенно не следил, пока я не приучил. Наблюдаю за давлением по манометрам не своего станка, а соседнего, обрубного пресса. Так, чтобы ясно было, что давление если снизилось, так в цеховой системе, а не только у меня. Тогда мастер, или наладчик Стас П-в, или я сам — звоним в компрессорную: «Мало воздуха!». Тем придется поднимать давление до шести атмосфер. Иногда это затягивается на час-полтора.

Я «избаловался» и вырубаю станок даже при 5,5 атм. (когда, хоть и с риском, работать можно). А с чего это я буду рисковать? Положено 6 атм. — вот и будьте любезны мне их обеспечить. За брак-то с меня спросят, не с компрессорной.

Держите давление! <...>

Ремонт гардероба

<...> Рабочий гардероб («раздевалку») ремонтировали несколько месяцев. Сначала настилали новый линолеум. Потом красили стены. А уж потом белили потолок. В такой вот последовательности... За это время пять раз перетаскивали шкафчики с места на место. И каждый раз — на новое! Потом цеховой художник Володя П-ч по трафарету рисовал на каждом шкафчике цветочки и номер.

В итоге всех преобразований мой шкафчик оказался поставленным так, что мы с соседом Ильей переодеться одновременно никак не можем. Зато Илья притащил откуда-то табуретку, и можно обуваться сидя. Пользуемся табуреткой по очереди, очень предупредительные друг к другу.

Казалось, не повезло, ан нет: лучше тесный закуток на двоих, чем жить на большом проходе.

Сосед приходит чуть раньше и уходит тоже чуть раньше меня. Так что не мешаем друг другу. И никто больше не мешает. <...>

Будни ДНД

<...> Дело было 2 июня, в среду. Четверо дружинников, из них трое — члены партии и один — комсомолец, обошли свой участок положенным маршрутом. Перед тем, как вернуться в штаб ДНД, заглянули в подъезд одного из проходных дворов, чтобы «приговорить» бутылку бормотухи.

Затем самый активный из нас четверых, по прозвищу «Усатый», выразил желание добавить. Он, вообще-то, еще в обед принял, потом, перед ДНД, успел побывать «на бочке». Но держитесь крепко («гладиатор», по выражению Альфреда Сарно). Трое дали ему по рублю, тот снял повязку и пошел в магазин на соседний участок (не наш «подшефный»!).

Пропадал долго. Мы уж забеспокоились, ожидая его на улице, неподалеку от штаба. Вернулся с бутылкой и настоял не дожидаться следующего маршрута, а открыть ее сразу. Выпили еще (на этот раз в подвале). Закусили конфеткой. Потом вернулись в «мужской клуб», т. е. в штаб ДНД. Там — в разгаре какая-то полемика на производственные темы. «Усатый» моментально в нее включился. Но больше уж на маршрут не выходил. (Я, кстати, тоже.)

А член партии помоложе и комсомолец, посидев немного в штабе, ушли «по спецзаданию» — на охоту за спекулянтами спиртным (после закрытия магазина в 21 час). И изловили-таки: не то одного, не то двоих.

За два с лишним года это первый случай в моей практике дружинника. Но, разумеется, привычно для «Усатого»... Все было вполне пристойно, т. е. без нарушений общественного порядка. <...>

Пора кончать эту «благотворительность»

<...> «Деловая женщина» Наталья К-ва прислала с Аллой П-ной чертежи для проверки калек технолога Лидии Б-вой. Карты штамповки этой Лидии, которые проверяю, как только выдастся свободных хотя бы полтора часа, это нечто ужасное! Софья — небрежнее, Лидия — глупее. **Ни одного** техпроцесса без грубых ошибок...

У меня осталось всего четыре не проверенных новых техпроцесса из двадцати. И думаю, что на этом я прерву свою технологическую «благотворительность». <...>

Технологический плагиат

<...> В прошлом году я подал рационализаторское предложение — насчет пробивки отверстий на ПКР в так называемой «мертвой зоне» путем переворота шаблона на координатном столе.¹⁶

Отдел главного технолога тогда мою рацию отклонил. А теперь сами во всю используют эту идею.

Сначала косвенные заимствования: скажем, перевернуть заготовку, не переворачивая шаблона, благо отверстия в детали расположены симметрично (технолог Софья Ш-ва). Другой технолог из ОГТ Лидия Б-ва (у которой явно отсутствует пространственное мышление) додумалась переворачивать заготовку, не переворачивая шаблона, для деталей с несимметричным расположением отверстий. И вышло нечто совсем несусветное. (В каком-то из «писем Любимым женщинам» я это подробно описывал.)

Повторяю, все это были вариации (иногда «пародии»!) на мою рацию¹ 236/81, формально отклоненную ОГТ. Но еще ни разу технологом не приходилось — в точности **воспроизвести** мое предложение.

И вот сегодня (3 июня, четверг) цеховой технолог Алла П-на приносит для проверки очередную кальку. Смотрю: что-то очень знакомое! Ну да, вот технологическое указание: для пробивки связки отверстий таких-то (расположенных в «мертвой зоне») **перевернуть шаблон!** То есть — строго в соответствии с рацией наладчика ПКР.

Судя по подписи, автором этого техпроцесса является Софья Ш-ва. А дата разработки... июль 1981 года. Но ведь именно в июле 1981-го и была отклонена моя рация. Да... Как говорится, пойманы с поличным. Однако не будем спешить ставить отдел главного технолога в самое «неудобное» из его положений.

... Скоро конец смены. Проверять — координат тут до дури. Отложить, что ли, на завтра? Все же просматриваю основные позиции. Ох, Софья, Софья! Уже третий (если не четвертый!) год она занимается ПКРом. И не сумела «выучить», сколько же крупных гнезд в револьверной головке этого станка. Крупных — всего четыре из 24-х. А она предлагает использовать... пять.

Проверять дальше нет смысла, раз налицо исходная ошибка. Возвращаю кальку Алле, комментируя ситуацию в пристойных выражениях (заменяющих более уместные — непечатные). Та радарадешенька, что ей не нужно ничего делать: «Я теперь отбрыкаюсь от ОГТ!».

Завтра она вернет им кальку. И с легким сердцем уйдет в отпуск. Желаю ей хорошо отдохнуть.

А технологический плагиат положим пока за щеку. <...>

Будни овощебазы

День тридцать шестой. 7.06.82 (понедельник).

¹⁶См ранее, в главе 3: раздел «Итак, я ловлю рыбу...»

<...> Был отправлен на Ждановскую районную овощебазу. От цеха — 11 мужчин и 9 женщин. Мужчины — в основном повременщики, женщины — из конторы. У меня накопилась уже очередь производственных заданий, да и партия брошена посередине. Неважно... Левая рука не ведает, что делает правая.

(Художника Володо тоже отправили на овощебазу. А потом, оказывается, целый день искали — некому было соц. обязательство рисовать. А уж это «поважнее», чем детали штамповать на программу!)

Распределение по нарядам — в проходной овощебазы. Женская бригада — перебирать картошку (во главе с нач. тех. бюро Людмилой К-ной). Мужчины (во главе с цеховым диспетчером Львом Р-вым) — разгружать вагон меда. 8 мужиков с нашего завода и еще 5 чел. мебельщиков до 12 час. сидели в конторке корпуса ¹ 21 овощебазы в ожидании этого вагона. Первые два часа — совсем «без дела», потом нашлись карты (предпочли бы домино).

Общим развлечением был лосенок, забредший на территорию овощебазы. Наблюдали его из окна.

До обеда компания из 13 мужчин нагрузила одну машину банками с консервированной свеклой. Четыре или пять банок разбились на ленте транспортера. Еще одну машину загрузили мешками с сахарным песком (кажется), другую (уже после обеда) — опять банками со свеклой. И под конец две машины — бочками с виноградом, залитым какой-то отравой, то ли для обработки, то ли для сохранности.

(Местный распорядитель работ говорил, что от этого яда на базе уже было три несчастных случая. Так что, в отличие от всей остальной потребительской продукции, эти бочки лежат во дворе, без охраны.)

Обедали всем коллективом, точно в положенное на базе время, в течение часа. На девятерых — две поллитровые бутылки принесенного с завода разведенного пополам с водой спирта. Это — забота месткома...

Пришли в 8, отпущены были в 15 час. Из шести часов «рабочего времени» были заняты работой менее 1,5 час. Вроде даже для завсегдаев овоще-базы случай экстраординарный. Но, как известно, «типичным» может быть и исключительный случай, если он выражает общественную тенденцию.

...Колоритная старуха лет эдак на 75, но почему-то с подкрашенными бровями, спит сутками на ящиках и собирает бутылки от пришедшей рабочей силы. Она — сторож. Несколько женщин-отделочников после обеда штукатурили помещение конторы, в котором мы отсиживались. Рассказывали, что эта старуха очень богата. Все причастные к «пирогам» особенно обижаются на тех, кому от пирога достается больше. Вот этим малярам перепадает меньше, чем сторожам и кладовщикам...

Наши напарники-мебельщики хаяли выпускаемую их комбинатом массовую мебель. Впрочем им приходилось выполнять и «правительственные заказы».

Но, если не отвлекаться от темы, то для обслуживания пяти автомашин в течение дня более чем достаточно было бы четверых грузчиков. <...>

Авгиевы конюшни

День тридцать седьмой. 8.06.82 (вторник).

<...> Чтобы загнать гвоздь в ОГТ по самую шляпку, пишу **от руки** (в отличие от машинописной сводки замечаний) записку «деловой женщине» К-вой. Текст следующий:

Ув. Наталья Владимировна!

Предпринятой по Вашей просьбе проверкой техпроцессов, разработанных сотрудниками ОГТ Л. М. Б-вой и С. Б. Ш-вой, обнаружены элементарные расчетные ошибки в 12 т/процессах из 19. К сожалению, все эти тех. документы подписаны и Вами.

Остаются также не решенными принципиальные вопросы: технологическое обеспечение штамповки с переворотом заготовки; штамповка деталей, где размеры заданы более чем от 2-х баз; обеспечение требуемого допуска перпендикулярности сторон заготовки.

Моя дальнейшая работа по проверке техпроцессов представляется целесообразной лишь при условии решения этих принципиальных вопросов и серьезного ужесточения контроля за качеством работы Ваших подчиненных.

А. Алексеев. 9.06.82

Смысл: хватит с меня — разгребать ваши «авгиевы конюшни». (Кстати, которым по счету был этот подвиг Геракла?)

Вообще, одной из тактик заставить людей хоть как-то работать является сначала сделать что-нибудь **за них**, даже приучить их к этому, а потом... **резко** выдернуть плечо, когда те уже успеют привыкнуть. Тогда им приходится восстанавливать статус-кво, которое, однако, оказывается уже выше уровня того, что их устраивало прежде (когда ни они сами, ни кто-либо другой за них этого не делал).

Посчитать бы убытки только от этих 19 техпроцессов, не напорись ОГТ на контроль и инициативу «снизу». <...>

Новый начальник цеха (2)

8.06.82 — продолжение.

Утром в наш с художником «кабинет» заглядывает начальник цеха. По отношению ко мне — резкое изменение линии поведения. Если этот кандидат наук не хочет выходить из своей производственной роли, значит, надо обращаться на «ты»:

«А ты, Алексеев, правильно колотишь технологов и службу главного инженера!..»

(Гм, последнего я вроде еще не «колотил».)

Значит, произошла у него какая-то подпитка информацией. Может, показали ему текст подготовленной корреспондентом многотиражной газеты статьи об «ожившем памятнике», где в выгодном свете представлен наш цех? Или ознакомился с моими «Предложениями по совершенствованию технологии...», блуждающими где-то в заводских верхах. Может, еще что...

Со временем узнаем. Реплику эту пропускаю мимо ушей. А вот на замечание о двух окурках на полу в зоне своего рабочего места... реагирую незамедлительно. Виноват!

Начальник цеха Анатолий Д-н доверительно матерится, подчеркивая этим свой демократизм.

«Зелен» еще в этой роли, трудно выработать адекватную манеру поведения. <...>

Социолого-драматургические эффекты

День тридцать девятый. 10.06.82 (четверг).

<...> Уже второй день у меня готова отпечатанная сводка замечаний на техпроцессы Лидии Б-вой. Вчера звонил ее начальнице («деловой женщине»), но та была в местной командировке. А тут является сама Лидия. Якобы за чертежами техпроцессов, которые я проверял.

Они мне больше не нужны. И замечания готовы. Вот все в этой папке: ваши кальки, чертежи, официальная «рецензия» и «личное» письмо Наталье К-вой (см. выше).

Поскольку Лидия Б-ва своим приходом вместо начальницы исключила неофициальные устные комментарии наладчика относительно ее, Лидии, профессиональной непригодности, которые могли бы быть высказаны Наталье К-вой, это заранее приготовленное письмо «деловой женщине» — как нельзя более кстати.

И до чего же удачно, что я успел с проверкой этих техпроцессов прежде, чем у их автора не выдержали нервы ожидать «рецензии». Я ведь проверял эти кальки урывками, в свободные минуты, даже в ущерб этой хронике...

Лидия Б-ва оказывается в пикантной роли курьера для передачи своей начальнице «доноса» о собственном служебном несоответствии (ведь Наталья К-ва скорее всего этого письма ей не стала бы показывать!). Вместе с тем, открыв папку, она первым делом прочтет мою записку «деловой женщине» и окажется невольным свидетелем уже и собственной начальницы заслуженного, в общем-то, «унижения» («К сожалению, все эти кальки подписаны и вами, Наталья Владимировна...»).

И обе получают психологическую встряску, уже не только в качестве действующих лиц, но и зрителей моего театра. <...>

«Узкое место»

10.06.82 — продолжение.

<...> А еще в этот день было производственное цеховое собрание, где нач. цеха сообщил, как отработали за истекший месяц. Узким местом сегодня является слесарная площадка, особенно — моего участка, где объем работ будто бы выявляет дефицит двадцати (!) слесарей. Кто-то спрашивает начальника: «Как же так, слесарей не хватает, а заплатили в этот месяц меньше, чем в прошлом. Значит, не хватило слесарям работы?» <...>

[Здесь опущено описание процессов и событий середины июня 1982 г. «Хроника...» завершается 45-м днем, 18. 06. 82 (пятница). — А. А.]

* * *

Два месяца спустя. Конфликт с новым начальником цеха

<...> Пишу «объяснительную» начальнику цеха ¹ З. А. Данилушкину:

На Ваше распоряжение приступить к эксплуатации станка ПКР КО-120 сообщаю, что работа по замене износившихся втулок револьверной головки, производившаяся ремонтной группой цеха с 2 по 13 августа с. г., выполнена некачественно. Техническая проверка точности, предусмотренная правилами приемки станка, проводившаяся 14.08.82, показала существенный выход из предельного отклонения.

Выпуск брака на неисправном оборудовании считаю недопустимым. Поэтому приступить к работе, до устранения отмеченной неисправности, не могу.

Наладчик т/о А. Алексеев. 25.08.82.

...По-рабочему, это называется: ремонтники производственнику станок «отдали», а производственник станка «не принял». Но можно это квалифицировать и иначе. Например: «отказ от работы». <...>

(Записи велись в течение апреля-августа 1982 г.)

5.5. Как Серега был «штрейкбрехером»

[Нижеследующий текст (1982) описывает одну из характерных — моделирующих — ситуаций в рамках эксперимента социолога-рабочего. Такое же название он имел и в оригинале.]

Публикуется с небольшими сокращениями. — А. А.]

Из производственного дневника (сентябрь 1982)

Серега 3-в — слесарь 4-го разряда, работает в бригаде Анатолия С-ча [А. В. Сычевич. — А. А.]. Ему около 30 лет, он представитель молодого поколения кадрового ядра цеха. На заводе работает в общей сложности около десяти лет. Из цеха уходил служить в армию и вернулся в цех. Его жена — медсестра в заводском здравпункте. Живет Серега в 10 мин. ходьбы от завода.

В своей бригаде, да и вообще на слесарном участке Серега принадлежит к числу высокооплачиваемых рабочих. Его дневное производственное задание — 9,8 руб., почти такое же, как у бригадира (у того — 10 руб.). С учетом прогрессивки, получается, что Серега зарабатывает в день 13 рублей (что соответствует месячному заработку до 300 руб.).

Серега — член партии (как и его друг и бригадир Анатолий С-ч).

Когда администрация цеха, обеспокоенная вынужденной «монополией» Алексеева в обслуживании координатно-револьверного пресса (ПКР), затеяла, наконец, подготовку ему «дублера», Серега сам вызвался на это дело. После двухмесячного ученичества ему, в июне 1982 г., присвоен 2-й разряд штамповщика. Учеником он оказался в общем способным. С тех пор работать на ПКР Сереге не приходилось.

Нижеследующие события конца августа — начала сентября 1982 г. будут излагаться в манере, несколько отличной от «Хроники...». А именно —

не то чтобы от имени Сереги, но держа его за **главное действующее лицо**. В некотором смысле, этот текст — протокол включенного наблюдения, со строго фиксированным объектом наблюдения. Объект этот (разумеется, сам по себе — субъект!) — мой бывший ученик Серега 3-в.

[«Включенное наблюдение» здесь, пожалуй, играет все же подчиненную роль в контексте «наблюдающего участия». — А. А.]

Дело в том, что, сидя за верстаком на расстоянии 10–15 м от координато-револьверного пресса и занимаясь немудрящей деятельностью снятия «градов» [*грата*. — А. А.], т. е. зачистки напильником заусениц, остающихся на деталях после токарных и фрезерных операций, я имел возможность дистанционного (все-таки 15 м!), абсолютно естественного (сидел лицом в ту сторону) и всепонимающего (мне ли не понимать!) наблюдения за ситуацией, в которой сам до тех пор был постоянно действующим «субъективным фактором» и из которой, счастливым социологическим наитием, вдруг сумел этот фактор изъять.

И ситуация стала развиваться **естественно** — без «возмущающего» влияния инструмента наблюдения!

Любое производственное и не производственное телодвижение Сереги; любой его социальный контакт; мигание лампочки на пульте управления моего станка; жестикация начальника цеха, что-то объясняющего Сереге, и появление у пресса мастера инструментальной группы; присутствие рядом с Серегой цехового технолога Аллы П-ной и ее отсутствие, — все было мне **понятно** и **означало** ту или иную фазу, поворот в развитии ситуации.

Общий рисунок ситуации я мог бы воспроизвести, не обмениваясь с Серегой ни единым словом на протяжении недели. Но мы, понятно, обменивались, чаще по Серегиной инициативе, т. к. у него была в этом не только человеческая потребность, но и деловая необходимость. А бывало, и я прогуливался его навестить. И не столько для разговоров, а чтобы запечатлеть в памяти обозначение изготавливаемой им детали или номера используемых гнезд револьверной головки (чего за 15 м не угладишь).

Всю эту неделю Серега выступал в оригинальной (для социалистического производства) социальной роли **штрейкбрехера** (слово, может быть, и слышанное им, но, уж во всяком случае, не из его повседневного лексикона).

Вот о том, как это разворачивалось, **что делал** сам Серега и **что делалось** с ним, без претензий на глубокое проникновение во внутренний мир человека, но с исчерпывающим отчетом о его социально-производственном поведении (впрочем, дающем пищу и для психологических интерпретаций и предположений), — этот «протокол».

* * * 25 августа 1982 г., в среду,

Серега, по договоренности с мастером, ушел с обеда (ездил с родственниками на кладбище). Решение начальника цеха немедленно поставить Серегу на ПКР вместо «отказавшегося от работы» Алексеева состоялось после обеда, когда Сереги уже не было. Друг и бригадир (а ныне замещающий мастера) Анатолий С-ч вечером не позвонил.

Так что, когда утром 26 августа Серега вдруг оказался объектом заинтересованного внимания сразу всех уровней цеховой администрации, это было для него полной неожиданностью.

Он знал только, что ПКР не работает уже около месяца. Алексеев настоял на ремонте. Сначала старший механик Ш-в, а потом Керим К-в (зам. механика и пред. цехкома) со станком возились. А Алексеева начальник цеха Д-н [А. Данилушкин. — А. А.] посадил на это время «грады» чистить.

Зря начальник так сделал, ведь эти ремонтники ничего в станке не рубят... Уже и Серегу спрашивали: «Откуда эта рукоятка?». Уж им неловко по пять раз на дню к Алексееву обращаться.

Обидело начальство Серегиного учителя... Сидит спиной к станку в 3 м от него и прочищает вращающимся сверлышком уже которую тысячу медных контактов. Глаза у него, небось, и на спине есть. Видит, что ремонтники в запарке... Но больше со своими советами не лезет. Отбили мужику охоту советовать! Впрочем и он с начальством особо не церемонился...

Вроде кончили ремонт. И тут оказалось: палец фиксатора в новые втулки револьверной головки не лезет. Алексеев это обнаружил, станок не принял. Его уже от «градов» освободили, они с Керимом вдвоем возились. Втулки выколачивали, обратно ставили. Потом Люся К-на (она сейчас временно зам. нач. цеха) все у станка паслась. Заставил их Алексеев какие-то «испытания» проводить. Что-то не так опять...

Алексеев говорит — у листодержателей подпятники гнутся и заготовка приподымается. Люся, похоже, считает, что он им очки вкручивает. Подходила к Сереге, спрашивала — было ли такое раньше.

— Было, конечно! — ответил.

— Так ведь работали?

— Понятно, неудобно, заготовка за матрицы цепляла...

— А он говорит, что теперь вообще в щель не лезет!..

Ну, тут Серега не в курсе дела.

Алексеев рассказывал потом, что добился-таки изготовления новых подпятников, на миллиметр толще, из хорошей стали. Не так гнутся.

Дает он им прикурить, однако! Как-то на днях Люся от него чуть не ревела. Спросил у учителя, а он объясняет, что те его в «саботаже» обвинили. Ну, он им и врезал обратно...

Потом какой-то мужик из РМЦ приходил. Контрольный мастер, кажется. Так и смяк индикаторы с магнитной присоской устанавливал. Вроде, геометрий учитель теперь доволен, а револьверная головка чему-то не перпендикулярна... Ну, это уж «дебри»!

Кажется, Алексеев и после смены оставался, проверял станок, когда мужик из РМЦ уже ушел. Собрались после этого ПКР запустить, но что-то опять заело.

Алексеев при Сереге отдал С-чу (тот сейчас за мастера) бумажку, сказал: «Вот объяснительная, ты просил». С-ч прочитал, сунул в карман. Се-реге не показал... Он и в бригадирах-то строит из себя начальника, а тут и

подавно. Было это 25 августа, еще до обеда. А что его, Серегу, поставят на станок вместо «отказавшегося от работы» (или «отстраненного от работы» — кто как говорит!) Алексеева, Серега, ввиду своего послеобеденного отсутствия, узнал только на следующее утро, 26 августа.

...Как саранча на Серегу все налетели: и С-ч, и Алла П-на, и Люся К-на, и сам начальник цеха Анатолий Д-н. Скорей, скорей, врубай ПКР, гони программу! А Алексеев сидит за свободным верстаком, напротив Серегоного, и снова «грады» чистит... Ну и дела!

— Е-л я эти стрессы поутру! — сказал учителю Серега. — Станок-то хоть пашет?

— Межцентровые расстояния плохо держит. Если станешь работать, следи за расстояниями между отверстиями, пробитыми из разных гнезд». *[Имеются в виду разные гнезда револьверной головки. — А. А.]*

— Так, а Вы что?

— А ты мою объяснительную разве не читал?

— Нет!

— Станок осталось совсем немного до ума довести. Не дают! А как сейчас — я работать отказался.

Нехотя, но покладисто пошел Серега налаживать первую партию.

Ну, хозяйство у учителя в порядке. Ключ от шкафа — в условленном месте. Подручный инструмент — в коробке; от того, который постоянно не нужен, отделен. Съёмники по типоразмерам в ящиках разложены. Пуансонодержатели из револьверной головки почему-то повынуды, а матрицы, те — стоят. Ну, загрузить верхний диск недолго — у Алексеева всегда все записано, что в каком гнезде. А где же запас вырубных пакетов, который держали в шкафу?

«Все, что не в станке, возвращено в кладовую. Фаина потребовала, еще пару месяцев назад», — сказал Алексеев. Это Серегу огорчило. Его в кладовую, как Алексеева, вряд ли пустят. Хочешь взять железку — давай марку *[жетон для получения инструмента. — А. А.]*. А у Серегои и марок-то свободных ни одной!

«Ничего, Фаина в отпуске», — заметил учитель. И ушел чистить свои «грады». Вся-то «передача дел» пяти минут не заняла.

«Е-л я эти стрессы поутру!» — повторил уже про себя Серега.

Алла, Люся, начальник цеха Д-н, то порознь, то вместе, стоят над душой. Ободряют и командуют. Костерят Алексеева, надеются на Серегу. Давай Серега! Ждем от тебя трудовых подвигов. А «Бугор» *[шутливое прозвище бригадира. — А. А.]* как-то в стороне. Друг, называется! Алексеев, небось, переживает, но молчит. Ну, этот знает, что делает...

Так началась Серегоина штрейкбрехерская деятельность. В ней были взлеты и падения, «обалдения» и апатия, радость творческого труда и горькое похмелье. Всего хватило за неделю. Не соскучишься!

Начальник цеха напирал на четыре «аварийных» партии. Программа горит! В первый день (26 августа, четверг) Серега управился с одной из

них. Панель «Ф-...» в общем-то не сложная. 5 гнезд, 23 удара. Штамповка с переверотом заготовки. Часть пробивного инструмента — уже в станке. Остальное взял в кладовой, без марок (Фаины нет, а младшая кладовщица в хозяйстве ПКР не разбирается).

В отличие от Алексеева, который все сначала продумает, потом делает, Серега физический труд с умственным совмещает: делает и думает одновременно. Думает о том, что делает сейчас, а не о том, что будет делать затем. Загрузил штампы, потом поставил шаблон... Оказывается, при таком положении шаблона лучше бы штампы иначе разместить. Что ж, перезагрузим. Лишняя работа для Сереги не столь обременительна, как лишние мысли.

А отрегулирован станок у учителя будьте-нате! Новые пакеты инструмента у Сереги в револьверной головке сразу спарились. Ни одного матрицедержателя смещать не пришлось. Ударил, без пробы, сразу по заготовке детали — размер в нулях! Ни бокового упора, ни искателя пантографа подвигать не надо.

В общем, везло Сереге в этот день. Начальство вокруг табуном ходит. А Алексей только раз и подошел, сам (а не по Серегиной просьбе). Уже когда Серега десяток панелек отстукал.

— Померяй-ка этот размер! — говорит.

— Почему этот?

— Два отверстия из разных гнезд пробиты. Вряд ли размер выдерживается...

Померил. Две десятки отклонения! А в чертеже? Две десятки и разрешены. В допуске. Нас это не е-т! Хмыкнул учитель. И пожелал Сереге удачи.

Работалось Сереге споро. Вся партия — 25 деталей. Лишний раз штангенциркуля в руки не брал. К концу дня успел даже загрузить часть инструмента для следующей детали.

С разверткой для кронштейна «Ф-...» наутро 27 августа (пятница) вышло не так все гладко. Алексей раньше ее не штамповал и съемника нужной конфигурации не нашлось. Понадобилось в инструментальную группу обращаться, чтобы съемник расфрезеровали. Да и паз 5,8×46,2 какой-то нехороший выходит... Сразу пуансон затупился, х-й его знает почему. 2-мм заготовку не то чтобы мнет, а искривляет. Вытащишь ее из щели между дисками револьверной головки — второй раз не засунешь.

(А ведь щель-то после ремонта увеличена — Алексей говорил, что заставил со всех подкладок матрицедержателей целый миллиметр снять!)

Правда, все эти неполадки встречаются у той же Люси (и. о. зам. нач. цеха) полное понимание, и даже предупредительность. Ей и начальнику сейчас — «лишь бы БЕло». Программу закрыть и, похоже, Алексеева уесть!

— Ведь можно же на ПКР работать?

— Чего ж нельзя, — говорит Серега, — раз Родина требует!..

Первую деталь («Ф-...») носили в ОТК, чтобы акт составлять.

Согласно акту — **все в допуске!** А следующая («Ф-...») — и на глаз видно: пара отверстий — на одном расстоянии друг от друга, а другая (таких

же) — на пару миллиметров больше. Ну, тут не в станке дело... Шаблон подкачал! Алексеев же этот шаблон не проверял. Значит, инструментальщики напортачили. А в карте штамповки? Там — правильно!

Выход сам Серега предложил. Заготовка рассчитана на две детали. И шаблон задуман как симметричный. Штамповать — в два захода: сначала одну половину заготовки, потом другую. По той половине шаблона, которая без ошибки. В два захода — тяжелее, конечно... Особенно с этой искривившейся заготовкой. Но можно. Алексеев на партизанских деталях так давно делает, чтобы в «мертвую зону» войти. Даже, кажется, рацию писал. Ну, ему отклонили...

А что размеры в чертеже заданы от 4-х баз — это нас не е-т!

Пожалуй, от той, что противоположна базе пробивки, размеры в минус уйдут. Но это всех, кроме учителя, устраивает. Начальство знает, значит, нас не е-т!

Отстукал Серега «Ф-...» (50 шт., по 16 ударов) к обеду и за следующую принялся. Привычка к станку восстановилась. Искателем в дырочки шаблона попадает с ходу. Плохо, что автоматическим поворотом револьверной головки теперь нельзя пользоваться. Алексеев предупредил, что тот иногда проскакивает нужные гнезда. Мол, это можно устранить, да нужно чуть повозиться. Ладно, обойдемся без автоматики, будем запоминать позиции...

По мере развития всех этих обстоятельств росла у Сереги потребность поделиться. С тем, кто понимает. «Бугор» понимать не хочет... Алексеев иногда от градусов спину разогнет, подойдет запросто, но помалкивает. Стал Серега учителю «докладывать». Про общий нормальный ход событий, при отдельных мелких неурядицах. Все, правда, не смертельно...

И станок пашет! Кернер до заготовки теперь почему-то не достает — подложил под матрицу.

«Это хорошо, что здесь не надо револьверную головку поворачивать, а было бы несколько позиций — стало бы цеплять!» — сказал Алексеев.

Верно, конечно... Но ведь здесь поворачивать не надо! А и надо было бы — ну, вытащил заготовку из щели между дисками, обратно запихнул.

«Ф-...» (25 шт., по 14 ударов, только керны) Серега отстукал спокойно. А на следующий день — шум! По кернам отверстия просверлили, под фрезу (там большой паз предполагался). И оказалось, что отверстия эти не на месте. Технологи хотели их по центру будущего паза разместить, а посадили на краю. Да еще диаметры отверстий не учли, совсем ерунда вышла.

К Сереге было прие-сь и сразу отстали. Он — **по шаблону** делал! А карты штамповки проверять Серега, как штамповщик, не обязан...

Побежали к конструкторам договариваться. Ну, это Люся умеет.

Главное — **станок пашет**. А что там у вас не так рассчитано — это нас не е-т!

За два дня Серега выдал на-гора три партии. Заработал, если по расценкам, 3 руб. Лишний раз не перекурил: и на голове висят, да и самому интересно выкручиваться. Вот только — как платить будут?

«Бугор» (С-ч) словно и не друг: «Сколько нарубишь, столько и заплатят!..» И лыбится.

Начальник цеха успокоил: «По среднему заплатим!». Это - другой разговор!

В понедельник, 30 августа, Серега приступил к четвертой партии. Просил нач. цеха все четыре за два дня сделать. Но вы же сами видите, сколько заморочек!

«Ф-...» (с переворотом, 50 деталей, по 28 ударов) - новая каверза. Там отверстия фигурные и усик в них должен вверх торчать. А в матрице нет нужного фиксирующего пастика. Ее можно только так установить, чтобы усик смотрел вниз или влево...

Помнит Серега эту деталь. С Алексеевым вместе делали, в период ученичества. Тот раскопал где-то старую матрицу с усиком, какую-то сборную, с насаженным кольцом. Зато в ней четыре фиксирующих пастика под шпонки - как хочешь ставь! Выставили тогда как надо. А когда отштамповали, стали из матрицедержателя вытаскивать - насадка там и осталась. Алексеев обычно, пока чего откуда не вытащит, не успокоится. А тут плюнул. У него тогда тоже на голове висели...

А потом, когда Серега неделю один на ПКР работал, в свободную минуту он эту насадку и вышиб. Да сломал. Алексеев, помнится, спрашивал - куда девал сломанную? Выбросил. (Сейчас-то и сломанная пригодилась бы!) Теперь и новую матрицу не поставишь, и старую без насадки не употребишь.

Люся приводит В-ва, мастера инструментальной группы. Оснастка - по его части. Тому оказалось проще на старую, не кондиционную матрицу другое кольцо насадить, чем с новой матрицей возиться. Так вот и тут выпутались. **А станок пашет!** Пашет, стерва... Начальству только этого и надо. Ведь Алексеев массовый брак на ПКР предсказывал!..

Перед обедом (30 августа) подходит к Алексееву табельщица с книгой распоряжений. (Серега случайно оказался рядом.) Предлагает тому расписаться.

Написано в книге (точной формулировки, понятно, Серега не запомнил):

Распоряжение ¹ 320 от 25.08.82 (т. е. задним числом! — А. А.).

За отказ от работы на станке ПКР КО-120 после ремонта и невыполнение указаний мастера и зам. нач. цеха, что привело к простоя оборудования 25.08.82 и поставило под угрозу срыва программу цеха в августе-месяце, объявить выговор наладчику Алексееву А. Н., раб. ¹ 03445, и депремировать за август на 50%.

Начальник цеха А. Данилушкин.

Алексеев говорит: «Я это должен переписать, тогда распишусь». Табельщица говорит: «Ну, тогда потом сами придете».

(Алексеев потом рассказывал: начальник цеха табельщице наказал - чтоб не давала переписывать! Мда, круто! Ну, учитель знает, что делает.)

Все же забеспокоился Серега, что мало заработал, пусть и обещали ему - по среднему. А «Бугру» (бригадиру и, так сказать, другу) нужен от Сереги и свой навар. Раз ты попал на ПКР - давай, делай, что можно, без технологии. А мы - как слесарную или фрезерную *[операцию. - А. А.]* закроем!

Дело обычное. Называется — **партизанщина**. По техпроцессу числится, например, как сверловочная, а штампуются! Быстро и доходно. Наряды закрываются на бригаду. Алексеев говорит, что с полсотни обозначений так выпустил.

В период обучения они с Серегой вместе партизанили. Потом к Алексееву уже и мастер стал с такими заданиями обращаться. А тот сказал: пока главный технолог на мои «Предложения» не ответит, не стану партизанить, ни для мастера, ни для бригад.

(Помнит Серега эти предложения, даже хотел вместе с учителем их подписать. Но, поскольку бригадиры тогда уклонились, тот ему отсоветовал, чтобы не выглядело, как будто он ученика подговорил.)

Ну, шаблоны-то нелегальные у учителя остались. В том числе и на ту лицевую панель, которая два куса (200 руб.) потянет. Алексеев тогда отказался партизанить. А Сереге сказал — хочешь, делай по моим шаблонам. Тут-то Серега за пару недель весь свой срок ученичества бригаде и оправдал. Потом Алексеев, видать, на ОГТ рукой махнул, снова стал партизанить. Но уже только для бригады Игоря В-ва [И. В. Виноградов. — А. А.]. Ну и правильно! Для бригады С-ча ведь Серега есть...

На третий день своего «штрейкбрехерства» затеял Серега «аферу» с «Ф-...» (25 шт., по 25 отверстий, сложных пазов нет, и весь пробивной инструмент подходящий имеется).

Ну, Алексеев свои шаблоны на самом станке пробивал. Есть там микроскопы, ни х-я в них не видно, правда, но он как-то приспособился: левым очком для правого глаза как лупой пользуется (у него вроде глаза разные). Один раз и ученика заставил шаблон на станке сделать. Не понравилось это Сереге... Он же слесарь!

Сереге проще стальной лист разметить, накернить и потом просверлить те же 6-мм отверстия. Точность, может, и не та, что должна быть с микроскопами, но для той детали, которую Серега задумал сейчас штамповать, достаточна.

Во второй половине дня 30 августа добыл Серега у Стаса П-ва, наладчика штампов (у которого всегда все есть!), кусок 3-мм стального листа. Выбрал для баз угол получше, напильником края подправил, разметил 25 отверстий, просверлил. Вот и готов шаблон! Не хуже алексеевских.

Только хотел свою партизанскую акцию развернуть — тут к нему Люся с Аллой: нет, ты еще на нас поработай!

Заглянул Серега в ихний техпроцесс и пришел в тупик. «Ф-...» не имеет шаблона! И написано временное п/и [*производственное извещение об изменении технологии*. — А. А.] — пробивать **без шаблона**, «по координатным линейкам», каждую деталь! Каждый удар — по микроскопам выставлять, выходит. А сколько штук? 25! Ударов — по 34! Для каждого удара — две координаты. Стало быть (Сереге не считал, но почувствовал): $34 \times 2 \times 25 = 1\ 700$ раз в линзу заглядывать, в которой ни х-я не видно! Да тут и с хорошей линзой неделю провозишься.

И что-то раньше ласковые были... А теперь — металл в голосе! Аппетит у этих баб, знать, во время е-и приходит.

Учитель объяснил: на пушку берут! К нему, оказывается, тоже с этим подлезали. Смотри, каким числом это п/и датировано: 25 авг. 82 г. То есть — теперь специально для Сереги возобновили! На этой оптике и 34 дырки для шаблона пробить не просто. А уж 850 — и вообще издевательство!

Был там в станке, согласно тех. паспорту, блок цифровой индексации... Для автоматической установки координат при пробивке шаблонов. С его помощью можно было бы и уникальные детали, по 3–5 штук, делать (каждую деталь — как шаблон). Но этот блок еще при перевозке станка кокнули... А теперь делают вид, что не знают. Да, похоже, и не вполне понимают, что записана — нелепость.

Прерванный в выполнении своей партизанской затеи провокационным начальственным требованием, Серега совсем увял. В таких случаях он тупо смотрит в чертеж и меланхолично курит.

—Ну, что, Серега? — спрашивает Алексеев.

—Откажусь, и... ..!!

Ну, зачем так уж! Чем каждую из 34-х позиций в детали по микроскопам выставлять, лучше Сереге и тут свой шаблон сделать! И по нему — все 25 деталей отштамповать. Серега это и предпринимает, на следующий день 31 августа (вторник). Люсю, Аллу, начальника цеха его инициатива вполне устроила, все тут были... Не хочешь раком становиться — стань передом. А оформим, как если бы стоял раком!..

Пришлось Сереге заделаться технологом, уже не добровольно, а **вынужденно!**

Есть чертеж, где каждое отверстие имеет свои координаты, если не от базы, то от другого отверстия (которое уже от базы, значит можно пересчитать). Есть и карта штамповки, где все это уже пересчитано. Но проще иметь дело с чертежом, где все наглядно. Берет Серега чертеж и сразу воспроизводит указанные там (или пересчитанные им на бумажке) координаты в металле. Кернит, потом просверливает...

Рука у Сереги верная. В допуск 0,2 мм уложится, а больше и не надо (для этой детали).

Контроль у Сереги один — готовая деталь. Совпали отверстия после пробивки по этому самодельному шаблону с чертежом — хорошо! Нет — поправим шаблон. Поправлять-то нежелательно... Дырку заваривать! А по заваренному — новую дырку при сверлении может повести в сторону. Но уж тут — судьба, и отчасти искусство. В карту штамповки Серега не смотрит. И уж **их** ошибок не повторит! Вот разве свои внесет... И внес.

Ведь все разрешили из идиотского положения выкручиваться собственными силами. Он и выкрутился. А в одном размере, при расчетах, на 1,5 мм ошибся, х-й знает как (бумажку-то выкинул!).

Отштамповал все 25 штук. И — **в брак!** Конечно, опять с конструкторами и сборщиками договорятся. На что же у нас технологи-то? Серега чувствует себя и не правым, и правым: вы нас «за ноги подвесили», мы вам — «козу заделали». Переморщитесь!

Выяснилось все это уже на следующий день, когда Серега успел не только административную («Ф-...»), но и свою, партизанскую, для бригады («Ю-...») отстукать. Там, по счастью, все в порядке.

Так или иначе, настроение у Сереги совсем упало. Учитель сочувствует, а может и радуется... Нет, не похоже на него: что ни присоветует, все по делу! Ему, небось, тоже несладко сейчас приходится... А тут «эта дура» (иначе Серега технолога не называет!) подкинула:

— Это Вы Алексееву выговор схлопотали! У него со станком не получается, а у вас получается.

Вспыхнули тут у Сереги угрызения совести. Поделился с учителем. Еще раньше ему говорил:

— Если начнут прия-ся, — пошлю на х-й!

А тот: — На х-й надо посылать своевременно, не слишком рано и не слишком поздно!

Серега: — Они же нахрапом взяли! Мне-то зачем все это?

Алексеев: — Конечно. Я на тебя не в обиде. Ты — орудие, и невольное!

Серега растроган: — А х-я ж поделаешь. Жить-то надо!

Вроде администрация со своей партизанщиной отстала... А у «Бугра» всегда найдется.

«Ф-...» — другая панель. Тут и расточные, и фрезерные операции, фигурные пазы и отверстия. Фигурные — значит комбинировать, один паз или окно — несколькими штампами пробивать. Какой брать, из чего выбирать — у учителя на то картотека есть... Это — понадежнее той спецификации, которую принесла Алла, когда понадобилось искать подходящий вырубной пакет 8,2 мм. (Алексеев сказал, что ему эту спецификацию никогда не показывали, не хотели, наверное...)

Свою картотеку учитель держит не в шкафу у станка, а в своем закутке, где прежде отсиживался на простоях, рядом с цеховым художником.

— Дайте посмотреть...

— Пожалуйста!

Достает ключ.

— Только карточки не вынимай, а запиши, что тебе надо.

Серега и сам знает, где там что лежит.

Эх, не получается всю деталь пробить! Нет подходящего инструмента! Учитель проверил, тоже не нашел. Но половину детали пробить все-таки можно...

Стал Серега издельвать еще один партизанский шаблон. Игра тут всяко стоит свеч. За день бригаде 100 руб. подкинуть можно. «Бугор», понятно, согласен. А начальство, тем временем, уже смекнуло, что платить Сереге по среднему, когда тот на ПКР вкалывает, невыгодно. Алексеев то же са-

мое за свои повременные 150 руб. в месяц делает, не за 300! Стали Серегу торопить: хватит, ты свое уже показал. Алексеева — **обратно на станок!**

Серега уж и рад. В гробу он видел эти стрессы! Пошел делиться радостью с учителем. Но и тот не прост:

—Нет, Серега, пока ПКР в полный порядок не приведут, я за него не встану.

—Кто ж его приведет?

—А хоть бы и я. Только уж пускай переводят меня на это время в ремонтники!

Интересный мужик, этот Алексеев!.. А еще его заботит, что приказ о выговоре до сих пор не вывешен. И не хотят вывешивать! Смеется: секретный выговор!

—А если серьезно, согласишься я сейчас, представляешь, какой канкан они на мне спляшут, после твоих трудовых подвигов?

Пошел Серега готовить свою партизанщину. Начальство не мешает... Как-никак, удружил он им.

Тут у Сереги привалили **домашние события**. 31 августа уехала жена в отпуск. Дочка с тещей — на даче. Жену проводил и «поддал». Да перебрал. 1 сентября (среда) вышел на час позже. Вроде никто не заметил (или — промолчали). С похмелья — рассчитывал, размечал и высверливал Серега свой партизанский шаблон.

Штампы подобрал согласно алексеевской картотеке. Пробил первую деталь. И понес «Бугру» (другу, бригадиру, а сейчас еще и мастеру) Анатолию С-чу:

—Проверяй!

Тот: — Сам, что ли, не можешь?

—Ты начальник, ты и проверяй!

Проверил «Бугор» и углядел: два отверстия на пару миллиметров раздвинуты больше, чем надо. Расстроился Серега вконец. Алексеев вроде на станок возвращаться не собирается... От начальства спасибо не дождешься... От друга-бригадира — втык... Только учитель — с пониманием. Так ведь и тот себе на уме.

Голова болит — спасу нет! Разве что поправиться? Так денег нет! Обычно у Алексеева можно попросить... Сейчас неудобно.

Спросил у «Колпака» (кличка одного из членов бригады). У того, оказывается, лежат в тумбочке целых два рубля двухкопеечными монетами (какие иногда выдают впридачу к бумажкам в получку). Отсыпал «Колпак» этих монет Сереге... И отпросился бы Серега похорошему, так, как нарочно, и «Бугор», и все — на диспетчерской.

Гори все огнем, ушел без спосу. И простоял ПКР все послеобеденное время 1 сентября.

Утром 2 сентября (четверг) вышел Серега свою партизанщину штамповать. Там еще срочных официальных деталей воз. Но их начальство уже Алексееву сватает. Еще, оказывается, с ним не говорили (Серега ин-

тересовался). С тяжелым сердцем Серега штамповал эту «Ф-...». Предварительно шаблон исправил. Пошло вроде как по маслу... Партия-то, в отличие от предыдущих, 125 штук (29 ударов). Стоила игра свеч!

Тут подходит Алексеев. Точнее, подошел, когда Серега отошел от станка, по нужде, что ли. Стоит, ждет.

«Померяй-ка этот размер!» — говорит.

Меряет Серега — в допуске!

Алексеев: «Так ведь, если от базы считать, то должно быть не 118, а 115!»

Как так? В самом деле: размер, от которого Серега в своих расчетах плясал, вовсе не от края коробки, а — от другого отверстия. Так нарисована эта е-я стрелка, что можно подумать, будто она от края.

В общем, половина всех отверстий пробита правильно, а половина — смещена на 3 мм влево. Оказывается, Алексеев подошел беспокоящие его межцентровые расстояния проверить. Он свои «десятки» [*десятые миллиметра*. — А. А.] искал, а налетел на Серегину 3-мм отклонение.

Добрых 80 штук уже готовых деталей в стопке. Назад не вернешься и дальше не поедешь! Доконала Серегу эта информация так, что даже матерных слов нет. И сказал он меланхолично, что **пора на бюллетень...**

А бюллетень — стало, с некоторых пор, для него просто. Это как он в больницу-то недавно попал? Ехал на велосипеде, сшибла его машина. Вырос под глазом такой фингал, как после крупной потасовки. Ну, стал его залечивать, амбулаторно. А тут заодно и обнаружилось, что кровяное давление высокое.

Серега полноват, может и впрямь сердце неважное. Стали повторно кардиограмму снимать, а он — с глубокого перепоя. И установили... ишемию! В июле уложили его по этому поводу в больницу. Ну, а Серега с тех пор усвоил: как поддашь — давление подскочит. И можно на бюллетень... Эту-то перспективу Серега тут себе и усмотрел.

Но что же все-таки делать с этой партией?

— ЧтЛ бы мне пораньше померить! — говорит Алексеев. Серега:

— ЧтЛ бы Вам померить, когда уже вся партия готова!

— Тоже верно: меньше знаешь — лучше спишь!

Час Серега размышлял, как быть. И надумал: «Вы никому не говорите! Я их отштампую, **как есть**, все. И пусть «Бугор» выкручивается. Он же первую деталь проверял — не заметил. А ему не привыкать на сборку бегать... Когда одна деталь два с половиной стоит, такое не бракуют! «Ладно! — сказал Алексеев. — Мне-то что. Я вообще неделю к станку не подходил...».

Но, конечно, лучше Сереге не присутствовать при том, как брак всплывет. (Всплывь может и на сборке, и раньше — уж и неизвестно, что для него лучше.)

В общем, если идея бюллетеня была еще смутной, то тут уж размышление совпало с поступком. С обеда вернулся Серега со здравпункта с законным бюллетенем, по причине давления 160×90. Партию можно и с бюллетенем в кармане доделать. Вчера-то полдня прогулял, а теперь как бы за прогул отработает.

А на учителя, оказывается, еще с утра 2 сентября давили...

Коля Я-ш [*Н. Ярош. — А. А.*] после увольнения старшего мастера Т-ва занял его место. Вот этот Коля и был заслан к Алексееву, чтобы возвращался на станок. Тот — **наотрез!** Что же, Сереге так и оставаться навсегда на ПКР?

Да ведь прав Алексеев, встал на своем и стоит, рассуждает Серега. Так или иначе, учитель не продаст, партию «в брак» я доделаю, уйду на бюллетень, а там видно будет.

Но что-то толкнуло его пока не признаваться, что бюллетень уже в кармане. Только учителю и сказал... И когда того после обеда вызвали к начальнику цеха и, в присутствии секретаря партбюро, продолжали **давить**, он-то знал, что у Сереги бюллетень. А они еще не знали...

Рассказывал сам Алексеев. Между прочим, и о том, что распоряжение о выговоре так и не вывесили (как сказал секретарь партбюро Новиков, «чтобы сохранить престиж коммуниста»). И еще Алексееву сказали, что от «подписи в ознакомлении» он якобы отказался, причем в присутствии свидетелей. А в качестве свидетеля ссылаются... на Серегу!

«Ну, если спросят, я скажу, как было», — замечает Серега.

Хоть бы поскорее закончить эту злополучную «Ф-...»! Серега еще чувствует начальственную поддержку и расположенность, но все больше понимает, что это не надолго. Скоро с него и «Бугор», и Люся, и даже начальник цеха семь шкур спустят.

Тут Серега вспомнил, что сегодня (2 сентября) надо дежурить в народной дружине. А он уже несколько дежурств подряд пропустил. Того и гляди, в следующий отпуск положенных три дня не дадут. И, со всей непоследовательностью, предъявив мастеру Коле бюллетень (перед самым концом смены; тот аж с лица спал!), отправился Серега в дружину — этот свой бюллетень «компрометировать».

Там с ним друг и «Бугор» Анатолий С-ч (тоже дружинник) стал проводить воспитательную работу. Уже ясно, что Алексеев на своем настаит. Значит надежда вся опять на него, Серегу. И если ты, Серега, пусть с бюллетенем, в пятницу на работу не выйдешь, то будешь самое, что ни на есть г-о! Разозлился Серега, послал друга на х-й и ушел за два часа до окончания дежурства.

Утром 3 сентября (пятница) Сереге телефон оборвали и мастер Я-ш, и друг С-ч. Чтобы вышел на работу! Не дают поболеть спокойно... Что же вам надо? «Ф-...» — коробка, 25 штук, по 29 ударов. Деталь не хитрая. Учитель их отшил. Продолжает исправно чистить свои грады.

После обеда вышел-таки Серега со своим бюллетенем на работу.

Отстукал требуемое. Загнанные им в брак партизанские «Ф-...» лежат в стопке (никто про их порок пока не знает). Хватит с Сереги «трудовых подвигов»! Бригада вроде и в субботу будет вкалывать, но уж тут — дудки.

Вдруг подходит Алексеев и говорит Сереге: «Знаешь, я вроде тоже заболел, без дураков. Похоже, температура!..». И подумалось тогда Сереге, что **горек хлеб штрейкбрехера**. Впрочем слово это не из его лексикона...

В субботу 4 сентября я вызвал врача на дом, действительно с температурой. И что было (будет) дальше с Серегой, с цеховой программой, с моим станком, да и со мной самим, — узнаю не раньше, чем через неделю.

[Окончание этой истории см. ниже: раздел «Как Серега был «штрейкбрехером» (окончание)». — А. А.]

* * * Перечитав этот отчет, нахожу, что, раскрывая взятую тему, я далеко не обнажил всех пружин сложившейся ситуации. Показаны лишь те, которые, так или иначе, видны самому Сереге. Остались за кадром мотивы и поступки иных, второстепенных действующих лиц (не исключая и меня самого, хотя перейти полностью во «второстепенные» мне все же не удалось).

Сама по себе правомерность **индивидуальной забастовки** Алексеева вовсе не очевидна из этого текста. Не буду здесь ее дополнительно обосновывать. Тут речь шла прежде всего о социальной роли «штрейкбрехера», которую пришлось сыграть Сереге 3-ву. В частности, о том, как эта роль может реализоваться в условиях нашего производства.

6.09.82

Ремарка: лиха беда начало.

А 10.09.82 в заводской газете «Трибуна машиностроителя» неожиданно появилась статья «Лиха беда начало».¹⁷

Подготовленная корреспондентом этой газеты В. Белашевым еще в июне, но три месяца проходившая всяческие согласования, эта статья была посвящена проблемам освоения ПКР.

Конфликт с цеховой администрацией в ней не затрагивался, но сам факт публикации как бы реабилитировал строптивного наладчика.

...Не буду сегодня комментировать эту историю. Ибо уже тогда это прекрасно сделал другой социолог-рабочий. См. ниже. (Сентябрь 1999).

5.6. «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...»

Несколько вступительных слов

Автор нижеследующего текста — мой друг и коллега, социолог Анри Абрамович Кетегат. Мы познакомились еще в 60-х.

А. К. был редактором научного издательства, сотрудником НИИКСИ при Ленинградском университете. С начала 80-х живет в Вильнюсе. Примерно в то же время, что и автор этих строк, добровольно «сменил профессию». Работал на Вильнюсском заводе счетных машин слесарем-сборщиком, потом аппаратчиком станции очистки гальваностокков.

Анри Кетегату довелось быть одним из первых читателей моих писем и дневников начала 80-х. На историю о том, «как Серега был штрейкбрехером», он откликнулся письмом.

¹⁷ См ниже: раздел «Исключить “мертвую зону”... на ПКР и вокруг него»

Письмо А. К. было изъято при обыске в моей квартире (сентябрь 1983), вскоре за тем — возвращено (т. е. «идеологически вредным» текст признан не был).

При подготовке настоящей книги я искал это письмо в своем архиве, не мог найти. Как выяснилось, копия сохранилась у Анри, благодаря чему это эссе может теперь увидеть свет.

Современное примечание А. К.: «...перечитавши, обнаружил, что были в Досмутное время свои удовольствия... Анри. 9.09.99».

Как все-таки хорошо, что сохранился у Анри Кетегата этот текст! (Сентябрь 1999).

А. Кетегат — А. Алексееву (март 1983)

Дорогой Андрей!

Возвращаю, как ты просишь, тексты. Читательское удовольствие оставляю себе.

* * *

Ах, Серега, Серега, похмельная твоя головушка! Тебе велят соединяться с пролетариями всех стран, а ты разъединяешься с напарником по станку. (Между прочим в бригаде, работающей на единый наряд, это было бы невозможно — одно из достоинств БФОТ.) Тебе сообщают о твоём невиданном (невидимом) трудовом подъеме, а ты ладишь себе алкогольный подъем давления. Тебе толкуют о чувстве хозяина, а ты — «нас не колышет».

Не чувствуешь ты, брат, сверхчувственного. Не подняться твоей сенсорике до парапсихологических высот. И те, которые велят, сообщают, толкуют, зря об тебя язык обмолачивают, не щадя живота **твоего**.

Обмолачивают, чтоб вскачь пошел. А у тебя и рысь-то — все равно что бег в мешке.

Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному.

В диспозиции Серега — Алексеев два типа реакции на стреноженность. Тут расклад не такой, что Серега ржет рго, а Алексеев contra. Серега тоже contra, иной раз даже более шумная контра. Но: он охотно честит заводские порядки и тем не менее относится к ним как крестьянин в страду к обложному дождю. Дождь мешают, раздражает, да ведь что подделаешь — закон природы, не нами писан, туды его в качель!

Оно, конечно, так — не нами писан. Не Серегой и не Алексеевым. Но для Алексеева из неподвластности порядков **ему** — не следует **его** подвластность порядкам. А для Сереги следует.

Вот река, вот плот и вот остров. Плот река несет, остров она не сносит. Плот рекой держится, собственной опоры у него нет. Остров держится собою. У плота-Сереги нет позиции. У острова-Алексеева есть.

Несогласная реакция Алексеева на течение производственного быта — проявление позиции. Несогласная реакция Сереги (когда несогласная) — проявление настроения. А настроение материя текучая, ей ли противостоять течению!

По признаку «позиционности» происходит в настроенческой среде, спаянной артельными отношениями, естественный отбор на лидерство. Во всяком случае так обстоит дело в области «внешней политики» — взаимодействия с администрацией. Лидером тут совершенно не обязательно становится тот, кто к этому склонен характерологически, даже не тот, кто просто инициативен. Чтобы стать лидером, можно и не двигаться против течения, достаточно не двигаться по течению. Здесь работает энергия сопротивления, а не нападения, противостояния, а не противодвижения. Столкнувшись с тем, что не удается снести, течение само очерчивает его контур — выделяет.

Именно так — не активничая, а лишь не поддаваясь течению — стал я у нас в бригаде народным комиссаром обороны — от мастера и иже с ним. Старший мастер, весьма поднаторевший в искусстве преодоления настроений, проходит сейчас с моей помощью школу преодоления позиции, но тут ему аттестат зрелости не светит. Испытанные антинастроенческие средства — кнут и пряник — «этого» Кетегата не берут: кнут перехватывает, от пряника морду воротит. Привод к парторгу цеха по обвинению... ну, конечно же, в саботаже и разложении бригады — тоже не дал результата. (Забавно, что обвинение было предъявлено вскоре после награждения саботажника и разлагателя почетными грамотами «за хорошую работу» и «за воспитание молодежи».) Ну, и от реализации намерения «убрать его из бригады» пришлось если не отказаться, то воздержаться. Пришлось отказаться от любовых атак и перейти к осадной тактике. Стало опасно блефовать: учув настрой мастера идти «на мы», бригада загодя собирает относящуюся к делу информацию. В монархии (характерологически мастер царь, играющий в батюшку) появились конституционные ограничения, которые «этот» [А. Кетегат. — А. А.] инкрустирует последними достижениями демагогической техники: БФОТ — форма вовлечения рабочих в управление и т. п.

Возвращаюсь к Сереге. Не имея позиции, он не снаряжен и соответствующими средствами самозащиты — мнением, доказательством, опровержением. Он хорошо чувствует то, что непосредственно дано. Но, если ему дано не то, что требуется, и требуется доказать, что из данного — требуемое не следует, из Серегинаго «живого созерцания» доказательство не сшивается.

Он не строит теорем. И не потому, что пасует перед требованиями (если уж очень допечет, Серега может проделать с требователем то же, что со стрессами поутру). И не потому, что процедура доказательства ему вообще не по зубам (вербально-генитальная активность у него не обязательно сочетается с интеллектуальной недостаточностью). Просто в Серегином «инструментальном хозяйстве» теоремы нет, и установка на доказательство, если и обнаруживается, то — безоружная: без инструмента, без оснастки.

В разгар предновогодней косовицы расценок председатель цехкома, защищая Серегины интересы от него самого, объясняет ему: не отдашь десять процентов добром, силком возьмем — и частичной компенсации не получишь. Серега в крик: за год отначите две сотни, а «отдадите» два червонца, где ж справедливость? Но защитник Серегиных интересов бо-

лее крупный специалист по справедливости. Не деньги у тебя отначивают, а трудоемкость снижают. Производительность труда надо повышать или не надо? Ты что ж думал, как начал сапожник с пяти пар сапог в месяц, так и до пенсии?

Крыть нечем, разве что матом. И взрастет из Серегиного рта фаллический лес, испещренный вагинальными впадинами. Он еще попузырит-ся, пошумит для сохранения лица. Но куда ж денешься... Хрен с тобой, гад ты рассознательный, гони свои две красненьких. Да по соцсоревнованию отстегни одну — я вон как производительность повышаю!

Вон он как производительность повышает! Серегины реакции режут глаз Алексева (условного, разумеется) отсутствием элементарной преемственности. Алексеев последователен не только потому, что у него позиция. Императив последовательности вообще входит в набор требований, которые он к себе предъявляет. Если он сегодня не возразил Иванову, критически отозвавшемуся о Петрове, то завтра как минимум постесняется поддержать Сидорова, который Петрова похвалил, даже если определенного мнения о Петрове у Алексева и нет.

Не то Серега. Не зная, что он представляет особую, настроенческую культуру, в которой в сущности нет нормы «будь последователен», легко заподозрить нашего штрейкбрехера в лицемерии, в малодушном поддакивании очередному собеседнику. Но лицемерие тут и рядом не лежало. Тут совсем другое что-то. Что-то от внушаемости, естественной при отсутствии позиции. Что-то от свободного, не скованного самоконтролем **дыхания живого, себя не помнящего** [выделено мною. — А. А.]. Как шелест листья, однозвучный независимо от того, откуда ветер — с юга ль, с севера...

Что это? Всесилие стимула и ничтожность той внутренней переменной, которую «потеряли» бихевиористы? Или, наоборот, бессилие стимула (бессилие вызвать адекватную ему реакцию) перед аморфностью этой переменной, поглощающей, растворяющей в себе структуру стимула?

Я вдруг по-новому увидел «семь пятниц на неделе». Смысл — непостоянство, но поименовано-то как раз постоянство: каждый день — пятница. Дальше я в эти логико-семантические дебри не полезу, потому как об экстенционалах и интенционалах слышал самым краем уха. Я полезу дальше в Серегу.

У него, мне кажется, наоборот — не непостоянство выражено через постоянство, а некое скрытое постоянство через видимое непостоянство. Я имею в виду то, как он локализует себя во времени.

Серега человек **настоящий**: он всегда в настоящем времени.

Всегда «сейчас». «До» и «после» — его нет. Ну, не совсем, конечно, нет, но уж очень периферийно. Эпицентр его самочувствия никогда не смещается за пределы «сейчас». Прошлое (собственное прошлое) его не жалит, будущим он не томится. То есть само его время (восприятие себя во времени) лишено последовательности, следования: я вчера, я сегодня, я завтра. Но если время «непоследовательно» (постоянно настоящее, вечная пятни-

ца), последовательности, преемственности реакций просто негде прописаться. И это хорошо корреспондирует с настроенческой природой Сереги.

Тут есть и хорошее. Непоследовательность-беспамятность может обернуться незлопамятностью.

На проспекте Обуховской обороны, последнем моем ленинградском биваке, была у меня соседка — пьющая бабка. Неистовая потребность в единении с людьми, в заботе о ближнем уживалась в ней со столь же неистовой потребностью в разъединении, в обиде и ссоре. Предметы удовлетворения этих потребностей (остальные обитатели коммунального рая) менялись местами с маятниковой регулярностью. Сегодня X друг, Y враг, завтра наоборот. При этом бабкины реакции ни на йоту не были обременены грузом воспоминаний о вчерашнем распределении любви и ненависти.

Великолепен своей рельефностью эпизод из «Плотницких рассказов» Василия Белова. Два старика-крестьянина, будучи в подпитии (но не до беспамятства) разодрались до членовредительства — и не из пустяка, а из несогласия «по существу вопроса». Наутро потрясенный рассказчик застаёт их мирно беседующими как если бы ничего не было. И мир осеняет старцев не потому, что они «поняли друг друга» — преодолели разногласия или возвысились до взаимного отпущения грехов. Нет, о вчерашнем у них сегодня не только речи нету, но и той самой памяти сердца. Былое **было**, оно осталось вчера, до сегодня просто не дожило.

Это неумышленное, как выдох, предание вчерашнего Лете, это отсутствие дум о былом, забвение словом или делом выраженного вчера отношения (не пересмотр позиции!) я наблюдаю у Сереги [*тоже условного!* — А. А.] постоянно.

«Тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее». Сказано Оруэллом в другой связи, но уместно и здесь. Не помня себя в прошлом, пребывая в беспамятном настоящем, Серега не управляет и своим будущим. Здесь тайна его «штрейкбрехерства» — измены самому себе, сказал бы я, если бы его внутренняя переменная была не то чтобы более постоянной, но — выложенной на оси времени.

(Хорошо, что Серега не читал Сартра. А то бы он мне врезал: «...я держу прошлое на почтительном расстоянии»; «...я не переставал менять кожу, на ходу сбрасывая один за другим свои выползки»; «Я сделался предателем и им остался. Тщетно я вкладываю всего себя во все, что затеваю... — через минуту я отрекусь от себя»; все это — из «Слов». Но тогда я разъяснил бы Сереге, что это, братец, к другому. Хоть я и не настолько о другом, чтобы от Сартровой «мгновенности» — автохарактеристика! — к Сереги-ной, как и от Сартрова культа спонтанности к Серегиному пребыванию в настроении, нельзя было построить сопоставительный мост.)

Пора, однако, кончать трепанацию Серегиного черепа. И так уж «с твоей помощью я сказал больше, чем имел в уме» (Тезтет — Сократу).

Надеюсь, в том, что я наговорил о нашем штрейкбрехере, нет снисходительности родом из высокомерия. Если же я, подчас не пряча улыбки,

его «критикую», а себя в одном месте без улыбки похвалил, то это потому, что сравнение шло только в одном отношении. Как раз в том, в котором на моей социальной физиономии обнаруживаются черты, на Серегиной физиономии отсутствующие. **К сожалению** (а не к высокомерию). Дело известное, не мной открытое.

Вообще же мы с Серегой товарищи — и не только по несчастью стреноженного труда. **А какое же может быть товарищество без уважительной взаиморасположенности!** [Выделено мною. — А. А.]

* * *

<...> И последнее. В своем «совершенно секретном» репортаже в письмах и иных документах ты нарушил одно правило публикационного движения, принятое в детективном жанре. Интригующей неизвестностью должен быть отмечен **промежуточный** финиш, за которым «продолжение следует». Ты же сообщая читателю, ничего не знающему о «другом варианте» («...ввиду состоявшегося выбора другого варианта...»), что «продолжения скорее всего не будет», обрекая его на бессрочное томление неизвестностью. Нехорошо.

Обнимаю тебя в надежде на продолжение. Счастливого открытия Латинской Америки! Низко кланяюсь Неле.

Анри. — Вильнюс. 12.03.83

* * *

А. Алексеев — А. Кетегату (март 1983)

Дорогой Анри!

Большущее Тебе спасибо за нежданную «рецензию» — она же целая лирико-социологическая поэма о Сереге. Очень разделяю твою позицию. Именно так смотрю на «тип Сереге» и я. В протоколе моем такому размышлению места не нашлось, а Ты как бы за меня сказал, и лучше, чем смог бы я сам. Отныне «Сереге» — **наш**, а не только мой. УЖП — перепечатаю и буду всем показывать оба текста вместе.

Очень интересные вещи сообщая Ты о своем «комиссарстве» в бригаде. Похоже, что у нас с Тобой весьма близкие типы поведения. Впрочем, у меня сейчас перемены.

Сереге со товарищи доламывает мой станок, а я сдал экзамен на слесарный разряд и окончательно перехожу в слесари. А где-то на первом этаже цехового здания докапывают яму под фундамент нового ПКР, только более мощного. Не удивлюсь, если мне предложат его запустать. Но тут уж мы поторгнемся материально...

Так как из Высшей профсоюзной школы культуры я теперь ушел¹⁸, то «другим вариантом» является не что иное, как отказ от совместительства вообще. Соображения тут разные (не только вынужденно, хотя ВПШК и сама вдрут стала склоняться от продолжения).

¹⁸ Социолог-рабочий трудился там по совместительству в течение 1982 г

История про Советскую социологическую ассоциацию тоже получит продолжение. Пожалуй, ее можно будет назвать: «Диалоги» (диалоги с парт. органами). Сейчас отложу эту тему ввиду незаконченности ее в тексте. А наспех излагать в письме — не хочется.

На Кубу я, кажется, все-таки уезжаю через неделю-полторы.

<...> Обнимаю. Еще раз спасибо!

Твой брат Андрей Ал., 20.03.83

P. S. Умоляю, пиши письма — мне, любимым женщинам, внукам, кому хочешь... Никто за Тебя их не напишет! А. А.¹⁹

* * *

[Недавно Анри показал мне свои давние (1984) ответы на вопросы шутилкой «анкеты выпускника историко-филологического факультета Пермского университета образца 1959 года».

Вот как мой друг, социолог-рабочий «образца середины 80-х гг.», отвечал тогда на вопросы о своих «званиях, наградах, выговорах», о «занимаемой и желаемой должности» и об «удовлетворенности своей профессией и собой». См. ниже. — А. А.]

Из ответов А. Кетегата на анкету выпускника (июнь 1984)

<...> В наличии все.

Звания:

а) ударник коммунистического труда, наставник, «лучший по профессии» за такой-то квартал и по такому-то цеху — присвоены администрацией и общественными организациями Вильнюсского завода счетных машин.

(Не спеши, читатель, гордиться тем, что ты мой однокашник. Сим ввожу тебя в полную тайн и чудес область производственной эвфемистики, на которую не ступала нога социалингвиста, но давно положен унылый глаз социолога.)

б) кетегат философских наук — присвоено одним кандидатом юридических наук.

Выговоры:

— регулярно от мастера за злостное перевыполнение норм. Находясь в состоянии хронического трудового подъема, наращивая темпы, опережая график, обгоняя другие страны и народы и идя в ногу со временем, работаю в счет последнего года пятилетки — решающего, определяющего го, завершающего. <...>

Занимаемая должность:

— слесарь-сборщик, желаемая — машинист газовой котельной.

Доволен ли своей профессией? Какой именно?

¹⁹ Некоторое время спустя Анри Кетегат стал писать «рассказы для Саши» (своей дочери), из собственного детства (Один из них опубликован: *Кетегат А.* Мы ждали дядю Яшу // Русское слово, 1995, ¹ 2; другой — «Как я не просил есть» — обнародован в Интернете, 2000) Есть и более крупные произведения. Прекрасная автобиографическая проза А. Кетегата еще ждет своего издателя

Полуфилософ, полуслесарь. В
социологии мелькал. Служа в
газете, стан ливрейный В
полупоклоне изгибал. Полученных
книг редактор — Полузакройщик,
полушвец. Был полувсем, и есть
надежда —
Ничем я стану наконец.²⁰

Так что выходит, штук пять их, профессий. Меня самого поменьше. Раздваивался, растраивался, расцветверялся, но до распятия не дотянул.

Какой профессией доволен:

— на каждую нашелся или еще найдется свой юрьев день. С собой доволен не каждым, ибо не каждым был собой. <...>

А. Кетегат, 17.06.84

5.7. Исключить «мертвую зону»... на ПКР и вокруг него

[Ниже — та самая публикация заводского журналиста, которая упоминалась выше, в разделе «Как Серега был штрейкбрехером». — А. А.]

Лиха беда начало

Казалось, что с новым станком цеху ¹ 3 не повезло: за год с лишним неудачных попыток запустить координатно-револьверный пресс ПКР КО-120 его назвали «памятник». Одна из ранних отечественных моделей, этот чувствительный агрегат пострадал еще при транспортировке. Мало толку оказалось и от бригады «спасателей», вызванной с завода-изготовителя. В конце концов в цехе поняли, что без капитального ремонта не обойтись. Рискнули взяться за это дело своими силами.

Всю систему координатного стола перебрали по винтику... Некоторые узлы изготовили заново, заодно и частично усовершенствовали. Правда, искривленную двухметровую основную линейку (поперечину траверсы) пришлось отправить *[для исправления. — А. А.]* на другой завод.

Наконец, «памятник» ожил. И за несколько дней на нем были отштампованы полтысячи «корзиночек» по шаблону, изготовленному на этом же самом станке. Хоть и «не хитрая» это была продукция, но — лиха беда начало.²¹

Оснастка к ПКР частично была уже изготовлена, но много пришлось выбраковывать. Однако прямой вины технологов тут нет — паспорт на станок они обнаружили с большим опозданием *[! — А. А.]*.

С новым всегда много хлопот. А тут еще попался въедливый наладчик-штамповщик из цеха ¹ 3. Сам новичок в этом деле, а требует соблюдения технологической дисциплины. И чтобы заготовки были в прямой

²⁰ Как я понимаю, перефраз известных строк «Интернационала»: «...кто был ничем, тот ста нет всем»

²¹ См ранее, в главе 2: раздел «Оживший памятник...»

угол, и чтобы размеры от тех же баз, что и в конструкторском чертеже. И ошибки расчетные ухитряется вылавливать, пока они еще на бумаге, не желая воспроизводить их в металле.

Наладчик пресса А. Алексеев посоветовался с опытным бригадиром слесарей И. Виноградовым и попробовал сам рассчитать карту штамповки для лицевой панели одной из машин «Каскада». Деталь сложная: там, как известно, более сотни пазов и отверстий разных размеров. Из обычной заготовки этой детали сделал на своем станке шаблон. И отштамповал всю партию с требуемой точностью Пару дырочек, по неопытности, правда, пропустил. Но слесари заметили, просверлили. Больше уж и не ошибался.

Так станок получил загрузку еще до того, как поступило первое «официальное» производственное задание.²²

За полтора года эксплуатации пресса в цехе появился, наконец, опыт. Наладчик А. Алексеев уже подготовил свои кадры, один из членов бригады после двух месяцев индивидуального обучения овладел координатной штамповкой [*Сергей З-в. — А. А.*]. Хоть завтра переходи на двухсменную работу.

К сожалению, к концу года перевести на ПКР такой объем номенклатуры, который обеспечил бы хотя бы односменную загрузку, еще сложно. Все это вселяет тревогу и служит примером наболевших проблем освоения новой техники.

Одним из путей такого решения стало объединение всех усилий работников разных служб и подразделений, но в данном случае требуется еще и создание комплексной творческой бригады по ускоренному внедрению прогрессивной технологии штамповки листовых деталей на координатно-револьверном прессе. Известно, что такие бригады хорошо зарекомендовали себя на других участках производства.

Пора, наконец, обратить внимание специалистов на продукцию участка^{1 2}: его листовые заготовки порой не выдерживают критики. А координатный пресс требует точности.

Опыт использования аналогичного пресса на заводе «Красногвардеец» вместе с прессом «Видеман» подсказывает решение и на «Полиграф-маше». Возможности поэлементной штамповки еще полностью не использованы на заводе. Но уже во весь рост стоит сегодня вопрос централизации самой штамповки и перехода на координатные прессы с программным управлением.

<...> Наконец, появилась и сама возможность создания с прессом ПКР КО-120 небольшого комплексного автоматизированного участка, где будут стоять ножницы, гибочная машина и отечественный пресс ОЦ КО-126, превосходящий по своим данным «Видемана».

Ножницы уже заказаны, а гибочная машина есть на заводе, очередь теперь за новым прессом: его приобретение — дело недалекого будущего.

²² См ранее, в главе 3: раздел «Наладчик и бригада...»

Как заверяют специалисты отдела главного технолога, слабое место ПКР КО-120 — шаблоны — перестанут тревожить цех. Как только появится новый пресс, возможности ПКР КО-120 увеличатся, а создание самого участка с собственной гильотиной ускорит и упростит выпуск деталей в масштабе всего завода.

И какой бы лихой беда ни была, начало уже положено и доводить этот вопрос надо до конца и как можно быстрее.

(В. Белашев. Лиха беда начало // Трибуна машиностроителя, 10.09.82)

Ремарка: кутюры в заводской газете.

Первоначально корреспонденция В. Белашева называлась: «Выход из мертвой зоны» (название предложил я). Здесь приведу одну из «кутор», т. е. фрагментов рукописи, оставшихся не напечатанными:

«...Наладчик-штамповщик полушутя-полусерьез утверждает, что побился с кем-то из товарищей по работе об заклад — исключить «мертвую зону» не только на ПКР, но и вокруг него. Мол, тот не верит, что это возможно. Хочется думать, что скептик проиграет в споре. А главное, выигрыш достанется, конечно, производству...».

В рукописи содержалась также довольно резкая критика в адрес заводских технологов, изъятая оттуда по настоянию руководства ОГТ «Ленполи-графмаша». (Сентябрь 1999).

5. 8. Как Серега был «штрейкбрехером» (окончание)

А. Алексеев — ? (октябрь 1982)

[Это письмо сохранилось у меня только в перепечатке 1984 года, когда социолог-испытатель уже избегал фиксировать в архиве имена своих адресатов.

По-видимому, оно адресовано одной из «Любимых женщин», вопрос — к кому?

В письме описываются события, последовавшие за «индивидуальной забастовкой» социолога-рабочего. — А. А.]

НН, милая!

Ваше письмо — как букет цветов; когда не на сцене — это очень радостно...

...Дальше — чистая **опись событий** сентября и октября.

Текст про «Серегу-штрейкбрехера» обрывается уходом А. на бюллетень.

3 сент. (пятницу) Алексеев еще работал, а Серега уже был на бюллетене.

Получив от меня, еще накануне, категорический отказ возвратиться на ПКР, администрация предпочла извлечь с бюллетеня Серегу (тем более, что тот сам этот свой бюллетень скомпрометировал выходом накануне в ДНД и т. п.).

Я же исчез без предупреждения и проболел 2 недели, никому ничего не сообщая, поскольку потерял голос (действительно!) и, стало быть, «не мог» даже позвонить по телефону.

Что касается Сереге, то он еще четыре дня из недели своей «липовой» болезни выходил на работу и самоотверженно вкалывал.

Это была неделя 6–10 сентября.

В среду, 15 сент. Серега выписался со своего бюллетеня и продолжал вкалывать уже на законных основаниях.

В этот день произошло странное событие, смысл которого прояснился для меня только месяц спустя (а для Сереги не ясен и до сих пор). Когда Серега 15 сент. вышел с обеда (в награду за свои трудовые подвиги он получил что-то вроде «свободного расписания»), он застал у станка целый консилиум из технологов и механиков, **воспроизводящих заново** те технические проверки, которые пару недель назад социолог-наладчик дезавуировал объяснительной запиской, мотивирующей его отказ от работы.

Тогда из 24-х необходимых измерений произвели одно, а теперь **два** из 24-х и успокоились, еще чуть-чуть подвинув координатный стол (тем самым еще ухудшив вероятные результаты тех измерений, от которых отказались).

Важно другое: откуда такая инициатива администрации? Чудеса!

Ладно. Продолжает Серега «штрейкбрехерствовать». Алексеев болеет.

В понедельник, 20 сент. я выхожу на работу. А Серега с этого дня... заболевает, теперь уже всерьез (узнаю, позвонив ему по телефону). Ну и дела!

Беру **слесарное** задание у мастера (все та же примитивная зачистка грата). Орудую напильником. ПКР стоит. «Штрейкбрехер» болеет.

После обеда меня вызывают к начальнику цеха. Тот сидит рядом с собственным столом, а за столом — заместитель. Предпринимается последнее (смесь истерии с меланхолией) давление на Алексеева, чтобы вернулся на станок.

Говорю, что, в отличие от администрации, своих решений не меняю. Все, что имел сказать по этому поводу, уже написано в моей объяснительной записке.²³

Ссылаются на новые проверки, произведенные в мое отсутствие.

Мне (тогда еще не знавшему о них) достаточно было выяснить, на скольких позициях револьверной головки были произведены измерения («ах, только в 2-х из 24-х!...»).

—Вы ведете себя так, — говорю, — словно собираетесь завтра увалиться.

Обидно, конечно, это слышать начальнику цеха, несколько месяцев назад назначенному.

—Что же Вы собираетесь делать? — спрашивает он.

—Пока я выполняю одно из Ваших распоряжений, — отвечаю, — работаю слесарем.

—Я не могу Вас использовать на этой работе, у Вас нет такой профессии.

—Ну, Вы же об этом не подумали, когда меня переводили.

—Тогда пишите заявление о переводе Вас в слесари.

—Я Вас об этом не просил и просить не стану.

²³ См выше: раздел «Выход из “мертвой зоны” Процессы и события»

- Да... У Вас больше жизненного опыта, чем у меня.
- Действительно, я старше Вас. Но это не имеет отношения к делу.
- Вы загоняете нас в угол!
- Вы поставили себя в него сами.

(Кажется, я теперь по памяти объединяю реплики из разных бесед на протяжении этого месяца.)

Итог разговора: высказываю пожелание начальнику пользоваться своими правами, но при этом избегать нарушений трудового законодательства.

(Я замечал, что иногда подобные описания «ключевых» разговоров с моими производственными «партнерами» вызывают сочувствие к этим последним; может быть, это потому, что я обычно не склонен чувствовать себя «страдающей» стороной, и это находит отражение в описаниях.)

С тех пор меня полностью оставили в покое. Последняя надежда начальства была убита. Но при этом даже мысли у Данилушкина (начальника цеха) не возникло использовать болезнь Сереги, а значит — простой станка, — для приведения его (станка) в удовлетворяющее социолога-наладчика состояние.

...Серега отсутствовал неделю. ПКР стоял. Программа якобы «горела» («выпутаются, куда денутся», — говорят рабочие). Я слесарил. С моим окончательным отказом вернуться на станок «в его нынешнем (после ремонта!) состоянии» — сложилась ситуация действительно затруднительная.

Алексеев, будучи наладчиком 5-го разряда, одновременно штамповал «программу», страховал технологов, следил за состоянием оснастки, регулировал станок и в течение двух лет сам его ремонтировал, при необходимости. Наконец, делал сам шаблоны... И все — за 150 руб. повременно (уже значительная, но еще не полная загрузка исключала возможность перехода на сдельщину).

Серега, будучи слесарем 4-го разряда (и получивший, в итоге обучения, еще 2-й разряд штамповщика), у себя в бригаде зарабатывал 300 руб., и меньше ему теперь платить нельзя (хоть на координатном прессе он работает, хоть слесарит). А в течение первого месяца своего «штрейкбрехерства» Серега только на ПКР и работал (поднакопилось за время ремонта «хвостов», да и заест все время что-нибудь: то с оснасткой, то в чертежах, то на станке). А в бригаду от него — практически никакого «навара», равно как и Алексеев в первые месяцы своего слесарничества гроши зарабатывает. Так и так — убыток плану...

В отличие от Алексеева, Серега своих шаблонов на станке не делает и делать не будет, в лучшем случае — своими слесарными средствами, но тогда ему надо еще и за это как-то платить.

Алексеев был неудобен, но брал все на себя. А Серега покладист, но ничего на себя не берет, из мелких затруднений выкручивается, а крупные переваливает на администрацию... Чуть где что заело, идет к своему верстаку и слесарит, чтобы на шее у бригады не висеть. А начальство вокруг станка бегает.

Да не очень-то оно свои обещания держит. Обещали работу на бюллетене кроме отгулов еще оплатить, теперь же предлагают всего-то 15-рублевую премию.

Благодарность приказом директора объявили Сереге ко Дню машиностроителя... А в гробу он видел эту благодарность (хоть за 10 лет и ни разу не получал)!

Желания и инициативы выручать начальство хватило у Сереги на 2 недели (у Алексеева — на 2 года!), а дальше он стал обычным исполнителем, который согласен нарушать технологию, но во всяком случае не станет ее придумывать; не станет не только ремонтировать станок, но даже и регулировать (не его дело!); отдаст первую деталь в ОТК, а остальные и не померяет. И т. д. В общем, стал Серега минимизировать свои усилия. Даже «партизанщина», которой увлекся было в первую неделю, — приелась: хлопотно, да и на браке обжегся.

(Протасили тогда на сборку партию с его 3-мм ошибкой в размерах, «никуда не делись»; но все же неприятно...)

В течение двух месяцев я вел подневные записи того, что делал сам, и что делал Серега. После выхода со второго бюллетеня, с 27 сент. по 15 окт. (т. е. три недели) Серега работал на ПКР от силы пять дней, включая пару вынужденных задержек в вечер (днем технологи расхлебывали свои проблемы, а станок и Серега дожидались). Все остальное время Серега слесарил для своей бригады, тем самым отчасти отработывая свою сохраняющуюся высокую зарплату.

19 окт. (вторник) ознаменовалось социально-производственным изобретением Сереги. Загрузив в револьверную головку инструмент для примитивных «корзиночек», он нашел себе «субподрядчика» (другой Серега, назову его Серега-младший, совсем молодой парень, зарабатывающий сдельно слесарем 150 руб. в месяц). Чтобы нажимать на одну и ту же кнопку (а для «корзиночек» большего не требуется), ума не надо...

Правда, у Сереги-младшего довольно быстро спина заболела от туго двигающегося пантографа, который Серега-старший так и оставил с пережатыми после ремонта подшипниками, но — привык.

Пару раз у Сереги-младшего что-то заклинивало. Тогда он звал старшего. Если старший не знал, что делать, звали Алексеева. Дело шло.

В итоге произошло полное «обобществление» «уникального оборудования», что дало основание бригадир Виноградову (самый знаменитый на заводе бригадир) сказать: «Ну, все, теперь загробили станок».

ПКР вышел из строя, подтвердив этот прогноз, на второй партии «корзиночек» 21 окт. В отличие от всех предшествующих мелких неприятностей, это было уже ЧП, потребовавшее полторадневных усилий ремонтной службы.

Когда ремонтники, разобрав фиксирующее устройство револьверной головки, расклинили палец, Серега-старший сказал, чтобы ему еще и «параллельность-перпендикулярность» подрегулировали, чему ремонтники с гре-

хом пополам у Алексеева научились не далее как месяц назад. Тем самым было продемонстрировано уже полное отсутствие у станка своего «хозяина».

Автоматика вышла из строя еще в первую же неделю «штрейкбрехерской» эксплуатации. Пальцы не входили в положенные им гнезда время от времени, но оба Сереги научились эти пальцы «подколачивать».

Об изготовлении шаблонов на ПКР служба ОГТ, инструментальный отдел и цеховая администрация, до сих пор препиравшиеся на этот счет между собой, перестали уже и мечтать.

Поубавилось стыда, но прибавилось заботы — всем, кроме Алексеева.

Но у последнего возникли свои, новые заботы. Как овладеть слесарным умением в максимально короткие сроки?

Мой слесарный опыт на сегодня исчисляется сроком чуть более месяца. Тут возникает новая «азартная игра». Серьезность моих намерений переqualificироваться из наладчика в слесаря уже не вызывает сомнений у низовой администрации. Давали «грады» чистить — чистил. Возвращали на переделку — передельвал. Дали дырки сверлить — стал размечать по технологии, как написано. Смотрит мастер: да кто ж по технологии делает, у нас (мастером сейчас временно один из бригадиров) тайная рация есть. — «Чего ж сразу не сказали, давай рацию...».

Первую деталь (80 шт.), которую, между прочим, на своем ПКРе (но она на ПКР еще не переведена) я сделал бы за полторы смены, если не за одну, включая изготовление собственного шаблона, — я слесарным способом, поэлементно, издельвал 5 дней, заработав за эту неделю 8 руб. Переходя от одного пресса поэлементной штамповки к другому, освоил их за эту неделю, растрогав мастера напоминанием, что надо бы мне за «технику безопасности» расписаться (именно расписаться, а не ознакомиться с правилами!).

Когда все дырки были пробиты, я расстался с этой деталью: она была отправлена на гальваническую обработку, а гнул ее, после гальваники, уже не я, а... Серега (у которого к тому времени образовался простой на ПКР). И Серега заработал на данной «выгодной» операции 7 руб. за 3 часа.

Ну, я бы с этой гибкой, с непривычки, целую смену провозился... Так переплетаются в зароботке фактор умения и фактор нормирования.

Уже после этого гибкой на простейшей гибочной машине довелось заниматься и мне.

Пару дней фрезеровал контакты (благодаря фрезеровщик в отпуске). На снятии градов с этих контактов на сверлильном станке поставил личный рекорд, заработав за смену около 15 руб.

На следующий день, нарезаю резьбу в первый раз в жизни, заработал за смену 2 руб.

Манера не спрашивать, как что делать, а упрямая обезьянья манипуляция с ящиками и палкой для достижения банана, которой этот банан можно достать, но не так быстро, как надо бы для сдельщика, вызывает замечания любого оказавшегося рядом (им может быть даже Серега-младший), что лучше — **иначе**.

С готовностью делаю иначе. Всякую наладку, которую наладчик прессов Стас Политов делал при мне, в следующий раз пытаюсь делать сам, до тех пор, пока тот не подойдет помочь или исправить, а в третий раз он уже и не подходит — незачем.

Сверла надо уметь затачивать. Метчики надо уметь выбирать. Много всякой премудрости, но **не более сложной**, чем мой ПКР! Выкручусь. Думаю, что через пару месяцев мой сдельный заработок превысит тот повременный, который я получал в течение двух с половиной лет.

Пока же с заработком происходят странные вещи.

Начальство так и не решилось издать распоряжение о переводе наладчика в слесари, ведь это противоречило бы другому распоряжению — с выговором и депремированием наладчика за отказ от работы штамповщиком. (Тут есть еще и такой нюанс: наладчик, строго говоря, не обязан сам эксплуатировать оборудование!) В итоге сентябрь, в течение которого я заработал гроши, был оплачен повременно, причем за две недели, проведенные на бюллетене, я получил, судя по расчетному листку: и **по тарифу повременщика, и по бюллетеню**, т. е. 55 руб. лишних.

Ну и ну, чего не сделаешь с перепугу. А откуда «перепуг»? Не от моего же пожелания начальнику «не нарушать трудовое законодательство»...

Сообразил я это, узнав с **опозданием на месяц** (15 окт.) о неожиданном для цехового начальства (и тем более для меня) выходе в «Трибуну машиностроителя» корреспонденции о ситуации с ПКР. Это было еще 10 сент. 82 г., т. е. как раз когда я в цехе отсутствовал.

Заметка была написана заводским журналистом еще в июне. Потом я редактировал ее... поумерив там наивные восторги журналиста по моему адресу. Потом этот текст встретил энергичное сопротивление со стороны отдела главного технолога и после многократных корректировок утратил всякий смысл. Но и в этом бессмысленном состоянии, публикация была приторможена, насколько я понял.

И вот, вдруг, в разгар «**забастовки**» наладчика-штамповщика, через неделю после объявленного ему выговора, заметка про ПКР неожиданно была извлечена из «запасников» (может, чтобы «заткнуть дырку» на газетной полосе?).²⁴

Повторяю, все это мне стало известно **месяц спустя**, т. к. ни Серега, ни кто другой из рабочих этой заметки не читал (или не придали значения).

Начальство наверняка читало. И безотносительно к тому, **что** там было написано (после купюр осталась лишь история освоения ПКР, а критика в адрес технологов была заменена их оправданиями), сам **факт публикации** (вот уж левая рука «системы» не знает, что делает правая!) вызвал у цеховой администрации смятение, побудившее к инициативной дополнительной проверке станка в период моего пребывания на бюллетене и внесшее меланхолические ноты в беседу начальника цеха с мной (см. выше).

²⁴ См. выше: раздел «Исключить “мертвую зону”... на ПКР и вокруг него»

Все это поучительно для исследователей массовой коммуникации, к которым я сам принадлежал лет десять назад...

Так или иначе, эта, так «не вовремя» опубликованная заметка, по-видимому, способствовала тому, что меня оставили в покое.

...Привык я уже к вопросам моих коллег-социологов: «А что рабочие, рабочие — как ко всему этому относятся?».

Большинство, с кем заходила речь на эту тему, полагали, что я поступаю неправильно — в том смысле, что делаю **себе хуже**. Такая позиция не является ни осуждающей, ни одобрительной, а скорее — «диагностической».

По мере же развития событий последних двух месяцев нарастало убеждение, что Алексеев делает-таки **себе лучше**. Этому взгляду способствовали и Серегины приключения на ПКР, и мои относительные слесарные успехи. Дважды я услышал слово «забастовка» (один раз — от секретаря партбюро цеха, другой раз — от заводского журналиста). Один раз прозвучало даже слово «штрейкбрехер» (в адрес Сереги). Обе эти формулировки были мною, разумеется, решительно оспорены.

Но вообще — все это воспринимается массовым рабочим сознанием совсем в других терминах (типа — «себе хуже», «себе лучше»).

...Пора заканчивать этот самоотчет, написанный, как Вы понимаете, в равной степени для Вас и для себя.

Что будет дальше — посмотрим. Время работает на слесаря Алексеева, набирающего опыт и производительность с каждой неделей. Думаю, что у начальника цеха нервы не выдержат раньше.

Бригадир Виноградов (тот самый, который упоминается в заметке) приглашает в свою бригаду.

—А сколько заработаю? (Там разрыв в заработках от 150 до 300 и выше.)

—Для начала — 210.

Это — слесарем. Ну, Виноградов прикидывает, что я еще и на ПКР буду партизанить...

Судите сами: сделал ли я себе «хуже»?

Вот видите, какую сверхдобросовестную реакцию может вызвать истинно заинтересованный вопрос: «Как живешь?». Удачи Вам! Здоровья!

Ваш Андр. Ал., 24.10.82

...Это все старые истории... И написаны были эти истории давным давно. Много воды с той поры утекло... Когда автор писал эти истории, он не думал, что всякие смешные и нелепые явления скоро кончатся. Иначе плюнул бы на эти случаи и непременно описал бы другие... Но сам автор в те годы был еще человеком не старым и беспечным. И писал он не по плану, а как бог на душу положит... Хотя нельзя говорить об отсутствии серьезных намерений у автора. Он, например, пытался доказать, что все нелепости в нашей жизни происходят не по заданному плану, а как бы **самотеком, то есть без цели** (выделено мною. — А. А.). Читатель этой книги может сам судить — удалось автору сделать это или нет... Вчерашний день прожит нами не для того, чтобы забывать его... Зачем предавать забвению те сложные вопросы, вокруг которых бушевали страсти?

...И еще автору очень хотелось бы, чтобы, смеясь над старыми причудами, мы не повторяли их внове. «Человечество, смеясь, расстается со своим прошлым». Эти известные слова произнесены были с добрыми намерениями.

Б. Можжев (Старые истории. М., 1978. Предисловие) (@)

5.9. Так кто же нарушал трудовое законодательство?

Ремарка: «...наблюдались случаи отказа от работы...»

История с «индивидуальной забастовкой» два года спустя активно муссировалась на «Ленполиграфмаше» при обсуждении политического «дела» социолога-рабочего.

Так, в проекте характеристики, предложенном партийным бюро цеха на утверждение партийному собранию в сентябре 1984 г., были такие строки:

«...Тов. Алексеев работает в цехе ¹ 3 ЛЗПМ с 1980 г., сначала наладчиком технологического оборудования, в августе 1982 г. за отказ от работы переведен слесарем механосборочных работ, по настоящее время... К своим служебным обязанностям относился без особого рвения и старания, наблюдались случаи отказа от работы, мотивируя невозможностью работать на неисправном оборудовании, которое при проверке оказывалось исправным...».

Социолог-испытатель подготовил свои возражения, которые предполагал обнародовать на партийном собрании, однако слова не получил. Тогда он передал текст предполагавшегося выступления в партийное бюро цеха. См. ниже. (Сентябрь 1999).

А. Алексеев — в партийное бюро цеха ¹ 3 «Ленполиграфмаша» (сентябрь 1984)

<...> В характеристике утверждается, что в августе 1982 г. я был переведен из наладчиков в слесари, по настоящее время, «за отказ от работы». У начальника цеха тов. Данилушкина — короткая память, а может он и намеренно постарался забыть, как же было дело. Придется напомнить.

На самом деле этот перевод с одной работы на другую происходил не один раз, а дважды, и оба раза — вовсе не за отказ от работы.

Первый раз меня «перевели в слесари», всего на две недели. Тов. Данилушкин тогда только что пришел в цех и, видимо, был в ту пору не слишком опытным администратором. Его распоряжение от 2.08.82 о переводе меня в слесари, ввиду ремонта станка, было дважды незаконным. Во-первых, оно противоречило требованиям «Единого тарифно-квалификационного справочника работ и профессий рабочих», где участие в текущем ремонте оборудования включено в характеристику работ наладчика, т. е. вменяется ему в обязанность. Во-вторых, это распоряжение прямо нарушало ст. 27 КЗоТ, поскольку меня переводили на работу по специальности, которой я тогда не имел...

Во избежание конфликта, я подчинился тогда этому незаконному распоряжению.

По завершении работы ремонтников, я попытался наладить станок. Обнаружились недоделки. Часть из них сразу удалось устранить, часть — требовала времени и усилий. Я не только не отказывался от этого, но работал вечерами, чтобы скорее привести станок в соответствие с техническими требованиями. Но начальника цеха в тот момент беспокоило только одно — поскорее начать штамповать детали. Я считал, что работа на не отлаженном оборудовании дорого обойдется впоследствии.

Тогда тов. Данилушкин, опять же, как я полагаю, сгоряча, объявил мне выговор и депремировал. Наладка была прекращена. Штамповка на ПКР была поручена слесарю 3-ву.²⁵

Одного только не учел начальник цеха: что 3-в, к тому времени успевший пройти у меня обучение и получивший специальность штамповщика, был **обязан** подчиниться административному распоряжению; а вот в обязанности наладчика — текущая эксплуатация оборудования вовсе не входит. Я занимался этим делом (как и многим другим) на протяжении ряда лет не потому, что был «обязан», а по добровольному согласию, как правило — по собственной инициативе, в интересах производства.

Я и тут не стал конфликтовать, понимая, что тов. Данилушкина поджимает план, а работать на станке и без меня есть кому. Недоделки ремонта сказывались еще несколько месяцев. Ремонтникам пришлось доделывать на ходу. Днем чинят станок, а вечером 3-в штампует... Лишь к Новому году эксплуатация ПКР стала более или менее стабильной.

Тем временем я овладел специальностью слесаря механосборочных работ, сдал квалификационный экзамен и, уже по собственному заявлению, в марте 1983 г. был переведен в слесари.²⁶

Когда, год спустя, мой бывший ученик 3-в ушел из цеха, я, по предложению бригады 003 и с согласия администрации, снова встал к этому же станку. Но уже не в качестве наладчика, а в качестве оператора (кстати, почему-то сам до сих пор не имею разряда штамповщика, но в комплексной бригаде это не имеет значения).

ПКР КО-120, между прочим, и сейчас не отлажен. Не в том смысле, что на нем нельзя выпускать детали, а в том, что нельзя изготавливать шаблоны (ради чего осенью 1982 г., собственно, и затевался ремонт). Но сейчас такая наладка в мои обязанности уже не входит.

Таковы реальные факты, получившие совершенно искаженное отражение в обсуждаемой характеристике.

...Я тогда говорил тов. Данилушкину, что он нарушает трудовое законодательство. И не собирался об этом вспоминать, да вот приходится. Времени с тех пор прошло немало, но Положением о порядке рассмотрения трудовых споров срок давности, как известно, **не ограничен**.

²⁵ Здесь и далее в оригинале — полная фамилия

²⁶ В бригаду 001, возглавлявшуюся И. Виноградовым. См. о нем в главе 3: «Наладчик и бригада...», и др. разделы

Видимо, придется теперь обратиться за защитой своих прав в положенные инстанции. <...> А. Алексеев, сентябрь 1984

Ремарка 1: крыть нечем.

К заявлению прилагалась таблица с расчетом объема работ, выполненных на станке ПКР КО-120 в течение полутора лет (с начала 1981 до середины 1982 г.), в динамике и по структуре.

Из таблицы явствовало, что всего за этот период на координатно-револьверном прессе было выполнено работ (по ПКР-ным расценкам) на сумму 1005 руб. Из них: на сумму 760 руб. (3/4 всей продукции) — с использованием оснастки (шаблонов), изготовленной не в инструментальном цехе (как предусмотрено), а самим наладчиком, на своем станке (по его инициативе).

Крыть — насчет недостатка «старания и рвения» — составителям характеристики было нечем. (Сентябрь 1999).

Ремарка 2: срок давности для трудового спора.

Вскоре выяснилось: еще за год до этого вступили в действие изменения, внесенные в КЗоТ Указом Президиума ВС СССР от 13.08.83. В Указе был установлен... срок давности для рассмотрения трудовых споров — 3 месяца со дня, когда работник «узнал или должен был узнать» о нарушении своих прав!

Так что юридически оспаривать действия администрации двухгодичной давности социолог-рабочий уже не мог.

Что же касается сути дела, то вышеприведенная авторская самозащита возымела-таки действие: в окончательном тексте характеристики, утверждавшемся на заседании парткома месяц спустя, обвинения в «отказе от работы» и т. п. уже отсутствовали.

И больше не возникали.²⁷ (Сентябрь 1999).

5.10. Моя производственная карьера (1980–1984)

Ремарка: и впрямь протокол!

Начиная с осени 1983 г., когда состоялась конфискация органами госбезопасности дневников и писем социолога-рабочего (отличавшихся до тех пор, как читатель мог убедиться, повышенной эмоциональностью и ослабленной «автоцензурой»), стилистика дневниковых записей резко изменилась.

Ниже — один из образцов этой новой разновидности «протоколов наблюдающего участия». (Сентябрь 1999).

Из «Записей для памяти» (февраль 1984)

<...> В конце ноября 1983 г. бригадир Анатолий Сычевич предложил мне перейти из бригады Игоря Виноградова в его бригаду. Это было связано с переходом в другой цех слесаря Сергея З-ва, моего бывшего учени-²⁷ См в главе 9: раздел «Бои» местного значения...

ка, который год назад сменил меня на координатно-револьверном прессе. Вступление в бригаду 003 предлагалось на условиях закрепления за мной станка ПКР для постоянного и «монопольного» обслуживания и повышения дневного производственного задания с 7,0 до 9,0 руб. Я сразу же согласился.

Предложение бригадира о столь резком повышении рабочему производственного задания (что отвечает увеличению среднемесячной зарплаты с 200 до 260 руб.) вызвало противодействие со стороны администрации (старший мастер, начальник цеха). Столкнувшись с этим обстоятельством, Сыщевич попросил меня поработать в декабре с 8-рублевым заданием, притом что с января 1984 г. мне его повысят до уговоренной величины. Я сказал, что вполне полагаюсь в этом деле на бригадира.

С 1.12.83, будучи принят в состав бригады 003, я приступил к постоянной работе на ПКР.

23.12 состоялось бригадное собрание, где, при определении величины производственных заданий для каждого члена бригады на 1984 г., мне было установлено — 9,0 руб. Несколько дней спустя бригадир Сыщевич принес извинения за то, что не смог уговорить начальника цеха утвердить это бригадное решение. Данилушкин настаивает, чтобы задание мне было установлено на уровне 8,5 руб.

3.02.84, по предложению сменного мастера, я подписал документ, имеющий смысл то ли «согласия» с установленным заданием, то ли «социалистического обязательства», поскольку туда уже был вписан и «встречный план» — 8,7 руб. Фактически я могу вложить в общебригадный «котел» и больше этого плана. Но в конечном счете каждый получает не столько, сколько заработал по расценкам, а столько, сколько ему положено «по статусу» (измеряемому дневным производственным заданием; так это устроено на нашем заводе).

В итоге, мой статус на пятый год производственной карьеры определен заданием 8,5 руб. за смену, а в месяц — с учетом премиальных (30%) — 240 руб. Начиная же я со 150 руб. в мес. (повременно), что соответствует — при сдельной оплате — заданию порядка 5 руб. Рост моего статуса за четыре года не является ни слишком медленным, ни слишком быстрым, только — в отличие от большинства — скачкообразным.

Собственно, цеховое начальство не «по злобе» воспротивилось немедленному повышению задания до 9 руб. Такого «взлета» (после 7 руб. еще в ноябре 1983 г.) не утвердил бы отдел НОТиУ.

Мой бывший ученик на ПКР, правда, слесарь с почти 10-летним стажем работы в цехе, Сергей 3-в имел задание 10,0 руб. Наивысшее задание (кажется, 11,5 руб.) в моей нынешней бригаде — у бригадира Сыщевича, работающего на заводе свыше десяти лет.

При вступлении в бригаду Виноградова в мае 1983 г. мне было назначено задание 6,5 руб., что, возможно, не соответствовало моему небольшому (полгода после ухода с ПКР в сентябре 1982 г.) собственно слесар-

ному опыту и квалификации. Однако бригадир рассчитывал, что я буду «партизанить» на ПКР, что я и делал исправно, с выгодой для бригады.

Уже с июля 1983 г. Виноградов сумел повысить мне задание до 7,0 руб. Но дальнейший рост статуса был возможен только очень постепенный.

...Бригада 001 сожалела о моем переходе в другую бригаду, но отнеслась к этому шагу с пониманием. («Бригада 001 не возражает — для пользы цеха и участка», — начертал Игорь Виноградов на моем ноябрьском заявлении о переводе в бригаду 003.)

Резким повышением зарплаты (почти на 100 руб. в течение года!) я отчасти компенсировал отсутствие приработка по совместительству в научных учреждениях, прекратившегося с начала 1983 г. <...>

(Записано в феврале 1984 г.)²⁸

Ремарка: досуги социолога-рабочего

Не следует думать, что с переходом на положение «только рабочего» оборвались всякие связи социолога-испытателя с институциональной наукой.

Продолжались: сотрудничество в группе «Социология и театр» при ЛО ВТО²⁹ (цикл работ о «движении репертуара» драматических театров, исследование «театрального сознания»); совместные с коллегами по исследовательскому проекту «Человек и его работа. 1976» (Б. Максимов, А. Назимова, А. Тихонов) работы в области производственной социологии³⁰; сотрудничество с хозяйственной группой из НИИКСИ при ЛГУ (Н. Грибалева, А. Марьяненко, Н. Щербаков), занимавшейся исследованием бригадных форм организации труда на «Ленполиграфмаше»; совместные с С. Минаковой исследования в области социологии личности.³¹

Но все это (за исключением «театральной социологии») уже не давало приработка. То были, так сказать, «досуги» социолога-рабочего.

Впрочем последующие события (политическое «дело») свели их к минимуму. (Февраль 2001).

5.11. Бригада как социальный организм

Из «Записей для памяти» (декабрь 1984)

<...> 7.12.84 (пятница) состоялось собрание комплексной бригады 003 цеха ¹ 3 Ленинградского завода полиграфических машин, на котором я присутствовал в качестве члена бригады.

Собрание обсудило заявление фрезеровщика М. К. с просьбой вывести его из состава бригады. Это заявление, как выразился на собрании бригадир А. С., является «ходом конем». Дело в том, что М. К. до этого неоднократно²⁸ на предполагавшееся бригадиром повышение мне дневного производственного задания до уровня 9,0 руб

администрация согласилась только год спустя, в январе 1985 г

²⁸ См о ней ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»

²⁹ См в приложениях к главе 5: раздел «Откуда берется и что дает бригадная форма организации труда»

³⁰ См в главе 6: «Что такое счастье» и др разделы

кратно нарушал трудовую дисциплину, депремировался, ему был понижен к. т. у. [*коэффициент трудового участия*. — А. А.] за ноябрь на 0,3. Заявление М. К. является своего рода ответом на предъявленные ему и администрацией, и бригадиром, в общем несомненно справедливые претензии.

По выражению А. С. (на том же собрании), «пьют все», но «с умом», т. е. «потом отработывают». М. К. же в итоге своих частых если даже не прогулов, то внутрисменных потерь рабочего времени на почве пьянки, оказывается в бригаде «нахлебником».

На собрании обсуждалось, не следует ли вывести М. К. из бригады не по его просьбе, а по инициативе бригады. Но, поскольку М. К. упредил такую возможную инициативу коллектива своим заявлением, было решено его просьбу поддержать.

М. К. — единственный фрезеровщик в комплексной бригаде, состоящей преимущественно из слесарей. Выход его из бригады — не безболезнен, с точки зрения обеспечения полного цикла работ по ряду обозначений номенклатуры. До сих пор, в составе бригады, М. К. имел «гарантию» выполнения задания на уровне 8 руб. в день, независимо от собственных трудовых усилий. По всей видимости, иногда он вырабатывал (согласно существующим нормам и расценкам) и больше (компенсируя «переработку» прогулами и лодырничанием). Во всяком случае, он полагал, что его рабочая сила «стоит» дороже (судя хотя бы по его настоянию, еще год назад, повысить ему производственное задание).

Теперь М. К. придется устойчиво отработывать это дневное задание, чтобы обеспечить себе прежний уровень зарплаты. Он полагает, что это ему удастся. Возможно, и ошибается, т. к. конкретные работы существенно различаются по степени «выгодности» (т. е. соответствия нормативов реальной возможности их выполнения или перевыполнения). А «режима благоприятствования» на этот счет ему не будет.

В 1984 г. был прецедент вывода из бригады слесаря М. Г. (сменное задание — 8,5 руб., т. е. точно такое же, как у меня). Причина та же, что и для М. К. сегодня (только М. Г. не сам выходил, а его выводили, вопреки его настойчивым просьбам этого не делать и обещаниям исправиться). В течение нескольких месяцев после этого М. Г. «вкальвал», устойчиво выполняя свое дневное производственное задание, и был, по собственной просьбе, вновь принят в состав бригады.

Вообще, работая в бригаде, ты гарантирован от случайностей (будь то собственный запой, будь то «наплыв» невыгодной работы). Вне бригады приходится «выкручиваться» в одиночку.

М. Г. и М. К. — оба из числа кадровых рабочих цеха (М. К. работает здесь уже лет 10, а М. Г. — и все 30). Такие, как они, «могут работать» (как обычно говорят при обсуждении их поведения), и к ним применяется весь спектр возможных мер административного и воспитательного воздействия, прежде чем уволить по статье (как почти немедленно поступают с прогулявшим новичком).

Фактическая иерархия мер взыскания и воздействия (в последовательности усугубления): депремирование по итогам месяца (обычно с выговором); снижение к. т. у. по итогам месяца; временный (один-три месяца) перевод на ниже-оплачиваемую, неквалифицированную работу (обычно — транспортировщиком) снижение базового к. т. у, т. е. дневного (сменного) производственного задания; вывод из бригады (после которого обычно — уже только увольнение).

Из кадровых рабочих нашей бригады 003 один (С. Р.) недавно отработал 3 мес. в качестве транспортировщика; один (Е. Р.) — сейчас работает на стройке заводского «Дома быта»; еще один (С. И., хоть работает в нашем цехе всего года 3, но, кажется, заводской «старожил») сейчас «возит тачку» (транспортировщиком).

Из числа кадровых рабочих в бригаде 003 только сам бригадир А. С., слесарь В. Н., слесарь и ныне (после С. Л., избранного зам. секретаря комитета комсомола завода) комсорг цеха С. С., а также я сам — ни разу не оказывались в положении наказанных за прогул или появление на работе в нетрезвом виде.

(Напоминаю: в бригаде 003 А. С., В. Н., Е. Р., С. Р. — «кадровые», со сменным заданием — в рублях — выше моего; М. Г. — «кадровый», с заданием таким же, как у меня; В. Н. (другой), С. С. и С. И. — «полукадровые», с заданием ниже моего; Н. Р. — работает недавно, но быстро станет «кадровым», задание ниже моего; еще один — недавний выпускник ПТУ, и одна — девушка-гравер, «кадровая», но у женщин своя шкала отсчета; М. К. — «кадровый», задание ниже моего, выведен из бригады 7.12.84; наконец, я сам. Всего — было 13 чел., стало 12.)

(Записано в декабре 1984 г.)

5.12. «Бешеная халтура, красивая деталь...» (И другие эпизоды из жизни бригады 003 1984 года)

5.12.1. Бригадный хозрасчет?

Из «Записей для памяти» (октябрь 1984)

<...> Со следующего месяца наша бригада 003 (вслед за еще двумя бригадами с других участков) в экспериментальном порядке переходит на работу в условиях «бригадного хозрасчета». Бригадир А. Сычевич сегодня подписал соответствующие документы.

Новые условия работы заслуживают потом отдельной записи. Но суть этого новшества у нас состоит в том, что бригада принимает на себя ответственность за выполнение «плана по товару», а не только «по валу». Зарплата считается заработанной, если выполнено месячное бригадное задание по номенклатуре; только тогда выплачивается рабочим премия. Тем самым исключается ситуация, при которой рабочие заинтересованы только в «вале», а за «товар» (номенклатуру изделий) отвечает только администрация.

С другой стороны, повышается спрос с начальства за техническую и организационную подготовку производства, чтобы бригаде была обеспе-

чена возможность выполнить месячное задание не за счет закрытия нарядов на работы, выполненные впрок, при невыполненном «плане по товару», а за счет выполнения именно этого последнего плана (номенклатура, необходимая в данный момент, согласно графику).

Многие рабочие считают, что при нынешнем уровне инженерной подготовки производства переход на бригадный хозрасчет (в указанном смысле) является преждевременным. (Об этом, в частности, говорили многие на партийном собрании цеха 27 августа с. г., где обсуждались перспективы такого новшества; в том числе и мой бригадир А. Сыщевич.)

Однако на бригадном собрании, проходившем в конце сентября с. г., решили - в основном по настоянию Сыщевича - попробовать.

По крайней мере на период эксперимента это должно принести определенный выигрыш, считает бригадир. Мнения других членов бригады -разноречивы. <...>

(Записано 23.10.84)

5.12.2. Что — положено, что — не положено... (Незаконная технология)

Из «Записей для памяти» (ноябрь 1984)

<...> 13.11.84 (вторник) между 10 и 11 час. к моему станку подошел А. С. (бригадир) [А. Сыщевич. -А. А.] и сказал:

- Притормози. Техпроцессы проверяют. (Он убрал лежавший на виду раскрытый чертеж «Ф-...») А этот («Ф-...») пусть на станке лежит, он - для ПКР.

Такие проверки бывали и раньше. Но в последнее время участились.

За период с 20 августа 1984 г. по настоящее время мною отработано около 40 обозначений, т. е. 40 производственных партий деталей для фотонаборных машин. Из них 24 - «законно» (т. е. в соответствии с заданным технологическим процессом, где предусмотрены штамповочные операции на координатно-револьверном прессе) и 16 - «незаконно» (т. е. с замещением на ПКР разнообразных сверлильных, расточных, фрезерных операций, что существенно снижает трудоемкость, не снижая качества).

В первом случае в техпроцесс включена карта штамповки, рассчитанная технологом, имеется шаблон, который я беру из инструментальной кладовой. Во втором - я пользуюсь кустарным шаблоном, изготовленным самостоятельно (мною - еще в 1981-1982 гг., Сергеем 3-вым -в 1983 г. и опять мною - в 1984 г.), по собственным расчетам, и сам подбираю инструмент, не указанный в техпроцессе.

Бывает еще «промежуточная» ситуация, когда я делаю «доработку» в фирменном шаблоне, т. е. пробиваю на ПКР не только те отверстия, которые предусмотрены техпроцессом, но и другие (например, находящиеся в «мертвой зоне», для чего переворачиваю шаблон, что выдвигалось мною как рационализаторское предложение еще в 1982 г., но было отклонено

отделом главного технолога, а теперь не только я в «нелегальных» техпроцессах, но и технологи — в «легальных» этот прием зачастую используют).³²

Или, скажем, разрубаю заготовку на 2 детали, что обычно предусматривается делать на другом прессе.

С учетом «доработки», **более половины** обозначений, прошедших через мой станок за это время, отработаны не по официальной технологии, а либо совсем «нелегально», либо с «нелегальными» вкраплениями.

Это «подпольное» использование моего станка позволяет снизить фактическую трудоемкость, т. е. повысить производительность. Отсюда следует — выигрыш бригады (меньше времени и усилий для получения конечного результата, т. е. готовой детали). Выигрыш участку — при экономии времени, гарантия не задержать выдачу соответствующих деталей.

Кстати, без такой «нелегальной» работы ПКР КО-120 до сих пор не был бы полностью загружен, сейчас же загружен процентов на 90.

Об этой «потаенной» технологии прекрасно осведомлены мастера, которые рассчитывают на нее и иногда даже помимо бригадира выдают мне задание на соответствующие производственные партии (правда, инициатива всегда остается за бригадой, именно бригадир выбирает из имеющейся номенклатуры, **что** можно «нелегально» сделать на ПКР, а я делаю расчеты, изготавливаю шаблон, налаживаю и т. д.). Если бы сейчас эта «партизанщина» вдруг прекратилась, ПКР по неделям оставался бы без загрузки, а бригаде пришлось бы работать сверхурочно, чтобы выполнить план.

Ни бригада, ни даже мастера не заинтересованы в «легализации» этой рабочей технической самодеятельности (например, в ее оформлении в качестве рационализаторских предложений). Ибо тогда фактическое снижение трудоемкости будет отражено в **новой норме и расценке**, и за тот же конечный результат бригада получит меньше. Но и не все из этой инициативной рабочей технологии может быть безоговорочно официально принято, поскольку в ряде случаев это делается «с риском» и конечный результат оказывается удовлетворяющим требованиям лишь за счет опыта и мастерства рабочего.

(Все сказанное относится не только к моему станку. Значительная часть других работ в комплексных слесарных бригадах выполняется с подобным замещением операций.)

В общем, не секрет эта самодеятельность и от технологических служб (по крайней мере — цеха). Но цеховые технологи, как правило, сами техпроцессов не разрабатывают, а отдел главного технолога (откуда исходят «легальные» техпроцессы) если и знает, то абстрактно (что вообще-то многое делается не так, как они пишут в техпроцессах), а поскольку дело как-то **само собой делается**, то и хорошо.

Но все же существует формальное требование — работать только «по технологии». (Если бы это требование вдруг стало всерьез проводиться,

³² См ранее, в главе 3: раздел «Итак, я ловлю рыбу...»

то завод бы залихорадило.) Поэтому иногда кто-нибудь из ОГТ приходит с «плановой» проверкой. Вместе с цеховым технологом (тот в роли ассистента!) подходят к рабочему месту и интересуются: **что** рабочий делает и **как** (сверяют с технологическим процессом, который документирован и, у нас на заводе, сброшюрован с чертежом).

Проверка довольно формальна, и достаточно узнать о ней за несколько минут, чтобы к ней подготовиться.

Так было и на этот раз. Кроме чертежа «Ф-...», я убрал с тумб, стоящих у моего станка, и заготовки на эту деталь, и готовые детали, и даже снял с координатного стола шаблон (который мне как раз надо было «переворачивать», т. е. менять настройку). И стал — впрок — собирать и загружать в револьверную головку инструмент для другой «Ф-...» («легальной»), так что не потерял время.

Тут подошел мастер. Он еще накануне с удовлетворением отметил, что трудоемкие «Ф-...» [*первое из названных обозначений. — А. А.]* будут готовы не за неделю (если делать согласно официальному техпроцессу), и даже не за 3 дня (как он рассчитывал, зная что они «нелегально» штампуются на ПКР), а чуть ли не за 2 смены.

(Это уже я — «насобачился», поскольку проходит данное обозначение через мой станок не впервые.)

И вдруг мастер видит, что я — занят чем-то другим.

— А те что, уже готовы? — спрашивает.

— Нет, еще один заход будет.

— Так Вы же другую партию настраиваете...

— Какую положено, ту и настраиваю.

— А эту?

— А эту не положено.

— ?!

— Так ведь проверка из ОГТ!

— А меня даже не предупредили... — смутился мастер.

— А меня предупредили! — улыбнулся я.

Через полчаса проверяльщики ушли. Я вновь поставил свой самодельный шаблон «Ф-...», и к концу дня требуемая партия 170 штук была готова. <...> (Записано в ноябре 1984)

5.12.3. Бешеная халтура, красивая деталь...

Ремарка: образец моделирующей ситуации.

Этот сюжетно выстроенный, озаглавленный еще в оригинале дневниковый фрагмент неоднократно публиковался: в брошюре «Наблюдающее участие и моделирующие ситуации» (1997), в книге «Драматическая социология» (1997), в журнале «Звезда» (1998, ¹ 10), в журнале «Мир России» (1998, ¹ 1/2).

Данный сюжет является, в известном смысле, «классическим» образцом моделирующей ситуации.

Интересно, однако, что субъект исследования эту ситуацию, строго говоря, не «моделировал», а она сложилась совершенно стихийно. Я же — только записал. (Сентябрь 1999).

Из «Записей для памяти» (1984–1985)

Старожил (экспозиция)

Уже пять лет работаю я на «Ленполиграфмаше», наладчиком-повременщиком, потом слесарем-сдельщиком. Оказывается, это очень много.

За эти пять лет я успел «пережить» двух начальников цеха, одного заместителя, одного старшего мастера, трех мастеров слесарного участка, четырех младших кладовщиц инструментальной кладовой, двух старших механиков, правда — только одного секретаря партбюро цеха. На моей памяти успели вернуться из армии уходившие при мне служить; успели распастыся браки, выросшие из взаимного ухаживания у меня на глазах. Умер мой первый наставник (слесарь-инструментальщик Федор Филиппович). Из троих моих прямых или косвенных учеников по координатно-револьверному прессу (ПКР) один ушел в другой цех, другого уволили за прогулы, третий перешел на освобожденную комсомольскую работу...

За пять лет я успел побывать на двух траурных митингах [*смерть Л. И. Брежнева и смерть Ю. В. Андропова. — А. А.*]. Сам успел стать «ударником коммунистического труда» и... «вредителем»; съездить в отпуск на Кубу и быть исключенным из партии. И, уже после этого, увидеть собственную физиономию на фотографии в многотиражной газете. Чего только не было!..

Все «течет и изменяется». Но есть и «величины постоянные».

Например: генеральный директор завода А. Д.; мой бывший бригадир (отметивший за это время 35-летие своей работы на заводе) И. В.; мой нынешний бригадир А. С.; наконец — я сам, несмотря на все перипетии собственной судьбы. На заводе, в своем цехе, на своем участке, я уже **старожил**. И даже станок, запускавшийся мною в 1980 году как «новое оборудование», кто-то недавно назвал «старичком»...

В этом году мне стукнуло пятьдесят (бригада, по этому случаю, подарила мне электрический светильник фирмы «Прометей»). Но возраст, как и общий трудовой стаж, для работника — «второстепенная» социальная характеристика. Главное — давно ли ты **здесь** работаешь. После пяти лет становишься старожилом. Пять или десять лет — уже не велика разница.

Начиная с декабря 1983 г. я вновь вернулся на координатно-револьверный пресс (ПКР), после полуторогодового перерыва, в течение которого на этом станке работал мой бывший ученик Серега З., да и не только он. Сам же я в это время трудился рядовым слесарем в бригаде Игоря В. Но вот Серега перевелся в другой цех (на сборку), и тогда Анатолий С. (бригадир той бригады, за которой закреплен ПКР) пригласил меня к себе в бригаду, на Серегино место.

«Все возвращается на круги своя» (впрочем, скорее все же — по спирали).

Мой станок сейчас — как хорошо объезженный конь. Я знаю все его повадки. Он, похоже, ничего не может «выкинуть», а могу «выкинуть»

только я, понадеявшись на авось или отвлекшись и забыв о какой-нибудь хорошо известной мне его особенности. Я вообще-то лентяй. Я целый год не регулировал подшипники траверзы, которые в 1981 году регулировал чуть не каждую неделю! Но это, скорее всего, потому, что я тогда их так усердно регулировал, мне и Сереге на три года **той** регулировки хватило.

Сейчас эта регулировка, строго говоря, не мое дело. Но лучше совсем не регулировать, чем это станут делать наши ремонтники. А самому — ни к чему, поскольку точности пробивки отверстий и так хватает. И я уже знаю, что после очередной регулировки может лучше не стать...

Еще год назад я снял со станка лишний кожух, что позволило мне устроить себе рабочую позу **сидя**. Я целый день не стою, а сижу на высоком, вращающемся слесарном стуле, воздвигнутом на перевернутой металлической коробке. Это — поза велосипедиста, склонившегося за рулем (роль которого здесь выполняет перемещаемый вручную пантограф).

Я так еще **не один год** могу просидеть... А по субботам и воскресеньям — писать эти заметки. Ну, пора заканчивать экспозицию.

Что такое «халтура»

В среду, 21.11.84 мой бригадир А. С.³³ утром сказал мне: «Отдохни пока!» — «В каком смысле?» — «Физически». И предложил мне заняться наконец (он давно прицеливался!) деталью, под обозначением «РУ-...», штамповка которой на моем станке технологами вовсе не предусмотрена.

Представьте себе стальной лист миллиметровой толщины габаритами примерно 180×350 мм. Это — развертка коробочки, которая получится, когда в этом листе будут вырублены углы, а потом лист загнут и углы сварены. После этого, согласно существующей технологии, в каждой из таких коробочек надо — в разных плоскостях — отцентровать, просверлить и рассверлить до полусотни отверстий, диаметрами (перечисляю): 2,4 мм; 3,4; 8,2; 12,5; 15; 25; 23; 22; да еще пазик 7×9 и большой паз 12×40.

Разумеется, расточник, которому все это предстоит, не станет по очереди с каждой коробочкой возиться. Он настроит расточной станок на одно отверстие — все 150 коробочек перекидает; потом — на другое, опять 150. И так пятьдесят раз (по количеству **разных** отверстий). (Для удобства восприятия, я несколько упрощаю!)

Нормировщик в такие «профессиональные тонкости» не вдается. В техпроцессе записана... **одна** производственная операция: расточить пятьдесят отверстий в коробочке. И эта операция «стоит» по трудозатратам чуть больше часа (64 мин.) рабочего времени расточника 5-го разряда, а по расценке — около рубля (96,512 коп.).

Но прежде чем растачивать, в детали нужно вырубить углы, загнуть... Что является делом слесарей. В общем, по «маршрутной карте» деталь

³³ Анатолий Сычевич, он же — «Толик», он же — «Бугор»

сначала попала в нашу комплексную бригаду. И бригадир Толик резонно рассудил, что нечего «халтуру» из рук выпускать, если мы эти пазы и отверстия можем и **до гибки** сделать.

Для того и существует мой станок, координатно-револьверный пресс, в котором можно установить развертку (стальной лист) и, не вынимая из зажимов, а только поворачивая револьверную головку, пробить по шаблону за 3–5 минут все пятьдесят отверстий, нужного размера и в нужных местах. Перемножьте эти 4 минуты на 150, сколько будет? От силы 10 часов, а не 150. То-то!

Ну, тут надо иметь надежного наладчика-штамповщика, который:

— все размеры из чертежа уже сложенной (загнутой) коробочки переведет, пересчитает в размеры (расстояния) от баз развертки, т. е. составит карту штамповки из разряда самых сложных (с которыми у технологов, готовивших техпроцессы для моего станка, не обходилось без пары ошибок в каждом, в 1980–1981 годах!);

— затем переведет этот самодельный эскиз развертки в металл шаблона (т. е. разметит 3-миллиметровый стальной лист и просверлит в нем пятьдесят **одинаковых** отверстий диаметром 6 мм, под искатель пантографа;

— подберет пробивной инструмент (для отверстий этой коробочки подходящие вырубные пакеты, по счастью, имеются; а вот для пазов — надо комбинировать удары, чтобы в итоге получилась нужная конфигурация);

— загрузит револьверную головку этим инструментом, установит шаблон на координатном столе, подрегулирует, «пробьет» первую деталь, проверит, убедится, что после гибки получится та самая коробочка, которая показана на чертеже.

Сколько он провозится со всей этой подготовительной работой?

Ну, смену. А потом, за другую смену, отштампует в развертке все пятьдесят отверстий и пазов во всех 150 коробочках. И за два дня, таким образом, заработает... 150 рублей! Ведь он тем самым «закроет» в маршрутной карте расточную операцию. А кому какое дело, как это сделано, если конечный продукт (коробочка на выходе) — в соответствии с чертежом...

Вот это и называется по-рабочему — «халтура»! **Халтура** — это вовсе не плохая (некачественная) работа, а, наоборот, хорошая работа, сделанная при минимуме трудозатрат. Работа **эффективная**, в смысле получения требуемого конечного результата «малым потмом». Работа **выгодная** — и себе, и производству! Но когда за пару дней — 150 рублей (я — в бригаде, так что идет это в бригадный котел, а не «в мой карман», да и никто не дал бы мне **одному** за два дня 150 рублей заработать!), то это уже не просто халтура, а «халтура бешеная».

Для бригады эти 150 рублей — порядочные деньги. Ведь за месяц бригада из 12–13 чел. закрывает нарядов рублей на 1 600 (без учета премиальных). А тут один член бригады — за пару дней — десятую часть этой суммы!

Как обычно, в чем-то проиграешь, а в чем-то выиграешь. Важно, чтобы в конечном итоге выигрыш был больше проигрыша. А если выигрыш слишком сильно перевесит, то наряд на эти коробочки можно будет, до-

говорившись с мастером, и не закрывать, а отложить до будущего месяца (когда, может быть, косяком повалит невыгодная работа). Такая вот «рабочая арифметика». (Впрочем, почему только рабочая? Аналогично, на своем уровне и для своих дел, рассуждают и мастер, и начальник цеха, и генеральный директор!)

Рассчитывать карты штамповки мне не привыкать, еще с 1981 года. Как лучше делать поправку на гибку, при расчете размеров, меня научил бригадир Толик (раньше я делал это куда более сложным способом!). Но, как всякий нормальный рабочий, я теперь обхожусь без лишних бумаг, а сразу реализую эту карту штамповки **в металле** шаблона: всякий размер высчитываю в уме и, не записывая, откладываю на штангенрейсмусе, а затем — риску на металле. Таким образом, шаблон оказывается для меня своего рода «металлическим эскизом».

Ну, потом — по пересечениям рисунок — накернить, просверлить сначала маленькие отверстия по «кернам», потом рассверлить, потом — проверить межцентровые расстояния, на случай расчетной ошибки, а если при кернении рука дрогнула, то подправить отверстия круглым надфилем. Наконец, развернуть отверстия до требуемых 6 мм. Шаблон готов!

Это — чисто слесарная работа. Даже скорее — слесаря-инструментальщика. Конечно, слесарь-инструментальщик сделал бы это качественнее. Но я в 0,1 мм отклонения укладываюсь, а больше мне и не надо.

Было время — я делал такие шаблоны непосредственно на станке, не размечал и сверлил, а «пробивал» шаблон, пользуясь координатной сеткой ПКР. Но с 1982 года микроскопы — не освещены, геометрическая система станка — все же не «в нулях» (в нулях — это моя «синяя птица» 1981 года!), такой точности не получишь. Мне — «себе дешевле» разметить и просверлить слесарным способом, благо я теперь сам слесарь, как и мой первый ученик на ПКР — Серега. А он поступал именно так.

Итак, к обеду 21.11 шаблон для «РУ-...» готов. Затем я загружаю десяток гнезд револьверной головки. Кое-что у меня в ней уже стоит (пакеты инструмента с «расхожими» диаметрами 2,5 или 3,6 мм). К концу дня и наладка станка для данной детали готова. За день я заработал... 00 руб. 00 коп. Зато завтра...

Собираюсь уходить, но бригадир Толик просит сделать ему пробную деталь. Он сегодня остается в вечер — проверит (обычно он доверяет мне, но тут — «слишком крупная игра»; надо не промахнуться!). Задерживаюсь на полчаса. Приношу ему первую из 150. Он говорит: «Отлично! Даже **более чем отлично!**». (Это — на глаз). Оставляю, ухожу.

Для пользы дела

Наутро 22.11 узнаю, что все межцентровые расстояния в порядке (а там и в самой детали есть размеры с допуском всего 0,1). Только от баз чуть подвинуть всю систему отверстий (но это я и сам предупредил: первая деталь — пробная, а подрегулировать — пустяк!). И еще «грат» надо в другую сторону, чтобы получился не снаружи, а внутри коробочки после гибки.

Грат — это те заусеницы, которые остаются после сверловки (на выходе сверла), после фрезеровки (по ходу движения фрезы), после штамповки (со стороны, противоположной удару). Снятие гратов напильником, шабером или посредством зенковки (неглубокое рассверливание с обратной стороны) — одна из самых расхожих слесарных операций.

Ситуация привычная: я штамую, бригада снимает грат (тут ума не надо, а только навык, которым я в свое время не вдруг овладел) и гнет мои развертки (вот эта работа — из самых квалифицированных!). Но, как ни снимай заусеницы, это все же — не столь изящно выглядит, как та сторона, с которой удар пуансона, где края отверстия или паза получают естественное закругление внутрь. Вот почему бригадир попросил меня пробивать с другой стороны.

Правда, для этого я должен «перевернуть шаблон», т. е. пробивать отверстия от одной базы так, чтобы размеры выдерживались от противоположной. А это зависит уже не столько от моего искусства, сколько от того, насколько точно (или вернее — единообразно) выдержаны габариты заготовки (в каком-то из «писем любимым женщинам» я это подробно объяснял).

Пробивка с перевернутым шаблоном — одно из моих рационализаторских предложений 1981 года, которое было отклонено (долго сейчас рассказывать, почему).³⁴ Но это — и нечто «само собой разумеющееся», скажем, для бригадира Толика. Ведь известно, насколько может отклониться фрезеровщик при «огабаривании» заготовки, а стало быть — можно на это сделать примерную поправку.

Вообще, «рабочая технология» — вся **не по правилам**, но, наверное, нужны правила, чтобы было чего нарушать для достижения **конечного результата**.

<...> Весь день 22.11 (четверг) я штамповал «РУ-...» и сделал 100 штук из 150. Эта «нелегальная» деталь была... **красивая!** Дело в том, что когда на малой площади размещено много всяких пазов и отверстий, расположенных не симметрично, к тому же — отверстия разного размера, то это особая эстетика. Эстетика — «непримитивности». Это — как морозный узор на оконном стекле.

Игорь С., работающий рядом (не бригадир, другой), сказал: «Красивая деталь!». Еще кто-то (независимо) — то же. В самом деле — красиво! Я старался не спешить, чтобы не ошибиться в ударах. Когда одиннадцать раз надо повернуть револьверную головку, искателем пантографа найти нужное фиксирующее отверстие в шаблоне и «ударить» в нужное место заготовки, шансы ошибиться возрастают. Но уже на 5–10-й детали вырабатывается достаточно надежный автоматизм (своего рода маршрут на шаблоне!).

Ошибиться можно — пробив отверстие малого диаметра на месте крупного. Стоит потом поверх ударить крупным пуансоном, чтобы следов этой ошибки не осталось. А вот если наоборот — обидно! В общем-то брак.

³⁴ См выше: раздел «Выход из “мертвой зоны” Процессы и события»

Но такой брак я умею исправлять. Ибо все слесари знакомы с аппаратом точечной сварки, который стоит рядом с моим станком. Прорубив нечаянно нежелательную дырку, я беру подходящую «вырубку» (стальной кружок из ящика для отходов) и забиваю им эту дырку. Потом привариваю. Тот, кто будет снимать грат, заодно зачистит и сварку (а если ошибка слишком «неприличная», то я сам это сделаю). На сотню деталей (5 тыс. ударов!) я пару раз ошибусь (если затороплюсь или задумаюсь). Мастерство — это не когда не делаем ни единой ошибки, а когда умеют ошибку исправить.

А развертки-то мои (рублевые!) не залеживаются. Я еще и штамповать не кончил, а Николай Р. (по указанию бригадира) пристроился уже gratы снимать. Он заметил пару разверток с пропущенными дырками (забыл я ударить разок из 50 раз!). Благо шаблон со станка не снят, настройка не менялась — добавить одно отверстие ничего не стоит.

В общем заработал я в этот «звездный» день 100 рублей (разумеется, по нормам расточки и фрезеровки, а не штамповки). А оставшиеся 50 — на следующий день 23 ноября, до обеда). Разумеется, такая халтура — небывалая, потому и «бешеная».

Итак, все **не по правилам!** Штампую на ПКР деталь, которую положено обрабатывать на расточном станке... Занимаюсь расчетами карты штамповки вместо технологов... Изготавливаю шаблон, который положено делать инструментальщикам... Зарабатываю бригаде 150 рублей за 2,5 дня (включая изготовление шаблона). И т. д. И все — **для пользы дела!**

А когда в другой раз придет эта деталь (вряд ли технологи спохватятся к тому времени перевести ее на мой станок, а мы, разумеется, вылезать с таким предложением не будем!), у нас уже и шаблон готовый, и «мелких неприятностей», авось, не будет. Так я и за полтора дня или даже за день с этой работой справлюсь. И будет снова на входе — все не по правилам, а на выходе — «бешеная халтура, красивая деталь»!

Но выиграв на ней, я (т. е. бригада) проиграет на чем-то другом (очень невыгодном!). И в итоге будет **умеренное** перевыполнение бригадного задания (процентов на 10, не больше; наша бригада, как написано в многотиражной газете, работает сейчас где-то на уровне марта-апреля 1985 г.).

Но не подумайте, что на этом история «красивой детали» окончена. Вернусь к ней позже.

(Записано в декабре 1984 г.)

Неожиданный финал

Отштампованные мною 145 штук «красивой детали» были уже загнуты и углы заварены (т. е. превратились из листов в коробочки), как вдруг наш «Бугор» в последних числах ноября обнаружил на своем верстаке папку с техпроцессом «РУ-...», в которую оказался вклеен **новый чертеж** этой детали с конструктивным изменением (на месте девяти отверстий диаметром 8,2 мм — всего три таких отверстия, и добавлены: одно отверстие 15 и одно 2,5). А надо сказать, что мы «отрабатывали» эту деталь уже в счет 1985 года.

Между тем, именно в запуске 1985 года предусматривалось это конструктивное изменение, просто в ноябре 1984-го его еще не успели в чертеж внести.

Выходит, вся «бешеная халтура» — **в брак!** Но наш бригадир не так прост — согласиться с тем, чтобы осталась не оплаченной работа, выполненная в **соответствии с чертежом** (аннулированным позднее). Возникло что-то вроде производственного конфликта.

Администрация выискала случайно сохранившийся обрывок прежнего (вырванного из папки) чертежа, на котором рукой технолога (конструктора?) написано: «только на запуск 1984 г., в 1985 г. будет изменение в расточной операции» (той самой, которую я заместил штамповкой на своем ПКР). Запись датирована октябрём 1984 года, т. е. как будто уже существовала тогда, когда мы этим чертежом пользовались... Однако ни я, ни А. С. — в упор не помним, чтобы была тогда такая запись! А не обратить внимания, работая с чертежом, не могли. (Да и не принято в техпроцессах таких предупреждений делать. В первый раз такое!)

У нас возникло существенное подозрение, что эта запись появилась **потом**, т. е. как раз при аннулировании старого чертежа, от которого почему-то сохранился лишь единственный обрывок, и именно с этой надписью. Ну, проводить графологическую экспертизу не стали. Администрация согласилась оплатить уже сделанную работу в полном объеме, а деталь придется-таки делать заново.

Заново — бесплатно?! Нет, с этим бригадир согласиться никак не может. Прежний наряд закрыт. А новый, если хотите, пишите! С другой стороны, ни для кого не секрет, что штамповкой на ПКР (вместо расточки) бригада заработала 200 рублей «малым потом» (я заместил расточку на 150 руб., да плюс обрубка, гибка и сварка, менее дорогостоящие). Не платить же бригаде опять 200 руб. (Да еще при готовом шаблоне, который мне исправить — пара пустяков!). **Сторговались** на 100 руб. за повторную партию «РУ-...». Таким образом, бригада не в накладе (одна халтура — «бешеная», другая — «полубешеная»).

И ведь не рвачи вовсе! Своей партизанской деятельностью мы с А. С. действительно повысили производительность раз в шесть-восемь.

Отштамповали заново 145 штук, с исправлением. Как уж там администрация исхитрялась, чтобы нам обе партии оплатить, на кого брак списали — не знаю... А 150 забракованных — еще два месяца валялись в цехе. И уже стали использоваться в качестве тары для не слишком мелких деталей (как-никак — коробочка, хоть и с дырками). Вдруг в конце января прибегают со сборки — где у вас тот брак? — А зачем вам? Да у них, оказывается, десяток машин еще по образцу 1984 года идет. Вот и бракованные коробочки пригодились (правда, только десять штук из 150). Ну, а те, что штамповались заново в декабре, — в январе были загнуты, сварены, зачищены и т. д. Однако увезли их из нашего цеха только месяц спустя.

Технолог Алла П. явилась ко мне, чтобы «оприходовать» нашу скрытую рацию. Ну, поделиться с ней своей картой штамповки я никак не

мог, поскольку на бумаге у меня этой карты просто не было. Так что придется ей самой поработать. И, боюсь, куда менее оперативно и надежно у нее это получится, чем у меня. (Кто-нибудь из технологов, хотя бы та же Алла, оформит это потом как свое рационализаторское предложение; все — в порядке вещей...)

Если бы не шум вокруг этого эпизода, мы бы еще пару лет свою «бешеную халтуру» имели **неприкосновенной**.

(Записано в феврале 1985 г.)

* * *

Геоцентризм

Что же

К звездному многоголосью

Не могу я привыкнуть никак? —

Шест скворешни мне видится осью

Колеса твоего, Зодиак.

Мы не в центре! Среди вереницы

Этих солнц мы обычны вполне!

Но лучи от созвездий как спицы

Нынче сходятся точно на мне.

Вы простите, Коперник и Кеплер,

Что сегодня я верю опять,

Будто в центре Вселенной затеплил

Эту свечку и начал тетрадь.

В самом фокусе линзы огромной

Я сегодня себя ощутил,

Концентрируя в точке укромной

Лученосную силу светил.

Наводя телескоп на Плеяды,

Я пойму интуицией всей,

Что скрестились пытливые взгляды

Этих звезд на планете моей.

Ю. Линник (Из цикла стихов «Посвящение». 1984) (@)

...Стык грядущего и прошедшего, бегущее звено...

...Вселенная существует во мне неотделимо.

Как в шаровом зеркале,

весь мир

во мне отражен...

Р. Л. Бартини. «Цепь» (цит. по: И. Чутко. Красные самолеты. М., 1979) (@)

...Я хотел, чтоб читатель развлекался. Как минимум столько же, сколько развлекался я...

Развлекаться не значит от-влекаться от проблем. «Робинзон Крузо» развлекает идеального читателя множеством арифметики и отчетами о повседневной жизни примерного homo oeconomicus, очень похожего на этого идеального читателя. Но двойник Робинзона, читая роман о самом себе и развлекаясь этим, получал еще кое-что дополнительно, становился немножко другим человеком...

Умберто Эко. Заметки на полях «Имени розы» // Иностранная литература, 1988, 1 10, с. 99.

Приложения к главе 5

П. 5.1. Двадцатью годами ранее: как меня учили

Несколько вступительных слов

Здесь обратимся к событиям почти 40-летней давности. Как уже отмечалось (в попутных упоминаниях), эксперимент социолога-рабочего (80-е гг.) был не первым случаем крутой смены социально-профессионального статуса в жизненном опыте автора.

Был также «уход» из журналистов в рабочие, в начале 60-х. Сначала — вальцовщик на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов (1961–1963), потом — электролизник на Волховском алюминиевом заводе (1963–1964).

В общей сложности это «хождение в рабочие» продолжалось тогда три года. (После чего вернулся к штатной журналистской работе.)

Ниже — один из очерков журналиста-рабочего первой половины 60-х, уместный в контексте всего рассказанного о позднейшем эксперименте социолога-рабочего. (Декабрь 1999).

Как меня учили

Меньше всего я предполагал, что буду об этом рассказывать.

Поступив в электролизный цех Волховского алюминиевого завода, я прошел ученический стаж, затем восемь месяцев обслуживал «агрегаты» (так Славе Иванову, например, нравится называть электролизные ванны). Странное, но, признаться, радостное чувство иногда овладевало мной: уж в этой «командировке» мне ни перед кем не надо отчитываться.

Так мне казалось. Но уже на третьем или четвертом месяце, когда я научился работать более или менее так же быстро, как остальные электролизники, когда, чуточку нарушив правила техники безопасности, я усаживался на токонесущую шинку и давал отдых мускулам, кося взглядом на контрольные лампочки, я все чаще и чаще ловил себя на мысли... об отчете.

Наш завод, первенец советской алюминиевой промышленности, а ныне крупнейшая химическая новостройка, не обойден вниманием прессы. Навешают и наш цех. Но кто же из дотошной журналистской братии знает электролизный и его людей лучше, чем я? И уж если повезло мне 200 смен отработать здесь, то я обязан отчитаться, и в первую очередь перед своими товарищами-электролизниками.

Но тут возникает ряд затруднений. И первое и главное — надо писать о людях, которых видел изо дня в день, с которыми сжег не одну пару валенок¹ и выпил не одну сотню стаканов газировки, которые помогали тебе и ты им

¹ Электролизники тогда работали в валенках, а они — «сгорают» в течение недели-двух

как-то старался помочь, с которыми в свободные часы обсуждал все — от семейных дел до мировых вопросов... Писать о своих товарищах, которых знаешь слишком хорошо, не легче, а, пожалуй, потруднее, чем когда ты знаешь слишком мало. Тут и маленькая фальшь не спишется за счет неосведомленности. Единственный выход, который я вижу, — это строго ограничить тему. В среде электролизников появился новичок. Его понадобилось обучить. Вот и все. Я должен рассказать хотя бы об этом.

«Покури, успеешь...»

Пожалуй, своеобразная близорукость — болезнь всех новичков.

Близорукому очертания предметов кажутся расплывчатыми, а чтобы разглядеть какую-нибудь подробность, надо уткнуться в нее носом. Можно заставить себя не сморгнув пройти мимо плюющей огненными брызгами ванны, размахнуться кувалдой так, словно ты всю жизнь только этим и занимался... Но вот сразу снять эту пелену с глаз ты, как ни старайся, не в силах.

Сначала из тумана выступают человеческие лица. В мой первый день я вышел из «пятиминутки» через полчаса после начала смены — изучал инструкцию по технике безопасности. К тому времени электролизники успели сделать по первому заходу с отбойным молотком.

Отдыхают кружком, преклонив колено, сидя на собственной пятке. Это удобно, когда ты в валенках; в ботинках так бы не усидел: нога устанет. Я подошел и сел рядом. Первое, чему я научился, — профессиональной позе электролизника.

Еще новичок всегда стремится что-то делать. Вот все поднялись, опустили щитки ², затрещали молотками. И твой шеф — звеньевой Володя Аверьянов приспособливает новое зубило. А ты стоишь у него над душой и стесняешься собственных рук. Принес бы еще зубило, да не знаешь, где они лежат.

А Володе твоя помощь вовсе и не нужна. Он тащит за собой шланг [*отбойного молотка. — А. А.*] и роняет через плечо: «Покури пока». И, уступая твоей настойчивости, разясняет: «Да покури. Успеешь нанюхаться».

Так я первую смену и прокурил. А может быть, и следующие две, не помню. А мой наставник просто следовал нехитрому педагогическому правилу: прежде чем показывать первокласснику буквы, их учат сидеть за партой.

Стоя позади, я с завистью наблюдал, как Володя расправляется с ванной: молотком, ломиком, шумовкой. И другую: молотком, ломиком, шумовкой. И третью... Володя откладывает инструмент, которым с усилием промешал «ободранную» выливщиками «сухую» ванну, смахивает пот со лба. И вдруг говорит:

— Нам заплатят. А твоих ученических только на курево и хватит, Андрей.

И этой ошеломляющей логикой он как бы отрекается от своего превосходства, отмечает грань между собой и неопытным стажером. Труд электролизника нелегкий, и его [*этот труд. — А. А.*] стоит и поберечь...

² Прозрачный пластмассовый щиток предохраняет от брызг расплавленного электролита

Впрочем ученик был сыт по горло и тем малым, что доставалось на его долю. Обработав полванны, он бросал молоток и ловил выпрыгивающее из груди сердце. Бежал к окну и глотал свежий воздух.

Что такое цех электролиза? В специальных ваннах — электролизерах происходит процесс электролитической диссоциации глинозема в расплаве криолита. Глинозем разлагается на алюминий, скапливающийся на дне ванны, у катода, и кислород, в котором сгорает уголь расположенных сверху анодов. В результате выделяются углекислота и угарный газ. Неприятнейшим побочным продуктом процесса являются фтористые соединения, также выделяющиеся в атмосферу. Температура электролита — около тысячи градусов.

Электролизеры расположены нитками по 40 ванн. Каждую нитку обслуживает звено из шести человек. В обязанности электролизника входит пробить корку электролита отбойным молотком или специальной машинкой и опустить очередную порцию сырья — глинозема, сменить догоревшие аноды, наблюдать и в известной мере управлять происходящими в ваннах процессами.

Что такое труд электролизника? Напряженный физический труд в условиях жары, запыленности и загазованности. Сейчас принимаются меры для дальнейшей механизации, облегчения, снижения вредности. Но пока сделано меньше, чем предстоит сделать.

Теперь, я думаю, читателю ясны произнесенные вскользь замечания Володи Аверьянова и его осторожность, чтобы с первых дней не перегрузить новичка, а главное, дать ему притихнуть в себя и успокоиться.

В шутку и всерьез

Начинающий электролизник уже успел подпалить спецовку. Научился отличать криолит от глинозема и даже «целовать кувалду».³ Он сидит в буфете и сосредоточенно жует пирожок, прихлебывая молоко. А напротив женщина — может, крановщица, а может, гардеробщица.

— Что-то я тебя не знаю, — вдруг заявляет она, бесцеремонно меня разглядывая.

— Да я всего вторую неделю на ваннах...

— А... Ну так не волнуйся, не волнуйся, — скороговоркой произносит она.

Откуда она взяла, что я волнуюсь? Чем выдал я свою растерянность? А ничем. Просто она видит новенького. А новенький не может не волноваться, уж она знает. Значит, стоит хоть мельком его подбодрить.

Ну, а жизнь шла своим чередом. Я по-прежнему ходил хвостом за Володей Аверьяновым и изредка помогал ему обрабатывать ванны. Добросовестно «курил», по приглашению и без приглашения, и старался разобраться, что же происходит в электролизерах.

Володя не ленился объяснять, но не раз, натолкнувшись на непонимание, говорил: «А это ты и сам потом раскусишь».

³ Своеобразный «тест» на силу мускулов кисти. Если рука слаба, кувалда ударит «испытателя» по зубам

Зато в передаче профессиональных приемов мой наставник был очень щепетилен. Есть во всякой профессии элементы высшего пилотажа, что ли, своеобразного рабочего шегольства, доступного лишь асу. Володя не позволял себе такого хвастовства. Однажды, замеряя положение анода специальным крючком, он проговорился:

—Я и на глаз вижу. Да с тобой мне неудобно...

Очень он меня тогда этим тронул. Остальные электролизники в обучение не вмешиваются. Но их участие в новичке выжалось в другом, не менее важном.

Но сначала хоть несколько слов об атмосфере, стиле взаимоотношений в звене, смене. Работа электролизника вообще располагает к общительности. Присел отдохнуть и зовешь товарища:

«Покури!». Крылатое словечко произносится на десятки ладов и интонаций. Это и приветствие, и приглашение, и дружелюбная насмешка... В обязательные минуты перекуров мы болтаем о чем вздумается, иногда ведем ожесточенные дискуссии, иногда умолкаем, пока Юра Кириллов не ввернет свое излюбленное «Спой чего-нибудь...».

В нашем «клубе» не прекращается постоянный дружеский розыгрыш, каждый смеется над каждым и, кажется, надо всем на свете. Шутки не так уж безобидны, и, бывало, не один, так другой не выдержит правил игры, где серьезное восприятие насмешки и есть проигрыш. И только один человек никогда не станет мишенью — новичок. Потому что он еще не обнаружил своих слабых сторон; единственное уязвимое место — его неумение, а над этим смеяться грешно.

И вместе с тем новичок постоянно чувствует себя в поле внимания товарищей. Оно ненавязчиво и, как правило, также выражается в шутке. Но это шутки иного рода. Отлучаясь в буфет, тебе обязательно скажут: «Остаешься за старшего». А нагружая тачку, поинтересуются, есть ли у тебя права на управление этим видом транспорта.

Шутки Юрия Кириллова значили, пожалуй, не меньше Вовкиных советов. В мой первый самостоятельный день, когда я ввалился в буфет с такими разводами на щеках, что даже выдавшим виды электролизникам они показались странными, кто-то поддел:

—Ты что, под медведем лежал?

Юрка оказался как нельзя кстати:

—А он курил. Покурил и вспотел.

—Ну, я таким не был...

—Ты уже забыл.

Заговор заботы

Мне кажется, вот точное определение нашим взаимоотношениям.

Это не записано в сообразительстве Аверьянова, ни тем более остальных. Я предполагаю даже, что в смене никогда не было об этом разговора... И все же именно заговор, стихийный заговор дружелюбия, внимания, шефства.

Сейчас я задумываюсь над источниками этой заботы. Было бы неправильно видеть их только в прекрасных человеческих характерах, хоть это и факт, что жизнь свела меня с душевными, отзывчивыми людьми. Есть еще и другие, если хотите, объективные причины.

Во-первых, это Волхов. Небольшой промышленный город, где по дороге с завода домой ты успеешь по крайней мере раз десять поздороваться. Люди здесь как-то теснее, ближе друг к другу.

Во-вторых, условия труда. Откровенно говоря, без такой вот теплоты новичку не выдержать, он испугается, убежит, посплав к черту электролизные ванны с их огненным, угарным дыханием.

Но вот и кончился период ученичества. Юра Кириллов произнес шутивную, прочувствованную речь, в которой выразил надежду, что новичок «не опозорит, оправдает, будет достоин своего учителя...». До сих пор меня учил один Аверьянов. Теперь стало учить все звено.

Прежде всего я убедился в справедливости тезиса: «А это ты и сам потом раскусишь». Откровенно говоря, выполнить положенный электро-лизнику объем работы можно и не умея отличать горячий ход ванны от холодного. Но когда сам работаешь на ваннах, ты невольно анализируешь, сравниваешь их вчерашнее и сегодняшнее состояние, и цвет огонька, и крепость гарнисажа, и интенсивность вспышки, и делаешь выводы, которые в тысячу раз прочнее услышанного на техминимуме.

Охотно отвечая на вопросы, мои товарищи не мешали новичку и самому поломать голову. И только одного они не могли ему позволить — это понапрасну «ломаться».

Костя Тихонов отдыхает, сидя на шинке, а рядом новенький очищает огарок [анода. — А. А.]. Он ожесточенно тыкает ломиком, а комки электролита не хотят отваливаться.

—Андрей, возьми кувалду.

Я и сам знаю — надо стукнуть кувалдой. Но мне с самого начала показалось, что можно обойтись ломиком, к тому же кувалды нет под руками. И я продолжаю тыкать ломиком.

—Чертова перечница, возьми кувалду!

Впервые я слышу в голосе Кости раздражение. Раздражение не оттого, что ему, Косте, помешали, а оттого, что вот рядом человек мучается, да еще упрямится.

Костя берет кувалду и ухает по огарку... После первого же прикосновения ломиком, комки отваливаются.

—А ты говоришь... — замечает Костя, хоть я ничего не говорю, а совсем наоборот — смущенно молчу. — Тебе еще три анода ставить. Тащи-ка кран.

Всего на моих семи ваннах 112 анодов. Косте это ни к чему, но он, проходя в буфет, заметил, что из них надо сменить еще три. Я подгоняю консольный кран, а Костя уже и не выпускает из рук кувалды.

Сейчас я уже затрудняюсь сказать, когда именно я почувствовал себя не рабом, а хозяином электролизных ванн. За восемь месяцев не раз об-

манывался на этот счет. Бывали дни, когда отбойный молоток казался в руках игрушкой, но это значило лишь, что мне достался хороший участок, с нормальным ходом ванн.

А бывало и так. С Яшей Лотошниковым мы терли друг другу спины в душе, но тем, пожалуй, и ограничивались наши отношения. Случай свел нас на соседние участки. У каждого было по шесть ванн, а седьмая — переходная, мы должны были заниматься ею по очереди.

В то время на Яшином участке одна ванна стояла на капремонте, и Яша забрал переходную себе. Это было справедливо, мы поровну поделили работу.

Покончив с обработкой, я с наслаждением курил и не без тайной гордости отмечал, что сосед еще таскается с молотком, значит я обогнал Яшу. А дело-то было в том, что отремонтированную ванну запустили и Яша возился с ней, а про переходную словно забыл — так и оставил себе.

По свойственной новичку близорукости я сообразил это слишком поздно, накануне моего перехода в другую смену, когда исправлять Яшину «забывчивость» было уже смешно.

Вздумай я благодарить Яшу, он немало бы удивился. Во-первых, потому что сам не придавал этому значения. А во-вторых, в нашем цехе не в ходу слово «спасибо». Его не обесценивают, его употребляют лишь в исключительных случаях.

«Моя смена...»

Будь моя воля, я бы издал такие заповеди для молодого электролизника:

1. Не поддавайся настроению, не суди о работе по первым дням и даже месяцу, не пугайся лишнего пота вначале — он неизбежен.

2. Не стесняйся задавать вопросы, но и не спрашивай того, что уже знаешь или сам можешь сообразить.

3. Не притворяйся, что тебе море по колено, но и не говори, что неумогу, если тебе только трудно.

4. Не обольщайся первыми признаками второго дыхания, после второго есть третье и десятое.

5. Будь всегда с товарищами так же прост, как они с тобой...

Месяца через два меня перевели из этой смены. Новичок редко когда сразу получит постоянное место и, как правило, год, а то и больше ходит в резерве — заменяет ушедших в отпуск или на бюллетень. В общей сложности я не так уж много времени провел в звене Аверьянова и смене В. И. Дмитриева. Меня могут спросить, почему же рассказываю почти только о них.

Но я и не думаю скрывать своего пристрастия. Дело, конечно, не в том, что эта смена лучше других. Просто эта смена — **моя**, она меня выучила. Это сродни привязанности к месту, где родился: может быть и лучший город на свете, а этот — твой.

Кстати, у каждого коллектива свое лицо. Я успел поработать почти во всех сменах Северного корпуса и могу сказать, что люди в них по-разному относятся друг к другу, но, как правило, одинаково относятся к новичку.

Стоило мне прийти в другую смену, как все начиналось сначала. Звеньевой Слава Иванов видит меня впервые, он не знает, где меня учили и чему научили. И он считает своим долгом осторожно осведомиться:

— Ты аноды-то под крючок ставишь?

— А как же?

— Ага, значит в курсе дела...

И отойдя к своему месту, все же поглядывает, пока не убедится, что все делаю правильно и, приступая к ванне, не забываю опустить щиток.

Но, разумеется, «заговор заботы» не мог продолжаться вечно. Я заметил, как постепенно атмосфера повышенного внимания, негласного шефства рассеивается, как все реже подходят к моим ваннам.

Я не огорчился, а радовался: значит все же чему-то научился, если больше не нуждаюсь в опеке. Если можно так выразиться, ослабло и чисто человеческое внимание, интерес к моему состоянию и настроению. И это тоже было естественно, потому что до сих пор каждый дарил мне больше теплоты, чем любому из своих товарищей.

Теперь я привык, в равном положении со всеми. Теперь ко мне относятся без скидок, я волен сам искать себе друзей, проявить свои сильные и слабые стороны, сильные — вызовут уважение, слабые — более или менее добродушное подтрунивание.

Шефства, каким оно было, больше нет. Ему на смену пришло обычное товарищество.

Без скидок

Мастер смены Василий Иванович Дмитриев — человек на алюминиевом заводе и в Волхове известный. Бригадир первой в городе бригады коммунистического труда, член горкома КПСС. Но я пишу о нем прежде всего потому, что это мой мастер, у которого я учился.

О Василии Ивановиче кто-то сказал, что у него талант электролизника. Но мастер Дмитриев с этим талантом сочетает еще и талант человеческий. Последний, например, проявляется в том, чтобы не говорить того, что и так ясно.

Однажды у меня начал краснеть торец ванны. Это значит, что разъело гарнисаж, металл подобрался к стенке и может прорваться наружу. Первым заметил это Дмитриев. Он ни слова не сказал, а взял молоток и стал пиковать торец. Все ясно без слов. Я пристроился помогать ломиком. Около часа мы провозились с этим торцом, пока красное пятнышко не стало бледнеть.

— Не забудь показать сменщику, — сказал Василий Иванович. И только. Потому что остальное разумеется само собой. Разумеется, что я прозевал опасный признак и впредь надо быть внимательней. Разумеется, что надо последить за этим торцом, а кстати, и показано, как действовать в подобных случаях. Я не знаю никого, кто сделал бы это лучше.

Разные люди учили меня в электролизном цехе. Учили те, кому это было официально поручено, и те, кто видел в этом свою моральную обязанность.

Учил Александр Яковлевич Кривоногов, который сейчас дорабатывает свой тридцатый год у электролизных ванн. «Ванна вспыхнула, тебе кричат, а ты не слышишь. Надо поглядывать», — отчитал он меня. Показалось мне, что он неправ, и я готов был обидеться, но погасил обиду: он спрашивал уже не с новичка, а с электролизника почти с годовым стажем...

Пора ставить точку. Пусть о многом не сказано здесь. Но уж о том, как меня учили, сказано.

* * *

Дорого то, что дается без расчета получить взамен. Но щедрость и обязывает. Я чувствую себя в неоплатном долгу перед своими товарищами. Ну чем я могу ответить им? Разве что этими строчками...

И еще одно чувство. Как бы дальше ни сложилась жизнь, мне всегда будет не хватать чего-то, что трудно выразить, но у меня ассоциируется со словами: «А это ты и сам потом раскусишь...», и ласково-насмешливым «Покури!»

(А. Алексеев. Как меня учили (заметки журналиста) // Ленинградская правда, 26.08.64)

Ремарка: включенные наблюдатели, наблюдающие участники.

Интересно, что этот мой ранний опыт «схождения в рабочие» (из журналистов) по времени совпал с первым опытом применения метода участвующего (включенного) наблюдения в советской социологии. Я имею в виду проводившееся в начале 60-х В. Б. Ольшанским исследование социальных и социально-психологических механизмов взаимодействия общественного и индивидуального сознания в рабочем коллективе, причем исследователь (инкогнито) тогда сам стал рабочим на одном из московских заводов.

Статья Вадима Ольшанского «Личность и социальные ценности», опубликованная в двухтомнике «Социология в СССР» (М., 1966), входит в «золотой фонд» нашей социологии.

*Из недавно опубликованных воспоминаний моего коллеги видно, что молодой социолог В. О. был движим в общем-то теми же романтическими побуждениями, что и молодой журналист А. А.*⁴

*Мой собственный первый профессиональный опыт использования метода включенного наблюдения состоялся десятью годами позже (начало 70-х), когда мы вдвоем с тогдашним аспирантом Института философии АН СССР Александром Владимировичем Седовым (ныне — канд. филос. наук, доцент Северо-Западной академии управления), исследуя особенности сознания и поведения сельской молодежи в условиях аграрно-промышленного объединения, недолгое время трудились в одном из колхозов Ровенской обл. (Украина) рабочими-сезонниками.*⁵

«В те месяцы я заново должен был разобраться в жизни, в себе самом. Это главный итог “включенного наблюдения”, социологической аспирантуры...» (Ольшанский В. Б. Были мы ранними... / Российская социология шестидесятых годов в воспоминаниях и документах СПб: Институт социологии РАН, 2000, с 184)

⁵ См.: Алексеев А. Н. Применение метода включенного наблюдения в комплексном социальном исследовании (из опыта изучения сельской молодежи) / Молодежь. Образование, воспитание, профессиональная деятельность Л: Наука, 1973); Алексеев А. Н. «Скрытая камера» социолога // Знание-сила, 1971, ¹ 9

Упомяну здесь еще один ранний случай применения участвующего наблюдения в советской социологии. Социальный эксперимент, поставленный в 1969–1970 гг. моим, ныне покойным, коллегой и другом Виктором Павловичем Секериным, в ту пору работавшим редактором районной газеты в Сибири (Бурятия, Заиграевский район), состоял в радикальном отказе от информационного дублирования местной газетой республиканских и центральных периодических изданий, чем удалось сильно укрепить связи газеты с аудиторией, в несколько раз увеличить тираж, поток читательской почты и т. д. С помощью опросного и иных методов исследователь измерял влияние изменений в содержании газеты на поведение аудитории и т. п.⁶

По существу, это было уже не участвующее наблюдение, а наблюдающее участие... (Февраль 2000 — декабрь 2001).

П. 5.2. Откуда берется и что дает бригадная форма организации труда

[Ниже — работа, написанная в соавторстве с Б. И. Максимовым и А. В. Тихоновым, в основном — по материалам отчетов социолога-рабочего в период его работы по совместительству в Высшей профсоюзной школе (1982). Опубликована в сборнике: Социальные проблемы становления коллективных форм организации труда. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1984.

Данная работа публикуется здесь в сокращении. — А. А.]

Социальные эффекты бригадной формы организации труда на начальном этапе их становления (по материалам исследования «Человек и его работа. 1976»)

Для правильного понимания актуальных проблем развития бригадной формы организации труда (БФОТ) уместно обратиться к условиям становления и социальным эффектам БФОТ предшествующего периода [70-е гг. — А. А.]. Именно эту задачу ставят перед собой авторы настоящей статьи, ограничивая свой предмет рамками социологического подхода.

Обсуждение этих вопросов будет проводиться преимущественно на материале одного конкретно-социологического исследования, предпринятого во второй половине 70-х гг. под руководством проф. В. А. Ядова (Институт социально-экономических проблем АН СССР). Это было повторное относительно исследования «Человек и его работа» 1960-х гг. обследование ленинградских рабочих по программе, сопоставимой с прежней, однако существенно расширенной за счет привлечения к анализу новых аспектов и параметров социально-производственной ситуации и **отношения рабочих к своему труду и к своему коллективу** [здесь и далее выделено мною сегодня. — А. А.].

⁶ См.: Секерин В. П. Содержание и эффективность районной газеты (Опыт конкретно-социологического анализа) Автореф канд дисс Новосибирск, 1971; Алексеев А. Н., Секерин В. П. Социальный эксперимент в районной газете / Газета, автор и читатель М : ИПЛ, 1975

Среди новых социологических переменных, фигурировавших в исследовании «Человек и его работа. 1976», была форма организации и оплаты труда (работает индивидуально, вне бригады; работает в составе бригады по индивидуальному наряду; работает в составе бригады по общему, бригадному наряду). Включение соответствующих вопросов в методические документы этого исследования и сделало сегодня возможным ретроспективное рассмотрение БФОТ в ее зависимости от ряда других, «исходных» параметров социально-производственной ситуации и ее самое в качестве самостоятельного фактора трудовой и общественной активности работников на производстве.⁷

Обследованым были охвачены 12 ленинградских промышленных предприятий разного профиля. Выборка объемом свыше 4 тыс. чел. включала представителей всех основных рабочих профессий. Будучи по своему характеру целевой (равное представительство различных типов функционального содержания труда), она, тем не менее, отражает половозрастную и профессионально-квалификационную структуру ленинградского рабочего класса. Около 40% обследованных <...> оказались работающими в составе бригады на единый наряд.⁸

<...> Ввиду значительной неоднородности выборки и неравномерности охвата бригадной формой представителей разного типа функционального содержания труда, возникает опасность чрезмерной усредненности выводов (нивелирующих специфику способа производства). Поэтому в качестве базового для нашего анализа избран подмассив рабочих-машиностроителей, по преимуществу мужчин, станочников и работников квалифицированного ручного труда с использованием инструмента (слесари, сборщики и т. д.). Объем этой подвыборки — 1468 чел.

Однако в ряде случаев будем пользоваться данными и полного массива обследованных (куда входят также и работники легкой промышленности — по преимуществу женщины, занятые на конвейере или обслуживающие полуавтоматическое оборудование; а также — во всех отраслях промышленности — работники неквалифицированного физического труда и рабочие, обслуживающие автоматическое оборудование). Объем полной выборки — 4238 чел.

(Указанный выше подмассив будем называть: «рабочие-машиностроители». Полной выборке присвоим название — «ленинградские рабочие»).

<...> Все три автора [А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов. — А. А.] принимали непосредственное участие в разработке программы «Человек и его работа. 1976» и в проведении обследования по этой программе.

⁷ В обследовании по программе «Человек и его работа», как в 1962, так и в 1976 г., применялась комбинация опросного и экспертного методов — данные массового опроса при обработке совмещались с данными деловой аттестации каждого опрошенного, произведенной его непосредственным руководителем)

⁸ Еще 15 % составляли лица, работающие в составе бригады по индивидуальному наряду; в понятие БФОТ они нами здесь не включаются и в дальнейшем обсуждаться не будут

* * *

Из данных обследования ленинградских рабочих явствует, что уже в середине 70-х гг. бригадная форма организации труда и оплаты широко применялась в определенных видах производства. Так, доля лиц, работающих в составе бригады на единый наряд, составила почти 60% в подвыборке работников неквалифицированного физического труда; около 50% — в группах рабочих, занятых на полуавтоматическом оборудовании, работников квалифицированного ручного труда с использованием инструмента и рабочих, обслуживающих автоматическое оборудование; около 30% — в группе рабочих-станочников.

Преобладающим тогда было распределение заработка в бригаде по тарифным разрядам и отработанному времени. Коэффициент трудового участия (в большей мере учитывающий индивидуальные трудовые усилия и реальный трудовой вклад каждого члена бригады) применялся для оплаты труда каждого пятого из опрошенных членов бригад.

Здесь следует заметить, что сведения о принадлежности к той или иной форме организации и оплаты труда, полученные от самих рабочих и от администрации низшего звена (о каждом данном рабочем), особенно в «женских» группах функционального содержания труда (рабочие на конвейере и рабочие, занятые на полуавтоматическом оборудовании), порой существенно расходятся. Например, почти каждый пятый конвейерный рабочий полагал, что работает в бригаде, хотя мастер утверждал обратное. С другой стороны, почти каждый десятый рабочий, занятый на полуавтоматическом оборудовании, считал, что работает вне бригады, тогда как мастер усматривал БФОТ.

Одни склонны были принимать индивидуальный наряд за коллективный, другие — наоборот. Это свидетельствует как об отсутствии резких граней между различными формами, так и об относительно низкой осведомленности рабочих о порядке оплаты их труда.

Анализ степени распространенности или масштабов охвата бригадной формой различных социальных и профессиональных категорий работников обнаружил следующие важные социальные факты.

1. Распространение БФОТ существенно связано с технико-технологическими и технико-организационными производственными условиями. Об этом свидетельствуют и неравномерность применения БФОТ для различных видов труда, и прямые указания опрошенных мастеров на обстоятельства, вызвавшие создание бригады (в которой работает обследованный рабочий). Преобладают указания на «требования технологии», как тактовые, или на них же в сочетании с «требованиями управления». Относительно редко — «требования управления» сами по себе. Последние в картине нашего обследования выступают своего рода «надстройкой» над технологическими требованиями.

Итак, специфика социально-производственной ситуации и функциональное содержание труда — важные факторы применения той или иной формы организации и оплаты.

2. С другой стороны, бригадной формой оказываются пропорционально охвачены все социально-демографические категории работников. «Принадлежность» к той или иной форме организации и оплаты труда не имеет сколько-нибудь заметной связи ни с возрастом, ни с трудовым стажем, ни с уровнем образования опрошенных. Исключение составляет признак пола (среди мужчин охват бригадной формой заметно выше), что, впрочем, является прямым отображением предпочтительного распространения БФОТ в таких видах труда, которые традиционно являются «мужскими» (например, работники квалифицированного ручного труда с использованием инструмента).

3. Не менее интересен факт относительной независимости включенности работника в ту или иную форму организации и оплаты труда от стажа работы на данном предприятии и от уровня производственной квалификации (условно измеряемой в данном случае тарифным разрядом).

Максимальным оказывается охват работой на единый наряд лиц, имеющих стаж работы по данной профессии в интервале 3–10 лет, аналогичный стаж работы на данном предприятии и обладающих производственной квалификацией на уровне 3-го разряда. Среди менее и более опытных рабочих чуть чаще можно встретить таких, которые работают индивидуально.⁹

Из сказанного в пп. 2 и 3 следует, что, в отличие от социально-производственных условий и факторов, факторы социально-демографические, а также профессионально-квалификационные, самостоятельного значимого действия на развитие БФОТ не оказывают. В частности, отсутствует тенденция стихийного или направленного отбора отдельных социально-демографических категорий работников в бригады.

То есть истоки и стимулы развития БФОТ следует искать не в тех или иных социальных особенностях объединяемых в бригады работников, а в общих социально-экономических процессах и потребностях социалистического производства на современном этапе.

Эти общие условия получают вполне определенную конкретизацию и разнообразно «корректируются» в отдельных типах производства и видах труда. Таков социальный механизм отмеченной выше (п. 1) существенной зависимости как общих черт, так и особенностей БФОТ от характера труда, его функционального содержания, его технологических особенностей.

Произведенные наблюдения могут быть обобщены в следующей группировке факторов развития БФОТ:

1) Факторы, имеющие значение основных движущих сил, социального истока, причины развития БФОТ — социально-экономические условия социалистического производства на современном этапе, потребности перевода народного хозяйства на путь интенсивного развития, потребности повышения эффективности труда (социально-экономические факторы).

⁹ Этот статистический факт не противоречит и житейским наблюдениям: самые квалифицированные рабочие иногда не спешат вступать в бригаду, а самых неквалифицированных — не торопятся в нее брать. (Здесь и далее в этом разделе — примечания из текста статьи 1984 г.)

2) Факторы, корректирующие развитие БФОТ на современном этапе, — конкретные социально-производственные условия, технико-технологические и технико-организационные особенности данного производства, функциональное содержание труда (социально-производственные факторы).

3) Факторы, имеющие второстепенное значение, оказывающие частичное влияние на развитие БФОТ, — характеристики социально-производственного опыта работника, способствующие вступлению в бригаду или удерживающие от принятия в бригаду (по существу — социально-психологические факторы).

4) Факторы, не оказывающие самостоятельного влияния на процент бригадизации — возраст и уровень образования (социально-демографические факторы).

С учетом всего сказанного, сформулируем итоговый (для данной части нашего анализа) вывод:

— процесс развития бригадной формы организации и оплаты труда в условиях современного социалистического предприятия вызван к жизни факторами социально-экономическими, корректируется конкретными социально-производственными условиями, ускоряется или замедляется факторами социально-психологическими и независим от социально-демографических факторов.

* * *

Обратимся теперь к проблемам **социальной эффективности БФОТ.**

При анализе этих проблем был применен один из способов выявления эффектов некоего социально-организационного новшества, относящегося к массовому сознанию и поведению. Он заключается в том, что

сопоставляются одновременно обследованные группы людей, охваченные либо не охваченные данным социальным новшеством. Такое сопоставление может дать информацию об эффектах при условии, что выборки сопоставимы, выравнены по основным социальным параметрам.¹⁰

При этом способе исследования признак «принадлежности» индивида к данному новшеству интерпретируется как самостоятельный социальный фактор, а различия социальных признаков «в пространстве» условно приравняются к их различиям «во времени»: поскольку действие иных факторов исключено, можно допустить, что отличие группы «носителей» новшества от остальных вызвано как раз данным нововведением.¹¹

По тому, как различаются показатели трудовой и общественной активности, отношения к труду и коллективу в группах лиц, охваченных БФОТ и работающих индивидуально, мы будем косвенно судить о социальных эффектах бригадной организации труда.

¹⁰ Там, где выравнять не удалось, необходим контроль влияния «посторонних» факторов на характеристики сознания и поведения

¹¹ Одним из достоинств данного способа (не лишенного недостатков, как и все остальные) является абсолютная независимость результатов от социально-психологической ситуации опроса и от соответствующего влияния инструмента исследования в случае прямых апелляций (типа: «Что изменилось?») и даже повторных обследований

Как уже отмечалось, важно, чтобы сравниваемые выборочные совокупности не имели существенных различий по таким параметрам, которые сами по себе могут задавать определенный уровень отношения к труду и коллективу. Известно, что основные социально-демографические признаки (пол, возраст, образование) являются мощными факторами такого рода. Например, замечено, что удовлетворенность трудом в общем нарастает с возрастом (в группах старших возрастов доля удовлетворенных выше), с другой стороны, лица с более высоким уровнем образования реже бывают удовлетворены своей работой и т. д.

Но в силу показанной выше относительной независимости распространения БФОТ от социально-демографических и даже профессионально-квалификационных факторов, наши выборки лиц, работающих в составе бригады и индивидуально, уже «стихийно» выравнены по характеристикам социально-производственного опыта и культурно-образовательного потенциала работников. Таким образом, возможность искажающего собственные эффекты БФОТ влияния значительной части факторов исключена.

Остается каждый раз учитывать возмущающее действие такого фактора, как функциональное содержание труда и связанного с ним признака пола, к которым распространение БФОТ далеко не безразлично (и значит, есть опасность ошибочно усмотреть эффект «бригадизации» там, где на самом деле причина расхождения в показателях иная). Такой контроль нами предпринимался в анализе, основные выводы из которого предлагаются ниже.

1. Материалы исследования «Человек и его работа. 1976» показывают, что БФОТ способствует повышению производственной эффективности работника. Об этом свидетельствует, в частности, более высокий уровень среднего заработка у работающих в составе бригады на единый наряд, по сравнению с работающими индивидуально, — при одинаковом в обеих группах среднем уровне производственной квалификации (оцениваемой в данном случае разрядом, а также данными экспертных оценок). Зарплата свыше 200 руб. зафиксирован у 60% работающих в составе бригады рабочих-машиностроителей, а среди работающих индивидуально — только у 40%.¹²

<...> По данным обследования 1976 г., БФОТ способствует определенному (небольшому) повышению доли лиц, перевыполняющих нормы выработки (54% среди членов бригад против 49% среди работающих индивидуально, массив «ленинградские рабочие»). <...> Итак, можно констатировать определенный позитивный эффект БФОТ в плане роста производительности труда.

С другой стороны, нельзя сказать того же о качестве работы. По данным экспертных оценок, полученных у администрации низшего звена

¹² Если учесть, что группа работающих в составе бригады рабочих-машиностроителей на 2/3 состоит из работников квалифицированного ручного труда с использованием инструмента, заработок которых в среднем ниже, чем у станочников, то собственный эффект БФОТ в этом отношении предстает еще более значимым, чем это показывает эмпирически наблюдаемая статистика

[т. е. у мастера. — А. А.] о каждом обследованном рабочем, доля лиц, показывающих хорошее или отличное качество работы, среди членов бригад не выше, чем у работающих индивидуально (массив «ленинградские рабочие»). <...>

2. Принципиально важен следующий социологический факт.

Внимательное сопоставление групп рабочих, охваченных БФОТ и работающих индивидуально, не обнаруживает сколько-нибудь значимых различий между ними по личностным показателям отношения к труду и коллективу. Во всяком случае, данные обследования 1976 г. свидетельствуют об исчезающе малом эффекте действия БФОТ на разнообразные объективно отмечаемые характеристики индивидуальной активности работника. Экспертные оценки добросовестности, дисциплинированности, ответственности (массив «ленинградские рабочие» и подмассив «рабочие-машиностроители») и даже готовности помочь товарищам в ходе работы и заинтересованности в делах коллектива (массив «ленинградские рабочие») у членов бригад в среднем не выше, чем у работающих индивидуально.

Не было обнаружено влияние БФОТ на увеличение процента лиц, проявляющих повышенную заботу об использовании рабочего времени, об экономии материалов, о состоянии техники; одинаковы в двух сравниваемых группах доли лиц, имеющих порицания за нарушения дисциплины и за поведение в быту (массив «ленинградские рабочие»).

Отсюда можно заключить, что несомненный рост производительной эффективности работников достигается в основном за счет вскрытия и использования определенных (организационных) резервов повышения производительности труда; но не за счет каких-либо существенных изменений в отношении к труду массы работников (будь то повышение дисциплинированности, инициативности или оптимизация других черт трудовой и общественной активности — согласно экспертным оценкам или аттестационным характеристикам, данным каждому обследованному рабочему).

Дефицит социально-воспитательных эффектов бригадизации (при определенном производственно-экономическом эффекте) прослеживается по объективным характеристикам общественной активности работника на производстве. Конечно, БФОТ вовлекает в сферу принятия общественно-производственных решений новые слои рабочих (те же бригады), однако группы работающих в составе бригады и индивидуально не имеют сколько-нибудь существенных различий по показателям включенности в общественную работу.

От членов бригад не чаще, чем от работающих индивидуально, исходят предложения, направленные на улучшение организации труда, не выше здесь и доля рационализаторов. <...>

3. До сих пор речь шла об объективном аспекте отношения к труду и коллективу (как они вырисовываются из фактических данных производственной эффективности и экспертных оценок). Как же обстоит дело с субъективным аспектом?

<...> При сравнении выборок лиц, работающих в составе бригады и индивидуально, наблюдается независимость подавляющего большинства субъективных характеристик отношения к труду и коллективу от формы организации и оплаты труда. Эффекты БФОТ в сфере сознания рабочих (ситуативные социальные установки на отдельные элементы трудовой ситуации, удовлетворенность отдельными сторонами работы, отношение к коллективу) являются довольно ограниченными.

Вот факты.

Из 20 различных элементов трудовой ситуации, отраженных в анкете «Человек и его работа. 1976», лишь три получили повышенную частоту указаний на них в качестве привлекательной стороны работы (позитивные оценки) — в группе членов бригад, по сравнению с работающими индивидуально. Это: «справедливое распределение заданий», «хорошие отношения с товарищами», отчасти также — «авторитет непосредственного руководителя (бригадира)».¹³

Что касается позитивных изменений в различных сторонах своей работы за последние годы, то члены бригад склонны усматривать их, равно как и выражать удовлетворенность соответствующей стороной, не чаще, чем работающие индивидуально.

Особого внимания заслуживает отсутствие в массовом социологическом материале (массив «ленинградские рабочие» в целом) наблюдаемых (хотя бы «субъективно») эффектов БФОТ в плане возможностей для рабочих участвовать в управлении производством. Вообще говоря, данная сторона оценивается равно невысоко представителями различных форм организации и оплаты труда.

В анкете 1976 г. предлагался список вопросов производственной жизни, в решении которых уместно участие всего трудового коллектива. Предлагалось дать оценку эффективности влияния коллектива на решение каждого из этих вопросов. Оказалось, что соответствующие оценки, даваемые членами бригад, систематически не выше, чем у работающих индивидуально. Иначе говоря, эти оценки безразличны к форме организации и оплаты труда. Социологическое значение этого статистического факта тем более велико, что массовое рабочее сознание, вообще говоря, довольно чувствительно к реальным изменениям в социально-производственной ситуации.

Выше отмечалось, что члены бригад не оставили незамеченными ни более справедливое распределение заданий, ни улучшение социально-психологического климата («хорошие отношения с товарищами»). Они несколько чаще работающих индивидуально отмечали позитивные сдвиги в организации труда (ритмичность), показали повышенную степень удовлетворенности этой стороной работы. Но они «не заметили» измене¹³ Различия в показателях значимые, но небольшие. Например, на «справедливое распределение заданий» в качестве привлекательной стороны работы указывают 34% работающих в составе бригады против 27% работающих индивидуально (массив «ленинградские рабочие»)

ний в развитии рабочего самоуправления, а мера эффективности рабочего влияния в сравнении с ответами представителей различных форм организации труда предстает неизменной. То есть, по-видимому, повсеместных значимых изменений в этой сфере не было.

Хотелось ожидать, что члены бригад чаще других признают себя **хозяевами** на своем участке, в своем цехе и т. д. Однако этого нет. Влияние БФОТ на развитие «чувства хозяина» на производстве в сводных данных массового опроса свыше 4 тыс. ленинградских рабочих 1976 г. не просматривается.

Итак, социальные эффекты БФОТ не обнаруживаются как раз в той сфере производственной жизни (участие рабочих в управлении производством), где их следовало бы ожидать в первую очередь, в соответствии с социальным смыслом и назначением бригадной формы. В этом видится ключевая проблема, относящаяся к перспективе дальнейшего развития БФОТ.

4. Здесь уместно вспомнить уже отмечавшуюся нами опасность «усреднения», нивелировки тенденций, которую всегда несет в себе сводная картина. Можно предположить, что в отдельных типах производства, на отдельных предприятиях, в отдельных профессиональных группах картина отраднее.

И это действительно так. Вот соответствующие данные подвыборки рабочих-машиностроителей. Здесь члены бригад проявляют несколько бóльшую, чем работающие индивидуально, удовлетворенность возможностью участвовать в управлении производством (44% среди первых против 31% среди вторых). Повышенной является и частота позитивных оценок эффективности влияния трудового коллектива на решение не всех, но некоторых вопросов производственной жизни, в частности: «своевременное обеспечение работой» (55% против 46% у работающих индивидуально), «распределение премиальных» (39% против 28%), «определение норм выработки» (37% против 28%).

Отсюда можно заключить, что в наиболее социально продвинутом рабочем контингенте (рабочие-машиностроители отличаются повышенными относительно всего массива обследованных показателями культурно-образовательного потенциала и социально-производственного опыта) БФОТ в указанном плане все же приводит к определенным позитивным сдвигам.

* * *

Подведем краткий итог нашему анализу проблем социальной эффективности бригадных форм организации труда (БФОТ) на рубеже 9-й и 10-й пятилеток.

На этом этапе своего развития БФОТ **способствовала определенному повышению производственной эффективности, главным образом, за счет приведения в действие организационных резервов повышения производительности труда.** При этом оставались, по-видимому, не раскрытыми важные резервы повышения заинтересованности каждого работника в увеличении своего трудового вклада.

Не пренебрегая действительными эффектами БФОТ как в сфере социально-производственного поведения, так и в сфере рабочего сознания, следует отдавать себе отчет в том, что **эти эффекты были далеки от универсализма и комплексности**, они состояли в оптимизации (иногда объективной, иногда «субъективной») лишь отдельных сторон производственного процесса и внутриколлективных отношений.

Введение единого бригадного наряда при данном хозяйственном механизме оказалось почти без последствий для развития производственной инициативы, для создания предпосылок эффективного участия трудовых коллективов в управлении производством.

Анализ показал, что социальные эффекты БФОТ не равноценны в различных социально-производственных условиях (в частности, в различных социально-профессиональных группах). По-видимому, неравнозначны они и на различных этапах развития бригадной формы.

<...> Как показывает анализ крупного массива социологических данных, новые бригадные формы требуют сегодня более глубокого осмысления и трезвой оценки, с учетом накопленного в предшествующих пятилетках опыта. По всей видимости, экстенсивному распространению БФОТ должна сопутствовать подготовка перехода бригадных форм на новый качественный уровень, когда бригада становится не только коллективным производителем, но и коллективным участником эффективной организации и управления производством.

(А. Алексеев, Б. Максимов, А. Тихонов. Социальные эффекты бригадной формы организации труда на начальном этапе их становления (по материалам исследования «Человек и его работа. 1976») / Социальные проблемы становления коллективных форм организации труда. Куйбышев: Куйбышевский гос. университет, 1984)

Ремарка: массовый опрос и исследование «случая».

Вышеприведенная работа являет собой пример «классической» формы социологического анализа, опирающегося на данные, собранные опросным методом.

Сопоставив результаты массового социологического обследования (1976) с материалами case study (наблюдающее участие в конкретной социально-производственной ситуации; начало 80-х гг.)¹⁴, можно констатировать, что они не противоречат друг другу и являются взаимодополняющими. (Декабрь 1999).

П. 5.3. Хоть рабочий и сдельщик, но весь завод — повременщик...

Несколько вступительных слов

Об Анатолии Гавриловиче Солипатрове уже шла речь на страницах этой книги.¹⁵

¹ См главы 2, 3, 5

⁵ См ранее, в главе 4: раздел «Я вспоминаю...»; в главе 5: раздел «“Материя” производственных отношений, данная нам в ощущениях»

А. Г. Солипатров — слесарь-механик экстракласса. С 1946 по 1961 г. он работал на «Ленполиграфмаше», потом перешел на экспериментальное производство (ВНИИ токов высокой частоты). В 70–80-х гг. работал в ЦНИИ судовой электротехники и технологии. Ныне — пенсионер.

Судьба свела нас с А. С. впервые в середине 60-х. Он тогда откликнулся письмом на журналистскую статью автора, посвященную проблемам борьбы с бюрократизмом («Приглашение на суд». — Смена, 16.10.63). По мотивам этой статьи на Ленинградском ТВ была сделана телепередача, в которой участвовал и Анатолий Гаврилович.

Самобытный талант рабочего-интеллигента был замечен журналистами, учеными. Помню, в 60-х в «Литературной газете» была опубликована целая полоса — разговор рабочего и ученого-экономиста (А. Г. Солипатров — Л. С. Бляхман). Потом стали публиковаться дневники, эссе Анатолия Гавриловича и беседы с ним:

— «Я просто слесарь...» // Молодой коммунист, 1969, ¹²; Поверяя жизнью // Искусство кино, 1979, ^{1 8}; Глазами рабочего // Знамя, 1979, ^{11 6} и 7 (перепечатано — в сборнике: Делу верь своему. М., Профиздат, 1982); Всегда открытое лицо // Новый мир, 1980, ^{1 3}; Понять человека // Ленинградский рабочий, 22.05.81; Как сделать инициативу материальной силой // Литературная газета, 23.09.1981; Воспитатель без диплома // Знамя, 1987, ^{1 6}; и др.

(Главным публикатором А. С. был известный публицист А. И. Левиков.)

В 70-х об А. Солипатрове был снят и показывался по Центральному ТВ документальный телевизионный фильм «Хочу сказать».

Общение с А. С. в свое время зарило в журналисте-рабочем (я тогда работал на Волховском алюминиевом) мысль продолжить свою рабочую карьеру именно на «Ленполиграфмаше»...

Однако лишь 20 лет спустя я поступил на этот завод — **в тот самый цех**, где когда-то трудился мой старший друг.

Нижеследующими заметками Анатолий Гаврилович откликнулся на рукопись моей книги «Драматическая социология», вышедшей в 1997 г. Я полностью разделяю выраженную в них точку зрения. (Сентябрь 1999).

Из заметок А. Г. Солипатрова (1997)

<...> Мне кажется, что все, чего мы сумели достичь за 70 лет советской власти, — это заслуга (и беда!) рабочих, в основном сельщиков, которые по закону эволюции не могли остановиться в развитии и не давать закономерного прироста производительности труда (около десяти процентов в год). Заслуга эта и передовых ученых, которые, по той же причине, не могли отказаться мыслить. Но если о вкладе творческих ученых я могу только догадываться, то рабочим я всю жизнь был сам.

Я убежден, что класс рабочих не менее и не более талантлив, чем, скажем, ученые. У рабочих для развития своего таланта есть все: руки, голова и желание заработать побольше. Постоянно быть «в спортивной форме» рабочего обязывают контроль ОТК и вычеты из зарплаты за отклоне-

ния от чертежа (т. е. брак). Более того, рабочая среда — это постоянно действующий естественный отбор: ленивый или «безрукий» зарабатывает меньше других, а самый одаренный — и зарабатывает больше всех, и расположением начальства... не пользуется.

Парадокс? Но об этом попозже.

Так уж закономерно повелось, что рабочий всегда сам для себя — и исполнитель, и, в меру своего таланта, технолог. Как именно делать деталь, которую нарисовал конструктор, рабочий в конечном счете решает сам (от чего и зависит, в основном, его заработок). Само собой получается так, что квалификация опытного рабочего, именно в качестве технолога, выше, чем у рядового технолога. Последний по большей части выстраивает лишь очередность операций и определяет, на каком оборудовании их производить (да и то, зачастую, подсмотрев через плечо рабочего, который уже нащупал все сам).

Происходит это закономерно потому, что рабочий к вершинам мастерства и технологического мышления идет всю жизнь, набивая себе шишки и впитывая все нюансы, а молодого человека — выучили, выпустили и назвали технологом, предложив учить уму-разуму асов-профессионалов. Не научит он их, как не научит токарь слесаря, конструктор — технолога, а механик — электрика...

Но если можно, да и нужно согласиться, что талантливые рабочие одновременно и прекрасные технологи своего дела (до виртуозности!), то, неизбежно, виртуозы они — **близорукие**. Ибо — что они видят и имеют рядом, то и используют.

Например, они делают свою оригинальную оснастку, но обязательно в расчете на то, что потерянное на изготовление этой оснастки время можно будет наверстать, причем в большем размере, и на этом «партизанском» маневре заработать. Если же в цех привезти какое-то новейшее оборудование, требующее сложной наладки, то оно скорее всего простоит не задействованным несколько лет. Ибо ИТР, как правило, не умеют сами его запустить, а рабочему — просто некогда этим заниматься, ведь он сдельщик.

Вот почему, я считаю, во главе рабочих должен быть **признанный ими** мастер своего дела, умудренный опытом и талантом, который и молодого подстрахует, и опытному посоветует, и брак предотвратит, и с любым коллегой-мастером без лишних слов договорится, и инженера поймет, и «бумажками» не занимается, и сдельщиком сам при этом вовсе не является. Вот ему — сам Бог велел освоить любое новое оборудование.

Но беда в том, что давно уже повывелись такие мастера — перековала администрация их в своих холуев, переложив на них бЛльшую часть своих обязанностей, оставив им только ярлычок мастера.

Мои рассуждения кому-нибудь покажутся предвзятыми или ошибочными. Мол, рабочему — просто: за план, за фонд заработной платы, за отношения «наверху» он не отвечает. Отработал свое, и домой. А администрацию — чуть что, и на ковер. А на самом-то деле ИТР, администрации,

тем, которые не сдельщики, — вполне хватает тех десяти процентов годового прироста, которые и без их усилий вырастают из трудового навыка и партизанского творчества работяг. Вот и паразитируют на этом всю жизнь, и даже следят за тем, чтобы, не дай Бог, кто-то слишком не разогнал эту телегу.

Теперь понятно, почему самый шустрый работяга не пользуется любовью у начальства.

На «Полиграфмаше» сложился очень показательный парадокс: у фрезеровщика Геннадия Богомолова производительность была такова, что он, в силу своего особого таланта, в несколько раз перекрывал все установленные (естественно, произвольно установленные!) нормировщиком нормы. Выполнил пятилетку за два с небольшим года, лауреат Государственной премии, орденосец и абсолютно по всем данным — Герой соц. труда (звание, которое ему все «забывали» присвоить). Напоказ его хвалили всегда и всюду, а внутри завода («под ковром») его притесняли настолько, что и из партии в свое время нашли повод исключить, и газета «Известия» (и не только она) вынуждена была вступить в его защиту. Человек работает за троих, а его преследуют.¹⁶

Почему?

После того, как на том же «Полиграфмаше» перевели индивидуальную сдельщину на бригадную, всем рабочим расписали дневные задания (в рублях, что соответствует уровню производительности), как бы вынуждая их работать в очень высоком темпе. А рабочие одной слесарной бригады однажды взяли и заявили, что готовы к выполнению повышенных заданий: сделать больше деталей и, соответственно, заработать больше. Но им не разрешили!¹⁷

Почему?

Начну «от печки» и по порядку. Надо признать, что все руководители промышленности — отличные фокусники: у них как в цирке, когда все люди видят своими глазами, что в клетке лев, а когда на клетку накинут, а потом сдернут покрывало, то оказывается, что в клетке — льва нет. Так и на заводе. Все люди воочию видят: раз сдельщик сделал больше деталей, значит, больше и заработал. А на самом-то деле, хоть рабочий и сдельщик (это чтобы он пошевеливался), но **весь завод — повременщик**, т. к. получает строго определенный фонд заработной платы, безнаказанно перерасходовать который никому не позволено.

Значит, в «кошельке» завода всегда постоянная сумма, а сдельщик может увеличить свой заработок... только за счет другого.

Нарращивать выпуск можно сколько угодно, но оплатить труд рабочих нечем, ибо заказчик не даст дополнительных денег. Значит, едва только повысилась производительность труда, надо: или сразу же пересмотреть

¹⁶ О Геннадии Александровиче Богомоллове см также в главе 8: раздел «Разговоры в Смольном Четвертый подъезд»

¹⁷ Речь идет о бригаде А В Сыцевича, в которой работал автор Об Анастасии Сыцевиче см ранее, в главе 5: «Бешеная халтура, красивая деталь...» и др разделы

нормы сдельщикам, или платить меньше ИТРа, или сократить их численность, или перерасходовать фонд заработной платы. Эдак можно загнать себя так, что никаких резервов на подъем производительности в будущем году не останется... Зачем же бежать из последних сил, когда за те же деньги можно бежать трусцой?

Выходит, что на заводе, а затем — в каждом отделе и цехе, есть свой общий «кошелек». И посему, если Богомолов возьмет из него себе в три раза больше, то попадет нормировщику за то, что завысил расценки на эти детали. Если же закрепить определенные детали за Богомоловым и ужесточить нормы, тогда — как быть, когда он уйдет в отпуск или заболеет? Другим рабочим придется делать его «дешевые» детали. Теряя в заработке, они разбегутся. Да и невозможно, по специфике производства, твердо закрепить за кем-то определенные детали.

А если «ничего не делать» и оставить передового фрезеровщика и бригаду инициативных слесарей в покое? И пусть они зарабатывают побольше, делая детали впрок... Но тогда они и деньги должны получить впрок, т. е. из фонда будущего месяца. Может, кому-то это и покажется неприемлемым, но для завода — это одно из главнейших и необходимейших условий: и для повышения производительности, и для улучшения качества, и для избавления от одного из позорнейших и вреднейших явлений — штурмовщины. Если бы разрешили оплачивать детали, сделанные впрок, то (на первом только этапе) можно было бы растянуть цикл на два месяца. Условно: в первый месяц сделать все детали, а с первого числа следующего месяца, без штурма и сверхурочных, начинать сборку.

Возможно, я в чем-то ошибаюсь, но наши хозяйственники ошиблись давно и еще больше, полагая, что едва только рабочий взял в руки кусок металла, чтобы изготовить деталь, как тут же его коллега может начинать сборку изделия, куда эта деталь входит. И эта «запятая» дорого обошлась нам всем...

Я убежден, что на всех участках производства нужны технологитворцы. И «близорукие», каковыми оказываются сами рабочие, на своем рабочем месте. И «дальнозоркие», которые, не претендуя указывать рабочему в вопросах, где тот лучше их разбирается, способны — и все лучшее в мире впитать, и свое разработать, т. е. дать в руки рабочему достижения передовой науки и технологии. Вот с этим у нас в СССР всегда было из рук вон плохо...

А всему виной, пусть косвенной, была **сдельщина**: рабочие-сдельщики тащили воз, а ИТР «стригли купоны», поскольку эволюционный прирост производительности труда был и так обеспечен рабочими.

Сдельщина как бы «спасала» наш бывший социализм. Она была тем механизмом, который обеспечивал нашему производству возможность держаться «на плаву». Не было бы ее — советская система развалилась бы гораздо раньше. <...>

А. Солипатров, январь 1997

* * *

[Что же было потом? Тема «человека в системе реальных производственных отношений в трансформирующемся обществе» (90-е гг.) хронологически выходит за рамки настоящей книги.

Все же — в качестве «приложений» — приведем три текста разных авторов, посвященных этой теме. — А. А.]

П. 5.4. Десять лет спустя: кто выиграл и кто проиграл в шахтерской забастовке 1991 г.?

[Ниже — текст моего коллеги и внутреннего рецензента этой книги Виктора Петровича Дудченко,¹⁸ предназначенный к зачитанию в качестве доклада на социологической конференции в г. Междуреченске (Кузбасс), посвященной 10-летию шахтерского движения (июль 1999). Конференция не состоялась.

Частично этот сюжет представлен в статье того же автора «Шахтерские выступления — закрытая тема», опубликованной в газете «Искра» (1999, 1 2). По ходу дела, буду иногда цитировать и эту последнюю работу. — А. А.]

<...> Я хотел бы обратить внимание ученого собрания на одно, в общем-то не оспариваемое, но и не замечаемое при этом обстоятельство: на возможность ошибки в исследованиях и анализе. Ошибка при разделке лягушки или при проведении физического опыта влечет за собой ответственность — перед самим собой, перед научным сообществом, перед заказчиком эксперимента, в некоторых дисциплинах, например при изучении ядерных процессов, весьма тяжкую, но не ведет к **ответственности перед объектом исследования**. В социальных же исследованиях забвение своей ответственности перед вновь появившимися, изучаемыми явлениями и людьми, их породившими, может, как я понимаю, сокрушить авторитет всего научного сообщества в целом.

На мой взгляд, забастовочные процессы и вообще рабочее движение и большинство социальных исследователей, пытающихся осмыслить это движение, до сих пор существуют словно в каких-то параллельных мирах, что исключает возможность осознания подобной ответственности. На примере описания некоторых эпизодов шахтерской забастовки весны 1991 года это хорошо видно.

Социальные исследователи склоняются к мнению, что эта забастовка была направлена против Горбачева в поддержку Ельцина и завершилась успехом. Попробуем выяснить, чего добились сами забастовщики и чем же это кончилось.

В Донецке на II Съезде шахтеров 22–25 октября 1990 г. был образован Независимый профсоюз горняков (НПГ)...

¹⁸ См о нем в приложениях к главе 1: раздел «Социологический случай на реке Ануи...»

[Из газетной статьи В. Д.:

«...Горнякам первым удалось заставить государство уважать себя. Не учителям, и даже не медикам (!), а рабочим подземной группы, позднее создавшим Независимый профсоюз горняков (НПГ), объединяющий всех подzemщиков (не только угольщиков), и прием в который закрыт тем, кто имеет отношение к «найму, увольнению и распоряжению рабочей силой». Прошу не путать с традиционным (бывшим членом ВЦСПС, а потом добавившим к своему названию слово «независимый») Независимым профсоюзом работников угольной промышленности (НПРУП), куда входят также и те, кто нанялся исполнять функцию работодателя, вплоть до генеральных директоров угольных объединений.

(Причем сейчас именно лидер НПРУП Иван Мохначук, как правило, получает телевизионную трибуну, чтобы погромыхать подвигами первых забастовщиков. При этом он употребляет местоимение “Мы”...».]

...На этом съезде шахтеров был принят проект Генерального типового тарифного соглашения (ГТТС), сделанный, по мысли авторов, как первая ступень в решении задачи преобразования нашего общества. В разработке использовались советские коллективные договоры 20-х годов и материалы современного западного профсоюзного движения.

Лидером разработчиков тогда признавался Павел Шушпанов из Павлограда. Позднее, на I Совете представителей 11–13 февраля 1991 г., он был избран председателем Исполнительного бюро НПГ.

Основная идея этого документа заключается в **отказе от сельщины и многочисленных прогрессивок и премий к основному тарифу**, которые, по мнению горняков, стали кнутом, с помощью которого администрация перекладывает на других свою работу. Труд наемных рабочих, с точки зрения авторов проекта, в основном должен оплачиваться **по затраченному ими рабочему времени** (плюс некоторая фиксированная доля от прибыли предприятия, если она будет), в соответствии с их квалификацией и по индексируемому тарифу, привязанному к текущей стоимости потребительской корзины...

[Из газетной статьи В. Д.:

«... Летом и осенью 1990 года в НПГ на основе советских коллективных договоров 20-х годов и материалов западных профсоюзов был разработан проект Генерального типового тарифного соглашения (не похожего на обычные, «Великого ГТТС», как потом можно было услышать от участников событий). Об этом соглашении, кроме шахтеров, так никто больше и не узнал. Проект был сделан самими шахтерами как первая ступень в решении задачи преобразования нашего общества...».]

...Шахтерская потребительская корзина рассчитывалась исходя из норм энергозатрат, утвержденных в 1982 г. Минздравом СССР, в соответствии с данными Института питания АМН СССР, с учетом местных условий, зафиксированных в разработках региональных медицинских учреждений, и статистических данных о количестве иждивенцев. Составители проекта не просили ничего лишнего.

Администрация же, по мысли авторов, должна оплачиваться только в зависимости от прибыли предприятия. Таким образом, будет невозможно свалить всю работу по организации производства непосредственно на исполнителей (что происходило повсеместно) и стимулируется отбор грамотных организаторов производства. Это очень существенная мера, которая, по мнению активистов рабочего движения, позволила бы резко поменять отношения «наниматель — наемный работник», лежащие в основе нашей экономики.

При других вариантах реформ отношения «наемный рабочий — администрация (или владелец)», по их мнению, остались бы неизменными. <...>

[Из газетной статьи В. Д.:

«... Главное заключалось в требовании считать отдельно оплату собственно работы и усилий по организации этой работы. Все «организаторы производства» должны получать не оклад, а процент от прибыли хорошо организованного производства. Если плохо организовано — то не получать ничего или покрывать убытки, а не так, как сейчас.

Собственно работник основную долю зарплаты должен был получить повременно за работу на своем рабочем месте, чтобы начальник не мог заставить его ради выполнения нормы плевать на технику безопасности и красть крепеж у соседа. Противоположное ведет к регулярным убийствам работников (по-другому это не назвать!), превращению «организаторов» в «надсмотрщиков» и, в конечном счете, к общей нищете.

(Как, например, на украинской шахте им. Засядько, где у работающих одни из самых высоких в Донбассе заработков, самые бесправные профсоюзы, безработица, в лавах пятидесятиградусная жара, тепловые удары, и где совсем недавно после взрыва схоронили 39 наших товарищей)...».]

<...> Многочисленные «мирные» попытки горняков вступить в переговоры о ГТТС с правительством Павлова и с Горбачевым положительного результата не принесли. Сначала НПП и его ГТТС жестко блокировали. Чтобы заявить о себе на встрече угольщиков с Горбачевым в Кремле, горнякам приходилось устраивать демонстрации у проходной, пропихивать человека на трибуну, на которой тотчас отключали микрофон. Единственное, что тот смог сказать в микрофон президиума, было: «А ушел бы ты в отставку!».

Организаторы той встречи, видимо, добивались скандала и никак не хотели допустить обсуждения по существу. Партийная машина работала таким образом, что сам Горбачев узнал о целях НПП и о сути Генерального типового тарифного соглашения только после ликвидации СССР.

...К весне 1991 г. оставалось единственное средство — забастовка. Цель — начало переговоров и подписание ГТТС.

Между тем в Донецке представители примерно 20 стачкомов (из которых в НПП в Москве были известны как действующие только 5–6) потребовали повышения зарплаты подземщикам на 250%, а остальным работникам шахт — на 200% и пригрозили забастовкой не позднее 20 февраля.

Тем не менее, 11 февраля на совместном заседании Советов представителей Независимого профсоюза горняков и Конфедерации труда, а также представителей рабочих комитетов угольных регионов, которое проходило в гостинице «Салют» в Москве, по отчету Исполнительного бюро НПП было принято постановление, первым пунктом которого стояло требование начала переговоров **именно по ГТТС**, а вторым объявлялась подготовка к всесоюзной забастовке. Других пунктов поначалу не было.

По решению того же совместного заседания Советов представителей НПП и КТ требования увеличения зарплаты были сняты, во избежание обвинений в шкурничестве. И уже только потом, под давлением ряда стачконов, похоже связанных с властными структурами, были выдвинуты собственно политические требования: отставки президента и союзного правительства, роспуска Съезда народных депутатов СССР. Смысл политических требований — замена высших союзных должностных лиц людьми, согласными и способными вести переговоры по ГТТС.

Все изложенные обстоятельства, эта немаловажная для понимания сути дела последовательность событий и решений, как мне представляется, до сих пор остаются вне поля внимания социальных исследователей.

Итак, 1 марта 1991 г. всесоюзная забастовка горняков началась. Межрегиональный координационный совет забастовочных и рабочих комитетов, собиравшийся в Москве при помощи НПП, стал структурой, организующей стачку. Это была наиболее подготовленная забастовка, с мощной организационной поддержкой. И тем не менее, вопреки мнению подавляющего большинства исследователей, ее ждал **провал**. Слишком много политиков, никак не связанных с рабочим движением, было заинтересовано в этой забастовке.

Начиналось все очень неплохо, забастовка постепенно ширилась, к ней присоединялись все новые шахты. Не одновременно, как в 1989 году, но все-таки! Значение стачки росло.

31 марта представитель бастующих Малыхин выступал в Верховном Совете Союза, его выступление транслировалось по телевидению. Было такое впечатление, что он сам понимал некоторую неуместность своей речи... Он повторил требования отставки Горбачева и правительства Павлова, роспуска Съезда народных депутатов СССР и заключения ГТТС, однако ни слова не сказал о **сути горняцкого варианта — требовании повременной оплаты наемных рабочих**. Вместо этого было сказано о передаче власти межреспубликанской Ассамблее. (Может быть, это и обусловило трансляцию...)

Кроме того — и это уже было серьезно! — Малыхин предложил создать межреспубликанскую комиссию, которая бы вместе со стачкомами работала над разрешением имеющихся проблем.

Надо сказать, что в это время при Верховном Совете РСФСР уже начала похожую работу так называемая «группа жизнеобеспечения» — Комитет по обеспечению жизнедеятельности, стабилизации хозяйственных

связей и экономической реформе. Используя прямые связи с действующими стачками, этот комитет пытался явочным порядком создать параллельную союзным властям управляющую аппаратную структуру, которая, имея необходимую информацию о положении в народном хозяйстве, могла бы посредством хозяйственных связей контролировать все бастующие или находящиеся в предзабастовочной готовности отрасли, в данном случае добывающую промышленность, энергетику и металлургию.

Результатом деятельности этого Комитета стали, в частности, поставки воркутинского угля во время забастовки на Череповецкий металлургический комбинат. Уголь был нужен для загрузки коксовых батарей, которые не могли быть остановлены. За этот уголь с санкции Скокова для НПП Воркуты было выплачено 50 млн рублей. Поскольку НПП правительством не признавалось, деньги перечислили сначала ФНПР (новый старый профсоюз), который взял себе 9 млн за посредничество. Воркута потом долго оплачивала общие расходы НПП из полученных тогда 41 млн руб.

Деятельность Комитета особенно не афишировалась, с ним взаимодействовал в основном один Мальхин. Строго говоря, существование такого комитета следует считать первой, пока слабой, но уже вполне практической, опирающейся на социальные реалии, попыткой свержения центральной союзной власти. При развитии забастовки до всеобщей эта «группа жизнеобеспечения» могла стать зародышем структуры, которая де-факто присвоила бы всю экономическую власть и собственность союзного центра, и ни НПП, ни стачкомы, не имея соответствующих управленческих органов, не смогли бы с ней тягаться.

«Победившее» рабочее движение получило бы перед собой новый, неведь откуда взявшийся государственный орган, и остается только гадать, чьи и какие интересы этот орган стал бы отстаивать.

Между тем центральные власти продолжали отмалчиваться на манер страуса. Похоже было, что правительство Павлова видеть не хочет горняков, уже списало их со счета и не собирается восстанавливать добычу угля на прежнем уровне, фактически применяя локаут. В газета появился штамп: «Шахтеры тянут одеяло на себя». Программа «Время» регулярно показывает интервью с рабочими других отраслей, которые обвиняют бастующих шахтеров во всех бедах нашей разрушаемой экономики.

В 1989 году от начала незаконной шахтерской забастовки и до подписания первого соглашения на высшем уровне, которое послужило прототипом всех остальных, прошла неделя. Теперь же, при том, что горняки не нарушали закон, регламентирующий забастовку, правительство Павлова — вторая сторона конфликта — бездействует. Отказ в признании и изоляция забастовщиков почему-то оказываются очень важными.

Возможно, было два варианта реакции на шахтерскую забастовку тех, кто хотел бы залезть повыше на лестнице власти: расчет на ее постепенное удушение, при использовании борьбы стачкомов для поддержки своих целей (мы «впереди стачки»), либо расчет на ее возмущенный рост до всеобщей,

с постепенным изменением целей забастовки до такого вида, чтобы их можно было бы использовать как свои, объявить своими (мы — «позади стачки»).

1 апреля 1991 г. «Известия» сообщили, что Межрегиональный координационный совет, представляющий 11 бастующих регионов, требует встречи с Горбачевым и с Павловым, а уже 2 апреля — что правительство Павлова и Минуглепром соглашаются вести переговоры о заключении ГТТС только с теми, кто не бастует, но не с НППГ! Там же, в интервью газете, лидеры забастовщиков говорят, что у них мало осталось надежды на какие-либо встречи с руководством страны. Союзные власти как будто не видели, что происходит.

Научное сообщество этой первой попытки части старой элиты совершить, за спинами горняков, государственный переворот — не заметило до сих пор. В жестокой борьбе постепенно **отодвигалось на второй план, как трудноосуществимое, требование повременной оплаты**, в феврале вдохновившее Совет представителей объявить забастовку. <...>

Вкратце

Здесь описано развитие развивавшихся параллельно (начало апреля 1991 г.) событий в Белоруссии: забастовка рабочих Минска, образование стачкома Белоруссии и т. д.

<...> Новые резолюции становятся все более политизированными. 10 апреля в Воркуте принято «Обращение шахтеров к согражданам страны», призывающее:

...17 апреля организовать суточную политическую забастовку в поддержку наших требований:

1. Отставка антинародного коммунистического правительства СССР.
2. Роспуск прокоммунистического парламента СССР.
3. Требовать создания коалиционного правительства.
4. Срочно сократить расходы на военно-промышленный комплекс...

Пункт 3 Обращения («требовать создания коалиционного правительства...») дает основание предполагать причастность стачкомов к государственной власти. Постепенно вслед за Ельциным и депутатами Верховного Совета РСФСР Межрегиональный стачком и НППГ меняют требование отставки союзных политиков на требование создания новых параллельных федеральных структур. В конце марта в «Обращении НППГ и Межрегионального координационного совета рабочих (стаечных) комитетов к верховным советам, правительствам и народным движениям суверенных республик было написано:

...Мы предлагаем создать межреспубликанскую парламентскую группу с участием представителей Совминов республик, стачкомов и политических сил, пользующихся массовой поддержкой, для координации действий в условиях паралича союзной власти...

Это больше похоже на декларацию политической партии, цель которой не столько принципиально новая ситуация, сколько наилучшая экс-

плуатация старой. Соответственно, растет поддержка со стороны политиков и властей, рассчитывающих на свою выгоду. Российское правительство предложило переход шахт из союзной в республиканскую юрисдикцию. Это дает некоторые экономические льготы шахтерам и руководству шахт, являясь при этом российским козырем в отношениях с Союзом. 18 апреля начались переговоры с председателем Совмина РСФСР Силаевым о переходе под российскую юрисдикцию.

Выгода для российского руководства, сумевшего завоевать доверие лидеров забастовочного движения шахтеров и использовавшего его для давления на Горбачева, — несомненна. Но при этом... начинает стремительно падать поддержка забастовки со стороны самих горняков.

Требования, направленные против президента СССР, союзного правительства и ВС СССР, без связи с изменением отношений на работе, без справедливого распределения обязанностей и справедливой оплаты труда, и даже без рассмотрения этих вопросов на переговорах о Генеральном типовом тарифном соглашении, — не имеют существенного значения для большинства рабочих. Ведь в их конкретной жизни от вышеперечисленных субъектов мало что зависит. На их место придут другие, но вряд ли лучшие.

Последнее самим горнякам было ясно. А отправной пункт забастовки, ее основная (для бастующих шахтеров) цель — многим, позднее из солидарности присоединившимся к забастовке, была просто неизвестна. Неизвестна из-за отказа СМИ публиковать что-либо об этой сути стачки и из-за недостаточной активности самих горняков в разъяснении своих целей. В борьбе это как-то забылось.

К концу апреля количество бастующих предприятий стало сокращаться, хотя еще сохранился потенциал быстрых и успешных стачек. (Последняя нам известная — это когда 25–29 апреля бастовали подземщики петербургского Метростроя. Требования практически были списаны с последних шахтерских резолюций, от себя добавили зарплату, сокращение управленческого аппарата, увеличение отпуска. Практически трех дней блокирования работы на половине СМУ было уже достаточно, администрация отступила. 29-го заключено соглашение. 30-го — на работу. Об отказе от сдельщины речь, конечно, не заходила.)

Итак, стал проходить вариант с удушением забастовки в мешанине политических интриг, с использованием ее силы в поддержку своих лозунгов (мы — «впереди стачки»). Основные выгоды от забастовки доставались разным субъектам, стремящимся управлять нынешним советским обществом, решающим с помощью забастовки свои проблемы.

Тех, кого устраивает невыход шахтеров на работу, — более чем достаточно, а **надежды на изменения в системе производственных отношений, ради которых начиналась забастовка, нет как нет.**

...С начала марта к концу апреля стояли без работы уже почти два месяца. Измученные горняки начали самостоятельно выходить на работу. Забастовку надо было прекращать немедленно.

В последний день последнего заседания Координационного совета, 28 апреля, когда думали, как выйти из забастовки с наименьшими потерями и что делать потом, под конец дня Малыхин привез на стачком проект заявления от имени Координационного совета, где предлагался выход из забастовки под обещание начала работы по созданию Ассамблеи представителей республик как властной структуры, параллельной союзным органам, и поддерживался Ельцин на пост президента России.

Это предложение сначала вызвало недоумение и неясную неудовлетворенность, но потом, благодаря энергии и квалификации отдельных лидеров, при некотором замешательстве собравшихся, от имени Координационного совета вечером 28 апреля 1991 г. обращение о выходе из забастовки было принято.

Объявление результатом забастовки договоренности относительно Ассамблеи давало Ельцину и другим возможность еще раз предстать водителями шахтеров и продолжать свою игру, однако оно было совершенно бессмысленно для самих забастовщиков. Попытки объявить достижением забастовки успешную поддержку Ельцина и помощь лидерам «Демократической России» в агитации за новую жизнь были лишь попыткой скрыть правду о провале забастовки.

Впрочем об обращении от 28 апреля мало кто узнал. Забастовка сама задохнулась. СМИ подали эту забастовку как удачную акцию, завершившуюся вырванным у центра обещанием нового Союзного договора. О том же, чтобы рассказывать о ГТТС, о шахтерском требовании повременной оплате рабочих и об интригах правящей элиты, — уже и речи не могло быть...

К сожалению, научное сообщество, как я понимаю, так до сих пор ничего и не сделало для прояснения сути дела. **Да, шахтеры выиграли, но — «не свою» игру и потерпели сокрушительное поражение — в собственной.**

Виктор Дудченко, июль 1999.¹⁹

Ремарка: советская сдельщина — без изменений.

Борьба шахтеров за отмену сдельщины и другие принципиальные позиции ГТТС — до сих пор безуспешна. Присоединяясь к точке зрения В. П. Дудченко, полагающего, что именно здесь заложена суть отношений «наемный работник — хозяин» (будь то собственник или администратор, которые для рабочего «все одно — начальство», а начальство — «себя не обидит» и рабочего всегда подгонит «кнутом» пересмотра норм и расценок), напомним здесь пронизательное замечание А. Г. Солипатрова (см. выше):

«...Сдельщина как бы «спасала» наш бывший социализм. Она была тем механизмом, который обеспечивал нашему производству возможность держаться «на плаву». Не было бы ее — советская система развалилась бы гораздо раньше...».
(Январь 2000).

¹⁹ Подробнее о шахтерской забастовке 1991 г см работу В П Дудченко и О Г Савельева «Дороги рабочего движения» (Старые записки Публикатор и типограф — В Дудченко Тетрадь 3: Истории СПб, 1995)

П. 5.5. Десять лет спустя: разыгрывается действие. Пока без финала

[Ниже — очерк, опубликованный в петербургской газете «Рейтинг» (апрель 1992). Его автор — Н. К. Поречная.²⁰ — А. А.]

Очерк Н. Поречной (1992)

Действующие лица: рабочий комитет Кировского завода, представители политических партий Санкт-Петербургских общественных движений, свободных профсоюзов (в основном мужчины).

Время, место и форма действия: 16–17 марта 1992 года; ДК им. И. И. Газа, малый зал; официально — «круглый стол», в просторечии — политическая тусовка.

Костюмы: военно-морская офицерская форма у представителей либерально-демократической партии; папаха, подпоясанный свитер, сапоги — у анархистов; две-три рабочие спецовки; цивильные пиджаки вперемежку с джинсами.

Характеристика главного действующего лица — рабочкома. Два взгляда со стороны:

«Какие же это рабочие? Это же андреевские парни (С. Андреева). (Г. Томчин, представитель «Демократической России».)

«На заводе рабочего комитета нет; ребята, которые сидят за столом, никого не представляют». (А. Барнев, председатель СТК Кировского завода, бывший сопредседатель заводского рабочего комитета.)

Немного истории

По признанию одного из сопредседателей заводского рабочкома (ЗРК) Александра Калачева, поводом к созданию ЗРК послужила деятельность Союза рабочих комитетов в городе (СРК), который был создан в предвыборную кампанию по инициативе членов Народного фронта. Они ставили своей целью объединить стихийно возникавшие на предприятии забастовочные комитеты под одну крышу. Но принцип организации сверху вниз широкой поддержки не получил — надо было начинать с самих предприятий. 15 декабря 1990 года на Кировском состоялась учредительная конференция рабочего комитета. На первоначальном этапе своей деятельности ЗРК признал целесообразным взаимодействие с Союзом трудовых коллективов предприятий и объединений города во главе с Сергеем Андреевым, который выступает за социальные и экономические права трудящихся, используя политические методы. Но не имея юридического статуса, ЗРК не стал членом Союза, в отличие от СТК, который туда входит. Поэтому ЗРК организовал отзыв неработающих членов СТК, довыборы в этот орган своих единомышленников. В ноябре 1991 года четверо членов рабочкома вошли в состав СТК, а представитель ЗРК А. Жучков стал заместителем председателя СТК по экономике.

²⁰ О Наталье Киримовне Поречной, безвременно погибшей в 1994 г., см в главе 10: раздел «От камня, брошенного в воду, расходятся круги»

Одно из первых требований заводского рабочего комитета — вывод парткома за пределы предприятия, а на перспективу — перестройка существующего профсоюза или создание нового, способного защитить трудящихся социально-экономическими методами при переходе к рынку. Конечная цель движения, которое представляет ЗРК — помочь рабочим через самоуправление стать реальными хозяевами своего предприятия, нанимать администрацию и специалистов. Движение, по оценке А. Кала-чева, насчитывает 2,5 тысячи человек. 6 мая 1991 года ЗРК призвал кировцев к забастовке в знак солидарности с шахтерами. Забастовку удалось организовать в двух цехах. 19 августа члены заводского рабочего комитета возглавили колонну кировцев, направлявшуюся на митинг в поддержку демократии, против ГКЧП. В составе комитета — слесарь-сборщик, электрик-монтажник, огнеупорщик, токарь, крановщица, словом, люди рабочих профессий.

Пролог

4 марта на очередном заседании заводского рабочего комитета, где обсуждалось положение как на Кировском заводе, так и в целом в стране, после продолжительных дискуссий было принято следующее обращение:

События, происходящие в России, вызывают непредсказуемые изменения и создают серьезные противоречия.

Не подлежит сомнению необходимость конструктивных реформ. Но навязанные российским правительством методы их проведения ставят под угрозу само существование российской государственности. Когда на одном полюсе концентрируется кучка «деловых в законе», а на другом — все остальное население, — такой разрыв неумолимо создает в России угрозу гражданской войны. Заводской рабочий комитет Кировского завода приглашает все политические партии и общественные организации Питера встретиться за «круглым столом», чтобы обсудить сложившуюся ситуацию и определиться по следующим вопросам:

1. Отношение к проведению российских реформ.
2. Отношение к формам собственности.
3. Отношение к насильственному свержению власти.

(Опубликовано в «Кировце» — газете трудового коллектива объединения «Кировский завод» в ¹ 48, 1992 г.)

Действие: «мозговая атака»

Два дня члены рабочего комитета Кировского завода по собственной инициативе слушали выступления представителей партий, общественных движений, свободных профсоюзов. Большинство из выступавших ставило своей целью не столько ответить на вопросы, волнующие рабочих, сколько познакомиться со своими программами, платформами, задачами, а заодно и кое с кем свести счеты. Но в одном идейные противники, а порой заклятые враги (такие, как дээсовцы и коммунисты) были едины: в стремлении перетянуть рабочих на свою сторону.

По большому счету все партии и движения, представители которых выступали перед кировцами, можно разделить на несколько групп: коммунистические (Ю. Кисленко — Российская партия коммунистов, Г. Ро-

дионов — РКРП, Н. Петерцев — ВКП(б); национал-патриотические (В. Богомолов — «Русское освободительное движение», В. Фурсов — Русское патриотическое движение «Отечество», Л. Шепелев — движение «Наши»); партии социалистической и рабочей ориентации (Н. Ломов — Партия свободного труда, А. Романов — Социалистическая партия труда, Д. Жвания — «Рабочая борьба» (троцкистская); демократические (Г. Иванов — Демократический Союз, Г. Томчин — «Демократическая Россия», М. Лагутин — Демократическая партия России, Соловьев — Народная партия «Свободная Россия», А. Федоров — Конституционно-демократическая партия); свободные профсоюзы (В. Сыгинский — Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ), В. Васильев — Свободный профсоюз докеров (СДП), Е. Трофимченко — представитель свободного профсоюза ремонтной базы «Скорой помощи»).

Либеральные демократы — офицеры ВМФ И. Савин (Северо-Западное отделение ЛДП) и М. Иванов (концептуальная группа ЛДП) — в первый день работы «круглого стола» устроили настоящую мозговую атаку, нарушив условленное правило: от каждой партии — по одному выступающему. От либеральных демократов выступили двое, причем И. Савин — дважды. Он сказал рабочим:

— Единственные, кто в состоянии что-то решать, — это рабочие.

А затем популярно разъяснил название своей партии:

— Демократия ведет к диктатуре, либерализация — к анархии. Поэтому мы выбрали золотую середину — стали либералами-демократами.

И, развернув плакаты со схемами, он наглядно продемонстрировал собравшимся свою идею о том, как Бильденбергский клуб миллиардеров оказывает на Россию влияние, как российские власти замкнуты на него, поведал о финансировании «Московских новостей», «Мемориала» Центральным разведывательным управлением США. По словам М. Иванова, ООН, Международный валютный фонд — чисто масонские организации, которые опутали все российские структуры власти и внедряют заранее подготовленные решения, ведущие к нулевым результатам. Задача же партии Жириновского — «вывод страны из-под западного влияния, формирование своей власти, просвещение народа об истинных виновниках трех русских революций и кризиса, изменение ошибочного преступного курса страны, формирование общественного сознания».

Как ни грустно признать, идеи жириновцев оказались привлекательными для некоторых членов заводского рабочего комитета.

Кульминация сюжета

Российские реформы ругали почти все, а заодно и правительство. Когда же член ЗРК А. Федотов заявил, что нынче только дурак не бранит правительство, а рабочим хотелось бы услышать конструктивные предложения, чтобы определиться, с кем им по пути, — отыскался тот «дурак», который поддержал правительство и его реформы. Представитель «Демократичес-

кой России» Г. Томчин, наградив себя для начала этим нелестным эпитетом, выступил в защиту Б. Ельцина, Е. Гайдара и предложенных ими экономических шагов:

—Отношение у «Демократической России» к реформам хорошее, но беда в том, что идут они очень медленно. Пока собственность принадлежит государству, либерализация цен действительно выглядит как очередное их повышение. Надо быстрее провести приватизацию.

Г. Томчин — единственный, кто предложил практическую помощь Кировцам: подарил им брошюру о том, как приватизировать предприятие, призвал создать инициативную группу, которая и займется приватизацией Кировского завода.

Открыто реформы правительства также поддержали кадеты:

—Решительно поддерживаем реформы, — заявил А. Федоров. Критика, звучавшая в зале, построена на незнании ситуации или передергивании фактов. Обвинять правительство в том, что оно строит капитализм, — нельзя, никаких заявлений об этом члены правительства не делали.

Демроссовец М. Лагутин поведал, что Демократическая партия России и Народная партия «Свободная Россия» (Н. Травкин и А. Руцкой) подписали соглашение, в котором, в частности, говорится о поддержке радикальных экономических реформ Ельцина-Гайдара.

С небольшими оговорками к группе союзников правительства примкнули СМОТ и Свободный профсоюз докеров. В. Сыгинский (СМОТ) считает, что реформа должна начинаться с комплекса мер: «Либерализацию цен надо было проводить после приватизации, нужна демонополизация, иначе — получается грабеж народа».

Его поддержал В. Васильев (СПД):

—Выражать недоверие правительству нельзя, состав его кабинета — молодежь. Но наша задача — оказывать на него давление, доносить информацию о настроении на местах.

Остальные высказали отрицательное отношение к реформам. Эпитеты, данные при этом правительству, были «изысканно» разнообразны: «российские пиночеты» (Партия свободного труда, Н. Ломов), «некомпетентное» (Либерально-демократическая, И. Савин), «бывшая коммунистическая номенклатура» (ДС, Г. Иванов), «преступная хозяйственная мафия» (Свободный профсоюз энергетиков, В. Лукичев), «русская нация не представлена в правительстве, хотя там есть и русские» (Русское освободительное движение, В. Богомолов), «власть дерет три шкуры с производителя» (П. Рауш, анархист), «то, что делает правительство, преступно или безграмотно, или то и другое вместе» (Российская партия коммунистов, Ю. Кисленко).

Итак, второй вопрос — отношение к частной собственности. Лишь представитель гуманистической партии, выступающей против варварского потребления обществом природных ресурсов, высказался отрицательно о приватизации земли:

— Земля не может быть частной собственностью — это жизненное пространство всех людей.

Остальные выступавшие заявили, что право на существование имеет любая форма собственности. Конечно, каждая партия отдавала предпочтение одной-двум, исходя из своих политических воззрений. Коммунисты выступили за разнообразие форм собственности, включая частную, но подчеркнули, что «ключевая должна оставаться под контролем государства или общественности; акционерные предприятия надо создавать только закрытого типа, выбрасывание акций на свободную продажу — преступление перед трудовыми коллективами». Патриоты — против номенклатурной приватизации, они ратовали за ее пересмотр в пользу русских. А вот Е. Трофимченко (свободный профсоюз автобазы «Скорой помощи») предложил отдать в собственность рабочие места у станков, В. Сытинский (СМОТ) высказался определеннее других:

— Поддерживаем ту собственность, при которой лучше живется.

Более четкого отношения ко второму вопросу (впрочем, как и к другим) представители партий не высказывали или совсем не затрагивали в своих выступлениях, увлекшись своими программами. Что же касается третьего вопроса — отношение к насильственному свержению власти, то большинство участников «круглого стола» признало конституционные методы борьбы за власть, но лишь при создании реальных условий для многопартийности. Особняком стоит ДС, требующий роспуска Советов, создания стачечных комитетов, которые должны взять на себя всю полноту власти до созыва Учредительного собрания. Впрочем незаконным это не будет, по мнению представителя ДС Г. Иванова, так как нынешний режим незаконный, как и все те, которые были после разгона большевиками Учредительного собрания.

Коммунисты призывали к всеобщей политической стачке, забастовке рабочих, созданию подлинных народных органов власти — «в стране 60% рабочих, а в Советах их представлено от 3 до 6%».

Так с кем рабочий комитет?

В заявлении, сделанном по итогам «круглого стола», заводской рабочий комитет, «не претендуя на полную объективность», считает все же своими основными союзниками следующие партии и движения: патриотическое движение, свободные профсоюзы, партии социалистической и рабочей ориентации.

Демократы в предполагаемые союзники не попали. По признанию А. Калачева, членам рабочего комитета импонировало то, что говорили коммунисты. Но их не взяли в союзники по той причине, что в недавнем прошлом коммунисты устраивали гонения на тот же рабочком, да и жизнь при их власти была тоже не сахар. Словом, веры им нет.

Высказал ЗРК свое отношение и к проводимым реформам, охарактеризовав их как **«преднамеренное ограбление народа в пользу номенклату-**

ры и дельцов теневой экономики. Разрушение производственных структур превратит Россию в сырьевой придаток развитых стран. Взят сознательный курс на создание класса советской буржуазии, которая взращивается за счет дальнейшего обнищания народа».

Какие же действия собирается в дальнейшем предпринять рабочий комитет? Обратимся опять к его заявлению:

Создание рабочих комитетов на всех крупных предприятиях Санкт-Петербурга. Создание городского координационного комитета рабочих на базе Кировского завода. Взять твердый курс на объединение партий и движений на взаимоприемлемой основе, предложить им участвовать в деятельности Городского координационного совета в роли консультативного органа. В ответ на антинародную политику правительства начать массовую кампанию по отзыву народных депутатов, которые не придерживаются в своей деятельности предвыборных программ... Обсудить возможность создания системы народной защиты от возможного становления тоталитарного режима. Препятствовать всеми мерами развалу экономики государства, поскольку государственные структуры не способны противостоять разрушительным действиям верховной власти.

Нет стабильности в государстве, нет политической программы. Неудивительно, что в этой обстановке рабочие озабочены судьбой России, и, как показал «круглый стол», подчас больше, чем иные политики. Вместе с тем «круглый стол» показал, что нет, пожалуй, никакой серьезной политической силы, которая нашла бы по большому счету поддержку рабочего класса. Рабочие и правительство — вот схема, по которой может пойти противостояние в случае дальнейшего жесткого проведения реформ. На этом могут сыграть красно-коричневые.

Послесловие, или информация для размышления

Уже после «круглого стола» члены ЗРК А. Дмитриев и А. Федотов ездили к Б. Ельцину — он их не принял, хотя обещал во время своего визита на завод. Кировцы добились аудиенции у В. Шумейко (заместителя Р. Хасбулатова) и Е. Гайдара. Рабочие передали заявление своего профкома по поводу хода реформ и обращение Ассоциации промышленных предприятий города к правительству. Попытка вручить обращение самой Ассоциацией не увенчалась успехом, использовали кировцев...

Можно по-разному относиться к заводскому рабочему комитету: игнорировать его, не считаться с ним или чуть-чуть замечать. Но нельзя сбрасывать со счетов то, что в ответственные критические ситуации и Б. Ельцин, и А. Собчак обращались за поддержкой к кировцам, в первых рядах которых были члены ЗРК. Не может не насторожить ситуация, о которой поведал на «круглом столе» А. Федотов, член рабочкома: на Учредительном съезде Союза трудовых коллективов России рабочий из Сибири ему сказал:

— Мы все смотрим на вас, кировцев. Встанете вы, подыметя Сибирь, за ней — вся страна.

(Н. Поречная. Разыгрывается действие. Пока без финала // Рейтинг, 1992, 19)

П. 5.6. Пятнадцать лет спустя: говорит Горбатый мост

[Ниже — некоторые материалы, опубликованные в газете штаба шахтерского пикета на Горбатом мосту и Независимого профсоюза горняков России «Шахтерский пикет» (1998). — А. А.]

Заявление шахтерского пикета на Горбатом мосту (24 июня 1998 г., Москва)

Россияне! Товарищи!

С 11 июня 1998 года у Дома правительства стоит наш шахтерский пикет с требованием к властям: официально признать свою вину за развал экономики, беспомощность государства и нищету народа. Президент РФ Б. Ельцин не выполнил свои обещания, обманул за время своего президентства народы России и бывшего Советского Союза и теперь должен добровольно уйти в отставку.

Мы не поддерживаем старый коммунистический режим и никогда не отказывались от работы на благо нашей большой страны, всех ее граждан и наших семей. Мы не добивались власти себе и поддерживали демократию, а сейчас не видим ничего кроме большого обмана.

Мы помогли «демократическим вождям» ликвидировать всевластие КПСС и установить политические свободы — сейчас результаты выборов зависят только от толщины кошелька.

Мы помогли отобрать у бюрократов не принадлежащие им шахты и заводы, которыми они владеют как своими. Мы хотели работать на своем месте свободно, не кланяясь каждый день направо и налево, а сейчас почти вся собственность разошлась по оборотистым дельцам, которым наплевать на трудовой народ.

Мы стремились к рынку, к свободному обмену товаров, чтобы каждый открыто получал от других за свою работу столько, сколько он сам принес пользы людям. Сейчас народным хозяйством вместо рынка управляет кучка неизвестных господ, накрывшихся «коммерческой тайной», а труженики по многу месяцев не могут получить честно заработанное.

Мы хотели остановить произвол КГБ и МВД, а власти расплодили столько бандитов, которые по всему бывшему Союзу не стесняются из танков стрелять по мирным людям, что уже не разобрать, дикий ли это разбойник или чин из «силовых органов» нацепил чулок, чтобы не узнали.

Власть шельмует нас перед обществом, говорит, что горняки тянут одеяло на себя. Мол, те деньги, которые получают шахтеры, не получают учителя, врачи, ученые и другие бюджетники. Но шахтерам нечего отбирать у своих товарищей по несчастью — зарплату у всех своими действиями отобрал президент и его правительство. Мы поняли, что нельзя требовать у властей денег — их достанут, чтобы удержаться. Отберут у неорганизованных или, что еще хуже, возьмут в долг на Западе, продавая будущее наших детей и внуков.

Власть собирается закрывать нерентабельные производства. Почему-то они не собираются обанкротить самое нерентабельное предприятие в России — самих себя! Тех, кто не только открывает отдельные предприятия, но довели до нищеты целые отрасли и регионы.

Шахтеры продолжают борьбу. И нам сейчас нужна поддержка в нашем основном требовании — отставке президента, досрочных выборах и изменении Конституции России.

Эту систему власти надо менять в первую очередь!

Будущие выбранные правители должны знать, что за все свои дела они будут отвечать перед народом, который оценит их работу. Подойдут все мирные формы поддержки:

—письма и телеграммы с аналогичными требованиями в адрес президента, Совета Федерации и Государственной Думы.

—присоединение представителей Вашего трудового коллектива к шахтерскому пикету;

—митинги, шествия и пикетирование зданий, органов государственной власти на местах;

—другие формы и методы протеста.

Председатель Независимого профсоюза горняков России Сергеев А. А. (Цит. по: Шахтерский пикет, 1998, ¹ 2, 24 июня)

* * *

Из газеты «Шахтерский пикет» (1998)

На Горбатом мосту

На Горбатом мосту,
день и ночь на посту,
мужики вышибают клин клином.
И с моста-горбуна
начинает страна
разгибать работающую спину.
А позвольте взглянуть,
на кого ее гнуть,
на какую такую элиту?
И откуда взялась
эта самая власть,
прикипевшая рылом к корыту?
«Кому живется весело,
вольготно на Руси?»
Об этом ты у Ельцина
подробно расспроси.
А лучше у Некрасова —
уж он-то не соврет.
Ну что глядишь неласково,
обманутый народ?
Прут из грязи в князья,
кому даже нельзя
и руки-то подать раньше было.
А теперь погляди —
Не уступит пути

ни за что новорусское быдло.
 И вчерашний глупец
 нынче — знатный купец.
 Второгодники стали «омоном».
 Нынче вор не сидит.
 И в фаворе — бандит.
 Беззаконие стало законом.
 Насмотрелся народ
 на ханыжных господ.
 Надоело затягивать пояс.
 И опять с кумачом
 он толкает плечом
 с запасного пути бронепоезд.
 И шахтеры — «Ура!»
 выдают нагора.
 Эх, Россия, не дай снова маху!
 И меняет шахтер
 головной свой убор
 на убор головной Мономаха.

Леонид Корнилов (Шахтерский пикет, 1998, 1 4, 8 июля)²¹

* * *

[Ниже — статья Б. И. Максимова «Шахтеры выступили за Россию», опубликованная в газете «Шахтерский пикет» (1998). — А. А.]

От редакции газеты «Шахтерский пикет»

Те, кто давно на мосту, наверно помнят невысокого худого человека с диктофоном из Петербурга. Это **Б. И. Максимов**, социолог, старший научный сотрудник Института социологии Российской Академии наук. Он тоже сидит без денег, поскольку на независимое изучение рабочего движения никто грантов не дает (правда, это обстоятельство сообщает его работам дополнительную убедительность). Он уже давно прислал обработанные интервью, не было места напечатать.

То, что говорили пикетчики, выделено жирным шрифтом. Сам Максимов назвал статью так:

Шахтеры выступили за Россию

На знаменитый теперь Горбатый мост перед зданием правительства в первый раз я попал в тот момент, когда шахтеры стучали касками. Это надо увидеть и услышать на месте! Телевизионный экран не передает силу непосредственного впечатления. Грохот стоит до небес. Побывавшие на мосту говорят, что от стука «мороз по коже».

Я провел на мосту несколько дней как социолог, слушал рассказы людей о том, что привело их в Москву, как они выживают у себя дома, что хотели бы сказать всем людям страны. Проникнувшись болью и ре-

Возможно, читатель заметил, что большая часть этого стихотворения написана в размере

«Дубинушки»

шимостью пикетчиков, я стараюсь донести до тех, кто не потерял способность слышать, несколько наиболее важных, на мой взгляд, моментов, выраженных во многом словами самих горняков. <...>

«Мы выступаем за всю Россию»

Объявив войну режиму, шахтеры выступили с широких позиций.

Они «убедились, что развал происходит не только на шахтах, везде — в промышленности, сельском хозяйстве, в медицине... Мы же все это видим. Стало ясно, что в стране все творится не так. Всем плохо — и шоферам, и ученым».

Поставленная цель требовала объединения сил.

«Мы не такие наивные, чтобы надеяться только на себя. Всю страну надо поднимать».

«Терпеть больше не можем!»

«Нет денег на самое необходимое. Продукты приходится брать под запись в шахтной лавке. А там цены в 2, а то и в 3 раза дороже. Эту лавку содержит сын директора. В других регионах, знаем, картошкой перебиваются. У нас ничего невозможно вырастить — мерзлота рядом. Приходится просить деньги у родителей-пенсионеров, которым мы сами должны помогать. А у них самих пенсия известно какая. Стыдно. Дома жена осталась с двумя детьми. Сын мне как-то говорит: «Что, папа, помирать будем?» — «Что ты, сынок?!» — «Ты же денечки не получаешь». В глаза детям смотреть не могу, никому не хочется, чтобы они чувствовали себя ущемленными. В одной семье сын школьник повесился, оставил записку: «Мне надоело слушать ваши с мамой ссоры из-за денег...». В другой семье сам отец не выдержал — обвязал себя взрывчаткой. У нас трое покончили с собой. Мы — рабы, скоты. Раба и то хозяин кормит. Так больше жить нельзя!»

Людей угнетает бесперспективность положения.

«Мы потерпели бы, если бы правительство сказало, что через год, два, три жизнь изменится, и каждый год отчитывалось бы, что сделано. А сейчас светит только закрытие шахты и перспектива остаться совсем без работы. Шахту закрывают и тебя закрывают, как ненужный элемент. Переквалификация, переселение — все это только на бумаге. А на практике поселок бросили на произвол судьбы».

Молодой шахтер: «Говорят, сейчас время молодых. Шахты закрываются, промышленные предприятия закрываются, рабочих мест нет — что мне делать? У нас задолженность с 95 г. Прихожу к начальнику: выпиши 200 рублей, крайне надо. Он: «Денег нет. Если не нравятся, я не держу, пожалуйста, подпишу увольнение».

«Отчисления на технику безопасности мизерные, спускаешься в шахту и все чаще думаешь, что, может быть, в последний раз видишь небо, жену и детей... После гибели 27 человек на «центральной» больше 40 детей остались сиротами».

Шахтеры наиболее остро ощущают кричащий контраст между роскошной жизнью новой элиты и их нищенским существованием. Это совсем не то чувство зависти, которое им приписывают.

«Шахты закрываются, особняки растут. В Москве шикают, в регионах люди на картошке сидят. Мы не против богатых. Мы против бедных. Пусть строит, на канары ездит, три любовницы имеет. Но дай жить шахтеру. При невыплате зарплаты по полгода нагло не постеснялись напечатать список богатых с состоянием в миллиарды долларов...». «Мы дошли до крайней точки. Всему есть предел. Все время давали обещания, говорили: потерпите, мужики, потерпите. Вот и дотерпелись. Хватит!»

«Мы будем стоять до конца!»

Горняки оказались не только наиболее страдающими, но и самыми несломленными, сохранили способность действовать, выступать сообща. Они как бы взялись протестовать снизу за всех.

«У нас такая тяжелая работа, что без сплоченности просто не выжить. Если со мной что-то случится, я знаю, что меня выручат. Меня два раза засыпало, ребята откапывали. И здесь мы держимся на солидарности».

Важнейшую роль играет крепкая организация профсоюзов. Если на питерских предприятиях рабочие от традиционного профсоюза отчуждены, то здесь ему полностью доверяют, считают своим, всячески поддерживают. Это действительно рабочая организация. **«Мы будем стоять до конца!»** — эти слова я слышал от каждого, с кем довелось беседовать, начиная от председателя НПП и кончая рядовым пикетчиком на Горбатом мосту.

«Здесь те, кто готов добиваться цели несмотря на угрозы, предупреждения, физические страдания. У нас иного выхода нет. Мы просто не можем вернуться в Воркуту ни с чем. Когда нас провожали, давали наказ стоять до конца. Пришел предел терпению.

Чем дальше, тем больше мы врастаем в Горбатый мост. Хотя говорят, что со дня на день всякое может случиться. Но мы не боимся никого. У нас обратного билета нет. Хотя и здесь не сахар...

Будем стоять в августе. В декабре стоять. Померзнем, заболеем, погибнем, но будем стоять».

(В том, что на мосту «не сахар», я мог убедиться лично. В палящую, рекордную в Москве жару на совершенно открытом месте, на каменной мостовой от беспощадного солнца некуда скрыться. Единственное укрытие — полиэтиленовая пленка. На солнце под ней — выше 60 градусов. Когда зарядили беспросветные дожди и температура по ночам падала до 5 градусов, под пленкой, лежащей прямо на людях, не было спасения от холода и сырости. К физическим лишениям добавляется ожидание дня и часа «икс», когда власть соберется предпринять решительные меры. 93-й год перед этим же домом показал, какими они могут быть.)

Обманчиво впечатление, что все дело в горстке людей перед Белым домом, которых в конце концов можно убрать, когда надоест. За спинами

пикетчиков стоят тысячи их товарищей на местах. Они напряженно наблюдают за тем, что происходит в Москве и готовы выступить в поддержку.

«Нас командировали тысячи, за каждым из нас стоит трудовой коллектив. Незримо здесь присутствуют тысячи, миллионы. Мы обсудили в бригадах, на участках. Выработали общие требования. Собрали деньги сами рабочие и нас отправили. В поддержке своих мы уверены. Если я приеду на шахту и скажу: мужики, пора! — все поднимутся».

«Надо менять всю жизнь»

Стало понятно, что частными мерами проблемы не решить, дело в общей политике, в режиме в целом. Шахтеры убедились, что их невероятные усилия по выбиванию задолженностей, зарплаты, средств на реструктуризацию, даже такие, как перекрытие трасс (которые и им даются тяжело, с огромным напряжением), не приводят к изменению ситуации.

«К нам приезжают деятели из Москвы, дают обещания, подписывают правительственные протоколы, мы начинаем работать, а завтра опять то же самое. Говорят, что деньги выделяют. Но до нас они либо не доходят, либо местное начальство пускает их черт знает на что. Что это за правительство, которое не может проконтролировать свои деньги?!». «Нам не нужны уж эти деньги! Не нужно это правительство! Обещаниями мы сыты по горло! Чем дальше реформы, тем беднее люди».

«Сформировалось общее убеждение, что менять надо все: систему власти, экономику, идеологию, в первую очередь — промышленную политику. Угольная отрасль тоже может быть рентабельной, если дать ей возможность пройти модернизацию. Это правительство является нерентабельным предприятием, — считает председатель НПГ. — При этом начинать надо со смены президента. Он задает курс, формирует правительство, является гарантом Конституции. Как гарант он не обеспечил соблюдение прав рабочих и всех граждан. Рабочий оказался беззащитным».

«Два раза мы с ним пролетели! Надоело! Хватит!».

Это не случай ожидания хорошего царя, скорее всего отказ от всякого царя. Отставка президента — только первый шаг. За ним должно последовать изменение Конституции, системы власти, управления экономикой, при этом не только на федеральном, но и на местном уровне. Может быть, даже созвать учредительное собрание, провести референдум.

Горняки, объединенные профсоюзом НПГР, стали ударным отрядом не только шахтерского, но и всего рабочего движения России. Они сами ощущают эту нелегкую миссию. **«Если не мы, то кто же?»**, — говорят они. Стоит еще раз отметить, что авангардную роль НПГР в самой значительной степени обеспечивают его лидеры, спаянные, держащиеся вместе, без соперничества. Впечатляет не только решимость, упорство горняков, но и их государственный подход к проблемам страны, при этом не только лидеров — всех пикетчиков.

Они говорят, что им приходится все время размышлять о том, как дальше жить, они постоянно обсуждают насущные проблемы и уверены, что выражают мнение **«всего простого народа»**, а **«не какой-то политической партии, именно народа»**. И это похоже на правду.

Услышит ли власть подземные толчки?

Как известно, перед началом природных катастроф: землетрясений, извержений вулканов, из недр земли поступают сигналы, в частности, глухие подземные толчки, предвестники стихийных бедствий. Выступление горняков, их пикет в Москве можно уподобить подземным толчкам, идущим из толщи народной жизни и предупреждающим о возможных социальных потрясениях. Для улавливания этих сигналов не нужны особо чувствительные приборы. Стук касок, кажется, доносится до небес.

Как будет дальше развиваться ситуация — зависит от поведения центральной власти. Услышит ли власть подземные толчки? Поймет ли, что пикет не рассосется сам собой? Речь идет о двух возможных путях разрешения кризиса — мирном или напоминающем 1917-й год. НПГ, предчувствуя возможность стихийного взрыва (хотя бы среди шахтеров), хотел бы предотвратить его.

Горняков обвиняют в экстремизме, на самом же деле все обстоит наоборот.

«Власть пугает обывателей нами как радикалами. Хотя даже Анжерка хочет одного: порядка! Нормального порядка в стране! Разве требование выплатить задолженность за 9 месяцев — это экстремизм?». «Мы видим свою задачу в том, чтобы мирным, конституционным, цивилизованным путем добиться отставки президента, внести изменения в Конституцию с целью перераспределения властных полномочий, усиления контролирующих функций представительных органов и дальше развернуть работу по выводу страны из политического и экономического кризиса. Одна из задач — не допустить использование шахтерского взрыва политическими партиями и движениями в своих узких целях. Шахтеры выражают сейчас идею сохранения единства России, пытаются стать центром консолидации разных сил».

Реакция власти после месяца пикета показала, что она не слышит свой народ, а если слышит и видит, то закрывает глаза и затыкает уши. Если не считать вечерний заезд на Горбатый мост Б. Немцова, которому шахтеры **«доверяют на 15% — насколько он выполнил обещания»**, было только одно серьезное приглашение к министру экономики Я. Уринсону. Но и тот на требование погашения задолженностей по зарплате и пресечения утечки капиталов за рубеж **«разводил руками и спрашивал: «где взять деньги? как остановить утечку?»** — чем укреплял пикетчиков в убеждении, что **«с этой властью разговаривать бесполезно»**.

Когда откликнется народ?

С властью все понятно. Она, очевидно, признает только силу и уступает только тогда, когда ничего другого не остается.

Пикетчики хотя и стоят перед зданием правительства, фактически они обращаются к народу. Сами они говорят, что по поводу достижимости отставок «**есть сомнения**». Главное все же — «**раскачать народ**», «**выразить общий интерес**», «**довести до масс: так жить нельзя!**».

«Мы стоим в пикете, чтобы граждане могли почувствовать ситуацию и использовать ее». «Ситуация в обществе созрела и народ готов к радикальным действиям очень сильно».

В итоге все должно вылиться в общероссийскую акцию протеста.

«В тот день Россия заявит, что этот президент, это правительство нам не нужны. Показать президенту, что страна от него отвернулась, тогда все решится мирным путем».

Лидеры шахтеров говорят, что «**если сейчас момент будет упущен и здоровая часть общества не объединится, Россию ждут тяжелые времена**». Они знают, что по крайней мере молчаливая моральная поддержка им обеспечена. Это дает им силы действовать «**до конца**».

В любом случае пикетирующие с Горбатого моста будут в народной памяти героями рабочего движения.

Б. Максимов

(Шахтерский пикет, 1998, 1 7/8, 11 сентября)²²

* * *

...Никто не даст нам, россиянам, избавленья,
Ни бог, ни царь, ни понимаешь ли, герой. Но
как не хочется опять освобожденья Нам
добывать своей мозолистой рукой!

А. Столяров, проходчик ш. «Комсомольская», Копейск
(Шахтерский пикет, 1998, 1 7/8, 11 сентября)

* * *

[Как известно, 15 месяцев спустя (декабрь 1999) Б. Н. Ельцин поступил именно так, как того требовали шахтеры на Горбатом мосту: добровольно сложил с себя президентские полномочия. Только вряд ли он при этом вспоминал стук шахтерских касок... — А. А.]

²² См также: Максимов Б. И. Шахтеры, власть, народ // Социологические исследования, 1999, 1 4

Глава 6. Образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь

...«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая хочет жить». Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. В каждое мгновение сознания оно появляется передо мной. Как из непересыхающего родника, из него постоянно бьет живое, схватывающее все факты бытия миро- и жизневоззрение...

...С неутомимой жизненной энергией чувство благоговения перед жизнью вырабатывает в человеке определенное умонастроение, пронизывая его и привнося в него беспокойство постоянной ответственности. Подобно винту корабля, врезающемуся в воду, благоговение перед жизнью неудержимо толкает человека вперед...
А. Швейцер. «Культура и этика». 1923 (@)

...Категория **лица** (выделено мною. — А. А.) должна быть принята в качестве вполне самостоятельного и исключительного фактора опыта и жизни наравне с такими категориями как «причина», «бытие», «единство», «множество», «цель» и т. д. И мое убеждение в том, что человеческая деятельность, культура, исторический подвиг являются поистине «звенящей медью и бряцающим кимвалом», пока человек не внес в свой обиход категорию лица, пока доминанта его не поставлена решительно на лицо вне его...

А. А. Ухтомский. Из писем к Е. И. Бронштейн-Шур. 1927 (@)

...То чувство благоговения перед жизнью, о котором пишет Альберт Швейцер, у Любищева имело свой оттенок — благоговение перед Временем. Система его была одухотворена чувством ответственности перед Временем, куда входили и понятие человека, и всего народа, и история...

Д. Гранин. «Эта странная жизнь». 1974 (@)

6.1. Образ жизни и жизненный процесс (конспект доклада. 1981)

[Ниже — конспект доклада, произнесенного социологом-рабочим на заседании сектора социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР 13 июля 1981 года. Публикуется в сокращении. — А. А.]

I. Объяснение цели и специфики доклада. Эмпирическая база

Цель настоящего доклада — попытка систематизации и своего рода концептуализации основных содержательных и теоретико-методологических результатов работы автора (как правило, работы не индивидуальной, а коллективной) на различных «социологических полях».

Все результаты так или иначе относятся к проблематике, которая ныне, уже традиционно, объединяется понятием **образ жизни**. В названии доклада фигурирует также не столь популярное пока еще понятие **жизненный про-**

цесс. Этим акцентируется одна из основных методологических особенностей реализуемого автором на протяжении ряда лет исследовательского подхода.

Уровень предлагаемых в сегодняшнем докладе обобщений и выводов достаточно высок; это выводы, опирающиеся на богатую совокупность эмпирических наблюдений и фактов, но не выводимые из них непосредственно (в отличие от выводов, формулировавшихся во включенных в «Материалы к докладу» научных отчетах; те, как правило, имели характер прямых «логических следствий» из представленной совокупности социологических фактов).

Таким образом, здесь автор претендует совершить методологически ответственный и всегда рискованный для рядового исследователя шаг. (Ведь на «всестороннее обоснование» — способны только классики!..) Такой шаг всегда обосновывается не только логическими операциями, но и **научно-жизненной** позицией исследователя.

Критерием истинности методологических положений может быть только эвристическая ценность результатов, полученных при использовании соответствующей методологии. Критерий же истинности содержательных результатов самих по себе — в конечном счете — **социальная практика** (причем не столько актуальная, сколько практика будущего).

Пожалуй, пора снизить пафос этого вступления, чтобы не возбудить слишком больших ожиданий. Многие наши выводы, пожалуй, не более оригинальны, чем известное заявление мальчика из сказки Андерсена («Новый наряд короля»).

<...> Какова же все-таки более или менее имеющая отношение к делу **эмпирическая база** этого доклада? Ею являются исследования, в которых автору довелось участвовать на протяжении последних 8–10 лет. Кроме тех, что отражены во включенных в «Материалы к докладу» научных отчетах («О тех, кто живет в Ленинграде», «Человек, его работа и жизнь на БАМе» и «Личность в процессе жизни»), следует упомянуть:

— исследование проблем общественной активности рабочих на производстве (в рамках исследовательского проекта «Человек и его работа. 1976» (ИСЭП АН СССР);

— исследование проблем театральной и — шире! — социокультурной жизни крупного города (проводимое, начиная с 1973 г. по настоящее время, группой «Социология и театр» при ЛО ВТО).

Отчасти использовались также проводившиеся автором ранее:

— исследование образа жизни сельской молодежи (Ленинградские секторы Института философии АН СССР) — 1971–1973 гг. ;

— исследование читательской аудитории центральных газет (Институт истории, филологии и философии СО АН СССР; группа социологии печати при Новосибирском университете) — 1969–1970 гг.

Принципиальное значение для формулирования ряда выводов имеет также осуществляемое ныне докладчиком исследование производственной жизни изнутри, «глазами рабочего» (см. наш отчет 1980 г.).

Ремарка: все идет в дело!

Здесь перечислены практически все основные исследовательские проекты (как принято теперь говорить), в которых мне довелось участвовать за 10 лет предшествующей научной карьеры.

Похоже, что ни один из этих проектов не оказался «лишним» для той попытки теоретико-методологического обобщения, которая здесь предпринята. Получается, что, не формулируя изначально научной «стратегии», в известном смысле интуитивно, социолог может работать на одну «магистральную» тему.

Этот факт индивидуальной научной биографии, пожалуй, небезынтесен для жизненной и профессиональной ретроспективы. (Декабрь 1999).

II. Исходные методологические принципы¹

1. **Принцип различения гносеологических и онтологических моделей** (образа жизни).

Советская социология, выступая в своей идеологической функции (сближающей ее с пропагандой), довольно часто смешивает: (а) социалистический **образ** жизни — представление о жизни, какой она может или должна быть (гносеологическую или ценностно-нормативную модель), и (б) социалистический **способ** жизни — реальную систему жизнедеятельности социального субъекта (будь то индивид, социальная общность или общество в целом) в современных конкретно-исторических условиях.

(Некоторые, наиболее осторожные теоретики, например — А. Бугенко, не случайно настаивают на употреблении понятия «образ жизни социалистического общества», как не тождественного «социалистическому образу жизни». При этом предполагается, что первый, т. е. реальность, — развивается в плане приближения ко второму — идеалу, в частности, изживая собственные «не социалистические» элементы.)

Разумеется, для науки, которая хочет не только описывать и объяснять, но и **изменять** мир, нужны модели обоих типов (равно как и особые модели перехода от сущего к должному). Но ничего кроме вреда не могут принести эклектические смешения «идеальных», «нормативных» и «реальных» моделей. И способы построения, и способы работы с этими моделями — принципиально различны.

Резюме: не выдавать желаемое за действительное, а действительное — за необходимое.

2. **Принцип дифференциации уровней социологического анализа** (в ис следованиях образа жизни).

Эти уровни принято различать по **социальным субъектам-носителям** «образа жизни»: субъект-индивид; субъект-группа или общность (куда попадают и семья, и трудовой коллектив, и социально-демографическая

¹ В сокращенном виде, данный раздел доклада был опубликован См.: Алексеев А. Н. Образ жизни и жизненный процесс (методологические заметки) / Социальные проблемы труда и управления Томск, 1983

группа, например «молодежь», и социально-территориальная общность, например «население города»). Но при этом часто забывают, что:

— **Живут**-то только люди (социальные индивиды), а группы и общности — **существуют и воспроизводятся**; общество же, само по себе, есть структура, которая может только **функционировать и развиваться** (но не «жить»!).

Последний роман Ч. Айтматова² средствами художественного исследования великолепно обнажает сущностную разницу между способом жизни личности (с ее повседневными жизненными заботами) и способом функционирования общества (с его космическими контактами и т. п.).

Для описания образа жизни «на уровне» личности, группы и общества нужны принципиально различные средства (модели, понятия, показатели). То, что для «системы жизнедеятельности» (правильнее сказать — системы функционирования и развития) общества является собственным **элементом** (например, социальная инфраструктура, уровень обслуживания), то для человека выступает **условием** его жизнедеятельности (в данном случае — бытовой деятельности).

Например уровень рождаемости или обеспеченности детскими учреждениями, — это несомненная характеристика «образа жизни» общества. Собственная же жизнедеятельность, способ жизни индивидов характеризуется их вовлеченностью в семейно-бытовую сферу (что может измеряться соответствующими временными затратами, субъективными самооценками и т. д.). Конечно, доля лиц, поглощенных семейными заботами, в некоторой социальной совокупности оказывается показателем образа жизни уже «на уровне» группы или общества. Но это лишь элементарный, так сказать, формально-статистический способ перехода от одной системы описания к другой.

Во всяком случае, описание способа жизни социальной общности не сводимо к более или менее полному описанию повседневной деятельности составляющих эту общность людей.

Резюме: не смешивать жизнь человеческих индивидов с функционированием социальных систем.

3. Принцип приоритета системного представления (об образе жизни) перед «конгломератным».

Широко распространившаяся трактовка образа жизни как «совокупности форм жизнедеятельности людей» (нередко говорят — «система форм», но это не меняет сути дела!) фактически ориентирует на социально-описательный, а не объяснительный подход. Образ (= способ) жизни — это **структура жизнедеятельности** социального субъекта. Структуру же, в соответствии с известными системными представлениями, уместно понимать как **способ связи между элементами**, а отнюдь не как «морфологический состав» системы.

В системе элементы не рядоположены (как нередко предстает в описаниях образа жизни, например: труд, быт, досуг и т. д.), а взаимно координированы и субординированы.

² Имеется в виду «И дольше века длится день...» Другое название этого романа — «Буранный полустанок»

Целостность системы обеспечивается реальными механизмами взаимосвязи, и задача состоит в раскрытии этих механизмов (социально-психологических — для способа жизни личности, социальных и социально-экономических — для «жизнедеятельности» группы, общности, общества).

Системный анализ (а не «конгломератное» описание!) способа жизни в конкретно-историческом обществе предполагает ответы на вопросы типа:

— Выступает ли труд по преимуществу в функции средства для жизни или самоценной деятельности?

— Каково соотношение свободной и вынужденной деятельности в непосредственном бытии индивидов?

— Какова мера совпадения общественных идеалов и личностных смыслов жизнедеятельности?

— Какие из сфер жизнедеятельности индивидов являются на деле системообразующими?

— Что является реальной побудительной силой или понуждающей причиной тех или иных форм социальной активности людей? И т. д.

Сам характер этих вопросов (здесь не претендуем на систематизацию предмета!) демонстрирует социологический подход, радикально отличающийся от привычных описаний повседневного поведения людей в рамках определенной их общности (к которым зачастую сводятся исследования образа жизни).

Резюме: сосредоточить главные усилия на выявлении и раскрытии системообразующих отношений.

4. Принцип приоритета динамического (исторического, генетического) подхода (к исследованию образа жизни) перед структурно-функциональным.

До сих пор исследования образа жизни грешат статичностью, фактическим превалированием интереса к «способам функционирования», а не к «механизмам развития». Примечательно, что само представление об образе жизни личности, как трансформирующейся во времени, **развивающейся** структуре, пока не имеет устоявшегося терминологического обозначения. Докладчик надеется, что со временем понятие **жизненный процесс** (кстати, широко употреблявшееся К. Марксом и Ф. Энгельсом) получит статус категориальной пары «образа жизни» (на уровне индивида).

Во всяком случае, несомненно, что как «на уровне» общества (в ходе исторического развития), так и «на уровне» личности (на протяжении жизни) совершаются закономерные переходы от одного способа жизни к другому. Причем всякий данный образ жизни не может быть адекватно объяснен вне собственного генезиса, вне контекста целостного жизненного или исторического процесса.

Категориальной парой для **способа жизни общества** могло бы стать **социальное развитие**. Этот термин прочно утвердился в нашей науке (планы социального развития и т. п.), однако концептуально понятие социального развития пока не связывается с «образом жизни», т. е. вовсе не истолковывается в смысле процесса трансформации последнего.

Если образ жизни, как таковой, есть актуальное состояние системы жизнедеятельности социального субъекта, то **жизненный процесс** (для индивида) и **социальное развитие** (для социальной общности) суть обозначения движения от одного состояния этой системы к другому, или смены состояний.

Резюме: искать объяснение сложившемуся способу жизни социального субъекта, опираясь на выявленные закономерности его (этого способа жизни) становления и развития.

5. Принцип единства условий и деятельности (в исследованиях образа жизни).

Этот принцип можно считать утвердившимся в исследованиях образа жизни последних лет (работы М. Руткевича, И. Бестужева-Лады и др.). Однако не вполне прояснена **диалектика взаимопревращения социальных условий и деятельности**. Всякий социальный субъект так или иначе творит будущие условия своего бытия — своей нынешней деятельностью. А эта последняя обусловлена результатами прошлой деятельности.

Экстраполяционные прогнозы относительно образа жизни оказываются малоэффективными, в частности, потому, что неявно исходят из постулата саморазвития как условий, так и деятельности (то и другое рассматриваются сами по себе!). Но именно **созидая** новые жизненные условия (если говорить об индивиде), человек создает объективные предпосылки для **изменения** собственной деятельности, причем вовсе не обязательно в том направлении, в каком она развивалась, пока эти условия еще не были созданы. Для жизненного процесса (с его естественными возрастными и циклическими трансформациями) это как будто очевидно. Однако это справедливо и для диалектики общественных условий и деятельности групповых социальных субъектов.

В частности, поэтому докладчик склонен с осторожностью оценивать перспективы использования метода так называемых «опережающих групп» для социальных прогнозов. Может быть, больше шансов разглядеть образ будущего в тех **социальных процессах**, которые оказываются «опережающими» относительно современного хода общественной жизни.

Резюме: отказаться от вульгарного представления об однонаправленной зависимости жизнедеятельности людей от объективных условий ее развертывания.

6. Принцип единства сознания и деятельности (в исследованиях образа жизни).

Логикой теоретического анализа, да и опытом конкретных исследований советская социология, пожалуй, подведена к отказу от трактовки образа жизни лишь как «системы» эмпирически наблюдаемых форм повседневного поведения (сам докладчик в свое время энергично отстаивал именно такую ошибочную трактовку!). Такой путь дальше инвентаризационных и статистических описаний так называемых «стереотипов социального поведения», судя по всему, не ведет. Вероятно, полезно было пройти через этот искус вульгарного позитивизма.

Сегодня нам кажутся схоластичными споры, относить условия жизни и сознание людей к «образу жизни» или нет. «Формами жизнедеятельности» — ни условия деятельности, ни сознание субъекта, понятно, не являются. Но образ жизни — это нечто совсем другое. Докладчик полагает, что образ жизни следует рассматривать как **способ взаимосвязи условий, сознания и деятельности** субъекта. Отсюда ценностно-мотивационная сфера личности входит в предмет исследования образа жизни именно в ее взаимосвязи с условиями и деятельностью, а не автономно. То же можно сказать и о субъективном факторе общественного развития (для исследований «образа жизни» на уровне общества).

Вне представлений о единстве субъективной и объективной сторон человеческой жизнедеятельности — способ жизни (как личности, так и общества) не объяснить. Не предсказать и путей его развития, не разработать и способов направленного формирования образа жизни, в интересах личности и общества.

Резюме: исходить из представления о жизнедеятельности людей как некоей целостности, о единстве сознания и деятельности субъекта...

Ремарка: новое время — новый социологический язык.

Понятие «образ жизни» было очень «популярно» в советской социологии вплоть до середины 80-х гг. При этом велись активные научные дискуссии по поводу его содержания и объема.

...Трактовка образа жизни не просто как совокупности форм жизнедеятельности или «системы» повседневных занятий, а как способа взаимосвязи условий, сознания и деятельности социального субъекта, равно как и попытка обоснования «динамического» подхода к исследованию образа жизни (жизненный процесс), как мне кажется и сегодня, была довольно эвристичной и перспективной, однако широкого распространения не получила.

Последнее обстоятельство можно отнести отчасти за счет того, что само понятие «образ (способ) жизни» постепенно утратило свое ключевое положение в дискурсе отечественной социологии. (Октябрь 2000).

...Изложенные методологические принципы так или иначе уже реализуются в некоторых из известных нам конкретных исследованиях. Но эта реализация не всегда вполне осознана, а потому зачастую и недостаточно последовательна. Не каждый исследователь предъявляет их себе как «методологические запреты» (что мы здесь попытались сделать в своих «резюме»).

III. Основные содержательные результаты

(Выводы = гипотезы; все они относятся к современному состоянию советского общества.)

1. Вывод об относительном преобладании интеграционных тенденций в образе жизни (как в «способе жизни» общества, так и в системах жизнедеятельности индивидов) над дифференцирующими тенденциями.

Это положение опирается на известные факты возрастания социальной однородности нашего общества. Наши собственные наблюдения вливаются в общий поток эмпирических данных о сближении образов жизни горожан и сельских жителей, работников умственного и физического труда, об ослаблении межклассовых различий, что связано с изменениями характера труда, общим ростом образовательного уровня, материального благосостояния и проч.

Специфическим, как будто не встречавшимся в литературе, является следующее утверждение. Интеграционные тенденции в способе взаимосвязи элементов жизнедеятельности, являются, по-видимому, более сильными, чем в отдельных элементах. Рабочие и инженеры, горожане и жители села, представители разных поколений различаются в существенных характеристиках жизнедеятельности, в ее системообразующих отношениях (таких, как уровень творческой активности, социальная ответственность, отношение к труду, степень «приватизации» образа жизни, общественная инициатива, жизненная позиция), меньше, чем в эмпирически легко регистрируемых характеристиках повседневного поведения.

Немаловажными здесь являются также установленные нами в ряде исследований факты преобладающей роли **общих**, равно действующих в различных социальных общностях и коллективах, факторов, по сравнению с факторами местными, **локальными**. Это относится и к воспроизводству негативных социальных явлений, среди которых нами специально исследовалось, например, развитие элементов формализма в общественной активности рабочих на производстве.

Отсюда известное положение о примате интеграционных тенденций и росте социальной однородности утрачивает однозначно позитивный смысл.

2. Вывод о широком распространении практики побочных и даже обратных эффектов социальной политики и ее противоречивой взаимосвязи со «стихийными» проявлениями и тенденциями развития образа жизни.

Наше исследование социальных проблем строительства БАМ, например, дает убедительные свидетельства таких обратных эффектов социальной политики в районах нового освоения, как дестабилизация, повышенная текучесть кадров. Тем самым сводятся к минимуму социальные предпосылки комплексного освоения этих районов. Это отмечалось и на XXVI съезде КПСС.

Несколько слов о том, какое отражение находит эта политика в сознании строителей. По нашим данным, около 2/3 участников «стройки века» удовлетворены своей нынешней жизненной ситуацией на БАМе. Однако не более чем у четверти эта удовлетворенность является всесторонней и связана с планами жизненной стабилизации в зоне БАМ. Для большинства же эта удовлетворенность является односторонней (частичной, ситуационной) и рассчитана на скорый отъезд. Наша типология строителей по их «жизнеощущению» включает также «всесторонне не удовлетворенных» (и подавно планирующих отъезд!), а также таких, кто (будучи не

удовлетворен) намерен «осесть» в районе строительства, просто не имея лучших жизненных перспектив. Ясно, что во всех трех последних случаях социальная политика имеет те или иные **обратные** эффекты.

Другой пример — отмеченное нами в исследовании образа жизни ленинградцев (первая половина 70-х гг.) противоречие между жилищной и демографической политикой в Ленинграде. Наихудшими жилищными условиями характеризовались семьи, имеющие в своем составе несовершеннолетних детей.

Вообще, побочные и обратные эффекты социальной политики в различных общественных сферах, на наш взгляд, заслуживают специального социологического изучения. Причем надо признать, что современная журналистика (в лучших своих образцах) в этом вопросе опережает социологическую науку, и не только в оперативности (что естественно), но и в глубине анализа.

3. Вывод о доминирующей роли «отложенных» эффектов пройденного исторического или жизненного пути в ряде ключевых моментов образа жизни поколений и структуры жизнедеятельности индивидов.

Нами получены разнообразные подтверждения выдвинутой ранее гипотезы об относительно высокой (а в некоторых отношениях и преобладающей!) роли прошлых обстоятельств жизненного пути (таких, как социальное происхождение, условия социализации, «стартовое» образование и др.) для формирования различных аспектов актуальной жизнедеятельности человека.

Особенно заметна связь между социально-биографическими переменными и характеристиками социокультурной активности людей.

Может показаться даже удивительным, что зависимость «культурного ценза» семьи опрошенного (измерявшегося, впрочем, довольно грубо — размерами домашней библиотеки) от «образовательного ценза» родителей (учитывался наивысший уровень образования среди родителей) больше, чем от собственного образовательного статуса (уровня образования) опрошенного (данные ленинградского обследования «100 вопросов о Вашей жизни», начало 70-х гг.).

Еще более существенно обусловленными социальным происхождением и условиями социализации предстают образовательный и социально-профессиональный статусы обследованных. Широкий круг данных подобного рода получен также в исследованиях зрительской аудитории ленинградских театров (70-е гг.).

Разнообразные «отложенные» эффекты исторического пути, пройденного целыми поколениями (участие в войне, общественная ситуация середины 50-х гг. и проч.), на наш взгляд, могут оказаться ключом к объяснению многих современных явлений в сферах труда, быта, досуга, а также особенностей жизненной позиции представителей этих поколений.

4. Вывод-гипотеза о складывающейся диспропорции между семейно-бытовой, индивидуально-потребительской, и социально-творческой, общественно-гражданственной компонентами в структуре жизнедеятельности личности.

Этот вывод базируется на разнообразных социологических данных, в том числе полученных нашим научным коллективом [*сектор социальных проблем личности и образа жизни ИСЭП АН СССР. — А. А.*] — насчет распространения и укрепления «инструментального» отношения к труду (труд как средство для жизни), в отличие от отношения к труду как к «самоценной» деятельности.

Многokrатно отмечавшийся рост индивидуально-потребительских тенденций, усугубляющаяся вовлеченность людей в семейно-бытовую сферу, «рецидивы мещанской психологии» (упоминаемые в партийных документах) — все это позволяет говорить о том, что на передний план сегодня выдвигается потребительская компонента образа жизни, в отличие от компоненты социально-творческой, а также — общественно-гражданственной.

Дополнительное подтверждение этому получено недавно нами в совместном с С. Минаковой исследовании структуры и динамики жизнеощущения личности после завершения вуза без отрыва от производства.

Мы задавали, в частности, вопросы о том, насколько человек удовлетворен своими нынешними жизненными обстоятельствами, «счастлив ли он», а также о том, насколько ему удается удовлетворять свои потребности (материальные и культурные) и насколько удается развивать и реализовать свои способности. Анализ связей между ответами на эти вопросы показывает, что развитие и реализация способностей (вкуче с удовлетворением культурных потребностей) относительно автономны от удовлетворения материальных потребностей.

Примечательно, что «дух» не выдерживает конкуренции с «бытом» — в формировании «ощущения счастья». Счастливым (в картине данных упомянутого исследования) предстает скорее тот, кто удовлетворяет свои материальные потребности, чем тот, кто реализует свои способности или развивает их. Кстати, «наиболее счастливыми» оказываются люди с доминирующей вовлеченностью в общественно-трудовую сферу (в нашей выборке это, как правило, хозяйственные руководители среднего и высшего звена). Но, как показывает анализ, жизненный мотив удовлетворения материальных потребностей у людей даже и с такой направленностью личности — превалирует над мотивом реализации способностей.

5. Вывод-гипотеза о социально-экономической и общественно-политической базе перераспределения «приоритетов» в структуре жизнедеятельности личности.

Относительное снижение заинтересованности в самом процессе и результатах труда (усматриваемое и «на глаз», без помощи науки) обусловлено в первую очередь, скорее всего, социально-экономическими факторами. Современные меры по совершенствованию хозяйственного механизма пока оставляют незыблемой ныне действующую тарифную систему, которая пришла в явное противоречие с социалистическим принципом распределения по труду. Работники практически лишены возможности

регулировать свой заработок собственными трудовыми усилиями; оплачивается не столько их трудовой вклад, сколько — **рабочая сила**. Такой порядок противоречит ценностным ориентациям работников.

Из материалов нашего исследования на БАМе видно, что подавляющее большинство строителей ищут там вовсе не «длинного», а **заработанного** рубля. Степень удовлетворенности своей «работой в целом» почти не зависит от размеров заработка. Зато она существенно связана с удовлетворенностью организацией труда, а также с удовлетворенностью производительностью своего собственного труда. Решающим обстоятельством, таким образом, оказывается усмотрение людьми возможности эффективного (и с точки зрения трудовой отдачи, и с точки зрения заработка!) трудового вклада.

Важнейшим фактором трудовой активности людей несомненно является степень производственной и гражданской самостоятельности личности и/или коллектива. Сегодня недостаток такой самостоятельности выступает мощным тормозом. Этот вывод подтверждается, в частности, нашим анализом проблем развития и эффективности социалистического соревнования (обследование промышленных рабочих Ленинграда; середина 70-х гг.). Дополнительные подтверждения его получены в нашем исследовании производственной жизни изнутри, «глазами рабочего».

Вся эта совокупность социально-экономических и общественно-политических факторов во многом определяет «перетекание» личностной и общественной энергии за пределы общественно-трудовой сферы.

По данным ряда исследований, включая исследование, проведенные нашим научным коллективом, влияние так называемого «функционального» содержания труда на отношение к труду ныне не столь уж велико. Не случайно роль **условий труда** ныне начинает превалировать над ролью **содержания труда** (в этом смысле). Но условия — вовсе не только физические, санитарно-гигиенические и т. п.! Решающим здесь оказывается влияние **социально-экономических условий** труда.

Сохраняется (и даже, пожалуй, возрастает!) обусловленность отношения к труду его **социальным содержанием** (включая возможность осмысленного труда, участия в управлении производством и т. д.). Здесь — узкое место и, как нам кажется, узловой пункт, фактор ныне распространяющегося индифферентного отношения людей к своему труду.

6. Вывод о мере взаимного рассогласования подсистем декларируемых социальных норм-требований и социальных норм-стереотипов поведения, а также об отражении этого рассогласования в ценностно-мотивационной структуре личности.

Как и все предыдущие, это — вывод-гипотеза. Он обосновывается в нашем отчете «Социальные нормы производственной организации и жизненная позиция личности».

7. Вывод о прогрессирующем развитии феномена «ситуационно-ролевой» морали в сферах трудовой, общественной, бытовой и т. д. активности.

На термине не настаиваем. Но речь идет о развитии особого социально-нормативного комплекса, в котором рассогласование норм-требований и норм-стереотипов поведения является минимальным.

Массово одобряемым и общественно-санкционируемым все более становится поведение, которое иногда называют конформным, но точнее его характеризовать как «ситуационно-ролевое». Это поведение, направленное на сохранение системы взаимосвязей субъекта с окружающей средой или на такое изменение этой системы, которое способствует увеличению ее стабильности. Отсюда — феномен «ситуационно-ролевой» морали, в пределе приближающейся к абсолютной адаптивности. Один и тот же человек ведет себя прямо противоположным образом в зависимости от ситуации, в которой он оказался, или той из своих социальных ролей, которая в этой ситуации актуализируется. Внутренние максимы поведения как бы «стираются», отступают перед внешними императивами и теряют всякую регулятивную роль.

При этом человек не осознает этой своей ситуативно-ролевой зависимости. Он равно убежден в своей «правоте»: и в роли дружинника, задерживающего того, кто выпивает в садике, и в роли пьющего водку у пивного ларька; и в ситуации хронометража рабочего времени, когда надо скрыть свои производственные резервы, чтобы не пересмотрели нормы, и в ситуации инициативного (со стороны рабочих) пересмотра норм, упреждающего их (эти нормы) неизбежный административный пересмотр.

Это мораль не «двойная», а именно **ситуационная**, в ней нет сознательного «лицемерия». При этом достигается относительная свобода поведения (не осознаваемого в качестве вынужденного).

Само по себе инициативное (не «ситуационное»!) поведение оказывается эффективным тогда, когда оно предстает — в общем мнении — как «инициатива вынужденная». Принцип **вынужденной инициативы** может выступать также и своеобразным адаптационным средством, если человек ставит перед собой цели «овладения ситуацией», творчески-преобразовательной или нормотворческой деятельности.³

(Конечно, это уже не «чистая» социология! Но социология, по нашему убеждению, должна не только способствовать формированию личности согласно общественным требованиям, но и «учить» личность эффективно действовать в социальной среде.)

8. Вывод о складывающейся диспропорции между материальной и духовной компонентами в структуре жизнедеятельности личности и о наблюдаемом феномене «материализации» духовных потребностей.

Различие материальной и духовной компонент человеческой жизнедеятельности вовсе не сводимо к привычным показателям «материального» и «духовного» потребления или «материального» и «духовного» производства. Материальное потребление может быть наполнено духовным содержанием, равно как и так называемое культурное потребление мо-³ См ранее, в главе 2: раздел «Формула разгильдяйства» и «вынужденная инициатива»

жет быть начисто обездуховлено. Сам по себе умственный труд не более «духовен», чем физический. Человек может вполне одухотворенно заниматься собственным физическим развитием. Личное общение может быть материальным («выгодные знакомства», «Ты — мне, я — тебе!») и духовным (бескорыстным, личностным).

Сейчас мы встаем перед тревожным фактом **обездуховления** самых разнообразных видов деятельности (в этом смысле — диспропорция «материального» и «духовного»), а социология наша к исследованию этого процесса практически еще и не приступала. Но кое-какие научные предпосылки для анализа указанного процесса имеются:

—разнообразные факты (в том числе полученные нами с С. Минаковой), свидетельствующие о том, что улучшение материальных условий само по себе еще не способствует духовному обогащению и развитию личности;

—свидетельства относительной независимости степени вовлеченности в различные виды деятельности от ценностной ориентации на соответствующую сферу жизнедеятельности (например, «общественная работа», по нашим наблюдениям). Это значит, что участие в данной, конкретной деятельности может двигаться мотивами, вовсе не адекватными ее истинному назначению и смыслу (как вынужденная, так и демонстративная, показная деятельность принципиально обездуховлены!);

—факты относительно низкой избирательности в разнообразных формах культурной активности («всеядность» культурного потребления). И т. д.

Феномен «материализации» духовных потребностей, нам кажется, заслуживает особого внимания как механизм способа жизни, резко усиливающий так называемые потребительские тенденции.

9. Вывод о социально-психологических резервах становления индивидуальных и коллективных субъектов конструктивного общественного действия и исторического творчества.

Такие резервы имеются. Только надо уметь находить их, в том числе, и в данных социологических исследований. Можно найти подобные резервы и в известных примерах разнообразных социально-экономических инициатив (в тех случаях, когда они являются действительно инициативами, а не результатом формального внедрения некоторого новшества, часто — с обратным результатом). Пример: сквозная демократизация управления производством («калужский вариант»). Своеобразным индикатором действительной значимости общественной инициативы зачастую оказывается сила оказываемого ей явного или неявного бюрократического противодействия (Щекинский метод; эксперименты Худенко).

Пусть это покажется парадоксальным, но резервы прогрессивной активности могут быть усмотрены как раз в установленных рядом исследований (и прежде всего — в исследованиях, проводимых нашим научным коллективом) фактах **рассогласования диспозиционной структуры личности**.⁴

⁴ См : Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности Л : Наука, 1979, и др работы под ред В А Ядова

Наиболее общественно опасной в этой связи представляется **циничная** жизненная позиция. Ведь само по себе «рассогласование» диспозиционной структуры в ней как раз отсутствует; она — в своем роде — гармонична!

С учетом сказанного, особого внимания заслуживают так называемые несанкционированные формы социальной активности, наполненные духовным содержанием (к каким бы сферам эти формы активности ни относились: труд, быт, досуг, общественная работа, учеба) и инициативная **нормотворческая** деятельность (безотносительно к тому, осознает ли сам субъект свое поведение в качестве таковой).⁵

IV. Основные теоретико-методологические результаты

(«Теоретико-методологические» результаты здесь не раскрываются, а только называются. Существенна, однако, их «инвентаризация».)

1. Вывод о междисциплинарном характере предмета исследования образа жизни, что предполагает координацию и интеграцию, как минимум, трех способов анализа: социологического, социально-психологического и социально-экономического.

Интеграция подходов может и должна осуществляться на базе определенной **научно-жизненной**, гражданской позиции. Нет общности такой позиции — не будет ни координации, ни интеграции.

2. Вывод о безусловной приоритетности проблемного подхода перед социально-описательным в исследованиях образа жизни на уровне социально-территориальной общности.

См. наш отчет «Социальные проблемы труда и образа жизни населения крупного города», 1979.

3. Вывод о необходимости преодоления «математического фетишизма» и изживания элементов «редукционизма» при соотношении теории и эмпирии в исследованиях образа жизни, а также о необходимости интенсификации качественных методов социального исследования.

Позиция докладчика на этот счет известна.

Между прочим, любой из обсуждаемых здесь выводов (они же — гипотезы!) исключает полную («естественно-научную») верификацию. Исходные посылки и конечные заключения, по существу, лежат **вне** процесса конкретно-социологического исследования как такового.

4. Вывод о необходимости включения социально-биографической компоненты (истории жизни) в концептуальные схемы исследования способа жизни личности, а также о возможности и перспективности выдвигения собственно «человеческой жизни» (жизненного процесса) в качестве объекта социологического и социально-психологического анализа.

См. наши публикации на эту тему. Разработанная совместно с С. Миновой методика социально-психологического, направленного на выявление «логики» жизненного пути, интервью «Размышление о жизни».

⁵ См ранее, в главе 3: раздел «Как переплыть реку»

5. Вывод об эвристической ценности таких понятий, как «жизненная ситуация», «жизненная активность», «ведущий жизненный мотив», «жизненная позиция», о необходимости их дальнейшей разработки и включения в концептуальный аппарат исследования жизненного процесса и образа жизни.

Эмпирическая интерпретация этих понятий может быть разнообразной (пример: «жизнеощущение» в наших исследованиях на БАМе и «жизнеощущение» в исследовании образа жизни бывших студентов-вечерников имеет разные эмпирические референты). Во всяком случае, это — понятия, вполне укладывающиеся в концептуальные схемы и допускающие операционализацию.

6. Вывод-гипотеза (концепция) о перманентном развитии личности как смене жизненных периодов, не сводимых к обычно трактуемым в науках о человеке «стадиям (фазам) жизненного цикла».

См. наши публикации, индивидуальные и в соавторстве с С. Минаковой.

7. Вывод-гипотеза о «трех фазах» развития личности в рамках всякого данного жизненного периода и о социально-психологическом механизме смены жизненных периодов, как подготовленной этим развитием «микрореволюции» личности.

Концепция «трех фаз» развития личности («овладение»; «плато»; «приспособление либо взрыв») принадлежит С. Минаковой. Далее разрабатывалась нами совместно, в рамках более широкой социологической концепции **жизненного процесса**.

8. Вывод (гипотеза) о системообразующей роли «жизненной позиции» в способе жизни личности, а также о необходимости преодоления элементов вулгарного социологизма в объяснительных анализах и прогностических моделях образа жизни.

9. Наконец, вывод об исторически и ситуационно подвижном соотношении социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности и о перспективности «ситуационно-максималистской» жизненной позиции, сознательного индивидуального и группового «адаптационного нормотворчества». <...>

А. Алексеев, 27.06.81

Ремарка: соотношение «приспособления» и «преобразования».

Формулировка «соотношение социально-адаптационных и социально-преобразовательных потенций личности» здесь не точна. Автор имеет в виду соотношение социально-приспособительных и социально-преобразовательных потенций, или «социально-адаптивных» и «социально-адаптационных».

Адаптивный — «приспосабливающийся к среде»; адаптационный — «приспосабливающий среду к себе»... (Сентябрь 2000).

6.2. Жизненный путь как смена способов жизни

Р. Ленчовский — А. Алексееву (ноябрь 1981)

Здравствуй, Андрей!

<...> Мне совестно, что для первого обращения к тебе у меня чисто деловой повод. (К письмам я отношусь особо: как к акту сокровенного — один на один — общения.) <...> Но повод для меня приятный и даже обязывающий.

С этой запиской передаю две странички реферата твоего доклада в Киеве, который предполагается опубликовать в бюллетене социологической ассоциации.

Текст обзора материалов «Круглого стола» я увидел случайно и не узнал бы наши выступления (плюс Валерия Хмелько и мое), если бы не фамилии. И если бы не наши имена, не стал бы ничего делать.

А пускать, как есть, мне показалось неудобным. Ты можешь судить сам, если продерешься сквозь грим, который я наложил на вариант, не устроивший бы, как я уверен, и автора. Это мое «алиби», потому что, конечно, наглость с моей стороны — выражать твои мысли (еще вопрос, как я их понял) своими, как говорят в школе, словами.

Хорошо, если бы ты успел заменить мой пересказ собственноручным текстом. Особенно трудно было воспроизвести ту часть, которая посвящена эмпирическому исследованию, поскольку я не располагал стенограммой, а мои собственные записки по твоему докладу слишком кратки...

Единственное, чем я льщу себе, так это тем, что я проникся **духом** твоего выступления и духу этому не изменил даже там, где ты не договорил (об эксперименте над собой).

<...> С симпатией и приветом от Валерия Хмелько и Володи Паниотто.
Роман, 16.11.81

* * *

[Ниже — реферат доклада на тему «Структура жизнедеятельности, жизненный процесс, динамика жизнеощущения личности», произнесенного социологом-работчим на «Круглом столе» «Жизненный путь личности» (Киев, сентябрь 1981).

Этот реферат был составлен киевским философом и социологом Романом Ивановичем Ленчовским. Со встречи на упомянутом «Круглом столе» началась наша дружба: многолетнее со-участие, со-беседничество и со-авторство.⁶

Участие Романа в событиях «драматической социологии» можно назвать «весьма конструктивным». (Я вначале написал — «судьбоносным», имея в виду свою личную судьбу, но Роман попросил заменить это слово, и я оставляю его только в скобках). — А. А.]

Структура жизнедеятельности, жизненный процесс, динамика жизнеощущения личности

С социологической точки зрения, недостаточность структурно-функционального подхода к образу жизни обнаружилась в полной мере. Особенно ограничен эвристический и прогностический потенциал этого ПОД-⁶ В ту пору Р Ленчовский учился в аспирантуре Института философии АН УССР Потом — работал в Институте истории партии при ЦК КП Украины (80-е гг) В 90-х — в Киевском международном институте социологии (КМИС) Ныне — в Киевском институте иудаики (руководитель проекта, посвященного исследованию жизненных путей)

хода при обращении к проблематике жизненного пути. Те или иные абстрактно зафиксированные данности поведения и «факты сознания» очень мало говорят о личности в целом как субъекте собственного образа жизни и его трансформаций, о динамике, развитии личности. А ведь это главное.

Жизненный путь личности в своих социально наиболее существенных и индивидуально дифференцированных характеристиках не укладывается в возрастные схемы. Чтобы раскрыть «механизм» индивидуального развития, целесообразно проанализировать жизненный путь в его **периодичности**: образование и смену «вех», переходные рубежи.

В самой общей форме можно было бы выделить три фазы в пределах всякого периода жизнедеятельности (или этапа жизненного пути):

1) **подъем**, связанный с новизной в способе и содержании деятельности, круге общения и т. д. ;

2) **плато**;

3) **остановка** в развитии (привыкание, подчинение своих способностей требованиям данной формы жизнедеятельности) либо **взрыв** — переход к иным формам деятельности, который очерчивает и границу двух периодов.

Эта модель разрабатывается нами совместно с С. Ф. Минаковой.⁷

В эмпирическом исследовании мы стараемся выявить ведущую направленность личности в определенные периоды жизни. Особый интерес представляет выявление противоречивых тенденций, моментов, которые не укладываются в стереотипные представления.

Естественной для нормального развития личности оказывается необходимость своевременной смены форм деятельности в тех случаях, когда поставленная жизненная цель в рамках ведущей направленности личности реализована, воплощен некоторый круг потенций и в самоощущении личности начинает господствовать чувство **насыщения**. Это чувство амбивалентно: вместе с избыточностью ощущается, как правило, пустота. Такая реакция вполне закономерна, если иметь в виду потребность личности в развитии, но она чревата психической травмой, кризисом.

Жизненный путь предстает, таким образом, как **смена** образов (способов) жизни, сфер и форм жизнедеятельности, как **динамика** жизненных целей, установок, направленности, в конечном счете, как **развитие** личности (или как отсутствие, «дефицит» развития!).

Особое значение в рассматриваемом контексте приобретает то, что можно было бы назвать личным **жизненным экспериментом**. В нем реализуется сознательно-критическое отношение индивида к собственному жизненному пути. Только на поверхностный взгляд «жизнь складывается по обстоятельствам». В одних и тех же обстоятельствах люди ведут себя по-разному и различны их индивидуальные пути.

⁷ О Светлане Федоровне Минаковой см выше: «Загадка “сжимающейся вселенной”» и др разделы «Трехфазная» модель развития личности в общем виде была предложена С Минаковой еще до начала нашего с нею сотрудничества. Подробнее об этой модели см ниже: раздел «Что такое счастье»

Как же «жизнь складывается» — это еще предстоит исследовать. Причем задача эта не только научная, но и **жизненно-практическая**, и решаться она может как в стереотипных формах, так и в формах личностного творчества.

Точка зрения стороннего наблюдателя жизни (в том числе и своей собственной) исключает возможность приобщения к сердцевине жизни, ее творческому началу. Не отсюда ли — потребность в «делании жизни»? А для таких общих философско-мировоззренческих понятий, как «жизненная позиция», «жизненное кредо», «жизненный план», следует искать эмпирические референты, которые имели бы также индивидуально-личностный смысл.

Сентябрь 1981⁸

* * *

А. Алексеев — Р. Ленčovскому (ноябрь 1981)

Телеграмма

Ты написал лучше, чем я смог бы сам. Начало абзаца после «трех фаз» прошу дополнить словами: «Эта модель разрабатывается нами совместно с С. Ф. Минаковой». Следующую фразу сформулировать так: «В эмпирическом исследовании мы стараемся выявить ведущую направленность личности в определенные периоды жизни». Счастливый твоей дружбой = Андрей Алексеев, 27.11.81.

* * *

А. Алексеев — С. Минаковой (декабрь 1981)

<...> Пошляю Тебе реферат моего сентябрьского доклада на «Круглом столе» о «жизненном пути личности» в Киеве.

История возникновения этого текста сопоставима разве что с парапсихологическими явлениями.

Дело в том, что Роман Ленčovский писал реферат этого доклада — **без стенограммы** <...>, по памяти и по собственным записям на заседании, не предполагавшим последующего использования. Такого не сумели бы ни Ты, ни я...

Вот такие уроки синтеза Творчества, Восприятия и Общения преподносит жизнь, в лице ранее не ведомых нам гениев. <...>

Тв. Андр. Ал., 12.12.81

6.3. Мой «заслуженный собеседник» (Диалог с Романом)

6.3.1. Заметки о классике и неклассике, о познании и преобразовании мира

[Ниже — фрагмент одной из ранних (70-е гг.) работ Романа Ленčovского. — А. А.]

⁸ Более подробное изложение этого доклада опубликовано в журнале «Філософська думка» (1982, 1 2), на украинском языке

Из статьи Р. Ленчовского (1977)

<...> Процесс включения определенной теоретической системы в систему социально и культурно обусловленных трансформаций научного знания далеко не прост. Дело не только в том, что та или иная теория не может подняться до уровня задач практики или существенно опережать ее возможности (достаточно вспомнить релятивистскую космологию или социальные утопии). Остаются еще и другие, а именно духовно-практические формы трансформации знания, которые призваны вносить смысл и целевую динамику в историческое бытие.

В **духовно-практических** формах реализуются такие общекультурные функции знания, как образовательная, философско-мировоззренческая и, как можно предположить, нравственная и эстетическая. Все эти трансформации как формы материально-практической и духовно-практической деятельности общеизвестны и в обосновании в данном случае не нуждаются. Суть проблемы состоит в том, чтобы выявить саму **возможность** трансформации теоретической системы во внетеоретическую форму.

Эта возможность заложена в диалектическом отношении знания к действительности: **явной неклассичности**, открытости, внутренней ориентированности на проблемную трансформацию неклассических форм знания, и **потенциальной неклассичности** классических форм, которые, хотя и строятся с претензией на «систематическую целостность, завершенность, монистичность», таковой в принципе не достигают. Иллюзорность той или иной претензии на абсолютность обнаруживается очень скоро, и сам переход от классической теории к новой теории, даже если последняя также претендует на классичность, есть явное обнаружение **неклассичности процесса познания**, его включенности в широкий социально-культурный контекст.

Культурно-историческая типология знания раскрывает, таким образом, дополнительные возможности для мировоззренческой интерпретации науки. Есть все основания предполагать, что в полноте классики и неклассики как моментов структуры знания находит своеобразное выражение фундаментальная структура отношения человека к миру — **теоретическая и практическая** формы этого отношения.

Наука не просто представляет теоретическое отношение к предмету, который в рамках этого отношения не изменяется, а лишь идеально воспроизводится. Только классика как логически, социально и культурно определенный тип знания ориентируется на создание «идеального» мира, который был бы **независим** от превратностей эмпирической действительности, от условий познания, однако вполне их объяснял. Но в целом научное познание отражает мир — как локальный предмет, так и объективные возможности его изменения («самоотрицания») — в системе предметных связей, в какой-то части уже освоенных человеком. В неклассических формах знания непосредственно угадывается текучесть предмета, его «несебестождественность», которая объективно существует и воспроизводится в практической деятельности.

<...> **Преобразование невозможно без познания.** Всякое изменение мира как проявление человеческой свободы базируется на знании. Оно потому есть сила. Эта идея была выстрадана не только в тиши кабинетов, но и в длительной борьбе с «неразумностью» условий жизни, со всякого рода обскурантизмом, апологией стихийности. Мы испытываем чувство глубокой признательности за этот действительный вклад рационалистически ориентированной классики в человеческую культуру, который стал одним из ее краеугольных камней. Только останавливаться на этом достижении — значит оставаться в прошлом.

Преобразование невозможно без познания, как и [скорее: «но и...» — А. А.] познание невозможно без преобразования. Утверждение этого марксистского принципа является главным шагом в развитии духовной культуры человечества.

Мы не можем познать мир, оставляя его нетронутым, не воздействуя на него, не экспериментируя, не воплощая знание в практике и не проверяя его практикой. [*Здесь и далее выделено мною. — А. А.*] То, что было осмыслено первоначально в отношении социальной действительности и социально обусловленных закономерностей ее познания, после революции в естествознании стало принципом всей науки.

Преобразование мира не есть процесс, начинающийся лишь после того, как **завершится** познание. Ведь это — чисто классическая иллюзия [*! — А. А.*] возможности достижения полного знания, пусть на ограниченном участке, и последующего действия согласно этому знанию (данная предполагаемая ситуация осуществима, пожалуй, только в очень узких рамках построенной на ньютоновской механике технологии). Марксистская общественная наука и передовое естествознание отражают **единство познания и практики**, воплощают это единство непосредственно в специфических способах познавательной деятельности, нацеленных на практическое преобразование.

(Р. И. Ленчовский. Классичность и неклассичность науки как мировоззренческая проблема / Дialeктический и исторический материализм — философская основа коммунистического мировоззрения. Киев: Наукова думка, 1977)

Ремарка: диалог с Романом.

*Стоит заметить, что проблема соотношения **познания и действия** (преобразования) в мировоззренческом плане исследовалась моим другом раньше, чем она актуализировалась для социолога-рабочего в его эксперименте.*

Вообще, начиная с первых лет нашей дружбы с Романом Ленчовским, мы многому учились друг у друга.

*Так, например, именно Р. Л. открыл для меня в начале 80-х широкий и богатый круг идей, связанных с проблемой **собеседничества** (идея «доминанты на Лицо другого» А. А. Ухтомского, идея **приоритета диалога перед монологом** и проч.). Для Романа же тогда оказались созвучны и значимы мои профессионально-жизненные поиски: эксперимент социолога-рабочего, метод наблюдающего участия и т. п.*

К сожалению, здесь нет возможности представить в полном объеме нашу переписку (тех и последующих лет) на мироотношенческие темы. Ниже — лишь начало этой переписки. (Февраль 2001).

6.3.2. Эпистолярные дары Р.

Ленчовский — А. Алексееву (февраль 1982)

Добрый день, Андрей!

<...> Твои отчеты, вместе с запротоколированным социальным раздражением и «кругами», которые эти отчеты вызвали, — вполне в традициях русского романа. Мы ведь привыкли о правде **читать** (удивляясь при этом, «как это напечатали», и не удивляясь тому, что «не напечатали»). А если с «правдой» сталкиваешься боком своим, то она представляется чем-то нафантазированным...

Наша (лучшая, конечно!) литература «жизненнее» самой жизни именно по тому, сколь **густа** в ней правда, в быту весьма разжиженная. Твое слово — именно в этих традициях, оно вовсе и не рассчитано на, так сказать, литературный эффект.⁹ Являясь частью дела, оно (слово) не погружается, однако, в практический круговорот, не подвержено **изнашиванию**. Слово это — слишком **пережито**, впитано **всей душой**, а потому несет в себе **смысл**, и смысл — **целого**...

У Мих. Мих. Бахтина, о котором писать тебе — это праздник для меня (даже если ты и знаком с ним — тем больше будет радость «узнавания»), есть слова, которые я в качестве «критерия» прикладываю к любому научному действию: «...**ложная наука, основанная на непережитом общении, т. е. без первичной данности подлинного объекта...**» (в его сб. «Эстетика словесного творчества». М., 1979, с. 350; это — из записок 1970–71 гг.).

«...Для слова (а следовательно, для человека) нет ничего страшнее **безответности**. Даже абсолютно ложное слово не бывает абсолютно ложным и всегда предполагает инстанцию, которая поймет и оправдает, хотя бы в форме: «всякий на моем месте солгал бы». Слово, которое ищет только временного признания... у ближайших адресатов...». (Это — о слове исключительно ситуативном, вне того «большого времени» культуры, в котором «нет ничего абсолютно мертвого: у каждого смысла будет свой праздник возрождения»).

«...Смысл всегда отвечает на какие-то вопросы. То, что ни на что не отвечает, представляется нам бессмысленным — изъятым из диалога». «Стенограмма гуманитарного мышления — это всегда стенограмма диалога... текста и контекста, ответа и вопроса...».

«...В гуманитарных науках точность — преодоление чуждости чужого, без превращения его в чисто свое, т. е. без растворения в себе, без снятия «чужой» субъективности. Если объект — это личность, личностное, то это «не объект, а другой субъект», и понимание здесь — это вовсе не «перевод» и даже, вопреки общему мнению, не результат того, что один субъект ставит себя на место другого».

«...Встреча как «внешний момент понимания», как «внутренняя социальность», ибо «предел здесь не Я, а я во взаимоотношении с другими личностями, т. е. **Я и другой, я и ты...**».

«...Нет ни первого, ни последнего слова и нет границ диалогическому контексту. Даже **прошлые**, т. е. рожденные в диалоге прошедших веков смыслы никогда не могут быть стабильными...». «Ложная тенденция к сведению всего к **одному** сознанию, к сознанию одного».

И, еще раз: «...Ложная наука, основанная на непережитом общении...».

⁹ Имеются в виду «Письма Любимым женщинам» См главы 2 и 3

<...> Мих. Мих. Бахтин — это не просто концепция разрушения авторского монологизма в романах Достоевского, одна из возможных историко-литературных интерпретаций, как то представляется ныне присяжным литературоведением. Вообще, это не профессорская наука, по какому-то ведомству. Ее имя — это имя (одно из многих!) **социальной идеи**, разработанной очень тщательно и глубоко, идеи равноправности, «полифонизма» человеческих «голосов» в мире культуры — голосов, звучащих в бесконечном диалоге, не разъединяющем субъектов, а, напротив, только и создающем субъективность как то, чем отличается **лицо** от **вещи**, Лица людей, обращенные друг к другу, в отличие от вещей в их механической взаимозависимости и в их взаимоуничтожении. <...>

Андрей! Я пишу об этом не потому, что хочу «обсудить» некую литературную «новость», «факт»...

В этой же бандероли — книжка Анчарова [*М. Анчаров. Самшитовый лес. — А. А.*], которая опять-таки — не «интересная новинка», а нечто другое. (Я второпях, после прочтения, написал с десятка страниц — «письмо Анчарову», которое не отправил, поскольку это, скорее, сублимация моего общения с тобой; почитай, поговорим).

Вместе с выписками из Бахтина у меня — специально для нашего общения — и выписки из Ухтомского (из его писем, опубликованных в 10-м выпуске «Путей в незнаемое»)¹⁰. О доминанте на лицо «вне и независимо от меня», вообще — о категории **лица**, которая изъята из привычного ряда «научных» категорий...

И по этому же поводу, т. е. о человеческом **общении** писал Маркс. Посмотри обязательно «заметки о книге Милля» в 42-м томе; там есть страницы, например, 35–37, читая которые трудно отделаться от впечатления, что именно они «фундировали» концепцию «полифонизма» (Бахтин) и «заслуженного собеседника» (Ухтомский). Не правда ли?

Так вот: и Бахтин, и Ухтомский, и Анчаров (в большой степени), и Маркс (с которого этот список можно было бы «по заслугам» начать) — это некоторые, так сказать, **пунктиры того круга идей, которые я хотел бы обсудить с тобой** (и никак не могу приступить к этому обсуждению, хотя исписал кучу бумаги; потом постараюсь из этой кучи что-то выловить). Так мне легче, это уже не «моменты идеи», а **живые люди, пути которых важны так же, как и идеи**. <...>

[*Здесь опущена значительная часть письма, посвященная проблеме отношений человека и мира. — А. А.*]

<...> **Лицо** придает **делу** новый оборот — это и есть **инициатива**, «личное участие». Как сделать, чтобы «индивидуальное» было значимым и для «общего»? Ведь именно апеллируя к «общему» — **блокируют** всякое новшество, как «индивидуально-незначительную» новацию!

Речь идет о такой социально-организационной структуре, которая оставляла бы за каждым индивидом некоторое поле для «свободных колебаний», т. е. для «сверхслужебной» инициативы.

¹⁰ Ухтомский А. А. Письма / Пути в незнаемое. Писатели рассказывают о науке. Сборник 10 М.: Советский писатель, 1973

Штатно-позиционно-должностной жесткости должна прийти на смену **гибкая** функциональная структура: за «местом» закрепляется не полный (закрытый) набор функций, а некоторый «принцип функционирования» (цель? и не единственно возможная?). А каков объем «необходимых» функций? Ладно. Не все сразу. <...>

...Я теперь вижу, что вопросы, которые хотел задать тебе, обсудить с тобою, я так и не сформулировал. Ведь меня потому **изнутри** потянуло к твоему «эксперименту», что я увидел в нем попытку **органичной** жизни, без той фальши и — главное — **обесмысливания**, которое несет в себе всякое позиционно-профессиональное замыкание, изъятие (и «само-», и «не само-») из **живой** общности, из круга человеческого общения.

<...> Но я помню себя, восемнадцатилетнего первокурсника, на заводе...

Ремарка: слесарь — студент философского факультета.

Р. Ленчовский, одновременно с учебой на вечернем отделении философского факультета Киевского университета, в 1965–1966 гг. работал на одном из киевских машиностроительных заводов, слесарем, — такое вот «совпадение случайностей» на некоторых участках наших жизненных путей. (Декабрь 2000).

...Образы эти — живые и нужные мне, однако в ту **реальность** я не сумел войти, я все время был чужим и чувствовал искусственность своего положения. Меня «окружали» (буквально так!) люди разные, в основном даже «хорошие» (на уровне поверхностного общения), но я остро чувствовал, что моя тогдашняя жизнь на заводе — это выдумка, «нездеш-ность». Я был «наблюдателем» — не столько для себя, ибо задачи такой не имел, а старался просто жить-перебыть (жил-то я в это время трактатами Платона и Аристотеля; наблюдателем же был — «для них»). Но **участвующего** наблюдения не получилось.

Поэтому мне интересно — как это получилось у тебя. Может быть, то, что ты пришел [*на завод. — А. А.*] не мальчиком? Может, какая-то **внутренняя сопряженность**? Или способность быть настолько **независимым от окружения** (это мне удавалось, и то, «если...», очень редко), что Ты навязываешь этому окружению **свое видение** вашей ситуации, что ли?

Социальный смысл твоего эксперимента — очевиден. Но **эмоционально-психологические** возможности «эксперимента» для меня загадка. Я не из праздности любопытствую, я решаю **свою** «путежизненную» задачу...

<...> Я ведь хочу снова — **Тебя** услышать, хоть два слова для начала...

<...> Валерий Хмелько и наши общие друзья Володя Паниотто и Леня Финкель, которого ты еще не знаешь (но что и он будет твоим другом <...> не сомневаюсь) — не просто «передают привет». Это самое серьезное жизненное соучастие, личная заинтересованность в каждом повороте твоего «пути».¹¹

¹¹ В Хмелько — ныне докт филос наук, декан факультета социологии и социальной технологии Национального университета «Киево-Могилянская академия», Президент Киевского международного института социологии; В И Паниотто — ныне докт филос наук, директор Киевского международного института социологии; Л С Финкель — ныне живет и работает в ФРГ

<...> Прощаюсь. Обнимаю и очень жду.

Роман.

Киев, 8–9.02.82

* * *

Из писем А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (1927):

<...> ...в порядке нарочитого труда следует культивировать и воспитывать доминанту и поведение «по Копернику» — поставить «центр тяготения» вне себя, **на другом**; это значит устроить и воспитывать свое поведение и деятельность так, **чтобы быть готовым в каждый данный момент предпочесть новооткрывающиеся законы мира и самобытные черты и интересы другого «лица» всяким своим интересам и теориям касательно них.**

...В этом переломе внутри себя человек впервые открывает «лица» помимо себя и вносит в свою деятельность и понимание совершенно новую **катеорию лица**, которое «никогда не может быть средством для меня, но всегда должно быть моею целью. С этого момента **и сам человек, встав на путь воздeльвания этой доминанты, впервые приобретает то, что можно в нем назвать лицом.**

Вот, если хотите, подлинная «диалектика»: только переключивши себя и свою деятельность на других, человек впервые находит себя, как лицо.

...Вот видите, — тут ужасно спаяны между собой темы о Двойнике и о Собеседнике: пока человек не освободился еще от своего Двойника, он, собственно, и не имеет еще собеседника, а говорит и бредит сам с собою; и лишь тогда, когда он пробьет скорлупу и поставит центр тяготения **на лице другого**, он получает впервые Собеседника. **Двойник умирает, чтоб дать место собеседнику. Собеседник же, т. е. лицо другого человека, открывается таким, каким я его заслужил всем моим прошлым и тем, что я есть сейчас.** <...>

(А. А. Ухтомский. Письма / Пути в незнaемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 10. М.: Советский писатель, 1973, с. 384–385)

Ремарка: открываем Ухтомского.

Об Алексее Алексеевиче Ухтомском (1875–1942) мне в ту пору было известно едва ли больше того, что академик Ухтомский сделал «какие-то» открытия в области нейрофизиологии...

Помнится, я тогда, сразу по получении письма от Романа, отправился в Публичную библиотеку. Обратился к 6-томному собранию сочинений (40–50-е гг.) и к первым, опубликованным к тому времени, очеркам жизни и творчества Ухтомского.

Оказалось, что профессионально-научные труды академика Ухтомского удивительно гуманитарны, а сам он, также и в этих трудах, вовсе не только естествоиспытатель. В частности, его учение о доминанте несет в себе глубокий социально-философский смысл...

Лишь теперь тот факт, что Ухтомский является не только физиологом с мировым именем, но и ярким гуманитарием, одним из проницательнейших

русских мыслителей XX века, становится, пожалуй, общепризнанным. Этому способствовали новые (последнего пятилетия) публикации, приоткрывшие ранее неизвестные страницы его творческого наследия:

— А. А. Ухтомский. *Интуиция совести. Письма. Записные книжки. За метки на полях.* СПб.: Петербургский писатель, 1996, 528 с.; А. А. Ухтомский. *Заслуженный собеседник. Этика. Религия. Наука.* Рыбинск: Рыбинское подворье, 1997, 576 с.; А. Ухтомский. *Доминанта души. Из гуманитарного наследия.* Рыбинск: Рыбинское подворье, 2000, 608 с.

См. также:

— А. А. Ухтомский в воспоминаниях и письмах. СПб.: Издательство СПб университета, 1992; М. Г. Ярошевский. *Наука о поведении: русский путь.* М.-Воронеж, 1996; В. Хализев. *Нравственная философия Ухтомского // Новый мир*, 1998, ¹ 2; И. Кузьмичев; А. А. Ухтомский и В. А. Платонова. *Эти столетняя хроника.* СПб.: журнал «Звезда», 2000.

...Но в ту пору (80-е гг.) ничего из гуманитарно-философского наследия Ухтомского, кроме упомянутой публикации Е. Бронштейн-Шур (сначала в «Новом мире», а потом в «Путь в неизвестное»), нам известно не было. (Май-декабрь 2000).

* * *

Из Марковского «Конспекта книги Джемса Милля “Основы политической экономии”» (1844)

<...> Предположим, что мы производили бы как люди. В таком случае каждый из нас в процессе своего производства **двоиким образом** утверждал бы и самого себя и другого: 1) Я в моем **производстве** опредмечивал бы мою **индивидуальность**, ее **своеобразие**, и потому во время деятельности я наслаждался бы индивидуальным **проявлением жизни**, а в созерцании от произведенного предмета испытывал бы индивидуальную радость от сознания того, что моя личность выступает как **предметная, чувственно созерцаемая** и потому **находящаяся вне всяких сомнений** сила. 2) В твоём пользовании моим продуктом или твоём потреблении его я бы **непосредственно** испытывал сознание того, что моим трудом удовлетворена **человеческая** потребность, следовательно, опредмечена **человеческая** сущность. 3) Я был бы для тебя **посредником** между тобою и родом и сознавался бы и воспринимался бы тобою как дополнение твоей собственной сущности, как неотъемлемая часть тебя самого, — и тем самым я сознавал бы самого себя утверждаемым в твоём мышлении и в твоей любви. 4) В моем индивидуальном проявлении жизни я непосредственно создавал бы твое жизненное проявление, и, следовательно, в моей индивидуальной деятельности я непосредственно **утверждал бы и осуществлял бы** мою истинную сущность, мою **общественную сущность**. <...>

(К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 42. М.: ИПЛ, 1974, с. 35–36)

Ремарка: открываем Маркса.

В отличие от Ухтомского, многие «ранние произведения» К. Маркса, от «Дебатов о свободе печати» до «Экономическо-философских рукописей 1844 года», были мне хорошо знакомы.

«...свободная пресса — нескромный, неделикатный язык народа, обращенный им к самому себе...» и т. д. Мне не раз приходилось ссылаться на это и другие высказывания молодого Маркса в пору своих занятий социологией печати (в конце 60-х — начале 70-х).

Однако указанный Романом Марксов «Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии» мне известен не был... (Сентябрь 1999).

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (февраль 1982)

Здравствуй, Андрей!

Поздравляю с многомиллионной аудиторией!..

Справка

7 февраля 1982 г. в «Литературной газете» была опубликована наша с Г. А. Климентовым статья «Для всех — как для себя!». Ее основные положения отражены в ряде работ, и в частности — в той, что представлена в приложениях к главе 7: раздел «Предложения в Госкомтруд».

...Даже без публицистического заострения (мысли о вздорности «соревнования» как социального регулятива при социализме)¹² идея ваша с Г. К. звучит вполне убедительно: **равенство** при социализме — это **равные доли** в труде каждого члена общества, **отдаваемые им обществу**; то, что «остается» при каждом, прямо зависит от того, что отдано, и зависимость эта — **равная** для всех.

Естественно, что тем самым еще не решается проблема **соизмерения** труда, но только при такой постановке она впервые (для нашего общества) и возникает: ведь сегодня, насколько я могу судить, никакого значения (для производителя) не имеет, какой реально труд вложен в тот или иной продукт, поскольку вознаграждение за труд не поставлено в жесткую связь с общественной ценой произведенного продукта.

Что интересно: хотя «соревнование» — это, конечно, **идеологическая фикция, видимость** соизмерения труда, но «видимость объективная», как выразился бы Маркс.¹³ В многочисленных и разнообразнейших «показателях», по которым происходит «сопоставление» деятельности различных субъектов, отражается общественная потребность иметь «шкалу» (вообще, какую-то совокупность средств измерения), операционального и **рационального** «посредника» для более-менее эквивалентного обмена общественными продуктами (вместо иррациональной денежно-биржевой стихии).

Речь, в конечном счете, идет об определении **общественной необходимости** в той или иной деятельности с точки зрения **системы потребностей** общества — его членов, прежде всего, и разнообразнейших инфраструктур, как производственных, так и непроизводственных (относительно,

¹² Это «заострение» содержалось в известной моему корреспонденту рукописи, однако не вошло в опубликованный текст

¹³ Современное примечание Р Л: «то есть “превращенная форма”, по Марксу же эпохи “Капитала” Декабрь 2000»

конечно). **Оценка** этих потребностей есть в каком-то смысле резюме всей политико-экономической проблематики. «Мешанина» оценок здесь — производна от механики управления, механики **власти**.

Главная идея **представительной** (точнее было бы сказать: «подставительной») демократии — отчуждение от субъекта деятельности функции общественного регулирования (координации и проч.), носителем какой становится, в условиях господства товаро-денежных отношений, ка-питалодержатель (неважно, в какой степени персонифицированный).

«Народовластие», при любом «представительстве», если не предполагает реализованными «божественное всеведение» и не менее необходимую «божественную вселюбовь», — это фиговый листок на интересах господствующей группы. Что можно было бы противопоставить такому «неразумию»? Только **непосредственную** демократию, как прямое выражение интересов (потребностей) каждого. Вот вы с Г. К. и вышли в статье, вполне закономерно, на эту проблематику.

Первое и последнее в истории явление «непосредственной демократии» — Греция эпохи полисов (рабы при этом были, конечно, не в счет!).¹⁴ Для «народовластия» необходим соответствующий базис, тем более сложный, чем большее число граждан («экспертов») принимает участие.

Капитал (и в этом социологическая суть открытий Маркса!) есть форма специфической связи людей, форма **выражения, учета и сопоставления** их интересов и **интегрирования** этих интересов в управленческих акциях. Что интегрирование в одном аспекте, а именно — в аспекте социальной **общности**, есть одновременно **разобшение** во всех других аспектах, — само собой разумеется при данном [*капиталистическом*. — А. А.] базисе, когда имеет место редукция всех общественных связей и отношений к товаро-денежным («вещным», в смысле социально-философском, т. е. противостоящим **личностным** связям и отношениям).

Может ли «базис» быть **другим** — вот «вопрос вопросов» социальной теории!

(Тут как раз не «зады» истмата, а самый передний «фронт»: социализм до сих пор не имеет базиса, адекватного его «предназначению»; и даже теоретически еще не ясно, каким этот базис должен был бы быть; любая наипрекраснейшая **идеология** базисом — и по Марксу и по логике вещей — стать не может).

«Микроэлемент» искомого базиса вы, пожалуй, определили. Это — непосредственно-демократические производственные отношения в первичном производственном коллективе. В общем, «артельность», производственное «общение»... (Как тут не вспомнить отечественных общинников с Герценым и Чернышевским во главе! Все возвращается «на круги своя»!). А дальше что?

(Я все это к тому, что вы, как я уверен, в самом «эпицентре» нашей общественной проблематики находитесь...)

¹⁴ Современное примечание Р Л: «Тогда я еще не знал о системе референдумов почти по любому вопросу управления государством в кантонах Швейцарии Декабрь 2000»

* * * ...Тебе, наверное, известна
идея Валерия [В. Е. Хмелько. — А. А.] об
информационном производстве как **доминирующем** виде
постиндустриального производства.

Сердцевина этой идеи, как мне представляется, — это то, что при одновременном сосуществовании всех основных видов деятельности, обеспечивающих целостность общественной жизни, линии **зависимостей** (социального структурообразования) таковы, что некоторые виды деятельности — в определенной исторической **последовательности** — оказываются **базисными** для всех других, причем ведущим (это я уже домысливаю!) представляется (это надо еще исследовать!) **отношение** двух исторически соседствующих доминант: коллизия аграрного и промышленного производства при переходе к буржуазным отношениям (соответственно, промышленного и информационного — в нашем случае).

Так вот, базис — это **предшествующая доминанта**. Базис промышленного производства — аграрное, базис информационного — промышленное.

[Нетрудно заметить, что такая трактовка «базиса» существенно отличается от принятой в марксизме. — А. А.]

Вывод: при доминировании промышленного производства непосредственная демократия — дело будущего, она не может быть надстройкой при данном базисе. Место денег как всеобщего эквивалента, всеобщего **посредника** в обмене деятельностями, должна занять **информация** (ср. у Маркса о значении бумажных денег, учетных ставок и т. п., а затем телеграфа и вообще средств информации — для развития обмена).

Речь, собственно, о том, в каком направлении развивать те или иные общественные механизмы, в каком направлении на них **воздействовать**.

Как цена — это, по Марксу, превращенная форма стоимости, а последняя — превращенная форма **потребительной** стоимости, так и «соцсоревнование» — не просто вздор, а вздор, так сказать, **показательный**, а именно: место абстрактного всеобщего эквивалента занимает **система показателей**, которые в идеале и должны быть самыми **конкретными** (конкретность — абстрактность — превращенность — отчужденность, — интереснейший в философском отношении понятийный ряд).

<...> Собственно, в социальной конкретности — вся (для философии) проблема: если **товарный фетишизм** сменяется фетишизмом тех или иных **показателей** (именно — не их целостной системы!), вовсе не показывающих, как же обстоит дело **в его реальной целостности**, то — мы все еще очень далеки от искомым отношений!

Теоретическое, точнее, практико-теоретическое **положение о «показателях»** в высшей степени «показательно» демонстрирует проект «системы» показателей для социального планирования — выкидыш Госкомтруда (см. «Социологические исследования», 1981, ¹ 4). Выкидыш — не только по многим несообразностям, о которых надо бы говорить отдельно, но

еще и потому, что не учтены исследования на эту тему, например, в отделе Бестужева-Лады. Вообще, тема эта — ключевая во многих отношениях.

А ведь «производство» социально-политических планов — одна из фаз, разновидностей **информационного** производства (социальные и экономические показатели — «материя» планов), и рассмотреть плановую деятельность целесообразно было бы **внутри** всей системы информационного производства.

При этом и демократия как форма общественной связи (самоуправления) внутри себя расщепляется на базисные и производные элементы — информационные потоки и формы самодеятельности (принятие управленческих решений — как уже не просто информационная деятельность, а «обработка людей людьми», или «производство человека», по Марксо-вой терминологии).

* * *

<...> Я только теперь добрался к тому, о чем хотел с тобой поговорить, — к «инновационным процессам», проще, к **инициативе**, которая по отношению к планам есть **другой полюс**. Но сегодня, зная свою привычку «начинать сначала» всякий раз, когда я оставляю что-то для себя незавершенным, я поостерегусь останавливаться на полуслове.

Ты, наверное, уже заметил, в какой связи я хотел бы говорить об инициативе. Это, абстрактно говоря, ведущее звено социальной динамики (ведомым — была бы всякая институциональность!) и, пожалуй, только в общей картине глобальной «смены доминант» вырисовываются координаты этой темы.

Инициатива как вид деятельности вырастает из частного момента **всякой** деятельности тогда, когда информационное производство становится **базисным**, т. е. определяющим моментом внутри целостной системы общественных отношений. О том, как я представляю себе субъекта и механизм этой особой деятельности, — в следующий раз. Но вот что является исходным: инициатива есть выражение, реализация **демократии**, притом именно **непосредственной**, а не **подставной**.

«Инициатива руководителя», «инициатива по долгу службы» — это все подстановки на место **внеслужебной** и **внесубординационной** деятельности, возможности для которой — важнейший социальный показатель.

Ну вот, здесь-то я себя и оборву... Тем скорее, может быть, обращусь к этой теме, что точку не успел поставить...

Ремарка: три вида демократии.

*Несколько лет спустя (уже во времена «перестройки») мною, не без подспудного влияния соображений, высказанных Р. Ленцовским в этом письме, предпринималась попытка обосновать понятие **инициативной** демократии как равноправной с **представительной** и **прямой** (непосредственной) формами демократии (системная триада, по Р. Г. Баранцеву?).*

При таком подходе становится возможной интерпретация в качестве проявления демократии любой самодеятельной коллективной акции или индивидуального действия, выходящего за рамки институциональных норм и структур (не исключая и «эксперимента социолога-рабочего»). (Август 2000).

* * * ...Скажу еще несколько слов о характере моих занятий, так как об этом у нас с тобой еще не было речи.

<...> Работаю я, так сказать, на двух этажах (сейчас, после освобождения от издательской каторги).¹⁵

Главный нерв, «стратегическое направление» — это крайне спекулятивно-углубленные штудии над проблемой проблем: выяснение «сущности человека», раскрываемой в сущностных же формах его отношения к миру. Только в этой проблематике естественно замыкается моя потребность в бесконечном рефлексировании, причем предмет здесь достаточно значим общественно (и методологически, и мировоззренчески), чтобы не стыдно было есть хлеб.

То есть это не философский камень, хотя решить эту проблему в обычном смысле — закрыть и перейти к новой — невозможно: сам **переход** (от одной проблематики к другой) основывается в данном случае не на исчерпании темы, создании, например, достаточно полной и строгой теоретической модели, а на **принципе диалога**.

<...> Занятие этими «проклятыми» вопросами было бы вполне почтенным, если бы удалось доказать его возможность и какую-то эффективность. Возможность — не «в принципе», а для отдельного адепта его [*занятия*. — А. А.]: по силам ли «конечному» уму?

О том и забота моя. Человек, как Мюнхаузен, поднимает сам себя за «волосы» разума, преодолевает центростремительные силы «конечных» ситуаций. **Каждый** может создать образ того мира, **которым** он живет и — отчасти — **в котором** живет. Только образы эти создаются самосознательной личностью как бы для «внутреннего пользования». Философ же производит **свой** мир — «для продажи»: он образ внутреннего мира должен довести до такой степени определенности, чтобы его можно было выразить в общезначимой форме (языке конкретной общности).

Поскольку люди живут **в одном мире**, образы их внутренних миров **сопоставимы**, и тем в большей степени, чем более выраженной будет **общность**. (Уже здесь дано то противоречие, что выраженность этой общности — сугубо **индивидуальна**, ибо только во внутреннем мире личности представлена **цельность** человеческой общности.) <...>

(«Разъехался», так что и двух страниц мало стало...)

Иными словами, я должен найти **в себе** то, что — под углом зрения границ, целостности мира человека — могло бы стать интересно и полезно **другим людям**, которым недосуг заниматься подобной рефлексией. А для этого — я должен не просто углубиться в свой мир. (В последнем, отдельно взятом — ничего кроме «пупа» нет, к тому же созерцание пупа должно было бы сразу напомнить, сколь **конечен** индивидуальный организм.)

¹⁵ До аспирантуры Р. Л. несколько лет работал редактором в научном издательстве

<...> Это искомое философическое углубление в себя есть интеграция в себе всей индивидуально и конкретно-исторически доступной человеческой культуры...

Ремарка: *открываем Гете.*

Прерву ненадолго Романа Ленчовского, чтобы процитировать Гете: «...большая и столь значительная задача — познать самого себя — с давних пор казалась мне подозрительной, как хитрость тайного союза жрецов, которые хотят недостижимыми требованиями запугать человека и свернуть его от направленной на внешний мир деятельности на путь внутренней ложной созерцательности. Человек знает себя лишь постольку, поскольку он знает мир, который он постигает только в самом себе и себя только в нем. [Выделено мною. — А. А.] Каждый новый предмет, хорошо рассмотренный, раскрывает в нас новый орган...» (Гете И. В. Избранные философские произведения. М., 1964, с. 277–278). По-моему, очень созвучно размышлениям моего друга! (Май 2000).

... Проблема **личной** профессиональной деятельности в философии (и в этом специфика философии как феномена культуры!) — именно в **индивидуально-личностной** интеграции всего, что может вобрать в себя индивид в максимально широком **общении с другими** людьми — «всех эпох и народов», но также и тех, кто рядом, ибо **близость** — это такой же неустранимый полюс индивидуального социального бытия, как и историческая и актуальная **перспектива**.

Тогда, когда, «углубляясь в себя», мы одновременно отправляемся на «свидание со всем миром», мы действуем как философы. А это не только трудно психологически (ведь «со всем миром», а не только с невестой или другом!), но и не всегда объективно возможно.

Закругляюсь.

<...> Я в юношеском пылу поспешил «обвенчаться» со своей «неизведанно-неизбывной любовью», а теперь все сложности наших интимных вполне отношений¹⁶ поневоле приходится выставлять перед чуждой мне (в массе своей) публикой. А иначе — «не любя» — не мог.

Выражать нынешнее мое понимание предмета на человеческом языке (я имею в виду и текст для публикации, и это послание к Тебе) нет сейчас возможности...

* * *

<...> Так в чем же я вижу **свою** задачу?

В том, чтобы мерой того разумения, которая мне отпущена, а значит — и мерой всего мною **пережитого**, в поле моей социальной ангажированности, насколько я адресуя самому себе **вопросы**, возникающие в диалогах моих с бесчисленным рядом людей (что-то больно вычурно закрутил!), — соразмерить **распадающиеся части** моего **общественного бытия** («моего» — только по «способу существования»). Проверить **на себе** те зависимости (соподчинения и т. д.), которые я нашел уже вполне выраженными или открыл в себе самом.

¹⁶Имеется в виду научная тема Р Л: проблематика **мироотношения**.

<...> А другой этаж моих занятий — это не «в лоб», а, так сказать, по лбу, без **явной** демонстрации своей «социальной страсти». Но и об этом — после.¹⁷
Прощаюсь, наконец. И жду — «в гости»... Роман, 24–25.02.82

Ремарка: перепечатаваю письма Друга и высылаю ему копии...

*Эти письма Романа, адресованные **одному** человеку, а не аудитории, пусть дружеской (как, скажем, мои «Письма...»), акт общения лицом к лицу (и только!), в котором автор так безотчетно **щедр**, вызвали у адресата (т. е. у меня) импульсивную реакцию: перепечатать их и послать «обратно» автору (жсероксом-то тогда «простые смертные» не пользовались!). (Сентябрь 1999).*

* * *

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (апрель 1982)

Дорогой Роман!

Пишу Тебе сейчас из Вильнюса.

<...> Дней десять назад я отправил из Ленинграда **копии** трех твоих писем, закончить перепечатку которых успел накануне отъезда в отпуск. Думаю, Ты их уже получил.

От отпуска, как такового, у меня оставалась неделя, т. к. предыдущие две ушли на расплату по научным счетам, на оформление на очередную совместительскую работу (в Высшую профсоюзную школу культуры) и просто так — утекли между пальцев...

А в Вильнюсе у меня — старый друг, социолог, ныне скоро уже два года как работающий... сборщиком перфораторных машин на одном из здешних заводов.¹⁸

Трудится он на заводе так же истово, как когда-то в философской аспирантуре (Ленинградский университет) писал диссертацию о «социальных иллюзиях». Но вот диссертацию тогда не дописал, а сегодня — как раз в эти дни! — ему (как «само собою разумеющееся»...) **подтвердили** на заводе звание «ударника коммунистического труда» (забыв, что «раньше» это звание ему не присваивалось).

Вообще, «коммунистическое отношение к труду», похоже, характерно для адептов «драматической социологии»...

<...> Чем **значимее** то, что человек слышит, тем **труднее** высказаться самому. А значимость трех твоих писем — для адресата безусловна.

В отличие от меня, Ты разбрасываешь свои сокровища <...>; я — берегу не только «чужие», но и собственные архивы. Ты абсолютно реализу-¹⁷
Современное примечание Р Л : «“Другой этаж” — это то, что сегодня называется “политологией”; сам я это называл “лирической политологией”, а более наукообразно — политической антропологией Март 2000»

Позднейшие занятия моего друга этим нетрадиционным, в ту пору, предметом были отчасти подстегнуты «делом» социолога-рабочего См в главе 8: раздел «Наука, политика, нравственность...»

¹⁸ Речь идет об Анри Абрамовиче Кетегате См о нем в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади Стреноженные Но ржем по-разному...»

еще доминанту **на лицо другого** (по Ухтомскому); я же — каким-то противоестественным (с точки зрения целостной личности) образом — совмещаю положение **внутри** ситуации общения и **вне** ее.

(«Слушаю» — и другого, и себя, и нас обоих **сразу**: но тогда остаюсь ли «самим собой»?!)

* * *

<...> И дальше — до мистики — «в резонанс» оказались твои вещественные и духовные дары.

Мих. Бахтина (вот уж царский подарок! правда ли, что Ты прислал не последний, собственный экземпляр?) <...> осваиваю гомеопатическими дозами...

Уже добыв было **А. А. Ухтомского** у одного из своих знакомых, я вдрут обнаружил этот самый 10-й выпуск «Путей в неизвестное», с его письмами [к *Е. И. Бронштейн-Шур.* — *А. А.*] ... во втором (дальнем) ряду одной из своих (излишне многочисленных!) книжных полок.

Выписав оттуда пару абзацев, я отправил их (без ссылки на источник!) Светлане Минаковой, мистифицируя ее тем, что у нее... «украли» концепцию общей, **поведенческой** направленности личности (разрабатывавшейся ею 15 лет и защищенной в 1979 г.).¹⁹

Сам же, понятно, переставил «твоего» Ухтомского в передний ряд — к «своему» **Альберту Швейцеру**, который вряд ли Тебе не знаком (а вот мне, да, по-видимому, и Светлане, Ухтомский знаком не был...).

Ремарка: открываем Швейцера.

С учением А. Швейцера о «благоговении перед жизнью» (Ehrfurcht vor dem Leben), в частности, с его книгой «Культура и этика» мне довелось познакомиться в конце 70-х. Подвиг жизни Швейцера и названная книга тогда произвели на будущего социолога-испытателя очень сильное впечатление. Уже в начале 80-х, помню, в часы простое читал — в инструментальной кладовой цеха¹ 3 — швейцеровские «Письма из Ламбарене».

Здесь заметим, что имя Альберта Швейцера (1875–1965), одного из величайших мыслителей XX века, философа-гуманиста и общественного деятеля, музыканта, богослова и естествоиспытателя, легендарного миссионера и «доктора из джунглей» в Ламбарене (Габон, Экваториальная Африка), у нас долгое время замалчивалось. (Например, его нет в многотомной Большой советской энциклопедии 50-х гг.)

В середине 60-х завеса молчания была прорвана (работы В. Петрицкого, Ю. Левады и др.). В начале 70-х:

— вышел сборник статей: Альберт Швейцер — великий гуманист XX века. М.: Наука, 1970; была защищена первая диссертация о Швейцере: В. А. Петрицкий. Этическое учение А. Швейцера. Автореф. канд. дисс. Л.: ЛГУ, 1971; вышла книга в серии «Жизнь замечательных людей»: Б. М. Носик. Альберт Швейцер. М.: Молодая гвардия, 1971.

В 1973 г. (через полвека после первоиздания), появился первый русский перевод opus magnum Швейцера — «Философия культуры» (часть 1: «Упадок и

¹⁹ Имеется в виду учение А. А. Ухтомского о доминанте, имеющее фундаментальное значение не только для физиологии, но и для всего комплекса наук о живом и о человеке

возрождение культуры»; часть 2: «Культура и этика»). В 1978 г. в издательстве «Наука» (серия «Литературные памятники») вышли труды Швейцера «Между водой и девственным лесом» и «Письма из Ламбарене» (впервые опубликованные на Западе в 20-х гг.).

Характерна тогдашняя сдержанная официальная оценка этического учения А. Швейцера:

«...Внутренняя логика его убеждений (пусть не всегда совпадающая с логикой реальной действительности), страстность его веры в торжество добра и человечности, бескорыстное служение принятым идеалам, обаяние его незаурядной личности — все это внушает глубокое уважение к Альберту Швейцеру. Вместе с тем нельзя не признать, что автор книги не дает, и по вполне понятным причинам не может дать, точного диагноза недугов западной культуры, не ставит ее деградацию в прямую связь с кризисом устоев буржуазного общества, не видит реальных путей выхода из этого кризиса... Путь к жизнеутверждению через этическую мистику и религию уводит в сторону от столбовой дороги развития человечества...». (От издательства / А. Швейцер. *Культура и этика*. М.: Прогресс, 1973, с. 4).²⁰

...В те времена у нас это называлось «абстрактным гуманизмом». Коего не избежали, кстати, и молодой Маркс (см. выше), и, разумеется, Ухтомский (в своем императиве «доминанты на лицо другого», вместо «классовой морали»).

Только в 90-х труды Швейцера стали широко публиковаться в России:

— А. Швейцер. *Благоговение перед жизнью*. М.: Прогресс, 1992; А. Швейцер. *Упадок и возрождение культуры. Избранное*. М.: Прометей, 1993. (Оба названных издания включают также «Культуру и этику»); А. Швейцер. *Жизнь и мысли*. М.: Республика, 1996.²¹ (Май 2000).

* * * <...> Поразителен в

«организованном» Тобой моем восприятию всей этой духовной пищи (Ухтомский, Бахтин, «Самшитовый лес» Анчарова, Марксовы «Заметки о Милле») — эффект узнавания. С учетом некоторой, относительной между нами разницы, я идентифицировал Тебя — чуть чаще — с позицией Ухтомского и образом анчаровского Саложникова, а себя — чуть больше — с некоторыми рассуждениями Бахтина, с одной стороны, и «не вполне зрелого» Маркса, с другой. В известном смысле, Ухтомский и Анчаров «списывали» с Тебя, Маркс и отчасти Бахтин — как бы с «меня». В первом случае — позиция **деятельности в общении**, где деятельное Я «растворяется», как бы «исчезает» непосредственно в другом (последовательная доминанта на Другое лицо!). Во втором — **общение в деятельности**, где деятельное Я «исчезает» в Продукте, создаваемом для Другого, и часто — вместе (в соавторстве) с этим Другим.

Одной из центральных категорий у Ухтомского не случайно является **Со-беседник** («заслуженный собеседник», тот, которого «ты заслужил»...). Если бы я был способен на мировоззренческую рефлексию подобной глупости,²⁰

Издание 1973 г. имело гриф — «для научных библиотек», предполагающий ограниченное распространение

²¹ Некоторые извлечения из книги Швейцера «Культура и этика» см. в приложениях к настоящей главе

бины и силы, я бы, наверное, рассуждал о **Со-деятеле** («со-участнике», «со-авторе», «со-творце»...). Здесь — вряд ли альтернатива, а скорее — «взаимодополнение» жизненных позиций.

Первая позиция — более «самоотверженна», вторая — более «самоутверждающая». Первая — «альтруистична», вторая — «эгоцентрична». Первая видит цель и смысл в отдаче себя **другому**, вторая — в отдаче другому **себя**.

Понятно, что обе позиции отрицают использование как других, так и себя — в качестве **средства**. В этом их принципиальная «ортогональность» цинизму (я — «использую» весь мир) и бесхребетности (весь мир — «пользуется» мною).

Итак, мое самоутверждение может быть **самоотверженным**, но не циничным. Твоя самоотверженность может быть **самоутверждающей**, но не бесхребетной. «Мы» оба можем быть Со-беседниками и Со-авторами одновременно.

А вот Циник и «Размазня» неспособны — ни к подлинному общению, ни к подлинному творчеству.

Собеседники и соавторы в конечном счете — **творцы**. А циники и «христосики» (не путать с Иисусом Христом!) — **потребители** (не важно, они ли потребляют или «их» потребляют...).

Мир движется «нами» (это уже из области самоутверждения!). «Мы» движимся этим миром (своего рода самоотречение!).

Парадоксально, что именно «со-беседники» чаще создают уникальные **продукты** (сами не ведая, что творят). А «со-участники» могут оказаться уникальными в самом **процессе** своей самоотдачи (хотя думают, что создают «продукты»).

Этими последними строками я реабилитирую Собеседника в качестве творца (имея в виду, в частности, твои письма) и оправдываю собственную (может быть, уже замеченную Тобой) «продуктивность» тем, что она может провоцировать Беседу.

А впрочем... Кукушка хвалит петуха «за то», что хвалит он кукушку. Самоирония столь же уместна в устах Со-участника, как и Со-беседника (в отличие от бесконечно самодовольного Циника или страдающего «Размазни»).

Нечаянно получилось что-то вроде идеальной типологии («идеальные типы»!). Вполне в духе «философа-любителя», каковым я, похоже, становлюсь, пройдя разнообразные профессионально-социологические курсы.

...Но этот «монолог» — всего лишь реплика в предложенном Тобой **диалоге**.

* * * <...>

были твои соображения об Инициативе и Планы, инновационных процессах, хозяйственном механизме и т. д., обличающие в Тебе такое **практическое любомудрие**, до какого любомудр-ствующему практику (т. е. мне) еще далеко.

<...> К сожалению, оставляю пока не отвеченными большинство из поставленных Тобой вопросов. На каждый **отдельный вопрос** легче и эффективнее отвечать в **непосредственном общении** (а я надеюсь на это, благо что тексты сохраняются до встречи). А на **всю совокупность** вопросов лучше отвечать совокупностью **вопросов** же (которая,

в ситуации «соавторства», не алчет немедленного ответа, а просто... «депонируется» Другу как еще одна пара поленьев в общий костер...

Ремарка: собеседник и соавтор.

То обстоятельство, что я, на протяжении ряда лет, систематически высылал другу-корреспонденту свои сочинения, впоследствии сыграло важную роль в моей судьбе. Именно Роман Ленчовский сделал потом из этих сочинений «соавторскую» композицию и отослал ее в «Литературную газету» (1986). Что дало повод газете, год спустя, энергично выступить в защиту социолога-рабочего от политических обвинений и т. д.²² (Сентябрь 1999).

...Присланный Тобой «устав» философического студенческого общества (очевидно, изрядной давности, жаль, что без даты!) вызывает ощущение трогательной чистоты родника, который не успели загнать в железную трубу. Хорошо, что не загнали... Он сам ушел вглубь... чтобы забить в других местах. А на все родники — труб не хватит!

А теперь — улыбнись и Ты над двумя «нормотворческими» документами социолога-наладчика последних месяцев (автостенограмма выступления на партийном собрании цеха и «Предложения по усовершенствованию технологии...»).

Ну, чем мы с Тобой не пара: «философы, преобразующие мир...»!

* * *

<...> Пора все же заканчивать это письмо, которое почти не уступает твоим по размерам, однако остается скорее сопроводительной запиской (имея в виду приложения!), чем самостоятельным текстом.

Мой поклон общим друзьям, нынешним и вероятным. Все, что в этом конверте, можно показывать им.

...И мое настойчивое приглашение, в частности, **Тебе** — на «летние каникулы» (впрочем, в любое время!) — в Ленинград, можно и **всей семьей!** Здесь у Тебя всегда есть кров на берегу Финского залива (Наличная ул. — «наличник» окна в море) и... «огонек в камельке».

А что еще «бедному философу» надо?! Обнимаю Тебя.

Твой Андр. Ал.

Вильнюс-Ленинград. 17–18.04.82

Ремарка: монолог и диалог.

Интересно сравнить это письмо с авторскими же «Письмами Любимым женицинам» (особенно — первыми из них).

*Те, по существу, были все же **монологами** («эпистолярное хулиганство» и т. п.), исполненными эйфорией овладения (новой жизненной ситуацией), не без самолюбования (вызывавшего у корреспонденток сочувственный отклик, а иногда и дружескую иронию).²³*

²² См об этом в главах 7–10

²³ См, например, дружеский шарж С Минаковой в главе 2: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха¹³»

Философия активизма и — «самоупор на себя», в отличие от «упора на лицо другого», по выражению Ухтомского...

Здесь же (в этом письме) — скорее диалог, искусством которого автор этих строк начинает постепенно овладевать, отвечая на исповедальность «писем к Другу» своего корреспондента и заражаясь его доминантой на лицо другого. (Сентябрь 1999).

* * *

Р. Ленчовский — А. Алексееву (май 1982)

Здравствуй, Андрей!

Писать Тебе и читать Тебя — не один раз улыбнуться. Улыбаюсь поэтому чуть не каждый день, но сегодня только «улыбками» и придется объясняться. Своего «письма» к Тебе — «жду» и я сам, и прошу Тебя еще немного подождать.

(Прекрасная опечатка в одном из твоих вложений: мое «жду в гости» — на «хочу в гости»; вообще, я был обрадован твоим восприятием и одновременно озадачен...)

...«Социологию в документах», пожалуйста, присылай, по возможности: мы все следим за нею с заинтересованным вниманием. <...> Обнимаю, прощаюсь.

Твой Роман, май 1982

6.3.3. Продолжение следует Из письма Р.

Ленчовского в «Литературную газету» (май 1982)

<...> («Читая Цветаеву...»)

...Талантливая жизнь — это и есть жизнь успешная, если слово «успех» имеет какое-либо положительное, не увязшее в одиозной аксессуарности содержание. Талант — наша **взаимответственность**: умение распорядиться собой, своими возможностями, и бережно-ответственное приятие того дара, который несет нам другой человек. «Есть вещи, которые люди должны делать за нас, те самые, которые нам дано делать только за других. Любить нас».

Для Марины Цветаевой талант — **человек**, «все из себя дающий». Для нас очень часто — **вещь**, и не единожды вещь.

Не начинаем ли мы быть «бережными» к таланту, когда **живого человека** уже нет с нами, когда наша «забота» — вполне безопасна и самую строптивость духа можно выставочно отглянцевать. И не видим ли мы талант — в вещи, «талантливо сделанной»? А уж идя от вещи, снова-таки, в самом таланте, в процессе творчества усматриваем сплошную вещьность: вещь, создающую вещь. Человека превращаем в вещь. Человека превращаем в **куклу**, заставляем его играть игрушечную жизнь, а потом еще удивляемся, что наша кукла — кукла.

Талант, говорим мы, «вещь редкая». Потому-то не замечаем, пробегаем мимо самого главного в жизни таланта — человечности. В отличие от способностей музыкальных, шахматных и т. д. как «игры природы», комбинации уникальной по «вещественному составу», талант быть человеком — в каждом человеке. Нет нужды в высокоученых дефинициях, все

знают, о чем речь. И если все еще редки встречи с талантливостью человеческой, то это означает: пренебрегаем самым важным, обрекаем себя на автоматическое, рефлексное поведение. Если нет того **незаменимого**, что каждый из нас может дать другому и что «нам дано делать только за других», остаются — «стандарты жизни». Хотим мы того или нет, все другие наши «таланты» — без талантливости общей, личностной — под эти стандарты будут подгоняться. А там уже дело «техники» — дать имя некогда живого человека стандарту-вещи, превратить ее в эталон — «единицу талантливости», а потом соразмерять, дозировать, отпускать — **порциями...**

...У Цветаевой «**все — только из всего**»; «**все из себя**», поскольку — «**все в себя**»...

Перечитывая очерк поэта о художнике (полностью, не в извлечении), убеждаешься: человек оживлен в слове; за словом, за вещью — не другая вещь, а личность — событие (Со-бытиБ!), самое важное во «взаимной связи людей».
<...>

Другой человек, вошедший в нас, — наша с вами реальность, посторонность нашей жизни, возможность нашей подлинности... <...>

Р. Ленчовский, май 1982

Ремарка: «Творению — предпочитаю творца!»

*Такова краткая формула М. Цветаевой, встреченная мною давно, в каком-то из ее писем, и заявленная ею, как обычно, не в качестве манифеста, а попутно, по конкретному поводу, в применении к конкретному лицу; но от того не утрачивающая, а лишь «прибавляющая» в общезначимости. (Ср.: «Все из себя» и «все в себя»; **не** — «в себе»!) (Октябрь 2000).*

...А главных тайн бытия три. Самая большая тайна Вселенной — это **жизнь**. Самая большая тайна жизни — это **человек**. Самая большая тайна человека — это **творчество**. (Выделено мною. — А. А.)

Ф. Горенштейн («Искушение». 1990-е гг.)

* * *

В. Хмелько — А. Алексею (май 1982)

Дорогой Андрей!

Надежда повидаться в Ленинграде (и поработать в секторе Ядова дней 10–15) меня не оставляет. Но ее осуществление все отодвигается.

Спасибо за твои материалы и письма к Роману. С большим интересом все читаю и радуюсь твоей работе — и ее направленности, и той манере, в которой ты это делаешь. Удачи тебе, вдохновения, энергии и терпения!

Если будешь писать Роману или мне, сообщи, как отнеслись коллеги («интеллектуалы-рабочие») к предложению о совместном эксперименте «человек в производственных отношениях». Эта проблема меня интересует уже лет 15.

<...> Мои теоретические изыскания по структуре производственных отношений привели к убеждению, что особенно важно проследить те их [этих отношений. — А. А.] компоненты, которые существуют в виде различных форм **зависимости** — и материальной, и функциональной.

Материал проявлений этих зависимостей в повседневной производственной жизнедеятельности кроме как из наблюдений получить практически неоткуда. <...>

Всего тебе доброго!

Валерий.

Киев. 4.05.82

Ремарка: расширение дружеского круга.

Как видно, диалог с Романом не остался только «перепиской двоих». В его орбиту довольно скоро оказались вовлечены ближайшие друзья обоих.

Несколько лет спустя к этому кругу эпистолярного общения присоединились также и те мои корреспонденты с Украины, которые узнали об эксперименте социолога-рабочего из публикации Лидии Графовой в «Литературной газете» (1987). Р. Ленчовский оказался здесь своего рода «медиатором».

Диалог с Романом продолжается вот уже 20 лет. (Декабрь 2000).

6.4. Что такое счастье

6.4.1. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд)

[Ниже — одноименная статья, написанная в соавторстве с С. Ф. Минаковой и опубликованная в журнале «Нева» (1982). — А. А.]

Счастливы ли вы сегодня? Такой вопрос был задан в одной из социологических анкет выпускникам вечернего факультета Ленинградского горного института в заполярном городе Кировске. При этом нас интересовало не только то, стал ли каждый окончивший институт хоть чуточку счастливее. Хотелось углубить наши профессиональные представления о человеческом счастье, об истоках удовлетворенности жизнью.

Невозможно, изучая личность, обойти этот вечный вопрос. Вечный потому, что каждый человек по-своему решает его, и еще потому, что счастье всегда было в дефиците на нашей планете.

Обыденное сознание чаще всего связывает радость жизни с целями и достижениями. Мать скажет вам, что счастье в том, чтобы вырастить детей, и она испытает удовлетворение только тогда, когда поставит их на ноги. Человек, увлеченный работой, возразит, что лишь тогда, когда он что-то там внедрит, улучшит, выполнит, он сможет вздохнуть свободно и почувствует себя удовлетворенным. Изобретатель будет уверять, что счастье в том, чтобы решить наконец-то головоломную техническую проблему. Потребитель скажет, что он будет счастлив тогда, когда приобретет вещи, о которых давно и страстно мечтает. Влюбленный скажет, что счастье в любви. Студент-вечерник заметит, что сейчас о счастье некогда и задуматься, а по-настоящему все начнется только с получением диплома.

И каждому кажется, что, лишь **достигнув** определенных целей, он, **владеющий** всем, о чем мечтал, к чему стремился, чего добивался, сможет зажить особой жизнью, наконец-то «заняться собой» и делать что-то такое, «до чего раньше руки не доходили».

Загадка халифа

Если бы счастье и впрямь состояло в обладании, то кто бы был счастливее халифа Абдурахмана III Победителя, которому в X веке удалось объединить мусульман в Испании и основать Кордовский халифат? Халиф был не только прекрасным организатором, но и самообытным социальным психологом: объектом исследования он сделал собственную жизнь и вечную проблему человеческого счастья.

Перед смертью его волновали не столько блистательно разрешенные им политические проблемы, сколько проблема парадоксальной неуловимости счастья, которое невозможно «овеществить» и удержать в руках. А поскольку халиф не был склонен писать философские трактаты, он ограничился тем, что велел начертать на своей гробнице следующую надпись:

Я наслаждался всем — почетом, богатством, высшей властью. Государи, мои современники, завидовали моему счастью и моей славе: они искали дружбы моей. Я отмечал в течение всей своей жизни все те дни, когда я испытывал чистое и настоящее удовольствие, и за 50 лет царствования я насчитал их только 14.

Халиф не справился с решением проблемы, но еще тысячу лет назад он поставил интересный эксперимент и получил убедительный результат: счастье и удовлетворенность жизнью вовсе не обязательно сопутствуют достижению высокого социального статуса, влияния на ход дел, признания, материальной обеспеченности... Халиф, правда, не упоминает так называемого «счастья в личной жизни», но можно предположить, что в то время у восточных владык не возникало семейных осложнений.

А теперь представим на миг, что в одно прекрасное утро добрый волшебник разрешил все проблемы, стоящие перед людьми. Мать вдруг обнаружила, что ее дети выросли и в ее опеке больше не нуждаются, на производстве все улучшено, внедрено и выполнено, изобретение сделано, волновавшие воображение вещи приобретены, а новенький диплом вместе с нагрудным знаком лежит на письменном столе, на том самом месте, где только что громоздились чертежи к дипломному проекту. Мир и благополучие многих из этих людей разрушатся. С иными случится примерно то же, что происходит с железнодорожным составом, который вдруг попытались остановить вместо того, чтобы перевести на другой путь.

Человек окажется вырванным из привычной ему сферы вовлеченности, исчезнут напряжения и заботы, расшатаются внутренние скрепы личности, окажутся парализованными ее динамизирующие силы. Этого не будет, если только человек сумеет найти себя в новой сфере деятельности, забот и тревог. А это уже новая жизнь, новая история.

Ведь если сказка кончается словами: «И стали они жить-поживать и добра наживать», — то дальше уже рассказать нечего, да и самим героям сказки жить скучновато. Разве что вздохнет иногда Василиса Прекрасная: «А помнишь, Иван-Царевич, как ты Змея-Горыныча победил?». Теперь-то Иванушка и не совладал бы с окаянным при своей полноте... «Твоя правда, Василисушка! Блинов у нас много, а забот никаких!».

Есть ли у счастья слагаемые

Нам тоже многие секреты человеческого счастья стали известны не сразу. Один из авторов этой статьи был удивлен не меньше, чем халиф-психолог, когда в 1969 году опросил выпускников вечернего факультета, оправдались ли их надежды в связи с окончанием вуза, и получил следующее соотношение ответов: оправдались полностью — 45%, частично — 40%, совсем не оправдались — 5%. (Не ответили — 10%.) Как! С таким трудом добытый диплом радует далеко не каждого? С тех пор проблема удовлетворенности людей собственными достижениями стала предметом специального исследования.

Одно за другим шли анкетирования, углубленные интервью, экспресс-интервью, фотографии бюджета времени... Сопоставлялись образы жизни, жизненные тонусы, мотивы деятельности студентов-вечерников и инженеров — выпускников того же вуза. Когда десять лет спустя авторы, объединившие свои усилия, не только получили очередное подтверждение устойчивости приведенного выше соотношения, но и обнаружили некоторое, пусть небольшое смещение в минус по шкале ответов, они готовы были именно к такому результату.

В 1979 году ответы на вопрос об удовлетворенности после окончания вуза распределились так: надежды оправдались полностью — 35%, частично — 50%, совсем не оправдались — 10%. (Не ответили — 5%.)

Сейчас не будем останавливаться на том, о чем именно мечтали студенты, когда они самоотверженно, совмещая работу с учебой, сражались за диплом, и какие именно обстоятельства помешали их мечтам сбыться. Заметим только, что сам по себе факт достижения поставленной цели не сделал этих людей счастливее. Особенно трудно пришлось тем из наших героев, кто рассматривал диплом как счастливый конец к сказке своей жизни. Серьезных «поломок» при резком торможении избежали те, кто сумел сразу переключить высвободившуюся энергию в новую сферу деятельности.

В одной из анкет мы предложили нашим инженерам оценить степень их удовлетворенности восемнадцатью различными «сторонами жизни» и жизнью в целом — в годы учебы и теперь, то есть после окончания вуза. Динамика жизнеощущения, по данным исследования, проведенного в небольшой группе из ста двадцати девяти выпускников вечернего факультета Ленинградского горного института, ныне работающих в производственном объединении «Апатит» (люди по преимуществу сорокапятилетнего возраста, из них двадцать девять женщин), дает повод для размышлений.

Нет такого аспекта, обстоятельства жизни (кроме, разве что, состояния здоровья, редко улучшающегося с годами), для которого не наблюдалось бы хотя бы небольшого роста удовлетворенности опрошенных, от периода обучения в вузе к настоящему времени. Для некоторых же сторон жизни этот рост просто разителен.

Например, своим нынешним материальным положением, обеспеченностью вещами, жилищными условиями довольны около 80% опрошенных против 40% довольных этим же раньше. Существенно возросли также удовлетворенность занимаемым общественным положением и возможностью участия в общественной жизни (тоже в 1,5–2 раза). Несколько более умеренным предстает прогресс удовлетворенности своей основной профессиональной деятельностью.

Эти субъективные самооценки вполне согласуются с наблюдаемым у наших героев ростом благосостояния, приобретенным социальным статусом — со всем тем, что принято относить к жизненным достижениям.

С другой стороны, более чем скромным оказывается нарастание удовлетворенности некоторыми иными сторонами жизни — такими, например, как возможности расширения культурного кругозора или содержание досуга. Мера удовлетворенности кругом повседневного общения для нынешнего момента не выше, чем для прошлого.

Исходя из расхожого представления о счастье, естественно было ожидать, что итоговые самооценки удовлетворенности жизнью и «ощущения счастья» в целом все же взлетят вверх. Но нет! Правда, наши инженеры несколько чаще, чем говоря о времени обучения в вузе (впрочем, ненамного чаще!), характеризуют обстоятельства своей жизни как благоприятные. Что же касается счастья... Выясняется, что признающих себя счастливыми ныне среди опрошенных не больше, чем счастливых тогда, когда они работали и учились.

Показательна следующая пропорция, выявленная специальным анализом. Свыше тридцати пяти процентов инженеров, судя по их ответам, теперь чувствуют себя «менее счастливыми» чем раньше. Около сорока процентов сегодня счастливы «не более», чем в годы учебы. И лишь у четверти опрошенных счастья как будто «прибавилось».

Вот лишнее подтверждение тому, что счастье — не в достижении и обладании. Его нельзя выводить как сумму нескольких благополучно изменяющихся социальных переменных. Все отмеченные признаки жизненного благоустройства — в лучшем случае более или менее важные условия для счастья, но не его слагаемые, ибо слагаемых у счастья нет, потому что счастье — это не сумма достижений, а состояние. Счастье — это... Но погодите, секрет счастья пока еще не раскрыт и до рецептов дело не дошло.

Не владеть, а овладевать

Говорят, что дети — природные гедонисты, они умеют быть счастливыми, здоровый инстинкт им подсказывает, что счастье не в том, чтобы

владеть, а в том, чтобы овладеть новым предметом, постигать его устройство, узнавать, что у него внутри, что он может и чего «не умеет» делать. В процессе познания и овладения эти маленькие счастливицы буквально снимают сливки удовольствия, ломая новую игрушку. Страсть к овладению настолько велика, что она преодолевает страх перед наказанием.

Не эта ли страсть к овладению (не к обладанию!) выделила человека из мира животных? Не в том ли первое человеческое стремление, чтобы понять и подчинить себе силы природы вместо того, чтобы приспособиться к ним? По-видимому, психология стремления к «достижению» и обладанию начала развиваться с появлением частной собственности. В капиталистическом обществе она стала господствующей.

«Достижения», фиксированные в материальном достатке, богатстве, стали поистине всеобщим мерилем преуспеяния. Однако теперь уже не надо долго доказывать, что преуспеяние и успех не то же самое, что счастье и удовлетворенность жизнью. Иначе американские кинодивы никогда не кончали бы самоубийством, а миллионеры были бы самыми счастливыми жителями планеты (как и некоторые халифы).

Именно поэтому люди, ориентированные на «достижения», в итоге нередко оказываются разочарованными и чувствуют себя обманутыми.

Ошибочно думать, что личность взрослого человека есть нечто неизменное, не требующее развития, так что зрелому человеку ничего более уже не остается, как нести свою раз навсегда сформировавшуюся личность через изменяющиеся жизненные обстоятельства. Личность нельзя представлять также как сосуд, который можно непрестанно наполнять знаниями и опытом, обеспечивая тем самым ее (личности) «углубление» и «обогащение».

Наши наблюдения показывают, что на протяжении жизни человека личность нуждается в многократных структурных преобразованиях. По-видимому, в каждый этап или период жизни (характеризующиеся своими конкретными жизненными целями, кругом занятий, направленностью интересов) личность проходит три фазы развития.

Первая фаза — **«овладение»**. Это пора подчинения себе внешних обстоятельств. Сама новизна объекта (новая работа, учеба, хобби, семья, любовь и т. д.) требует постоянного принятия решений. Каждый шаг сопряжен с выбором, подлежит осмыслению, превращается в Поступок.

Вторая фаза — **«плато»**. Здесь наступает относительное равновесие и включаются инерционные механизмы. Навыки усвоены, знания получены, новая сфера деятельности обжита, взаимное узнавание закончилось, все меньше шероховатостей в отношениях, в мелочах достигнут удобный автоматизм. Все меньше элементов риска, эксперимента, усилий.

Третья фаза — **«приспособление»** либо **«взрыв»**. Человек начинает ощущать психологический и именно поведенческий «недогруз» (творческий, познавательный и т. д.). Действия, ранее требовавшие решений, риска, выбора, становятся рутинными, поступки вытесняются «текучкой», собственно деятельность сменяется функционированием. Она утомляет, не приносит радости.

Далеко не всегда человек рискует сменить сферу преимущественной вовлеченности. Зачастую он, увы, боится расстаться с миром внешнего благополучия, пренебрегая благополучием внутренним. А иные решаются на жизненную перемену, уходят на новую работу или поступают в вуз, аспирантуру, находят себе новую область творчества, отваживаются полюбить или перейти в отстающую бригаду. Тогда прежняя структура личности «взрывается», на ее месте возникает новая — личность как бы обновляется.

Не каждый может «бросить все» и уехать на целину, на БАМ, перейти в отстающую бригаду или заняться творчеством, это не так просто сделать. Но каждый может решить насущную проблему развития своей личности, например продолжить образование. Учеба — один из наиболее благородных и престижных способов выхода из кризисного состояния личности.

Учеба дает ощущение перспективы, устремленности в будущее. Это как бы овладение будущим. Учеба тонизирует, навязывает напряженный ритм жизнедеятельности, способствует росту самоуважения. Конечно, учиться и работать трудно, но кто сказал, что счастье — это легко?

Как самое радостное и светлое в памяти обследованных нами инженеров-выпускников, бывших заочников и вечерников, сохранилось именно то, что связано с напряжением, познавательными нагрузками, овладением. Дадим им слово:

«Прекрасная пора! В жизни есть цель! Стремись ее достичь. Это делает тебя более организованным и собранным»... «Постоянная загруженность, нехватка времени, увлеченность начатым делом»... «Состояние занятости, целеустремленности, широкий круг общения»... «Было трудно, но интересно познавать новые науки»... «Постоянное насыщение новым, цейтнот, бессонные ночи, желание знания свои применить на практике»... «Напряжение жизни»... «Постоянная нехватка времени, а вместе с тем всюду успевали»... «Самое интересное, что на все хватало времени».

Тут все психологические компоненты счастья: ощущение перспективы, увлеченность, интерес, целеустремленность, собранность, загруженность, нехватка времени и победа над временем — овладение ситуацией. Именно отсюда — «чувство молодости, энергии, дружбы, товарищества, стремительный бег времени, быстрый водоворот жизни».

Но счастье — это не вещь, которую можно всегда хранить при себе. Окончен институт, получен диплом, достигнута заветная цель, преодолен очередной рубеж, но впереди еще целая жизнь, и счастлив в ней тот, кто сумел найти новое увлечение, новую цель, новую перспективу, загруженность, собранность, новую нехватку времени и новые победы над временем...

«Не то» счастье

А если ничего этого найти не удалось? Прежняя работа перестала увлекать, никаких существенных жизненных перемен не предвидится,

кажется, что и учиться уже больше «нечему», а главное «незачем». Структура личности стареет. Возникает психологическое напряжение, которое разные люди снимают по-разному. Чаще всего напряжение снимается, точнее — снижается — за счет снижения претензий.

Происходят и другие социально-психологические метаморфозы.

Здесь уместно рассказать о результатах сопоставления «внутренних структур» жизнеощущения обследованных нами инженеров в разные периоды их жизни. Одни и те же вопросы задавались каждому в прошедшем, настоящем и будущем времени.

Вопросы такие (для минувшего периода обучения без отрыва от производства):

«Считаете ли Вы, что...

...обстоятельства жизни в этот период складывались для Вас благоприятно?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои материальные потребности?

...в эти годы Вам удавалось удовлетворять свои культурные потребности?

...в этот период жизни Вам удалось развить свои способности?

...в этот период жизни Вам удавалось свои способности реализовать?

...в это время Вы были счастливы?»

Аналогичный блок вопросов — применительно к современному периоду жизни, и почти такой же — по поводу жизненных ожиданий...

Справка

Использовалась стандартная 7-пунктовая шкала: 1 — «это совсем не так»... 4 — «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 — «это так и есть». Для будущего времени: 1 — «уверен, что будет не так»... 4 — «нечто среднее (трудно сказать)»... 7 — «уверен, что так и будет».

(Эта методика, позволяющая получить комплексную характеристику жизнеощущения — ретроспективного, актуального и прожективного — является оригинальной и впервые применена авторами настоящей статьи.)

Читателю уже известно, что сегодняшняя жизненная ситуация оценивается нашими инженерами позитивно («обстоятельства складываются позитивно») несколько чаще, чем прежняя, а счастливых сегодня не больше, чем счастливых вчера. Добавим к этому: число считающих, что им сегодня удастся удовлетворять свои материальные потребности, вдвое больше, чем число удовлетворивших их раньше, а для культурных потребностей рост показателя удовлетворенности оказывается куда менее значительным. А как же развитие и реализация способностей? Тут просто удивительная стабильность массовой самооценки (разумеется, при том, что у кого-то эта самооценка от прошлого к настоящему возрастает, у кого-то снижается, и лишь у 35–40% остается неизменной).

Итак, жизнь наших героев, бывших студентов-вечерников, а ныне инженеров, в целом «улучшилась», их потребности удовлетворяются все

полнее; правда, их способности развиваются и реализуются как будто «не больше», чем прежде. А счастливых поубавилось... Судите сами, чего людям не хватает для счастья.

Но главный интерес представляют все же качественные, структурные изменения, происходящие в жизнеощущении личности. Эти качественные изменения видны со всей отчетливостью, если проанализировать, как сопрягаются друг с другом ответы наших героев на уже известные читателю вопросы.

(В математической статистике это называется корреляционным анализом. Вычисляемые при этом коэффициенты связи показывают, часто или редко, случайно или закономерно позитивные ответы на один вопрос сочетаются с позитивными же ответами на другой, соответственно, негативные ответы — с негативными.)

Жизнеощущение человека в период учебы без отрыва от производства, как правило, отличается целостностью. Все компоненты этого жизнеощущения тесно связаны между собой. «Ощущение счастья» предстает производным из благоприятных жизненных перспектив, реализации способностей, их саморазвития, «на службе» у которого стоит удовлетворение материальных потребностей.

Немало людей, которые были счастливы вопреки тому, что их материальные потребности удовлетворялись не в полной мере. Развитие и реализация способностей — вот чем обусловлено «тогдашнее» счастье.

Жизнеощущение того же человека пять-десять лет спустя приобретает своеобразную «разорванную» структуру. В ее графическом изображении усматриваются две автономные части. В одной — по-прежнему тесно связанные друг с другом реализация и развитие способностей. В другой — не менее тесно связанные друг с другом удовлетворенность жизненной ситуацией в целом и «мера счастья», с которой теснейшим образом связано удовлетворение материальных потребностей.

Счастливым здесь оказывается скорее тот, кто наиболее полно удовлетворяет свои материальные потребности. Развитие и реализация способностей отходят на второй план, они как бы на периферии интересов человека. Это уже в буквальном смысле «не то» счастье».

Из чисто методических соображений мы не рискнули спросить, ожидают ли наши герои счастья впереди. Но все остальные вопросы о будущем были заданы. И здесь выяснилась принципиальная и, в известном смысле, обнадеживающая особенность «прожективного» жизнеощущения.

Для будущего благоприятность жизненной ситуации теснейшим образом связывается уже не с удовлетворенностью материальных и даже культурных потребностей, а — вновь — с развитием способностей и их реализацией. Вот, оказывается, какого счастья хотелось бы!

Сказанное, разумеется, не следует понимать буквально, в том смысле, что каждый ждет своего «звездного часа». Многие как раз уже и не ждут, и их низкая самооценка перспектив развития и реализации способностей

обеспечивает низкую же итоговую самооценку жизненных перспектив в целом. Но нас сейчас интересовало не то, ожидают ли для себя «лучшего» или «худшего», а то, с чем связывается очередное ожидание.

Подведем краткий итог. В воспоминаниях наших инженеров-выпускников удовлетворенность жизнью (равно как и связанное с нею «ощущение счастья») тем выше, чем больше развивались и реализовались способности; в их оценке настоящего она оказывается обусловленной главным образом удовлетворением личных потребностей (прежде всего — материальных); в их жизненных ожиданиях — удовлетворенность тем ниже, чем менее вероятна новая жизненная самоактуализация личности.

Но у иных она наверняка состоится.

Человек, решившийся на ту или иную жизненную перемену (и тем самым обеспечивший вступление своей личности в очередную фазу «овладения»), становится в значительной мере хозяином своей судьбы. Человек, не сумевший быстро выйти на новый жизненный рубеж, становится целиком зависимым от внешних обстоятельств.

* * *

О людях, которые умеют «ловко устраиваться», говорят, что они умеют жить. Это неверно. Умеет жить тот, кто умеет жить так, как живут, например, многие студенты — вечерники и заочники. Но можно ли так прожить всю жизнь?

Чтобы разобраться в этом, мы берем углубленные интервью у наших выпускников, совершенно счастливых и не очень счастливых. Кропотливо сравнивая разные периоды в жизни каждого, мы надеемся понять, почему одни счастливы, а другие нет. Итоги этого исследования подводить еще рано. Но уже ясно, что счастье — это всегда подъем в гору, это усилие, напряжение, победа над собой и над обстоятельствами, это преодоление и овладение.

Разумеется, продолжение образования — далеко не единственный «рецепт» счастья. Но сейчас, когда широко дискутируются проблемы так называемого «непрерывного образования» — образования на протяжении жизни, этот избранный нами пример («оселок» для оттачивания определенного взгляда!) приобретает особую актуальность.

Итак, будьте счастливы именно сегодня!

Не откладывайте свое счастье до той поры, когда окончательно, бесповоротно добьетесь своего, достигнете цели, результата, успеха, финиша. Когда, наконец, получите диплом, защитите диссертацию, женитесь на любимой, изобретете новое устройство, купите заветный автомобиль. Будьте счастливы сегодня.

Не торопитесь наживать Того,
с чем жаль расстаться. Не
бойтесь вовремя бросать, Не
бойтесь заново начать,

Не бойтесь начинаться!^{24,24}

Потому что счастье — это даже не только овладение внешними обстоятельствами, это прежде всего преодоление пределов, которые нам ставит собственная стареющая структура личности. Потому что только **овладевая** действительностью, человек создает себя.

(А. Алексеев, С. Минакова. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) // Нева, 1982, ¹ 3)²⁵

6.4.2. Преодолевать пределы (Призыв к себе самому)

[Ниже — извлечения из романа Г. Гессе «Игра в бисер». Выписки сделаны в марте 1983 г. — А. А.]

<...> Когда-то, еще будучи студентом он заполнил эти листки стихотворными строчками. <...> Он написал их в один из тех особенных дней, когда его посетило душевное состояние, называемое им пробуждением.

Четко на самом верху был написан заголовок: «TRANSCENDERE!» [преодолевать пределы — лат. — А. А.]. Впоследствии, в другое время и в другом расположении духа появился другой заголовок, гласивший: «Ступени». <...>

(Г. Гессе. Игра в бисер. М., 1969, с. 365–366)

Ступени

Любой цветок неотвратимо вянет
 В свой срок и новым место уступает:
 Так и для каждой мудрости достанет
 Час, отменяющий ее значение.
 И снова жизнь душе повелевает
 Себя перебороть, переродиться,
 Для неизвестного еще служенья
 Привычные святыни покидая, —
 И в каждом начинании таится
 Отрада благодатная и живая.
 Все круче поднимаются ступени,
 Ни на одной нам не найти покоя,
 Мы вылеплены божьею рукою
 Для долгих странствий, не для косной лени.
 Опасно через меру пристраститься
 К дано налаженному обиходу:
 Лишь тот, кто вечно в путь готов пуститься,
 Выигрывает бодрость и свободу.
 Как знать, быть может, смерть, и гроб, и тленье —
 Лишь новая ступень к иной отчизне.
 Не может кончиться работа жизни...
 Так в путь — и все отдай за обновленье!

(Там же, с. 428–429)

²⁵ Вышеприведенная статья — «Способ быть счастливым» — была одной из трех работ «тандема» С. Минакова — А. Алексеев на эти темы, опубликованных в массовой печати в начале 80-х. См также: Алексеев А., Минакова С. «Скажи мне, чем ты увлечен?» (проблема с острым сюжетом) // Литературное обозрение, 1980, ¹ 9; Минакова С., Алексеев А. Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, ¹ 10

Ремарка: прочтения разных лет.

В более распространенном сегодня переводе С. Анта это стихотворение звучит иначе:

«Цветок сникает, юность быстротечна, / И на веку людском ступень любая, / Любая мудрость временна, конечна, / Любому благу срок отмерен точно. / Так пусть же, зову жизни отвечая, / Душа легко и весело простится / С тем, с чем связать себя посмела прочно, / Пускай не сохнет в косности монашьей! / В любом начале волшебство таится, / Оно нам в помощь, в нем защита наша. / Пристанищ не искать, не приживаться, / Ступенька за ступенькой, без печали, / Шагать вперед, идти от дали к дали, / Все шире быть, все выше подниматься! / Засасывает круг привычек милых, / Уют покоя полон искушенья. / Но только тот, кто с места сняться в силах, / Спасет свой дух живой от разложения. / И даже возле входа гробового / Жизнь вновь, глядишь, нам крикнет клич призывный, / И путь опять начнется непрерывный... / Простись же, сердце, и окрепни снова». (Г. Гессе. *Игра в бисер*. СПб.: Азбука, 2000, с. 385–386).

Однако именно в первом варианте перевода «услышал» я, в свое время, Германа Гессе.

Сегодня стоит добавить к этим выпискам, тогда «не замеченное», обсуждение этих стихов героями «Игры в бисер» — самим Магистром музыки Кнехтом и его другом Тегуляриусом. См. ниже. (Сентябрь 2000).

[Тегуляриус. — А. А.]:

<...> Стихотворение это никогда, в общем-то, не нравилось мне, потому что в нем есть какая-то властная нравоучительность и назидательность. <...> Заглавие «Ступени» неплохо передает его суть; но с таким же и даже с бльшим правом вы могли бы назвать его «Музыка» или «Сущность музыки». Ведь, если убрать тот резонерский, назидательный тон, останется, собственно, размышление о сущности музыки, или, пожалуй, хвалебная песнь музыке, ее постоянной сиюминутности, ее веселости и решительности, ее подвижности, ее неутомимой решимости и готовности спешить дальше, покинуть пространство или отрезок пространства, куда она только что вступила. <...> В том виде, в каком оно [это стихотворение. — А. А.] существует, оно, по-моему, не только слишком нравоучительно и назидательно, но и уязвимо из-за одной логической ошибки. Оно, только ради нравственного воздействия, отождествляет музыку и жизнь, что по меньшей мере сомнительно и спорно, делая из естественного и свободного от нравственности порыва — а это и есть движущая сила музыки — «жизнь», стремящуюся воспитывать и развивать нас призывами, приказами и напутствиями. <...>

[Кнехт. — А. А.]:

<...> Может быть, ты прав! — сказал он полушутливо. — Во всяком случае, ты прав насчет отношения этого стихотворения к музыке. Образ «от дали к дали» и главная мысль моих стихов идут и правда от музыки,

а я этого не знал и не замечал. Загубил ли я эту мысль и исказил ли этот образ, не знаю; возможно, ты прав. Когда я сочинял эти стихи, речь ведь в них шла уже не о музыке, а об одном ощущении, что эта прекрасная музыкальная метафора показала мне свою нравственную сторону и стала во мне призывным кличем, зовом жизни. Повелительная форма этого стихотворения, которая тебе особенно не нравится, не говорит о желании приказывать и поучать, ибо **приказ, призыв обращен к себе самому** [*здесь и далее выделено мною. — А. А.*]. Даже если бы ты и так не знал это, дорогой мой, ты мог бы вычитать это из последнего стиха. Итак, я что-то понял, узнал, открыл для себя и **хочу втолковать, втемяшить смысл и мораль своего открытия себе самому**. Поэтому-то стихотворение и застряло у меня в памяти — хоть и без моего ведома. Хороши эти стихи или плохи, цели своей они, стало быть, достигли, их призыв продолжал жить во мне и не был забыт. Сегодня он опять звучит для меня как бы по-новому; это прекрасное ощущение, твоя насмешка его не испортит. <...>

(Г. Гессе. Игра в бисер. СПб.: Азбука, 2000, с. 331–332).

6.4.3. Из «Письма к дочери, когда она вырастет»

[*Ниже — одна из заметок Романа Ленчовского, обнаруженных мною в своем архиве, вместе с его письмами первой половины 80-х гг. — А. А.*]

<...> Недоговариваем в себе, про себя, берем истины нравственные как бы взаймы, будто пущены они были «в оборот», а не сказаны опять-таки «про себя» — о себе, хотя бы и с надеждой быть услышанными...

Федор Михайлович Достоевский: «...Счастье личности есть вольное и желательное отрешение ее, лишь бы другим было лучше» (о «бесах»).

Почему бы не возникнуть «соблазну» стать безусловным «творцом своего счастья» (как это ни банально звучит), «осчастливив» или, по меньшей мере, «одарив» собою ближнего? Но не все так просто с этой максимой, положенной в основу тысячелетних идеалов... Решаешь суверенно: «сниму с себя рубашку». Это можно. А вот **чтобы отдать — нужно, чтобы приняли**. Что же — о душе говорить! Если же «отдавать» себя «всему человечеству», то и вовсе не понятно, как можно надеяться на «счастье»: совершенно очевидно, что такая самоотдача очень мало связана с понятием **тебя как Лица**.

Счастье — это цель для лица, ибо не может оно быть [*только. — А. А.*] результатом личной деятельности. Счастье — дар, который сумели принять, **взаимодарение и взаимоприятие**.

На «самоотдаче» как принципе, «законе счастья» останавливаться в своем нравственном развитии нельзя. Это монизм, парадоксально игнорирующий «другого», хотя и хлопочет о нем. «Отдавать» себя, — но только без всякого самообнадеживания насчет собственного и всех «осчастливливаемых» лиц счастья. **Отдавать — как быть**.

Целью же может быть только достойная жизнь, выполнение долга как реализация собственного понятия о жизни, о своем «предназначении». <...>
Р. Л. [начало 1984 г. — А. А.]

Ремарка: интегральное представление о счастье.

...Очень глубоко и точно сказано Романом Ленчовским: «Счастье — дар, который сумели принять»!

Интересно, что в моих собственных рассуждениях тех лет на эту тему, включая вышеприведенный опыт социально-психологического рассмотрения «проблемы счастья», последнее трактуется довольно эгоцентрично. В полемике с «потребительской», «достижительной», «целевой» трактовкой («счастье — сумма достижений» и т. п.) выдвигалась «деятельностная», «экзистенциальная», «процессная» трактовка счастья как апофеоза духовно-практического овладения миром, «преодоления пределов», подчинения себе (опять же — себе!) как внешних, так и внутренних («внутри-себя...») обстоятельств, и т. д.

*Между тем, пожалуй, не менее значимо и перспективно представление о счастье как процессе **жизненной самоотдачи**, выходе за пределы эгоистического «я»; можно сказать — «альтруистическая трактовка» счастья, или «доминанта на Лицо другого», по А. А. Ухтомскому.²⁶*

При таком переструктурировании «пространства» счастья оказывается, что: и «достижительная» стратегия — не так уж ущербна (возможно достижение, которого ждешь от тебя другой...); и «деятельностная» — не бесспорна (тут ведь можно и другого «осчастливить», против его желания...); и даже самоотдача для другого (других) имеет смысл лишь тогда, когда... «дар принят» (как справедливо замечает мой друг).

Тогда приходим к интегральному представлению о счастье, которое, как нам кажется, близко к швейцарскому «благословию перед жизнью»:

«Я есть жизнь, которая хочет жить среди жизни, которая также хочет жить».

...А дочь моего друга — Анна Ленчовская — выросла. Сейчас она — студентка психологического факультета Киевского университета. (Май-декабрь 2000).

6.4.4. Счастье, или как я был хорошим (8 марта 1943 г.)

[Ниже — один из цикла рассказов «Про меня маленького (рассказы для Саши)» моего друга и коллеги Анри Кетегата.²⁷ — А. А.]

Когда я был маленький, я очень боялся оказаться плохим. Потому что, если я не слушался, мама сердилась и говорила: «Ты не мой сын. Мой сын хороший мальчик». Я пугался, что меня подменили, и, вцепившись в маму, кричал: «Я твой! Мама, я твой сын!». И со страху начинал слушаться.

²⁶ См., в частности, уже цитировавшиеся письма А. А. Ухтомского к Е. И. Бронштейн-Шур (20–30-е гг.) См также: Ухтомский А. А. Интуиция совести Письма Записные книжки Заметки на полях СПб, 1996

²⁷ См о нем ранее, в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади Стреноженные Но ржем по-разному...»

Жили мы втроем: мама, я и совсем большая сестра Неля, которая уже ходила в школу. А папы не было. Плохие люди посадили его в тюрьму и там мучили, хотя он ни в чем не был виноват. Но это я узнал, когда подрос, а пока думал, что папа в длительной командировке.

Потом эти люди забрали и маму, и мы стали жить с тетей Любой, маминой сестрой. Тетя Люба работала в мужской парикмахерской. Она там стригла и брила почти одних только солдат и офицеров, потому что шла война и почти все дяди были солдатами или офицерами. Я очень гордился тем, что тетя Люба помогает военным. Когда идет война, все военные герои, и щетина на их мужественных лицах отрастает потому, что им некогда бриться, надо стрелять.

Целыми днями тетя Люба делала героев красивыми. Неля полдня училась в школе и еще полдня что-то шила в швейной мастерской. За это ей давали рабочую карточку, по которой в магазине хлеба отрезали больше, чем по детской.

Они работали, а я их ждал. Я их ждал и хотел есть. Я так хотел есть, что даже не играл, да и не во что было играть. По карточкам игрушек не давали, а купить было не на что. Я хотел есть и прилипал носом к оконному стеклу, высматривая ближе к вечеру тетю Любу и Нелю.

Но однажды я отлип от окна. Я решил быть хорошим и встретить моих кормилиц не только голодными глазами. Это было в женский праздник, 8 марта 1943 года.

Я надумал вымыть пол. Как моют пол, я, правда, не очень знал, но дело-то, в общем, нехитрое. Ну вот стоит на столе кувшин с кипяченой водой. Для питья. Но если эта вода годится для питья, то уж для пола-то тем более...

Я вылил весь кувшин на пол и принялся тряпкой гонять воду по комнате. Что дальше надо делать, я не знал. «Высохнет», — решил я, лег на диван и стал смотреть, как сохнет пол.

...Проснулся я от лязга ведра. Босая тетя Люба шлепала по лужам, собирая тряпкой воду. Я обмер: вот-те на! Не высохло! Но тетя Люба почему-то не выглядела сердитой. Похоже, даже наоборот. Она увидела, что я проснулся, и совсем не страшно замахнулась на меня тряпкой: «Что, труженик? Устроил наводнение и дрыхнуть завалился?».

Тут пришла и обомлела Неля. Я рассказал им, как мыл пол. И тогда они стали хохотать. Они так хохотали, что в глазах появились слезы. Тетя Люба забыла, что у нее в руке, и вытерла слезы грязной тряпкой. Тут уж и я расхохотался.

Мы смеялись — и забыли про войну и про хлебные карточки. Про то, что у меня нет игрушек, у Нели теплых ботинок, а у тети Любы мужа, который пропал на фронте. Мы смеялись, и нам было хорошо. Так хорошо, что я даже почувствовал, как где-то у меня внутри, на свободном от хлеба месте появилось что-то такое, что, наверно, называется счастьем.

Потому что я почувствовал себя хорошим. Как мама хотела.

А. Кетегат, 1995

* * *

...Счастье нечто совсем-совсем иное, чем представляют себе те, кто его не знает... Я никогда не считал счастье чем-то веселым и легким, а всегда чем-то таким же серьезным, трудным и строгим, как сама жизнь, — и, может быть, я **подразумеваю под ним** саму жизнь. Я его не «выиграл», оно мне не «выпало» — я его **взял на себя**, повинувшись некоему чувству долга, некоей морали, некоему врожденному императиву...

«Счастье» — это **служение**... Я ничего себе не облегчил. Счастье, **мое** счастье, **мое** счастье — это слишком в высокой степени переживание, волнение, познание, мука, оно слишком чуждо покою и слишком родственно страданию...

Томас Манн. Из письма брату Генриху. 1904. (@)

...Настоящее, подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье человек переживает лишь в эти напряженные и мучительные моменты подъема и труда, когда он хоть временно выходил из себя и видел то, что выше его!..

*А. А. Ухтомский. Из письма к И. И. Каплан. 1923
(цит. по: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма.
Записные книжки. Заметки на полях. СПб., 1996, с. 222)*

...В качестве чувствующего, говорящего, жестикулирующего, я порожаю мое «здесь» как некий круг близости. В качестве слушающего я воспринимаю не просто другого, но именно «**его-здесь-ность**» или «**твою-здесьность**»... Круги **здесьности** партнеров по диалогу должны пересечься, без этого общего «здесь» (участка совместности), видимо, не обойтись. Но каждая реплика, идущая оттуда, освещает область вокруг моего партнера, моя же в этот момент пребывает затененной. Потом происходит обратное.

...Голос, взятый сам по себе, источник в темноте, создает свой расширяющийся круг, заботясь обо всех сразу, но ни о ком отдельно. Так было бы, если бы голос вдруг не срывался, не иссякал, не пропал внезапно. Но он пропадает, и тогда, храня его в уме — мысленно поддерживая его — я в самом деле оказываюсь адресатом, который ловит эту искру в бескрайнем поле...

*Б. Ф. Шифрин. О ситуационных аспектах коммуникации
(Цит. по: Проблемы общения в пространстве тотальной
коммуникации. Международные чтения по теории,
истории и философии культуры. Вып. 6. СПб.: Эйдос, 1998)*

6.5. Человек, смотрящийся в часы (По стопам А. А. Любицева)

...Обеднением, отвлечением, отвержением действия нельзя достигнуть полноты и высшего богатства бытия. Для того, чтобы дойти до последнего, или по крайней мере, чтобы стать на его пороге, необходимо пройти все ступени не одного только познания, но и совершення. Для этого нет иного пути, как овладения временем путем создания своего подвластного времени. Для этого надо ввергнуться всем существом в пучину жизни, завоевать ее целостным и всесторонним действием...

Валериан Муравьев. Овладение временем как основная задача организации труда. 1924 (Цит. по: В. Н. Муравьев. Овладение временем. М.: РОССПЭН, 1998, с. 295).

Время есть другое название для жизни...

Валериан Муравьев. Мысли и афоризмы (Там же, с. 283).

6.5.1. Система «времяпользования» А. А. Любищева и возможности ее применения и развития

[Ниже — рассказ о том, как социолог-испытатель пытался, на рубеже 70–80-х гг., следовать системе «времяпользования» А. А. Любищева, о которой впервые узнал из книги Д. А. Гранина «Эта странная жизнь».

Эта статья, в сокращенном виде, под названием «Концептуализированная самофотография бюджета времени как способ индивидуальной рефлексии», была опубликована в сборнике: Проблемы социального познания и управления. Томск, 1984.

Здесь публикуется по тексту рукописи 1983 г. — А. А.]

После опубликования документальной повести Даниила Гранина «Эта странная жизнь» в 1974 году [1; 2] стал широко известен эксперимент, поставленный на самом себе нашим выдающимся современником, ученым-энциклопедистом, биологом, философом Александром Александровичем Любищевым [3]...

Ремарка: кем был Любищев.

Вклад А. А. Любищева (1890–1972) в науку далеко выходит за пределы собственно биологических дисциплин, в которых он специализировался (энтомология, сельскохозяйственная наука, генетика, биометрия, морфология и систематика живого, эволюционная теория), — и является также крупнейшим общенаучным и общекультурным вкладом: философия природы, история и методология науки, гносеология, история и философия культуры, эстетика, этика, экономическая и политическая история, литературоведение... Список — не исчерпывающий! (Декабрь 1999).

...Это пример человека, отважившегося собственной жизнью если не решить, то поставить фундаментальную проблему **отношений человека со временем**.

На протяжении десятилетий, изо дня в день, А. А. Любищев вел кропотливый и неуклонный учет своего «времяпользования» в соответствии с выработанной им для себя **системой**. Эта система предполагала не только особым образом организованный хронометраж собственной жизни, но и регулярный самоотчет и оценку жизненной продуктивности...

Ремарка: учет, самоотчет и планирование.

Система «времяпользования» А. А. Любищева включала в себя:

а) **учет**, с точностью до 5 минут, затрат времени на всякое конкретное занятие;

б) **самоотчет** — ежемесячная и ежегодная статистика времени, посвященного основной научной работе: научному творчеству, чтению специальной литературы, научной переписке, — а также времени затрат на другие виды

занятий: лекции, доклады, чтение художественной литературы, чтение газет, личная переписка и т. д. (что не относилось Любищевым к основной работе);

в) **планирование** «времяпользования» — на месяц, на год.

Результаты: в среднем за день — из года в год — порядка 5 часов только «основной» научной работы. Точность выполнения планов на год — до 1% (Декабрь 1999).

... Вот как об этом пишет Д. А. Гранин:

... Для Системы нужно было знать **все деятельное время**, со всеми его закоулками и проблемами. Система не признавала времени, негодного к употреблению. Время ценилось одинаково дорого. Для человека не должно быть времени плохого, пустого, излишнего. И нет времени отдыха. Отдых — это смена занятий, это как правильный севооборот на поле... В этом была своя нравственность, поскольку любой час засчитывается в срок жизни, они все равноправны, и за каждый надо отчитаться... ([4], с. 35).

... Любичев вглядывался в отчет как в зеркало. Амальгама этого зеркала отличалась тем, что отражала не того, кто есть, а того, кто был, только что минувшее. В обычных зеркалах человек под собственным взглядом принимает некое выражение, не важно какое — главное, что принимает. Он — тот, каким хочет казаться...

У Любичева отчет беспристрастно отражал историю прожитого года. Его Система в свои мелкие ячи улавливала текучую, всегда ускользающую повседневность, то Время, которого мы не замечаем, недосчитываемся, которое пропадает неведь куда... ([4], с. 41–42).

... Меня поражала у Любичева смелость, с какой он обращался с плотью времени. Он умел ее осязать. Он научился обращаться с пульсирующим, ускользающим «теперь». Он не боялся измерить тающий остаток жизни в днях и часах. Осторожно он растягивал Время, сжимал его, стараясь не уронить, не потерять ни крошки. Он обращался с ним почтительно, как с хлебом насущным, ему и в голову не могло прийти — «убивать время». Любое время для него было благом. Оно было временем творения, временем познания, временем наслаждения жизнью. **Он испытывал благоговение перед временем** (*выделено мною*. — А. А.). Оказалось, что жизнь вовсе не так коротка, как это считается. Дело тут не в возрасте и не в насыщенности трудом. Урок Любичева состоял в том, что можно жить каждой минутой часа и каждым часом дня, с постоянным напором отдачи... ([4], с. 88).

... Через свою Систему он изучал себя, испытывал: сколько он может писать, читать, слушать, работать, размышлять? Сколько и как? Не перегружая себя, не взваливая не по силам, он шел по кромке своих способностей, оценивая их все более точно. Это был безостановочный путь самопознания... ([4], с. 105).

В итоге своего анализа «этой странной жизни» Д. А. Гранин делает следующий важный, обобщающий вывод:

... Автор убежден, что проблема разумного, человеческого обращения со временем становится все настоятельнее. Это не просто техника экономики, проблема эта помогает понять человеку смысл его деятельности. Время — это народное богатство, такое же, как недра, лес, озера. Им можно пользоваться разумно, и можно его губить. Так легко его проболтать, проспаться, истратить на бесплодные ожидания, на погоню за модой, на выпивку, да мало ли. Рано или поздно в наших школах начнут учить детей «временипользованию». Автор убежден, что с детства надо воспитывать любовь к природе и любовь ко времени. И учить, как беречь время, как его находить, как его добывать... ([4], с. 112).

К сожалению, нам неизвестны ни (кроме Д. А. Гранина) попытки осмысления замечательного опыта А. А. Любичева [*здесь автор проявил неосведомленность; см., например, [5]. — А. А.*], ни попытки практического воспроизведения — хотя бы использования основных идей его Системы [*а вот об этом — и по сей день автор никакой информацией не располагает. — А. А.*]. Возможно, отпугивает как раз максимализм, уникальность, недостижимость этого жизненного примера.

Проблема использования жизненного времени ставится сегодня и в научной литературе. В этом плане, как нам кажется, особого внимания заслуживает диссертационная работа С. Ф. Минаковой [6].

Позволим себе еще одно пространное цитирование:

...В целом бюджет времени индивида имеет рамки и ограничения, которые объективно заданы: физические границы суток и более длительных временных периодов, ограничения, накладываемые биологической природой человека (время, затрачиваемое на удовлетворение физиологических потребностей), структурные ограничения, задаваемые общественным способом производства (соотношение рабочего и вне рабочего времени, социальные ритмы труда и отдыха и т. п.). Однако в этих объективно заданных временных рамках активно действующий индивид относительно свободен.

Как объект воздействия природы и общества человек зависит от указанной структурно-временной регламентации, как субъект деятельности он стремится к ее преодолению, сообразно своим потребностям и интересам. Социально активный «человек, в котором его собственное осуществление выступает как внутренняя необходимость, как нужда» (Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956, с. 596), как бы «прогибает» жесткие рамки физического, биологического и социального времени (выделено мною. — А. А.). Раздвигаются рамки именно тех статей бюджета времени, в которых реализуется общая направленность личности... ([6], с. 12).

...Из наших исследований явствует, что большая часть дополнительного свободного времени затрачивается индивидом на основное, доминирующее занятие, с которым он идентифицирован. Величина свободного времени, оставшегося на другие занятия, может рассматриваться как обратный показатель силы направленности личности. Таким образом, данные бюджета времени позволяют выявить объект идентификации личности, систему предпочтений, общую направленность личности, а также силу этой направленности... ([6], с. 13–14).

Вряд ли есть необходимость дальше разворачивать переключку между видами художественного и научного исследований, между углубленным анализом уникального случая (Д. А. Гранин — об А. А. Любичева) и попыткой выявить универсальный социально-психологический механизм (С. Ф. Минакова).

Еще в 1920–30-х годах А. А. Ухтомский, отправляясь от своей психофизиологической теории доминанты, пришел к важнейшим обобщениям, связанным с понятиями «доминанты», «хронотопа» и др., позволяющим научно поставить проблему взаимоотношений человека со временем. Не углубляясь сейчас в эту тему, укажем лишь на посмертную публикацию «Писем» А. А. Ухтомского, которые содержат очень ценные наблюдения и глубокие замечания в этой связи [7].

Однако в настоящей работе не ставится задача обзора всей имеющейся литературы по данному вопросу.²⁸

Опыт А. А. Любичева выступает примером «предельного» овладения человеком структурой жизнедеятельности (и тем самым — структурой собственной личности). Это — осознанное использование «времени жизни»

²⁸ Ретроспективно, пожалуй, самым значительным событием в истории исследований проблемы отношений человека со временем являются лишь недавно извлеченные из забвения труды замечательного русского философа Валериана Муравьева (репрессированного в конце 20-х гг.) См: *Муравьев В. Н. Овладение временем* М.: РОССПЭН, 1998

(Труды В. Муравьева, думаю, не были известны Д. А. Гранину, в пору написания им «Этой странной жизни», иначе он наверняка включил бы их в круг своего рассмотрения, обсуждая «феномен Любичева»)

В этом подстрочном примечании мы вынуждены ограничиться лишь упоминанием имени Муравьева, а также одной, пионерной среди опубликованных о нем работ: *Аксенов Г. П. Времявлас-тие* (О Валериане Муравьеве и его философии) // *Вопросы философии*, 1992, ¹ 1

ни» с **максимальным коэффициентом полезного действия** в рамках определенного, наиболее отвечающего интересам и способностям, вектора деятельности субъекта. Научная работа (кстати сказать, на совершенно оригинальных, небывалых стыках разных наук!) — вот предмет «общей (поведенческой) направленности личности» этого человека, пользуясь терминологией С. Минаковой.

Но разве иные способы самореализации личности не могут быть столь же ответственными и нравственно организованными?

Представляется важным выделить из уникального опыта А. А. Любищева именно универсальные элементы. К ним, на наш взгляд, могут быть отнесены: **систематизированная рефлексия и жизненный самоотчет**, с использованием широко известной (но применяемой с другими целями) методики **самофотографии бюджета времени**.

Вообще говоря, ауторефлексия, деятельность самопознания является глубинной человеческой потребностью. Одни живут, «как трава растет», другие довольно жестко программируют свою жизнь. Но почти нет людей, которые совсем не размышляли бы о собственной жизни. В тех случаях, когда указанная рефлексивная потребность субъекта достаточно развита и размышление о жизни претендует стать действенным, можно попробовать пойти по стопам Любищева. Но не слепо копируя его Систему, а отправляясь от ее основных идей.

В 1978 году автор этих строк, находясь под сильным впечатлением опыта А. А. Любищева, представленного в книге Гранина, разработал методику «концептуализированной самофотографии бюджета времени», которую назвал — **«Время жизни»**. Эта методика создавалась «для личного пользования». Автор решает теперь ее рекомендовать, лишь опробовав на самом себе в течение трех лет. Начнем с изложения нескольких исходных принципов, положенных в основание методики.

Принцип первый: осознание **чрезвычайного многообразия** способов полноценного самоосуществления личности, в соответствии с разнообразием индивидуальных человеческих способностей и склонностей, а также конкретных жизненных обстоятельств. При этом предполагается принципиальный отказ от «статусно-престижной» оценки тех или иных видов деятельности и их результатов (скажем, научная работа есть деятельность «ценная», а занятия домашним хозяйством — будто бы нет). Иначе говоря, признается относительное **равноправие** различных «объектов идентификации» или ведущих направлений деятельности (кроме, разве что, тех, которые имеют отчетливо выраженный асоциальный характер).

Принцип второй: взаимное соответствие временной структуры повседневной деятельности и социально-психологической структуры личности конкретного человека. Следует признать, что **каков способ использования человеком своего времени, таков и он сам** (в данный период своей жизни). В противном случае человек предпринял бы усилия для осуществления жизненной перемены, которая позволила бы иначе распоряжать-

ся своим временем. Этот второй принцип непосредственно вытекает из цитированной выше концепции С. Минаковой и рассматривается в ряде наших с нею совместных работ (см. [8], [9], [10]).

Принцип третий: доверие к способности человека достаточно надежно различить: деятельность, которая является для него **самоценной, осмысленной, свободной**, и деятельность **«инструментальную», не свободную, вынужденную**. (О той и другой можно сказать словами Маркса: первая — «свободное проявление жизни и поэтому наслаждение жизнью», а вторая — «возлагается на меня под давлением лишь внешней случайной нужды, а не в силу внутренней необходимой потребности» ([11], с. 36)).

И, наконец, принцип четвертый: признание того, что человек способен оптимизировать структуру своей жизнедеятельности, с точки зрения так или иначе поставленных жизненных целей, опираясь при этом на самокритичный анализ названной структуры жизнедеятельности.

Здесь следует оговорить, что дихотомия: **свободная** (самоценная) и **инструментальная** (вынужденная) деятельность — производится нами в социально-психологическом смысле. Эти категории не следует отождествлять, скажем, с категориями не отчужденного и отчужденного труда, представленными в философии (хотя определенные точки соприкосновения тут наверняка имеются). Тем более, наша дихотомия не имеет ничего общего с общепринятым в социологических методиках бюджета времени различием рабочего и вне рабочего времени, равно как и рабочего времени и времени досуга. Внутри **любого** из названных подразделений жизненного времени могут быть обнаружены элементы и целые зоны как свободной, так и вынужденной деятельности (в нашем смысле).

Перефразируя известное замечание Маркса, можно сказать, что время свободной (самоценной) деятельности есть главное мерило богатства личности. Человек по-настоящему самореализуется в деятельности, отвечающей ведущей поведенческой и ценностной направленности его личности (какова бы ни была эта направленность: на работу, на семью, на развлечения и т. д.). Именно здесь он **свободен** («не свободен», разве что, от самого себя). Тут он — хозяин, во всем же остальном — так или иначе подчинен жизненным обстоятельствам.

Как могут реализоваться эти общие принципы в конкретной методике? Нами разработана и опробована схема самофотографии бюджета времени, позволяющая, без особого напряжения, фиксировать ценностное **содержание, место и продолжительность** всякой деятельности в течение дня. Хронометраж — примерный, с точностью не до минут, а до получаса. Поэтому достаточно делать необходимые записи в конце дня (на худой конец — в начале следующего дня, пока помнится).

При этом ключевым подразделением деятельности (в течение дня) является то, что выше определялось как свободная (самоценная) и вынужденная (не свободная) деятельность.

В рамках зоны свободной деятельности различаются следующие категории:

- **творчество**;
- **восприятие**;
- **общение**.

Подчеркнем, что и то, и другое, и третье — трактуются нами как принципиально самоценные.

Конечно же, воспринимать что-либо, равно как и общаться с кем-либо, можно и «поневоле». Но такое «квазивосприятие» или «квазиобщение», в сущности, полноценными не являются. Что касается «вынужденного творчества», то это и вообще нонсенс (хотя импульс для творчества может быть не обязательно внутренним; но дальше уже от субъекта зависит, захочет ли он, сможет ли — включить в это занятие творческий элемент или мотив).

В обычных методиках бюджета времени используются так называемые объективные классификации (например, на досуге человек может: «читать», «смотреть телевизор», «заниматься спортом» и т. д.). Здесь — иное. Сущность, ценностное содержание деятельности могут быть выявлены лишь **через субъективную оценку**. То есть — через усмотрение самим человеком, является ли данная деятельность для него свободной либо вынужденной.

Понятно, что, по-видимому, одно и то же занятие (например, выполнение производственных обязанностей или домашний труд) может находить у человека различные субъективные определения в различных обстоятельствах. Но одна из главных задач методики как раз и состоит в выяснении соотношения свободы и несвободы в каждом конкретном виде деятельности. И — соответственно — пропорций различных видов занятий в зонах несвободы и свободы.

Универсальным измерителем выступает **время**. Бывает, что однозначная оценка конкретной деятельности в качестве самоценной или вынужденной — затруднительна. Тогда целесообразно либо дальнейшее квантование, дробление деятельности на отдельные элементы, либо условный перевод соотношения свободы и несвободы во временные пропорции, в рамках данного занятия.

Следует иметь в виду, что границы и между такими категориями, как творчество, восприятие, общение, всегда размыты (ведь и общение, и восприятие могут быть творческими; восприятие может осуществляться в ходе общения; и т. д.). Отсюда необходима выработка определенных (разумеется, условных, но единообразно применяемых самим субъектом) критериев определения того, что именно в данном занятии преобладает. Или же — условно распределить суммарную продолжительность занятия между разными рубриками.

Что касается **места** деятельности, то здесь классификация вполне объективная. В нашей методике различаются:

- **работа** (имея в виду место основной работы);
- **дом** (имея в виду собственное жилище);

— **учреждение** (всякое «не домашнее» помещение, исключая место основной работы; сюда входят и любое «присутственное» место, и, скажем, магазин или кинотеатр);

— **гости** (имея в виду любое жилище, кроме своего собственного);

— **транспорт** (любое средство передвижения);

— **улица** (пешее перемещение или просто пребывание вне помещения, кроме «природы»);

— и, наконец, **природа** (для городского жителя — пребывание за городом).

Простейшая матрица (образцы подневных записей см. в Приложении) позволяет единообразно и компактно отразить всю эту информацию на карточке или листе не больше тетрадного формата.

Такова общая схема. В принципе, не возбраняется фиксировать (скажем, на обороте карточки) конкретное занятие, иную содержательную информацию (скажем, читал — **что**; общался — **с кем**; и т. д.). Автор этих строк, как правило, так и делал. То есть — совмещал свою «концептуализированную самофотографию бюджета времени» с заметками для памяти, краткими дневниковыми записями. Эта информация полезна для последующего самоанализа. Особенно же важно сочетать самофотографию бюджета времени с параллельной (встроенной в нее) регистрацией значимых событий своей жизни в этот период. В таком случае данные хронометража становятся доступнее для истолкования, самооценки.

Чем более квантована деятельность, чем конкретнее предмет оценки, тем более вероятно, что эта оценка будет **адекватной**. Определить час или даже день своей жизни как «наслаждение жизнью» или как «насилие над собой» — можно надежнее, чем целую прожитую неделю, месяц, год. Простейшей процедурой накопления материалов ежедневной самофотографии бюджета времени человек обретает возможность самопознания.

Обработка результатов такого самонаблюдения — элементарна. Данные суммируются понедельно, помесечно и т. д. Искомые соотношения категорий, пропорции свободы и несвободы могут быть усмотрены и из этих суммарных данных. Но еще удобнее приводить итоговую картину к показателям **среднесуточного времени**, уделяемого, скажем, творчеству, восприятию, общению, затрачиваемого на вынужденную деятельность и т. д. Или же — еще более подробно — измерять среднесуточное время творчества, скажем, дома и вне дома, время, проводимое на природе или в транспорте, и т. п.

Понятно, что время сна фиксируется объективно. Что касается времени на удовлетворение физиологических нужд (еда, личная гигиена), то оно специально не регистрируется, а условно отождествляется с «зоной неопределенности», или остатком от вычитания из времени суток (24 часа) суммарного времени свободной и несвободной деятельности, а также времени сна. В нашем опыте этот остаток составлял обычно час-полтора.

Ниже приводятся усредненные **для целых лет** (в данном опыте — три года) данные о среднесуточном использовании времени автором этих строк, полученные с помощью данной методики.

Таблица

Структура времяпользования А. А.	1979	1980	1981
Время сна	7,9	7,6	7,4
Время свободной (самоценной) деятельности	10,6	12,3	12,4
<i>в том числе:</i>			
— творчество	2,5	4,5	4,2
— восприятие	4,3	4,3	4,8
— общение	3,8	3,5	3,4
Время вынужденной (не свободной) деятельности	3,9	2,7	2,4
Не учтенные временные траты (включая удовлетворение физиологических нужд)	1,6	1,4	1,8
<i>Итого:</i>	24,0	24,0	24,0

Для интерпретации этой картины данных следует учитывать одно **значимое событие жизни субъекта**, ведшего такой хронометраж. Как раз на рубеже 1979 и 1980 годов произошла существенная жизненная переменна, а именно — смена места и характера основной работы, инициативный переход автора из ролевой позиции научного сотрудника академического института в позицию рабочего на заводе (в целях исследования производственной жизни изнутри, «глазами рабочего»). Наша методика позволила выявить (и в известном смысле измерить) структурные сдвиги в системе жизнедеятельности субъекта в новых условиях.

Понятно, что использованные нами категории анализа (творчество, восприятие, общение) получают существенно различное предметное наполнение в ситуациях работы в научном институте или в качестве рабочего на заводе. Со сменой работы возникли новые объекты и формы творчества, новые предметы восприятия, круги общения и т. д. Например, к профессионально-научному и общекультурному восприятию добавилось наблюдение ситуаций производственной жизни. Появилось социально-организационное и техническое творчество. Но сохранилась также и преемственность, в частности — в ведении традиционной научной работы (по совместительству или же на общественных началах).

С учетом задач нашего самонаблюдения (анализ соотношений времени свободной и вынужденной деятельности, а также времени пропорций творчества, восприятия и общения), различное предметное наполнение категорий деятельности вовсе не делает некорректными диахронические сопоставления. Из таблицы видно, что от 1979 к 1980 году более чем на 1,2 ч среднесуточного времени сузилась зона несвободы и на 1,7 ч расширилась зона свободы. Причем прежде всего — за счет увеличения времени, уделяемого творчеству.

(Здесь заметим, что для среднесуточного показателя изменение продолжительности занятий, относящихся к определенной категории

деятельности, на 1–2 часа — это очень много! Увеличение времени творчества чуть не вдвое — это еще более радикальное переструктурирование жизнедеятельности.)

Примечательно, что специальное выделение такого вида творчества, как научно-литературная работа, показало, что затраты времени на нее, в итоге указанной жизненной перемены, не уменьшились, а возросли. Соответствующие показатели (не отраженные в таблице): 1979 г. — 2,5 ч; 1980 г. — 3,1; 1981 г. — 2,4. Скачок вверх от 1979 к 1980 году может показаться парадоксальным, однако поддается объяснению, с учетом условий производственной занятости в первый год работы на заводе.

Наш опыт использования настоящей методики позволяет сформулировать несколько практически испытанных правил, или **способов интерпретации** получаемых результатов. Вот они.

Правило первое. Конкретные виды деятельности, составляющие преобладающее наполнение зоны свободы, достаточно точно указывают на общую (поведенческую) направленность личности субъекта (в терминах С. Минаковой). Методика позволяет не только идентифицировать эту направленность, но и отчасти измерить ее «силу».

Правило второе. Преобладание времени вынужденной деятельности над временем деятельности самоценной (или относительный дефицит последней) может рассматриваться как предупреждение или свидетельство жизненного кризиса. В таком случае уместно активное вмешательство субъекта в ход и течение собственной жизни. Необходимы жизненные шаги, направленные на перестройку всей структуры жизнедеятельности.

Правило третье. Для каждого человека складываются свои, отвечающие складу его характера и жизненным интересам, соотношения времени творчества, восприятия и общения. Однако в общей тенденции они должны быть сбалансированы. Относительный дефицит какой-либо из категорий деятельности не только дискомфортен, но и существенно обедняет, как бы выхолащивает остальные.

Можно сделать следующий **общий вывод**: методика «Время жизни», в случае достаточно развитой рефлексивной способности субъекта и высокой заинтересованности в трезвой самооценке и оптимизации своего способа жизни, открывает определенные возможности не только для самопознания, но и для саморегуляции жизненного процесса.

Проведенный нами методический эксперимент позволяет во всяком случае утверждать, что опыт А. А. Любичева, уникальный, как всякое открытие, вовсе не является не воспроизводимым. Этот опыт заслуживает как дальнейшего философско-этического осмысления, так и развития в научно-методическом и чисто прикладном планах.

В заключение предоставим слово самому А. А. Любичеву:

...Моя система способствует повышению продуктивности работы и вместе с тем является эквивалентом санатория... Путем постоянной тренировки я значительно увеличил свою работоспособность и потому я рекомендую попытаться применить эту систему в порядке опыта.

Каковы достоинства этой системы? 1) Повышение эффективности. Это иллюстрация к словам поэта: «Ты сам свой вышший суд». Она приучает к точному учету всего того, что сделано, и к самоконтролю. 2) Полезно отражается на здоровье, избавляет от скуки, от возможности говорить, что «делать нечего». 3) Самокритика, самопонимание увеличивается тогда, когда вы видите, насколько вы правильно используете любое время... ([12], с. 14).

По утверждению самого А. А. Любищева, его система

...пригодна для тех, кто в известном смысле сходен со мной по следующим признакам: главный интерес в жизни — научная работа, не профессия, а основное содержание; большие поставленные перед собой задачи, требующие разносторонних знаний; с возрастом не сужение интересов, а, наоборот, все продолжающееся расширение... ([12], с. 9).

Конечно, ограничения, накладываемые А. А. Любищевым на применимость его Системы, справедливы. Слепое копирование всякого индивидуального опыта малоперспективно. Нашу методику «**Время жизни**» мы тоже не рекомендуем воспроизводить «один к одному». Но возможность пойти по стопам Любищева открыта для всякого человека, ищущего самопознания и самосовершенствования.

Литература

1. Гранин Д. А. Эта странная жизнь // Аврора, 1974, ¹¹ 1, 2.
2. Гранин Д. Эта странная жизнь. М., 1974.
3. Александр Александрович Любищев. 1890–1972 / Под ред. П. Г. Светлова. Л.: Наука, 1982.
4. Гранин Д. Эта странная жизнь / Гранин Д. Выбор цели. М., 1975.
5. Время — союзник или враг? Диалоги о повести Д. Гранина «Эта странная жизнь» ведет критик Виктор Дмитриев — с учеными Н. Амосовым, Р. Баранцевым, С. Мейеном, Р. Хохловым, Ю. Шрейдером, а также с автором // Вопросы литературы, 1975, ¹ 1.
6. Минакова С. Ф. Бюджет времени и общая направленность личности (по материалам исследования отношения рабочих и инженеров к продолжению образования). Автореф. канд. дисс. Л., 1979.
7. Ухтомский А. А. Письма / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке. Вып. 10. М.: Советский писатель, 1973.
8. Алексеев А., Минакова С. «Скажи мне, чем ты увлечен?..» // Литературное обозрение, 1980, ¹ 9.
9. Алексеев А., Минакова С. Способ быть счастливым (социально-психологический этюд) // Нева, 1982, ¹ 3.
10. Минакова С., Алексеев А. Овладение специальностью и овладение собой // Молодой коммунист, 1982, ¹ 10.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 42.
12. Любищев А. А. Такая добровольная каторга // Химия и жизнь, 1976, ¹ 12.

А. Алексеев, июнь 1983²⁹

²⁹ См также: Алексеев А. Н. Система «времяпровождения» (смысловая опечатка; надо: «время-пользования»). — А. А.) А А Любищева и возможности ее применения и развития / Любищевские чтения 1999 Ульяновск: Ульяновский гос педагогический университет, 1999

* * *

От автора — сегодня

«...Тот, кто однажды столкнулся с Любичевым, будет снова возвращаться к нему, — писал Д. Гранин в своей повести «Эта странная жизнь». — Автор заметил это не только по себе, но и по многим людям, число которых растет» (Д. Гранин. *Эта странная жизнь*. М., 1974, с. 184).

Здесь следует сказать, что система «времяпользования» А. А. Любичева является лишь одной из сторон удивительного человеческого и культурного феномена — гения, отраженный свет которого пал и на автора настоящей книги.

...Через год после того, как была написана вышеприведенная работа («Самодиагностика бюджета времени как способ индивидуальной ауторефлексии»), уже в 1984-м, состоялась знаменательная для меня **встреча** — начало дружбы с математиком и философом Рэмом Георгиевичем Баранцевым. Тот на протяжении многих лет переписывался с Любичевым.

(Любичев последние 20 лет своей жизни жил и работал в Ульяновске; Баранцев — живет и работает в Санкт-Петербурге.)³⁰

Из письма А. А. Любичева к Р. Г. Баранцеву (29. 11. 79):

«...Я давно думал, а сейчас укрепился в своем мнении, что Вас я считаю в случае смерти (возможно недалекой) моим душеприказчиком, стоящим в самом первом ряду претендентов на получение моего архива (довольно значительного). К таким идейно мне особенно близким людям я отношу (исключая лиц, мне близких по возрасту, так как в силу своего возраста они не являются надежными душеприказчиками) Юлия Анатольевича Шрейдера в Москве и Михаила Давидовича Голубовского в Новосибирске...». (Цит. по: А. Любичев. *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. СПб.: Алетейя, 2000, с. 5)

Из воспоминаний Ю. А. Шрейдера.³¹

«...В октябре 1972 г. мне довелось участвовать в разборе архива скончавшегося за полтора месяца до этого в возрасте 82-х лет Александра Александровича Любичева... И вот мы втроем (Р. Г. Баранцев — профессор Ленинградского университета — и двое москвичей С. В. Мейен и я) едем в Ульяновск, чтобы вместе с учениками А. А. Любичева В. С. Шустовым и Р. В. Наумовым решить судьбу оставшегося архива и библиотеки...» (Ю. Шрейдер. *Три жизни профессора Любичева / Пути в неизвестное. Писатели рассказывают о науке*. Сб. 14. М., 1978, с. 393–394).

Архив Любичева (2000 печ. листов), включающий неопубликованные научные труды, переписку, дневники, был впоследствии депонирован его дочерью Еленой Александровной Равдель (ныне покойной) и его «душеприказчиками» в Санкт-Петербургское отделение Архива РАН (фонд ¹ 1033).

...Ныне, благодаря усилиям Р. Г. Баранцева и других младших друзей и учеников Любичева, творческое наследие замечательного ученого-энциклопедиста и мыслителя стало активно осваиваться.

Здесь ограничимся перечислением **только монографических** публикаций А. А. Любичева, появившихся за последние 20 лет:

³⁰ О Рэме Георгиевиче Баранцеве подробно см в главе 8: раздел «Дело Баранцева» Интермедия» См также и др разделы этой книги

³¹ Выдающийся математик и философ, и тоже энциклопедист — Юлий Анатольевич Шрейдер скончался в 1998 г

— *Проблемы формы, систематики и эволюции организмов*. М.: Наука, 1982; *Дисперсионный анализ в биологии*. М.: МГУ, 1986; *Каким быть (мое пожелание молодежи). Основной постулат этики. Двух станом не боец. Партийность культуры. О морали, браке, любви*. Ульяновск, 1990; *В защиту науки*. Л.: Наука, 1991; *Материалы в помощь начинающим научным работникам*. Ульяновск: УГПИ, 1991; *Расцвет и упадок цивилизаций*. Ульяновск-Самара: Русский лицей, 1993; *Мысли о многом*. Ульяновск: УГПУ, 1997; *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. М.: Электрика, 1997; А. А. Любичев — А. Г. Гур-вич. *Диалог о биополе*. Ульяновск: УГПУ, 1998; *Этика ученого*. Ульяновск: УГПУ, 1999; *Линии Демокрита и Платона в истории культуры*. СПб.: Алетейя, 2000; *Наука и религия*. СПб.: Алетейя, 2000.³² (Во всех перечисленных изданиях имя Любичева — на титуле).

Суммарный объем этих посмертных публикаций уже далеко превысил объем прижизненных.

Литература о Любичеве на русском языке сегодня превышает 100 наименований. Еще в 1982 г. в биографической серии АН СССР вышла книга: Александр Александрович Любичев. 1890-1972. Л.: Наука, 1982. Недавно вышла книга: А. А. Любичев. *Творческий портрет*. Ульяновск: Симбирская книга, 2001, — включающая, среди прочего, 30 откликов на анкету натуралиста, философа и поэта Ю. В. Линника о Любичеве, распространенную им в 1977 г.

До 1990 г. Любичевские чтения, посвященные биологическим, общенаучным и философским проблемам, происходили в основном в Ленинграде и в Москве. Ныне центр этих чтений переместился в г. Ульяновск.

В 1990 г. (год столетия со дня рождения Любичева) на стене старого корпуса Ульяновского педагогического института (ныне Ульяновский гос. педагогический университет) был открыт мемориальный горельеф.

В апреле 2002 г. в Ульяновске состоятся очередные (уже четырнадцатые!) Любичевские чтения. Оргкомитет этих чтений в Ульяновском педагогическом университете (в составе: проф. Р. В. Наумов, доц. А. Н. Марасов, доц. В. А. Гуркин) является постоянно действующим.

«Три жизни Любичева»... По мысли Ю. Шрейдера, первая жизнь профессора Любичева — это «жизнь квалифицированного творческого специалиста в сравнительно узкой области, биологии»; вторая жизнь (после выхода на пенсию в 1955 г.) — «потрачена на осмысление и разработку методологических проблем науки, далеко выходящих за пределы собственно биологии».

«...То, что произошло потом [после смерти Любичева. — А. А.] не назовешь иначе как третьей жизнью, — пишет Ю. Шрейдер, — внезапно открылся масштаб творческой личности, возник массовый интерес к нарабатанному Любичевым запасу идей и к его личности.

Все это не похоже ни на ритуальное почитание памяти, ни на иллюзорное бессмертие застывших идей. Мысли Любичева не стали каноном. Пишущие о нем и работающие в его направлении продолжают диалог. То, во что трансформируются в дальнейшем идеи Любичева, может оказаться неожиданным для самого Александра Александровича.

³² Последние две фундаментальные работы А. А. Любичева вышли под редакцией Р. Г. Баранцева

Может в этом наилучшая форма бессмертия, которое наука дарит тем, кто ее делал...» (Ю. А. Шрейдер. Три жизни профессора Любищева / Пути в неизяемое. Писатели рассказывают о науке. Сб. 14. М., 1978, с. 397).

И еще — значимое в контексте настоящей книги — замечание Ю. Шрейдера: «...Почти ровесник А. А. Любищева М. М. Бахтин (живший по странной случайности в Саранске — совсем близко от последнего места обитания Любищева) создал теорию диалога как способа познания человека. Любищев фактически осуществлял диалог в естествознании и в познании природы науки как человеческой деятельности...» (Ю. А. Шрейдер. Указ. соч., с. 396).

Это писано (точнее сказано — напечатано) в 1978-м. А вот из «Заметок» Ю. Шрейдера о Любищеве, датированных январем 1973 г., т. е. лишь полгода после того, как Любищева не стало:

«...Александр Александрович Любищев прожил долгую, светлую и преисполненную радости жизнь.

С первым аспектом, вероятно, согласится любой человек средних лет, когда срок 82 года кажется еще достаточно большим.

Второй естественно приходит в голову всем, хоть немного знавшим покойного.

С третьим не согласятся очень многие. Этим многим Александр Александрович представляется человеком, незаслуженно обиженным судьбой, не оцененным по достоинству, обойденным почестями, известностью.

*И все-таки я готов настаивать на том, что жизнь Александра Александровича была преисполнена **радости** (выделено мною. — А. А.), что в ней не было ничего пустого, ненужного, мелкого. Он не был наивным человеком, создающим себе иллюзию счастья. Вряд ли последнее понятие имело для него смысл. Но он жил поиском и отстаиванием истины и пребывал в радостном состоянии духа, которым заражал своих собеседников и корреспондентов...» (цит. по: Любищевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999, с. 8).*

Воистину так! (Июнь 2000 — ноябрь 2001).

6.5.2. Время жизни и триада свободной жизнедеятельности

[Особенно в последние годы автору этих строк приходилось неоднократно обращаться к «любощевской теме». В частности, в 1999–2001 гг. быть участником Любищевских чтений, ежегодно проходящих в г. Ульяновске.

В докладе, подготовленном для XIV Любищевских чтений (апрель 2002), осуществлена «ревизия» давней авторской классификации категорий деятельности в «зоне свободы» (творчество, восприятие, общение).

Ниже фрагмент из этого доклада, одноименного с названием этого раздела. — А. А.]

Из доклада для XIV Любищевских чтений (2002)

*<...> Автор полагал тогда и сейчас исходит из той предпосылки, что индивидуальная человеческая жизнедеятельность есть некий сплав и одновременно конфликт **свободы** (она же — «внутренняя необходимость» и глубинная человеческая потребность) и **несвободы** (она же — «внешняя необходимость», обусловленность или заданность биологической приро-*

дой человека и социальными обстоятельствами). Первая есть не что иное как действительное самоосуществление личности, а вторая эмпирически представлена теми сторонами жизни, без вовлеченности в которые «не обойтись» ищущему самореализации субъекту. Примем за отправной пункт нашего рассуждения тезис о принципиальном различии свободной (самоценной) и вынужденной («инструментальной») деятельности, в пределах всякого конкретного жизненного процесса.

Разумеется, это различие не абсолютно, ни в объективном, ни в субъективном отношениях. В объективном — поскольку самоценная и «инструментальная» деятельности сплошь и рядом тесно переплетены, взаимопроникают друг друга. В субъективном же — поскольку человек далеко не всегда отдает себе отчет в соотношении свободы и несвободы как в отдельных своих жизнепроявлениях, так и в собственной жизни в целом.

Однако идеальное разграничение этих двух аспектов жизнедеятельности возможно. И даже (как показал, в частности, наш опыт) они поддаются измерению путем самофотографии бюджета времени, учитывающей временные траты на занятия, которые человек определяет для себя как желанную (а стало быть — свободную) либо не желанную (а стало быть — вынужденную) деятельность.

Понятно, что такие самоопределения крайне субъективны. Но кому же, как не самому действующему субъекту, лучше судить — где и когда он свободен (делает то, что хочет), а где и когда несвободен (подчиняется «внешней нужде»)?

Тут надо сказать, что вовсе не обязательно быть «высокоразвитой» или «творческой» личностью, чтобы степень свободы жизнедеятельности в изложенном смысле была высока. Человек может находить удовлетворение и даже радость (скажем, «покой и волю») — и в, по-видимому, вынужденных бытовых занятиях, и в малосодержательных видах труда, и в примитивнейших формах отдыха, и в общественно не одобряемых формах поведения. Но как бы ни понимать свободу, в любом случае ее (не всегда артикулируемая) ценность для человека исключительно велика. Это, повторим, одна из глубинных человеческих потребностей. (В ряд с нею можно поставить, скажем, потребность в понимании, потребность любви, потребность самосохранения.)

Каковы же основные направления действительного самоосуществления личности, главные «русла» свободной жизнедеятельности? В нашей методике хронографического самонаблюдения конца 70-х гг. в качестве ключевых понятий были взяты: **творчество, восприятие и общение**. Эти общие категории операционализировались в методике, названной «Время жизни» и обращенной к самому себе, следующим образом. <...>

[Здесь опущено описание эмпирических характеристик свободной деятельности, в основном повторяющее сказанное в работе 1983; см. выше. — А. А.]

Понятно, что абсолютно разграничить эти три аспекта свободной жизнедеятельности невозможно. Скажем, чтение хорошей книги — это «со-труд» души (и постольку — творчество). Творчество часто осуществляется

в процессе общения, диалога. Само по себе собеседничество естественным образом предполагает восприятие и, вместе с тем, является творческим актом. И т. д., и т. п.

Но для нашего эксперимента такое различие направлений или «векторов» свободной жизнедеятельности оказалось не только эвристически ценным, но и «удобным»: оно работало!

Итак: время жизни человека, оказывается, можно идеально (а если сделать ряд условных допущений, то и эмпирически) подразделить на «зону несвободы» (вынужденная деятельность, включая также суррогаты творчества, восприятия и общения, осознаваемые субъектом в качестве таковых) и «зону свободы». В последней представлены «истинные» творчество, восприятие и общение как элементы свободной жизнедеятельности.

(Здесь не станем углубляться в вопрос о «мере свободы» физиологического поддержания человеческого существования. Понятно, что в «полное» время жизни входит и сон, и личная гигиена, и прием пищи, и физическая релаксация, в рамках нашей методики выведенные за рамки предложенной классификации.)

Обращаясь сегодня к изложенной выше концептуальной схеме, нахожу, что использованный мною в свое время термин «восприятие» неадекватен в одном ряду с «творчеством» и «общением». Теоретически корректно говорить о **познании, общении и творчестве** как элементах триадической глубинной структуры свободной жизнедеятельности. (Указанные выше эмпирические референты «восприятия» могут быть в равной мере отнесены и к «познанию».)

Как видно, двадцать с лишним лет назад, разрабатывая упомянутую ауторефлективную методику, автор стихийно (как господин Журден, говорящий прозой, не ведая о том) сделал шаг на пути к тринитарной методологии. Когда, позднее (в середине 80-х), посчастливилось встретиться с Р. Г. Баранцевым и познакомиться с его трудами, у автора этих строк возникло предположение, что триада: познание, общение, творчество, — может рассматриваться как системная.

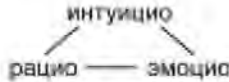
В частности, указанная структура представляется соответствующей открытому Р. Баранцевым триадному архетипу: **рацио, эмоцио, интуицио** (см. Баранцев Р. Г. Динамика как путь к синтезу / Семиодинамика. Труды семинара. СПб., 1994, и др. работы этого автора). В соединении рационального (явственно выраженного в познании), эмоционального (наиболее сильно представленного в общении) и интуитивного (всегда присутствующего в творчестве) аспектов достигается целостность самореализации личности как субъекта свободной жизнедеятельности. «В системной триаде каждая пара находится в соотношении дополнительности, а третий элемент задает меру со-единения» (Баранцев Р. Г. Тринитарный смысл культуры / Культура XXI века: Человек, Общество, Космос. Владивосток, 1996, с. 64).³³

³³ Подробнее об этом см. в приложениях к главе 8: раздел «Р. Г. Баранцев. Фрагменты о системных триадах»

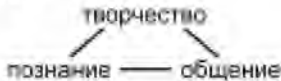
Ремарка: **системная триада — изображение на плоскости.**

Воспользуемся здесь предложенным Р. Г. Баранцевым способом графического изображения системной триады в виде правильного (равнобедренного) треугольника:

Триадный архетип (1)

Системная триада (2)

Если принять треугольник (2) за основание тетраэдра, то вершина этого последнего обозначит результат синтеза показанных здесь трех элементов: **свободная жизнедеятельность**. (Январь 2002).

Интересно, что давнее хронографическое самонаблюдение показало, в частности, что не просто расширение «зоны свободы» (за счет усилий по сокращению «зоны несвободы») потребно субъекту жизни. Относительный дефицит какого-либо одного из названных направлений или аспектов деятельности в процессе жизни (в тот или иной ее период) не только психологически дискомфортен для самосознающей личности, но и существенно обедняет, как бы выхолащивает остальные, эмпирически преобладающие. То есть необходим определенный (разумеется, не универсальный, а индивидуально изыскиваемый) «баланс», а также **внутренняя связанность** познания, общения и творчества, чтобы жизнь человека была гармоничной, осмысленной и эффективной.

<...> Подводя итог, можно сказать, что действительная свобода и целостность человеческого самоосуществления возможны лишь при условии воплощения в нем указанного триединства.

Возвращаясь же к «феномену Любищева», отметим: А. А. Любищев был гением Познания, Общения и Творчества, а точнее — их синтеза. При этом вся его жизнь являет для нас пусть недостижимый, но вдохновляющий пример свободной жизнедеятельности.

А. Алексеев, декабрь 2001

6.5.3. Будьте независимы! (Заветы Любищева)

Каким быть (мое пожелание молодежи)

<...> И вот я думаю, что я все-таки имею право дать совет молодым людям на их жизнь. Мой совет: **будьте независимы** [здесь и далее выделено мною — А. А.], и этот совет можно понимать в разных смыслах:

1. **Независимость от окружающих.** «Ты сам свой высший суд». Это вовсе не означает презрения к людям или культа собственной личности. Это просто означает, что высшим арбитром в решении спорных вопросов должны быть собственные разум и совесть.

2. **Независимость от условий среды.** Очень часто в оправдание обывательского загнивания приводят слова: «среда заела», говорят о скуке и однообразии тех или иных условий существования. Но мы знаем множество примеров, когда человек, усиленно работая над собой, преодолевая самые неблагоприятные условия, не только достигал хорошего среднего уровня, но подымался по своим результатам и по своему умственному развитию высоко над окружающим уровнем.

3. **Независимость от узкой специализации.** Специализация необходима и неизбежна, но это не влечет за собой разделения всего человечества на узких специалистов. Есть хорошее изречение: надо знать все кое о чем и кое-что обо всем. Умственная культура человека должна строиться не в одном направлении и не в одной плоскости, а по крайней мере в двух-трех, взаимоперпендикулярных направлениях; такой принцип осуществляет связь разных специальностей и обуславливает целостность и прочность всего мировоззрения человека.

4. **Независимость от догматов любого сорта:** если можно говорить о бесспорном выводе из истории человеческой культуры, то любое, самое прогрессивное учение, переходя в неподлежащий критике догмат, из стимула развития превращается в тормоз развития. <...>

А. А. Любищев, 25.01.56

(Цит. по: А. А. Любищев. Каким быть (мое пожелание молодежи). Основной постулат этики. Двух станом не боец. Партийность культуры. О морали, браке, любви. Ульяновск, 1990; см. также: XII Любищевские чтения. Ульяновск, 2000, с. 85).

6.6. «Время жизни»: результаты самонаблюдения и их обсуждение

[Ниже — материалы, относящиеся к применению методики «Время жизни» до и в период эксперимента социолога-рабочего (1979–1981). — А. А.]

6.6.1. Самофотография жизненного времени как обоснование жизненной перемены

Ремарка: отчет «для внутреннего пользования».

Среди публикуемых в этой книге текстов есть такие, о существовании которых автор начисто забыл и вот теперь случайно обнаружил в своем архиве. К ним относится и нижеследующий — приложение к научно-организационному отчету за 1979 г.

Сам по себе этот отчет был довольно насыщенный: семь публикаций; столько же подготовленных к печати работ; около десятка докладов на научных семинарах и конференциях; несколько научно-практических записок для партийных органов (жанр, особенно популярный в то время); четыре командировки (от Тынды до Будапешта).

Но вот инициативное приложение к отчету — «Опыт самофотографии рабочего и жизненного времени социолога, ст. науч. сотрудника академического института на протяжении 300 дней (январь-октябрь 1979)».

Этот документ «для внутреннего пользования», адресованный научному руководителю (В. А. Ядов), начинается с расчета количества рабочих дней, соответственно — количества часов, проведенных в помещении института и вне его. Далее следует самоанализ «времяпользования». (Сентябрь 1999).

<...> Из общего фонда жизненного времени, А. в период с января по октябрь 1979 г. затрачивал в среднем за сутки:

- на сон — 7 час. 55 мин. ;
- на удовлетворение иных физиологических потребностей (прием пищи, личная гигиена) — 1 час 40 мин. ;
- на содержательную (свободную, осмысленную) профессиональную деятельность — 5 час. 00 мин. ;
- на бессодержательную (вынужденную) профессиональную деятельность — 2 час. 00 мин. ;
- на содержательную деятельность, не связанную непосредственно с работой («досуг») — 5 час. 30 мин. ;
- на бессодержательную деятельность, не связанную непосредственно с работой — 1 час. 55 мин.

Итого: 24 час. 00 мин.

Итак:

1. В течение рассматриваемого периода (300 дней) субъект затрачивал на профессиональную деятельность в среднем 7 часов в сутки, или в 1,4 раза больше положенного по сетке рабочих часов. (В среднесуточный расчет входят и выходные, и праздники).

2. Около 30% этого времени (2 часа в сутки) были заняты бессодержательной, бессмысленной (с точки зрения субъекта) деятельностью.

3. Остальные 70% этого времени (5 часов в сутки) затрачены на относительно содержательную, осмысленную деятельность (в той мере, в какой субъекту удавалось сделать ее таковой).

4. В структуре времени профессиональной содержательной деятельности около 40% (2 часа в сутки) приходится на профессиональное творчество и примерно по 30% (по 1,5 часа в сутки) на профессиональное восприятие и профессиональное общение.

5. Время содержательного досуга у субъекта оказалось несколько больше времени содержательного труда и составило 5 час. 30 мин. в сутки. (Около 45 мин. из них приходится на ту часть времени, проводимого в транспорте, которую удается использовать для чтения).

6. В структуре времени содержательного досуга около 10% (35 мин. в сутки) приходится на непрофессиональное творчество, около 50% (2 час. 45 мин.) — на непрофессиональное восприятие, и 40% (2 час. 10 мин.) — на непрофессиональное общение.

7. Наконец, около 2 часов в сутки (1 час. 55 мин.) субъект затрачивал на такие перемещения в пространстве, которые не удается совместить с чтением, на бытовые заботы и иные вынужденные траты времени, непосредственно не связанные ни с работой, ни с досугом.

Предоставляем читателю сделать самостоятельный вывод из настоящего опыта «драматической социологии» [*вот, оказывается, когда впервые появился у автора этот термин!* — А. А.], не навязывая своего **главного вывода** (помещенного на отдельной странице).

[*Главный вывод.* — А. А.]

Из проведенного анализа видно, что за достаточно продолжительный контрольный период (300 дней) среднесуточное «время творчества» субъекта составляло 2 час. 35 мин. (в том числе 2 часа профессионального творчества).

Может быть, кому-нибудь этот результат и покажется удовлетворительным (и даже обнадеживающим!), но мы так не думаем. Есть ли резервы для увеличения названной статьи бюджета жизненного времени?

В иные месяцы (например, март и июнь 1979 г.) время творчества (в основном профессионального) достигало 4 и даже 5 часов в сутки. Но это происходило не столько за счет сокращения времени вынужденной, бессодержательной деятельности, сколько за счет минимизации «времени восприятия» или «времени общения», т. е. за счет перераспределения временных затрат в зоне самой содержательной, свободной деятельности. В известных пределах это допустимо, однако форсирование такого пути чревато духовным истощением личности.

Другой путь связан со всемерным сокращением времени сна, удовлетворения физиологических потребностей и т. п. По-видимому, здесь тоже еще есть резервы, но чрезмерное их «вычерпывание» грозит физическим изнурением личности.

Напрашивается вывод, что главные резервы повышения творческого «кпд» личности, без ее истощения (в тех или иных формах), заключены в среднесуточных 2 часах бессодержательной профессиональной деятельности, а также в самом времени содержательной профессиональной деятельности (5 часов в сутки), львиная доля усилий в рамках которого уходит на «борьбу с энтропией» и на **наделение смыслом труда, настойчиво тяготеющего к бессмыслице**.

Иначе говоря, более эффективная и устойчивая творческая самореализация субъекта, если и достижима, то на пути **радикальной перестройки** всей структуры жизнедеятельности личности.

А. Алексеев, 2.11.79

[*Таким вот образом была (вовсе не умозрительно!) обоснована индивидуальная **жизненная перемен**а — увольнение из института и поступление на завод в качестве рабочего.* — А. А.]

6.6.2. Социолог-наладчик: структура жизнедеятельности

[Нижеследующие фрагменты писем 1980 г., ввиду их тематической отнесенности к обсуждаемой методике, выделены мною из основного корпуса «Писем Любимым женщинам», представленного в главах 2 и 3: «Театр жизни на заводских подмостках». — А. А.]

А. Алексеев — Н. Шустровой (март 1980)³⁴

<...> В прошлом письме мне уже приходилось отмечать заметное возрастание «времени творчества», по сравнению с соответствующим периодом 1979 года. Вот данные самонаблюдения, включая последние дни февраля 1980 г.

Таблица

Время свободной (осмысленной) деятельности А., ч/сут	1979		1980	
	янв.	февр.	янв.	февр.
В среднем	10,3	10,5	11,8	12,4
в том числе:				
— время творчества	3,8	3,0	3,2	4,9
— время восприятия	2,7	3,6	5,0	3,9
— время общения	3,8	3,9	3,6	3,6

Итак, «зона свободы» расширилась. Это произошло: в январе — за счет существенного увеличения среднесуточного времени восприятия, а в феврале — за счет не менее резкого увеличения времени творчества. Все это — при стабильном (и мало отличающемся от 1979 г.) времени общения (см. табл.).

Но ведь изменились и собственные («внутренние») структуры творчества и восприятия! Специальный анализ данных (в таблице не отраженных) показывает, что в январе 1980 г. 2/3 времени восприятия так или иначе связаны с новой структурой жизнедеятельности (завод). В феврале 1980 г. — уже только 1/2 времени восприятия приходится на завод. Что касается творчества, то лишь 1/4 часть его времени приходится на заводскую жизнь (техническое и социально-организационное творчество), как в январе, так и в феврале 1980 г. Только в феврале, естественно, больше в абсолютном выражении (время творчества в этом месяце выросло почти до 5 часов в сутки).

Если быть совсем точным: из 141,5 час. творчества (в любых его формах) в феврале 1980 г. 38,5 час. составляет **«заводское» творчество**. Остаток — свыше 100 час. — это творчество собственно научное и общекультурное.

А год назад, в феврале, и всего-то было творчества 84,0 час. (И этот последний показатель, кстати сказать, выше среднемесячного за весь 1979 г.!) <...>

А. А., март 1980

³⁴ См. ранее, в главе 2: раздел «Чем дальше, тем страшнее...»

* * *

А. Алексеев — А. Назимовой (май 1980)³⁵

<...> Что за «болдинская осень» такая? Признаться, при всем смирении паче гордости, я и сам заинтригован...

Ремарка: «отхожий промысел» социолога-рабочего.

Замечание про «болдинскую осень» относится к предшествующему обзору произведенной за 4 месяца 1980 г. собственно научной продукции, не имеющей прямого отношения к эксперименту социолога-рабочего.

То есть отмечен некоторый «взрыв» творческой, научно-профессиональной активности — после увольнения из института и поступления на завод. (Сентябрь 1999).

...Поиск ответов в данных ауторефлексивной методики «Время жизни».

Таблица 1

Структура жизнедеятельности А., ч/сут	В среднем за 1979 г.	1980 г.				В среднем за 4 мес. 1980 г.
		янв.	февр.	март	апр.	
Время сна	7,9	7,5	7,2	7,7	7,2	7,4
Время ухода за собой	1,6	1,8	1,7	1,5	1,5	1,6
Время вынужденной (инструментальной) деятельности	3,9	3,0	2,8	2,3	2,5	2,6
Время осмысленной (свободной) деятельности	10,6	11,8	12,4	12,5	12,9	12,4
<i>в том числе:</i>						
— время творчества	2,5	3,2	4,9	4,5	5,0	4,4
— время восприятия	4,3	5,0	3,9	3,9	4,2	4,25
— время общения	3,8	3,6	3,6	4,1	3,7	3,75

Таблица 2

Время осмысленной деятельности А., ч/сут	1980 г.				В среднем за 4 мес. 1980 г.
	янв.	февр.	март	апр.	
Время восприятия	5,0	3,9	3,9	4,2	4,25
<i>в том числе:</i>					
— заводское	3,3	1,8	1,5	1,1	1,9
— внезаводское	1,7	2,1	2,4	3,1	2,35
Время творчества	3,2	4,9	4,5	5,0	4,4
<i>в том числе:</i>					
— заводское	0,8	1,3	2,2	2,9	1,8
— внезаводское	2,4	3,6	2,3	2,1	2,6

³⁵ См. ранее, в главе 2: раздел «Производственные драмы и “ужасное дитя” цеха 1 З»

Заметно, как от месяца к месяцу сужается время «заводского» восприятия (в период двухнедельной стажировки на заводе «Красногвардеец» на это уходил почти весь рабочий день).

...И ради одного среднесуточного часа «включенного наблюдения» стоило менять весь образ жизни? Нет, конечно!

Зато так же линейно в этот период растет (расширяется) время «заводского» творчества. Да, к апрелю показатель социально-технического творчества поднимается до 3 час. в сутки.

Значит, «не врал», когда переосмысливал включенное наблюдение в наблюдающее участие (= социальное экспериментирование), еще не располагая этими данными.

Ну, а «внезаводское» творчество? Вот они — **мои** 2,5 часа в сутки, в среднем за 4 месяца! И не так важно, **что** делаю, важно — **делаю, что хочу**.

Вот сегодня пишу это письмо... А вчера — «Искусство и образ жизни». А позавчера — «Человека на БАМе». А еще позавчера — «Динамику театрального репертуара» и письмо Нине.

Да еще — «Комплект методических документов по обследованию потребности населения города в новогодних елях, источников их приобретения и отношения горожан к этой проблеме» (для «Зеленой дружины» ЛГУ, в которой состоит моя дочь Ольга).

...Здесь стоит обратить внимание на некоторое снижение (сужение) времени профессионально-научного (внезаводского) творчества с января по апрель 1980 г. (со «странным» пиком в феврале). Но не так важна констатация, как интерпретация. Это — лишнее свидетельство того, что **время — полезный, но не единственный измеритель деятельности...**

Кто докажет, что 2,1 час. (апрель) «меньше», чем 2,4 (январь)? А может $2 = 2,5$? А может, творческий потенциал растет и при сохранении (или даже снижении!) количественных показателей?

(Впрочем, снижение-то — не ниже среднесуточных временных затрат на творчество в 1979 г., когда, напомним, почти все творчество являлось профессионально-научным и никакого «заводского» не было и в помине.)

Укажу еще на одно «уязвимое» (для автора этих строк) место. Какая разбросанность! «Движение театрального репертуара» и «Зеленая дружина»; «Человек на БАМе» и частотный словарь заглавий философских диссертаций; наладка координатно-револьверного пресса и «негэнтропий-ная деятельность» в цехе ¹ 3...

Кажется, Ты с Виктором [В. Л. Шейнис. — А. А.] были первыми поверенными поиска настоящего дела (1978).³⁶ А дело-то может быть любое, лишь бы — **свое!**

Свое дело — **то, которое никто за тебя не сделает**. Любое из предшествующего списка отвечает этому определению.

³⁶ Имеется в виду разработка методики «Ожидаете ли Вы перемен?» См. ранее, главу 1

И последнее замечание... Возможно, Ты видела документальный фильм «Семь шагов за горизонт» (или что-то в этом роде). Там психолог-гипнотизер (этакий «Воланд» — кажется, его фамилия Райков) «развязывает» способности заурядных людей. Так вот, оценивая собственные способности как вполне скромные, я полагаю, что их можно «форсировать» своеобразным самогипнозом.

Но этот мой «самогипноз» — вовсе не путем самоугаваривания типа аутогенного «Я все могу!». А — посредством **действия**, постановки собственной персоны в ситуации, в которых эти способности, с высокой долей вероятности, могут раскрыться или развиться. <...>

А. А., май 1980

* * * **А. Алексеев — Г. Ж.**
(август 1981)³⁷

<...> Если отбросить месяц ученичества, или стажировки на заводе «Красногвардеец» (январь), и месяц военных сборов (июнь), то для того, чтобы запустить мой ПКР, понадобились: февраль-май и июнь-ноябрь, итого — 9 месяцев. В месяце в среднем 21–22 рабочих дня. Итого — около 200 дней.

В рабочем дне 8 часов. Значит, 1600 часов? Но эти 1600 часов распределяются на собственно **производственный труд** и **накладные расходы** (всевозможные простои, ожидания и т. п.).

Нетрудно выяснить соотношение того и другого. Для простоты расчета измерим «накладные расходы» времени в целых условных днях: февраль — 4 дня из 22 рабочих дней; март — 1 день из 21; апрель — 4 дня из 24; май — 7 дней из 17; июнь — не учитывался; июль — 11 дней из 23; август — 16 дней из 21 (!); сентябрь — 7 дней из 20; октябрь — 9 дней из 24; ноябрь — 1 день из 20. Итого: 60 дней из 202. Остальные 142 — как будто «производственный труд»...

Однако этот расчет скорее занижает, чем завышает долю «накладных расходов». Ибо здесь у меня учтено только время, которое я сумел использовать «**для себя**», т. е. не дал ему протечь «между пальцев» (писал, читал, иногда урывками, в своем «кабинете»...).

А в 142 условных дня, которые можно считать действительно **рабочими**, входит также все разнообразие «не отчужденных» мною от производственной занятости ожиданий, разговоров, перекуров, непроизводительных временных трат — всего того, что, конечно, небезынтересно для исследователя, но к эффективному рабочему времени отнесено быть никак не может.

В таком случае суммарный объем «накладных расходов» (как сбереженное, так и «впустую» потраченное время) может быть смело увеличен до 80–90 дней...

³⁷ См. ранее, в главе 2: раздел «Оживший памятник...»

А теперь попробуем посчитать иначе, с другого конца. 8 час.×200 дней = 1600 час. Сколько же из них было посвящено собственно заводскому творчеству, восприятию и общению (согласно известной Тебе методике «Время жизни»)?

Таблица

1980 г.	Производственная деятельность, ч			
	Творчество	Восприятие	Общение	Итого
Февраль	38,5	52,0	27,5	118,0
Март	66,5	46,5	26,5	139,5
Апрель	84,0	30,5	26,5	140,0
Май	45,0	12,0	14,0	71,0
Июнь	—	—	—	—
Июль	22,5	24,5	19,5	66,5
Август	10,5	6,5	8,5	25,5
Сентябрь	60,5	26,5	9,0	96,0
Октябрь	61,0	34,0	14,5	109,5
Ноябрь	96,0	43,5	13,5	153,0
Итого:	484,5	279,0	158,5	ок. 920

(Считал вручную, лень искать ошибку в подсчетах — 3–4 час.)

920 час. времени, более или менее эффективно использованного для нужд производства. Делим на 8 час. (продолжительность рабочего дня). Получаем 115 условных рабочих дней.

Итак:

— из 200 дней (= 1600 рабочих часов), проведенных на заводе в феврале-ноябре 1980 г. (исключая июнь), иначе говоря, из 200 рабочих дней, прошедших с момента начала подготовки к запуску ПКР до выпуска первой производственной партии, было посвящено производственной деятельности, как таковой, около 60% времени (115 условных дней); и около 40% (85 дней) — составляют «накладные расходы» времени.

Из этих последних, 60 условных дней, как уже отмечалось, удалось употребить для «личных» (не производственных) нужд: чтение научной и художественной литературы; писание научных отчетов, статей, тезисов; сочинение «Писем...». И порядка 25 дней составляет «маргинальное» время: не производственное (ибо производственные функции не выполнялись!), но и не личное (ибо «себе» субъект не принадлежал).

Что же касается помесячных данных, то их заметные (из таблицы) колебания нетрудно соотнести с событиями, описанными в «Письмах...». <...>

А. А., август 1981

...И хотя каждому ясно, что абсолютной свободы не существует, человек нуждается в постоянном приближении к ней, к расширению сферы свободы...

Ч. Айтматов. Из предисловия к публикации повести Ананта Мурти «Самскара» (Иностранная литература, 1984, 1 12) (@)

6.6.3. Хронометраж жизни: как это делается (Одна неделя июля 1981 г.)

[Ниже — данные подневной регистрации социологом-испытателем собственного «времяпользования», по методике «Время жизни», за неделю: 13–19.07.81. — А. А.]

Принятые сокращения:

Свобода — зона свободной деятельности, включающая: творчество, восприятие, общения

Несвобода — зона вынужденной («инструментальной») деятельности

Тво — творчество

Вос — восприятие

Общ — общение

Инс — «инструментальная» (вынужденная) деятельность

Сон — сон

Нео — «зона неопределенности»

Дом — свой дом

Раб — работа (основное место работы)

Учр — другие учреждения

Гос — гости («другой дом»)

Тра — транспорт

Ули — улица

При — природа

Примечание. В конце хронометража каждого истекшего дня, в скобках, «запись для памяти», фиксирующая «основное содержание» данного дня.

Таблица 1

ВЖ-81				13.07.81 (понед.)				Итого
Дом	Раб	Учр	Гос	Тво	Тра	Ули	При	
	2,5	2,0		Тво				= 4,5
2,5	1,0	2,0		Вос	1,0			= 6,5
		1,0		Общ				= 1,0
	2,0			Инс	1,0	1,0		= 4,0
5,0				Сон				= 5,0
7,5	5,5	5,0		Итого	2,0	1,0		= 21,0
				Нео				3,0

Свобода (тво + вос + общ) — 12,0 час.

Несвобода (инс) — 4,0 час.

24,0

(Доклад на секторе³⁸ и его эффекты.)

³⁸ Имеется в виду доклад «Образ жизни и жизненный процесс» См выше: одноименный раздел См также ранее, в главе 3: раздел «Научно-институциональные будни...»

Таблица 2

ВЖ-81	14 07 81 (вторн)							При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
				6,0	4,0		Вос	1,0	
							1,0	Общ	
							Инс	2,0	3,0
				6,5				Сон	
		6,5	10,0		1,0	Итого	3,0	1,0	21,5
				Нео				2,5	
Свобода (тво + вос + общ) — 12,0 час.									
Несвобода (инс) — 3,0 час.								24,0	

(Мастер просит работать в соответствии с отклоненной рацией наладчика. Бригаде невыгодны нормы ПКР. Исследование системы нормирования и «микростабровка»)

Таблица 3

ВЖ-81	15.07.81 (среда)							При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
				2,5	6,0		Вос	1,0	
					1,5			Общ	
		1,0		1,0		Инс	0,5	1,0	3,5
				6,5				Сон	
		7,5	8,5			Итого	1,5	1,0	21,0
				Нео				3,0	
Свобода (тво + вос + общ) — 11,0 час.									
Несвобода (инс) — 3,5 час.								24,0	

(Кто кого хронометрирует? 2 часа «подготовительного» времени и 1 час «рабочего» времени... Исследование системы нормирования — продолжение.)

Таблица 4

ВЖ-81	16.07.81 (четв.)							При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
				4,0	3,5		Вос	1,0	
		3,5						Общ	5,0
			1,0			Инс	0,5	1,0	2,5
				7,5				Сон	
		11,0	8,5			Итого	1,5	2,5	23,5
				Нео				0,5	
Свобода (тво + вос + общ) — 13,5 час.									
Несвобода (инс) — 2,5 час.								24,0	

(Направленность личности — через периодизацию жизни. День встреч. «Пламя» Рериха.)

Таблица 5

	ВЖ-81				17.07.81 (пятн.)			При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
= 4,0		2,5					Тво		= 2,5
		3,5			0,5		Вос		= 4,0
= 1,0	5,0						Общ		= 5,0
	1,0	2,5			0,5	0,5	Инс		= 4,5
= 6,5	6,0						Сон		= 6,0
	12,0	8,5			1,0	0,5	Итого		= 22,0
							Нео		2,0
Свобода (тво + вос + общ) — 11,5 час.									
Несвобода (инс) — 4,5 час.									24,0

(Л. и телефон. Снова «в подполье» (на заводе). Пьесы И. Друцэ.)

Таблица 6

	ВЖ-81				18.07.81 (субб)			При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
= 6,0	5,0						Тво		= 5,0
			3,0		0,5	1,5	Вос		= 5,0
							Общ		= 0,0
= 0,0	1,0				0,5	0,5	Инс		= 2,0
	11,0						Сон		= 11,0
= 6,5	17,0		3,0		1,0	2,0	Итого		= 23,0
							Нео		1,0
Свобода (тво + вос + общ) — 10,0 час.									
Несвобода (инс) — 2,0 час.									24,0

(Будни ДНД: сознательный дружинник; безнадзорные дружинники. Статья для «Молодого коммуниста».)

Таблица 7

	ВЖ-81				19.07.81 (воскр.)			При	Итого
	Дом	Раб	Учр	Гос	Тра	Ули	Тво		
= 3,5				5,0			Тво		= 5,0
					1,0	0,5	Вос	1,0	= 2,5
	1,0			5,0			Общ		= 6,0
	1,0				1,5		Инс		= 2,5
	6,0						Сон		= 6,0
= 7,5	8,0			10,0	2,5	0,5	Итого	1,0	= 22,0
							Нео		2,0
Свобода (тво + вос + общ) — 13,5 час.									
Несвобода (инс) — 2,5 час.									24,0

(Приехали в Колтуши вместе с Н., «без этюдника». «Анкета студента-вечерника».)

* * *

Суммарные показатели «времяпользования» А. по методике «Время жизни» за неделю 13–19.07.81

Таблица 8

ВЖ-81				Неделя: 13–19 07 81				
Дом	Раб	Учр	Гос		Тра	Ули	При	Итого
5,0	18,5	2,0	5,0	Тво				= 30,5
2,5	17,0	6,5		Вос	6,0	2,0	1,0	= 35,0
9,5		1,0	6,0	Общ		1,5		= 18,0
4,0	5,5	1,0		Инс	6,5	5,0		= 22,0
48,5				Сон				= 48,5
69,5	41,0	10,5	11,0	Итого	12,5	8,5	1,0	= 154,0
				Нео				14,0
Свобода (тво + вос + общ) — 83,5 час.								
Несвобода (инс) — 22,0 час.								168,0

[Поделив суммарные недельные результаты на 7, получаем среднесуточные показатели, а именно:

— В среднем за рассматриваемую неделю по 9,8 час. из 24-х проведено дома, 5,9 час. — на работе (завод), 1,5 час. — «в учреждении» (не завод), 1,6 час. — «в гостях», 1,8 час. — в транспорте, 1,2 час. — «на улице», 0,2 час. — «на природе».

— Среднесуточное время сна — 6,9 час.

— Среднесуточное время творчества — 4,4 час., восприятия — 5,0 час., общения — 2,6 час.; итого — «зона свободы» — 12,0 час.

— Среднесуточное время «инструментальной» деятельности («зона несвободы») — 3,2 час.

— Не учтенные затраты времени («зона неопределенности») — 1,9 час. в среднем за сутки.

Из приведенных данных явствует, что итоговое время свободной деятельности (творчество, восприятие, общение) почти в 4 раза превысило время вынужденной («инструментальной») деятельности.³⁹

Заметим, что структурные соотношения «времяпользования» за данную неделю принципиально не отличаются от структурных же соотношений за весь 1981 год (хоть они и несколько «хуже», чем годовые, в частности — по показателям времени вынужденной деятельности и времени сна).⁴⁰ — А. А.]

* * *

Ремарка: «Не зная, что есть время, нельзя разгадать, что есть жизнь...»

В книге философических эссе ульяновского биолога А. Н. Марасови «И звук, и свет» (1997) нахожу размышление о Времени, которое хочется здесь привести:

« Не хватает — природы! » — заметила мой внутренний рецензент Зинаида Вахарловская К сожалению, это действительно так — за данную неделю (хоть и была одна загородная поездка)

« Среднесуточный показатель вынужденной деятельности за весь 1981 г составлял «всего» 2,4 час (т е на данной неделе — «перебор»), а времени сна — 7,4 час (т е на данной неделе — «недосып») См выше — таблицу, приведенную в разделе «Человек, смотрящийся в часы...»

«...Природа вся (?) в тисках времени: не зная, что есть время, нельзя окончательно разгадать, что есть рождение и смерть, что есть жизнь...

Мир наш, мир земной весь (?) «завязан» на конкретное время, на «наше» время... Лишь память твоя разрывает необходимость, память твоя, которая упорядочена Словом, протестует против времени... Да все твоё в идеале направлено к вечному! Собственно, Бог у нас, по меньшей мере, уравновешивает распад человеческого (поддерживая веру в возвышенное), но более направляет дух твой к созиданию, объединению.

Бог — протест против разрушительного хода времени.

И время — требуемо: та «сетка» вечного, что так или иначе проявляется или проявится — мгновенна и неотвратима, ибо одно само по себе бытие не может без **иного**, как учит Платон, как учит Лосев.

Переживая время, мы страдаем неизбежно, видя, как уходит в небытие конкретное: невыносима потеря близких, велика потеря того, что было важным для тебя, когда любил ты, когда радовался, горевал, жил полно... Ведь сознание человеческое также «завязано» на конкретное время, и дух твой (Я твоё) в нём — в сознании — «обживает» все новые и новые времена, и то ли в «старых» временах ты, то ли в «новых»... Скачущее время для нас, не плавное: осознаем мы **целостно** одну временную ситуацию, затем — совсем другую, но — сразу!

Наше Я, наш дух не может раздваиваться, наше Я неделимо: потому и больно, что утрата неизбежна, и время потому — всегда испытание.

А может быть вечное проявляется только во времени?

Вечность и время? Не может Начало великое быть «единицей», оно — сразу напряжение на поток, на структуры, на числовые ряды, великое Начало есть начало на «троицу»...» (А. Н. Марасов. *И звук, и свет*. Ульяновск: Ульяновский гос. педагогический университет, 1997, с. 187–188).

Как уже говорилось, Анатолий Николаевич Марасов — один из организаторов ежегодных Любимцевских чтений в Ульяновске. (Июнь 2000).

6.7. «Человек — это прежде всего его собственная жизнь...» (Моление о даре)

[Нижее — открытое письмо, адресованное всем друзьям (лето 1983 г.). — А. А.]

Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу тебе, кто ты.

(Пословица)

Друзья!

<...> На пороге последней трети жизни⁴¹ мне становится очевидным, что вовсе не «мои года — мое богатство», как утверждает в популярной песне. И даже не собрание собственных разнообразных сочинений, имевших потенциальную аудиторию от нескольких десятков до нескольких миллионов человек (чем больше был тираж, тем хуже сочинения!).

Действительным богатством человека можно считать круг его друзей (употребляю слово «друг» в смысле, который является одновременно и более

⁴¹ Через год автору должно было исполниться 50 лет

широким, и более узким, чем общепринято). Круг людей, которым ты бывал нужен и которые бывали нужны тебе (опять же — не в расхожем смысле слова «нужен»). Люди, в глазах которых ты видишь свое отражение (в каждом — особое!) и которые сами могут увидеть себя, посмотрев тебе в глаза.

Итак, **мои друзья — мое богатство!**

Так что же нужно этому «странному Алексееву» от своих друзей к собственному юбилею? Их самих, конечно.

Категорически запрещены поздравительные телеграммы. Не дай бог, кто-нибудь забудет послать или не будет знать, куда и когда послать (а что юбиляр может подумать?). Не говоря уж о том, что сколько таких юбилеев сам я успел «прозевать», по собственной ли невнимательности, по чужой ли скрытности.

Не зову домой. Вы же у меня в сердце еле умещаетесь, где уж разместить в квартире.

Подарков материальных не приемлю. (Вдруг один окажется дороже, а другой дешевле). А вот символического дара жду. Такого, что и цены не знает, и работы требует. Работы, отличной от беготни по магазинам.

Хочешь увидеть себя (пожалуй, уместное желание в день 50-летия), всмотрись в лица друзей. Пословица, взятая эпитафией, кому не известна... Да, но как это сделать?

Друзья, моя то ли очень легкомысленная, то ли глубокомысленная просьба состоит в том, чтобы от каждого из вас получить в дар... его собственное **жизнеописание**. *Curticulum vitae*, это называется по-латыни. Автобиография — по-русски.

Я вас уважаю. Вы меня тоже? Доставьте мне эту скромную радость самоутверждения за ваш счет.

Ну вот, скажет насмешливый друг. Знаем мы этого А.! Мало ему собственной жизни для исследовательского полигона, ему еще наши понадобились...

А вот и неправда! Движим ваш корреспондент бескорыстием, и вовсе не исследовательским. Тут, если угодно, страсть скупого рыцаря, открывающего сундук, чтобы перебрать свои сокровища.

В самом деле, кому каждый из нас доверяет свое жизнеописание? Отделу кадров? Там — куда денешься... А тут — зачем? Не знаю! Почему-то показалось мне это жизненно важным, а иногда полезно довериться интуиции.

Ладно, скажет снисходительный друг, где-то у меня валялся черновик автобиографии, писавшейся для последнего места работы. Отдам тебе... Не надо! Прошу, напиши для меня специально. Потрать три часа — четыре — день. Умеешь печатать на машинке — перепечатай. Нет — напиши под копирку и отдай мне второй экземпляр. Пусть там будет 10–12 страниц (в пересчете на машинопись). Да чем же заполнить эти страницы?

Нет, не надо мне «исповеди»! А «проповедь» вы и сами не вздумаете писать. Пусть будут **факты**. Датированные, как в официальной биографии. С указанием места события. Смены места работы, жительства, семейного состояния. И про родителей своих не забыть, и про детей. А братья-сестры есть?

Ну, так, чтобы из этого можно было реконструировать, «вычислить» также и содержание листка по учету кадров (который мне, разумеется, не нужен).

Не пренебрегайте совсем уж бытом. Вряд ли получение отдельной квартиры или покупка автомобиля (впрочем, у кого же он и есть-то?) прошли для вас незамеченными.

Не жду ни жизненных самооценок, ни «случаев из жизни». Что же хочу вычитать в этих страничках? **Повороты судьбы... Жизненные вехи... И еще — мотивацию их смен.**

Вот тут действительное отличие от официальной автобиографии. Я же не отдел кадров... Я хочу не вас «проверить», а себя. То есть — **себя познать в вас!** Такое есть эгоистическое желание. Уж признаюсь. Хотя что-то побуждает меня к этой просьбе и кроме того, смутное и плохо формулируемое.

Тут, конечно, дело деликатное. Примем условно, что странички эти Вы высылаете по почте. (Для многих — так и получится, наверное.) А письмо затерялось. Как Вы себя почувствуете? Скверно? Такого, что заставило бы Вас беспокоиться, не пишите. Но уж и особо «темных» мест своей биографии без нужды не скрывайте. Может, они кому «темные», а кому светлые, мне, например.

Конечно, в жизнеописании возможно все, что угодно: от противостояния планет до смысложизненных заявлений. Самоирония и сухой отчет... Исторический фон и кустарный психоанализ... Ни в чем не стесняю, ни к чему не обязываю. Но на 10–12 стр. особенно не разбежисься, если нужно еще изложить точные факты. (А попроси написать 20 страниц — знаю, начнутся «муки творчества»; уберегу вас от них!)

Говорят, стиль — это человек. Возможно, и так. Но человек, по-моему, это прежде всего его собственная жизнь. Каждый из нас наделал в жизни немало ошибок. Однако стыдиться истории своей жизни, кажется, нет оснований. У тех, к кому я обращаюсь, по крайней мере.

Итак: факты биографии, события жизни и их мотивация или объяснение (если таковое представляется возможным или уместным). Хорошо бы еще фотографию... Любую.

Не предлагаю эталона, не адресую к прецедентам, хоть и есть. Не объявляю конкурса автобиографий, как в польских журналах. И обещаю относиться к этой коллекции как к **альбому**. Была же такая традиция еще в прошлом веке.

Мне почему-то кажется, что если я об этом не попрошу, никто из вас никогда этого не сделает. Пусть же тем самым окажу еще скромную услугу Вашим биографам; а не биографам, так детям, внукам. В самом деле, кто из нас помнит хотя бы год рождения своего деда? Впрочем, иногда храним семейные фотографии.

<...> Попытавшись было составить список: кому послать это «открытое» письмо, — заметил, что с большинством из своих друзей я связан профессиональными контактами и интересами. Ну, удивляться этому не приходится...

Как правило, я избегаю обращаться с этой просьбой параллельно к обоим супругам, когда дружен с целой семьей. Просто боюсь провалить

дело чрезмерным запросом, хотя радоваться буду аналогичному персональному подарку жены, независимо от мужа, и наоборот.

Сроки вручения этого знака вашего внимания могут быть любые. Хоть через неделю, хоть через полгода. Желательно — не позже июля 1984 г.

Это не первая, хотя может и последняя эксцентричная затея «этого странного А.» на данном этапе жизни. А может, и не последняя. Другьям не привыкать. Стерпите эту, пожалуйста...

Довольный своей изобретательностью,

Андрей Алексеев, июль 1983

Ремарка: не выполненный замысел.

К сожалению, замысел собрать автобиографии друзей остался не осуществленным. Впрочем, пожалуй, к счастью (ввиду предстоявшего обыска).

В архиве сохранилась «запись для памяти» (январь 1984):

«...Не забыть отменить эту просьбу — всем тем, к кому я уже успел с нею обратиться!».

Да друзья и сами догадались — не спешить с выполнением просьбы юбиляра, в 1984-м. (Сентябрь 1999).

6.8. Эстафета жизни и смерти

Памяти Владимира Малушенко

Роман Ленчовский был не первым из моих киевских друзей. Еще в конце 60-х встретился я на социологическом семинаре в Кязрику (под Тарту) с математиком, доцентом одного из киевских вузов Владимиром Константиновичем Малушенко.

Он иногда приезжал потом в Ленинград, мы переписывались. Оказавшись в Киеве в начале 80-х, я познакомил Владимира со своими новыми друзьями — Романом Ленчовским и Валерием Хмелько.

А потом вдруг у В. М. обнаружился рак, и он скоростижно скончался. То была, кажется, первая из смертей друзей-ровесников, которую довелось пережить.

Ниже — мое письмо Роману Ленчовскому, после известия о смерти Владимира Малушенко. (Сентябрь 2000).

А. Алексеев — Р. Ленчовскому (май 1983)

Дорогой Роман!

<...> Действительно, руку, протянутую тебе, надо пожимать вовремя. Я уже 2 недели как вернулся⁴², а за письмо не взялся. И сейчас не получится.

Письмо твое пришло, видимо, через несколько дней после моего отъезда.

Спасибо Тебе и Валерию [В. Е. Хмелько. — А. А.]. Вы не то чтобы заменили меня, когда Володя умирал, а сделали гораздо больше. Надо бы Люде [вдова В. К. Малушенко. — А. А.] написать, а не знаю как. <...> Посоветуй.

Верно: страдаешь, что не успел больше отдать другому — тому кто, вот, уже ушел. А все же — кое-что успел. И отдать, и взять. Иначе бы не страдал.

⁴² Речь идет о туристской поездке на Кубу в апреле 1983 г

Лучшее, что могут сделать друзья для ушедшего, это **реализовать почерпнутое у него — в себе, в своей деятельности**. Не терять «взятого»... А о «недоданном» ему — поздно жалеть.

Вот и сообразил, что успели мы взять от Володи — Верности, Чистоты и Оптимизма, а кто и таланта успел перенять. Это — и сберечь.

Ты — рыцарь Незавершенности, и прав в одном смысле. А в другом — горька незавершенность.

Иногда полезно писать завещания. Пожалуй, напишу. Полезно быть готовым жить еще 50 лет, и вместе с тем — готовым умереть завтра. Кто бы этому научил людей...

Ладно, философствования неуместны. Помолчим. <...>

Тв. Андр. Ал., 9.05.83

6.9. Зачем нужна депрессия (Заметка на полях книги Д. Хелла)

[Недавно один из друзей обратил мое внимание на книгу Дэниэла Хелла «Ландшафт депрессии. Интегративный подход» (М.: Алетея, 1999). Прочитал и вспомнил свои и совместные с С. Минаковой старые работы о механизме смены общей направленности личности («микрореволюции личности», по выражению С. М.).

Будучи, казалось бы, посвящена психиатрическим проблемам, работа Хелла ставит, по существу, ключевые вопросы «субъективной логики» жизненного пути, перехода из одного состояния системы индивидуальной жизнедеятельности в другое.

Заметки на полях этой книги резюмировались в личном письме. Извлечение из него уместно здесь привести в связи с обсуждаемой темой: «образ жизни, жизненный процесс, жизненный путь». — А. А.]

А. Алексеев — Н. Н. (май 2000)

<...> Мне не только импонирует гуманистический пафос Дэниэла Хелла, но и представляется эвристически очень ценной предлагаемая им «основная депрессивная модель», позволяющая усмотреть в депрессии («не запущенной», не успевшей стать глубокой, затяжной и т. д., т. е. «тяжелым страданием», хронической болезнью) — возможный смысл **«послания или попытки защиты»**, по выражению Хелла.

То есть депрессия (это я уже «своими словами»...) — нормальное (естественное) и, в известном смысле, необходимое (спасительное?) для личности состояние на определенных отрезках жизненного пути.

Это своего рода сигнал (изнутри? извне? «свыше?»), который надо принять со смирением, и не только «услышать», но и расшифровать. «Welchen Sinn macht Depression?» — это значит: не «какой смысл в самой депрессии», а «какой смысл из нее, депрессии, может быть извлечен», или, говоря словами самого автора, «при каких обстоятельствах в депрессии может быть найден смысл» (Д. Хелл. Ландшафт депрессии. Интегративный подход. М.: Алетея, 1999, с. 248).

Если заменить каузальную постановку вопроса («почему?») — телеологической («зачем, с какой целью?»), что является, пожалуй, сутью концепции Хелла, то окажется: депрессия — «для того», чтобы как-то изменить свою жизнь (причем еще надо сообразить — в каком направлении).

Конечно, меланхолический темперамент сам по себе предрасполагает к депрессивным состояниям (и даже заболеваниям); и экзистенциальный момент в депрессии может быть: «...Я убежден в том, что человек, не вкусивший горечи отчаяния, еще не познал значения жизни». С. Кьеркегор (см. у Хелла, стр. 19). Но я извлекаю отсюда то, что мне ближе: психосоциальное истолкование.

...Вспоминаю собственные, 20-летней давности, изыскания в области периодизации жизненного пути и «трехфазную» концепцию динамики личности в рамках всякого жизненного периода. Помнишь:

(1) «подъем», (2) «плато», (3) «приспособление либо взрыв» (по С. Минаковой)?⁴³

Депрессия оказывается тогда **формой перехода** от второй фазы к третьей, кстати — амбивалентной («приспособление либо взрыв»), фазе.

Депрессия (в этом отнюдь не психофизиологическом или психиатрическом смысле) предстает своего рода первичным ответом личности на «вызов» судьбы. Вторичный ответ — сознательная жизненная перемена, обуславливающая «обновление» личности.

<...> Напомню Тебе две депрессии, посетившие меня самого.

Первая — в конце 70-х. Исходом из нее стал «эксперимент социолога-рабочего». То был именно сигнал «свыше» или «изнутри»: «Ты жизнь свою обязан изменить!» (Р. М. Рильке). Вопрос — **как изменить?**

Вторая — по «завершении» упомянутого эксперимента, на рубеже 80–90-х, когда я, в итоге публикаций всесоюзных СМИ 1987–1988 гг., оказался едва ли не знаковой фигурой «перестройки» и т. д.: «эксперимент на самом себе», «борец с тоталитаризмом» и т. п.

Исходом из этой, другой депрессии стала новая культурно-психологическая «ниша» — организация известного Тебе общественного архива демократического движения и т. д.

В обоих случаях, выход из депрессии — самостоятельно организованная **перемена**, причем не общественная, а именно **индивидуальная** (то, что еще можно назвать «изменением жизненной траектории»).⁴⁴

Так что, получается, Д. Хелл для меня — «не новость», хотя всегда приятно, когда находишь в литературе подтверждение или профессиональное «переоткрытие» собственных жизненных выводов.

Интересно, что Д. Хелл, впервые издавший свою книгу в 1992 г., в послесловии к изданию 1994 г. берет себе в союзники двух авторов, выразивших в общем эту же самую мысль.

(1) Психоаналитик Эмми Гут (в пересказе Д. Хелла):

⁴³ См выше: разделы «Жизненный путь как смена способов жизни» и «Что такое счастье»

⁴⁴ См ранее, в главе 1: раздел «Индивидуальная жизненная перемена Социолог-рабочий...»

«...Она [Э. Гут. — А. А.] видит в депрессии положительную потенциальную силу в действии. Она придерживается мнения, что в депрессивном состоянии могут быть переработаны ситуации неудач и утрат, так как депрессивная опустошенность принуждает к покою и одновременно предоставляет возможность выждать то, что поднимется из подсознания. В период депрессии, в тишине и покое, может развиться нечто новое. Тем самым депрессия может стать продуктивной...» (Д. Хелл. Указ соч., с. 272).

(2) Другой союзник Д. Хелла — писатель Людвиг Хол. Хелл пишет:

«...Для такого подхода писатель Людвиг Хол нашел очень выразительный образ: «Время от времени каждый должен перешагнуть то место, где все подвергается сомнению (что представляет собой основу всех наших депрессий). **Шаг через бездну.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Нового еще нет. Старого уже нет. Ты идешь по ущелью между двумя скалами. Крутой была скала, оставшаяся позади. Такая же ждет тебя впереди. И тут перед тобой разверзается пропасть».

Так Людвиг Хол помещает депрессию на пересечении путей, которое всегда приносит что-то новое. Он видит в депрессии спутницу, присутствующую **при возникновении нового**, но не самостоятельную созидательницу этого Нового» (Д. Хелл. Указ соч., с. 273).

...Итак, депрессия, вопреки традиционным представлениям, есть «состояние на пороге»: либо «шага в неизвестное», либо «провала в бездну» (уныния, которое, кажется, в средние века почиталось грехом; или болезни, что, понятно, уже не грех, а несчастье...). <...>

А. А., 10.05.2000

...Депрессия подобна даме в черном. Если она появляется, не гони ее прочь, а пригласи к столу, как гостью, и послушай то, о чем она намерена сказать...

Приписывается К. Юнгу.
(Эпиграф к книге Д. Хелла «Ландшафт депрессии»)

6.10. Время собирать камни...

[Адресат этого письма — Андрей Родионович Илларионов — новосибирский журналист. В 70–80-х работал собкором в газете «Известия». — А. А.]

А. Алексеев — А. Илларионову (май 1983)

Тетка!

<...> По моим подсчетам, мы с Тобой неуклонно движемся к 50-летнему рубежу. Пора «собирать» собрание своих сочинений. Не выхолощенное для какого-нибудь издательства «избранное», нет, а именно собрание сочинений, куда, по авторской логике и по авторским же гражданственно-художественным меркам, собирается все сделанное за 20–25 лет: как правило, напечатанное, но может быть — и не увидевшее света; как правило, «не причесанное», но может быть — и в том виде, в каком было опубликовано (если с сегодняшней высоты чужая редакторская правка покажется разумной).

Ни в коем случае не редактировать самому заново! Но на каждом очерке ставить **дату**. Ведь это же — документы эпохи и собственного роста.

Максимум, что можно позволить себе, это критические авторецензии в комментариях. Хотя полагаю, в большинстве случаев Ты сможешь сказать о себе: а ведь для того времени и для того возраста я был вовсе не так

глуп! Места, вычеркнутые редакцией или самим (по ее требованию) огородить квадратными скобками. Разумеется, точные ссылки — где что было напечатано. Включить туда все, что удовлетворяет Тебя (с поправкой на дату, т. е. время и возраст, когда писалось).

Сколько такого наберется? 30–40 печ. листов? Композиция — смешанная — хронологически-жанрово-тематическая. Если основное подразделение тематическое, то внутри тематических разделов — обязательно хронологический порядок. Собери, перепечатай, хочешь — даже переплети, а **потом** — «продавай» любыми частями, при любых изъятиях, любым издательствам. Но пусть даже ни одного авторского сборника типа «Избранного» не выйдет — **твое** собрание сочинений найдет десяток-другой настоящих читателей (к каковым себя отношу) плюс... потомки.

А чего еще надо? Делать такую в общем необременительную и приятную работу стоит не спеша, со вкусом, «бескорыстно», и положить ее — как **главную** для себя...

Ну, как Ты смотришь на эту мою «жизнеорганизующую» идею? Буду признателен, если в свою очередь поделитесь соображениями <...>.

Твой Андр. Ал., 2.05.83

Ремарка: «...собрания сочинений...»

Отчасти эта идея реализована в настоящей книге. Автор горд тем, что ему удалось (если не тогда, то позже) подвигнуть на такие «неофициальные» собрания сочинений также некоторых своих коллег и друзей. (Май 2000).

6.11. Мысль — слово — дело

[Ниже — одна из «заметок на полях» рукописи этой книги, принадлежащая Виктору Дудченко.⁴⁵ — А. А.]

Одичавшие слова забытых текстов

Вы промолвите тогда: «О, мой Господь! этот воздух загустевший — только плоть дум, оставивших призвание свое, а не новое творение Твое!»

*И. Бродский. Из «А. А. Ахматовой», 1962 г.
(«Остановка в пустыне», Нью-Йорк, 1970)*

Какой-то необходимый вопрос, как заноза, зудит в моем мозгу. Уже в который раз я спотыкаюсь об него на шестой главе. Мне кажется (или хочется?), нет, я уверен, что где-то здесь, после твоего «Диалога с Романом», должно было (или могло?) произойти нечто такое, что полностью поменяло бы всю диспозицию. Причем не только в книге, но и в жизни. Как будто Роман, ты со Светланой Минаковой, вместе с Марком из 42-го тома и некоторыми другими упомянутыми и не упомянутыми здесь людьми, в какой-то момент держали жар-птицу за хвост.

⁴⁵ См о нем в приложениях к главе 1: раздел «Социологический случай на реке Ануй...»

Вспомни «веселое кадило» второй главы! Обычная человеческая жизнь, без экспериментов над собой с «людоедскими жертвами», лиловыми внутренностями которых сочатся стены многочисленных контор и учреждений. Нормальной жизни ведь не нужны специальные подпорки в виде «неустанной воли к действию» и тем более оправдание «повышенной действенностью» автора (чем-то вроде повышенной температуры). Потому и написано (это видно) с удовольствием и читается с радостью!

К шестой главе мысль героев этой книги, освобожденная от административного присмотра и заключенная ими в свои тексты, поставила их волю вровень с обстоятельствами. Стало ясно, что разница между воздействием человека на обстоятельства (любые!) и обстоятельств на человека (или, как говорит автор, разница между «драматической социологией» и «социологией жизни») зависит лишь от выбранного **способа рассмотрения**. Остался лишь один свободный шаг, и изматывающая многолетняя борьба по правилам, не тобою установленным, из сюжета исчезнет, души героев сорвутся с ограничивающей (и привычно обязывающей) субъект-объектной привязи и уйдут из-под обложки на оперативный простор в головах воодушевленных читателей.

И тут вдруг чувствуешь, что все колеблется, что мысль скользит мимо и персонажи опять (и уже надолго) собираются глодать ту же заскорузлую веревку.

Один шаг вслед за мыслью, и больше никогда не надо было бы никому доказывать правильность своих поступков. Действие с новой (указанной мыслью) позиции не встретит перед собой живого противника. Смотри — глупость сытой «зряплагы» Сереги-«штрейкбрехера» может оставить его самого без советов Сартра, но ничего не может сделать с методами естественной людской обороны (о которой пишет Сартр). Что уж тут говорить про кооперацию с грамотными, ходившими в далекие рейды товарищами, такими, как Анри Кетегат.

Уже ясно как день, что универсальный пароль «Как Тебе Удобней» отперет любые запоры, — и вот тут-то сами тексты (не только тексты этой книги, а все тексты — как класс явлений) без тени юмора крест-накрест перечеркивают только что засиявший ход на волю.

Независимо от заключенной в них мысли тексты как-то ненароком, незаметно и без всяких на то оснований становятся полноценными героями и начинают требовать со своих авторов и читателей полноценной живой дани. Оказывается, для того, чтобы делать, недостаточно подумать о деле, а надо написать апелляцию, докладную, возвышенный совет, ученую статью, черта в ступе, а потом согласовать это все еще и с другими текстами, которым несть числа. Тексты сорвались с цепи — редко увидишь хозяина, который сказал бы: «я думаю, что это вот мое мнение сейчас такое», или поручителя: «на этом я стою и не могу иначе!». Чаще наоборот, тексты волочат за собой оправдывающихся авторов — ведь и на самом деле: «что написано пером — не вырубишь топором!».

Тексты, тем не менее, нам не чужие. Они питаются чувствами и тайными стремлениями своих создателей, перерабатывая их не только по

своим грамматическим нормам, но и в соответствии с собственной структурой смыслов, которая несет на себе следы не только былого благородства, но и самых гнусных извращений за все века человечества. Иногда это замечают непосредственно. Н. Н. (Ефим Эткинд, профессор филологического ф-та ЛГУ) в предисловии к нью-йоркскому сборнику И. Бродского 1970-го года писал, что когда в конце 50-х «Бродский, ужасаясь и ужасая других, читал первые свои стихи, почти каждое их слово казалось ему нестерпимо бессмысленным, и он пропуская их по одному, по десятку, целыми строфами, надеясь продемонстрировать слушателю, как прекрасны были бы эти стихи, не будь они опозорены словами».

Составители текстов (если это не физики или не математики — там может что-нибудь взорваться или упасть не туда) обычно не удосуживаются заранее определить и вычистить область существования для смысла употребляемых ими слов — они черпают из того же потока. В результате даже у написанных с чистейшими намерениями текстов часто с остроумных выводов капает бешеная слюна древних и сиюминутных преступлений и самообмана, при этом составители только радуются их резвости и совсем не думают об устройстве намордников.

Тексты сбиваются в стаи — посмотри, чуть не за каждым в конце длинный список ссылок на другие такие же тексты, которые лицемерно предлагается «почитать»! На самом деле всем ясно, что этого делать никто не собирается, и листы ссылок — это боевой клич стаи: «Мы вместе! Смотрите, какие мы все тут умные и как нас много! О-го-го!!». И каждый вопит, что вот именно тут, в этом тексте заключена та самая реальная правда, которую, очевидно, человек сможет извлечь только вот из этого текста или, в крайнем случае, из другого, похожего, в этой же стае (там то же самое написано).

Унаследованный от всей человеческой истории контекст влезает между мыслью человека и его делом. Он заслоняет действительность. Накрытый пестрой стаей двусмысленных текстов читатель как будто забывает, что онтологических тупиков в жизни нет и быть не может, что тупики бывают только гносеологические, по академической глупости. Детский стишок про таракана (который не то «тараканище», не то «тонконогая букашечка, козявочка») на самом деле для взрослых, маленькие дети этого не путают.

Одичавшие тексты прячут бал, пока люди забывают об их **инструментальном** предназначении и, соответственно, их собственной ничтожности. Как будто сложность описаний (и радость от собственной способности в них купаться) прячут из глаз людских следующий естественный шаг: сообразил — так и делай, не стесняйся! Какая-то выходит «пониженная до нуля» действительность, достойным следствием мысли признается всего лишь новый представленный текст (рецидив архаического доверия к печатному слову).

Конечно, может сложиться ситуация, когда текст прозвучит как гром небесный, так ведь не обязательно же!

Впрочем, прошу прощения, вопрос об отношении к слову на самом деле очень древний и тяжелый. Это еще из орфических мифов: мало знать

волю богов, надо соответствовать своему знанию о ней. Если видишь взаимоувязанность мира (иногда говорят — «целостность») и отсутствие в нем неразрешимых противоречий, то не боишься попасть в безвыходное положение — таких положений нет. Если в действительности нет тупиков, то всякая внутренне непротиворечивая (без тупиков) теория будет соответствовать действительности в меру определенности терминов, ее составляющих. Если четко ограничен смысл терминов, то взаимоувязанная теория (иногда говорят — «полная») станет нам послушным проводником и служанкой, которой — вот тут начинаются древние премудрости! — можно довериться. Сама по себе эта теория ничего не значит (не загоразживаает мир), но, позволяя рассматривать вместе наши намерения и волю богов (отсюда: «люди как боги»), избавляет от страха перед всегда открытой настежь дверью на волю. Это помогает. Гейзенберг, помнится, писал, что именно уверенность Эйнштейна в первоочередном значении теории помогла ему сформулировать свое соотношение неопределенности.

Часто говорят: «непротиворечивые теории разрушаются действительностью». Это напоминает утверждение нерадивого школьника: «я решил задачу... неправильно!». Рассуждая без подтасовок, «решить» задачу «неправильно» нельзя, можно только «не решить». Выводы теории врут, если она внутренне противоречива или если ее термины применены к не обозначенным в ней предметам. Это наиболее частый, простой и коварный способ — подмена понятий, передегивание термина, чья область существования (применимость) не определена. Это плоть той своры текстов, что пытаются запугать человека его собственной волей. Естественно, таких теорий может быть много, поскольку их термины могут быть определены по-разному, главное, чтобы из определений следовали ясные ограничения их применимости, чтобы не напутать. <...>

Виктор Дудченко, 12.06–17.07.2000

Ремарка: решать читателю!

В. Д. писал про «тексты, сбивающиеся в стаи», уже прочитав обе части (все 10 глав) этой книги. Поэтому, прав мой внутренний рецензент или не прав в этой своей реплике, читателю легче будет решить, последовав его примеру. (Июль 2000).

* * *

Вместо заключения (к главе 6)

Вся совокупность представленных в этой главе авторских материалов конца 70-х — начала 80-х может быть — ретроспективно! — определена как поиск подходов к «социологии жизненного пути»...

*О мере успешности этого поиска — судить не мне. Но в одном автор этих строк уверен: именно тогда ему посчастливилось **открыть** (для себя!) **новых учителей жизни**.*

Напомню их имена: Альберт Швейцер, А. А. Ухтомский, А. А. Любищев. (Сентябрь 1999 — декабрь 2000).

Приложения к главе 6

П. 6.1. Альберт Швейцер: благоговение перед жизнью

[Ниже — композиция извлечений из «Философии культуры» Швейцера (выписки, сделанные еще в конце 70-х). В скобках указаны страницы по изданию: А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973. — А. А.]

Из «Культуры и этики» А. Швейцера (1923)

<...> Углубленное миро- и жизнеутверждение состоит в том, что мы обладаем волей сохранять жизнь и все существующее, если оно каким-то образом подвластно нам, и рассматривать жизнь как высшую ценность. Оно требует от нас признания идеалов материального и духовного совершенствования людей, общества и человечества и постоянного руковод-ствования ими в своей деятельности и стремлениях. Оно не разрешает нам ограничиваться в своих действиях только самим собой, но требует от нас, чтобы мы проявляли живой и деятельный интерес ко всему, что совершается вокруг нас. Всегда и везде проявлять беспокойный интерес к миру и не искать покоя в самоуглублении — вот к чему обязывает нас глубочайшее миро- и жизнеутверждение. (278).

<...> Мое знание о мире есть знание внешнее, а потому всегда несовершенное. Знание же, полученное моей волей к жизни, непосредственно определяется сокровенными стимулами жизни, такой, какова она есть.

Высшим знанием, следовательно, является знание о том, что я должен доверять моей воле к жизни. Это дает мне в руки компас для плавания, которое я должен совершить ночью и без карты. Поэтому стремление прожить жизнь правильно, возвышенно и благородно является естественным. Всякое принижение воли к жизни — это заблуждение или явление патологическое. (281).

<...> Мы не знаем, каким образом возникло в нас это стремление. Но оно дано нам вместе с жизнью. Мы должны следовать этому стремлению, если хотим оставаться верными таинственной воле к жизни, заложенной в нас. (282).

<...> Воля к жизни, ставшая сознательной и пришедшая к глубокому миро- и жизнеутверждению, также стремится к счастью и добивается успеха, ибо воля к жизни есть воля к осуществлению идеалов. Однако она не живет только этим счастьем и успехами. Если ей выпадает счастье, она рада этому и благодарно принимает его. Но она полна решимости действовать и тогда, когда ей отказывают в счастье и успехе. В этом случае она **подобна тому пахарю, который сеет, не рассчитывая собрать урожай** [здесь и далее выделено мною. — А. А.]. Воля к жизни — не пламя, которое постоянно нуждается в топливе благоприятных событий. Она горит чис-

тым светом и тогда, когда использует лишь свои внутренние ресурсы. Даже когда события обрекают ее на страдания, она не перестает быть деятельной волей. В глубоком благоговении перед жизнью воля к жизни придает ценность нашему существованию даже тогда, когда, согласно обычным представлениям, оно утратило уже всякий смысл, ибо и в этом существовании она переживает свою свободу от мира. (283).

<...> В самоотречении ради абсолютного возникает только мертвая духовность. Это чисто интеллектуальный акт. В нем не даны мотивы действия. Даже этика смирения могла влачить на этой почве интеллектуализма лишь жалкое существование. В мистике же действительности это самоотречение перестает быть чисто интеллектуальным актом и становится таким актом, в котором участвует все живое человека. В нем господствует, таким образом, духовность, которая в элементарной форме заключает в себе стремление к деятельности. (303).

<...> Субъективная ответственность, и вглубь и вдаль уходящая в бесконечность ответственность за всю жизнь, принадлежащую сфере влияния человека, ответственность, которую постиг человек, ставший внутренне свободным от мира, и которую он пытается реализовать в жизни, — это и есть этика. Она рождается из миро- и жизнеутверждения, а осуществляется в жизнеотречении. Внутренне она связана с оптимистическим желанием. Теперь вера в прогресс уже не может быть отделена от этики, подобно плохо закрепленному колесу у повозки. Обе они прочно посажены на одну ось.

Единственно возможный, содержательный, постоянно и конкретно полемизирующий с действительностью принцип этики гласит: самоотречение ради жизни из-за благоговения перед жизнью. (304).

<...> Всякое истинное познание переходит в переживание. Я не познаю сущность явлений, но я постигаю их по аналогии с волей к жизни, заложенной во мне. Таким образом, **знание о мире становится моим переживанием мира. Познание, ставшее переживанием, не превращает меня по отношению к миру в чисто познающий субъект, но возбуждает во мне ощущение внутренней связи с ним. Оно наполняет меня чувством благоговения перед таинственной силой жизни, проявляющейся во всем.** Оно заставляет меня мыслить и удивляться и ведет меня к высотам благоговения перед жизнью. Здесь оно отпускает мою руку. Дальше оно может уже меня не сопровождать. Отныне моя воля к жизни сама должна найти свою дорогу в мире. (306).

<...> Философия Декарта исходит из положения: «Я мыслю, следовательно, я существую». Это убогое, произвольно выбранное начало уводит ее безвозвратно на путь абстракции. Его философия не находит контакта с этикой и задерживается в мертвом миро- и жизнеощущении. Истинная философия должна исходить из самого непосредственного и всеобъемлющего факта сознания. Этот факт гласит: **«Я есть жизнь, которая хочет жить, я есть жизнь среди жизни, которая хочет жить».** Это не выдуманное положение. Ежедневно и ежечасно я сталкиваюсь с ним. (306).

<...> Поистине нравствен человек только тогда, когда он повинуется внутреннему побуждению помогать любой жизни, которой он может помочь, и удерживается от того, чтобы причинить живому какой-либо вред. Он не спрашивает, насколько та или иная жизнь заслуживает его усилий, он не спрашивает также, может ли она и в какой степени ошутить его доброту. Для него священна жизнь как таковая. (307).

<...> Этика есть безграничная ответственность за все, что живет. (308).

<...> Этика есть благоговение перед волей к жизни **во мне и вне меня**. (311).

<...> Борьбу против зла, заложенного в человеке, мы ведем не с помощью суда других, а с помощью собственного суда над собой. Борьба с самим собой и собственная правдивость — вот средства, которыми мы воздействуем на других. Мы их незаметно вовлекаем в борьбу за глубокое духовное самоутверждение, проистекающее из благоговения перед собственной жизнью. **Сила не вызывает шума. Она просто действует. Истинная этика начинается там, где перестают пользоваться словами**. (312).

<...> Не из чувства доброты по отношению к другому я кроток, миролюбив, терпелив и приветлив — я таков потому, что в этом поведении обеспечиваю себе глубочайшее самоутверждение. Благоговение перед жизнью, которое я испытываю по отношению к моей собственной жизни, и благоговение перед жизнью, в котором я готов отдавать свои силы ради другой жизни, тесно переплетаются между собой. (313).

<...> Этика благоговения перед жизнью заставляет нас почувствовать безгранично великую ответственность и в наших взаимоотношениях с людьми. Она не дает готового рецепта для объема дозволенного самосохранения, она приказывает нам в каждом отдельном случае полемизировать с абсолютной этикой самоотречения. В согласии с ответственностью, которую я чувствую, я должен решить, что я должен пожертвовать от моей жизни, моей собственности, моего права, моего счастья, моего времени, моего покоя и что я должен оставить себе. (317).

<...> Этика благоговения перед жизнью не считает, что людей надо осуждать или хвалить за то, что они чувствуют себя свободными от долга самоотречения ради других людей. Она требует, чтобы мы в какой угодно форме и в любых обстоятельствах были людьми по отношению к другим людям. Тех, кто на работе не может применить свои добрые человеческие качества на пользу другим людям и не имеет никакой другой возможности сделать это, она просит пожертвовать частью своего времени и досуга, как бы мало его ни было. Подыщи для себя любое побочное дело, говорит она, пусть даже незаметное. Открой глаза и поищи, где человек или группа людей нуждается немного **в твоём участии, в твоём времени, в твоём дружеском расположении, в твоём обществе, в твоём труде**. (319–320).

<...> Кто в силах перечислить все возможности использования этого ценного капитала, называемого человеком! В нем нуждаются во всех уголках мира. Поэтому поищи, не найдешь ли ты применения своему человеческому капиталу. Не пугайся, если вынужден будешь ждать или эксперименти-

ровать. Будь готов и к разочарованиям. Но не отказывайся от этой дополнительной работы, которая позволяет себя чувствовать **человеком среди людей**. Такова твоя судьба, если только ты действительно этого хочешь. (320). (Цит. по: А. Швейцер. Культура и этика. М.: Прогресс, 1973)

* * *

Из книги А. Швейцера «Из моей жизни и мыслей. Автобиография» (1931)

<...> Когда меня спрашивают, кто же я, пессимист или оптимист, я отвечаю, что мое знание пессимистично, но мои воля и надежда оптимистичны.

Я пессимист в том, что в полной мере испытываю на себе всю тяжесть того, что выражается словами «отсутствие целенаправленности в ходе мировых событий». Лишь в редкие моменты я бываю по-настоящему рад, что живу. Я не могу не ощущать, сочувствуя и сожалея, что те страдания, которые я вижу вокруг себя, страдания не только людей, но и всего сотворенного. Я никогда не пытался выйти из этой общины страдания. Мне казалось само собой разумеющимся, что каждый из нас должен взять на себя часть той тяжести страдания, которая гнетет мир. Еще школьником я ясно сознавал, что никакое объяснение существования зла в этом мире никогда не сможет удовлетворить меня; я чувствовал, что все такие объяснения являются софистикой и, по сути дела, не имеют другой цели, кроме той, чтобы дать человеку возможность не так остро переживать окружающее его несчастье. Каким образом такой мыслитель, как Лейбниц, мог прийти к такому жалкому выводу, что хотя мир действительно нехорош, он является лучшим из возможных миров, — этого я никогда не мог понять.

Но как бы ни занимала меня проблема несчастья в мире, я никогда не позволял себе целиком погрузиться в размышления о ней; я всегда твердо держался той мысли, что каждый из нас может что-то сделать для того, чтобы какая-то часть этого несчастья прекратилась. Так мало-помалу я пришел к необходимости удовлетвориться знанием того, что есть только одна вещь во всей этой проблеме, которую мы в состоянии понять, и заключается она в том, что каждый из нас должен идти своим собственным путем, но это должен быть путь человека, намеревающегося помочь в деле избавления от несчастья.

В оценке ситуации, в которой находится в настоящее время человечество, я также являюсь пессимистом. Я не могу заставить себя поверить, что ситуация не так плоха, как кажется. Напротив, я внутренне убежден, что мы находимся на пути, который, если мы будем продолжать идти по нему, приведет нас в новое средневековье. Духовные и материальные несчастья, которым современное человечество подвергает себя своим отказом от мышления и от идеалов, порожденных мышлением, я рисую себе в самых мрачных красках. И все-таки я остаюсь оптимистом. Одна вера сохранилась у меня с детства, и я уверен, что никогда не потеряю ее: это

вера в истину. Я уверен, что дух истины сильнее, чем сила обстоятельств. На мой взгляд, человечеству не предуготована никакая иная судьба, кроме той, которую оно, посредством своего умственного и духовного состояния, готовит себе само. Поэтому я не верю, что оно неизбежно должно идти до конца по пути, ведущему к гибели.

Если найдутся люди, которые восстанут против духа бездумия и, благодаря своим личным качествам, сумеют сделать исходящие от них идеалы этического прогресса действенной силой — тогда начнется духовная деятельность, которая будет достаточно сильной, чтобы изменить умственное и духовное состояние человечества.

Так как я убежден в могуществе истины и духа, я верю в будущее человечества. Этическое миро- и жизнеутверждение содержит в себе оптимистические волю и надежду, которые никогда не могут быть утрачены. Поэтому оно не боится повернуться лицом к мрачной реальности и увидеть ее такой, какова она на самом деле. <...>

(Цит. по: А. Швейцер. Упадок и возрождение культуры. Избранное. М.: Прометей, 1993, с. 227–228)

...Кто не против вас, тот за вас...

Лк. 9, 50 (цит. по: А. Швейцер. Жизнь и мысли. М., 1996, с. 508)

П. 6.2. А. А. Ухтомский — уникальное явление в русской культуре

[Ниже — композиция извлечений из предисловия Г. М. Цуриковой и И. С. Кузьмичева к книге: А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб.: Петербургский писатель, 1996. В скобках указаны страницы по названному изданию. — А. А.]

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский — явление в русской культуре уникальное.

Физиолог с мировым именем, он отличался удивительным разнообразием гуманитарных интересов, энциклопедической начитанностью в области философии и литературы, свободным творческим взглядом на многосложность социальных, нравственных, эстетических и религиозных проблем. Его эпистолярное и мемуарное наследие — настоящее откровение. Оно долго было спрятано от глаз, сохранилось далеко не полностью, да и то, что лежит в архивах, по сей день не все разобрано. (3).

<...> В литературном наследии Ухтомского нет завершенных канонических произведений, но его письма, например, можно рассматривать и как страницы эпистолярного романа, и как фрагменты философских трактатов, и как лирическую исповедь. В его наследии — отрывки из дневников; вроде бы случайные записи в рабочих тетрадях рядом с набросками научных статей — регулярные в двадцатых годах и все более редкие к середине тридцатых; совсем миниатюрный жанр — пометки на полях прочитанных книг.

В сущности, оставленное Ухтомским писательское наследие — это самобытная интеллектуальная проза: ей присущи мощь и ясность авторской мысли, талант живописания, искренность чувства, народный ум, психологическая проницательность и плюс ко всему живое ощущение грозной поступи истории. (3).

<...> Биография Алексея Алексеевича Ухтомского (1875–1942) внешне незамысловата, хотя внутренне трагична, при видимом благополучии. В глазах учеников, учениц особенно, он выглядел чудаковатым профессором — носил вызывающее для университетских аудиторий одеяние наподобие толстовки, студенты болтали, что под суконной рубахой он прячет вериги. (3–4).

<...> По характеру Ухтомский был человек замкнутый, с детства приученный к душевной сосредоточенности — рано ощутив прямую и потаенную связь с Богом ли, с Космосом или Вечностью, как это ни назови, и еще — силу Разума, его неуправляемый зов и невозможность этому зову противиться. (4).

<...> Родился Ухтомский в пошехонской глубинке, детство провел в славном городе Рыбинске, хранившем корни допетровской, старообрядческой культуры, а происхождения был княжеского, от Рюриковичей. (4).

<...> По окончании [кадетского. — А. А.] корпуса Ухтомский поступил на словесное отделение Московской духовной академии, где его прежде всего заинтересовала философия... (5).

<...> Обращение к философии, к науке и вместе с тем — к Богу для Ухтомского показательны. <...> ...Обозначая свои цели, [Ухтомский. — А. А.] записывал в дневнике в 1897 году: «...мое истинное место — монастырь. Но я не могу себе представить, что придется жить без математики, без науки. Итак, мне надо создать собственную келью — с математикой, с свободой духа и миром. Я думаю, что тут-то и есть истинное место для меня». (5).¹

<...> Лицам с духовным образованием сфера наук естественных была официально заказана, поэтому Ухтомский в 1899 году поступает сперва на восточный факультет по еврейско-арабскому разряду — с тем, чтобы год спустя перевестись на естественное отделение.

В двадцать пять лет он снова попал в студенты и через два года уже работал лаборантом на кафедре физиологии животных у профессора Николая Евгеньевича Введенского, бесконечно почитаемого им учителя. Университету, кафедре Ухтомский отдал сорок лет жизни. Здесь, студентом, опубликовал первую научную статью, позже вел занятия и читал лекции, защищал магистерскую диссертацию, а в 1922 году, со смертью Н. Е. Введенского, принял заведование его кафедрой. (6).

<...> Он жил одиноко, затворником, не создавая семьи, решив раз и навсегда, что «подлинное, на всю жизнь незабываемое счастье», человек испытывает лишь в вершинные моменты «подъема и труда», когда он, пусть мимолетно прозревает «то, что выше его».

¹ Характерна тема кандидатского сочинения Ухтомского при окончании Духовной академии: «Космологическое доказательство Бытия Божьего»

И словно поощряя такую целеустремленность и аскетизм, судьба временами по-царски одаривала Ухтомского эпизодами «удавшегося человеческого общежития». Среди них, пожалуй, самый яркий — лето 1922 года, проведенное им со студентами и помощниками в Университетской физиологической лаборатории возле Петергофа, в «прекрасной нашей Александрии» — так они ее называли.

Тем летом Ухтомский приступил вплотную к итоговому формулированию своего главного открытия — закона **доминанты**, несказанно радуясь, что вокруг него сплотился маленький дружный коллектив, объединенный чрезвычайным единодушием и взаимной любовью. (7).

<...> В 1922 году он наконец обнародовал закон **доминанты** — развивая идею, подсказанную нечаянным наблюдением при опыте над животным почти два десятилетия назад.

Недаром еще в молодости интересовался он психологией религиозного подвижничества и задавался вопросом: откуда черпают люди решимость и силу, ступая, казалось бы, за барьер отпущенных им возможностей? Почему они, подчас забывая о страхе, в состоянии, похожем на восторг, восходят на плаху?.. Попытки найти физиологические мотивации явлениям такого рода — и множеству им подобных — привели ученого к закону о доминанте. (7–8).

<...> Доминанта, утверждает Ухтомский, «есть не теория и даже не гипотеза, но преподносимый из опыта принцип очень широкого применения, эмпирический закон, вроде закона тяготения...». (8).

<...> Доминанта — это принципиально нарушенное равновесие в нервной системе, когда господствующий очаг возбуждения разгорается, привлекая к себе волны возбуждения из самых различных источников. Одномоментно доминанта тормозит все прочие, в том числе и постоянные раздражители. (8)

<...> Доминанта и устойчива, и подвижна. Угасая, она не исчезает, а погружается в глубину сознания. Наши понятия и представления — все индивидуальное психическое содержание, каким мы располагаем, — есть следы пережитых нами доминант. (8).

<...> «Суровая истина о нашей природе, — писал Ухтомский, — что в ней ничего не проходит бесследно и что **природа наша делаема**, как выразился один древний мудрый человек. Из следов прошлого вырастают доминанты и побуждения настоящего для того, чтобы предопределить будущее. Если не овладеть вовремя зачатками своих доминант, они завладеют нами. Поэтому, если нужно выработать в человеке продуктивное поведение с определенной направленностью действий, это достигается ежеминутным, неусыпным культивированием требующихся доминант. Если у отдельного человека не хватает для этого сил, это достигается строго построенным бытом». (9).

<...> Какую же из доминант, организующих наше сознание, выделяет Ухтомский как важнейшую?

Он ее называет «доминантой на лицо другого». И суть ее в том, чтобы «уметь конкретно подойти к каждому конкретному человеку, уметь войти в его скорлупу, зажить его жизнью», рассмотреть в другом не просто нечто равноценное тебе, но и ценить другого выше собственных интересов, отвлекаясь от предвзятостей, предубеждений и теорий... (9).

<...> Изучая природное «устройство» душевной жизни, Ухтомский не оставлял в стороне личный опыт. Тем ценнее его дневниковые заметки и письма, где он зачастую «обкатывал» научные формулировки и старался привить своим адресатам убеждения, которые вынашивал годами. (12–13).

<...> Круг проблем, обозначенный в этих письмах, содержит и проблему «двойника», и концепцию «заслуженного собеседника». (13).²

<...> Не умаляя значения разума, Ухтомский отдавал приоритет в познании чувству, эмоции, возникающей в подсознании. «Интуиция, — писал он, — раньше, принципиальнее и первоосновнее, чем буква». Если чувство не затронуто, знание — мертвый груз. И там, где нет собеседования с Бытием, сочувствия и сопереживания, нет и ответственности человека — и человечества! — перед Бытием. (15).

<...> «Сердце, интуиция и совесть — самое дальнзоркое, что есть у нас, — писал Ухтомский, — это уже не наш личный опыт, но опыт поколений, донесенный до нас, во-первых, соматической наследственностью от наших предков и, во-вторых, преданием слова и быта, передававшимся из веков в века, как копящийся опыт жизни, искусства и совести народа и общества, в котором мы родились, живем и умрем». (15–16).

<...> Никаких иллюзий по поводу новой власти Ухтомский не ведал и в январе 1918 года предостерегал свою адресатку /В. А. Платонову. — А. А./: «...Вы очевидно не отдаете себе отчета в том, что такое большевики! Они именно вполне последовательны, уничтожая христианское богослужение; логическая последовательность приведет их к прямым, принципиальным и, стало быть, жесточайшим гонениям на христианство и христиан! Вы это имейте в виду, чтобы представить себе вещи, как они есть в действительности!». (20).

<...> «То, что кажется таким **новым и небывалым** для самих «творцов» всех этих новейших дел, оказывается для нас, — писал он В. А. Платоновой в январе 1918 года, — древнейшим, давно **предсказанным типом событий**, свойственным всем тем эпохам, в которые особенно ярко сказывается нравственное падение и расстление общества, но, вместе с тем, подымается гордыня древней злобы, все пытающейся быть «яко бози...». (20).

<...> Вспоминая в письме к Платоновой, как впервые попал в ЧК — в 1920 году в Рыбинске, — он рассказывал, что только счастливое стечение обстоятельств, «маленькая бумажка от Петроградского совета, бывшая в кармане» спасло его от смерти, когда «какой-то весь серый

² Речь идет в данном случае о письмах к Е. И. Бронштейн-Шур 20–30-х гг. См. ранее, в главе 6: раздел «Мой «заслуженный собеседник»...»

человек голосом привычного бойца со скотобойни уже спрашивал, все ли готово для расправы». (21).

<...> С той поры зловещий «серый человек», в разных обстоятельствах и в разном облики, не однажды напоминал Ухтомскому о себе -и в 1922-м, и в 1934-м, и в 1937-м, и в другие приснопамятные годы.

Унизительный гнет этих лет не мог, конечно, не влиять на моральное состояние Ухтомского и не отражаться на его переписке. Неспроста в 1934 году он писал Платоновой, что «нужно оградить себя молчанием», по крайней мере, быть осторожным в словах и, подобно египетским пустынноикам, «бывать друг у друга самым главным - сознанием общности делания», а в 1937-м жаловался ей: мол, все чаще, чего раньше с ним не случалось, обнаруживает в себе «подозрительность, нездоровую мнительность в отношении людей»... (21).

<...> В сентябре 1940 года, сокрушаясь, как «трудно идут теперь наши дни», придется ли еще увидеться, он писал Платоновой: «Да и все человечество в целом вошло в какую-то новую, очень тяжелую полосу своего бытия, когда мир вступает в новые муки рождения своего будущего». (21).

<...> Алексей Алексеевич Ухтомский скончался 31 августа 1942 года в блокадном Ленинграде. Ему неоднократно предлагали выехать из осажденного города, но он догадывался, что болен безнадежно, и считал неразумным тратить остатки сил на далекое переселение. (21).

<...> Вклад академика Ухтомского в физиологическую науку всемирно известен и неоспорим. И почти неизвестно его гуманитарное, иначе -литературное наследие. Познавая как ученый тайны дарованной человеку жизни, он сполна извещал «странную» потребность писательства. Завещанное им слово учителя и проповедника, подобно великим книгам, зовет людей к духовному братству. (21-22).

(Г. Цурикова, И. Кузьмичев. Странная профессия - писательство / А. Ухтомский. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях. СПб, 1996)

П. 6.3. А. А. Любичев: масштаб личности и духовное наследие

[Ниже - статья Р. Г. Баранцева, опубликованная, под названием «О духовном наследии А. А. Любичева», в журнале «Реальность и субъект» (1999). - А. А.]

Р. Г. Баранцев об А. А. Любичеве (1999)

С 1890 по 1972 год в России жил человек, который, будучи виталистом, открыто критиковал материалистическое мировоззрение и в качестве основного постулата этики призывал способствовать победе духа над материей. Не имея академических званий и широкой прессы, Александр Александрович Любичев был известен сравнительно небольшому кругу людей. Но он оставил гигантское рукописное наследие, по мере освоения которого постепенно вырисовывается подлинный масштаб ученого-гуманиста.

Архив Любищева превышает 2000 печатных листов. Наряду с научными трудами он включает переписку (600 л.) и дневники (200 л.), о которых писал Д. А. Гранин в повести «Эта странная жизнь». В последние годы опубликованы книги Любищева: «Проблемы формы, систематики и эволюции организмов»; «В защиту науки»; «Расцвет и упадок цивилизаций»; «Линии Демокрита и Платона в истории культуры»; «Мысли о многом»; готовится к публикации книга «Наука и религия». В г. Ульяновске, где он провел последние годы жизни, ежегодно проводятся Любищевские чтения. Имя А. Любищева стало упоминаться рядом с именами К. Линнея, Д. Менделеева, Н. Вавилова, В. Вернадского.

Чем же интересно, актуально, значительно наследие Любищева?

Лет 15 назад один из молодых людей после недельного погружения в его архив сказал: «Я нашел ответы на вопросы, которые еще не успел себе поставить». Наше крутое время успело поставить множество горячих вопросов. И если выделить те фундаментальные вопросы, которые связаны со сменой парадигмы, то ответы на них скорее можно найти в трудах Любищева, чем в море публикаций современных социологов. Переживаемый ныне кризис мировоззрения заботил Любищева задолго до того, как его осознало общественное мнение. Корни ошибок он правильно связывал с одномерной структурой мышления, указывая, что диалектика не сводится к антитезам «или-или». И во всех своих работах он демонстрировал диалектику многомерную. Так, в книге «Наука и религия» упоминаются 5 форм суеверий и 6 степеней защиты религии, а 4 вида жертв инквизиции сопоставляются с аналогичными категориями в современных преследованиях. Системы мировоззрений он обычно рассматривал в 5-мерном пространстве: онтология, гносеология, биология, этика, социология.

Одновременно Любищев разрабатывал такие проблемы многомерной диалектики как ортогонализация осей семантического пространства, комплексирование признаков по критериям реальности, синтезирование целостных сущностей. Еще в 40-е годы он ставил вопрос о «преодолении всех форм плюрализма в едином высшем синтезе», в 70-е годы писал: «Проблема целостности сопряжена с глубочайшими философскими вопросами».

Открытая методология, которую с трудом постигает сегодняшняя синергетика, была доступна Любищеву во все годы господства идеологии закрытого общества. В письме к Д. А. Никольскому от 20.12.60 он утверждал:

Детерминизм является не только антинаучным, но ответственным за многие выводы, которыми многие ученые и неученые пытаются оправдать все мерзости истории.

В статье, посвященной принципу дополнительности, он отмечал, что согласно Бору высшая мудрость должна обязательно быть выражена путем использования таких слов, смысл которых нельзя определить однозначно, и между прочим само понятие дополнительности трактовал в 4-х вариантах. В письме к В. Н. Беклемишеву от 05.11.58 читаем:

Я думаю, что среди открытий XX века следует различать три группы: 1) те, которые поддерживают сделанные выводы, но не ставят никаких новых проблем, 2) те, которые ставят по новому казалось бы разрешенные проблемы, 3) те, которые оказываются совершенно непредвиденными. Первую категорию следует признать приятными открытиями, вторую — полезными, третью — интересными.

Прогресс в обществе Любищев признавал в смысле гуманизации, оговаривая однако, что он идет не прямолинейно, а зигзагообразно. Откликаясь на речь В. А. Энгельгардта «Творчество ученого» по радио 19.12.64, Любищев писал 21.12.64:

В. И. Вернадский и Тейяр де Шарден, отошедшие уже в вечность, все время настаивали, что с появлением разумного человека народилась новая сфера бытия, ноосфера, область действия сознательного разума. Не этот ли инстинкт, стремление к чистому знанию, к рационализации всего бытия, является основным принципом развития ноосферы, подобно эктропизму в биосфере. Может быть, для биосферы можно согласиться в первом приближении, что природу к жизни побуждают голод и любовь, но следование этому положению в ноосфере, как ведущему принципу, есть предательство человека по отношению к своему высшему назначению... Порыв ученого к познанию, сходный с «жизненным порывом», есть нечто первичное, в подлинном смысле слова ведущее.

По поводу слов о рационализации всего бытия развернулась острая дискуссия Любищева с П. Г. Светловым, который писал:

Познание не обязательно результат рационализации. Знание имеет множество источников и рефлектирующий разум — лишь один из них... Часто знание противопологают вере. Антитеза: «чистое» знание и «слепая» вера. Однако, как знание может быть слепым и нечистым, так и вера может быть не слепой и чистой... За пределами применимости разума залегает огромная область, океан своего рода, о котором нам дают понятие внеразумные источники знания, каковые служат и фундаментом разумного.

Любищев отвечает:

Я... чувствую себя в одной компании с Эйнштейном, Эддингтоном, Гейзенбергом, Шредингером, Вейлем... Все они — рационалисты, как и Кант: религия в пределах чистого разума; а глубоко религиозные люди, как наш покойный друг В. Н. Беклемишев и ты, интуиционисты. Вот этого у меня нет и потому я совершенно бессилен в размышлениях на темы религии в духе, например, П. А. Флоренского... Но я высоко ценю все разумное, что дала в частности христианская религия. Проповедь любви и учение о Логосе, данное апостолом Иоанном, интернационализм апостола Павла и то критическое отношение, которое дано в поведении апостола Фомы.

Свой рационализм Любищев видел в том, чтобы не ставить априорных пределов возможностям познающего разума. Такое понимание рационализма далеко выходит за рамки классического идеала и представляет интереснейший объект для современных охотников расширенного толкования этого термина. Склоняясь к пантеистическому мировоззрению, Любищев стремится к высшему синтезу Истины, Красоты и Добра на пифагорейском пути в развитии Культуры. Не случайно в своей работе он приводит слова А. Эйнштейна: «Все религии, искусства и науки являются ветвями одного дерева».

Дополняя голод и любовь жаждой познания, а полезное и приятное — интересным, Любищев фактически образует системные триады. Отталкиваясь от традиционной постановки вопроса о двух линиях в филосо-

фии, он неминуемо приходит к мысли, что «надо говорить не о двух линиях — Платона и Демокрита, а по крайней мере о трех. Третья линия — линия Аристотеля, которую строго говоря, нельзя отнести ни к чистому идеализму, ни к чистому материализму».

Потрясающая эрудиция, удивительная работоспособность, гражданское мужество Любищева получили широкое признание. Покоряет самостоятельный, независимый, свободный стиль его жизни и работы, предельная честность и щедрость в науке, уважение к инакомыслящим. Находит понимание его многомерная диалектика, ценится рационализм, оптимизм, гуманизм. И в масштабе уходящего века можно видеть его как гигантский мост разума над бездной упадка, ведущий от нравственных традиций российской интеллигенции к грядущему подъему духовности.

(Р. Г. Баранцев. О духовном наследии А. А. Любищева // Реальность и субъект, 1999, ¹ 1/2, с. 154–155).

П. 6.4. К вопросу о гуманитаризации научного знания

Несколько вступительных слов

В апреле 1999 г. мне довелось участвовать в XI Любищевских чтениях в г. Ульяновске.

Эти чтения отличаются особой «аурой». Чтения — памяти Любищева... (Как, впрочем, и вообще чрезвычайно сильна духовная аура интеллектуальной среды этого «провинциального» русского города на Волге.)

Бывают «не-встречи», по выражению М. Цветаевой... А бывают встречи, в частности, с «заслуженным собеседником», по выражению А. Ухтомского. Среди таких — моя встреча с Анатолием Николаевичем и Лидией Ивановной Марасовыми.

А. Н. Марасов — доцент Ульяновского педагогического университета им. И. Н. Ульянова, биолог, один из организаторов Любищевских чтений и автор замечательных философских эссе о человеке и мире.³ Л. И. Марасова — учитель одной из ульяновских средних школ, преподает английский.

А дочь Л. И. и А. Н. Марасовых — Олеся Анатольевна Козина — в прошлом журналист, а ныне — преподает социологию в Ульяновском гос. университете. В 2000 г. она защитила диссертацию о философско-эстетических аспектах неомифологии Н. К. и Е. Н. Рерихов (науч. рук. — докт. филос. наук Ю. В. Линник). Олеся — талантливый поэт; недавно вышли два ее поэтических сборника.⁴

Ниже — извлечения из доклада О. А. Козиной на Любищевских чтениях 1999 г. (Декабрь 1999 — апрель 2001).

Из доклада О. Козиной (1999)

<...> Вопрос об этике в науке возникает вместе с введением критерия личности, то есть когда во главу угла ставится человек со всем спектром его интересов. Последнее приводит к гуманитаризации знания (нау-³ Марасов А. Н. Катехизис Ульяновск, 1993; Марасов А. Н. Природа Ульяновск, 1994; Марасов А. Н. И звук, и свет Ульяновск, 1997; Марасов А. Н. Арабески Ульяновск, 2001 ⁴ Козина О. Выбор

Ульяновск, 2000; Козина О. Формы Ульяновск, 2000

ки). В этом смысле гуманитаризация науки тождественна **этизации** науки. Кроме того, этизация науки предполагает не менее важный по значимости вопрос **гармонизации** знания, предполагающий определенный идеал **целостной науки**.

Здесь подразумевается методологический контекст: обусловленность необходимости универсального подхода и стремления к гармоничному знанию. Иными словами, возникает необходимость перехода к синтезу как мировоззренческо-методологической установке.

<...> Принцип синтеза в методологии, кроме этического, имеет и эстетический аспект, наглядно продемонстрированный концепцией А. А. Лю-бищева, разнообразие теоретических систем подчиняется единому ориентиру (или целям так называемой метанауки).

<...> Преимущество эстетического аспекта научного познания заключается не только в стремлении к ценностному соотношению и соответствию внутренней мере осваиваемого предмета и человеческим идеалам, но и в формировании творческой сферы свободы.

Эстетическое отношение, подразумевающее свободу относительно объекта, во многом определяется **игрой** с ним. Используемый здесь термин «игра» имеет статус принципа деятельности и характеризует исключительно творческий компонент познания. Наряду с требованием определенных духовных компонент (стремление, увлеченность, энтузиазм, состязательность и т. п.), особого внимания заслуживает важная составляющая игры — воображение, сохраняющее дистанцию между субъектом и объектом. Что, в свою очередь, вносит в игру противоречие: играющий субъект одновременно находится в двух сферах — условной и реальной. Моделируя двуплановую реальность, игра создает возможность так называемой «игровой бесконечности» как моделирования, так и выбора.

В связи с этим творческий принцип становится необходимым компонентом эвристической деятельности, аналогом которой на предыдущей «ступени» служит игровая ситуация, а тенденция к творчеству — тенденция к высшей игре разума, восприимчивость к идеям, новаторству, поиску, новизне.

<...> Кроме того, можно утверждать, что принципиальность науки в целом определяется ее этикой. Истина же предстает как понятие, интегрирующее ценностный, эстетический и этический аспекты. Тем не менее, доминанта должна быть смещена в сторону моральности. В противном случае, истина не может служить телеологическим оправданием развития науки. Кроме того, правильное было бы ставить вопрос о сугубо индивидуальной сущности истины как таковой, при некоем целостном принципе личности, ибо самая суть данного принципа формируется исключительно в пределах мироотношения. Этика же науки, определяющая ее принципиальность, целиком обусловлена этикой ученых, ее представляющих. В связи с этим в настоящее время необходима выработка адекватных нравственных императивов науки, задающих ее вектор развития, однонаправленный с вектором культуры.

Таким образом, вопросы гуманитаризации и эстетизации науки образуют единую понятийную область, неотделимую от ценностно-оценочных категорий и затрагивающую проблематику мировоззрения личности ученого. <...>

(О. А. Козина. Проблемы гуманитаризации и эстетизации науки / Любичевские чтения. 1999. Ульяновск, 1999)

Ремарка: нравственные императивы науки

С вышеприведенным рассуждением О. Козиной я не только согласен (в основном), но и полагаю его объясняющим некоторые мои собственные профессиональные поиски. Представляется, однако, не бесспорным утверждение о необходимости «смещения доминанты в сторону моральности» (применительно к науке). Если, как справедливо отмечает О. К., в истине интегрируются ценностный, этический и эстетический аспекты, то почему одному из интегрируемых аспектов отдается предпочтение? Или я чего-то не понял? (Декабрь 1999).

* * * Умножить скорбь, избрав
познания плен. Избавить смех от лишних
наслоений. Не встать с колен. Но мочь
стоять без позволений... Родившись, быть.
Оберегать Себя от алчущего гнева. И вновь
искать Пути миро-творенья чрева...
Платить собой. Смеяться и рождать. Играть
боль среди горних растворов. Не
избегать Смертей сияющих прозрений.

О. Козина, 24.11.1999

Мудрость не знает сомнений.
В мудрости мы откровенней:
совесть сидит на цепи. Без
удручающих рвений Четки
границы суждений, Ясны,
суровы, легки... Мудрость
бежит словопрений, Тропок
лукавых томлений: Мудрые,
чутки шаги. В дебрях из
бликов и теней, Чуждая
символам мнений, Мудрость
молчит вопреки. Там же, где
духа решенье Ждет от души
искупленья, Мудрость не
прячет щеки.

О. Козина, 9.10.1999 (из сборника
«Выбор», с. 47–48)

Приложения к части 1 (главы 1-6)

П. 1-6.1. Памяти друга (Воспоминание о Гурии Забелкине)

От автора — сегодня

Осенью 1998 г. скончался один из стариннейших моих друзей — Гурий Иванович Забелкин

Мы познакомились в 1958 г., еще в бытность мою журналистом газеты «Смена». А Гурий Забелкин тогда работал на Волховском алюминиевом заводе, в электролизном цехе, и собирался поступать на философский факультет университета. После одной из журналистских командировок в молодежной газете был напечатан мой очерк о Гурии (под названием «Странный парень»); Смена, 17.01.59). Гурий его не то чтобы одобрил, но «стерпел». Мы подружись.

Потом Гурий Забелкин стал студентом философского факультета Ленинградского университета. Я же ушел из газеты и работал на Ленинградском заводе по обработке цветных металлов, вальцовщиком. Мы постоянно общались. Заканчивал философский факультет ЛГУ Гурий уже заочно, вернувшись, по семейным обстоятельствам, в Волхов. Работал электролизником, в «родном» цехе. А в 1963 г. поступил на Волховский алюминиевый и я, и освоил ту же профессию.¹

Гурий познакомил меня со своими любимыми учителями — Еленой Васильевной Вонсик и Ириной Владимировной Баландиной.

Елена Васильевна была уже в весьма преклонном возрасте (она скончалась в 1975 г.), а Ирина Владимировна преподавала литературу в вечерней школе. Среди инженеров и рабочих Волховского алюминиевого было много их учеников, но Гурий был их любимцем.

Именно они, эти две учительницы, как рассказывал Гурий, разбудили в нем серьезные гуманитарные интересы, так что рабочий-литейщик стал позднее преподавателем философии.

Мы тесно подружись, часто встречались вчетвером... Это общение (обычно на квартире Е. В.) было настоящим пиром ума и праздником души. Приобщение к возвышенному... Помню, некоторые из встреч превращались в импровизированные литературные вечера: Ирина Владимировна замечательно декламировала стихи. Елена Васильевна относилась к Гурию и ко мне как к сыновьям.

А когда я уехал из Волхова (в 1964 г.), связь поддерживалась ставшими уже более редкими встречами, а в основном — перепиской, к сожалению, не очень регулярной (по моей вине).

В частности, в письмах И. В. рассказы о житейских буднях и деликатное руководство кругом чтения адресата перемежалось стихами, которые, при встрече, «забыла Вам с Гурием почитать».

Вот два стихотворения:

¹ См в приложениях к главе 5: «Двадцатью годами ранее: как меня учили»

Инакомыслящий

Сомневаешься ты? Сомневайся.
 В отрицании жизни залог.
 Перейди через эту черту —
 И опять все начнется по кругу,
 Отрицал Прометей, на скале изнывающий бог,
 И Христос отрицал, осужден и поруган...
 Сколько их, правоверных, было, есть и грядет впереди...
 Подбородок задрал, на трибунах кумиры маячат,
 Инквизиторы ходят в подвал — не дыши, на колени пади —
 Как ты смел усомниться, подумать иначе?
 Нет, не сдался еще Галилей,
 И соборы шумят о Толстом,
 Кампанелла в застенке о городе-Солнце мечтает.
 И Морозова люд слободской осеняет двуперстным крестом,
 И, не в силах Эйнштейна понять,
 Знаток пожимают плечами.
 Если все, что бесспорно, уязвимее больше всего,
 И дорога открытий — дорога потерь,
 Спотыкайся и падай. И будь счастлив уже оттого,
 Что дано нам великое право — не верить и верить.

Поэту

Зачем ты умирал, становясь
 На горло собственной песне?
 Зачем, поэт?
 Не знал ты разве, что только песня
 Оставит след?
 Уходят призывы и словопрения
 Дождем косым.
 Словес твоих груди сгребает время —
 И на весы.
 И там, где подспудно бьется страдание
 Где нежность лишь —
 Векам, истории и мирозданию
 Ты говоришь.
 ...Но сам, доверчивый, оголенный.
 В конце концов
 Ты вздрогнул и вышел из колонны,
 Закрыв лицо.
 Не потому ли, что стало тесно
 На мостовой?
 А ты наступил на горло песне
 Своей, живой?..

Оба стихотворения — из письма И. В. от января 1969 г.²

² Перепечатывая здесь эти стихи, я был уверен, что они написаны самой Ириной Владимировной (она писала стихи и иногда читала нам в Волхове и их также). Обычно она сообщала имя автора, а тут — ссылки не было. Но, как выяснилось уже сегодня (И В теперь живет в Петербурге, в семье сына), «Инакомыслящий» и «Поэту» — все же не ею сочинены. Кем же? Ее коллегой, учителем из Выборга. Сейчас И В помнит только фамилию: **Суреш**. В последний раз они виделись лет 20 назад.

Но — пусть написаны не ею... Они для меня остаются также и **ее** — **моими, нашими** с нею, Еленой Васильевной и Гурием — стихами того времени. Мой поклон — автору этих стихов.

Но вернусь к рассказу о Гурии Забелкине.

Окончив Университет, Гурий получил место преподавателя философии в Пушкинском сельскохозяйственном институте. Во второй половине 60-х на каком-то межпреподавательском семинаре Гурий проявил «политическую незрелость», высказавшись в том смысле, что с «приближением к коммунизму» роль партии должна «скорее уменьшаться, чем возрастать». Было персональное дело, где Забелкину дали понять, что его, молодого специалиста и молодого коммуниста, «простят», если он признает свои ошибки. Гурий сделать это отказался. Его исключили из партии (о чем он никогда не жалел).

Будучи, разумеется, изгнан с кафедры марксизма-ленинизма, Гурий стал работать шофером, на крупнотоннажных грузовиках с прицепом. Позднее заведовал гаражом на заводе в Пушкине. Пользовался большим авторитетом в своем коллективе.

Мы общались с Гурием все последующие годы, к сожалению, реже, чем хотелось бы.

Имея более чем десятилетний стаж работы на горячем и вредном производстве (электролизный цех Волховского алюминиевого), Г. Забелкин вышел на пенсию в 50 лет. Разумеется, продолжал работать, пока не обнаружился рак легких.

В вышеприведенном очерке 1963 г. «Как меня учили»³ (написанном искренне, но не без автоцензуры) не сказано о «висельном» юморе товарищей автора по электролизному цеху: «На пенсию — в 50, на кладбище — в 55». Гурий дожил до 65.

В моем архиве не сохранилось текстов Гурия Забелкина, кроме, пожалуй, одного: ответов на анкету «Ожидаете ли вы перемен?» (экспертный лист 44, без псевдонима, от февраля 1981 г., судя по многим признакам, принадлежит именно ему). В ту пору Гурий работал шофером.

Приведу отрывок из этого экспертного листа:

« <...> Противоречия данного общества усугубляются. <...> Состояние перманентно взвешенное, но сила инерции еще велика, и потому считаю это состояние скорее устойчивым. <...>

Кризис налицо. Обнаружился для меня в середине 50-х гг., в последние 10–15 лет выяснил для себя, что причины его не субъективны, лежат в природе данного общества.

<...> Если исходить из тенденций внутреннего развития, существенных перемен ждать не следует. Но вообще перемены возможны. В виде сползания к худшему. <...> Сползание — медленное. <...> Сползание началось.

<...> Близкая к пределу несвязанность между собой всех главных сфер жизни.

Политика. Отрыв ее от экономики, опасная самостоятельность. непреодолимый разрыв между государством и народом. Противоположность интересам народа, с одной стороны, и личности, с другой.

Труд. Полная незаинтересованность подавляющего большинства как в результатах, так и тем более в процессе труда.

Экономика — ее заведомая неэффективность и при этом — неуправляемость.

³ См. ранее, приложения к главе 5: раздел «Двадцатью годами ранее: как меня учили»

Частная жизнь, ее противоречия: реальное стремление к частной жизни как альтернативе жизни общественной, не вызывающей интереса: при этом постоянное обеднение этой частной жизни, ее формализация: распадение семейных и других частных связей, катастрофическое в условиях, при которых этим связям нет компенсации в иных сферах жизни.

<...> Предыстории от истории оторвать не могу. «История» — продолжение «предыстории». Среди обстоятельств оной:

а) не первое, но важное — пресловутая «негосударственность» народной психологии, азиатско-генетическая, но и поддержанная и укрепленная историей;

б) в период создания государства — уже и на том уровне — сверхбольшие масштабы территории и населения, разность региональных и этнических «составляющих», наличие только политических мотивов объединения — все это при заведомой невозможности создать адекватные связи коммуникации. Словом, неестественность государства;

в) в решающий момент — в XVI веке — неправильный выбор социально-экономической и политической модели; предпочтение военно-феодальной диктатуры реально возможному тогда поддержанию наличных «буржуазных» элементов...⁴;

г) закрепление разрыва между народом и государством в период петровских реформ;

д) закрепление за национализмом господствовавшей нации антигосударственной направленности;

ж) естественная государственность мышления всех значительных революционных движений;

з) историческое опоздание попыток новейшего времени создать «Общество» и, стало быть, заведомая искусственность этого общества.

<...> Сейчас нет показаний, свидетельствующих о том, что весь мир приобретет черты данного общества. Скорее наоборот. Развитие же данного общества эклектично: реально родственное восточному образцу, оно по мере возможности будет использовать западные «формы». Это и есть своего рода самостоятельность пути.

<. > Не могу ответить [на вопрос об очередности перемен. — А. А.], не умею. Абстрактная логика должна быть такова: экономические трудности — идеологический натиск — политические решения.

Наиболее вероятно:

— осознание невозможности изменить социально-экономическую систему; одновременно, нарастающие трудности в лагере союзников; одновременно, нарастающее отчуждение в третьем мире; неприемлемость западных условий союза с Западом: союз Запада с Востоком; движение к восточной модели без опоры на реальный Восток. <...> Февраль 1981.»

⁴ Ср постановку вопроса о победе «регрессивной» тенденции развития в российской истории в XVI веке у А. А. Любичева: *Любичев А. А.* Если бы противостояние с Москвой завершилось в пользу Новгорода... // Звезда, 1999, ¹ 10

В этой своей работе Любичев выражает убеждение в том, что «разгром Новгорода (Москвой, в XV веке) — «несчастье не только для Новгорода, но и для всего русского народа и даже отчасти для всего человечества» Он показывает, что возникшее в период «собрания Руси» верховенство московской «программы и идеологии» было победой **регрессивной** тенденции над исторически прогрессивной, что существенно определило весь дальнейший ход российской истории

Этой же теме посвящена любичевская «Апология Марфы Борецкой», опубликованная в сборнике: *Любичев А. А.* Мысли о многом Ульяновск, 1997

Этот прогноз, как и многие другие, был пессимистическим. Хотелся отметить, однако, иногда напрямую, а иногда неявно (как здесь) выраженную позицию: взгляд в будущее не обнадеживает, однако остается, в этих условиях, «мужество жить достойно»...

*Включив в настоящую книгу рассказ о своем раннем «хождении в рабочие» (а без Гурия, может, и не пошел бы!), я посвящаю сегодня свой давний очерк — «Как меня учили» (см. выше) — Светлой памяти **Гурия Ивановича Забелкина**. (Сентябрь 1999 — февраль 2000).*

П. 1-6.2. Памяти друга (Тексты Сергея Розета)

Несколько вступительных слов

Как уже отмечалось, почти одновременно с автором этих строк расстался с социологической лабораторией и стал рабочим Сергей Михайлович Розет (1940–1994).

Сергей Розет окончил физический факультет Ленинградского университета, работал физиком-исследователем (60-е гг.). Потом — аспирант кафедры логики философского факультета ЛГУ. Потом — социолог, занимался производственной социологией и социологией территориальных общностей, методологией социальных исследований, старший научный сотрудник Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского (70-е гг.).

Потом — на протяжении десяти лет — рабочий (слесарь завода «Красногвардеец»; оператор котельной), точнее — социолог-рабочий.

Последние годы жизни С. М. Розет трудился в СПб филиале Института социологии РАН и занимался исследованием изменений на производстве в условиях приватизации и акционирования промышленных предприятий.

Ниже — извлечения из творческого наследия Сергея Розета: один из его последних научных текстов (начало 90-х гг.) и стихи, которые при его жизни света не увидели.

Настоящая подборка текстов С. Розета подготовлена его другом Юрием Анатольевичем Щеголевым, при моем участии. (Апрель-декабрь 1999).

П. 1-6.2.1. «В данной работе мне хотелось бы способствовать становлению субъект-субъектного познания...»

[Перечитывая сейчас нижеследующий текст (с которым знакомился 8 лет назад, но в котором не усмотрел тогда того, что вижу теперь), поражаюсь прозорливости и точности постановки Сергеем Розетом вопроса о субъект-субъектном познании в социологии, как требовании времени.

Конечно, интуитивно, многие (и я сам в том числе) тогда практически уже работали в этой парадигме. Но Сергей Розет сформулировал ключевое эпистемологическое положение этой книги раньше, чем это удалось сделать мне.

И сделано это им — независимо от тех авторов, на которых я теперь могу опереться. — А. А.]

**Из заявки на стипендию фонда «Культурная инициатива»
(Фонд Сороса) на тему «К теории конфликта в социологии».
Обоснование выбора темы (1992)**

1. Гражданское обоснование

С крахом тоталитаризма (это одна из возможных объяснительных моделей прошлого нашей страны) рухнул и основной вертикальный конфликт подавления номенклатурой всех слоев населения и отчуждения в ее пользу всей ценностно-смысловой, планово-проектной сферы общества. Политическая и экономическая свободы создают предпосылки для процесса субъективации, становления независимых экономических, политических, правовых, духовных, экзистенциальных и иных субъектов. Население постепенно становится перед субъектно-объектным выбором — либо принять ответственность за цели, смыслы, обеспечение и сам факт собственной жизни на себя, либо оставаться объектом манипуляции государственных и иных структур.

Субъект в значительной степени — тот тот, кто «за» и «против». Процесс субъективации с необходимостью предполагает конфликты, борьбу за место, ресурсы и возможности в принципиально конечном экономическом, политическом и ином пространстве. **Новая реальность, которая нас ожидает, это множество субъект-субъектных горизонтальных конфликтов, разрешение которых не упорядочено ни традицией, ни законом, ни юридической или посреднической практикой.** [Здесь и далее выделено мною. — А. А.] Исследование, типология и поиск способов воздействия на преимущественно горизонтальные конфликты могут быть полезны в этой новой реальности.

Более того, существует **императив противостояния генерализации конфликтов** (в возможной гражданской войне) — **императив гражданского мира.**

2. Гносеологическое и этическое обоснование

Социальное познание в мире подавления и отчуждения субъектности было **субъект-объектным**. «Исследователь» как потенциальный советник истеблишмента (на Западе) или номенклатуры (у нас), отчуждал субъектность от «Исследуемого» и от совокупности «Исследуемых», превращая и его, и совокупность в социальный объект, объект исследования, управления, планирования и проектирования.

Опредмечивание «Исследуемого» связано с опредмечиванием «Исследователя», с выведением его за счет присвоенной чужой субъектности из нормальной человеческой позиции в сверхчеловеческую (в сущности, объектную), как носителя и обладателя «Объективной истины» и «Научного метода», с установлением вертикальных отношений между этими двумя людьми. Но если для «Исследуемого» подвергнуться исследованию — это неприятный эпизод, приносящий незначительный ущерб, то для «Исследователя», профессионально вовлеченного в эту гносеоло-

гическую ситуацию и вынужденного идентифицировать себя с «Методом», «Истиной», сверхчеловеческой позицией, **ущерб от объективации может быть значительным**, вплоть до обеднения или атрофии личностного, ценностного, эмотивного начала.

В данной работе мне хотелось бы содействовать становлению субъект-субъектного познания. **Субъект-субъектное познание может быть только равноправным диалогом «Исследуемого» и «Исследователя» по поводу темы исследования, без монополии на «объективную истину» у сторон.** Ущерб, наносимый процессом исследования субъектности «Исследуемого» должен быть минимальным, должна сохраняться индивидуализация, включая имя. Соответственно, межсубъектные отношения «Исследуемых» между собой, проявляющиеся в интеракциях, от устойчивых конфликтов на подавления до взаимоподдержки вплоть до любви, должны составлять важнейшее содержание диалогов.

Субъект-субъектное познание, вовлекающее, а не отчуждающее «Я» «Исследователя», может резко уменьшить ущерб личности социолога. Более того, **обе стороны диалога могут быть обогащены исследованием как развивающим фрагментом жизненной практики.**

3. Методическое обоснование

Содержательные концепции социологии неотъемлемы от ее инструментальных средств. Ситуация опроса представляет собой упаковку собеседника в сеть логических ячеек (за исключением открытых вопросов и мягких методов) по жесткой схеме с ограниченным временем, с инициативой «Исследователя» и принуждением к опросу «Исследуемого». В обычной технике обработки данных «Исследуемый» лишается имени, становится взаимозаменяемым представителем группы, индивиды становятся независимыми друг от друга, атомизированными. Дальнейшее применение операций из естественно-научного арсенала (матобработка) завершает опредмечивание изначально равноправных с «Исследователем» «Исследуемых». В результате такого способа обращения совокупность «Исследуемых» отвечает «Исследователю» такой же любезностью — коэффициенты связи малы, результаты недостоверны за исключением тривиальных, сложность связей превосходит возможности анализа.

[Ведь ни П. Сорокина, ни Ч. Р. Миллса, ни А. Турена Сергей Розет, даже в начале 90-х, не читал! Правда, может быть, кое-что знал о «феноменологической школе» в социологии. Думаю, также читал — «Пределы» В. Н. Шубки-на. Был знаком с работами Г. П. Щедровицкого и его школы. — А. А.]

В рамках субъект-субъектной методологии опросный лист представляет собой **аспект сюжета жизненного пути респондента**. Сам сюжет представляет собой индивидуальные способы разрешения конфликтов и построения отношений сотрудничества. Сюжет неразрывно связан с именем респондента, но в некоторых отношениях может быть типологизирован по сюжетному сходству или вовлеченности в межиндивидный или наиндиви-

видный (групповой) сюжет. **Респондент превращается в собеседника «Исследователя», по возможности заинтересованного в теме исследования, и становится автором версии конфликта или отношения и соавтором исследования.** Полем работы «Исследователя» становится множество версий конфликтов или отношений и данные других «Исследователей». Эта работа отчасти аналогична деятельности гуманитариев-практиков: следователя, врача, литературоведа (структурализм), писателя, историка.

Возможен конфликтологический подход и в обычной статистической технике, основанный на неизбежных ролевых отношениях «конфликт — поддержка» различных значений шкал.

Несмотря на критический пафос приведенных обоснований, предполагаемый конфликтологический подход лишь очерчивает область субъект-субъектного познания, **оставляя субъект-объектному познанию адекватную ему реальность.** Расширение и развитие этого обоснования, его связь с теориями символического интеракционизма и конфликтологией составило бы 1-ю часть работы.

Во 2-й части работы речь может идти о моделях субъекта, взятого пока изолированно, вне конфликта или диалога. Гуманитарные науки содержат в себе множество моделей субъекта, начиная от различных представлений о человеке и кончая анализом больших субъектных образований — государств, народов, этносов, классов, социальных институтов, партий и т. д. В данной работе модель субъекта будет строиться на примере общественных движений и политических партий сегодняшней России с учетом теорий общественных движений. Дополнительные аргументы для модели будут привлекаться из других субъектных областей.

В 3-й части работы было бы уместно рассмотреть процесс взаимодействия субъектов между собой. При этом хотелось бы выделить 2 плана анализа: 1) конфликтующие субъекты имеют тождественную структуру; 2) конфликтующие субъекты имеют явно различающуюся структуру. Здесь же имело бы смысл рассмотреть различные типы конфликтов: конфликты на уничтожение противника; конфликты симбиотические — где стороны заинтересованы в существовании друг друга; экологическую ситуацию взаимоподдержки всеми сторонами конфликта; а также теоретико-игровые соображения. Здесь же следует затронуть тему об ущербе от конфликта, который наносится обеим сторонам.

4-ю часть работы можно назвать «Творческий шаг». В этой части хотелось бы **выявить те позитивные, созидательные начала, которые, первоначально коренясь в самой природе конфликта, затем, в случае с противниками разной субъектной структуры, проявляются в реакциях сторон, не повторяющих друг друга, но неожиданных друг для друга, требующих каждый раз творческого шага.** Повышение творческой силы сторон в случае перехода взаимодействия из конфликтной фазы через компромисс, сделку, соглашение, переговорный процесс в фазу сотрудничества вплоть до совместной выработки решения методом консенсуса.

В заключительной, 5-й части работы анализ будет усложнен **введением в ситуацию конфликта 3-й стороны, сначала как среды, в которой разворачивается сюжет (в частности, закон, общественное мнение), а затем — во все более вовлеченных в конфликт формах: посредники (медиаторы) и посреднические структуры, миротворческие силы.** Введение 3-й стороны решительным образом изменяет ситуацию (подобно задаче 2-х и 3-х тел в механике), придавая ей **экологический аспект**, аспект уменьшения ущерба, сохранения и творческого развития. Однако, в отличие от природных экосистем, субъектные могут (и, возможно, должны) обладать сознательной тактикой и стратегией поведения.

Возможно, в этой части работы удастся сформулировать некоторые соображения по тактике и стратегии 3-й стороны, препятствующие сильному ущербу и **мобилизующие творческие и миротворческие начала.**

Работа будет опираться как на достижения теории демократии, конфликтологии, социологии, общественных движений, теории и практики ненасилия, теорию демократического диалога Б. Густавсена, другие источники, так и на собственные разработки автора. Работа будет носить теоретический характер, но автор по мере сил использует и практические возможности участия в качестве 3-й стороны в производственных или иных конфликтах.

Работа будет носить поисковый характер и в случае успеха могла бы иметь определенное научное и общественное значение.

С. М. Розет, 1992

П. 1-6.2.2. «Связи между терминами словаря могут быть построены по циклической схеме...»

[А вот другой текст. Его авторы: С. Розет и Ю. Щеголев. Это — тезисы доклада, сделанного ими 10.05.71 (т. е. почти 30 лет назад), на методологическом семинаре межведомственной лаборатории ЛФЭИ им. Н. А. Вознесенского и Института социологических исследований АН СССР.

На докладе присутствовали О. И. Шкаратан, В. А. Ядов, Н. И. Латин, В. Н. Колбановский, Л. С. Бляхман, И. Н. Таганов и др.

Основные идеи доклада получили поддержку на семинаре. Некоторые из них реализовались в исследованиях, проводившихся в начале 70-х исследовательским коллективом под руководством О. И. Шкаратана, в частности, в объединении «Татнефть» (г. Альметьевск). — А. А.]

Из тезисов доклада «О методологии социального планирования крупного промышленного предприятия» (май 1971)

Основная цель доклада состоит в выборе минимального числа терминов для описания социальных групп предприятия в статике и развитии; в выяснении связей между этими терминами; в постановке задачи планирования в этих терминах как серии задач прогнозирования.

Словарь терминов

1. **Группы** (Г) социальные — совокупности индивидов с близкими запросами (З) и весами (В) ценностей (Ц).

2. **Г-показатели** — совокупность объективных характеристик, определяющих социальную группу.

3. **Ценности** (Ц) — предмет обобщенного потребления (П).

4. **Запросы** (З) — желаемые потребления (П). Распределяются по ценностям (З/ц).

5. **Веса** (В) — (1) значимости ценностей для группы (В/ц); (2) значимости деятельности (Д) для группы (В/д).

6. **Деятельности** (Д) — не определяются.

7. **Интенсивность деятельности** (И/д) — скорость достижения цели деятельности.

8. **Активность** (А) — на уровне поведения: интенсивность деятельности (И/д); на уровне сознания: веса по деятельности (В/д).

9. **Удовлетворенность частная по ценностям** (У/ц) — субъективное ощущение степени достижения запроса (З).

10. **Удовлетворенность частная по деятельности** (У/д) — удовлетворенность совокупностью ценностей, сцепленных с данной деятельностью (Д).

11. **Удовлетворенность интегральная** (У) — отношение к некоторой целостной совокупности ценностей или деятельностей.

12. **Ресурсы** (Р) — совокупность материальных и нематериальных ценностей, обеспечивающих деятельности и потребление.

13. **Норма** (Н) — допустимое изменение любой описательной переменной.

14. **Степени свободы** (С) — совокупность норм.

15. **Ресурсы внутренние** (Р/вну) — ресурсы, в перераспределении которых свободна организация того или иного уровня.

16. **Ресурсы внешние** (Р/вне) — ресурсы данной организации, в распределении которых свободны другие организации.

17. **Дерево** (формальный термин) — простой граф, упорядочивающий классификацию любого из вышеназванных терминов по другому термину с помощью формальных допущений полноты и независимости.

Исследования для социального планирования

Социальное планирование рассматривается как задача распределения внутренних ресурсов. Цель распределения выбирается лишь после определения множества возможных состояний групп на основе прогнозов.

Установление связей между терминами словаря является задачей отдельных исследований. Пары, тройки, четверки и т. д. терминов могут определять программы отдельных исследований, методики составления анкет и методику обработки на ЭВМ. Часть связей между терминами по-

стируется с помощью анализа значений, часть — высказывается как гипотезы, подлежащие проверке. Предполагается, что связи между терминами словаря могут быть построены по циклической схеме. В простейшем случае, когда веса ценностей (B/ζ) и величины запросов (Z/ζ) постоянны, этот цикл является следующим:

$$\dots \rightarrow \Delta P(1) \rightarrow \Delta \Gamma(1) \rightarrow Z/\zeta \rightarrow \Delta Y/\zeta(1) \rightarrow B/\zeta \rightarrow \Delta Y(1) \rightarrow B/\zeta \rightarrow \Delta W/\zeta(1) \rightarrow \Delta P(2) \rightarrow \dots$$

при условии: $B = \text{Const}$; $Z = \text{Const}$. Знаком Δ здесь обозначено изменение.

Изменение в величине и структуре ресурсов, направленных в данную социальную группу, определяет изменение ее потребления. Изменение в потреблении вызывает, в зависимости от величины запросов, изменения в частных удовлетворенностях. Изменение в частных удовлетворенностях приводит, пропорционально их весам, к изменению интегральной удовлетворенности. Изменение в удовлетворенности интегральной и частной изменяет интенсивности деятельностей (пропорционально весам этих деятельностей).

Изменение интенсивности деятельностей группы определяет изменение в объеме результатов ее деятельности, которое согласовано, тем или иным механизмом, с изменением ресурсов, поступающих в эту группу, что ведет к изменению потребления и т. д.

Указанный цикл является динамическим шагом, описывающим простое развитие группы во времени. Более сложный шаг можно получить, введя изменение весов и запросов со временем. <...>

Прогнозы

Прогноз развития групп осуществляется в два этапа.

На первом этапе предполагается, что распределение внутренних ресурсов предприятия постоянно, а их объемы меняются с постоянной скоростью. Исходя из планируемого воздействия (изменение технологии, расширение объема производства, изменение экономических показателей) со стороны ведомственных организаций и прогнозируемого воздействия со стороны экологической среды (старение коллектива, возникновение сильного миграционного потока, падение рождаемости) прогнозируются: изменение социальной структуры предприятия (Γ -структуры); изменение уровня потребления (Π); изменение весов запросов (B) и величины самих запросов (Z).

По новым исходным данным по модели « $\Pi - B - Y - И - P$ » рассчитываются:

- 1) новые значения интегральных и частных удовлетворенностей;
- 2) вероятные интервалы интенсивности деятельностей;
- 3) вероятный объем ресурсов, получаемых в результате этих деятельностей.

Этот прогноз проверяется путем прямой экстраполяции временных рядов по характеристикам (1) — (3). Этот набор характеристик представ-

ляет состояние предприятия, в которое оно перейдет в планируемый период в результате внешнего воздействия (планируемого и не планируемого).

Формальным элементом прогноза является унифицированная программа статистической экстраполяции на ЭВМ.

На втором этапе прогнозирования развития групп предприятие рассматривается как система, обладающая собственными ресурсами. С помощью этих ресурсов предприятие может изменять потребление и социальную структуру. Для определения будущих возможных состояний предприятия делается серия условных прогнозов. Одна серия условных прогнозов делается при вариации распределения ресурсов при постоянном их объеме. Другая — при постоянной скорости изменения объемов ресурсов, третья — при постоянном ускорении изменения объемов.

Эти условные прогнозы накладываются на внешний прогноз, полученный на первом этапе, и образуют, таким образом, множество возможных состояний социальных групп предприятия в конце планируемого периода. На этом множестве и ставится задача выбора «идеала» — цели плана социального развития. Акты выбора будущего состояния определяются внешними организациями, самим предприятием.

Параллельно проводится независимый аналоговый прогноз, отображающий множество описаний реально существующих социальных групп (в т. ч. и вне предприятия) в множество описаний групп в любой момент прогнозируемого периода.

С. Розет, Ю. Щеголев (1971)

[Как мне кажется, здесь последовательно и очень ярко выражена парадигма «субъект-объектного познания» в социологии, от которой С. Р. «отталкивался» и которую «преододел» в текстах 80–90-х гг. — А. А.]

П. 1-6.2.3. Стихи Сергея Розета⁵

[...Я было написал: «Стихи оказывались как бы параллельным с профессионально-социологической работой Сергея Розета каналом творческой самореализации». Юрий Щеголев заметил: «А может как раз в стихах самореализация нашего друга интегрировалась?»

Думаю, Юра прав: стихи для Сергея были такой самореализацией, где есть место социологическому, экзистенциальному, психологическому воображению и точному наблюдению.

В этих стихах (особенно, в поэме «Лес»), в «точке пересечения биографии и истории» (Ч. Р. Миллс), автор «прорастает» как «слепая прихоть жестокого и сильного самума». Он становится «языком, колеблемым без сна сдуревшим ветром», «прослушивает и проживает монолог современника» — «человека с глазами на лице, идущего среди полей асфальта и бетона». — А. А.]

⁵ Настоящая подборка стихов была впервые опубликована в книге: Алексеев А. Н. Год Оруэл-ла (из опыта драматической социологии) СПб : Ступени, 2001

Стихи разных лет

Как прекрасно лицо твое,
Как чисты и в страданьи глаза,
Этот мужественный нос,
Этот рот молчаливо сжат,
И огромен твой лоб,
И терновый венец надо лбом.
Кто ты?
Зачем ты возник из вспученного полиэтилена?
Так Афродита явилась из пены
И море умолкло. И скульптор ударил резцом,
Формуя обломок опавшего грота.
И века преклонили колена.
Но кто ты?
Провиденье,
Цезарь,
Судьба?
Оформленная поверхностью острота
Пустая?
Но знаю:
Придешь. Мы схлестнемся.
Сладка будет кровь.
Кем станем? Не знаю.
Друзьями?
Врагами?
Но есть в тебе что-то
От бога, от черта.

*** И тело состоит из тупиков
Безумного порыва к росту Сказал мудрец
малюсенького роста С огромной бородой и
кроткими глазами И тело жизни всей Да,
дело жизни целой Составлено из тупиков
Как куст проблем неразрешимых Взгляни на
человека — он таков И он закрыл глаза. А
юная жена его танцует Руками пыль
стирает, взгляд косит А тельце слабое
прозрачно и летает.

Хищны почки, Гроздью
когти Впились в воздух
Острый злобно И
поблескивают тускло.
Ветки — уроды
Скрючились вздутьями,

Узлы изъязвлены,
толсты, грязны
Сухи.
Весна осмолена.
Осмысленно жестока,
Набухшая, разгульная весна.
Все взвязло в токах
Предшествующего торжества.
А где-то в полутьме
Она,
Привстав высоко,
Вся тонкая,
Как стонкая струна
Сорвется больно:
«Ой, красивый ты какой!»
Лицо его и нежно и жестоко
Минута их осветлена
Весной.
Прекрасная весна.

Река мелеет. Пыль времен В могилах
умиротворяет страсти. Отходит все.
Но тайной властью Пред всеми духа
красоты Ямбически откроются черты
В межзвездном говоре племен.

Варилось слово, говорилось, то
выползало в форме шара, то
отлетало невесомо, то ускользнув,
блеснув металлом С недвижных
жестких губ. Но глухо, пусто.
Истерзалось и запеклось, и
приварилось
к губам, надутым слизью слов, и
выговариваться перестало. Еще в
гортани слова болтались тяжелой
дробью, но, не нарушив русла
молчанья, катились в горло. И долго
в горле они топорщились, торчали
костью, сгубив дыхание, пока в
отчаянии самоубийцами они не
бросились в пропасть легких и на
асфальтах души измученной они
взрывались и тихо плакали, грозя
кому-то.

[Без дат. — Ю. Ц., А. А.]

Из «Поэмы без названия»

Поэма

Среди полей асфальта и бетона
Шел человек с глазами на лице
И бормотал чужое иль свое.
Его я монолог прослушал, прожил.
Мнение мое простое:
Видно, ПНД он вероятный посетитель,
Читатель книг, детей родитель,
Работает в какой-нибудь конторе,
Сейчас он на больничном — грипп иль ОРЗ,
Слегка нетрезв (мне это неприятно),
Имеет неполадки в личной жизни.

Измучен я, измучен.
Как бы болезнь, болезнь так мучит,
но я здоров и пью вино друзей.
Так что же от мучений глаза ввалились?
Вино моей болезни обернулось.
Измучен я.
В мучении моем нет смысла.
Просто ступор.
Глаза уставлены в пространство день и ночь.
И ничего.
И отроки в зеленом справляют дьявольскую тризну
по телу моему.
В любви, в ее ветвях, и в облаке небесном,
да, в облаке небесном, там
укрыта душа моя.
И плачу я, да, плачу я над вами,
бессмыслица текущих дней.
Вино здесь плачет в теле мирозданья.

Пусть слаб я, одарен,
У человека привязанность, симпатия дана,
Но страсть любви слиянья так жестока.
Не утоляется она ни полудружкой, ни полуверой.
Вино, оно одно вселяет смысл и веру,
Еще рука любимой. Иль взгляд другой?
И все это одно — вино.
На кладбище давным-давно
Есть место среди мест — в ногах у мамы.
Вино и мама — вот и все,
Что есть надежного и любящего в мире. <...>

*** И темный день над городом
встает, И тучи поутру нависли над
простором, Над домом дня.

В костюмчике дешевом
 Я выхожу, чтобы успеть в автобус
 На фабрику, что по названию «Глобус».
 «И не было меня» — строка из чьей-то песни
 В автобус и метро,
 И время шевелись. И восемь десять.
 И восемь десять.
 Строение будильников занято,
 Для любодела некий перебор.
 Куда течет река — вперед, обратно.
 Куда бежит народ — какой-то спорт.
 Зенит — Динамо. Я сижу на месте.
 Кругом враги. Без облака, без зла.
 И чьи-то песни.
 И не кончается вино. Хвала,
 Хвала тем стеклодувам, что порции 0,7 изобрели.
 Хвала философам стеклянных ухищрений.
 Река течет, река течет.
 Звоночек телефонный, как телемост.
 Телеобъятие сна.
 Вы знаете — весна
 восемьдесят пятого года.

Примечание Ю. Щеголева

При первом чтении этот отрывок может показаться распадающимся соединением далеких друг от друга простых образов и описаний. Однако это не так: эти образы и описания составлены как последовательность неожиданных переходов от движения и жизни к отсутствию и движения и жизни.

«Движение и жизнь» начинаются с выхода на работу, вливаются во всеобщее механическое движение к фабрике «Глобус», уподобляются ходу будильника и текущей вперед и обратно реке и, наконец, достигают возможности телефонной встречи. Отсутствие движения и жизни начинается с обнаружения отсутствия себя, проходит через отчужденность от всех: «Кругом враги. Без облака, без зла», и заканчивается всеобщим телесном.

Через неожиданные переходы от одной из этих противоположностей к другой приводятся в движение наши чувства и создается целостная картина всеобщей механистичности, отчужденности и сна, датированная как весна 1985 года».

Ю. Щ., 24. 02. 99.

И помни, помни брат, сестра,
 Возлюбленная дева,
 Глядящая и подлинно и смело
 перед наши очи.
 Помните, ребята,
 Есть дом любви. Он перекресток дорог,
 Детей потерянных, сирот.
 Которым мы обязаны любовью.
 Тем чистым пламенем,
 Тем светом милости Господней,
 Что просто так даруется любому
 До смерти, до самой смерти.

И в ней самой такие механизмы
 Участья и добра, что смелость
 Нас выметает к старости из дома.
 Свой обретая дом.
 Да будет в нем
 Довольно светлой мысли
 И братьев и сестер.
 Лишь с ними мы можем умереть спокойно.
 Мы можем умереть спокойно.
 А процедура так проста,
 Как кошка балует кота.
 Носилки входят иль не входят,
 И губы с веками подводит
 Иль вовсе не подводит жена, сестра,
 Чтоб сесть на место штатное, пустое,
 Чтоб санитару улыбнуться вдвое
 И взять цветов, цветов прекрасных впрок
 Под челюсть возможному покойнику.
 И как-то роль сыграть. И голосить. <...>

И снова день восстал.
 Восстание его торжественно и чудно,
 Пускатели магнитные восстали ото сна.
 Станки запели.
 Птицы им вторя, заиграли в чудесном мире.
 Токари пошли в далекий и таинственный поход за планом.
 Да, токари, те вои дня, что стойко
 Превозмогают тяжесть мирозданья.
 По мановению жезла диспетчера,
 любовницы ночной вора иль инженера,
 тележки двинулись в круговорот вещей,
 ведомые круглоголовым грузчиком.
 Включается музыка ритмической гимнастики.
 <..>

[Середина 80-х гг. — Ю. Щ., А. А.]

Поэма «Лес»

Из вступления

<..>
 Утром спадает туманность прозрачная,
 капля откроет свой искренний всплеск,
 краски вернуться на место утраченных,
 дятел проснется, и мы пойдём в лес.
 <..>

Вот мы в лесу. Темно? Не бойся. Всю эту мелкую и легкую листву колеблет воздух. Лишь рано утром да изредка по вечерам земли коснется солнца луч — и ненадолго. Ведь нельзя чему-нибудь живому смотреть на солнце вечно. Поэтому во влажной полутьме свои подобия солнца создаются лесом. Так земляника млеет нежной плотью иль волчья ягода, та просит: «Проткни меня», там капли чистый свет покроеется листвою и ярко оранжует мухомор как света суррогат и правды, и заместитель солнца на земле.

*** Здесь все замешано.

Напрасно ты ищешь
акварельные тона. Все масло.
Щедра палитра и жесток творец. Здесь все
конечно, все мгновеньем дышит и вечность
лишь в взаимопревращениях. <...>
Сосна и солнце. Ярый стройный ствол,
богата кроны, ветви толсты. Прекрасно!
Нет — вокруг все голо. Все соки пьет
она. Не так все просто.
Другая — порослью младую окружена.
Но знай —
под кроною одною не уживутся двое.
Подлесок молодой, зеленый, видишь?
Приди сюда через десяток лет на
вырубки. Лишь немногим дано
взглянуть на свет. Взглянуть, испытать
губами игл, зайти в предутреннем
тумане. Рассеять возжеланный дым,
ступая пьяными, неверными шагами. И
отойти вослед другим как отлетевшее
дыханье. Дыханье поглотит трава как
поглощает все на этом свете. Над лесом
рыщет темный ветер. Мянутся в вихре
семена.

Из главы 1

<...>
Тогда царил самум,
ветров всех злей,
мужчин ломавший,
женщин гнувший
и семена свои взметнувший
в высокий вакуум идей.
Толчки упругой ярости врывали
их в лоно ждущее земли,
мешаются концы, начала
в узле беспомощном.
Но час,
лучами теплоты сочась,
и стебля струнка восстремила к свету.
И я, не ведая законов и причин,
пророс, слепая прихоть
жестокое и сильного самума.
То, верно, революция была.
Огромные леса с корней срывались,
налитые дыханием идей,
так новые роды обосновались
в сплетеньях неожиданных людей,

ростках, плодах зелено-алых. И
не хватало так ветвей традиций,
быта и любви им, чтобы укрыть
своих детей от духа жаждущей
стихии. <...>

Глава 2 («Мой Питер»)

Когда сиреневым восходом
очнулся день,
и ночи сумрачная тень
неслышно спала с небосвода,
когда бледнеющий туман
Неву покинуть торопился,
прямоугольный ясный план
мой город обнажил, и вскрылся
мерцанием огней и тусклостью окон,
когда трепещет лист и птица,
в свои владенья вышел он.
Здесь мой дом — этой набережной растоптанность,
из расколов бетона текут пышной вонью помоев источники,
мой песок, пятна нефти и камни, живущие зеленью,
голубыми засиженный сизый собор,
рыбаков колдовство,
лиц прокисших старение,
чаек жадных крикливость,
кошачий любовный стон
и безумный покой громоздящихся труб, шпал, столбов.
Сигарета. Улыбка устало метущей пыль дворничихи,
закусившей остатками снов.
О, была бесконечная ночь
в черном мире раба усталого,
лживых звезд черный замшевый пот
и душа в баррикадах сала.
Этот дымный восход боя дня,
жизнь воды — розоватые жидкие лица.
Этой ночью покинул меня
сентиментальный хирург-убийца.
Он ушел — я поставил сирень на стол,
мне досталось утро Невы и мостов.
Вот оно, это утро, забуду его.
Все отхлынет, отвянет, оттает.
Ничего,
никогда.
Никого.
Только утро любви расцветает.

Идущий в город, не забудь
одежды скинуть у поста ГАИ,
сменить рубашку, натянуть удавку и пиджак,
побриться, пыль стряхнуть.
И ловким фертом отправляйся в путь.

Но если мысли свалишь у поста,
то не беда,
тогда на путь обратный
найдется что жевать.
Да не глазей по сторонам.
Архитектура — дура.
Она —
душа гнетущего сосуда,
куда нас проливают из объятия
отец и мать.
Так Карамазовых Иванов
и Мармеладовых кварталы
мой Питер — сад мой и тюрьма
воспроизводит из сырья румяного
как Репетиловых Москва.
Гляди на женщин,
к ним влеком.
Скрывают лица их желанья.
Но зверю юному знаком
Язык круглящихся под тканью
спины и бедер, плеч, грудей
и ног, качнувших меж камней
наполненный любви камланием
тяжелый и податливый сосуд.
Они —
хранительницы жизни и культуры,
спасают от истерик и безумья
мужчин.
Их, очнувшись ото сна,
зовут младенцы и мужья —
и ты и я.
За несколько часов любви
весь город отдадут на потребление
Вот ключ к нему.
—А я пошел.
Ты будешь господин.
Я раб его камней, подъездов, разворотов,
и вновь бреду по улицам один
и в окнах видится мне чья-то тень и шепот:
—Милый, слушай,
ты на кухне что-то сжег?
—Только душу.
—Нет, серьезно, погляди.
—Да чадит она, чадит.
—Ты смеешься, вот кастрюлю будешь мыть.
—Ветер воет, буду выть.
—А потом пойдем в кино.
—Все равно.
Окно другое. Ты, мечтатель,
сидишь и празднуешь мечту. С
тобою давешний приятель и
первый враг — ты сам. Ваш
упоительный роман лишает вас
последней силы. Диван,
обломовский диван.

Ты засыпаешь, друг мой милый,
 и тайной жизни обладатель.
 —Ты понимаешь, мама, он не мужчина. Я так не могу.
 —Послушай, Нина,
 найди себе кого-нибудь
 и ради сына сохрани
 семью и мир.
 —Я ж тайно не сумею,
 он все узнает.
 —Голубушка, он
 это понимает.
 А телефон звонит, звонит,
 а он над схемою сидит
 и закликает сына:
 Я кончен, Будь мужчиной.
 Голодной тоскующей сухой
 смотрит жена его мимо в пространство,
 вынута жизнь из нее, и чужим отдана,
 весело ржущему мужу, дочери тихой,
 тайно мечтающей,
 покойный отец офицер молча глядит
 из окна фотоснимка, мать умерла,
 допита жизнь их радостным мужем,
 внучкою тихой, студенткой химфака.
 Сжав кулачки, над стиральной машиной,
 с собою она говорит.

Они не подозревают, что этот мир, руками человека сотворенный, скрывает за квадратиками материи бреды и хотения, воли и злобы, отчаянья, сны и любви, наконец, всех творцов и строителей, и вещи наши в жизни выдыхают все это, и в уже нематериальном сладостном и ядовитом тумане мы рождаемся и создаемся.

Желтели квартиры, светлели дома. Умирали горячие пьяницы, изверги сильные. Оставались в них юные, слабые, тихие. И взрывоопасные семена.

Утрируя себя для сонных глаз,
 дымящиеся сизью потроха
 разверзло утро
 и развернулось напоказ
 в лист Мебиуса серо-утлый,
 где можно быть одновременно внутри и вне.
 И он, того не замечая,
 коричневым являлся языком,
 колеблемым без сна сдуревшим ветром.
 Ему ж казалось, о своем
 он брел, болтая.

Из главы 3

И в горечи и в горе не могу. Нет горя,
 кроме горя жить, работать, есть,
 прикидываться, быть, нет способа
 избыть такое горе. Я пьян слегка и вот
 слеза откуда, потерял я немного, и
 печаль. Бреду по дну, и пыльная дорога
 уводит в даль, в слепую даль. <...>

И вот, подобно Данту,
 земную жизнь пройдя до половины,
 я погрузился в сумрак леса,
 все неустойчиво и зыбко
 и Вам прощальная улыбка.
 Взорвать, сломать, уехать, изменить,
 купить машину или просто
 у телефона номер изменить,
 сменить работу, в ЖСК вступить
 и снова жить. И снова жить?
 Нырнуть в болезнь, уйти в простуду,
 очнуться в палате дурдома
 и тихо лежать, говорить,
 видеть чужие участливые лица,
 бить битым ночью такими же дураками, как ты,
 бежать через забор ночью
 в стылом поту, озираясь,
 пока не достигнут
 и не пережмут локтем горло.

<..>

Из главы 5

<..>

Слово — распятие текущей ныне жизни на вечном хаосе и смерти.

<..>

Примечание Ю. Щеголева

В поэме «Лес» шесть глав, вступление и короткое заключение. Писалась она с большими перерывами, начата в середине 60-х, окончена в середине 80-х гг.

Думаю, стихи для Сережи были борьбой со временем, которое поглощает своих детей, не оставляя «ничего, никогда, никого». Может быть, время поглотит и эти стихи, но в них Сергей Розет оставил нам свой неповторимый взгляд на Питер, на своего типичного современника, на слово, на человеческую жизнь и смерть, и даже на страшный суд:

*«... он милосерден будет как свирель
 о городе потерянном и сонном
 среди полей.*

*И нам простят весь грех тяжелой жизни
 среди камней, в объятьи зла» («Лес»).*

Стихи Сережи для того, кто захочет с ними познакомиться, могут стать и открытием, и побуждением к мысли, и поддержкой.

Ю. Щ., февраль 1999 — ноябрь 2000

П. 1-6.2.4. Анкета для читателей (слушателей)

[Сергей Розет мало кому показывал свои стихи. Я был среди этих избранных, но, увы, в свое время их не «услышал». Иначе — Юрий Щеголев.

Тот взялся быть своего рода импрессарио (теперь бы сказали: «продюсер») нашего друга. Причем приступил к делу... как социолог.

Ниже — анкета, составленная Ю. Щ. в 1989 г. и распространенная в кругу знакомых, которым он показывал, в частности, главу 2 поэмы «Лес» (см. выше). — А. А.]

О «Моем Питере» (анкета)

1. Хотелось бы Вам послушать (прочитать) этот текст еще раз?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
2. Что Вы испытывали, слушая (читая) этот текст (можно отметить два пункта)
 пожалуй, ничего 1
 что-то неопределенное 2
 небольшое мучение 3
 желание понять 4
 что-то напоминающее просветление 5
 другое (что именно) 6
3. О чем Вам думалось, когда Вы слушали (читали) этот текст (можно отметить два пункта)?
 пожалуй, ни о чем 1
 о том, что трудно назвать 2
 о том, что слушал 3
 об авторе 4
 о чем-то своем 5
 о другом (о чем именно) 6
4. Пригласили бы Вы кого-нибудь из знакомых послушать этот текст?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
5. Предложили бы Вы размножить этот текст?
 да 1
 нет 2
 трудно сказать 3
- Если да, то в каком количестве экземпляров?
 до 10 1
 от 10 до 100 2
 от 100 до 1000 3
 от 1000 до 10000 4
 более 10000 5

[Результаты опроса не сохранились, но в целом они были весьма благоприятными для автора поэмы.]

Тогда Юрий Щеголев счел себя «вправе» (впрочем, заручившись согласием автора) отправить этот поэтический отрывок в таллиннский журнал «Радуга» (его редактором был тогда писатель Михаил Веллер). Ответа не последовало. Короче, при жизни Сергея ни одна его стихотворная строчка напечатана не была.

Настоящей публикацией мы с Ю. Щеголевым надеемся вызвать интерес к самобытному поэтическому творчеству Сергея Розета. В частности, поэма «Лес», как мы считаем, заслуживает публикации и не только в отрывках.

Что касается самой анкеты Ю. Щ., то она применима, наверное, к любому поэтическому произведению. — А. А.]

* * *

Вместо заключения (памяти Друга)

Светлую память о **Сергее Михайловиче Розете** бережно хранят его друзья и коллеги. 12 июня 2000 г. ему исполнилось бы 60 лет. Ю. Щеголев, А. Алексеев, ноябрь-декабрь 2000

П. 1-6.3. Составляющие жизни

Несколько вступительных слов

С Юрием Анатольевичем Щеголевым мы впервые встретились на научной конференции в Новосибирске в 1970 г., а с 1973 г. началась наша дружба, подкрепляемая тесным сотрудничеством в межведомственной лаборатории Ленинградского финансово-экономического института им. Н. А. Вознесенского и Института социологии АН СССР.

Из этой лаборатории, возглавлявшейся докт. ист. наук Овсеем Ирмовичем Шкаратаном, «вышли» (иногда работая там, иногда состоя с нею в творческом содружестве) многие известные социологи. Здесь назову только тех, кого уже нет в живых: Валерий Аркадьевич Петров, Сергей Михайлович Розет, Галина Васильевна Старовойтова.

Как и Сергей Розет, Юрий Щеголев в 60-х гг. закончил физический факультет Ленинградского университета, потом работал физиком-исследователем в ЦАГИ (под Москвой), а затем занялся социологией (аспирант Ядова). Его работы 70-х гг. и, особенно, доклады на научных семинарах того времени памятливы социологам моего поколения теоретико-методологической глубиной и филигранностью социологической методик и техники.

В 1978 г. Юрий Щеголев, первым из нашего круга, добровольно сменил работу в «штатной» социологии на рабочее место формовщика на заводе железобетонных изделий, потом оператора котельной. (За ним — «из социологов в рабочие» — последовали: Сергей Розет, затем я, затем Анри Кетегат; все названные являются «действующими лицами» и по существу соавторами этой книги.)

Судьба каждого из социологов-рабочих после сложилась по-разному. У всех были и еще жизненные перемены. И только Юрий Щеголев так и не захотел — ни «возвращаться» в институциональную социологию (хоть и приглашали), ни «пробовать себя» в какой-либо иной профессиональной сфере, в изменившихся общественных условиях.

...Вчера мы встретились с Ю. Щ. у него на работе, в котельной, в подвале дома 8 на ул. Рубинштейна, где обсуждали дальнейшие перспективы нашего сотрудничества.

А сейчас, когда пишу эти строки, я жду Юру у себя дома: ему предстоит вычитать в компьютере отобранный нами вместе, для публикации в этой книге, его рассказ-эссе (философская притча? стихотворение в прозе?), который им самим был назван «Труба (зарисовки внутренних противоречий)», а я было собрался «переименовать» в: «Жизнь — труба», — выделив лишь один из всего богатства смысловых оттенков этого русского слова. Но, может, и не стоит переименовывать?

...Вот звонят в дверь. Это, наверно, Юра. (8.12.99. 19 час.).

П. 1-6.3.1. Труба (зарисовки внутренних противоречий)

Эти зарисовки сделаны в 1993 году, по впечатлениям от 2-месячной совместной работы в подвальной газовой котельной с молодой женщиной-оператором. В то время в ее жизни были представлены, кажется, все возможные проблемы: муж потерял работу; двухлетний сын часто болел; в вузе, где она училась заочно, у нее была задолженность по контрольным заданиям; а в котельной опыта в работе по профессии оператора еще не было.

В 1999 г. в текст 1993 года были внесены небольшие изменения и написано настоящее пояснение к нему.

Ю. Щ., декабрь 1999

[Как мне рассказывал Ю. Щ., обычно в котельной работают поодиночке. Но в то время начальство «придумало» работу по двое, отчасти, вероятно, для того, чтобы увеличить, по своим соображениям, штатное расписание. Сейчас вернулись к работе по одному. — А. А.]

1. Труба зовет. Печаль

Котельная. Утро, последние часы ночной смены. Операторов двое: он наблюдает за работой оборудования, она пока отдыхает...

Но труба зовет, впереди сдача смены и дневные заботы. Она встает, части ее души еще разъединены и не согласны друг с другом. Она надевает не по размеру длинные и широкие ботинки. Она идет, она идет не от котла 5 к котлу 7, она бредет по жизни. Цели колеблются, желания изменяют, она поднимает изможденное лицо. Она смотрит: ближние больны, дальние — больны, распоряжения нелепы, усилия — бессмысленны. Она вздыхает, разъединенные части души объединяются печалью. Наступает согласие.

2. Радость

Котельная. Утро, первые минуты дневной смены. Он делает запись в сменном журнале, ее еще нет.

...Она влетает в котельную. Она хороша желанием жить, желанием нравиться. Она в согласии с собой, ее взгляд проверяет, нравится ли она, ей трудно переносить его хмурое лицо за столом.

Ей хочется говорить, она рассказывает о преподавателе философии, который называет ее любимой ученицей, об аудитории, о сверстниках, о предстоящей экскурсии. Легкий воздух касается слушателя и исчезает.

В 12 часов она выходит из котельной по заявлению об отгуле. В течение трех часов она свободна, она может делать, что хочет: поехать куда угодно, увидеть, что угодно, встретиться, с кем угодно. Радость свободы ожидает ее...

В 15 часов она возвращается в котельную другой. Легкости нет, она обеспокоена, она хочет укрыться в маленьком, закрытом помещении, она думает о неприятном: «Он мне сказал, чтобы... Ах, как это противно».

Кажется, радости и согласия с собой у нее более не будет, тревога не кончится, но происходит авария...

3. Трубу прорвало. Благодарность жизни

Только выхожу во двор, чтобы пойти проверить резервную котельную, что через дом от нас, как слышу шаги и голос коллеги:

«Ю. А., стойте, трубу разорвало». Возвращаюсь и вижу: на полу, около котла б, много воды, песка и грязи. Вода течет по стене от места входа сливной (фановой) трубы, идущей с верхних этажей дома через котельную к люку во дворе. Думаю, трубу не разорвало, она только засорилась и теперь то, что должно течь в люк, устремилось в котельную через стык в звеньях трубы.

Смотрю на коллегу: длительной внутренней тревоги будто и не было, в ее глазах интерес и вопрос: «Что же произошло и что тут надо делать?». Объясняю, что трубу не разорвало, что ее надо чистить длинным тросом из помещения над нами, которое закрыто. Сегодня уже никому не достать ни нужного троса, ни требуемого ключа, пока же прекратить протечку можно только попросив жильцов не сливать воду в засорившуюся трубу. Решаем: я иду к жильцам, а коллега остается в котельной наблюдать за работой оборудования.

Договорившись с жильцами о прекращении слива, возвращаюсь в котельную и вижу: протечка закончилась, коллега убирает грязь, а ее лицо стало замечательно разностью выражения глаз и губ. В ее глазах и около них видится удивление и даже восхищение случившимся: как много и как сразу, хоть и грязи. Так ребенок радостно останавливается перед неожиданным потоком воды. В ее же губах и около них видится другое — желание и готовность делать, убирать грязь.

...И вот грязь убрана, котельная вымыта, смена заканчивается, впереди — ребенок и муж. Порядок и смысл отесняют тревогу. Она чувствует себя свободной, согласной с собой и, уходя, говорит:

«Спасибо». И это спасибо слышится, как «спасибо жизни».

4. Благодарность жизни и нелюбовь к ней.

Отсутствие покоя. Грязь и тревога

Ее спасибо жизни мысленно продолжается и как спасибо работе и как спасибо грязи.

А совсем недавно она легко, сразу, не задумываясь, несколько протяженно, как то, что решено и что нельзя изменить, сказала противоположное: «А я не люблю ни грязи, ни работы, ни жизни».

Обе противоположные установки на жизнь существуют в ее душе в отношениях подавления и бунта друг с другом. Ее ум, подчиненный одной из этих установок, не может уменьшить их противоречие и тем более выйти за их пределы и увидеть другие установки на жизнь.

Ее внутреннее состояние не бывает устойчивым, она не знает, что такое покой. Ее лицо никогда не улыбается полностью: если улыбаются ее глаза, то губы сжаты; если улыбаются губы, то ее глаза напряжены и готовы к удару.

Переход от неустойчивого состояния скрытых противоречий к явной нелюбви к жизни происходит неожиданно, его энергия разрушительна, его могут вызвать самые малые силы. Переход от неустойчивого состояния к явной привлекательности жизни происходит еще более неожиданно, его энергия благотворна.

Около нее падает капля размешиваемой мною в баке глины. Она стремительно отстраняется и с трудом сдерживает гнев.

Около нее выливается много воды и грязи из стыков фановой трубы. Она проявляет любознательность, восхищение и убирает грязь.

Малое количество грязи усиливает внутреннюю тревогу, большое количество грязи освобождает от нее. Малое количество грязи вызывает испуг и гнев, большое количество грязи вызывает восхищение и желание работать.

5. Главное слово. Три составляющих жизни

Ее главное по частоте и значимости слово: «Дурдом». С его помощью она выражает отношение, делает заключение, производит обобщение, прерывает, а может и начать разговор. Иногда, обобщая, она говорит: «Вся наша жизнь — дурдом». Вряд ли можно выразить всю нашу жизнь через одну из ее составляющих. Наверное, более правильно сказать так:

«Жизнь — это и лес, и сумасшедший дом, и парк».

Лес — это все силы, завещанные нам нашим родом, которые нам неизвестны и о существовании, значении и направленности которых нам нужно догадаться. Сумасшедший дом — это страдания и смерть, перед которыми молчит разум и бессильно сердце. Парк — это согласие леса, ума, сердца, перед которым умолкает страдание и отступает страх смерти.

Она никогда не говорит: «Жизнь — это лес», но часто рассказывает о сыне и о своих снах.

6. Разногласица

Сын

Еще совсем недавно он подходил к ней, тыкался в нее носом, говорил: «Мамулька!..», и она знала, что любит его. А теперь он спал, она сидела около него и думала только об одном: как уйти из дома.

Еще совсем недавно она находила себя самой привлекательной, а теперь вдруг чувствовала себя ни на что не способной и никому не нужной. Теперь она искала любое маленькое помещение, чтобы укрыться в нем и

никого не видеть. Она не знала, что это маленькое помещение было для нее подобием дома внутри мамы и что таким образом она хотела вернуться в состояние **до жизни**.

Сны

Ей часто снилось, что ее преследуют, догоняют, должны схватить, но ей как-то удается ускользнуть от гибели. В этих снах жизнь была всегда слабее смерти и защищала себя бегством и обманом. Иногда ей снилось, что она в каком-то доме и что кругом идет война. В этих снах смерть и жизнь были равны: не только смерть убивала жизнь, но и жизнь убивала смерть.

Однажды ей приснился сын в крови и с ранами на его руках. Она несет его в больницу, находит там врача, еще какого-то мужчину и отдает им сына. Потом уже, не в больнице, две женщины возвращают ей сына здоровым, с едва заметными следами от ран. Сон рассказывал ей об ее страхе перед болезнью и смертью сына, о ее просьбе о помощи, а может быть, и о скрытом желании надолго отдать сына в более надежные, чем ее, руки.

У счетчика

Было 4 часа ночи. Она была одна в котельной. Она сидела у газового счетчика и, уже ничего не понимая, смотрела, как нарастают цифры на его циферблате. Она уже выключала и снова включала котел, она уже убавляла давление газа на горелках, а расход все шел и шел, и его нельзя было уменьшить. Помощь была желанна, помощь была ненавидима.

7. Труба

Труба — это то, что дает толчки к обретению строя в напряженной разноголосице души. Труба — это призыв к испытаниям.

Труба — это то, что все развеивает в пустоту: и то, что желанно, и то, что ненавидимо. Труба — это конец, труба — это начало.

Труба зовет — это то, что есть сегодня. Доброе утро — это то, чего сегодня нет.

Ю. Щеголев (1993–1999)

П. 1-6.3.2. О празднике 9 Мая

[Это обращение было отправлено Юрой двум своим родным сестрам, ныне живущим и работающим в Польше, в мае 1999 г. Ни копии, ни черновика — не сохранилось. По моей просьбе, Ю. Щ. восстановил текст. — А. А.]

Милые сестры, предлагаю заменить празднование дня Победы в нашей семье на один из следующих вариантов:

(1) В связи с тем, что вторая мировая война началась из-за Польши, а «помощь» с Востока с 17 сентября 1939 г. принесла Польше гибель многих и гибель лучших поляков, подчинение чужой воле и отделение от Ев-

ропы, а вы, милые сестры, несете польским детям свое знание музыки, предлагаю праздновать 9 Мая в нашей семье, как день российского вклада в будущее польской культуры.

(2) Или: так как вклад России в начало войны и победы Гитлера над Польшей, над Францией и над самой Россией прискорбно велик, предлагаю рассматривать день 9 мая как день покаяния россиян перед **всеми** погибшими, независимо от их национальности, а день победы над «наци» и окончания войны праздновать, **как и во всем мире**, — 8 мая.⁶

(3) Или: так как «дни наши сочтены не нами», особенно во время мирового военного потрясения, предлагаю праздновать день 9 Мая, как день благоволения Господа к нашему отцу, который за годы войны прошел от Полтавы до Сталинграда и от Сталинграда до Берлина.

Жду вашего отклика. Юра-брат. (Апрель-декабрь 1999)

Р. С. Война — это снятие запрета на убийство. По-видимому, в душе каждого человека записана возможность восторга перед убийством, сражением, пожаром. Война — это соединение души с насилием. Если насилие получает теоретическое обоснование и общественное признание, то насилие и душа соединяются с духом. Бедственные последствия такого соединения (действия такой триады) неисчислимы.

Победа страшна тем, что закрепляет насилие как способ решения проблем и даже как способ и образ жизни. Победа расширяет пределы и возможности насилия. Сила вызывает восторг, она опьяняет. Для силы невозможное кажется возможным, она ослепляет. Неограниченное применение силы приводит к последствиям наиболее неблагоприятным (вредным) для нее самой, сила оглушает.

Если общество приглашает победителя к власти, оно движется к потрясениям. Общество устойчиво, если оно может не допустить победителя к власти или, если он уже находится у власти, отстранить его от нее.

Ю. Щ., 12.12.99

Ремарка: от прадеда — к правнуку.

Сестры Юрия Щеголева брата не поддержали. А еще некоторыми, кому довелось ознакомиться с этим текстом, было усмотрено в нем даже — «кощунство»...

Мы с Юрой так не считаем. Может быть, потому, что у нас с ним, пусть и разные линии и стратегии жизни, но зато... очень близки жизненные позиции!

...А вот запись из дневника прапрадеда Ю. Щеголева и его сестер — тайного советника, генерала в отставке Михаила Карловича Лунденбаума (19.04.1877):

«...12-го числа войска наши уже вступили в Румынию... Война! (русско-турецкая война 1878-1879 гг. — А. А.). История приучила нас считать войну чем-то неизбежным. И странно, что какая-нибудь холера или другое бедствие,

⁶ Подписание акта капитуляции Германии состоялось 8 мая 1945 г., а День Победы над Германией был «отсрочен» Сталиным, по-видимому, чтобы успеть совершить за эти сутки марш-бросок советских танков к Праге

не зависящее от самих людей, смущает их гораздо более войны, избежать которой люди очень могли бы дружными усилиями и навсегда согласившись не допускать этого зла... Но все это старая песня...». (Цит. по: Л. Подобед. *Усадебная жизнь тайного советника Михаила Линденбаума // Красная искра* (г. Боровичи), 1998, ¹ 21).

Пожалуй, автор этой записи своего праправнука понял бы! (Декабрь 1999).

П. 1-6.3.3. Мольба

...Из каких противоречий мы созданы? Как можно ответить на вызовы, о которых не догадываешься?

Но, что бы ни было вокруг нас и что бы ни ждало впереди: страшный ли суд Творца или Пустота, - и в пустоту, наполняя ее, можно направить мольбу:

«Господи, дай нам силы: ненавидящих и обидящих нас простить, благотворящим благосотворить, в немощех сущия посетить и исцеление их приблизить».

Ю. Щ., 7.12.99

Ремарка: экзистенции Щеголева.

Текст «Мольбы» имеет форму стилизации под старославянский язык. Полагая, что читатель может споткнуться (как и я вначале), переведу на современный русский:

«Господи, дай нам силы: ненавидящих и обидевших нас простить, творящим добро - содействовать в этом, а тех, кто пребывает в болезни, - посетить и приблизить их исцеление».

...Как определить жанр этих текстов Юрия Щеголева, вовсе не предназначенных для печати и отобранных мною, с его согласия, для данной публикации?

Назову их - экзистенции. (Декабрь 1999 - ноябрь 2000).

П. 1-6.3.4. Противоречие между порядком и стихией

[После «зарисовок противоречий» в личности и ее близком окружении, в жанре «экзистенций», думаю, уместно привести текст о противоречиях общественных, и совсем в другом жанре.

Ниже - фрагмент экспертного листа ¹ 15 («Ландыш») из материалов андерграундного опроса рубежа 70-80-х гг. (Помню, Ю. Щ. тогда думал вслух, а я записывал живую речь.)

Полный же текст экспертного листа Ю. Щеголева публиковался, анонимно, в сборнике: «Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов). М.: Институт социологии АН СССР, 1991, с. 68-85). - А. А.]

<...> Это общество было существенно отсталым. Это связано с тем, что население России было преимущественно крестьянским, малая доля населения была сосредоточена в городах, хотя Россия и бурно развивалась.

Внешне выступавшее как **отсталость**, это противоречие в сущности было противоречием **между городом и деревней**. На протяжении 50 лет это противоречие так или иначе разрешалось. В результате Россия стала в основном городской.

Этот процесс затронул все слои населения — процесс превращения России деревенской в Россию городскую. В этом смысле данное противоречие было разрешено.

При этом возникла целая связанность других противоречий, которые в настоящее время выступают как не менее острые: например такие, как 1) жилищная проблема, 2) проблема обслуживания, 3) проблема питания в городах. Эти проблемы также настойчиво разрешаются. Например, жилищная проблема. Объем жилищного строительства действительно необычаен.

Так одно основное противоречие было разрешено и это, вместе с тем, породило целый ряд новых проблем.

Далее. Россия и общество, о котором идет речь, вступили в иную цивилизацию — цивилизацию принципиально неравновесную, которая может рассматриваться как **квазиравновесная**.

Крестьянская цивилизация основана на некоторых циклах воспроизводства, где все продукты человеческой деятельности стихийными силами природы вновь превращаются в ресурсы для новых циклов этой цивилизации. **Новая** цивилизация — таких циклов в ней пока не установилось. Процесс принципиально идет с коэффициентом не равным 1 (громадные отходы, невозобновление ресурсов, их растрачивание). Именно поэтому — принципиально неравновесной является характеристика современной цивилизации, в частности, европейской.

Отказавшись от исторического взгляда, отметим противоречие между государственным порядком, распространяемым на все сферы жизнедеятельности, и стихийной жизнью, осуществляемой в этих сферах.

Пример. Государственное планирование экономики и реальная экономическая жизнь общества, в котором присутствует экономическая стихия (не производство нужных продуктов, производство не нужных; не выполняется планируемый рост производительности труда; тогда общество начинает «играть» в план...).

Это противоречие выражается в затоваривании складов, в наличии дефицита, аритмии производства, в низком качестве отечественной продукции (наша тяжелая промышленность, например, не сумела выйти на мировой рынок).

Это столкновение **государственного порядка и жизненной стихии** проявляется, далее, в национальных противоречиях, которые особенно ясно выразились в отношениях с другими государствами; в противоречии государственного «плана культурного развития» и реальной культурной жизни, которое, например, проявляется в постоянном «ожидании» высокохудожественных произведений культуры и искусства.

Наконец, появление отдельных личностей, олицетворяющих то столкновение (пример: Белинков, хотя и не самая яркая фигура; разгром Левады в «Коммунисте»).

Наконец, это итоговое противоречие выразилось в необходимости прямого вооруженного вторжения в иностранное государство (Чехословакия).

Противоречие между **целым и его частями** (растет автономия и растет связанность) — диссонанс. Территориальная единица, ведомство, отдельная организация, отдельный человек, как «части». <...>

[Здесь опущены приводимые экспертом примеры. — А. А.]

Тенденцию, противоположную автономизации представляет государственный порядок. Поскольку связанность частей с нарастанием их автономии нарастает *[макс! — А. А.]*, отсюда нарастает значение приоритета целого над частями, которое в этом обществе выражается в приоритете государственного порядка над порядком в организациях и, наконец, в **приоритете коллектива над личностью**.

Можно отметить время наибольшего обострения противоречия между тенденциями приоритета целого и тенденциями частей к стихийному развитию — время экономической реформы (с конца 50-х до конца 60-х гг.). Затем — переориентация партийной печати от экономической реформы, как основного рычага управления экономикой к социалистическому соревнованию и от критики культа личности (XX съезд) к «военной помощи» Чехословакии.

<...> Противоречие стихии и порядка в нашем обществе выражается в форме противоречия экономических регуляторов и директивного управления.

За требованием экономических регуляторов, очевидно, стоял слой управляющих, непосредственно чувствующих на себе воздействие экономической стихии, в том числе — сильных экономических диспропорций. А за требованием директивного управления стоял весь слой чиновников (особенно партийных).

Всю 60-летнюю историю можно представить как историю борьбы порядка со стихией. Самой большой стихией в России испокон веков было крестьянское хозяйство. Эта стихия была побеждена к началу Великой отечественной войны. Но ее требования вновь оказались такими, что управление вынуждено было с ними считаться к концу 50-х гг. И, наконец, вступив в мир принципиально неравновесной цивилизации, мы, может быть, встретились с такими стихийными силами, перед которыми сам государственный порядок окажется бессилён.

<...> И, наверное, наступает время, когда победа порядка будет самим своим осуществлением готовить для себя «мечь» со стороны стихии (копать себе яму).

<...> Для полного распространения государственного порядка нужно поддержание «порядка» и в головах людей, соответствующее регулирование. И вот возникает противоречие между государственно распространяемыми представлениями о вещах, процессах, событиях и эмоциональны-

ми впечатлениями людей о них. Следствием этого противоречия является принципиальная раздвоенность сознания («сознание на собраниях» и «сознание в кулуарах»; «сознание с собой» и «сознание с другими»).

Итог: противоречие между стихией и порядком в социалистическом урбанизированном обществе может оказаться сильнее, чем противоречие между стихией и порядком в послереволюционном крестьянском обществе.

<...>

Ландыш [Ю. А. Щеголев. - А. А.], апрель-май 1979

П. 1-6.4. Ящик для грядущей Пандоры

[Ниже - еще один из экспертных листов опроса «Ожидаете ли Вы перемен?».

Этот текст, от апреля 1981 г., принадлежит моему другу и коллеге - социологу Анри Абрамовичу Кетегату (г. Вильнюс).

Идентифицировать автора помог случай: Анри «узнал» себя в этом тексте, когда он впервые был опубликован, анонимно, в сборнике: Ожидали ли перемен? (Из материалов экспертного опроса рубежа 70-80-х годов). М.: Институт социологии АН СССР, 1991.⁷ - А. А.]

Экспертный лист ¹ 45

I-II

1. Усугубление и накопление *[проблем. - А. А.]*.

2. Воздержусь. Во-первых, изложение наблюдений оказалось бы более объемным и менее упорядоченным, чем я могу себе позволить. Во-вторых, в немалой (может быть, даже достаточной) степени соответствующий материал приведен в ответах на др. вопросы.

«Накопление» кажется здесь словом, обозначающим не только объективную тенденцию, но и установку (вряд ли сознаваемую) нынешнего населения Олимпа, его политический быт. В интересующий интервьюера период интенсивность попыток - пусть неэффективных и даже просто бестолковых - решить насущные общественные проблемы заметно шла на убыль. Курс государственного корабля стабилизировался за счет того, что на капитанском мостике почти уже и не гадают, где рифы (при прежнем капитане хоть гадали). Пожалуй, это недалеко до «после нас хоть потоп». Тем более, что «нам» до «после» каких-то «четыре шага».

«Врожденные», изначально обреченные на усугубление, противоречия общества, о котором идет речь, помноженные на «приобретенную» инертность руководства по отношению к проблемам, рождаемым этими противоречиями (едва ли не единственное «научение», способность к которому обнаружило руководство обсуждаемого периода), формируют ящик для грядущей Пандоры.

3-4. Пожалуй, для всей предшествующей истории рассматриваемого общества действительно третья из предложенных позиций *[см. вопросник,*

⁷ О социологе-рабочем А. А. Кетегате см. подробнее в главе 5: раздел «Все мы, Серега, лошади. Стреноженные. Но ржем по-разному...».

выше. — А. А.]. Десятилетиями оно демонстрировало свою устойчивость вопреки усугубляющимся противоречиям. Были попытки решить **дочерние** проблемы, чередовались оттепели и заморозки, но принципиально климат не менялся. Исконные, фундаментальные противоречия не разрешались по той простой причине, что их действительное разрешение означало бы для данной социальной системы самоубийство.

Система адаптировалась к ситуации «на грани кризиса». Случалось, она переступала эту грань (например, на рубеже 20–30-х гг.), но кризисы не переходили в агонию, хотя язык не поворачивается назвать сменявшее их состояние выздоровлением.

Так было. Но будет ли?

Мне кажется, процесс усугубления противоречий приближается к точке, превосходящей адаптивные возможности рассматриваемого социального организма. Еще не вечер, но уже сумерки. Нынешняя устойчивость — устойчивость (сохранность) ледника, сползающего с горы.

5, 9, 10. **Экономический кризис**. Обнажение его глубинных причин на фоне вялых и бесплодных (не потому, что вялых) попыток создать эффективную систему регулирования и управления народным хозяйством. Появление даже в массовом сознании догадок о том, что суть дела не в недостаточной смелости этих попыток, а в принципиальной несостоятельности самой экономической структуры.

Я употребляю осторожную формулировку — «появление догадок», поскольку массовое сознание находится лишь в начале трудного пути к прозрению. Пока в нем господствует объяснение экономических трудностей с помощью пропагандистских клише («за мир надо платить») и бытовых наблюдений, отчасти также провоцируемых системой пропаганды (плохие исполнители гробят хорошие директивы, «не хотят работать», «воруют» и т. д.). Ближе к прозрению та — немалая! — часть массы, которая настроена критически по отношению к руководителям страны (персонально) и даже некоторым элементам социальной организации (к засилью партийной бюрократии, к существующей системе привилегий, к бутафорским выборам и проч.).

Окулистом, который снимет с глаз пелену, точнее — подготовит пациента к операции, будет прежде всего прилавок, главным образом продовольственных магазинов. (Впрочем, «час X» наступит до прозрения, просто в результате того, что упомянутая «немалая часть» по мере дальнейшего оголения прилавка станет значительным большинством.)

В прошлом бывали периоды, когда сельское хозяйство страны оказывалось в еще более плачевном состоянии. Но голод — функция не только предложения, но и спроса. В последние годы он обостряется как потому, что «хлеба» становится все меньше (в душевом ли исчислении или даже валовом — не знаю), так и потому, что нормализовался, в сравнении с прошлым, аппетит потребителя. Системе все труднее подсовывать массовому сознанию «уважительные причины» прогрессирующего оскудения рынка продовольственных товаров.

«Нормализация» аппетита — продукт: а) «нормальной» социальной ситуации (мир, а не война); б) просачивания сквозь прорехи, образовавшиеся в железном занавесе в последние два с половиной десятилетия, информации о том, как «люди живут»; в) воздействия установок самой официальной пропаганды («все во имя человека») — с тех пор, как система была вынуждена перейти от пропаганды идеалов жертвенничества как платы за вход в грядущее тысячелетнее царство к более уважительному отношению к текущим бытовым потребностям людей. В последнем случае система сталкивается с бумеранговым эффектом последенных усилий. Переориентация пропаганды была вынужденной реакцией компенсаторного свойства на идейное ослабление режима. Но, стимулируя потребление пропагандистскими средствами и не будучи в состоянии обеспечить соответствие реального пропагандируемому, он [режим. — А. А.] еще более компрометирует себя.

Итак, с одной стороны — рост в массах потребительской ориентации, с другой — неспособность системы угнаться за этим процессом. Не нужно богатого воображения, чтобы признать за этими ножницами преимущественное право на комплимент: «Ты хорошо роешь, старый крот!».

Я отдаю экономике приоритет в ряду детерминант кризисной дестабилизации системы не потому, что она всегда — «базис». К этому побуждает состояние общественного сознания, которое ориентировано экономически и не столько на экономическую структуру общества (такая ориентация была бы уже идеологической), сколько на эффект структуры в сфере потребления.

Кризис (или канун его) **национальных отношений**: а) усиление, в том числе в доминирующем этносе, «тоски» по национально-культурной самобытности; б) рост сепаратистских настроений в коренных, но не доминирующих этносах; в) исход из семьи «народов-братьев» двух национальных меньшинств, для которых в последние годы приоткрыли двери. [*Имеются в виду евреи и немцы. — А. А.*]

Национальная проблема обострилась во многих странах. Но в той динамике, которую она претерпевает в обществе, являющемся предметом нашего обсуждения, проявляется не столько мировая тенденция, сколько специфичные для него распадные процессы.

Кризисные явления в идеологии (официальной) **и морали** (всякой). В идеологии это прежде всего:

а) Уже обеспеченная победа в массах потребительской ориентации над идеологической.

б) Прогрессирующая аморализация реальных мотивов вступления в партию — не по убеждению, а карьеры ради. Трудности, которые в связи с этим испытывает руководство в своем стремлении (скорее охранительном, чем догматическом) обеспечить партии преимущественно «пролетарский» состав: рабочие не идут в партию, поскольку не делают карьеру.

в) Ставшее приметой времени бегство недавних адептов официальной идеологии в частную жизнь (массово-культурный вариант), в движе-

ние протеста или, чаще, социально-культурную активность неофициального толка (элитарно-культурный). Я уж не говорю о бегстве за кордон.

В области «всякой» морали мне кажется важным выделить следующее:

а) Расцвет черного рынка. По своей роли в удовлетворении потребностей населения (не в продуктах питания) он успешно конкурирует с государственной торговлей. Тем более успешно, что именно государственная торговля является его основным поставщиком — как в легальной форме (закупка спекулянтами товаров **через** прилавок), так и в нелегальной (**из-под** прилавка). Существенно, что герои черного рынка — главным образом молодые люди, для которых он не только источник бытового благополучия, но и форма «красивой жизни», социального самоутверждения. б) Коррупция, разъедающая сферу торговли и бытового обслуживания, систему образования, карательную систему. в) Повсеместное распространение взаимного, встречного взяточничества («ты — мне, я — тебе»), ставшего заурядной формой экономического обмена, а подчас и условием выполнения служебных поручений. Человек, который брезгливо отводит руку, когда его пытаются «отблагодарить», скоро станет, если так пойдет дальше, нонсенсом (в среде работников торговли и бытового обслуживания, наверное, уже стал).

Я обрываю этот печальный перечень, не исчерпав его. Сказанного достаточно, чтобы показать крах, который система потерпела в том, что было главным и самым притягательным из начертанного на ее знамени: «каждому — по труду». Некогда этот принцип вошел в массовое сознание как гарантия главной для него ипостаси социальной справедливости — в сфере распределения. Широкое распространение названных форм аморального социального действия означает утрату им прежнего морального статуса. На освобождающееся место успешно претендует миф нового «частного предпринимательства». Этот вариант экономической активности мыслится его адептами как естественный («каждый думает о себе») и справедливый («каждому — по способностям»). Система виновна в этом и потому, что «честный труд» оказался плохим кормильцем, и потому, что в ее рамках «бесчестная» предприимчивость — единственно доступная форма инициативного поведения в хозяйственной жизни.

В целом рост аморализма — это, разумеется, не специфичная для данного общества тенденция и вызывается [она. — А. А.] не только специфичными для него (системными) причинами.

Не только, но и ими тоже. Укажу лишь на одну из таких причин, не самую, может быть, главную, но реже других отмечаемую, — деморализующий эффект узурпации режимом права выступать от имени морали (всякое инакомыслие аморально). Многие, теряя доверие к режиму, теряют и уважение к нравственным ценностям, зачисляя их по ведомству «пропаганды».

Два характерных эпизода. Молодой рабочий, настроенный критически и одновременно эгоистически-потребительски, после лекции с вызовом спрашивает лектора: «Так значит у нас все хорошо?» — «Почему?». — «А вот вы все говорили: мораль, мораль...». О «нас» речи в лекции не было. Сама

по себе апелляция к морали воспринята как форма апологетики. Другой молодой рабочий в частной беседе говорит, что «люди уже ни во что не верят» и что «патриотизма нет». Контекст беседы не оставляет сомнений: для него первое равнозначно второму, т. е. патриотизм — это верноподданничество. Резюмируя, я, пожалуй, решусь сказать: наступает кризис общества в целом.

6. Думаю, можно *ожидать перемен*. — А. А.]. И именно коренных. Наступающий кризис вряд ли будет скоротечным, но в конце концов перейдет-таки в агонию. Все ресурсы системы — экономические, социально-политические, идейно-нравственные — близки к истощению. Она все более теряет способность к воспроизводству условий ее сохранения.

7. Это, пожалуй, самый трудный вопрос *[перемены — «к лучшему» или «к худшему»?* — А. А.]. Не столько в смысле трудности прогнозирования (хотя и в нем тоже), сколько в смысле ужасности прогноза, который кажется, как минимум, не менее вероятным, чем его благополучная альтернатива.

Да, темницы рухнут. Но что нас встретит у входа? Не погребут ли обломки и тюремщиков, и заключенных? Не попытаются ли тюремщики (тюремная система) спастись отчаянными шагами, которые приведут к мировой катастрофе?

Вся история этого общества — трагедия. Трагедия национальная и — в силу его до поры небезуспешной идеологической и в еще большей степени политической экспансии — мировая. Мое нравственное сознание рождает надежду на то, что эта трагедия в конечном счете окажется все-таки оптимистической. Но надежда здесь не сестра веры. Она ее дочь.

Я повторю вслед за — не помню кем: моя вера оптимистична, мое знание пессимистично.⁸ К сожалению, до сих пор моей вере удавалось одерживать над моим знанием лишь временные победы.

А движение по дороге к неведомому исходу вряд ли будет однонаправленным.

Мое понимание «лучшего» и «худшего»?

Лучшее — переход от идеократии и, соответственно, господства жреческой бюрократии к идеологическому и политическому плюрализму. Это, разумеется, предельный вариант (ликвидация самой системы), но любое принципиальное улучшение в этом обществе может быть только предельным.

Худшее. В пределе это уже упоминавшаяся мировая катастрофа (война сверхдержав). Если же говорить о не самом худшем, то — регресс к имевшей место в прошлом наиболее одиозной форме идеократии, расширение и активизация террористической охранительной политики, внутренняя бойня как последняя надежда режима.

Думаю, однако, что «не самое худшее» может быть лишь моментом движения, но не его итогом. Возобладать в конечном счете и просто на сколько-нибудь длительное время ему не суждено. Ибо, повторяю, ресурсы системы истощаются.

⁸ Это высказывание принадлежит А. Швейцеры

8. [*Ожидая перемен... — А. А.*] резких, крутых. Общества такого типа не обладают эластичностью, необходимой для медленных, постепенных **существенных**, тем более — **коренных** перемен. «Полусущественные» перемены к лучшему, имевшие место в течение последней четверти века, оказались в значительной мере (к счастью, не вполне) обратимыми именно в силу своей постепенности (ограниченности).

Если говорить о крахе системы, то единственно возможная его форма — катаклизм. История, насколько я знаю, не нашла в прошлом иных путей разрушения обществ, обладающих существенным сходством с рассматриваемым, и вряд ли найдет в будущем.

К сожалению, гораздо меньше оснований для уверенного ответа на вопрос, чем будет этот катаклизм — концом света или, бог даст, лишь концом тьмы.

III

12–13. Бродил по Европе призрак⁹. И обрел призрак плоть. И ужаснулись люди виду его и отпрянули.

Не всяк отпрянул. Иной думает — недостроена еще плоть, иной — так строили.

Но побрел по Европе кризис. Кризис того самого. Заметался призрак во плоти своей. А раненый зверь, он опаснее. Что-то будет?

Что-то будет.

Кризис бродит: а) в главной призрачной державе; б) в содружестве призрачных стран; в) в призрачном движении вообще, включая тот его поток, где призрак так и остался призраком и никаких шансов на материализацию не имеет.

Кто более матери-истории ценен? Что важнее?

Сию минуто — кризис (б), еще Нже — события в соседней призрачной стране [*в Польше. — А. А.*]. В случае успеха в этом бараке поднимутся другие бараки-сателлиты, и — не станет лагеря. Дурной пример заразит население главного барака — оплота призрачной плоти, — и не станет плоти у призрака. Тут и сказке конец.

Станет ли сказка бльью?

Трудно отбирать у себя надежду. Но еще труднее поверить в то, что лагерная администрация уже в ближайшие месяцы (а все решится именно в ближайшие месяцы) настолько ослабеет, что не поднимет кнут, которым до сих пор загоняла заблудших овец в стадо. Она еще поколеблется, еще потянет: опять скандал, да судя по всему — небывалый, не с укоризной только, а с попыткой схватить пастуха за руку... Она еще потянет, но у нее просто не будет иного выхода. А силы еще будут. И как бы тут не пришел конец не одной лишь сказке.

⁹ «Коммунистический манифест» К Маркса и Ф Энгельса, как известно, начинался словами: «Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма...»

Не только сию минуту, но вообще в обозримой перспективе из двух ипостасей кризиса, которые «внешние факторы», более существенное влияние на развитие рассматриваемого общества окажет первая. Потому что здесь призрак — во плоти. А это — случай, когда плоть сильнее духа. (Множественное число: дНхи.)

В том же, что касается направления влияния, много проблематичного. Так, упомянутые события в одной из призрачных стран (Польше) — превосходный **стимул**, в высшей степени конструктивный, как прецедент — самый опасный для системы. Но ближайшей **реакцией** будет ужесточение лагерного режима в политической и идеологической областях. Правда, в хозяйственной жизни, по-видимому, вынужденно активизируется политика осторожных либеральных проб. Чтобы снять со своего горла костлявую руку народного голода, система, возможно, пойдет на некоторые отступления от своего священного писания, памятуя о спасительном эффекте отступления — «чтобы дальше прыгнуть» — 1921 г. (НЭП).

Среди рядовых обитателей «оплота» усилится политическое расслоение. С одной стороны, в массовом сознании этноса-гегемона громче заговорит имперская спесь, дворовая психология («наших бьют»), что на время вытеснит из многих голов претензии к домоуправлению по поводу внутренних дел. С другой стороны, получают новую и весьма калорийную пищу оппозиционные настроения среди «интеллектуалов», а в западных этносах, «воссоединенных» с гегемоном недавно и обладающих травматическим опытом взаимодействия с ним как в призрачные, так и в доприз-рачные времена, — и в массах.

Обострится и кризис (в). Произойдет дальнейшее — и резкое — падение престижа призрачного движения, усилятся противодействие ему.

(Не лишне вспомнить, что в прошлом веке именно события в беспокойной сейчас стране, родственные нынешним, привели к организационному оформлению этого движения в международном масштабе. По словам весьма авторитетного лица, «у колыбели Интернационала стоял польский вопрос». «Пролетарии всех стран соединились», демонстрируя свою поддержку вспыхнувшему в этой колонии восстанию против метрополии.)

О сравнительной силе влияния кризиса (в) на эволюцию общества, о котором речь, я уже говорил. Внелагерный поток все более выходит из-под централизованного контроля, и здесь центр располагает куда меньшими страстательно-непущательными возможностями. Однако этот процесс и не столь болезнен для него, как еретическое движение в лагере. И все же центр вынужден оглядываться на недосыгаемых бунтарей, что несколько ограничивает свободу его действий «у себя дома».

И, наконец, еще об одном внешнем факторе, относящемся к числу первостепенных, — о Великом противостоянии. Миф врага — существеннейший элемент системы идеологического жизнеобеспечения обществ рассматриваемого типа. Манихейские страсти — цемент, употребляемый

при строительстве здания «морально-политического единства», и моральный источник санкций к еретикам, которые непременно — «рука дьявола».

Враг нужен, враг полезен. Если бы его не было, его надо было бы выдумать. Но он есть. И полезен лишь до тех пор, пока снисходителен и терпелив, пока на глупейшие песни про то, как «сурово брови мы нахмурим, если враг захочет нас сломать», отвечает здоровым смехом, пока ограничивается **осуждением** экспансионистских акций призрака во плоти.

В самое последнее время появились признаки того, что терпение врага лопнуло. Последствия этого могут быть самыми трагическими, если его контрагент не умерит пыл.

Умерит ли? В том, что касается сохранения империи, — нет. В том, что касается ее расширения, — да.

Трудно сказать, является ли новая ситуация еще одним катализатором внутреннего кризиса. Несомненно, она потребует еще большего напряжения от экономики страны, но и подольет масла в пропагандистский котел: легче будет сваливать на врага ответственность за «затягивание поясов». Таким образом, новый курс врага сработает в направлении экономического и внешнеполитического ослабления системы, но станет фактором ее временной идеологической и — если идеологический выигрыш перевесит экономический ущерб — внутривластной стабилизации.

14. Мне трудно отвлечься от системы координат, заданной национальному самосознанию экспериментом самодержца первой четверти XVIII века.

Думаю, будущее за западным влиянием. Распространение западного образа жизни в его существующих чертах (индустриализм, верховенство закона, либерализм, индивидуализм и проч.) — устоявшаяся мировая тенденция. Другое дело — как его встречает «местная почва», что из этого получается и насколько он хорош сам по себе.

Я не оспариваю исторически обусловленную «особенную статью» страны. Но даже автор крылатых слов о «статии» все-таки измерил ее, вопреки собственному предостережению, «общим» (западным) аршином:

Над этой темною толпой
Непробужденного народа
Взойдешь ли ты когда, свобода,
Блеснет ли луч твой золотой?

В рамках застольной оппозиции, да и в более серьезной среде, этот вопрос звучит немногим чаще, чем скептические ответы на него. Скепсис обычно связывается с «особенной статьёй».

Действительная оппозиция (впрочем, не всякая) самим своим действием показывает, что не считает ее неодолимой.

IV

15. В переменах «к лучшему» объективно заинтересованы все, кроме властвующей элиты. Но далеко не все из этих «всех» разделались с мнимым интересом, впрягающим их в одну упряжку с элитой.

В сохранении нынешнего состояния заинтересованы социальные импотенты, нуждающиеся в импотентной системе. Они обладают соответствующим их амбициям статусом или считают его достижимым в условиях «статус кво». Основной «арал» этого настроения — партаппарат вместе с его идеологическими оруженосцами и тайной полицией.

Заинтересованные в переменах «к худшему» — тоже импотенты, но способные испытывать возбуждение от «сильной руки» харизматического лидера. Социальный арал — тот же.

16, 17, 22. Подтолкнет [к переменам. — А. А.] — сама общественная ситуация, прежде всего голод в вышеуказанном смысле. Когда же «начнется» (более или менее стихийно), на авансцену выйдут нынешние идеологи и практики протеста, которые пока, как и их далекие предшественники, «страшно далеки от народа». В этом они неповинны, ибо лишены каких бы то ни было организационных и технических возможностей.

Час «Х» пробьет, когда поднимутся — в забастовочном варианте — промышленные и транспортные рабочие. Требования будут экономические, скорее всего прилавочные. Власти попытаются откупиться разовыми подачками. Но и на подачки у них уже будет кишка тонка, и рабочие созреют настолько, что на подачках не успокоятся. К рабочим примкнут другие непривилегированные слои.

«Протестанты» дадут движению лидеров и программу — не максималистскую, в пределах существующих (на бумаге) конституционных норм. Они попытаются удержать бунтарей в рамках законных, ненасильственных форм борьбы. Но последуют репрессии, и это самый темный пункт.

Карательные органы сами не справятся. Поскольку на этот раз место действия — метрополия, некому будет осуществить акт «интернациональной помощи». Значит, своя армия? Но речь о ситуации, когда массы созрели. Стрелять в рабочих должны будут рабочие же, сыновья рабочих, «корешки» рабочих, на каких-то два-три года оторванные от своей среды. Подсунуть им байку о «руке дьявола» вряд ли удастся... Они готовы петь «солдатушки — бравы ребята», но не гимн легионеров из романа братьев Стругацких «Обитаемый остров». (Железный наш кулак / сметает все преграды. / Довольны Неизвестные Отцы. / О как рыдает враг! / Но нет ему пощады. / Вперед, легионеры-молодцы!)

Смелое допущение. На кончике пера — «свежо предание...». И все же. Не думаю, чтобы Неизвестные Отцы решились на такие репрессии, которые потребовали бы использования армии. Рискованно. Скорее они прибегнут к обкатанному варианту «козла отпущения» — пожертвуют своим лидером, как уже не раз, с их ведома, делали их марионетки в той или иной неспокойной «братской» стране.

Состоится коронация рыцаря на красном (обязательно красном) коне. Но опять-таки речь о ситуации, когда массы созрели. Рыцарю со товарищи придется, чтобы наладить отношения с неверноподданными подданными, порозоветь, пойти на ограничение «элитодержавия». Это и будет той бре-

пию в идеократической системе, залатать которую уже не удастся. Все выше волна общественной самодеятельности. Процесс станет необратимым.

А может, у идеократов достанет осмотрительности и решимости упредить массовые выступления — выпустить на арену рыцаря перед последним звонком? А он окажется новым Дубчиком и, поскольку из метрополии, — счастливее своего колониального предшественника? Да, конечно, коридор анонимной власти пропускает лишь анонимов, лишь тех, кто шагает в ногу. Но в критической ситуации даже аноним (разумеется, если он не «безнадежный») может сбиться с ноги и обрести лицо. Предложенные сценарии тривиальны. Они списаны с прецедентов.

Быть может, у меня не хватает социологического воображения. *[Похоже, что у Истории воображения тоже «не хватило»! — А. А.]* Или, наоборот, оно слишком взвырало?

...

«Касл вздохнул, поглядел на вечернее небо:

— Дела, дела, дела...

— Как?

— Так мы, боконисты, говорим, — сказал он, — когда чувствуем, что заваривается что-то таинственное» (*Курт Воннегут. «Колыбель для кошки»*).

...

Что касается типов людей (личностей), то с «подталкиванием» справятся те, кто обладает более или менее развитым, не серийным (в официозном плане) самосознанием, но не обязательно склонен и способен к социальному творчеству. То есть те, у кого от ежедневного излучения из ставки Неизвестных Отцов болит голова (см. роман Стругацких). Но когда процесс станет движением, обретет лидеров, решающую роль в осуществлении коренных перемен сыграют люди, обладающие помимо «головной боли» конструктивным мышлением и способностью к конструктивному действию.

Ожидаемое различие в типах личностей, которые на разных стадиях процесса будут рекрутироваться им на ведущие роли, связано, таким образом, с предположением, что он *[процесс. — А. А.]* начнется как выступление «против» и лишь позднее обретет качество «за».

Активное противодействие окажут не просто конформисты, но догматики, люди, мышление которых отмечено выраженной ригидностью установки, что помешает им сменить конформное отношение к существующему режиму на конформное отношение к набирающей силу оппозиции. Непременная черта их характера — авторитарность. Иначе говоря, это — «легионеры».

Разумеется, я говорю о полюсах тяготения. Реальная картина будет мозаичнее.

18. О многом я уже сказал в ответах на вопр. 5, 9, 10. Могу добавить следующее.

а) Зародышевые акты самодеятельного профсоюзного строительства. Легкость, с которой государство подавило первые попытки, не должна

приводить к их недооценке: тут мы имеем дело с лепкой новой (для данного общества) и наиболее конструктивной формы дестабилизирующего поведения масс, а не культурной элиты.

б) На второе место (по симпатичности и значимости) я бы поставил правозащитное движение.

в) Весьма показательна динамика, которую претерпевает недовольство во творческой интеллигенции и рядовых потребителей культуры (главным образом молодежи) бюрократическим контролем за культурным производством и потреблением. Недовольство это элитарное, оно — ровесник системы (как, впрочем, и недовольство «слабостью» контроля, «либеральничаньем»). Но даже в период явного его проявления в конце 50-х — начале 60-х гг. дело не доходило до организованного неподцензурного творчества и потребления культуры. До самовольных публикаций за рубежом. До голосования деятелей культуры против режима «ногами» (как не в обычаях страны голосовать руками). То есть — до кристаллизации недовольства в практику непослушания.

г) Религиозный Ренессанс. Будучи явлением мировоззренческим, он вместе с тем и фактор политической дестабилизации, поскольку, сталкиваясь с государственными репрессиями, сливается с движением протеста в его правозащитном варианте.

19. На наибольшую роль претендуют два фактора:

а) пример, который сейчас подается пролетариям всех «братских стран» в одной из них [*Польша. — А. А.*];

б) протесты мировой общественности против инквизиторских методов борьбы с инакомыслием, перерастание во «вражеских» странах этого общественного движения в государственную политику, а кое-где и в политический курс призрачных партий.

(Абстрактно говоря, «пример» — важнее. Но реакция на него отечественных рабочих, «подхват почина», — дело будущего, в то время как некоторые плоды зарубежной солидарности с отечественным инакомыслием уже налицо.)

Стоит упомянуть также психологическую поддержку, которую еретические силы получают от культурного обмена, пусть контролируемого государством, а также в виде багажа впечатлений, привозимых участниками туристских поездок за рубеж.

20. То, что началось, — подготовка почвы. Сами же перемены начнутся где-то на исходе нынешнего десятилетия [*80-е гг. — А. А.*].

Не думаю, чтобы экономических ресурсов хватило на более длительный срок.

Некоторую роль, возможно, сыграет и тот факт, что у власти уже будет новое (персонально) руководство. В условиях вскрывшегося ящика Пандоры ему придется, хотя бы для самоутверждения, на что-то решаться. Это «что-то» — то ли своей «хорошестью», то ли своей «худшестью» — также может стать импульсом к переменам.

Если не случится самое худшее...

Без псевдонима [*А. А. Кетегат. — А. А.*], апрель 1981

Ремарка: историческое воображение друга.

Как уже говорилось, Анри Кетегат был четвертым (после Юрия Щеголева, Сергея Розета и меня) социологом-рабочим из нашего круга.

...Писано это уже в пору его работы слесарем-сборщиком на заводе — 1981 г.

*Не знаю, сумел ли бы Анри написать — вот так — парой лет ранее. Я, во всяком случае, таким социологическим (историческим?) воображением, не говоря уже о раскрепощенности мысли и слова, в конце 70-х (когда сочинялась методика «Ожидаете ли Вы перемен?») и вынашивалась идея эксперимента социолога-рабочего) **не обладал.** (Июль 2000).*

* * *

Есть две территории жизни: **история**, состоящая из **посторонних** имен, событий и безымянного месива масс, и **за-забором-истории** — это **свои**, вплотную — во весь рост — живые. Эти голоса, фигуры, глаза, жесты и события, не передаваемые никакими «публикациями» — только чуть помеченные этими текстами — опубликованы во мне, в нас, тиражом в оставшихся в живых (тираж иссякает); но пока остается хоть один из участников и у него не отшибло память — все авторы живехоньки.

*Сергей Рапопорт. Приглашение-I//
Альманах для своих. Вильнюс, 2001, с. III.*

Конец тома 1

Сокращенное оглавление тома 2

Глава без номера. Интермедии

Часть 2. Контрапункты

Глава 7. «Дело» социолога-рабочего (начало)

Приложения к главе 7 Глава 8. «Дело» социолога-рабочего (продолжение)

Приложение к главе 8 Глава 9. Год Оруэлла (1984) Глава 10. Перемен не надо ждать. Их надо делать!

Приложения к части 2

Вместо заключения

Алексеев Андрей Николаевич
Драматическая социология и
социологическая ауторефлексия
Том 1

Оригинал-макет подготовлен издательством «Норма»
Технический редактор - Н. М. Фофанова Художник - Ю. Н.
Куршева Компьютерная верстка - Т. Е. Коськова Корректор - Н.
Н. Калинина

ЛР ¹ 063113 от 15.12.98.

Сдано в набор 1.09. 2002 г. Подписано в печать Формат
60x90/16. Бумага газетная. Печать офсетная. Гарнитура Tense.
Усл. п. л. 37. Тираж 400 экз. Заказ ¹

Издательство «Норма» 192102, Санкт-
Петербург, ул. Салова, 37 **И** 199406,
Санкт-Петербург, а/я 182 E-mail:
nor@peterlink.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии газеты «На страже Родины»
191186, Санкт-Петербург, Дворцовая пл., 10